В.С. ХЕЛЕМЕНДИК

ЖУРНАЛИСТИКА

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

ПЕДАГОГИКА

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

В.С. ХЕЛЕМЕНДИК

ЖУРНАЛИСТИКА
ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ
ПЕДАГОГИКА
ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

Москва-2014

Хелемендик В.С. Журналистика, искусствоведение, педагогика, избранные труды. - М.: Издательство «Русника», 2014, 446 с., илл.

Научный редактор - Мизеров С.В.,
почетный работник высшего профессионального образования РФ, кандидат философских наук, профессор-консультант Академии медиаиндустрии, член Евразийской академии телевидения и радио

Рецензент - Черняк А.В.,
доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник культуры РСФСР

Издание приурочено к 55-летию научной и проффесиональной деятельности и 80-летию со дня рождения доктора исторических наук, профессора, члена-корреспондента Российской академии образования, действительного члена Российской академии естественных наук В.С. Хелемендика.

© В.С. Хелемендик, 2014.
© Издательство «Русника», 2014.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия 7

ЧАСТЬ I. ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СМИ 55

Раздел 1. Система СМИ: развитие, генезис, современность 55

Союз пера, микрофона и телекамеры 56

Кольцевой пресс-контроль 128

Какая книга нужна селу 130

Побуждение к размышлениям 134

Конвергенция как современная форма взаимодействия СМИ 140

Раздел 2. Ценности как фундамент функционирования СМИ 155

Стержневая проблема духовного возрождения 155

Традиции и ценности Православия в региональной печати 158

Главные компоненты национального и социального статуса СМИ 174

ЧАСТЬ II. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ 217

«Всеволод Вишневский» 218

У истоков судьбы 295

«Самое горячее, самое близкое моей душе дело...» 306

Высоты человеческого духа 313

Озаренный яснополянским светом 335

ЧАСТЬ III. ПЕДАГОГИКА 345

Перестраивать человека 346

Не столкнуть вниз 372

Подлинная школа мысли 375

Притягательная сила книги 382

О королях, Анжелике и педагогике 393

Сплав традиций и новаторства 397

ЧАСТЬ IV. ИСТОРИЯ **411**
Первый высший орден России 412
Верность Государю – верность Отечеству 419

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ 428
ПРИЛОЖЕНИЕ 429

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

ДИАЛОГ

В.С. ХЕЛЕМЕНДИКА, доктора исторических наук,
профессора, члена-корреспондента
Российской государственной академии образования,
члена Союза писателей СССР

и **А.В. ЧЕРНЯКА,** доктора исторических наук,
профессора, Заслуженного работника
культуры РСФСР

Виктор Сергеевич, жизнь свела нас с Вами более трех десятилетий назад. У нас одна альма-матер – Академия общественных наук, после ее окончания были членами совета по защите кандидатских и докторских диссертаций в этом научном учреждении, оба несколько десятилетий занимались практической журналистикой и научными исследованиями; сегодня снова в одном диссертационном совете – Академии медиаиндустрии, так что хорошо знаем друг друга.

Пользуясь случаем, хочу Вас поздравить с 80-летием. Вами сделано немало, о чем свидетельствует и данный сборник, который предлагается читателям. Им, как и мне, будет интересно узнать о первых Ваших шагах на жизненном пути. В какой семье родились, где учились, словом, где истоки формирования гражданина, ныне известного и за пределами России ученого?

– Родился я в селе Жовта Круча – в тридцати километрах от столицы Запорожской сечи – острова Хортица. Отец – Сергей Яковлевич – председатель колхоза, мать – Татьяна Романовна – учительница. Родословная, увы, короткая. Дед по материнской линии – круглый сирота. Громада (община) помогла получить профессию портного, приобрела для него швейную машину «Зингер», на которой он проработал всю жизнь. Дед по отцовской линии – рабочий ремонтных мастерских – в 1918 году оказал сопротивление немецким оккупантам, был отправлен в Запорожье и там расстрелян...

Моему отцу тогда было 8 лет, он окончил 4 класса приходской школы. Новая жизнь открыла горизонты: активному, деятельному комсомольцу в 22 года доверили организацию колхоза. Когда спустя 20 лет я как журналист побывал в Жовтой Круче, сельчане по-доброму говорили о первом председателе колхоза. В 37-ом году по ложному доносу отца арестовали; через несколько месяцев выпустили. Спустя два года (все это время он

Татьяна Романовна и Сергей Яковлевич Хелемендики, 1952.

был безработным) восстановили в партии. Его организаторские способности помнили и доверили руководить строительством шоссе Запорожье–Михайловка. Отец воевал, награжден орденами Красной звезды и Отечественной войны, медалями «За взятие Кенигсберга» и «За освобождение Праги».

Это о семье. Теперь где и как учился? Первой школой, как и для большинства моих ровесников, была Великая Отечественная война. Ее лицо – это разорвавшиеся бомбы в нескольких метрах от подвала (дети подальше от входа), грабеж и мародерство захватчиков, физическое и нравственное унижение всех. Это и поиск коммунистов (или их детей, которых надежно прятали соседи, передавая друг другу – мне в этом смысле повезло). Это и виселица на центральной площади села с надписью на груди повешенного «Партизанен». Это и угон на каторгу рейха

юношей и девушек (моей тете Нине тогда исполнилось 15 лет), – для гитлеровской Германии нужна рабочая сила, рабы, а «унтерменши», «недочеловеки» как раз для этого подходят. Я хорошо помню повисший в воздухе вселенский плач, когда из *каждой семьи* забирали по крайней мере одного человека...

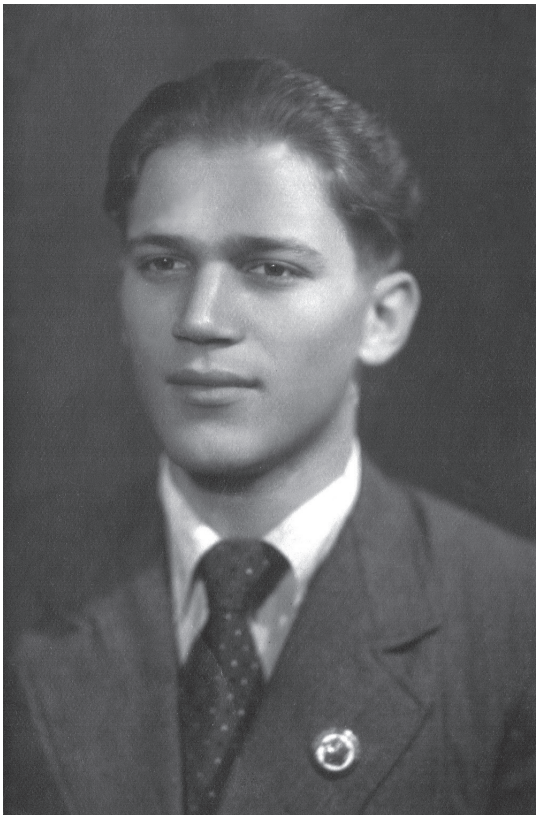
Ну а если говорить об учебе в школе в прямом смысле, то она началась с пяти лет: вместе со старшим братом научился читать, считать, осваивал и другие предметы. Первого сентября 1942 года пошел в школу села Тарасовка (здесь я жил во время оккупации в семье дедушки Романа). Молодая учительница (выпускница советского вуза!) раздала всем буквари и велела заклеивать портреты советских руководителей. Я отказался, тогда она крепко ухватила за ухо и вышвырнула из класса...

Уже после освобождения, проверив знания, меня приняли в третий класс...

После окончания средней школы оказался перед сложным выбором: мне нравились литература, история, химия и математика: «Выручил» справочник Киевского университета: философия – это ведь наука наук, в ней можно объединить все мои увлечения. Поступил на философский факультет, два года проучился, затем перешел на факультет журналистики, который и закончил с отличием в 1957-ом году. Конечно, теперь, задним числом, можно говорить, что в преподавании философских дисциплин тогда преобладал догматизм. И это правда. Но правда и то, что в программе философского факультета были серьезные предметы: история философии, психология, основы физиологии и высшей математики – все это так или иначе оставило свой след, по крайней мере в дальнейшем пробудило интерес к науке...

– Служебная, профессиональная лестница у каждого своя. Но у нее есть первая ступенька... Какова Ваша? А последующие ступеньки?

– После окончания университета получил назначение в редакцию республиканской газеты «Молодь Украины»



Студент первого курса философского факультета Киевского университета. 1953.

и был зачислен на должность литсотрудника. Затем, до 1992 года, менялись места работы, но, что примечательно, работы никогда не искал, она сама меня находила...

Расскажу подробнее об одном знаменательном в профессиональном плане факте биографии.

В мае 1964 года (тогда я работал уже в Москве, в журнале «Сельская молодежь») мне позвонил председатель только что созданного Комитета по печати РСФСР Борис Иванович Стукалин, пригласил к себе для разговора и предложил должность главного редактора общественно-политической и сельскохозяйственной литературы. Честно говоря это было настолько неожиданно, что я сразу же отказался: «Вряд ли справлюсь...»

Далее беседа совсем не вписывалась в формат обычного кадрового экзамена. Борис Иванович вспоминал о своей работе в воронежском «Молодом коммунаре», и выяснилось, что мы с ним коллеги в буквальном смысле, просто несколько разошлись во времени: он был главным редактором до 1957 года, я же стал главным редактором «Киевского комсомольца» спустя три года... И еще он подробно рассказал историю о том, как один киномеханик увлекся фотографией, приносил свои снимки, писал расширенные текстовки и был зачислен в штат «молодежки». Затем его пригласили в «Комсомольскую правду», где он проработал 60 лет – это был Василий Михайлович Песков...

Борис Иванович убедил меня стать профессиональным издателем. Думаю есть смысл пояснить, что работа в Комитете по печати в период его создания была отнюдь не руководяще-контрольно-бюрократической, напротив – творческой и по-своему созидательной. Наша главная редакция готовила обзоры издаваемой в РСФСР литературы, проводила семинары редакторов своего профиля – в Краснодаре и Казани, Иркутске и Свердловске, Воронеже и Саратове, Москве и Ленинграде. Я выступал с докладами, составленными на основе рецензий ученых НИИ Академии сельскохозяйственных наук, высококвалифицированных специалистов-практиков, журналистов, писателей. А еще было множество командировок в местные издательства, где требовалось вникать в финансово-экономические аспекты их жизни. И здесь, мягко говоря, далеко не всегда я был «в теме», чувствовал, надо бы еще поучиться...

Была еще одна причина, побудившая меня по-новому взглянуть на свой предшествующий опыт. В 1963 году я, инструктор ЦК ВЛКСМ, побывал во многих селах Черкащины в качестве одного из организаторов почина комсомольцев и молодежи области, суть которого заключалась в строительстве своими силами культурных и спортивных объектов (на базе материально-финансовых ресурсов колхозов и совхозов). Собственно, такой почин нуждался в распространении в других регионах страны, так как в этой области уже было доказано, что молодежь в со-

Редактор газеты «Киевский комсомолец» и поэт Роберт Третьяков. 1961.

стоянии внести серьезный вклад в создание культурной инфраструктуры села.

Любопытно, чем закончилась эта инициатива. По стандарту организации таких акций полагалось подготовить письмо Н.С.Хрущеву, а уже он тогда даст (или не даст) зеленый свет. Сочинить документ поручили мне. Когда текст отправили в ЦК партии, под ним был десяток подписей. В один прекрасный день меня зовут к «вертушке» – помощник «Самого» захотел уточнить детали и, как опытный аппаратчик, обратился к тому, чья фамилия была последней...

Назавтра разворачиваю номер «Правды», по редакторской привычке читаю придирчиво, есть ли правка. И вдруг обнаруживаю «чужой», новый абзац, где сказано примерно следующее: все-то вы, молодые, прекрасно задумали – строить клубы, танцплощадки,

стадионы, но главное – «изба красна не углами, а пирогами»... Сам Хрущев или его помощники «углубили» ответ, однако тем самым был перечеркнут основной замысел почина.

Горькое разочарование испытал я тогда, поскольку принимал участие в создании *видимости деятельности* во всесоюзном масштабе...

– Виктор Сергеевич, судя по Вашему рассказу, мысль о продолжении учебы овладела Вами именно в это время?

– Пожалуй, Вы правы, Александр Викентьевич. И серьезным импульсом явился не только анализ книг и брошюр, работы издательств, но и проведенная впервые в 1965 году поименная инвентаризация всех книг на складах издательств, книжных баз и магазинов. Справедливости ради отмечу, что одной из причин такой акции была и политическая конъюнктура: предполагалось изымать «труды» первого «перестройщика» – Хрущева, которого освободили от занимаемой должности. Каждая главная редакция должна была, изучив огромный каталог-перечень, сделать вывод: какая книга уже не имеет шансов быть реализованной и подлежит списанию. В ходе этого «исследования» бросилось в глаза, что нередко выходят в свет книги, брошюры типа «Массово-политическая работа во время жатвы». Тираж мизерный – 1000 экземпляров, из них продано 20. И аналогичных примеров насчитывалось тысячи. Это была имитация агитационно-пропагандистской работы «для отчета» – ущербной и с политической, и с экономической точки зрения, а также некорректной с научной: там, где для освещения той или иной темы достаточно газетной или журнальной статьи, выпускалась книга.

Так впервые (от противного) родилась тема будущего исследования: каковы взаимоотношения между составными частями системы печатных СМИ? И есть ли научная дефиниция понятия «система СМИ»?

Когда в 1966 году я поступил в аспирантуру Академии общественных наук и предложил тему диссертации,

Группа делегатов XIX съезда комсомола Украины. Автор – второй слева. 1962.

Редактор «Киевского комсомольца» вручает приз лучшему игроку матча «Динамо» (Киев) – «Спартак» (Москва) Йожефу Сабо. 1960.

руководитель секции журналистики профессор Борис Дмитриевич Дацюк отреагировал так:

– Проблемы взаимодействия печати, радиовещания и телевидения... А что это такое?

– Не знаю. Но хочу разобраться...

– Ну что же, дерзай...

Пришло время предварительной защиты, в качестве экспертов были определены ученые-практики, что очень существенно: заместитель председателя Гостелерадио Алексей Архипович Рапохин (радиовещание) и главный редактор литературно-художественных программ Центрального телевидения Николай Пантелеймонович Карцов. Состоялась двухчасовая дискуссия, рецензенты, видимо, от неожиданности исследуемой проблемы далеко не всё принимали, однако же диссертанта поддержали. А далее мне повезло еще больше: официальным оппонентом назначили автора первой в нашей стране диссертации по телевидению Рудольфа Андреевича Борецкого (впоследствии нас многие годы связывали дружеские отношения), который глубоко проанализировал содержание работы и одобрил ее основные идеи.

Возвращаясь к разговору с Б.Д.Дацюком, скажу, что «разбираться» в проблемах взаимоотношений компонентов медиасистемы мне пришлось многие годы. На эту тему опубликованы десятки статей на русском и семи иностранных языках, издана монография «Союз пера, микрофона и телекамеры» (она награждена премией Союза журналистов СССР за лучшую научную книгу 1977 года).

– К исследованиям взаимодействия и координации СМИ Вы обратились одним из первых. На научной конференции «Коммуникативные платформы для социальных и медийных инноваций», состоявшейся в мае 2014 года в Академии медиаиндустрии, добрым словом вспоминали Вашу книгу и говорили о том, что вопросы координации деятельности СМИ особенно актуальны сегодня, ибо информационное поле резко расширилось за счет интернета, развития социальных сетей.

Встреча с космонавтами В.И.Севастьяновым и В.Н.Волковым в издательстве «Молодая гвардия». Автор – второй слева. 1971.

Насколько я знаю, Вы продолжаете разработку данной проблемы. Как считаете, идеи Вашей монографии выдержали проверку временем?

– Ваш вопрос, Александр Викентьевич, совершенно справедлив. Научная саморефлексия, на мой взгляд, весьма желательна и даже необходима для любого ученого. За последние десять лет я опубликовал несколько статей об актуальности ряда идей «Союза пера...».

Сегодня некоторые исследователи считают, что конвергенция СМИ – *новое* явление. Я же утверждаю: это есть современная модификация взаимодействия медиакомпонентов. Практика деятельности конвергентных редакций свидетельствует о применении и в новых условиях разработанной мною и другими учеными, *методики организации взаимодействия*.

Главным отличием является то, что новый, «молодой» компонент системы СМИ – интернет-журналистика – оказывает неизмеримо большее, чем в свое время РВ и ТВ, влияние на систему в целом и на каждую составную часть в отдельности, вследствие чего интернет становится основной платформой для осуществления взаимодействия СМИ.

После 1991-го года в некоторых научных работах, диссертациях, не говоря уже о «желтых» медиа, идеологически переориентировавшиеся авторы сплошь и рядом характеризуют советскую журналистику как тоталитарную, якобы служившую подавлению личности – государство всё, человек – ничто...

В ответ на такие утверждения назову еще один важный индикатор *актуальности* «Союза пера...». Перечитываю текст и впервые задумываюсь – раньше и в голову не пришло бы – а каковы были, начиная с 30-х годов, *темы* совместных медийных акций?

... Проведение «декады гигантов» – радиовещание и печать взяли под перекрестный совместный контроль строительство Магнитки, Уралмаша и других строек, тех самых, от которых зависела судьба страны (и каждого отдельного человека!) в будущем – «иначе нас сомнут»; донецкая акция – внедрение новой техники на шахтах и заводах области; строительство Байкало-Амурской магистрали и т.д. и т.п. Главное – строительство, созидание, технический прогресс – этим жила тогда вся страна.

В наши дни история повторяется: Россия стоит перед сходным с 30-ми годами выбором – жизненно необходима, особенно в связи с санкциями Запада против нее, *новая индустриализация* (опять-таки – «иначе нас сомнут»!). В этом плане главы из «Союза пера...» сейчас злободневны, они вполне могут оказаться востребованными, полезными, ведь большинство нынешних российских журналистов, особенно федеральных СМИ, прямо скажем, не имеют представления, например, о том, что такое передовой производственный опыт, новые технологии в промышленности, строительстве, сельском хозяйстве.

Или такой конкретный пример. Основные содержательные узлы для публицистического исследования в «Смотре общественного питания» (Крымский эксперимент): организация быстрого и качественного обслуживания при сокращенном обеденном перерыве; пути удешевления общественного питания в столовых, кафе, буфетах; подготовка кадров поваров, официантов и

Обсуждение художественного оформления первой книги М.А.Ульянова вместе с директором издательства «Молодая гвардия» В.Н.Ганичевым. 1972.

т.д. «Смотр» продолжался три месяца, вскрыл многие недостатки и способы их устранения – представил целую программу деятельности для партийных, государственных и хозяйственных структур. Разве в центре внимания «Крымской правды», областного радио и телевидения не был человек, его потребности и интересы? Не это ли истинная забота о человеке? А теперь зададимся вопросом: можно ли представить в современных российских СМИ данную тему как предмет журналистского внимания? Ответ очевиден. Ведь за двадцать лет и само общественное питание как одна из составляющих социальной инфраструктуры

практически упразднено, по мнению «реформаторов», за ненадобностью.

– Журналистика сегодняшняя и вчерашняя – как говорится, две большие разницы. В своих трудах Вы исследуете и ту, и другую. Чем отличается советская журналистика от нынешней российской? Изменились ли функции СМИ в эпоху глобализации и какая журналистика имеет больше влияния на формирование общественного мнения?

– Я был рецензентом Вашей монографии «Изменились ли функции СМИ в эпоху глобализации?» и считаю, что выстроенная Вами концепция причин, характера и последствий перемен в медиасистеме является теоретически основательной и убедительной в своей аргументации.

Что касается моей позиции, то она в двух словах заключается в следующем:

– журналистика советская служила консолидации общества, распространению и сбережению традиционных ценностей, способствовала научно-техническому прогрессу и развитию всех отраслей экономики, науки, культуры, – то есть была *созидательной.* Поэтому основными функциями были непосредственно организаторская, аналитическая, пропагандистская и агитационная;

– журналистика современная российская фактически устраняется от выполнения социальных функций в прежнем понимании и объеме. На первый план нередко выступает *рекреативная* функция в ее антигуманистической форме – трансляция (особенно на телеэкране) пошлости, непритязательного развлекательства, эксплуатации эротизма, смакования сцен насилия, ужаса, страха и тому подобное.

– Координация СМИ – одно из направлений Ваших научных изысканий. И Вы сделали немало в разработке этой проблемы; потом неожиданно встали на другую малоисследованную стезю – возрождение отечественной культуры,

Встреча с А.Н.Пахмутовой и Н.Н.Добронравовым после получения сигнального экземпляра книги «Созвездие Гагарина». Редактор – Галина Петровна, жена автора – первая во втором ряду слева, далее – В.С.Хелемендик и В.О.Осипов, главный редактор издательства «Молодая гвардия». 1971.

сбережение традиционных российских и советских ценностей, стали их защитником тогда, когда так называемые либералы глумились над ними, когда слово патриот было чуть ли не ругательным. Это требовало определенной смелости, ибо сторонников советской цивилизации тогда клеймили позором,

ориентируясь на Запад. Что послужило основой для занятия такой позиции?

– Разумеется, каждый из нас не мог не задумываться о причинах разрушения Советского Союза, о том, что происходит в обществе в период «радикальных реформ», и, естественно, формировать свой взгляд на настоящее и будущее. Поэтому обращение к изучению проблематики ценностей продиктовала сама жизнь.

Летом 1998-го года в редакции журнала «Наш современник» я встретился с Валерием Николаевичем Ганичевым, председателем Союза писателей России, сопредседателем Всемирного Русского Народного Собора. В свое время мы вместе работали в издательстве «Молодая гвардия». Он пригласил меня на «круглый стол», посвященный обсуждению путей возрождения русской культуры, духовно-нравственного воспитания молодежи. Участники заседания – известные философы, историки, писатели. Глубоким по содержанию и ярким по форме был доклад Митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла (ныне Патриарх Московский и всея Руси), в котором представлена панорамная картина исторического противостояния православных и либеральных ценностей.

В своем выступлении я назвал проблему, без глубокого и всестороннего осмысления которой, трудно реализовать программу духовного возрождения – проблему ценностей: необходимо объединение людей на основе осознания преемственности и близости религиозных и советских ценностей.

С 1995 года ИПК работников ТВ и РВ проводил Всероссийский фестиваль-семинар «Православие на телевидении и радиовещании» (с 2005 года и в печати) – то была реальная и эффективная форма связи института с журналистами региональных электронных и печатных СМИ. На фестивале в Пензе (2007 г.), например, были показаны фильмы и передачи 54-х телерадиокомпаний; 52 редакции газет и журналов прислали на конкурс более 300 публикаций. Обширная, благодатная эмпирическая база для продолжения моих исследований

Заместитель главного редактора профессионального издательского журнала «В мире книг». 1976.

отражения и формирования ценностей посредством печатного слова! Анализ региональных периодических изданий, который я проводил на протяжении 5-ти лет в соответствии с должностными обязанностями профессора кафедры печатных СМИ, безусловно обогатил мое представление о близости и родстве православных и советских ценностей.

– Насколько я знаю, Вы, как и многие из нас, были атеистом. И вдруг неожиданный кульбит. Я имею в виду работы «Традиции и ценности православия в региональной печати» и «Главные компоненты национального и социального статуса СМИ»?

– Во время оккупации бабушка Мария, когда все уже засыпали, уединялась в углу под иконами Николы святителя и Пантелеимона-целителя и долго молилась: за здоровье и жизнь близких, моей мамы, которая успела на последней полуторке вырваться из окружения, за угнанную в Германию дочь Нину. Я мысленно присоединялся к этой молитве… То было первое прикосновение к православной вере. А спустя многие годы чтение, анализ публикаций в местной печати, общение с искренне верующими в Иисуса Христа, вызвало у меня огромное уважение к ним.

И все же, коль Вы, Александр Викентьевич, спрашиваете о вере, то я – верующий. Человек вообще без веры жить не может. Верю в высшую общечеловеческую ценность – социальную справедливость. Собственно, об этом говорил еще Томас Мор: на фантастическом острове Утопия наилучшее устроение общества заключается в общности производства и потребления – все трудятся, всё принадлежит всем, нет ни одного нуждающегося, нищего, но нет и богатых.

Вспомним и Льва Николаевича Толстого, который за полгода до своего ухода в вечность писал ученикам Екатеринбургского горного училища: «О том же, придет ли время, когда не будет бедных и поедающих их труды богатых? Ни я, никто знать не может. Но зато и я знаю, и всякий может знать, что главный смысл жизни каждого

Отчетная выставка издательства «Педагогика». В центре – председатель Госкомиздата СССР Б.И.Стукалин. Слева - В.С. Хелемендик, И.М. Жуков, главный редактор издательства «Педагогика». 1980.

из нас в том, чтобы содействовать своей жизнью приближению этого времени...».

Что же касается брошюры о социальном и национальном статусе СМИ, то в ней ***впервые*** вводятся в научный оборот ***новые понятия «информационный глобализм» и «информационная идентичность»***, рассмотрены грани информационной идентичности: геополитическая, социально-экономическая, национально-патриотическая, историческая, языковая. Нравственно-ценностная грань исследована наиболее подробно.

Естественно, что в своих работах я опирался на труды Н.А.Бердяева, А.А.Зиновьева, С.Г.Кара-Мурзы. Бердяев, как известно, яростный противник советского строя из-за имевшего место насилия, утверждал, что ***социалистический принцип хозяйственной жизни*** – «служи другому, обществу, целому, и тогда получишь все, что тебе нужно

для жизни» – полностью отвечает христианским идеям; а принцип «преследуй свой личный интерес, и это будет способствовать развитию целого» является столь же антихристианским, как антихристианским является римское понятие о собственности. Это было написано в 1937-ом году, и симптоматично, что в наши дни некоторые авторы призывают внимательно изучать советский опыт. Так, президент фонда изучения наследия П.А.Столыпина П.Пожигайло считает: этические основы социалистической системы экономического устройства Советского Союза абсолютно совпадают с этическими основами православного и во многом мусульманского мировоззрения.

Актуальность идеи родства и близости, преемственности православных и советских ценностей с годами становится все более очевидной. Совсем не случайно В.В.Путин, назвав разрушение СССР «крупнейшей геополитической катастрофой XX века», фактически признал правоту данной концепции: «... Мы утратили определенные ценности советского периода, связанные с «Моральным кодексом строителя коммунизма». Но если мы заглянем в этот «Моральный кодекс» – это выдержки из Библии на самом деле, и ничего нового человечество не придумало».

– Виктор Сергеевич, Вы продолжительно и довольно успешно занимались исследованиями названных выше проблем, но в данном сборнике Ваших трудов есть, если можно так сказать шаги в сторону: книга в серии ЖЗЛ «Всеволод Вишневский», в той же серии перевод с украинского книги «Леся Украинка», сборник «Вставай, страна огромная!», книга-альбом «За Веру и Верность. 300 лет ордена Андрея Первозванного». Чем это вызвано?

– В каждом случае было по крайней мере два импульса: издательская потребность и интерес, увлечение автора, которые счастливо сходились.

В 1971-ом году страна отмечала 100-летие со дня

Вручение ордена Трудового Красного знамени редакции журнала «Народное образование», который выпускало издательство «Педагогика». В первом ряду второй слева министр просвещения СССР М.А.Прокофьев; в этом же ряду, второй справа – автор. 1978.

рождения Леси Украинки. Из вышедших на украинском языке книг о великом поэте я (в то время заместитель главного редактора издательства «Молодая гвардия») выбрал лучшую – Анатоля Костенко. За работу взялся с большой радостью, ведь поэзию Леси Украинки полюбил с юности, в особенности «Лесную песню» с таинственной и чарующей Мавкой. Двадцать издательских листов перевел быстро. Дело в том, что там, где я родился, учился, органичным, как воздух, как вода, было *двуязычие* (не хочу говорить билингвизм, когда есть свое прекрасное слово). В городе Орехове Запорожской области было две средние школы – украинская и русская, свободный выбор. Преподавание украинской и русской литературы и языка абсолютно идентично – и по программам, и по количеству учебных часов. На выпускных и вступительных в гуманитарные вузы экзаменах обязательным было сочинение на

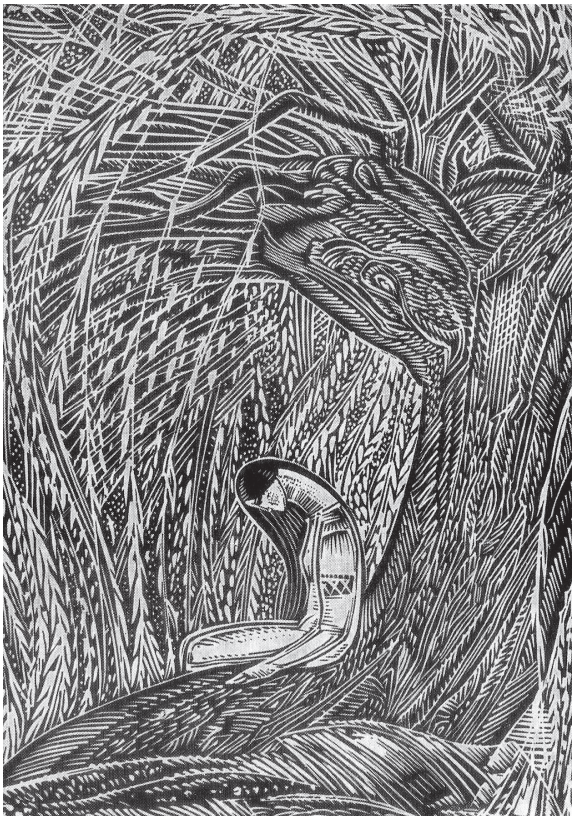
том и другом языках. Таким было равноправие языков в советское время.

Признаюсь откровенно: только сейчас, когда нынешние киевские власти в угоду США яростно насаждают русофобию, запрещают на Украине русский язык, неожиданно обнаружил, что у меня как журналиста по профессии происходило *свободное чередование* языков: университетскую практику проходил в газетах Юга Украины (Запорожье, Николаев, Симферополь), издававшихся на русском языке; затем – украинские газеты «Молодь Украины» и «Киевский комсомолец»; переезд в Москву – журнал «Сельская молодежь» – снова русский язык.

О Всеволоде Вишневском я написал очерк, опубликовал его в альманахе «Прометей». Желание поближе познакомиться с биографией и творчеством автора «Оптимистической трагедии», кинофильма «Мы из Кронштадта» – классических произведений отечественного театра и кино – привело меня в Центральный Государственный архив литературы и искусства, чтобы посмотреть фонд В.Вишневского. Думал – загляну на несколько дней, а оказалось стал постоянным посетителем ЦГАЛИ на несколько лет. Чем больше документов изучал, тем сильнее захватывал образ писателя, и, пожалуй, главное – образ *человека*.

Именно тогда я в полной мере ощутил редкостную притягательность архивов для исследователя: заказываешь опись, единицу хранения – и с трепетом ждешь, а что там?.. Взять, к примеру, письма Вишневского Вс.Мейерхольду, А.Таирову, Е.Дзигану, которому адресовано 80 писем... Какой же это драгоценный эмпирический материал и для современных исследователей одной из важнейших искусствоведческих проблем: творческие взаимоотношения, взаимодействие драматурга, сценариста и режиссера!

В результате шестилетней работы появилась рукопись «Всеволод Вишневский»; книга вышла в серии «ЖЗЛ» в 80-ом году. Ее читательская, покупательская (говоря современным языком коммерческая) и критическая судьба оказалась счастливой (первое издание вышло в



Мавка из «Лесной песни». Художник Н.Лопухова. Из книги Анатоля Костенко «Леся Украинка» («Молодая гвардия», серия «ЖЗЛ»). 1971.

свет тиражом 150 тыс. экз. и быстро разошлось, второе – через три года тиражом 100 тыс. экз.). Завидное внимание к книге проявили центральные газеты, «толстые» литературные журналы, было опубликовано 20 рецензий. Самую дорогую для меня рецензию напечатал в «Правде» знаменитый полярник, человек-легенда советского времени, друг Вишневского Иван Дмитриевич Папанин. У меня хранятся магнитофонные записи бесед с ним: эти уникальные, живописные, образные воспоминания помогли глубже понять характер моего героя.

– Во всех работах Хелемендика красной нитью проходит патриотическая позиция, уважение к стране, ее народу, а ведь многие представители российской элиты грешили и грешат презрением и даже какой-то ненавистью к своей собственной стране, к русским, к согражданам. Многие вообще успели по нескольку раз поменять одежки – то они монархисты, то коммунисты, то либералы; тут же предавали анафеме свои убеждения, сотворив себе нового кумира – золотого тельца. Насколько я знаю, Вы стоите как скала в своих убеждениях и принципами не торгуете…

– Вообще-то тот, кто прочитает мои работы – первая из них датируется 1958-м годом, а последняя – 2013-м, сможет получить достаточно полный ответ на этот вопрос. Я же могу, в частности, адресовать к главе из книги «Всеволод Вишневский», посвященной роману-фильму «Мы, русский народ». Во второй половине 30-х годов XX столетия государство совершило решающий поворот в сторону патриотизма и жестко – и жестоко! – устраняло «пятую колонну» из числа тех, для кого Россия была лишь щепкой для разжигания пожара «мировой революции» и тех, кто жаждал реставрации прежнего общественного строя. После публикации романа-фильма на автора обрушился шквал критики, обвинявший его в «квасном патриотизме». Почему? Это было талантливое произведение о первых боях рождающейся Красной армии, о разгроме немецких оккупантов; центральная идея – многовековая борьба русского народа за независимость Отечества. Если бы был поставлен фильм, он скорее встал бы в один ряд с «Александром Невским» С.Эйзенштейна. Однако либеральные критики добились своего: киностудия расторгла договор с писателем.

Сегодня либеральные масс-медиа вновь вытащили из недр прошлого жупел «квасного патриотизма»: им клеймят всех, кто занимает державную, патриотическую позицию в отношении, к примеру, воссоединения Крыма и России.

На юбилейной выставке издательства «Педагогика». Академик А.В.Запорожец (в центре) доволен — решен вопрос о подготовке к изданию первого в мире шеститомного собрания сочинений Л.С.Выготского. 1980.

По заказу издательства «Советская Россия» я составил сборник писательской публицистики военных лет для «Библиотеки российской словесности». Вместе с директором издательства, известным историком Виктором Ивановичем Новиковым был определен список персоналий – Всеволод Иванов, Константин Симонов, Илья Эренбург и другие.

Книга «Вставай, страна огромная!» с моей вступительной статьей «Высоты человеческого духа» вышла в свет к 40-летию Победы. Забегая вперед скажу, что поддержать эту традицию юбилейных изданий мне удалось даже в 90-е годы – «лихие», как любят говорить либеральные политики и журналисты, вкладывая в это определение двойной смысл: для внешней аудитории – якобы осуждение; для самих себя, для своих – восторг, восхищение тем, как же лихо они добились известно кем поставленной

цели. К 50-летию Победы «Известиями» – в то время я – главный редактор книжной части издательства – была выпущена в подарочном исполнении книга Н.Н.Яковлева «Маршал Жуков».

Издательской потребностью объясняется и мое участие в подготовке и выпуске книги-альбома «За Веру и Верность». Чтобы реализовать этот замысел, потребовалась огромная исследовательская работа: по архивным документам надо было восстановить полный список кавалеров ордена (с 1698 – по 1916 гг. более тысячи имен), а затем определить имена для написания очерков и подбора иллюстраций. Этим я и занимался как составитель, автор вступительных статей книги и главный редактор издательства «Андреевский флаг». Основным критерием при выборе персоналий были именно *традиционные православные ценности*. Россия на протяжении веков была великой державой потому, что ею управляли государственные мужи, талантливые, преданные своей стране люди, которые вслед за А.В.Суворовым по праву могли сказать: «Доброе имя есть принадлежность каждого человека. Но я заключал доброе имя мое в славе моего Отечества, и все деяния мои клонились к его благоденствию».

Кстати, во время подготовки книги-альбома я, можно сказать, «прошел» историю России XVIII и XIX веков через призму изучения государственной патриотической элиты. Этот опыт оказался неоценимым, когда издательство «Магистр–пресс» пригласило меня быть научным редактором издания в серии ЮНЕСКО «История человечества» «Россия», том VIII. Коллектив авторов – ученые Института российской истории РАН во главе с его директором А.Н. Сахаровым – в полной мере выявили сущность современных западников: в этом объемном труде (107 печатных листов) многовековая история России лишена своей цивилизационной идентичности, она «опирается» на западный путь развития, по нему сверяется – в итоге Россия всегда оказывается в роли догоняющей. Издательство и научный редактор вынуждены были в предисловии дистанцироваться от авторов, утверждая, что западноевропейская цивилизация – одна из многих, что славянская, русская

Спустя десять лет после окончания аспирантуры и защиты кандидатской диссертации. В первом ряду: слева–направо Митко Иванов, Владимир Артемов, профессора Борис Михайлович Морозов, Матвей Самойлович Черепахов, Борис Дмитриевич Дацюк, Геннадий Песков; во втором ряду: слева направо Александр Менделеев, Маузер Джалалов, Виктор Хелемендик. 1979.

цивилизация своеобразна и самодостаточна. Кроме того, в тексте, посвященном советскому периоду, содержалось множество извращений, прямой фальсификации исторических фактов. Мне удалось сократить примерно сто страниц подобных измышлений в духе «желтой» прессы, благодаря этому я счел возможным оставить свою фамилию в выходных данных книги.

– Виктор Сергеевич, двадцать пять лет назад Вас избрали в Академию педагогических наук СССР. Это признание Ваших заслуг. Какие из работ данного направления Вы отметили бы?

– Самой значительной, на мой взгляд, является книга «А.С.Макаренко. О воспитании». Будучи членом редакционной коллегии «Педагогических сочинений» А.С.Макаренко, я прочитал многие, в том числе и впервые публиковавшиеся произведения великого педагога. Это было важно и для снятия вопросов цензурного характера. Поэтому, когда Политиздат предложил подготовить книгу для серии «Библиотека семейного чтения», я охотно согласился.

Книга вышла в свет в начале 1988-го года. Газетные страницы уже пестрели «перестроечными» заголовками: «Макаренко – догматик», «Макаренко – сталинист», «Антон, ты не прав» и т.п.; вчерашний правоверный марксист, доктор педагогических наук Ю.Азаров написал роман-обличение «Не подняться тебе, старик...» И вот в такой, мягко говоря неблагоприятной атмосфере, книга «А.С.Макаренко. О воспитании» издается тиражом полмиллиона экземпляров. Мало того, невзирая на то, что маховик срежиссированной Западом идеологической интервенции «перестройщиков» набирал все большие обороты, в 1990 году книга печатается вторым, существенно дополненным изданием, тиражом 300 тысяч экземпляров. Могу лишь предположить: у читателей, покупателей в порядке сопротивления происходящей в стране «перестройке» свое слово сказали отечественные традиционные ценности.

Наверное, и у большинства академиков, голосовавших за меня на выборах, преобладали эти же ценности. Немаловажной, по-видимому, была и оценка моего вклада в педагогическое книгоиздание.

– Мы с вами говорим о Ваших книгах, сборниках статей. А как же штатная служба? Не было ли это в ущерб ей?

ММКВЯ-81. С академиком И.В.Петряновым-Соколовым, автором идеи (и книг) серии «Ученые—школьнику» — в центре и главным редактором газеты «Книжное обозрение» В.И.Овсянниковым (слева).

– Думаю, что нет, напротив. Собственная творческая – научная, художественная и публицистическая деятельность – стимулировала, помогала всегда быть в тонусе на штатной работе. А осуществлялась, как говорится, во «вне урочное время» – отпуска, выходные... И еще за счет жесткого распорядка дня. Так, во время написания «Всеволода Вишневского» весьма продуктивными были часы – с четырех до восьми утра...

Но это общий ответ. А конкретно давайте подробнее остановимся на моей работе в издательстве «Педагогика» в должности его директора (1977–1992 гг.).

Сначала о моем понимании самого статуса директора издательства в советское время. Во-первых, обеспечение технологического процесса производства, материального обеспечения – бумагой, полиграфией. Выполнение

ежеквартальных планов выпуска книг и номеров 23-х журналов – научных, методических, научно-популярных (например, журнал «Семья и школа» имел трехмиллионный тираж), – от этого зависела прогрессивная оплата всех сотрудников издательства (за 15 лет не было ни одной «осечки», т.е. невыполнения плана).

Во-вторых, для директора издательства определяющей является *идея, концепция его развития*. Впрочем это в принципе важно для любого человека. В одной из дневниковых записей Л.Н.Толстого читаем: кратчайшее выражение смысла жизни может быть таким – мир движется и совершенствуется; главная задача внести вклад в это *движение, развитие,* подчиниться и сотрудничать с ним...

Вспоминаю свое слово в библиотеке Кэмбриджского университета на открытии выставки советской книги, приуроченной к 70-летию Октября. То была высокая честь, но одновременно, как оказалось, и печальная миссия: выставка оказалась последней... Собралось много людей. Тогда я использовал развернутую метафору: книга – это живой организм, судьба ее схожа с судьбой человека. А если так, то у нее есть «родители»: автор, художник, рецензент, редактор, полиграфист...

Как и в периодической печати, издательский творческий процесс заключает в себя поиск темы, автора, реализацию взаимодействия «родителей» книги от замысла до появления на свет сигнального экземпляра.

Директор, как я изначально понимал его функции, обязан в зависимости, конечно, от собственных возможностей и способностей, быть автором и генератором творческих идей, способствующих *развитию издательства.*

Хочу раскрыть этот тезис на примере нескольких серий, к рождению которых был лично причастен и выпуск которых удалось осуществить.

«Энциклопедические словари для юношества». В конце 70-х годов завершался выпуск 4-го издания на протяжении десятилетий сослужившей добрую службу «Детской Энциклопедии». Я предложил идею, разработал структуру «ЭСЮ», художники подготовили принципиальный макет, было получено согласие Госкомизда-

На московских международных книжных выставках-ярмарках экспозиции учебно-педагогических издательств находились рядом. На снимке: директор издательства «Высшая школа» (сегодня руководитель Центра принтмедиа Академии медиаиндустрии) А.М. Цыганенко.

та. Оставалось обратить в свою веру коллектив редакции «энциклопедистов» (там были опытные редакторы, но далеко не все открыты новому). На это ушло полгода, но коллеги поняли, что в противном случае редакция просто закроется. В итоге они согласились, и в результате было издано 16 энциклопедических словарей, тираж каждого полмиллиона экземпляров. Эта серия не только завоевала массовую аудиторию старшеклассников, но и явилась серьезным престижным и финансовым проектом.

«Антология педагогической мысли народов СССР». Мне приходилось читать рукописи трудов по истории образования и педагогики страны, подготовленных учеными НИИ АПН. Бросалось в глаза то, что многие

из них компилятивны, перенасыщены цитатами –прямыми и раскавыченными – а собственно авторский текст, комментарии весьма скудны. Так родилась идея: выпустить серию томов, составленных непосредственно из текстов философов, педагогов, деятелей образования и культуры. При этом самое главное: каждый том посвящен той или иной республике – таким образом будет происходить обмен интеллектуальными, культурными и духовными ценностями во имя единения, дружбы народов страны.

Как и следовало ожидать, новая идея вызвала яростное сопротивление историков из академических институтов. Для того, чтобы Госкомиздат утвердил серию научных трудов, требовалось решение Президиума АПН. На это ушел... целый год. Президент М.И.Кондаков, человек мягкий и подверженный различным влияниям, колебался. И тогда на очередном (энном!) обсуждении мне пришлось прибегнуть, скромно говоря, к «силовому давлению». Каюсь и чистосердечно признаюсь: произошло это непроизвольно и неожиданно даже для себя самого:

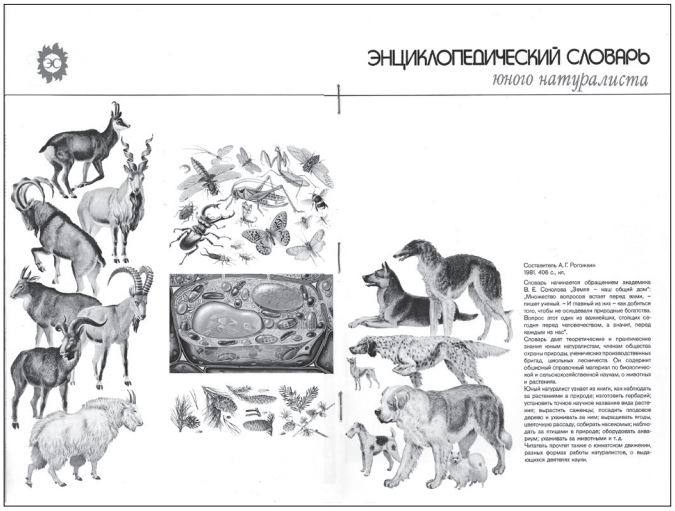
– Михаил Иванович, а ведь об «Антологии...» уже знают секретари ЦК партии... И, кстати, поддерживают...

Спустя несколько дней документ был подписан.

Всего было издано 10 томов «Антологии...», где представлены Россия, Белоруссия, Украина, Грузия, Азербайджан, Киргизия, Узбекистан. Увы, август и декабрь 1991-го года лишили жизни уникальный (не только в нашей стране, но и во всем мире) издательский проект...

«Береги природу». Ученый-орнитолог из МГУ, писатель Александр Александрович Кузнецов принес в издательство рукопись определителя птиц, включенных в «Красную книгу СССР». После ознакомления с нею я спросил: а сможет ли автор переработать, представить научно-художественный текст, т.е. написать очерки, дать практические советы школьникам о том, как помочь выжить редким птицам. Кузнецов согласился и превосходно справился с задачей. И тогда же, в разговоре с ним, возникла простая, находящаяся на поверхности идея выпуска замкнутой серии «Береги природу» из пяти книг: «Птицы», «Растения», «Звери», «Рыбы, амфибии,

Энциклопедический словарь юного астронома. Разворот. 1980.



Энциклопедический словарь юного натуралиста. Разворот. 1981.

рептилии», «Насекомые». Книготорговые работники это предложение встретили весьма скептически. Конечно, в издательском деле всегда присутствует риск, но мы настаивали на своем. И что же? Заказ книготорга на первую книгу превзошел все ожидания – 750 тыс. экз., на вторую – 1 млн. экз. Правда, к огромному сожалению, бумаги хватило только на 150 тыс. экз. на каждую книгу. На этом примере можно представить, сколько общество потеряло в экологическом воспитании детей, подростков.

– Виктор Сергеевич, а как складывались Ваши отношения с властными структурами?

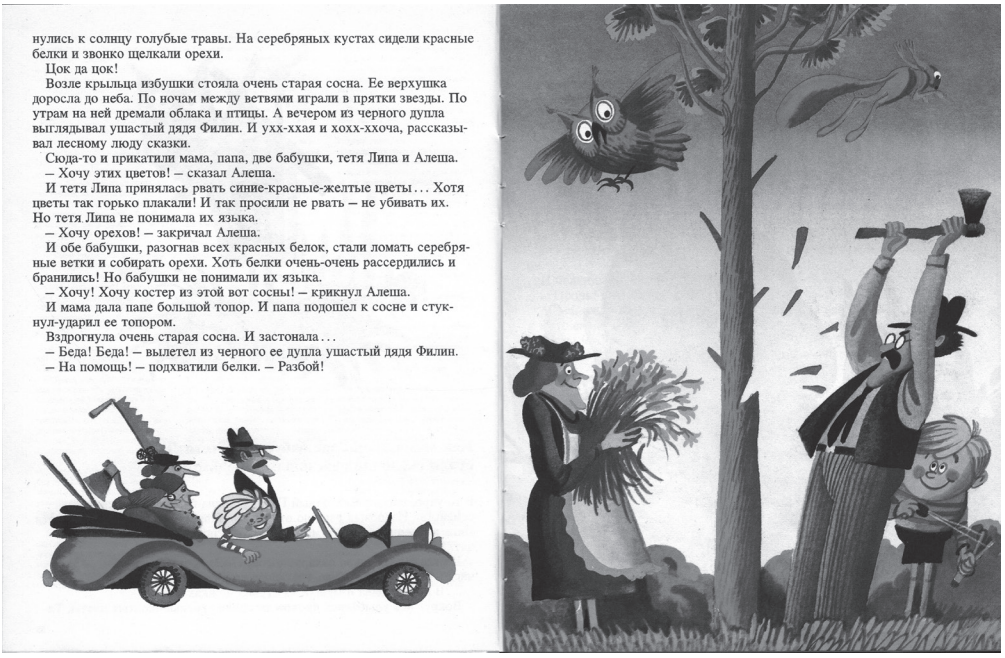
– Вы, Александр Викентьевич, являетесь исследователем научной проблемы «Власть и журналистика» – в историческом и в настоящем аспекте. Поэтому Вам будет понятен мой ответ: если руководитель предприятия (в данном случае – издательства), искренне, всерьез без деклараций отстаивает его интересы, то нередко оказывается в состоянии ***конфликта*** с вышестоящими властями. Так было в советское время, сегодня – тем более.

Вот конкретный пример: в конце 1979-го года вышла партийная директива: значительно увеличить выпуск классической художественной литературы. Благородная цель!.. Госкомиздат тут же отреагировал: каждое центральное издательство должно делать это за счет выделенных ему в соответствии с утвержденными ранее тематическими планами фондов бумаги.

Получив приказ, я тут же встретился с президентом Академии педагогических наук Всеволодом Николаевичем Столетовым, объяснил ситуацию. «Садитесь и пишите письмо председателю Госкомиздата...». Что я и сделал: благо все цифры были в голове, аргументация простая: книги издательства «Педагогика» не менее востребованы читателями, чем художественная литература. Всеволод Николаевич одобрил текст, подписал, а я отвез письмо.

Назавтра, в 9 утра, звонок из приемной Б.И.Стукалина – срочно явиться. Захожу в кабинет, здороваемся, и Борис Иванович говорит тихо-тихо:

– Ну что же ты, бегаешь к президенту, жалуешься...



нулись к солнцу голубые травы. На серебряных кустах сидели красные белки и звонко щелкали орехи.

Цок да цок!

Возле крыльца избушки стояла очень старая сосна. Ее верхушка доросла до неба. По ночам между ветвями играли в прятки звезды. По утрам на ней дремали облака и птицы. А вечером из черного дупла выглядывал ушастый дядя Филин. И ухх-ххая и хохх-ххоча, рассказывал лесному люду сказки.

Сюда-то и прикатили мама, папа, две бабушки, тетя Липа и Алеша.

– Хочу этих цветов! – сказал Алеша.

И тетя Липа принялась рвать синие-красные-желтые цветы… Хотя цветы так горько плакали! И так просили не рвать – не убивать их. Но тетя Липа не понимала их языка.

– Хочу орехов! – закричал Алеша.

И обе бабушки, разогнав всех красных белок, стали ломать серебряные ветки и собирать орехи. Хоть белки очень-очень рассердились и бранились! Но бабушки не понимали их языка.

– Хочу! Хочу костер из этой вот сосны! – крикнул Алеша.

И мама дала папе большой топор. И папа подошел к сосне и стукнул-ударил ее топором.

Вздрогнула очень старая сосна. И застонала…

– Беда! Беда! – вылетел из черного ее дупла ушастый дядя Филин.

– На помощь! – подхватили белки. – Разбой!

Книга Людмилы Васильевой–Гангнус «Азбука вежливости». Разворот. Рисунки художника Сергея Алимова. 1982.

Я смотрю ему в глаза и замечаю, что они вдруг словно теряют окраску, становятся бесцветными. Из нашего многолетнего общения я знал – это крайняя степень недовольства, а порою и гнева.

– А что мне делать? Сократить треть названий и уволить треть редакторов?..

Разговор закончился ничем, каждый остался при своем мнении. Тем не менее, «Педагогика» практически отбилась: в 1980 году мы вместо предписанных 170-ти тысяч экземпляров книги И.С.Тургенева «Рудин. Дворянское гнездо» издали 80 тысяч, на следующий год – «Педагогическую поэму» А.С.Макаренко, а затем и вовсе перестали выпускать художественную литературу за счет собственных фондов бумаги...

Прозвучавшее в разговоре «ты» нуждается в комментарии. Для меня Борис Иванович был учителем, близким че-

ловеком. Он привел меня в издательский цех, поддерживал во многих начинаниях. Во время моей работы в журнале «В мире книг» нередко приглашал для написания докладов на идеологические совещания, пленумы ЦК партии. Сейчас трудно судить, насколько я был полезен, наверное мое достаточно неплохое знание издательских проблем страны могло претендовать на некий экспертный статус.

Обычно мы трудились в выходные дни, и как-то в перерыве, за чаем, Борис Иванович, заядлый рыбак, с грустью говорит:

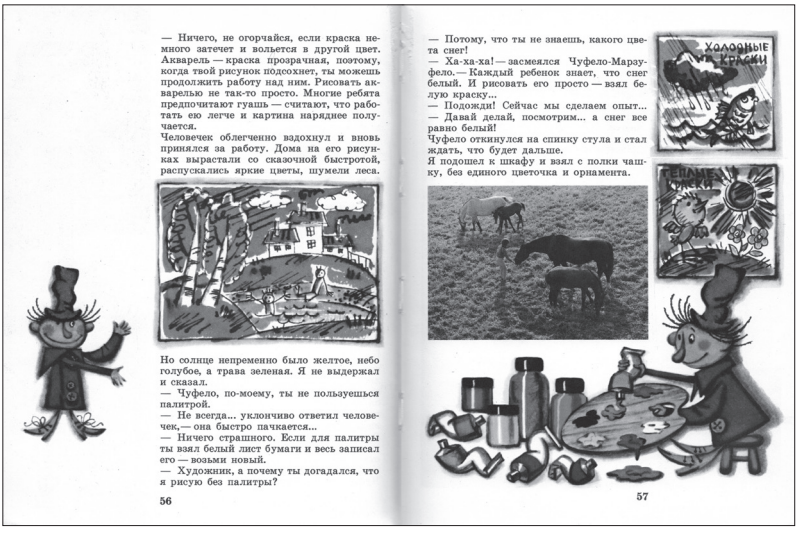
– Если в воскресенье не съезжу на рыбалку, на следующий день как сам не свой...

– А я, если воскресенье не проведу в Ленинской библиотеке, тоже никакой...

Стукалин ничего не ответил, уже тогда наши отношения были дружескими, они продолжались и после его перехода на дипломатическую работу. В конце 1985 года он был назначен послом СССР в Венгрии. О причинах, подтолкнувших его сделать такой шаг, он рассказал мне после возвращения в Москву, в связи с уходом на пенсию. К нему, заведующему идеологическим отделом ЦК КПСС, как-то заходит его начальник, секретарь и член Политбюро ЦК КПСС А.Н.Яковлев, смотрит на портрет Ленина и говорит: «Эту партию надо уничтожить...». Так начинался «развал» – на самом деле уничтожение СССР при помощи оргоружия, в том числе и действий верхушечной «пятой колонны».

В сегодняшних политических ток-шоу либералы, как только заходит речь об А.Н.Яковлеве, хором повторяют: не трогать, он фронтовик. Да, правда. Но, скажу я, фронтовиком был и его собрат по предательству генерал Власов. Их родство ярко и убедительно вскрыто в памфлете Владимира Бондаренко под красноречивым и точным заголовком «Хороним Геббельса», – родство по лютой, безграничной ненависти к советской цивилизации.

Продолжая тему властей, не могу не сказать и о другом, позитивном – прекрасных отношениях с министром просвещения СССР, доктором химических наук Михаилом Алексеевичем Прокофьевым. Причем эти отношения



В. Курчевский. Быль-сказка о карандашах и красках. Развороты. 1980.

были не только служебными, но и творческими – он был главным редактором «Энциклопедического словаря юного химика», и мы с редакторами, художниками, рецензентами не раз у него в кабинете обсуждали словник, оценивали тексты , отбирали иллюстрации.

Примерно раз в полгода я приходил к Михаилу Алексеевичу, чтобы посоветоваться по сложным и острым издательским проблемам. Он, как никто другой, умел внимательно слушать собеседника, давал взвешенные, точно сформулированные оценки. Так, поддерживая выпуск книг педагогов-новаторов, всегда подчеркивал: нельзя *навязывать* тот или иной опыт...

Разумеется, такая моральная поддержка была для меня очень важна. И еще одна примечательная деталь. Когда я звонил, обычно происходил примерно такой диалог:

– Виктор Сергеевич, Вы завтра сможете? 15 часов Вас устраивает?..

Минуло несколько лет, и новый министр просвещения, «демократ» из горбачевской команды Г.А.Ягодин неделями не мог уделить времени директору издательства «Педагогика». Видимо, сильно был загружен «перестройкой». И совсем свежий пример о том, как далеко зашла у нас заявленная в 1985 году «демократизация»: когда по делам Академии медиаиндустрии мне понадобилось поговорить по телефону с депутатом Государственной Думы, секретарь ответил – для этого необходимо прислать заявку в письменном виде...

Завершая разговор о работе в издательстве «Педагогика», отмечу, что к середине 80-х годов оно преобразовалось из узкоакадемического в издательство широкого профиля, книги которого адресованы массовой аудитории детей, подростков, учителей, родителей; оно обрело авторитетную репутацию на международной арене. Прочные, эффективные связи возникли с партнерами – издателями Испании, Греции, ФРГ, Китая, Японии. Достаточно сказать, что количество переводов книг издательства «Педагогика», например, на японский язык не имело равных в стране. На книжных ярмарках в Москве мы подписывали 60-70 контрактов на уступку авторских прав. Это огром-

Директор издательства «Педагогика» В.С.Хелемендик принимает переходящее Красное Знамя победителю социалистического соревнования издательств страны. Выступает главный редактор общественно-политической литературы Госкомиздата СССР В.С.Молдаван. 1984.

ный КПД по сравнению, например, с «Молодой гвардией», «Художественной литературой», которые ежегодно выпускали в 4-5 раз больше названий, а количество зарубежных контрактов было примерно таким же.
Выставки-презентации книг «Педагогики» проходили в Берлине и Лондоне, Софии и Белграде, Хельсинки и Братиславе, Пекине и Дели.

Это был результат напряженной творческой деятельности всего коллектива издательства, в которой я принимал посильное участие.

– Виктор Сергеевич, из нашего диалога явствует, что Вы – многостаночник, как заметили мудрецы, талантливый человек талантлив во многом. Где же Вам было комфортнее – в газете, журнале, издательстве, то есть в практической журналистике или в науке?

– Я бы скорее говорил не о комфорте, а об удовлетворении, порою и радости, что так или иначе присутствовало на всех направлениях.

Когда литсотрудник «Молоди Украины», возвращаясь в 2-3 часа ночи после дежурства в типографии, шел по улицам ночного Киева, им овладевало особое чувство: ни у кого нет свежего номера газеты, а у тебя – есть...

Когда брал в руки пахнущий типографской краской сигнальный экземпляр книги, возникало непередаваемое ощущение причастности к ее рождению, где-то таилась надежда – может быть ей суждена долгая жизнь...

Когда в результате твоих интеллектуальных поисков и усилий выкристализовывалась новая научная идея, которая затем воспринималась и реализовывалась в журналистской практике, тоже испытывал удовлетворение...

– На основе своего многолетнего опыта журналиста я знаю, что газета предоставляет неограниченные возможности для знакомства и сотрудничества со многими замечательными людьми. А как выглядит в этом плане издательство?

– Практически так же. Во время работы в «Молодой гвардии», «Педагогике» я общался с М.А.Ульяновым, Г.В.Свиридовым, В.Г.Распутиным, Б.И.Олейником, Р.А.Быковым, А.Н.Пахмутовой, Н.Н.Добронравовым, космонавтами В.И.Севастьяновым и В.Н.Волковым, который накануне своего второго и последнего полета принес в издательство рукопись и с которым мы договорились сыграть в шахматы после его возвращения...

В издательстве «Педагогика» основной состав авторов, к примеру, серии «Ученые – школьнику» складывался

Форзац книги Сергея Михалкова «Всё начинается с детства...». 1980.

из членов АН СССР. И саму идею серии, и первую книгу написал И.В.Петрянов-Соколов. Его примеру последовали нобелевские лауреаты Н.Н.Семенов, Н.Г.Басов, академики Ю.А.Овчинников, Б.Е.Патон, А.Б.Мигдал и многие другие. Общение с ними обогащало нас, работников издательства.

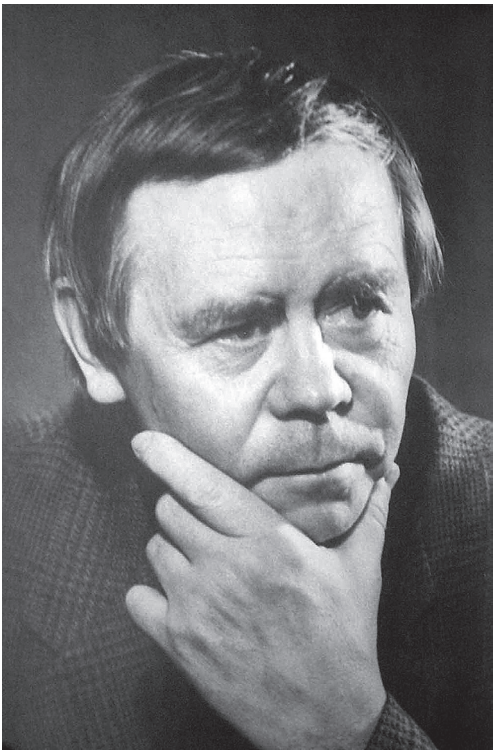
Среди авторов «Педагогики» было немало писателей. Мы, например, задумали подготовить подарочное издание книги С.В.Михалкова «Все начинается с детства» – своеобразной антологии педагогических новелл о трудных истинах воспитания. Необычный формат, этюдные чернобелые и цветные фотографии и рисунки, коллажи, образно решенная обложка, мелованная бумага. Когда был получен сигнальный экземпляр, Сергей Владимирович приехал в издательство, внимательно рассматривал страницу за страницей, а затем сказал:

– Ххе-ххе-лле-мендик, ты выпустил мою самую красивую книгу...

Так состоялось наше знакомство, а впоследствии мы часто встречались и в Союзе писателей, и в Академии педагогических наук (оба – члены Отделения образования и культуры), и в издательстве: С.В.Михалков входил в редколлегию «Педагогических сочинений» А.С.Макаренко, стоял у истоков создания первой и единственной в стране энциклопедии для самых маленьких – «Почемучки», – написал к ней предисловие под названием «Да здравствуют почемучки!». Советы Сергея Владимировича нам очень пригодились и при подготовке энциклопедического трехтомника для младших школьников «Что такое. Кто такой».

Иногда бывает так, что высказанная как бы вскользь мысль окажется началом не только большой плодотворной работы, но и прочных многолетних человеческих отношений. На одном из заседаний редколлегии «Энциклопедического словаря юного филолога» я попросил директора Института русского языка имени А.С.Пушкина В.Г.Костомарова подумать о книге для серии «Ученые – школьнику». И тут же спонтанно предложил: «жизнь языка» – чем не тема? Он согласился и на протяжении двух лет писал брошюру в 4 печатных листа. Уезжая в отпуск, брал с собой пишущую машинку, а в московской квартире его жена вынуждена была вывесить, так сказать, «баннер» – «Свободу от Хелемендика...». Столь ответственное отношение к делу, желание испытать себя в новом жанре принесли отличный результат. Виталий Григорьевич придумал любопытный сюжетный ход: героиня его книги «Жизнь языка» (1984 год), десятиклассница Настя с помощью волшебной гривны переносится в минувшие века, встречается, разговаривает со своими предками. Такой художественный прием помог автору наглядно и убедительно показать, как и почему изменяется язык, его словарный состав, лексика, грамматика; как в языке отражается история народа. Это было полноценное *научно-художественное издание.*

Однако В.Г.Костомаров на этом не остановился и через десять лет выпустил уже фундаментальную книгу



Валентин Распутин

объемом в 25 листов – «Жизнь языка: от вятичей до москвичей», которая была снабжена красочными иллюстрациями, позволявшими погрузиться в историю, увидеть как выглядели москвичи и вятичи в далеком прошлом. На подаренном мне экземпляре автор сделал надпись (простите за нескромность, приведу ее): «Вдохновителю и организатору этой книги. С почтением и искренней дружбой». И мы на самом деле дружили и дружим по сию пору.

– Виктор Сергеевич, а кто явился для Вас авторитетом в жизни, творчестве, в науке?

– Когда Б.И.Стукалин пригласил меня на работу в российский Комитет по печати, в разговоре участвовал первый заместитель председателя В.К.Грудинин. В ответ

на мои сомнения он с ободряющей улыбкой сказал: «Не бойся... не боги горшки обжигают». Как я позже узнал, Василий Константинович всю блокаду заведовал военным отделом «Ленинградской правды», затем создавал и редактировал «Калининградскую правду», возглавлял издательство «Советская Россия». Так случилось, что он, ровесник рано ушедшего из жизни моего отца, стал для меня наставником, старшим другом. Грудинин дал немало полезных и профессиональных советов. Вот один из них: «надо работать с теми людьми, которые есть...». Я следовал этому совету. За 15 лет работы в издательстве «Педагогика» уволил «по статье» только *одного* человека, художественного редактора – за пьянку. И это оказалось справедливым и полезным – в результате он бросил пить, его, квалифицированного дизайнера, приняли на работу в другом издательстве.

В исторической науке авторитетом для меня был известный историк и писатель Николай Николаевич Яковлев, который в совершенстве владел жанром научно-художественной прозы, его книги «Вашингтон», «Загадка Пёрл-Харбора», «1 августа 1914 года», «3 сентября 1945 года», «ЦРУ против СССР» завоевали огромную популярность. По моей просьбе Н.Н.Яковлев написал три книги для издательства «Педагогика» – «Весна Победы», «Война и мир по-американски» и «ЦРУ – орудие психологической войны». Перечитываешь их и понимаешь, насколько возросла их актуальность в сегодняшних условиях, вот бы переиздать... А тогда произошел уникальный случай. В 1986 году во время командировки в Японию в редакции издательства «Синдокусё-ся» меня привели в аудиторию, где молодые люди изучали русский язык... по тексту брошюры «ЦРУ – орудие психологической войны», а рядом, как подстрочник, лежала она же – на японском языке.

И конечно же огромный научный авторитет для меня – Александр Александрович Зиновьев – самый крупный, по моему мнению, отечественный философ второй половины XX и начала XXI века, который разработал собственную, немарксистскую социологию, и на ее основе исследовал западную цивилизацию, социальную организацию реаль-

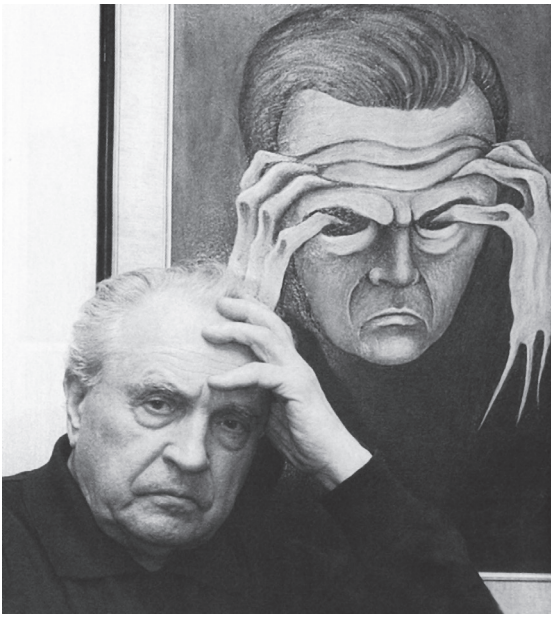
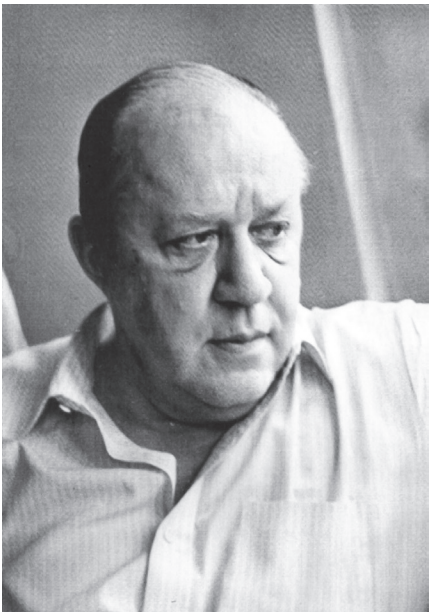


Иллюстрация из книги Александра Зиновьева «Исповедь отщепенца». Подпись автора: «Рядом с автопортретом, сделанным почти двадцать лет назад. В голове все те же проблемы: что происходит с моей страной и моим народом, что ожидает их в будущем, что делать, чтобы они выжили и удержались на высотах истории?» 2005.



Профессор Николай Николаевич Яковлев. 1995.

ного коммунизма, общественный строй постсоветской России. Зиновьев всегда был неугоден властям, в 1978 году был выслан за рубеж, а после возвращения старательно замалчивался и замалчивается сегодня.

Осенью 2002-го года я имел честь быть организатором и координатором российско-японского симпозиума на тему «Вечные истины воспитания». Разумеется, я пригласил академиков РАО, но прежде всего позвонил А.А.Зиновьеву, который откликнулся на мою просьбу и выступил с докладом «Социальная организация и система ценностей», в котором с исчерпывающей глубиной доказал, что общечеловеческих ценностей

не существует, – поскольку человечество не является единым целым; что на самом деле происходит противоборство социалистических и либеральных западных ценностей. Позже статья на эту тему опубликована в книге «Распутье» (2005 г.).

– Виктор Сергеевич, а как Вы себя чувствуете, когда после десятилетий практической журналистики занимаетесь только научно-педагогической деятельностью?

– Прекрасно. Ректор ИПК работников ТВ и РВ Вилен Васильевич Егоров, с которым мы вместе с Вами сотрудничали на кафедре журналистики Академии общественных наук, в 2004-ом году пригласил меня в институт на должность профессора, за что я ему сердечно благодарен.

Большая удача заключается в том, что я работаю в коллективе, редком в современной жизни. У нас приоритетны справедливость, уважение, требовательность и доброжелательность в отношениях между руководителями и подчиненными, профессорами, преподавателями и слушателями; между всеми сотрудниками. Такая атмосфера создана и поддерживается ректором Константином Кирилловичем Огневым, первым проректором Сергеем Дмитриевичем Мизеровым. И еще очень важно: в период перманентных реформ образования именно они – благодаря высокой ответственности, энергии, знаниям, опыту и настойчивости смогли решить совсем не простую проблему преобразования ИПК работников ТВ и РВ в Академию медиаиндустрии, что открывает новые перспективы для совершенствования подготовки профессиональных кадров в отрасли и научных исследований в области журналистики и искусствоведения.

Я чувствую свою востребованность в коллективе и стараюсь соответствовать этим требованиям. В конце замечу: не перестал заниматься и практической журналистикой – несколько последних лет являюсь заместителем главного редактора, научным и литературным редактором «Вестника электронных и печатных СМИ» Академии медиаиндустрии.

Ректор Академии медиаиндустрии К.К.Огнев и В.В.Егоров (ректор ИПК работников ТВ и РВ, 1988-2007) на ежегодном собрании Международной академии телевидения и радиовещания. 2008.

– Виктор Сергеевич, не могу не задать Вам вопрос о событиях на Украине...

– Все, что там происходит, невольно возвращает меня в прошлое: каждый день жду сообщений оттуда, как в свое время сводок Совинформбюро. Угроза фашизма в облике бандеровского нацизма, который за два десятилетия взрастили антисоветизм, русофобия и антиправославие, огромна. Двуединый боевой клич бандеровцев «коммуняку на гиляку» и «москаляку на гиляку» ежедневно, ежечасно транслируется украинскими СМИ, в стране крушат памятники Ленину, героям Великой Отечественной войны, русским полководцам и писателям, совершают нападения на православные храмы.

Волею судеб у меня две Родины – Украина и Россия, где я живу и работаю более полувека. Моя биография – как и биографии многих миллионов – конкретное

воплощение исторического единства оказавшихся ныне разделенными братских народов.

Боль за жителей Юго-Востока, которых по фашистским лекалам уничтожают украинские силовики-бандеровцы, неисбывна. Но и вторая, неменьшая боль – за Россию. Либеральная интеллигенция, либеральные политики и журналисты встретили в штыки воссоединение исторически русского Крыма с Российской Федерацией. Либерализм, как доказывают украинские события – лишь прикрытие русофобии, хотя нередко и прямая русофобия. Задача национально-ориентированных, государственных и региональных СМИ – неутомимо разоблачать внутреннюю и внешнюю информационную агрессию; искать и находить новые возможности для донесения правды о происходящем на Украине до зарубежного и отечественного читателя, слушателя, зрителя.

– В заключение хочу спросить: что явилось первопричиной Ваших достижений, о которых мы говорили?

– Знаете, Александр Викентьевич, сегодня во многих политических ток-шоу нередки демагогические разглагольствования: в современной России должен стать более доступным и открытым *социальный лифт*. Но в советской стране он существовал *фактически* как реализация коренной основополагающей ценности – социальной справедливости. Торжествовали такие традиционные ценности как труд, знания, творчество. Именно благодаря этому мне, как и многим моим ровесникам, удалось заниматься в жизни тем, что было интересно, приносило удовлетворение.

– Виктор Сергеевич, поздравляю с совершеннолетием, то бишь с 80-летием, желаю крепкого здоровья и новых творческих свершений.

ЧАСТЬ I.
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СМИ

РАЗДЕЛ I.

СИСТЕМА СМИ: ГЕНЕЗИС, РАЗВИТИЕ, СОВРЕМЕННОСТЬ

СОЮЗ ПЕРА, МИКРОФОНА И ТЕЛЕКАМЕРЫ[1]

Глава первая[2]

ЧТОБЫ РАСКРЫВАЛАСЬ «ВСЯ ПРАВДА В ЦЕЛОМ»

Мы привычно, подчас даже автоматически признаем печать, радио и телевидение «единой системой средств массовой информации и пропаганды», однако научного определения этого понятия пока еще нет. Попытаемся установить характер, общие черты, внутреннюю структуру системы СМИП, взаимоотношения ее составных частей.

Наиболее полно системный подход в социальном познании разработан в трудах члена-корреспондента АН СССР В.Г. Афанасьева, и при рассмотрении системы средств массовой информации мы будем основываться на его выводах.[3]

Критерием обозначения любой из систем, из множества которых, как известно, состоят природа и общество, служит наличие ряда существенных признаков, присущих именно данной системе. К ним относятся состав специфических частей, общие (системные) качества, динамическая структура и характер взаимодействия со средой. Систему следует определить, пишет В.Г. Афанасьев, как «совокупность объектов, взаимодействие которых вызывает появление *новых, интегративных качеств, не свойственных отдельно взятым образующим систему компонентам*. Связь между компонентами системы настолько тесна, существенна, что изменение одного из них вызывает изменение других, а нередко и системы в целом. Наличие столь тесного взаимодействия, органичной связи компонентов и служит основанием того, что во взаимодействии со средой система всегда выступает как нечто единое, обладающее качественной определенностью».[4]

Система средств массовой информации и пропаганды – это единство соответствующих компонентов, которые возникли в различные исторические периоды (вначале печать, затем кино и радио и, наконец, телевидение) и представляют собой ее структурную сторону.

---

[1] Союз пера, микрофона и телекамеры (опыт системного исследования). – М.: «Мысль», 1977. 314 стр. Тираж – 15,0 тыс. экз.

[2] Публикуются фрагменты.

[3] См. В.Г.Афанасьев. Научное управление обществом. – М., 1973; его же. Социальная информация и управление обществом. М., 1975; его же. Человек в управлении обществом. – М., 1977.

[4] «Вопросы философии», 1973, № 6. С.99.

Массовые средства информации и пропаганды организационно обособлены, но в то же время связаны между собой специфическим образом. Эта органическая взаимосвязь обусловлена двояко: во-первых, их едиными общественно-политическими функциями, а во-вторых, общностью объекта – аудитории, на которую направлено их воздействие. Именно эти характеристики необходимы для признания печати, радио и телевидения целостной системой. Другими ее важнейшими признаками являются интегративные свойства и динамический характер взаимоотношений между ее составными частями. Все они находятся в тесной взаимосвязи и обусловливают не только развитие, но и эффективность друг друга.

Поток социальной информации, передаваемой различными каналами СМИП, необходимо рассматривать как целостное образование. Каждую конкретную газету, программу радио и телевидения надо видеть во взаимосвязи, в состоянии синхронного воздействия на аудиторию, поскольку они являются лишь относительно самостоятельными элементами системы.

Функциональная общность и связи со средой (аудиторией), по отношению к которой средства массовой информации и пропаганды по мере их консолидации все больше выступают как единое целое, приводят к формированию системных, интегративных качеств. *Система в целом обладает такими свойствами, как тематическая универсальность, актуальность, оперативность, эмоциональность, непрерывность, преемственность и систематичность при передаче социальной информации, причем каждое из этих интегративных* свойств качественно отличается от свойств печати, радиовещания и телевидения, взятых в отдельности, и тем более от их свойств в различные периоды их развития (например, печати XIX в., радио 30-х и телевидения 50-х годов нынешнего века).

Каждое звено системы развивается в ее рамках и сообразуется с ее законами, с одной стороны, приобретая новые черты и особенности, продиктованные его вхождением в систему, а с другой – внося свою посильную лепту в образование тех или иных интегративных качеств.

Возникновение радиовещания и документального кино, собственно говоря, и возвестило о зарождении самой системы массовой информации и пропаганды. Однако радио понадобился определенный отрезок времени прежде чем из технического устройства для передачи звуковых сигналов на большие расстояния оно превратилось в радиовещание – могучее оружие пропагандистского воздействия на миллионы людей, приобрело системные свойства и функции агитации, пропаганды и организации.

История свидетельствует, что, делая первые шаги, радиовещание приступило к выполнению этих задач как средство озвучивания материалов печати и только потом открыло собственные выразительные возможности и жанры. Аналогичный путь прошло в своем развитии и телевидение, но оно опиралось уже на опыт не только печати, но и радио.

Подтверждением того, что рождалась единая, целостная система, является неоспоримый факт, что ни одно из вновь появившихся средств информации *не вытесняло, не заменяло* уже имеющиеся а *дополняло* их, становясь гигантским ускорителем дальнейшего их совершенствования и развития. В результате – подчеркнем это особо – *общий потенциал* формирующейся системы несравнимо увеличивался.

Радио и телевидение, проходя стадию самоопределения, освоения собственной коммуникативной природы, оказывали и оказывают существенное влияние на формирование интегративных свойств системы массовой пропаганды, таких, как оперативность, эмоциональность. Реализация на радио синхронных передач о происходящих в мире событиях побуждает печать использовать достижения науки и техники для усиления своей оперативности. Изменения в подаче материалов газетой сегодня, в подходе журналистов к ведению информации в ней, несомненно, являются результатом влияния более оперативных электронных средств массовой информации и пропаганды.

Благодаря способности телевидения отражать действительность с помощью зрительно-звукового языка все интенсивнее проявляется другое интегративное качество системы массовой пропаганды – эмоциональность, и тем самым повышается действенность журналистики. Теперь уже не только газета, но и радио вынуждено искать *собственные* возможности усиления эмоциональности своих материалов.

Достаточно ощутимо и воздействие печати на радио и телевидение, следствие которого – проникновение аналитического, исследовательского начала в радио- и телепередачи. Это и беседы «за круглым столом» обозревателей-международников, и публицистическое рассмотрение сложных жизненных проблем перед лицом и с участием телезрителей, и, наконец, документальные телефильмы исследовательского характера.

Примечательно, что и сам процесс развития взаимоотношений между составными частями рождающейся системы был очень сходным (между газетой и радио, между газетой, радио и телевидением). Это подтверждают этапы «притирки» старого и нового видов журналистики, общие закономерности вхождения нового вида в систему:

- уточнение общественных функций (информационных, агитационных, пропагандистских, организаторских, эстетических);
- совершенствование выразительных средств старого вида (акцент на развитие специфических, природных);
- становление (открытие и развитие) собственных выразительных средств нового вида – на первых порах и радио и телевидение «брали напрокат» формы, жанры печати[5].

Таким образом, взаимовлияние и самоопределение СМИП, реализация возможностей, заложенных в их природе, – две тенденции единого процесса. По-видимому, при создании фундаментальной истории советской журналистики правомерен будет пре-

[5] Сравнительный анализ жанров средств массовой информации и пропаганды впервые проведен М.Барманкуловым («Жанры печати, радиовещания и телевидения». Алма-Ата, 1974).

Будапешт. Переговоры с венгерскими книгоиздателями. Автор – второй справа, первый справа – К.Н.Сванидзе, заместитель главного редактора, секретарь парткома Политиздата. 1979.

имущественно аналитический, а не только описательный, информационный подход, так как необходимо раскрыть *генезис системы* средств массовой информации.

Потребность общения людей в ходе совместной деятельности была источником и главной движущей силой происхождения и развития способов и средств массовой информации. Печать – старейший вид журналистики, ее родоначальник – за несколько столетий своего существования прошла ряд этапов, постепенно, по мере все большего вовлечения народных масс в исторический процесс, расширяя и умножая свою аудиторию.

Печать возникает и развивается в непрерывной связи с экономическими, культурными и политическими потребностями общества. Она появилась в период разложения феодального и зарождения капиталистического строя. И с тех пор непрерывное усовершенствование, количественные и качественные изменения, происходящие в средствах печатной информации и пропаганды, детерминируются закономерностями политической и экономической эволюции общества, достижениями культуры, науки и техники, в частности полиграфии. «С развитием общества изменяются, усовершенствуются и способы сбора информации, и формы ее

распространения, – пишет П.М.Федченко, – а главное – наряду с коммуникативными функциями все большую выразительность приобретают функции политические, классовые: от невинного желания обменяться теми или иными новостями до сознательного стремления использовать их, чтобы создать определенное общественное мнение»[6].

Первоначально сообщения печати о событиях политической, экономической и культурной жизни предназначались лишь немногочисленной аудитории. С развитием капитализма, индустриализацией, урбанизацией все явственнее становится противоречие в функционировании печати, призванной удовлетворить потребности и господствующих классов, и широких трудящихся масс.

Расширение и дифференциация аудитории прессы, выдвигающиеся новые социальные задачи порождают необходимость возникновения все новых и новых видов и типов печати (массовых изданий во второй половине XIX в., региональных газет и журналов и т.п.). Этот процесс продолжается и в наше время, система печати находится в постоянном движении, развитии. Тип всякого нового издания, его периодичность определяются наличием уже функционирующей системы, и новое издание принимает на себя соответствующие обязанности ее составной части, усиливая мощь и эффективность самой системы.

На протяжении всей истории печать все больше раскрывала имманентно присущие ей выразительные средства. Природа печатного слова и особенности его восприятия хорошо изучены, поэтому рассмотрим выразительные и коммуникативные особенности периодических изданий лишь вкратце.

Газета, журнал имеют на вооружении печатное слово, графические элементы (снимки, рисунки, чертежи и т.п.) и различные формы размещения материалов на газетной полосе. Из этих компонентов главным является печатное слово. Ученые-психологи доказали, что информационные возможности каждой из четырех знаковых систем – словесной, кинетической, музыкальной и графической (изобразительной) – неодинаковы; наибольшей информационной емкостью обладают словесные знаки, которые полнее передают значение и меньше, чем другие знаки, зависят от индивидуальных и других особенностей и условий восприятия[7]. Это обстоятельство, а также то, что печатная публицистика характеризуется преимущественно логико-понятийным способом освещения фактов, событий, явлений и процессов жизни, предоставляют благоприятные возможности для формирования мировоззрения индивидуума, реального представления о мире, в котором он живет.

Отношение к печати определяется физическими и бытовыми условиями восприятия ее материалов: газету, например, мы читаем в удобное для нас время, бегло просматриваем или изучаем, читаем весь материал или выборочно, имеем при этом возмож-

---

[6] П.М.Федченко. Пресса и ее предшественники. – Киев: 1969 (на укр. яз.). С. 10.

[7] См. «Симпозиум по структурному изучению знаковых систем». Тезисы докладов. – М.: 1962.

ность остановиться, задуматься, осмыслить прочитанное или позднее вновь возвратиться к нему. Психофизиологические и физические условия восприятия материалов газеты определяют ее наиболее сильную сторону – аналитичность. Естественно, что газете присущи и другие свойства (оперативность, эмоциональность и т.п.), но в условиях деятельности системы средств массовой информации и пропаганды они видоизменяются, приобретают особый – «газетный» оттенок.

Выступления печати, таким образом, «овеществлены» – запечатлены на бумаге. Об этом ее свойстве метко сказал К.Паустовский: «У советских журналистов профессия – ловить жизнь, *закреплять каждый ее день на свинцовых полосах набора,* бросать его в массы, в города, на глухие станции, в села, на заводы...» (курсив мой – В.Х.)[8]. Звук и изображение, передаваемые радио и телевидением, мимолетны, мгновенны, они тотчас исчезают из поля зрения и «поля слуха», и получаемая, но не удержавшаяся в памяти информация «стирается». Печатное слово остается жить, являясь документом сегодняшнего дня, его «снимком»: именно в этом один из весомых факторов, определяющих силу, действенность выступлений печати.

Не случайно в Указе Верховного Совета СССР о порядке рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан особо подчеркнуто требование к государственным и общественным органам: «Поступающие *из редакций газет и журналов* предложения, заявления и жалобы граждан, а также связанные с их разрешением выступления и другие опубликованные *в печати* материалы рассматриваются в порядке и сроки, предусмотренные настоящим Указом»[9] (курсив мой. – В.Х.).

Редакции телевидения и радиовещания здесь не названы, и совершенно очевидна причина: преходящие во времени акустически-визуальные сигналы не являются «вещным», «материальным» документом; слуховая и зрительная документальность в данном случае не играют роли. Критическую передачу по радио и телевидению могут не слушать и не смотреть люди, причастные к разрешению тех или иных проблем.

Практика многих газет показывает, что редакции стремятся не только исследовать, выдвинуть в центр общественного внимания ту или иную проблему, но и всесторонне, шаг за шагом рассмотреть наиболее эффективные средства и способы ее решения. Примером могут служить журналистские акции, которые проводит «Комсомольская правда» на протяжении ряда лет. Вот одна из них – «Выстрел в копеечку» (ноябрь 1967 – январь 1968 г.) – о проблеме использования меха морского зверя, в частности нерпы. Читатели газеты в своих письмах-откликах на публикуемые материалы говорили о неблагополучии «меховых дел» в стране, вносили предложения, направленные на то, чтобы помочь улучшить добычу и обработку сырья для меховой промышленности. Под рубрикой «Эхо «Выстрела в копеечку» выступили в газете специалисты и хозяйственники. В заключение слово было предоставлено руководи-

[8] Цит. по: В.Шкловский. Счастье открывать мир. – «Известия», 15 февраля 1965 г.
[9] «Правда», 26 апреля 1968 г.

телям министерств, от которых зависит решений этой важной народнохозяйственной проблемы. В их выступлениях подчеркивалась своевременность разговора о сохранении и разумном использовании ценных видов сырья, а также говорилось о мерах, уже принятых и планируемых каждым министерством.

Движение современной печати в сторону аналитичности как тенденция проявляется и в создании новых типов издания. Иллюстрацией может служить еженедельник «Знамя прогресса» Ленинградского оптико-механического объединения, который образован вместо обычной многотиражной газеты, переставшей удовлетворять взыскательного читателя, ждущего проблемных статей и корреспонденций, обстоятельной информации, материала для дискуссий. Теперь газета выходит на 12 страницах, и это позволяет глубоко и всесторонне освещать жизнь предприятия. Расширение площади газеты позволяет редакции держать в поле зрения основные направления производственной и общественной жизни, публиковать глубокие аналитические материалы (а не давать их, как раньше, с продолжением в нескольких номерах), гибче учитывать читательские интересы[10].

Если в ценностной ориентации слушателей и зрителей довольно отчетливо видно разграничение радио- и тележурналистики, музыкально-драматического вещания и художественного телевидения, которое закрепляется и соответствующими пропорциями по времени трансляции этих программ, то читательская аудитория *в основном* относится к газете как *к средству журналистики*, поскольку площадь, отводимая в ней для публикации произведений литературы и искусства, несравнимо меньше, а в последние десятилетия с развитием массового книгоиздания, увеличением количества и ростом тиражей литературно-художественных журналов и вовсе незначительна. В этом состоит еще одна особенность коммуникативной природы газеты.

В самом деле, львиная доля писем слушателей и зрителей, их предложений, поступающих в студии радио и телевидения, адресуется художественным, а не общественно-политическим программам. И совсем иная картина вырисовывается при анализе почты газет. Массовая новогодняя «Анкета читателя», которая проводится, например, «Правдой», показывает, что читательская аудитория предъявляет вполне современные, специфические требования к печати как виду журналистики, ждет дальнейшего совершенствования ее материалов в определенном смысле – в плане глубокого проникновения в жизненные явления современности.

Исследование городской аудитории средств массовой информации и пропаганды, проведенное в Таганроге, убедительно выявило характер и особенности отношения людей к печати, радиовещанию, телевидению. Газета, например, оценивается выше других каналов массовой информации и пропаганды с точки зрения полноты, объективности, действенности; ей свойственно удовлетворять более дифференцированные и многообразные интересы аудитории, потребность в аналитической инфор-

[10] См.: Ю.Васильев. Рабочий еженедельник. – «Правда», 10 сентября 1975 г.

мации, а радио и телевидению – в основном в событийной. «*В обществе вырабатывается определенный престиж источников информации и ожидания от них,* – пишет И.Д. Фомичева. – *Они разделяются даже теми, кто не имеет достаточного собственного опыта общения с этими источниками*»[11]. Поэтому, совершенно справедливо считает автор, «недостаточно ограничиваться лишь физико-техническими особенностями каждого из средств распространения информации. Необходим социальный анализ особенностей функционирования каждого из средств, его сложившейся практики, его образа, возникшего у аудитории вследствие этой практики и т.д.»[12].

В период становления каждого нового средства массовой информации и пропаганды, как правило, провозглашается его исключительность, что стало, как точно заметил Р.А.Борецкий, «своеобразным теоретическим модничаньем». Уже можно выстроить в ряд, продолжает он, абсолютно схожие «эмоциональные концепции», одна за другой возникающие почти с начала нынешнего столетия. Радио должно было «убить» печать, телевидение – кино и театр, а заодно газету, фотографию и, конечно, радио; стереофония – монофонию...»[13].

Думается, ставить вопрос: «Убьет ли телевидение прессу или радио?» – почти равносильно тому, как если бы мы в свое время гадали: «Убьет ли самолет автомобиль?».

Будущее газеты, радио и телевидения представляется совсем иным. На базе достижений науки и техники максимально разовьются, достигнут подлинного расцвета их специфические особенности воздействия на сознание и чувства человека, а поскольку печатное слово, звучащее слово и звук, изображение по своей природе наделены непреходящими самостоятельными свойствами в сфере человеческого общения, психофизиологические и физические, бытовые условия приема сообщений (время, место) газеты и электронных средств массовой пропаганды также существенно отличаются), то всеобщий синтез средств массовой информации и пропаганды «в едином лице» телевидения обществу не угрожает. Но, конечно же, печать (видимо, и радио) претерпит изменения. Привлекателен «загляд» в будущее известного исследователя печати из Народной Республики Болгарии Д.Георгиева, высказавшего прогноз на последнюю четверть нынешнего века. По его мнению, количество ежедневных газет вряд ли увеличится (на Западе вследствие конкуренции будет продолжать сокращаться); вероятно появление большого числа еженедельников, специализированных по тематике и адресованных определенным группам читателей со сходными специфическими интересами; газета будет видоизменяться качественно за счет усиления комментариев, справочного материала и т.п., возрастет ее иллюстративность (многокрасочность снимков и рисунков в особенности)[14].

---

[11] И.Д.Фомичева. Журналистика и аудитория. Теоретические проблемы и опыт изучения городской аудитории средств массовой информации и пропаганды. – М., 1976. С. 70.
[12] Там же. С. 65.
[13] Р.А.Борецкий. Телевизионная пропаганда. Проблемы методологии, методики, прогнозирования. Автореферат докторской дисс. –. М., 1975. С. 38.
[14] См. «Журналист», 1972, № 9. С. 48–51.

Возникновение новых средств массовой информации и пропаганды, как уже отмечалось, обусловлено социально-экономическими и политическими факторами. Ускоренный ритм общественного прогресса, повышение роли народных масс, возросший уровень культуры и образования человека – все это *порождало необходимость освещать происходящее более оперативно, наглядно, эмоционально, чем на то способна печать. И возникший вакуум в удовлетворении общественных потребностей был заполнен радиовещанием и телевидением.*

Специфические свойства и характерные коммуникативные формы восприятия радиовещания вытекают из его технической природы и особенностей восприятия на слух и заочно. Способность синхронного и безграничного распространения информации (т.е. передачи о событиях с места действия и в момент их свершения), а также воссоздания живой речи и акустических картин действительности определяют основные черты радиовещания: высокую степень оперативности (и сиюминутность); личностный характер опосредствования информации, возникновение у слушателей эффекта соучастия, присутствия на месте события и большая по сравнению с газетой сила эмоционального воздействия на человека; вездесущность (возможность приема передач в любых условиях). Природой радиовещания обусловлена и его коммуникативная ограниченность: зависимость слушателей от программы («принудительный» характер «верстки»); необратимость передачи во времени – она «живет» только в данный момент; дефицит времени для осмысления и запоминания содержания передачи.

Исследование деятельности радиовещания в нашей стране заметно интенсифицировалось в последнее десятилетие, правда в основном за счет работ исторического плана[15]. Ученые стремятся проследить развитие радиожурналистики от ее истоков, объяснить явления, связанные с возникновением и утверждением ее специфических свойств.

Глубиной и всесторонностью раскрытия коммуникативной природы радиовещания привлекает концепция И.Триккеля[16] (кстати, это одна из немногих работ о специфике радиожурналистики). Между тем потребность в освещении теоретических проблем радиовещания на современном этапе велика: ведь еще не так давно в специальной литературе (и даже на страницах профессионального журналистского органа – «Советской печати») подвергались убийственной критике «маловразумительные разговоры о «радийности», «радиофоничности» материалов...[17].

Такое же пренебрежение к необходимости осознания своеобразия одного из полноправных компонентов системы массовой информации и пропаганды ощущается, к сожалению, и в «Справочнике журналиста», адресованном читателю-профессионалу,

---

[15] Например, труды: Ю.А.Летунов. О развитии документальной радиожурналистики. – М.: 1966; В.Дубровин. К истории советского радиовещания. – Л.: 1972; П.С.Гуревич, В.Н.Ружников. Советское радиовещание. Страницы истории. – М., 1976 и др.

[16] См.: «Советское радио и телевидение», 1968, № 6, 7.

[17] Г.Казаков. На ста языках мира. – «Советская печать», 1962, № 10. С. 36.

студенту в качестве практического пособия. В нем настоятельно рекомендуется не что иное, как простое *приспособление*, а то и перенесение методов и жанров газетной журналистики в практику радиовещания. Статья на радио, утверждают авторы, «обычно меньше газетной по размеру... Когда автор статьи обладает хорошей дикцией, он может не пользоваться услугами диктора, а прочитать ее сам перед микрофоном». Главное требование – содержательность, ясность и хорошее чтение. Корреспонденция же – «один из распространенных жанров на радио», она еще «короче статьи, посвящается более узкой теме, нередко оживляется диалогами, вопросами и ответами»[18].

В 1971 г. вышло, как сказано на титуле, третье, «переработанное и расширенное» издание этой книги. Однако отношение к радиожурналистике не изменилось. Она характеризуется, во-первых, общими фразами типа «в радиовещании, так же как и в периодической литературе, нетерпимы шаблон, безвкусица, серость, нужны инициатива и выдумка, свежесть мысли и образность языка, разнообразие форм подачи материала» и, во-вторых, пониманием специфики радиовещания на уровне знания о ней, достигнутого лет 30 назад: «Радио имеет свои особенности. Передаваемый текст часто сопровождается музыкой, *шумовыми эффектами* (?). Перед микрофоном выступают авторы произведений, передовые люди города и села. *Поэтому помимо газетных жанров (!) радио может (?!) применять и свои, специфические.* На радио широко применяются, *иногда в видоизмененной форме,* информационные газетные жанры»[19] (курсив мой. – В.Х.).

Если говорить о состоянии нынешней радиожурналистики, то она достаточно широко использует природные выразительные возможности эфира: богатство живого слова – средства раскрытия личности, различных граней ее индивидуальности; диалогичность (не только сообщение, но и общение), установление доверительных контактов между говорящим у микрофона и слушающим его у приемника[20]; совершенствование способов передачи звуковых образов картин события, которые документально подтверждают ситуацию, отражают психологическую атмосферу действия и вместе со звучащим словом влияют на эмоциональную сферу сознания. Все эти свойства радиовещания, а также высокая оперативность (в особенности «сиюминутность») передач обусловливают другую сторону его коммуникативной природы – специфику восприятия: возникновение у слушателей иллюзии соучастия, ассоциаций, мысленных

[18] Н.Богданов, Б.Вяземский. Справочник журналиста. – Л., 1965. С. 198.
[19] Н.Богданов, Б.Вяземский. Справочник журналиста. – Л.: 1971. С.160, 163.
[20] Б.Шоу, желая выразить то, что микрофон позволяет схватывать все звуки, а следовательно, все чувства и переживания во всем их многообразии, во всей полноте и в непосредственной близости, назвал его «величайшим сплетником и беспощадным сыщиком», так как он «обостряет, подчеркивает фальшь, неискренность, выговор, акцент». «Интонация вашего голоса, – писал Б.Шоу, – которой никогда не услышать в обычной беседе, отлично слышна через микрофон и выдает мысли и чувства, которые вы рассчитывали скрыть от слушателей». – «Советское радио и телевидение», 1967, № 6, стр. 42.

образов, а также способствует повышению эмоциональности при приеме информации, идентификации. «На почве максимального вживания в происходящее (при прослушивании передачи. – В.Х.) рождается идентификация. Адресат отождествляет себя с репортером, рассказчиком или высказываемыми ими идеями (идентификация идей) ... Именно на этом зиждется пропаганда советского положительного героя. Специфика радио особенно располагает к идентификации, рождающейся на почве интимного контакта и симпатий»[21].

Как известно, за системные свойства целого несут ответственность все его части в их взаимодействии, а на каждую отдельную часть падает лишь главная доля ответственности за реализацию того или иного специфического свойства. Для радиовещания такими специфическими качествами являются, на наш взгляд, вездесущность и максимальная степень оперативности. Именно благодаря им радио, несмотря на бурное развитие телевидения, сохраняет свои позиции и вместе с тем продолжает прогрессировать и по степени охвата аудитории, и по силе влияния на нее. О качественно новых возможностях радиовещания совершенно справедливо пишут П.С. Гуревич и В.Н.Ружников: «Массовое производство и распространение транзисторных приемников позволяет слушать передачи не только дома, но и по пути на работу, в автомашине, в поезде, на прогулке, во время отдыха... Вместе с тем наблюдения, проводимые в ряде стран, показывают, что радиовещание, в отличие от телевидения, позволяет успешно совмещать слушание передач со многими видами производственной деятельности человека»[22].

Требования аудитории к тому или иному средству массовой информации и пропаганды резко возрастают в зависимости от значимости для аудитории международных и внутренних социально-политических, экономических событий, причем направленность коммуникативного интереса устремляется именно на реализацию ведущего качества данного средства массовой информации и пропаганды. Так, контрреволюционный переворот в Чили, первые дни революции в Португалии, напряженные моменты освободительной войны вьетнамского народа – эти и подобные им события усиливают наши запросы к оперативности радиовещания; полеты в космос – к наглядности телевидения; необходимость разобраться в сложных экономических вопросах – к аналитической печати.

При восприятии потока социальной информации, предлагаемой средствами массовой информации и пропаганды в нынешних условиях, нас охватывает еще не полностью осознанное желание, если можно так сказать, *коммуникативного комфорта.*

Еще до того, как 15 ноября 1934 г. была проведена первая в нашей стране передача изображения со звуковым сопровождением, журнал «Говорит СССР» писал о «теле-

---

[21] И.Триккель. Специфика радиокоммуникации, ее выразительные средства и жанры. Автореферат кандидатской дисс. – Тарту, 1967. С. 15.

[22] П.С.Гуревич, В.Н.Ружников. Советское радиовещание. Страницы истории. С. 307.

Первая в истории делегация издателей СССР в Японии. Переговоры с крупной фирмой «Гаккен». Автор – в первом ряду, первый справа. 1981.

вещании недалекого будущего», которое «все интересные события, происходящие во всех концах мира», покажет зрителям; «будет организован «телерепортаж», т.е. передача событий (съезды, доклады, митинги, матчи и т.п.), происходящих в любом месте, непосредственно с места происшествия, наподобие существующих звуковых актуальных передач и трансляций»[23].

Смелые для того времени прогнозы оправдались и довольно быстро: чтобы стать средством массовой информации и пропаганды, телевидению понадобилось всего три десятилетия (в то время как радио – полвека, газете – три с лишним столетия). Такой высокий темп развития объясняется насущными общественными потребностями, научно-техническим прогрессом и мощным влиянием *системы* средств массовой информации и пропаганды на свою новую составную часть.

Однако не так-то просто было, особенно на первых порах, осмыслить теоретически сущность, природу и функции телевидения. Разгорелись жаркие споры, творческие дискуссии вокруг проблемы, является ли телевидение новым искусством, либо его

[23] «Говорит СССР», 1932, № 3. С. 14.

удел лишь передача или, как говорили, «транспортировка» произведений других искусств. Становление же нового вида журналистики некоторое время оставалось в тени, и надо отдать должное исследователям, на долю которых выпала нелегкая миссия быть в этой области первыми.

В работах Р.А.Борецкого, А.Я.Юровского была предпринята попытка выявить специфические особенности телеэкрана, его функциональные задачи в системе средств массовой информации и пропаганды и в «семье» искусств. Р.А.Борецкий исследовал роль «экранного слова», что имеет принципиальное значение для понимания журналистских возможностей телевидения, так как если для литератора, газетчика и в основном для радиожурналиста слово – определяющий инструмент и «сырье» в «строительстве образа, единственное средство выражения, то для телевидения оно лишь компонент, хотя и важнейший». Слово, обращенное к зрителю, «предполагает, вызывает, рождает, обусловливает, комментирует, дополняет, разрушает, сужает или обобщает в каждом конкретном случае зрительно-слуховой образ»[24].

В «Основах телевизионной журналистики» изобразительные и выразительные свойства телеэкрана, его общественные функции даны уже полнее[25]. В последующие годы и названными авторами, и некоторыми другими поиск был продолжен[26]. Естественно, что в ходе исследований высказывались и спорные, и бесперспективные мысли, которые зачастую потом опровергались и теми, кто их высказывал впервые, но таков процесс научного познания.

Наиболее точным, на наш взгляд, представляется следующее определение специфических свойств телевидения:

- это зрительно-звуковой язык, который представляет собой синтез трех знаковых систем: устной речи, изображения и музыки;
- это сиюминутность, которая присуща его прямым передачам и характеризует стиль, в котором решены его передачи в записи и фильмы;
- это доверительный характер общения, который продиктован условиями и характером восприятия телевидения в домашней обстановке;
- это лаконизм, контурность его изобразительного решения, продиктованные малым размером экрана, но, главное, более низкой, чем у киноэкрана, разрешающей способностью телевизионной трубки;
- это программность его, выражающаяся в том, что телевидение – это совокуп-

---

[24] Р.А.Борецкий. О жанрах и формах документально-хроникального (общественно-политического) телевидения. Автореферат кандидатской дисс. – М., 1962. С. 13, 15.

[25] См. А.Я.Юровский, Р.А.Борецкий. Основы телевизионной журналистики. – М., 1966.

[26] См. Э.Г.Багиров, И.Г.Кацев. Телевидение XX век. – М.: 1968; М.К.Барманкулов. Жанры печати, радиовещания и телевидения (сравнительный анализ). – Алма-Ата, 1974; А.Юровский. Телевидение – поиски и решения. – М., 1975; Р.А.Борецкий. Телевизионная программа. Проблемы методологии, методики, прогнозирования. Автореферат докторской диссертации. – М., 1975; Р.Н.Ильин. Основы телевидения (Вопросы теории и практики телевидения). – М., 1976.

ность передач и каждая из них воспринимается в контексте других, что придает ей дополнительное значение»[27].

Все, что здесь отмечено, плюс высшая степень персонифицированности контактов со зрителем действительно отражают специфичность воздействия телевидения на аудиторию, являются базой для исполнения им общественно-политических функций, за исключением, как нам представляется, последнего тезиса. В этом плане телевидение совершенно не отличается от радиовещания и в принципе от печати – разве читатель, например, воспринимает газетный материал не в «контексте других»? Вероятно, причиной появления свойства «программности» является мнение о том, что зритель *смотрит подряд всю программу*... На самом деле, по данным социологических исследований, степень избирательности по отношению к каждой отдельной телепередаче высока, равно как и к газетному материалу, передаче радио.

Отмеченные выше особенности телевидения, и в частности то, что все компоненты передачи – звук и изображение, акустически-визуальные образы – воспринимаются одновременно органами чувств (зрением и слухом), непосредственно связанными с эмоциональной сферой сознания, являются решающими, когда мы говорим о влиянии на социальную психологию человека, о воспитании социальных чувств, настроений, привычек, побуждений и т.п. Чувственно-образное, затем рациональное, логическое познание зрителем современности в процессе телепередачи – вот что объясняет ведущую роль воспитательной функции телевидения. Другое дело, что практика тележурналистики еще не всегда использует «на полную мощность» благоприятнейшие возможности экрана для отображения духовного мира человека. Ведь нередко специфический, телевизионный аспект состоит не столько в показе события или в исследовании проблемы, сколько в раскрытии нравственных качеств человека через событие, через его отношение к данному событию и т.д.

Полученные социологией журналистики данные позволяют сделать три весьма важных вывода. Во-первых, человек современного общества с большей или меньшей регулярностью воспринимает социальную информацию, адресованную ему всеми тремя каналами массовой пропаганды, т.е. испытывает влияние всей журналистики в целом, – налицо тенденция к образованию ее *единой* аудитории; во-вторых, опытным путем зафиксировано формирование особых запросов и требований у аудитории к различным видам журналистики и к системе в целом; в-третьих, специфика печати, радио и телевидения является базой при выборе того или иного канала для передачи информации соответствующего характера.

Социологическое исследование, проведенное в Таганроге в 1968–1970 гг., показало, что информацию население получает (с учетом того, что 11,6% опрошенных не указали ее источника) предпочтительно из газет, радио и телевидения – 80,3% опрошенных,

[27] Э.Г.Багиров. Место телевидения в системе средств массовой информации и пропаганды. – М.: 1976. С. 109.

от родственников и соседей – 19,9, из бесед с сослуживцами – 18,5%. При этом 61,5% населения регулярно обращается ко всем источникам массовой информации – одновременно читает центральные и местные газеты, слушает радио, смотрит телепередачи ежедневно или несколько раз в неделю[28].

Комплексное изучение системы средств массовой информации и пропаганды предполагает широкое привлечение достижений социальной психологии, применение ее методов для раскрытия механизма получения и переработки человеком поставляемой печатью, радио и телевидением общественно значимой информации. Степень ее усвоения зависит не только от коммуникативной природы канала, по которому она поступила, но и от таких важных субъективных факторов, как потребности, интересы, ценности, система знаний и убеждений личности.

Потребность в том или ином виде социально значимой информации и ожидаемое удовлетворение от нее – вот главный побудительный стимул нашего обращения к печати, радио, телевидению. И здесь возникает проблема ценности, практической значимости сообщений средств массовой информации и пропаганды. Пропагандистское воздействие, считают социальные психологи, будет эффективным «при наличии в передаваемых сообщениях информации двух видов: *основной информации*, содержащей ценностные значения в первую очередь, и *дополнительной информации*, задача которой состоит в том, чтобы привести восприятие человека в состояние, благоприятное для принятия основной информации. Заключая в себе элементы новизны, ясности, контрастности, конкретности, занимательности или, наоборот, однообразия, сухости, серости, невыразительности, фальши, дополнительная информация возбуждает в психике людей соответствующие – положительные или отрицательные – эмоции, что в значительной степени предопределяет ход и исход психической переработки основной информации»[29].

Социально-психологическим аспектам взаимодействия журналистики и ее аудитории уже посвящен ряд исследований. В частности, в работе Ю.А.Шерковина[30] содержится немало ценных наблюдений того, как происходит убеждение и внушение в массовых пропагандистско-информационных процессах, а также специфике внимания, понимания и запоминания читателей, слушателей, зрителей во время чтения газеты, у радиоприемника, телевизора.

В социалистическом обществе газеты, радио и телевидение не являются конкурентами ни в идеологическом, ни в экономическом аспектах, и потому каждое из них располагает всеми возможностями для совершенствования собственных способов и методов отражения современности, формирования общественного мнения. При этом

---

[28] См. И.Д.Фомичева. Городская аудитория средств массовой информации и пропаганды. Автореферат. – М., 1971. С. 8.

[29] «Социальная психология». Краткий очерк. – М.: 1975. С. 174.

[30] См. Ю.А.Шерковин. Психологические проблемы массовых информационных процессов. – М.: 1973.

возникает необходимость в согласованности, концентрированном воздействии на аудиторию читателей, зрителей и слушателей, что может быть достигнуто благодаря гармоническому и всестороннему освещению печатью, радио и телевидением явлений и процессов жизни, развитию тесных контактов между ними, целесообразному выбору форм и методов их взаимодействия.

В середине прошлого столетия, характеризуя механизм отражения печатью действительности, К.Маркс писал, что «газетный корреспондент может считать себя только частицей многосложного организма, в котором он свободно избирает себе определенную функцию. Один, скажем, больше изобразит непосредственное, почерпнутое из общения с народом, впечатление, произведенное его бедственным положением; другой – историк – займется историей создавшегося положения; эмоциональный человек даст описание самой нужды; экономист рассмотрит средства, необходимые для ее уничтожения... Так, при живом движении печати раскрывается *вся правда в целом*»[31].

Сегодня, когда современность отражается ежедневно, ежечасно и даже синхронно (не только газетой – она просто не в состоянии это делать одна), печать, радио и телевидение, подобно корреспонденту, «свободно избирающему... определенную функцию» (по способностям), также *свободно* определяют (согласно материальной природе и условиям их восприятия аудиторией) свое место в системе журналистики. Именно разделение труда и отсюда неизбежная координация и кооперирование средств массовой информации и пропаганды позволят им полнее удовлетворять потребности общества, обеспечивать живое движение журналистики, воссоздающей *всю правду в целом* о развивающемся мире.

В современных условиях *с неизбежностью каждый раз* встает вопрос: *когда* и в *какой* форме получена информация? Только максимальная оперативность и наглядность, глубина анализа и обобщения предлагаемых сообщений удовлетворят аудиторию средств массовой информации. Следовательно, полнокровно отобразить все многообразие движущейся жизни они могут, лишь функционируя *вместе*. «Отдельный автор не в состоянии так охватить целое, как это может сделать газета»[32]. Сегодня охватить «целое» – значит *вовремя и в печатной и зрительно-звуковой форме*.

[31] К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.1. С. 188.
[32] Там же. С. 368.

Глава вторая[33]

НЕ РЯДОМ, А ВМЕСТЕ

Внутренняя организация системы СМИП представляет собой специфический способ взаимосвязи, взаимодействия образующих ее компонентов. Структуре любой системы, ставшей целостно определенной (с развитием телевидения мы можем считать таковой журналистику), присущи как наиболее характерные отношения координации и субординации.

«*Координация* – это определенная согласованность, пригнанность компонентов целого друг к другу, тот особый характер их взаимной зависимости, который обеспечивает динамическое равновесие системы... В органическом и общественном целом наряду с координацией имеет место и *субординация,* то есть подчиненность и соподчиненность, указывающая на особое место и неодинаковое значение каждой из них в системе»[34].

Процесс формирования системы, уточнение функций ее составных частей происходит в соответствии с принятым за основание деления признаком. Применительно к системе средств массовой информации и пропаганды таковым, на наш взгляд, является коммуникативная природа каждой из ее частей, т.е. специфические выразительные свойства и особенности восприятия аудиторией газетных материалов, радио- и телепередач.

При подготовке информации, воплощении ее в соответствущих формах и жанрах, в ходе избирательного восприятия, «приема» ее массовой аудиторией и проявляется действие закономерностей, принципов координации средств массовой информации и пропаганды. Они дополняют друг друга по крайней мере в трех аспектах: в своеобразном «видении», отражении мира; в охвате, в объеме освещаемых ими событий, явлений, фактов социальной действительности, а также в особой интерпретации функций каждым средством. В чем-то они едины и одновременно своеобразны, неповторимы, что-либо под силу только одному компоненту системы, в другом же случае они не могут обойтись друг без друга.

Первый принцип координации состоит в том, что каждое средство журналистики рисует картину мира своими красками. Требование специфичности, а значит, с точки зрения целостности системы и пригнанности видов журналистики друг к другу при отражении ими объективной действительности определяет содержание данного принципа. Этот принцип имеет огромное значение: от его познания и реализации на практике зависит то, как скоро система СМИП станет зрелой, гармонично развитой.

Средства массовой информации и пропаганды, находясь в тесной взаимосвязи,

---

[33] Публикуются фрагменты.

[34] В.Г.Афанасьев. Научное управление обществом. С. 12-13.

влияют друг на друга не только в смысле ускорения развития специфичности каждого из них. По мере расширения массовой аудитории радиовещания и телевидения необходимость учета *содержания* выступлений по каждому каналу пропаганды становится все актуальнее и неоспоримее. Сущность второго координационного принципа сводится к *систематическому корректированию, согласованию* сообщений газеты, радиовещания и телеэкрана на основе всесторонней прединформированности, осведомленности журналистских органов о том, что именно по этому поводу уже было сообщено аудитории другими органами и что с тех пор произошло в жизни.

Реализация этих принципов в деятельности системы обеспечивает непрерывное воздействие на аудиторию (перекрещивающиеся круги которой в обозримом будущем сольются в один!) *общественно значимой, новой по содержанию и специфической по форме информации*.

Третий важнейший принцип координации средств массовой информации и пропаганды отражает устойчивую взаимосвязь между ними в функциональном отношении. Его можно так и назвать – принцип *функциональной взаимозависимости.* В специальной литературе эта проблема чаще всего решается просто и однозначно, например так: «Радио и телевидение, равно как и газета, являются не только коллективными пропагандистами и агитаторами, но и коллективными организаторами масс».

Как общий постулат это, разумеется, бесспорно. Однако *только признания общности функций* печати, радио и телевидения в современных условиях уже недостаточно. Сила привычки, инерция, известная доля консерватизма мешают ряду исследователей осознать новую обстановку, перейти от анализа составных частей системы массовой пропаганды, взятых в отдельности, к рассмотрению их в движении, в состоянии синхронного воздействия на аудиторию. Между тем необходимо уяснить, как *общие* для печати, радио и телевидения *функции,* преломляясь через их коммуникативную природу и сообразуясь с ней, *приобретают особое значение для каждого конкретного вида журналистики и для системы в целом при отражении ею реальной действительности, в процессе формирования общественного мнения. Распределение труда, когда в каждом конкретном случае газетная страница, микрофон и телекамера выполняют свою «долю работы» в системе средств массовой информации и пропаганды, приводит к образованию объемной равнодействующей ее влияния на аудиторию.*

Говоря о координации деятельности печати, радио и телевидения, не следует забывать о том, что журналистика – дело творческое, оно не терпит шаблона, единообразия, а, напротив, требует большого простора для поисков оригинального, достижения «непохожести» даже в рамках одного средства. При передаче информации различными каналами переплетается социальное и субъективное. Но тем сложнее и острее проблема уяснения общих принципов координации деятельности средств массовой информации и пропаганды.

Процесс публицистического исследования жизни, отражения и формирования

общественного мнения, достижения непосредственных изменений социальной действительности непрерывен. Но реализуется он дискретными частями единой системы журналистики. *Способы объединения печати, радио и телевидения в непрерывно функционирующее целое – в этом, по нашему мнению, сущность координации их деятельности, основными принципами которой являются специфичность воздействия каждого канала на массы, согласование содержания и функциональная взаимозависимость.*

Отношения координации не привносятся извне, а вытекают из природы печати, радиовещания и телевидения как составных частей системы СМИП.

Осознание принципов координации и применение их на практике приведут к гармоничному, всестороннему, оперативному и наглядному освещению жизни журналистикой, особенно если принять во внимание, что границы ее аудиторий (газета – читатели, радио – слушатели, телевидение – зрители и т.д.) все больше размываются. Развитие принципов координации – непременное условие, магистральный путь совершенствования системы СМИП, ведущий к полному выявлению имманентной сущности каждого ее компонента.

Близким к понятию «координация СМИП», предлагаемому в данной книге, представляется плодотворно разрабатываемое учеными ГДР понятие «профилирование органов массовой информации» как определение характерных для них тематического содержания, основных журналистских форм и методов, графических и типографских средств или средств, применяемых при составлении программы, с учетом круга читателей, слушателей, зрителей и района распространения информации[35]. «Профилирование включает в себя не только определение места и специфики того или иного издания, программы и т.п., – справедливо замечает П.Фиртель, – но и постоянный учет существования, функционирования других составных частей социалистической журналистики»[36].

Можно выразить удовлетворение и по поводу того, что ряд идей гипотетического характера о координации СМИП, ее принципах, обоснованных автором данной книги в публикациях на немцком языке[37], подтвердился итогами научного эксперимента, проведенного секцией журналистики Лейпцигского университета в 1974 г. (они изложены в книге «Профилирование и кооперирование видов журналистики при информировании и аргументировании социалистической экономической интеграции», вышедшей в 1975 г. в ГДР). В результате исследования, в частности, доказано, что потенциальные возможности повышения оперативности СМИП, особенно радиовещания, раскрыты еще далеко не полностью. Любопытны и другие наблюдения немецких ученых: телевидение в гораздо большей степени, чем его «коллеги», раскрывает моти-

[35] См. Э.Дузиска. К вопросу о профилировании. – «Демократический журналист», 1974, № 1.С. 16.
[36] «Neue Deutsche Presse», 1974, N 8, S. 1–8.
[37] Например: V.Chelemendik. Ezfahrungen und Probleme der Gemeinschaftsarbeit. – Berlin. «Neue Dentsche Presse», 1971, № 1.

50-летие со дня рождения автора отмечалось 7 ноября в Лондоне, во время служебной командировки. А.П.Судаков, главный редактор издательства «Просвещение» и Л.Н.Паршин, советник посольства СССР в Великобритании. 1984.

вы поступков людей, т.е. специфика вида журналистики воздействует на количество и качество информации и аргументации в материалах о людях, их мыслях, чувствах и поведении. Электронные СМИП используют свои преимущества (акустичность, наглядность, эмоциональность) для воспитания социальных чувств, отображения внутреннего, духовного мира человека.

Для глубокого понимания развития социалистической экономической интеграции недостаточно сообщить множество фактов, надо дать аудитории возможность воспринять эти факты в их естественной взаимозависимости. Самые общие представления о связях между фактами, явлениями и процессами слушатели и зрители получают в основном из радио- и телепередач. Зато по количеству сообщений, в которых факты, события освещаются в масштабных рамках закономерностей общественно-исторического процесса, приоритет за газетой (их вдвое больше, чем, скажем, на телеэкране), т.е. она обладает высшей степенью обобщения, анализа и тем самым успешно готовит читателя к пониманию происходящего, к выработке собственного суждения. Кстати, замечена и такая особенность: «Neues Deutschland» – главная газета республики – гораздо аналитичнее окружных газет.

Думается, названные выше принципы координации массовых средств информации и пропаганды схватывают основные тенденции в развитии их взаимоотношений. Однако возникает немало вопросов: насколько быстро и успешно протекает этот процесс? Каковы объективные и субъективные причины непонимания, неприятия или несоблюдения этих принципов на практике? В какой мере эффективность функционирования журналистики зависит от совершенствования отношений координации между ее составными частями?

* * *

Степень развития координационного принципа согласования содержания СМИП целесообразно анализировать на различных пластах общественно значимых фактов, явлений, событий (в том числе и развивающихся, требующих такого же динамичного отражения их журналистикой), которые непременно, так или иначе были освещены всеми тремя средствами массовой информации и пропаганды[38].

Более полутора десятков лет прошло со времени полета в космос первого посланца Земли Ю.А.Гагарина. Освоение околоземного пространства человеком ныне имеет свою историю, блестящие победы, радость открытий и, увы, горечь потерь. И все эти годы печать, радиовещание, телевидение «учились», накапливали опыт, создавали традиции отражения волнующих все человечество космических полетов «в трех зеркалах» – тремя средствами массовой информации и пропаганды.

Мы уже почти привыкли к тому, что, когда очередная радиопередача (как это было впервые 12 апреля 1961 г.) вдруг прерывается знакомыми позывными и в эфире звучит торжественный голос диктора, зачитывающего сообщение ТАСС, – запущен очередной космический корабль. С той минуты мы обращаемся к радиоприемнику, чтобы узнать самые оперативные новости, смотрим телевизор, а по утрам, несмотря на то что, казалось бы, исчерпывающая информация получена, выстраиваемся в длинные очереди у газетных киосков.

Обратимся к освещению газетами, радиовещанием и телевидением, например, полета кораблей «Союз-4» и «Союз-5» (январь 1969 г.). От минуты старта и до успешного возвращения экипажей на Землю радио оперативно, а то и синхронно рассказывало о всех этапах полета, ходе научных исследований, о самочувствии космонавтов и т.п.

Телеэкран сделал нас свидетелями взлета, а позже (в 1975 г., во время совместного советско-американского полета) приземления и приводнения космических кораблей, и «уже нет нужды в описаниях огненных красот рождения нового небесного

[38] Рассматривая данный принцип координации, мы преимущественно будем оперировать фактами событийного характера.

тела, – писал В. Орлов, – если каждый их может увидеть по телевидению...»[39].

Вершиной захватывающего телевизионного репортажа, начатого перед стартом «Союза-4» и продолженного со взлетом «Союза-5», были сенсационные кадры встречи кораблей, переданные синхронно с происходящим, когда мы имели возможность следить за работой в открытом космосе А.Елисеева, за его переходом из одной «космической квартиры» в другую. Телевидение (и радио) донесло до нас голоса В.Шаталова и Б.Волынова, их деловой, «производственный» разговор из космоса.

Оперативное, эмоциональное – акустически-визуальное – отображение космического полета радио и телеэкраном поставило перед печатью особые задачи, и прежде всего проблему обеспечения новизны содержания газетных материалов с учетом предварительной осведомленности читателей о ходе событий. И если говорить о центральных газетах, то они успешно справились с этими задачами. Возьмем «Правду». За исключением официальных сообщений ТАСС о ходе выполнения программы эксперимента в космосе (которые имели к тому же и специфический газетный оттенок, так как суммировали сообщения за сутки, в результате чего читатель имел перед собой общую картину) и фотоснимков с экрана телевизора, запечатлевших наиболее важные моменты полета, остальные материалы «Правды», как правило, заключали в себе новую информацию. Это были репортажи специальных корреспондентов газеты со стартовой площадки и места приземления космонавтов[40]. *В них речь шла о том, чего не видел, да и не мог видеть телезритель:* о заседании государственной комиссии перед запуском кораблей, о самочувствии и настроении космонавтов в последние часы перед взлетом, о том, как их встретили на Земле.

Почти в каждом номере «Правда» предлагала читателям очерки, статьи ученых о проблемах космической биологии, перспективах науки в связи с созданием первой орбитальной космической станции, своеобразии монтажных работ в необычных условиях и т.п.[41]. Мнения (самые общие) ученых и специалистов сообщались и радиовещанием, и телевидением, но, пожалуй, только газета способствовала приведению в систему знаний читателей о космическом полете, предоставляя в их распоряжение более полные, последовательные, научные объяснения.

Во время следующих полетов значительно прогрессирует телевидение: прямые репортажи из космоса перестали быть сенсацией, видоизменились по своему существу. Так, еще за несколько месяцев до полета «Союз-19» – «Аполлон» телевизионный

---

[39] «Правда», 16 января 1969 г. Автор газетного репортажа действительно не стал говорить о том, что сделал наглядным для миллионов телезрителей экран, а попытался углубиться в сущность показанного, объяснить принцип действия различных систем ракеты, подчеркнуть, от каких факторов зависит состояние космонавтов во время их «спокойной работы» в особом мире невесомости и т.п. Этот материал, как и многие другие, своим содержанием дополнил репортажи телевидения и радио.

[40] См. С.Борзенко. Взлет. Четверо над планетой. – «Правда», 15 и 16 января 1969 г.; С.Борзенко, И.Лаптев. Вернулись! Все четверо – на родной Земле. – «Правда», 18 и 19 января 1969 г.

[41] См. «Правда», 16 и 17, 18, 19 января 1969 г., и др.

журнал «Человек. Земля. Вселенная» начал регулярно освещать этапы подготовки кораблей, показывал совместные тренировки космонавтов, рассказывал о программе предстоящего полета. Солнечный день 15 июля 1975 г.дал возможность ярко и красочно показать на экранах цветных телевизоров старт корабля «Союз-19», а также старт «Аполлона» с американского космодрома. Как и другие экипажи прежде, А.Леонов и В.Кубасов вели репортажи с борта корабля.

Наиболее впечатляющим был момент стыковки «Союза-19» и «Аполлона». Телезрители «присутствовали» и во время исторического момента – первого рукопожатия на орбите, которым обменялись командиры кораблей А.Леонов и Т.Стаффорд; соединения металлических плит, доставленных обеими кораблями, в единую памятную доску – символ советско-американского сотрудничества в космосе; «участвовали» в международной пресс-конференции – первой в истории освоения околоземного пространства. Все эти дни радио оперативно и регулярно сообщало самую свежую информацию о совместном полете, а газеты предлагали читателям дополнительные материалы о нем.

На рассмотренном примере освещения одного и того же развивающегося во времени события тремя средствами журналистики видно, как реализуется в их деятельности принцип согласования содержания.

Благоприятные возможности для координации деятельности СМИП, осуществления единого планирования, расширения возможностей выбора различного содержания и устранения дублирования, концентрированного, рационального использования средств и техники, лучшей расстановки творческих сил, ведения важных тем с учетом специфики каждого СМИП появились с созданием в Гостелерадио объединенных редакций в центре и на местах[42].

О преимуществах объединения говорит и председатель Гостелерадио СССР С.Г.Лапин: «В новых условиях по-иному строится работа, меняются ее организационные формы. Крупнее становятся коллективы, и, следовательно, интереснее творческие связи, контакты, плодотворнее критика, обсуждения, обмен опытом. Меньше сутолоки, параллельной работы, дублирования. Лучше используются и технические средства»[43].

Вместе с тем, очевидно, назрела потребность в проведении специального эксперимента по созданию структурного Объединения средств массовой информации и пропаганды (хотя бы в масштабе области). Сущность такого эксперимента заключается в том, что редакции газет, радиовещания и телевидения объединяются в *одну* – «под общей крышей», с единой главной редакцией и творческими подразделениями по тематическому принципу (например, отдел пропаганды Объединения готовит все

[42] В Москве организованы объединенные главные редакции информации, спортивных программ Центрального телевидения и радио, а в 11 телерадиокомитетах Российской Федерации объединены все тематические редакции.

[43] «Обмен опытом». Информационный сборник. 1976, май. С. 103.

материалы данной тематики для газеты и эфира); с информационно-координационным отделом, занимающимся подготовкой оперативных (ежедневных) сведений о происходящих и будущих событиях, предложений о выборе оптимального канала журналистики для первого сообщения о том или ином событии, а также о возможностях дополнения, обогащения, развития той или иной темы по другим каналам; с отделом изучения эффективности деятельности журналистских средств Объединения.

Эксперимент подобного рода, несмотря на все сложности организационного характера, был бы оправдан, так как способствовал бы уяснению принципов координации СМИП, отработке практических методов их реализации.

* * *

Единство социально-политических задач массовых средств информации и пропаганды не должно заслонять необходимость определения их функциональных особенностей при освещении любой темы, явления, события, факта. При выполнении в неразрывном единстве и взаимодействии свойственных всей журналистике в целом функций (организаторской, пропагандистской, агитационной) каждая из составных частей СМИП справляется с одними из них с большей результативностью, с другими – с меньшей.

В самом деле, при исследовании, анализе любой социальной, политической, производственной, морально-этической и т.п. проблемы или ситуации, оперативности сообщения о факте или событии, наглядности рассказа о них, при достижении этих конкретных целей – хотим мы признавать это или нет – каждый журналистский орган (газета, радио, телевидение) обладает различной степенью «мощности». От того, насколько глубоко познан теоретически и используется практически принцип *функциональной взаимозависимости* компонентов системы СМИП, зависит, состоится или не состоится рациональная «настройка» всего журналистского «оркестра».

Предпримем попытку разобраться в этой сложной и почти не затронутой пока что исследователями проблеме на примере ведения печатью, радио и телевидением экономической темы, в частности вопросов распространения передового производственного опыта.

Белорусское радио на протяжении последних 15 лет много сделало в области популяризации опыта новаторов производства. Здесь широко используются такие жанры, как интервью, беседы, радиопереклички, радиоэкскурсии, рейды и смотры, проводимые совместно с газетами. Нередко у микрофона выступают специалисты, ученые, передовики промышленности и сельского хозяйства. Практика Белорусского радио рассмотрена в ряде научных работ, и здесь хотелось бы высказать некоторые соображения по поводу понимания их авторами задач радиовещания. Так, В.П.Нестерович считает, что массовое производственное обучение работников сельского хозяйства и пропаганда передового опыта через специальные заочные радиошколы, радиолек-

тории являются эффективными. К безусловным успехам он причисляет проведение радиоконференции по вопросам химизации сельского хозяйства, участники которой (ученые, специалисты) на протяжении полутора месяцев говорили о том, как, к примеру, «пользоваться почвенными картами, картограммами кислотности и другими материалами почвенных исследований», описывали «наиболее эффективные способы использования минеральных удобрений»[44].

У В.П.Нестеровича не возникает и тени сомнения, не пытается ли радиовещание в этих случаях выполнить непосильную для себя функцию? Напротив, автор пишет: «К материалам радиоконференции труженики села проявляют живой интерес, об этом свидетельствуют *свыше 40 заявок (!),* поступивших к нам на радио от работников сельского хозяйства с просьбой выслать *тексты* передачи о химическом методе обработки соломы...»; а несколько ниже приводит еще один такой факт: «... сельские специалисты предложили *издать* материалы радиоконференции. Эта *книга* уже вышла»[45] (курсив мой. – В.Х).

Пожалуй, трудно найти более убедительные аргументы для опровержения тезиса об эффективности производственной радиопропаганды в том виде, как ее понимает В.П.Нестерович. 40 слушателей, выражая интерес многих из миллионной аудитории Белорусского радио, подсказали журналистам то, что является очевидным: воспринять на слух практические рекомендации по внесению в почву тех или иных удобрений невозможно. Помочь колхозникам, рабочим совхозов в овладении знаниями в области химизации в таком объеме, чтобы они могли применить их на практике, в состоянии только печать (газета, журнал, брошюра, книга).

Данный пример – яркая иллюстрация *функционального* дублирования в системе СМИП, когда одна из ее составных частей берет на себя не свойственную ей по природе функцию.

Если *один и тот же текст* можно транслировать по *радио* и выпускать *книгой*, о каком признании специфики этих различных по природе средств массовой информации и пропаганды может идти речь?

Своеобразие производственно-экономической пропаганды средствами радиовещания, на наш взгляд, видится, во-первых, в оперативном информировании наиболее массовых категорий работников промышленности и сельского хозяйства об адресах передового опыта, чтобы пробудить к нему интерес; во-вторых, в краткой, квалифицированной производственной, экономической и социальной оценке фактов, явлений. Специфика радиовещания видится и в широком привлечении для выступления у микрофона людей, стоящих у истоков нового, специалистов, ученых, передовиков производства, короче говоря, тех, чье слово авторитетно для слушателей.

---

[44] «Творческий опыт радиовещания». Сборник статей. – М.: 1965. С. 6.
[45] Там же. С. 6–7.

Личностный характер влияния на слушателей огромен, и немалую роль в передаче играют авторитет, популярность, обаяние выступающего у микрофона человека. Это универсальное свойство радиовещания (и телевидения), о чем бы ни шла речь – о передовом опыте, социалистическом соревновании, о текущих производственных делах коллектива и т.д.

Известно, например, что председатель колхоза, дважды Герой Социалистического Труда М.А.Посмитный нередко выступал у микрофона колхозной радиостанции, и его слова, обращенные к односельчанам, словно «электризовали» нравственную атмосферу коллектива. Вот отрывок из одного такого выступления во время уборки урожая: «Слышишь ли ты меня, Михаил Артемович?! Если ты опять, как вчера, у штурвала, или отдыхаешь после трудной смены, прошу добрых людей передать, что я сейчас скажу... Я видел вчера твою работу, но не успел дать оценку, потому как спешил побывать на других агрегатах. Тебя же не хотел и на минуту отрывать от дела... Ну так слушай же теперь, Михаил Артемович : спасибо тебе, дорогой, за блестящую работу! Молодец! Так и быть, скажу по секрету: я тебе вчера прямо позавидовал. Силе твоей позавидовал, уму. Годам твоим!.. За такую работу надо давать награды. Ну а пока прими большое спасибо от меня лично и от наших колхозников».

Рассказывают, старый комбайнер слышал все сам и не смог сдержать своих чувств, плакал на людях»[46].

Исходя из своеобразия выразительных средств и особенностей усвоения материалов *других видов журналистики* можно также установить их функциональную целенаправленность в пропаганде передового опыта. В современных условиях усилия, например, газеты, по нашему мнению, правомерно сосредоточить на детальном изложении существа тех или иных передовых приемов труда, раскрытии их экономической эффективности, популяризации оптимальных форм организации работы. Это совсем не означает, что газета должна превратиться в некий технологический бюллетень. Распространение передового производственного опыта она должна вести опять-таки с учетом ее места и роли в системе печатной пропаганды, при наличии достаточно широкой аудитории, для которой данный прием или метод представляет ценность, при возникновении актуальной общественной потребности, удовлетворить которую необходимо сегодня.

Телевидение, как и радио, способно оперативно и к тому же наглядно рассказать о новинках науки и техники, производственного опыта. Однако основная задача его, по-видимому, состоит в том, чтобы всесторонне раскрыть высокие моральные качества новаторов производства, их общественную психологию, отношение к труду, движущие мотивы новаторства, отобразить нравственный микроклимат трудовых коллективов. Предлагаемое функциональное «распределение обязанностей» в системе журналисти-

[46] Н.Плахотный. Писать о нем и легко и сложно. – «Телевидение. Радиовещание», 1974, № 9. С. VI–VIII.

ки, естественно, условно, но оно, несомненно, поможет раскрыть сильные стороны воздействия печати, радио и телевидения на аудиторию, определить специфический ракурс освещения ими тех или иных вопросов.

Разумеется, разговор об отношениях между людьми, раскрытие их социальной психологии, нравственных качеств не может вестись в «безвоздушном пространстве»; ему предшествует, ему сопутствует анализ конкретных проблем, решение которых зависит от многих слагаемых. Но для телевидения – и в этом главное его функциональное отличие от печати – такой анализ не самоцель, для него чаще всего представляют интерес лишь отдельные стадии такого исследования, при котором может раскрыться поведение, настроение, отношение, оценка, мотив, стремление человека.

Свои формы живого и увлекательного показа социалистического соревнования нашло Литовское телевидение, которое еще в 1967 г. провело конкурс животноводов, привлекший внимание всего населения. Сборным командам районов (каждая из 5 человек – руководители хозяйств, зоотехники, доярки, телятницы, свинарки) предлагались три вопроса: о новейших достижениях науки, успехах животноводов республики, Союза и зарубежных стран; конкретная зоотехническая задача, которую они обязаны были решить за определенное время; «домашнее задание» (скажем, предложение по улучшению условий труда и быта животноводов и т.п.).

Жанровое родство конкурса с КВН способствовало появлению у телезрителя заинтересованности передачей. Условия конкурса предполагали, что участники его (также и те, кто мог включиться в него, позвонив на студию) знают «чуть больше», мыслят «чуть шире», постигли тайны своей профессии «чуть глубже», чем обычный средний животновод. И воспринимаемые в такой форме новые сведения пробуждали у человека, причастного к животноводству, «спортивное» желание быть на уровне современных знаний, а у того, кто далек от этой отрасли хозяйства, развивали любознательность. В ходе конкурса вносились дельные предложения. Но из откликов и мнений о передачах выяснилось также, что затрагивавшиеся в них вопросы организации труда, быта, культуры села были, пожалуй, наиболее значимыми для зрителей[47].

Таким образом, когда рамки передачи об опыте не ограничены единственной целью – рассказать о технологически-производственной его стороне, но наряду с этим выдвигают общественные и социальные проблемы, тогда телевидение выполняет свои журналистские функции.

Итак, речь идет о том, что общественные функции средств массовой информации и пропаганды в зависимости от их коммуникативной природы осуществляются по-разному – одни с максимальным эффектом, другие менее успешно. Для печати, на наш взгляд, на первое место выступают ныне организаторская и аналитическая функции, для телевидения – пропагандистская и воспитательная, для радиовещания – информационная и агитационная.

---

[47] См. «Советское радио и телевидение», 1967, № 9. С. 10-11.

Вечер в Центральном доме литераторов, посвященный 50-летию серии «Жизнь замечательных людей». В первом ряду – жена Галина Петровна, автор и сын Роман. 1983.

Именно в том случае, когда на полную мощность используется ведущая функция каждого средства массовой информации и пропаганды, достигается наибольший эффект воздействия системы журналистики на аудиторию. Соподчинение видов журналистики в функциональном смысле – подчеркнем особо – надо понимать как тенденцию: оно не является неизменным, значение отдельных функций для того или иного средства СМИП в определенных ситуациях может меняться.

Принципом функциональной взаимозависимости определяется тот особый характер отношений внутри системы средств массовой информации и пропаганды, который в состоянии гарантировать динамическое равновесие в процессе выполнения ею общественно-политических и социальных задач. Становление отношений координации позволит развить интегративные качества системы – гарантировать актуальность, оперативность, универсальность, непрерывность ее воздействия на личность; усилить эффективность деятельности всех средств массовой информации и пропаганды.

Глава третья
ПО СПИРАЛИ[48]

В социалистическом обществе сближение, творческое содружество различных по природе отраслей журналистики является насущной необходимостью: отношения координации между ними развиваются все интенсивнее и дополняются отношениями *органического взаимодействия.*

Признаками такого взаимодействия, по нашему мнению, следует считать *совместное одновременное исследование средствами массовой информации и пропаганды тех или иных проблем общественной жизни, комплексное ведение общих политических и хозяйственных кампаний, последовательность и преемственность в передаче и комментировании информации.* Существенное отличие взаимодействия или кооперирования[49], от координации состоит в *объединении нескольких редакций газет, телевидения, радиовещания на более или менее продолжительный срок как бы в один журналистский организм – «в одну редакцию» с единым планированием, взаимной поддержкой в борьбе за последовательное и разностороннее освещение избранной темы, за действенность выступлений.* Каковы же типы, формы, принципы и закономерности этого процесса? [50]

Взаимодействие средств массовой информации и пропаганды в зависимости от коммуникативной природы участвующих в нем журналистских органов может быть нескольких типов.

Во-первых, кооперирование развивается в пределах *одного вида пропагандистского и информационного канала (взаимодействие по вертикали)* внутри подсистемы СМИП. В этом направлении в нашей стране уже сложились довольно прочные традиции. Так, например, участие редакций газет в деятельности «старших» изданий в качестве коллективных корреспондентов (начиная от публикации материалов редакций стенных газет на страницах многотиражек и заканчивая выступлениями республиканских и областных газет в «Правде», «Известиях», «Труде», «Комсомольской правде» и др.); подготовка местными теле- и радиокомитетами материалов для программ Центрального телевидения и Всесоюзного радио; выпуск объединенных номеров газет, обменных полос совместными силами различных редакционных коллективов; радио- или телефестивали, которые проводятся на местах несколькими студиями.

---

[48] Публикуется с некоторыми сокращениями.

[49] Эти понятия употребляются в данной работе как равнозначные.

[50] Специальных работ, посвященных данной теме, пока еще нет. Ряд авторов поддерживают идею кооперирования газет, радио и телевидения, в частности: Е.Межов. Дай руку, товарищ-газетчик! – «Советское радио и телевидение», 1967, № 9. П.К.Курочкин. Средства массовой информации и пропаганды и их роль в формировании нового человека. – «Проблемы современной идеологической борьбы, развития социалистической идеологии и культуры». – М., 1972; В.В.Егоров. Телевидение в системе идеологической деятельности КПСС (1965–1975 гг.). Автореферат докторской дисс. – М., 1977.

Примеров такого рода кооперирования можно было бы привести множество. Вспомним хотя бы объединенный номер газет Поволжья к 50-летию Советской власти (январь 1967 г. – «Ульяновская правда», «Коммунист» (Саратов), «Волжская коммуна» (Куйбышев), «Советская Татария» и «Социалистик Татарстан»); систематическое освещение в девятой пятилетке четырьмя республиканскими газетами («Советская Россия», «Радянська Украина», «Звязда» и «Совет Узбекистони») работы смежных и родственных предприятий, связанных единым конвейером выпуска товаров народного потребления; обменные полосы газет соревнующихся республик, к примеру Белоруссии и Литвы («Звязда» и «Тиеса»); ведение газетами «Советская Башкирия», «Удмуртская правда», «Звезда» (Пермь) постоянной рубрики «Уральскому «Москвичу» – Знак качества», материалы которой держат под контролем ход соревнований предприятий-смежников по производству малотиражки «М-412». Или объединенные номера молодежных газет: еще в 1963 г. их выпускали «Комсомолец Донбаса», «На смену!» (Свердловск) и «Молодой ленинец» (Днепропетровск), взявшие под контроль ход выполнения предприятиями областей заказов для ударных комсомольских строек. Спустя 10 лет выходят совместные спецвыпуски нескольких молодежных газет Сибири и Дальнего Востока, посвященные строительству Байкало-Амурской магистрали.

Во-вторых, кооперирование различных по природе средств массовой информации и пропаганды, когда усилия концентрируют либо все три вида, либо попарно – газета и радио, газета и телевидение, радио и телевидение, либо, к примеру, телевидение и несколько газет. Такой тип журналистских контактов правомерно назвать *взаимодействием по горизонтали*. Этот тип и является основным предметом нашего исследования.

История возникновения и развития радиовещания в нашей стране дает неопровержимые доказательства тому, что, как только радио приступило к выполнению своих социальных функций устанавливаются тесные связи между ним и другими средствами и формами идейно-воспитательной и массово-политической работы. Характер контактов газет и радиовещания в 20-х и 30-х годах определялся их едиными общественно-политическими целями и задачами: необходимостью не только оперативно информировать население о ходе социалистического строительства, но и вовлекать его в это строительство.

Печать и радио делали достоянием широких масс важные партийные и правительственные декреты, обращения, призывы – «тиражировали» их в печатной и звуковой форме. Уже одно это обстоятельство – возможность – *расширять границы и умножать силу воздействия партийного слова на трудящихся посредством повторения его на газетных страницах и в радиопередачах* – имело в тот период огромный политический и общественный резонанс.

В 20-х годах значительное место в программах радиовещания занимало чтение у микрофона газетных материалов, обзор тех или иных изданий – газет, журналов, книг. В свою очередь оперативные, краткие радиосообщения нередко использовались дру-

гими средствами массовой пропаганды. Известно, что многие из таких сообщений послужили фактической основой для частушек и лозунгов «Окон РОСТА»[51]. В.В.Маяковский первым из советских поэтов выступил у радиомикрофона с чтением своих стихов. «Радио, – писал он, – вот дальнейшее (одно из) продвижение слова, лозунга, поэзии. Поэзия перестала быть только тем, что видимо глазами.

Революция дала слышимое слово, слышимую поэзию»[52].

Восстановление объективной картины начального периода развития радиовещания сопряжено со значительными трудностями, так как тексты передач, за исключением тех, которые были опубликованы в печати, почти не сохранились[53]. По этой же причине нелегко говорить и о взаимодействии печати и радио. И все же есть возможность остановиться на некоторых примерах.

С началом регулярной трансляции радиопередач (конец 1924 г.) центральные газеты активно поддерживают своего «младшего собрата» по оружию: «Правда» сначала публикует программы на неделю вперед, потом – ежедневно, с декабря 1924 г. появился постоянный «радиоуголок» в «Известиях»; позже и другие газеты начали привлекать внимание читателей к радиопередачам. Когда, например, проводились массовые радиомитинги, переклички, в печати сообщалось об этом заранее и не один раз.

Одна из первых и наиболее значительных по масштабу и продолжительности форм взаимодействия печати и радио – проведение «декады гигантов» (25 июля – 5 августа 1931 г.), когда газета «За индустриализацию» (орган ВСНХ СССР), местные издания, радиогазета «Пролетарий», многотиражки крупнейших предприятий держали под «перекрестным огнем» сооружение шести крупнейших новостроек пятилетки.

10 июля 1931 г. в газете «За индустриализацию» было напечатано письмо начальника строительства Березниковского химкомбината, который предложил в один из ближайших дней организовать всесоюзную перекличку с целью проверки выполнения заказов на поставку оборудования для гигантов пятилетки – Магнитостроя, Кузнецкстроя, Автостроя, Березников, Харьковского тракторного, Уральского машиностроительного.

Это предложение редакцией было принято, и, начиная с очередного номера, газета публикует подборки острых критических корреспонденций, заметок и сигналов, адресованных предприятиям, которые сдерживают темпы строительных работ. Как правило, не вдаваясь в подробности, «не входя в положение» виновников, она настойчиво, изо дня в день требовала от них сделать все, чтобы заказы для заводов-гигантов

---

[51] Темы ряда стихотворений Д.Бедного, украинского поэта В.Эллана также навеяны радиосообщениями – оперативные выступления литераторов «на злобу дня» предварялись строками радиограмм.

[52] В.В.Маяковский. Полн. собр. соч.в 13-ти томах. Т.12. – М., 1959. С. 162.

[53] Микрофонные материалы, архивы Научно-исследовательского института радио и телевидения, различные документы, характеризующие деятельность радиоорганизаций за предвоенный период, погибли во время Великой Отечественной войны.

были выполнены в срок. Вот лишь несколько «говорящих» шапок и заголовков газеты: «Неужели вам хочется оттянуть пуск Кузнецкого завода? Горловские и сталинские металлисты, к вам обращаем этот вопрос», «Обезличка срывает снабжение гигантов электрооборудованием»; «Верните ваш долг Уралмашстрою!»[54] и т.п.

Газета «За индустриализацию» была своеобразным дирижером, направляющим усилия хозяйственных, профсоюзных, комсомольских организаций, органов печати и радио в борьбе за своевременное завершение строительства крупнейших предприятий первой пятилетки. На ее страницах состоялась перекличка городских Советов крупнейших промышленных центров (Москвы, Ленинграда, Харькова и др.). В критических корреспонденциях газета вскрывала недостатки в работе предприятий-поставщиков, транспорта; к борьбе за их устранение она привлекала местную и отраслевую печать, радиогазету «Пролетарий» и местные радиоредакции[55].

Печать и радиовещание провели большую организаторскую работу в период подготовки «декады гигантов». На предприятиях, выпускающих оборудование для новостроек, создавались рабкоровские посты, которые контролировали ход выполнения наиболее важных заказов. Газета «Рабочая Москва», к примеру, взяла шефство над столичными заводами «Электросвет», «Динамо», «Красный пролетарий», «Борец», имени Лепсе; редакция радиогазеты «Пролетарий» – над Электрозаводом, Тормозным заводом и заводом «Серп и молот». В рейдах-проверках принимали участие не только рабкоровские бригады, но и депутаты областных, городских и районных Советов.

Накануне всесоюзной радиопереклички заводов-гигантов газета «За индустриализацию» на протяжении недели в каждом номере напоминала о приближающемся событии, а в день переклички на первой полосе сверху напечатала о ней объявление, призывая повсеместно организовать коллективное ее слушание. 57 радиостанций, 3500 радиоузлов транслировали по всей стране «Слово строек о самих себе»[56].

Действенность совместных выступлений газет и радио была ощутимой: «декада гигантов» оказала большое мобилизующее влияние на коллективы рабочих, инженеров и техников предприятий, связанных со стройками, поскольку все внимание было сконцентрировано на самых ответственных, не терпящих отсрочек заданиях. К тому же был нанесен сильный удар по обезличке в выполнении заказов на оборудование для заводов-гигантов, выдвинута идея комплектности в их поставках. После критики в печати и по радио были достигнуты и непосредственные практические результаты[57].

---

[54] См. «За индустриализацию», 15, 18, 19 июля 1931 г.

[55] Когда, например, целые составы с цементом для Кузнецкстроя простаивали по 4–6, а то и по 10 дней на станции Батраки, газета «За индустриализацию» опубликовала письмо строителей и тут же обратилась к редакции отраслевой газеты «Гудок» с предложением проверить положение дел (см.: «За индустриализацию», 13 июля 1931 г.).

[56] Все выступления радиопереклички были напечатаны в газете «За индустриализацию» 29 июля 1931 г.

[57] О них сообщалось в газете «За индустриализацию» 6 августа 1931 г.

Методика подготовки газетчиками и радиожурналистами митингов, собраний, перекличек сводилась к тому, что редакции заблаговременно всесторонне изучали выбранную проблему; на предприятиях – участниках этих массовых мероприятий создавались рабкоровские посты и бригады, а накануне в прессе и по радио разъяснялись цели и задачи совместной акции – выпускались радиореклама и печатные афиши, публиковались подборки информаций в газетах.

Характерным примером данной формы кооперирования может служить предоктябрьская перекличка заводов, проведенная «Правдой» и Всесоюзным радио в 1933 г. Передовая статья газеты познакомила читателей с замыслом редакции[58]. В последующих номерах под рубрикой «Предоктябрьская перекличка заводов» «Правда» в ряде материалов рассказала о том, как в бригадах, цехах обсуждаются «проекты» предстоящих радиовыступлений, как рождаются новые планы, берутся повышенные обязательства, как будет организовано прослушивание передачи. Заранее были представлены читателям и те, кому рабочие коллективы доверили выступить от своего имени: рабочий-кузнец, награжденный орденом Ленина; инженер, закончивший советский вуз; бывший батрак, ныне высококвалифицированный рабочий, бригадир и др.[59]

Назначением газетных материалов было привлечь внимание общественности к данному событию, собрать массовую аудиторию у репродукторов, на заводах и фабриках, в клубах и красных уголках. В этом, равно как и в том, что в заключение радиопереклички слушателей адресовали к очередным номерам «Правды», где они смогли бы прочитать ее материалы, *проявился непременный элемент любой формы кооперирования – взаимореклама, оповещение аудитории.*

Почти во всех крупных городах Европейской части СССР было организовано коллективное прослушивание предоктябрьской радиопереклички. И уже во время ее трансляции начали поступать первые телеграммы о проходящих массовых радиособраниях (в Москве, Ленинграде, Харькове, Баку они состоялись на крупнейших предприятиях, в Горьковском крае слушание проходило в 270-ти аудиториях)[60]. 15 октября «Правда» отвела целую полосу для публикации выступлений участников переклички, *причем они были даны в том же виде, что и по радио.* Эта типичная для того периода акция газеты и радио имела широкое общественное звучание, вызвала живейшую реакцию трудящихся.

Надо учесть, что общеобразовательный и культурный уровень населения страны в те годы был невысок (в 1926 г. процент не умеющих читать в возрасте 9–49 лет составлял 43,4)[61]. Обслуживание населения журналистикой затруднялось и слабостью ее материально-технической базы: тиражи газет, учитывая гигантские размеры страны

[58] См. «Правда», 11 октября 1933 г.
[59] См. «Правда», 13 октября 1933 г.
[60] См. «Правда», 14 октября 1933 г.
[61] См. «Страна Советов за 50 лет». Сборник статистических материалов. – М.: 1967. С. 271.

и количество ее населения, были ограниченными[62]; по мощности передающей сети СССР вышел на первое место в мире, однако приемная сеть заметно отставала в своем развитии (в 1928 г. общее число зарегистрированных радиоприемных точек составляло 326 285, в 1933 г. – около 2 млн.)[63].

Эти два фактора – возможность посредством «живого» слова рассказывать о важнейших событиях политической и экономической жизни страны довольно многочисленной аудитории *неграмотного населения и дефицит самих средств массовой информации и пропаганды* – объясняют эффективность начальных форм кооперирования в годы первой пятилетки. Можно понять восторженные мнения об этих контактах печати и радио, высказанные различными авторами тогда же по свежим следам событий. Вот одно из них: «В данном случае *мы имеем дело с органическим взаимодействием между печатью и радио*... Если, например, какой-либо вопрос на протяжении известного времени подготовляется печатной газетой и радио и затем превращается в массовое мероприятие (всесоюзные радиомитинги), то, конечно, эффект и действенность, получаемые от такого мероприятия, недоступны в отдельности ни печати, ни радио и представляют собой именно новое качество, новую форму во всей нашей системе массовой общественно-политической работы»[64] (курсив мой. – В.Х.).

Взаимооповещение аудитории, установление организационных контактов, открытие и широкое использование принципа повторения содержания, зарождение принципа дополнения (наличие элементов обогащения содержания при публикации и трансляции материалов совместных кампаний) – *таковы главные итоги взаимодействия печати и радио периода 30-х годов*. При этом характерен низкий уровень выявления специфичности участников кооперирования (информационность газетных материалов, неразвитость радийных жанров). Все это в совокупности дает основание назвать такое сотрудничество печати и радио *начальной, первичной формой кооперирования*.

В последующем, в частности в годы Великой Отечественной войны, взаимодействие между уже достаточно окрепшим и игравшим особую роль благодаря своей дальнобойности радиовещанием и печатью продолжалось. В тех случаях, например, когда доставка газет задерживалась, радио помогало обеспечивать оперативность и непрерывность идеологической работы в войсках: по материалам его передач в подразделениях издавались листки-молнии. Некоторые радиовыступления печатались в газетах, и, наоборот, газетные материалы читались у микрофона.

Тесные контакты были установлены между газетами и радио в осажденном Ленинграде, между радиостанцией Военного Совета Юго-Западного фронта и ЦК КП Украины и газетой фронта «За Радянську Украину», которая издавалась для

---

[62] К сожалению, отсутствуют данные о разовом тираже газет в 1928–1932 гг. Наиболее близкие к рассматриваемому периоду цифры, позволяющие сделать вывод о нем, таковы: разовый тираж газет в 1924 г. – 3 млн. экз.; в 1940 г. – 38,4 млн. экз. (см. «Печать СССР за 50 лет». С. 135, 190).

[63] См. «Радиоежегодник», 1934, стр. 17; «Говорит СССР», 1933, № 21. С. 10.

[64] П. Баранчиков. Радиовещание на новом пути. – «Говорит СССР», 1931 г. № 1.

населения оккупированных областей республики. Страстные публицистические речи П.Тычины, А.Довженко, М.Рыльского, А.Малышко, Я.Галана и ряда других писателей транслировались по радио, а затем их тексты в виде листовок распространялись с самолетов на занятой врагом территории Украины. Все тогда было подчинено одному: проинформировать народ об обстановке, помочь умело воевать, вдохновить на борьбу с фашистскими захватчиками, и взаимодействие печати и радиовещания способствовало достижению этой цели.

С начала 60-х годов, когда стали иными количественные соотношения между средствами массовой информации и пропаганды и появилось новое мощное оружие просвещения и воспитания масс – телевидение, а также коренным образом изменился облик и объем аудиторий читателей, слушателей и зрителей[65], кооперирование печати, радиовещания и телевидения постепенно приобретает другой характер.

Пробным камнем в развитии взаимодействия журналистских сил в новой ситуации явилась совместная акция газеты «Социалистический Донбасс», местного радиовещания и телевидения, которые в течение пяти месяцев (август–декабрь 1960 г.) освещали вопросы внедрения новой техники на шахтах и предприятиях Донецкой области. Всего по каждому каналу пропаганды прошло по 20 и более материалов под общей рубрикой «Читайте, слушайте, смотрите!».

Темы, объекты, характер выступлений определялись произвольно, каждый из партнеров вел «свою» линию в рамках общей темы. Но редакции заранее сообщали о времени трансляции радио и телепередач, о предстоящих публикациях в газете. При взаимодействии расширялись рамки публицистического обозрения: привлекалось внимание общественности к большему числу предприятий, рассматривалось значительное количество производственных ситуаций (сходных и различных).

В отдельных случаях было отчетливо видно стремление партнеров конкретно поддержать выступления друг друга. Так, 16 сентября радио передало критический сигнал об угрозе срыва комплексной механизации шахты «Севастьяновская» треста «Чистяков-антрацит»; через два дня «Социалистический Донбасс» публикует корреспонденцию «А сроки срываются...», в которой раскрывались причины сдерживания темпов механизации и автоматизации на этой же шахте (подводят подрядчики – проектный институт и Дружковский и Ясиноватский машиностроительные заводы). А 21 сентября телевидение транслирует прямую передачу с собрания рабочих шахты «Севастья-

[65] Разовый тираж издававшихся в 1960 г. в СССР газет достиг 66,7 млн. экз.; практически была завершена радиофикация всей страны; высокими темпами развивалось телевидение (см. «Печать СССР за 50 лет», стр. 190). В 1959 г. людей, не умеющих читать, насчитывалось лишь 1,5% от всего населения (за счет лиц преклонного возраста); в 1960 г. численность специалистов с высшим и средним специальным образованием, занятых в народном хозяйстве, составила около 9 млн. человек (см. «Страна Советов за 50 лет». С. 271, 230, 277).

Пекин. После успешных переговоров с руководством издательства «Педагогическая книга». 1991.

новская», на котором обсуждались критические выступления радио и газеты[66].

В целом же донецким журналистам не удалось полнокровно использовать преимущества каждого средства массовой информации и пропаганды. Взаимодействие газеты, радио, телевидения, подобно трио музыкальных инструментов, приобретает гармоническое звучание лишь в том случае, если любой из участников точно знает свою партию, не забирается в «чужой огород». В донецком примере, пожалуй, только радиожурналисты были точны: репортаж, интервью, беседа, непосредственное обращение к виновникам упущений – все это создавало картину в звуках, «дорисовывать» которую должны были газета и телевидение. Однако газета не шла дальше радио в содержании своих выступлений, она, как правило, информировала о том, как осуществляется механизация на различных предприятиях, но не пыталась отвечать на поставленные вопросы, глубоко вникать в их суть. Телевидение показывало новые машины, рассказывало о их достоинствах, но не подключалось к рассмотрению острых проблем, которые так или иначе выдвигались газетой и радио.

[66] См. «Социалистический Донбасс», 18 сентября 1960 г.; Текущий архив Донецкого радио, передача 16 сентября 1960 г.; Донецкий Государственный областной архив, ф. Р4365, оп. 1, № 89, т. 24, л. 342–348.

Функциональные задачи партнеров не были четко распределены, и это приводило к простому повторению одних и тех же фактов и предложений в печати, у микрофона, на телеэкране. Шесть раз, к примеру, выступили газета и радио с критикой шахты имени Карла Маркса. Вначале они видели главные помехи вне предприятия – заводы-поставщики не обеспечивают новой техникой; но вот комбайны получены, и оказалось, что основной тормоз – неподготовленность самой шахты (плохая организация труда, нарушения правил техники безопасности, слабое руководство)[67].

Продуманное кооперирование могло бы подсказать иное освещение: глубокий, аналитический материал в газете, вскрывающий подлинные причины, препятствующие механизации добычи угля (он мог быть опубликован и после критического радиосигнала), а затем и газета, и радио контролировали бы реакцию на эту критику, добивались бы позитивных изменений.

Хотя донецкий опыт скорее переходная форма от первой ступени кооперирования к высшей, которая основывается на максимальном использовании природных возможностей СМИП, ценность смотра «Выпуск и внедрение новых машин – под контроль общественности» велика. Вероятно, это была первая в нашей стране попытка взаимодействия всех трех средств массовой информации и пропаганды.

В ходе акции на протяжении почти полугода отрабатывался *организационный механизм кооперирования:* крепла связь между редакциями журналистских органов, налаживались взаимная информация о подготавливаемых материалах, обмен творческими планами и замыслами. И наконец, здесь проявились *все принципы взаимодействия – повторение, дополнение, развитие* социальной информации на страницах газеты, у микрофона, на экране телевизора, правда, последние два принципа – изредка, стихийно.

Появление принципиально новых форм сотрудничества в журналистике, знаменующих собой начало процесса органического взаимодействия массовых средств информации и пропаганды, относится к концу 60-х – началу 70-х годов. Это выступления единым фронтом, где каждый партнер хорошо знает свой заранее обусловленный маневр. Главная особенность такого кооперирования – освещение актуальной жизненной проблемы по единому плану, предусматривающему четкое распределение особых функциональных задач, максимальное использование специфических возможностей радио, печати, телевидения. *Основные принципы их кооперирования – дополнение и развитие социальной информации при совместном освещении той или иной темы.* Все это позволяет повысить эффективность влияния СМИП на общественное мнение и в конечном счете добиться более значительных практических результатов.

Само собой разумеется, что не существует таких сторон действительности, на освещение которых не могли бы быть сфокусированы согласованные усилия всех ви-

---

[67] См. «Социалистический Донбасс», 14 августа, 15 сентября, 23 ноября 1960 г.; Текущий архив Донецкого радио, передачи 15 сентября, 18, 24 ноября 1960 г.

дов журналистики. Во время подготовки к 50-летию Октября на Украине (где, кстати, активно занимаются вопросами кооперирования и сегодня) впервые в нашей стране было осуществлено столь значительное по масштабам, продолжительности (апрель–октябрь 1967 г.) и числу участников взаимодействие журналистских органов: республиканского радиовещания, местных студий телевидения и газет «Радянська Украина», «Правда Украины», «Рабочая газета», «Сильски вести». Примерно один раз в неделю они представляли читателям, слушателям и зрителям поочередно области республики и таким образом всесторонне, убедительно отобразили расцвет их экономики и культуры, создали впечатляющую картину стремительного их роста.

Рассмотрим подробнее один из «Дней областей Украины» (так называлась совместная акция), посвященный Запорожской области[68]. Вот его структура: три передачи по радио, часовая телепрограмма, материалы республиканских газет. При этом журналисты сумели избежать дублирования содержания по смежным каналам информации, и в итоге получилось так, что радио- и телепрограммы, материалы газет дополняли друг друга.

Радиостанция «Колос» открыла День области в 6.30 утра очерком «Коммунаровцы». Корреспондент побывал на празднике молодежи в районном центре, в артели «Победа», разговаривал с людьми и рассказал обо всем, используя магнитофонные записи. Основная идея передачи – неразрывная связь, преемственность поколений, духовное богатство советского человека – выражена монологом героя очерка – председателя колхоза, а в прошлом одного из основателей первой в области коммуны И.П.Тарана. Авторам очерка удалось добиться самораскрытия человека у микрофона, а ведь это одно из главных достоинств радио!

Следующие передачи из этой программы – радиорассказ о местах, связанных с пребыванием В.И.Ленина; выступление первого секретаря обкома партии М.Н. Всеволожского (рассказ о крае высокоразвитой индустрии и механизированного сельского хозяйства, о знатных людях области, о достижениях лучших предприятий и колхозов и т.п.)[69].

Телевизионная программа отобразила жизнь области наглядно: киносюжеты, интервью, переходы на трансляцию посредством ПТС рассказали о том, как крепнут

[68] См. «Правда Украины», «Радянська Украина», «Рабочая газета», «Сильски вести», 28 апреля 1967 г.; Текущий архив Запорожского телерадиокомитета, передачи 28 апреля 1967 г.

[69] Это интересный материал обобщающего характера. В передачах почти всех Дней областей Украины радио- и тележурналисты так и поступали: предоставляли микрофон руководителям областей. По содержанию газетные статьи, радио- и телевыступления отличались друг от друга, каждый материал имел свой поворот, свою идею. Однако в подобных случаях и радио, и телевидение не до конца выдерживали требования специфичности, которые при кооперированных действиях становятся более категоричными. Почему-то не были взяты на вооружение жанры интервью, беседы; секретари обкомов партии, председатели облисполкомов могли бы выступить в качестве ведущих передач, комментаторов фактов, событий и явлений истории, современной жизни, что умножило бы идейно-эмоциональный заряд телевизионных передач.

и развиваются славные традиции нашего народа. Прием чередования кинокадров и студийных выступлений, определивший композицию передачи, показ характерных деталей тех или иных ситуаций, непринужденность и естественность диалогов – все «работало» на то, чтобы усилить «эффект присутствия». Прямой репортаж помог телезрителям встретиться с рабочими, инженерами, служащими, их непосредственные ответы, мнения убедительно передали отличное настроение людей, атмосферу удовлетворенности, уверенности в будущем.

И наконец, республиканские газеты посвятили Запорожской области значительную площадь (от полосы до разворота). Учитывая специфику своей аудитории, каждый орган определял темы обобщающих статей: «Радянська Украина» и «Правда Украины» говорили в целом об области, «Рабочая газета» и «Сильськи вести» – о достижениях в индустрии и сельском хозяйстве. Характерным было смещение в сторону аналитичности почти во всех жанрах, которые использовали журналисты для подготовки материалов «Дня...». «Правда Украины», например, поместила репортаж Ж.Ткаченко «Электрический остров», который отмечен исследовательским подходом автора к казалось бы уже давно известному материалу. Раздумья о будущем Днепрогэса, наметки и проекты, раскрывающие перспективы применения электроэнергии в различных отраслях сельского хозяйства (в полеводстве, садоводстве и т.п.), – все это обусловило большую познавательную ценность, глубину содержания репортажа.

В дополнение на страницах была широко представлена информация: подборки заметок, интервью приводили читателей к логическим, закономерным выводам. Здесь и сопоставления исторического плана (подборка «Страницы из биографии»), и дыхание сегодняшнего дня («Предмайские новости»)[70], и интервью со сталеварами, инженерами, рабочими) под рубрикой «Казацкому роду нет переводу» – о делах и свершениях народа (старший горновой И.Семибалабут, например, с гордостью говорил: «Наш цех дает сейчас столько чугуна, сколько выплавляла до революции вся Украина...»)[71], и небольшие заметки под общим заголовком «Маленькие города – большие дела» – сообщения о многогранных экономических связях индустриального Запорожья с другими областями республики, Союза, братскими социалистическими странами[72].

Как уже было отмечено, в условиях совместного ведения важной политической кампании *заметно усиливается специфичность выразительных средств каждого журналистского органа*. Чтобы с большей достоверностью и убедительностью рассказать о полувековой истории советского народа, газеты, как правило, обращались к архивным материалам, публикациям периодических изданий прошлых лет, печатали воспоминания участников революции, ударников и новаторов производства первых пятилеток, героев Великой Отечественной войны. Радио и телевидение только изредка прибегали

[70] См. «Радянська Украина», 28 апреля 1967 г.
[71] «Правда Украины», 28 апреля 1967 г.
[72] См. «Рабочая газета», 28 апреля 1967 г.

к передаче текстовых материалов и для подготовки очерков и репортажей, радиокомпозиций и целевых телепрограмм использовали главным образом аудио- и видеодокументы (магнитофонные записи, мелодии и песни, уникальные фотоиллюстрации, архивные кадры кинохроники и видеозаписи последних лет), а также выступления ветеранов социалистического строительства.

«Дни областей Украины» – новый шаг в развитии взаимодействия журналистских сил. Доказательством этого является единый план, обеспечивавший разносторонность, широту и глубину публицистического рассказа благодаря ведению его одновременно печатью, радио и телевидением; взаимная информация между редакциями и в результате – реализация *принципа дополнения* социально значимой информации при отображении действительности.

Убедительно продемонстрировал возможности *взаимодополнения содержания* при концентрированном воздействии двух средств массовой информации и пропаганды на аудиторию во имя достижения высшего агитационного и пропагандистского эффекта проведенный в канун XXIV съезда КПСС (март 1971 г.) цикл совместных выступлений газеты «Правда» и Центрального телевидения. Он был посвящен трудовым успехам советских людей, опыту партийной и хозяйственной работы. Это пять единовременных (в постоянный день – в понедельник), связанных единой темой газетных и телевизионных выступлений. И в каждом из них выявляется основная закономерность взаимодействия: и газета, и телевидение, не повторяя и не подменяя друг друга, специфическими средствами раскрывали один и тот же жизненный материал.

Развернув очередной номер «Правды», читатель увидел под знакомой рубрикой «Партийная жизнь. Коммунист и время» большую статью «Не по должности, а по авторитету». Об авторитете коммуниста, его ответственности перед коллективом писал А.И.Панкратов, токарь, секретарь партийной организации инструментального цеха курского завода «Аккумулятор». Насыщенный конкретным жизненным содержанием, обстоятельный рассказ партийного вожака позволял уяснить, как тесный контакт партгрупоргов, профоргов и мастеров в работе с людьми, разговор по душам с каждым рабочим, бережное отношение к его мнению, действенная поддержка любого полезного предложения, устранение препятствий на пути его реализации – все вместе помогло рождению и распространению новой формы социалистического соревнования («День инструментальщика»). Так, получая сумму определенных знаний, воспринимая аргумент за аргументом, читатель постепенно оказывается в плену убеждающей логики автора.

И все же... каков он, А.И.Панкратов, в жизни? Согласитесь, нередко возникает желание поближе познакомиться с человеком, чья подпись стоит под интересной статьей. На этот раз такое желание можно было удовлетворить. Рядом с материалом заверстано объявление: «Правда» продолжает цикл совместных с Центральным телевидением выступлений. Телеочерк о токаре-коммунисте А.И.Панкратове будет передаваться по первой программе сегодня в 18 часов 05 минут».

И вот передача. Инструментальных цех. Секретарь парткома и директор завода пришли поздравить рабочих С.Антипова и П.Пшеничного с победой в социалистическом соревновании. Поздравления, вручение подарков, ответные выступления Антипова и Пшеничного, и все расходятся по местам. Руководители и задержавшийся по просьбе ведущего передачи секретарь партийной организации цеха продолжают беседу – надо рассказать телезрителям о коллективе. Все, как обычно. Но почему же мы смотрим на экран с нарастающим чувством ожидания открытия нового в уже знакомом? Может, объясняется это тем, что все, кого мы видим на экране, кажется, забыли о камере, показывающей крупным планом рабочих, о которых рассказывает А.Панкратов? А может, все дело в том, *что* видит и ценит Алексей Иванович в своих товарищах, *какими словами* и *как* он говорит о них, о коллективе? Или причина нашего интереса в самом Панкратове? Удивительно симпатичен он – сильный, широкоплечий, средних лет, с мягкой улыбкой, с той уверенностью в голосе и жестах, которая приходит с жизненным опытом, с убежденностью в своей правоте, с верой в то лучшее, что есть в людях. Мы не расстаемся с ним на протяжении всей передачи, чувствуем его искреннее, непосредственное отношение ко всему происходящему.

Передача сумела отразить духовную атмосферу жизни коллектива, показала современного рабочего, коммуниста, человека с огромным чувством собственного достоинства, хозяина своего завода, своей страны.

Если попытаться проанализировать, что же произошло, когда газета и телевидение преднамеренно обратились к одному и тому же объекту отражения, то еще раз подтвердится весьма важный вывод: при взаимодействии и газета и телевидение вынуждены полнее, сильнее использовать свои специфические выразительные средства. В самом деле, в газетном материале начисто отсутствует описательная сторона (внешность, потреты людей, условия труда, обстановка и т.п.) – все подчинено главному течению мысли – анализу существа и формы партийного влияния на жизнь коллектива.

В передаче, которая, кстати, выгодно отличалась от большинства телевизионных репортажей и очерков на производственные темы, все сосредоточено на стремлении раскрыть внутренний мир человека. Это достигнуто, во-первых, точным отбором фактического материала (газета уже достаточно глубоко осветила опыт, «технологию» партийной работы, рассказала о производственных достижениях коллектива, и нет необходимости повторяться); во-вторых, полнотой собственно телевизионного видения повседневной жизни: использование прямой трансляции, естественность поведения участников передачи, их самораскрытие, точная операторская работа создавали выразительные портреты рабочих – людей интеллектуальных, творческих, одухотворенных.

Весьма вероятны возражения: а разве подобный телеочерк не мог появиться самостоятельно, независимо от совместных действий с газетой? Конечно, мог. Но все дело в том, что совместные действия подтолкнули, заставили найти исключительно телевизионное решение.

В «Правде» был опубликован очерк Е.Кононенко «Цветут фиалки» – о делегате XXIV съезда КПСС, знатной ткачихе З.П.Пуховой. В нем раскрыты истоки характера героини, показано, как приходит к человеку политическая зрелость.

И в тот же день на экране появился телевизионный очерк «Ткачиха». Меняются жизненные ситуации, и камера передает душевные состояния героини: взволнованное, торжественное – во время посвящения в рабочие выпускниц профтехучилища; веселое, «отключенное» от всех забот – на лыжной прогулке; деловое, собранное и вместе с тем какое-то приподнятое, когда она спокойно и легко проходит у станков или удивительно красиво и женственно прикасается к струящейся нити; удовлетворенное – в магазине, когда она смотрит на продукцию своей фабрики; озабоченное, сосредоточенное – в кабинете хозяйственника, к которому она пришла решать деловые вопросы. Такая гамма настроений героини проходит на экране, вызывая сопереживание зрителей.

В передаче немало режиссерских находок, свидетельствующих об огромных возможностях телевизионного документально-художественного очерка. Это и постоянное стремление (и умение) авторов создавать ситуации, в которых человек забывает о телекамере (неожиданные, непредвиденные вопросы, «случайная» встреча или «внезапная» неисправность станка); и удачное музыкальное оформление (специально для телеочерка написана песня); и использование рапидной съемки: Пухова склонилась над станком ученицы и показывает ей, как справиться с капризной, ускользающей нитью: «Вот так, так надо» – руки ткачихи парят в воздухе, символизируя одухотворенность труда.

Появление одной темы на газетной полосе и на экране в один и тот же день фокусирует общественное мнение в определенном направлении. В Новосибирске и области традиционно проводятся так называемые Дни науки (День физики, День математики и т.п.). Организаторами их выступают партийные комитеты, академические институты и редакции газет и телевидения. В такой день большая группа ученых выезжает на предприятия, в колхозы, совхозы, читает популярные лекции.

Областная газета печатает тематическую полосу, а телевидение приглашает зрителей побывать в лабораториях ученых. Под единой рубрикой «Утром – в газете, вечером – на экране» в «Советской Сибири» выступают ведущие ученые, руководители крупнейших предприятий и отраслевых институтов города, а вечерняя передача телевидения дополняет эти материалы комментариями обозревателей, интервью, киносюжетами.

Характерным для последних лет является рождение на местах формы смешанного кооперирования, когда телевидение взаимодействует с районными газетами и радио. Так, Ленинградское телевидение и местная печать с 1972 г. проводят конкурс «Земляки» на звание «Лучший район области». В передачах освещались экономические и производственные стороны жизни города, района, ход выполнения социалистических

обязательств девятой пятилетки, распространение передовых приемов труда, овладение экономическими знаниями. Ответы звучали на смотрах-конкурсах предприятий, соревнованиях «Мастера», «Лучший по профессии» и других, которые были показаны телевидением.

Местные газеты городов – участников соревнования – завели постоянную рубрику «Телевизионный конкурс «Земляки». На страницах «Волховских огней» и в выпусках городского радио, например, в первой половине 1972 г. были опубликованы и прозвучали статьи, отчеты, зарисовки о трудовых делах города и района, о ходе социалистического соревнования, о лучших людях – победителях конкурса «Мастера».

Именно газета – центральная, краевая, городская, районная – способствует развитию организаторской функции телевидения. Благодаря поддержке печати «телевидение может привлекать зрителя к участию в «телевизионном действии» не мысленно, не эмоционально», а непосредственно, включая его в реальные дела; «телеэкран в данном случае организует саму жизнь во многих ее проявлениях»[73].

Потребность преодолеть ограниченность выразительных средств того или иного вида журналистики при помощи специфических свойств другого является причиной совместных выступлений газет, радиовещания и телевидения разового характера.

Приведем такой пример. Осенью 1970 г. «Комсомольская правда» опубликовала документальный очерк И.Руденко о докторе медицинских наук, матери десятерых детей М.К.Копыловой. Редакция получила множество писем, в которых выражалось восхищение, удивление, непонимание, раздражение и... недоверие: «У нас коллектив в основном женский. И все мы восприняли описанное в статье «Женщина» как фантастический рассказ. Зачем морочить голову читателям, выдавая все за быль?!»; «Просим срочно сообщить адрес М.К.Копыловой. Я хочу воочию убедиться, что она существует...»

«Комсомольская правда» выступила еще дважды с подробным рассказом об этой семье. Но поток писем не прекратился. В Риге, где живут Копыловы, появились «командированные» с разных концов страны (на одном предприятии даже собирали для этой цели деньги), чтобы посмотреть, как успевает Копылова управляться с детьми, вести научную работу и общественную деятельность, как складывается бюджет семьи, где работает и сколько зарабатывает муж и т.п. Надо было срочно что-то предпринимать.

И тогда Центральное телевидение подготовило очерк «Женщина». Передача была построена так, чтобы ответить на самые неожиданные и даже недоброжелательные вопросы из писем в газету. 45 минут зрители могли видеть героиню, всю семью Копыловых, их быт, отношения. Эти телеминуты оказались гораздо убедительнее газетных статей. Когда супруг Копыловой говорил о ее трудолюбии, умении все делать быстро, редкой способности переключаться с одного на другое занятие, о прямоте характера

[73] См. Л.А.Васильева, В.Г.Осинский. О взаимодействии областного телевидения, районной печати и радио. – «Проблемы журналистики», вып. 6. – Л., 1976. С. 41.

Выступление автора на открытии выставки книг издательства «Педагогика» в Берлине, в Доме советской науки и культуры. 1986.

– этому верили, ибо все это было видно на экране. Согласитесь, не каждая женщина осмелится процитировать десяткам миллионов телезрителей письмо, в котором о ней пишут: «Это – не женщина, это – машина...» А Копылова и процитировала, и, недоуменно пожав плечами, сказала: «Почему мы так категоричны? Каждый живет так, как считает нужным... А хотите узнать, как живем мы, – приезжайте...»

Этот пример – убедительное свидетельство того, что журналисты должны знать потребности функционирующих совместно с их «собственным» других средств массовой информации и пропаганды, чтобы в нужных случаях приходить друг другу на помощь.

Взаимодействие средств массовой информации и пропаганды иной раз не может обойтись и без использования того или иного вида искусства. Издательство «Молодая гвардия» выпустило книгу лауреата Ленинской премии, народного артиста СССР М.А.Ульянова «Моя профессия» (1975 г.). Спустя некоторое время (июль 1976 г.) Всесоюзное радио предложило слушателям отрывки из этой книги в исполнении автора. Конечно, то, что вышло в эфир вряд ли назовешь чтением: казалось, М.А.Ульянов размышлял у микрофона о специфике театра вообще и Вахтанговского в особенности, о своих учителях («Рубен Симонов часто нам говорил, что играть надо храбро...») и т.д.

Иллюстрировали же эти тезисы отрывки из спектаклей «Принцесса Турандот», «Конармия», «Филумена Мартурано», «Варшавская мелодия». Массовая аудитория радио получила возможность узнать мнение одного из самых видных современных художников о своем театре, услышать голоса известных актеров. А в заключение передачи диктор напомнил о том, что радиослушатели могут поделиться своими впечатлениями о книге «Моя профессия», прислав свои отзывы в издательство «Молодая гвардия». Таким образом, радиопередача оказалась привлекательной не только сама по себе – она возбудила интерес, с одной стороны, к книге, с другой – к спектаклям, о которых шла речь.

Обратная связь между редакцией журналистского органа и аудиторией приобретает новые, ранее неизвестные формы. Так, постоянными стали телепередачи с ответами на письма, с которыми трудящиеся обращаются в редакции *газет* и *журналов*, т.е. *уже и в практической деятельности журналисты адресуют свои выступления единой аудитории средств массовой информации и пропаганды* (а не в отдельности читателям, телезрителям, радиослушателям) и тем самым способствуют консолидации этой аудитории, развитию у нее потребности воспринимать систему в целом.

Статья, очерк в газете могут вызвать живую реакцию читателей, и нередко отклики на них становятся отправным моментом для продолжения разговора на телеэкране. В этом плане интересен опыт известных журналистов и общественных деятелей Ю.А.Жукова и В.Г.Афанасьева. Возможно, такие передачи несут не так уж много дополнительной информации, но главное в том, что свое мнение по тому или иному вопросу высказывают наиболее сведущие, авторитетные люди. «Цикл «На вопросы отвечает член-корреспондент АН СССР В.Г. Афанасьев», – пример редкостно удачливой судьбы телепередачи, которая с момента своего появления сразу приковала внимание зрителей. Из потока вопросов, которые волнуют людей и находят отражение в письмах, редакция и автор бесед выбирают наиболее типичные, затрагивающие самые актуальные проблемы развития нашего общества – проблемы роста производительности труда, принципы распределения материальных благ при социализме, вопросы ценообразования, качества продукции и т.п. Для каждой передачи характерно сочетание сугубо практических житейских вопросов с теоретическими обобщениями»[74].

Плодотворным является также совместное публицистическое рассмотрение морально-этических проблем на страницах газет и в телепередачах. Так, в свое время редакции Горьковской студии телевидения и областной молодежной газеты «Ленинская смена» провели дискуссию на тему «Как вы понимаете слова «уметь жить»?». Серьезный, страстный разговор о философском и социальном содержании, о сложных мировоззренческих аспектах этой проблемы был начат телевидением, которое вынесло на суд аудитории различные точки зрения.

---

[74] В.В.Егоров. Тираж – 150 миллионов. – М.: 1975. С. 16.

Готовясь к дискуссии, тележурналист В.Кузнецов записал на магнитофонную ленту 24 интервью. Этот социологический прием помог выявить *основные,* резко отличающиеся по смыслу суждения по заданному вопросу (их оказалось четыре):

– молодого рабочего: «А чего?.. Ну, встал, пошел на работу. Наше дело простое: вставай по гудку, ложись по зевку»...;

– инженера – «уметь жить» – значит «понимать жизненные ситуации и уметь в них войти правильно (дальнейшие размышления раскрывают кредо приспособленца, уходящего от острых жизненных конфликтов во имя собственного благополучия и успешного продвижения по службе);

– преподавателя – «уметь получать радость от своей работы, постоянно быть в движении к своей цели – что за жизнь без препятствий, без борьбы? Надо уметь радоваться тому, что дает человеку жизнь, надо стремиться к познанию, уметь общаться с людьми, уметь любить...;

– студентки – «умение жить» – подлая фраза, все мои герои, перед которыми я преклоняюсь, не «умели жить»...

Через два дня эти интервью, прокомментированные журналистами, были опубликованы в газете[75]. В статье «Рентгеновский снимок души» В.Кузнецов дал свое понимание ответов, обосновал положения, выдвинутые в них, поставил перед читателями и телезрителями новые вопросы. Во врезе к полосе редакция обращалась к читателям: «Ждем ваших писем на тему «Как вы понимаете слова «уметь жить»?». А в последних числах января редакция молодежных передач телевидения «Факел» и газета «Ленинская смена» по вашим письмам и откликам проведут итоговую передачу...»

Задача дискуссии состояла не в том, чтобы расставить все точки над «i» и выдать готовые рецепты – «переориентировка» предоставлялась самим телезрителям и читателям. Журналисты были уверены, что споры вокруг ходячего, тысячу раз слышанного выражения приведут к размышлениям о важных жизненных категориях, что дискуссия поможет молодежи уяснить для себя сложные проблемы, найти ответ на острые, волнующие их вопросы.

Сразу же после телепередачи и выступления газеты заметно увеличилась почта «Факела». Молодые люди – рабочие, инженеры, педагоги – в своих письмах отвечали на вопросы, поставленные в передаче «Что такое – «уметь жить»?», и очередной выпуск «Факела» (25 января 1967 г.) целиком был посвящен обсуждению мнений телезрителей. Газета продолжила разговор и на двух полосах поместила читательские отклики, строки из писем – аргументы «за» и «против», тактично и последовательно разъясняла, отстаивала и развивала свою позицию. Это и очерки, зарисовки о тех, кто одержим духом творчества и поисков, жаждой нравственного совершенствования и духовного обогащения. Это и попытки осмысления философской, социологи-

[75] См. «Ленинская смена», 18 января 1967 г.

ческой и этической сторон рассматриваемой проблемы[76].

За три недели в «Ленинской смене» и передачах телевидения выступило около 300 юношей и девушек[77]. А если учесть еще и многочисленные звонки в редакцию во время передач, споры в рабочих и студенческих общежитиях, на комсомольских собраниях (об этом также сообщалось в письмах читателей и зрителей), то можно сделать вывод, что в результате последовательного воздействия телевидения и газеты на общественное мнение резонанс был довольно сильным, дискуссия стала событием в жизни молодежи области.

Телевизионный репортаж с заседаний молодежных клубов и материалы о них в газете подвели итоги разговора[78]. При этом достаточно определенно выяснилась точка зрения, которую разделяет большинство: «уметь жить» – значит равняться на высокие нравственные идеалы.

В рассмотренной форме кооперирования прослеживается еще один важнейший принцип – *принцип развития темы, движения при ее раскрытии «из рук в руки» – с экрана телевизора на газетные страницы и обратно.*

Во время кооперирования СМИП возможности идеологического и социально-психологического воздействия на аудиторию по меньшей мере удваиваются. При этом особо важное значение приобретают плановость, непрерывность, гармоничность в ведении той или иной совместной кампании. Назрела насущная потребность в проведении целенаправленного, теоретически обоснованного эксперимента по отработке методики практических «ходов» кооперирования.

* * *

Именно такой принципиальный характер для познания сущности, закономерностей организационного механизма взаимодействия средств массовой информации и пропаганды имела совместная акция журналистов Крыма (февраль–апрель 1968 г.). Редакция газеты «Крымская правда», областного радио и телевидения при участии секции журналистики Академии общественных наук при ЦК КПСС[79] разработали программу эксперимента, целью которого было организовать комплексное исследование конкретной проблемы газетой, радио, телевидением.

---

[76] См. «Ленинская смена», 26, 29 января 1967 г.

[77] Вовлечению молодежи в круг обсуждаемых вопросов способствовала и сама форма оповещения об очередных выступлениях газеты и телевидения. «Ленинская смена», в частности, не только сообщала о времени выпуска программы «Факел», но и рассказывала вкратце о содержании и форме передачи. Во врезе к полосе читательских писем 29 января говорилось: «31 января смотрите итоговую передачу на эту тему. За дискуссионным столом мы попытаемся подвести итоги спора, проанализировать различные стороны проблемы «уметь жить». Нам помогут в этом ребята из двух молодежных клубов – «Современника» (автозавод) и политехнического института».

[78] Текущий архив Горьковской студии телевидения, передача 31 января 1967 г.: «Ленинская смена», 5 февраля 1967 г.

[79] Идея и разработка проекта принадлежали автору данной книги (в то время аспиранту АОН).

Следует указать предпосылки, которые обусловили возможность осуществления данного эксперимента: насыщенность области радио- и телевизионными приемниками и 150-тысячный тираж «Крымской правды» (на каждые 100 человек населения Крыма приходилось 10 номеров «Крымской правды», 10 телевизоров и 30 радиоточек или приемников); достаточно высокая квалификация журналистов всех трех редакций.

Выбор проблемы (общественное питание в условиях перехода на пятидневную рабочую неделю) был подсказан, во-первых, актуальностью, а во-вторых, ее особой важностью для области-здравницы (число отдыхающих в Крыму за курортный сезон почти в три раза превышает все население полуострова). И самое главное: речь шла о внимании к нуждам и потребностей человека, заботе об их удовлетворении.

Детально продуманный план единых действий определил характер, последовательность, жанры, а в ряде случаев и объекты выступлений газеты, радио, телевидения. При этом все множество вопросов общественного питания было расчленено на несколько узловых тем для публицистического обозрения: организация быстрого и удобного обслуживания трудящихся при сокращенном обеденном перерыве; пути удешевления питания в столовых; подготовка кадров поваров, официантов, буфетчиков и т.п. Предполагалось добиваться максимального использования специфики каждого журналистского органа, чтобы реализовать принцип дополнения социальной информации в ходе кооперирования.

В совместной акции «Крымской правды», областного радио и телевидения освещение вопросов общественного питания *стало качественно иным, чем ранее, когда они вели эти вопросы порознь* – весьма заметно смещение в сторону усиления газетности, радийности, телевизионности.

«Крымская правда», например, опубликовала серию статей, в которых основной упор был сделан на анализе важнейших проблем развития общественного питания в области: переводе «кухонного производства» на индустриальные рельсы, снабжении столовых высококачественными продуктами, организации обслуживания трудящихся в условиях пятидневной рабочей недели и т.п.

По областному радио выходили в эфир главным образом репортажи, интервью, беседы, в которых налицо были их специфические компоненты: документальная речь – живые голоса людей, со всей непосредственностью передававшие их эмоциональное отношение к происходящему, а также звуковая характеристика события и места действия. Когда в передачах необходимо было отобразить, скажем, уровень культуры обслуживания, журналисты нередко применяли метод опроса-интервью. Интонация, ритм и строй речи ответов исчерпывающе передавали настроение, мнение рабочих и служащих.

Предоставляли микрофон и работникам столовых. Чтобы ликвидировать очереди во время обеденного перерыва, достаточно поставить еще одну кассу. Почему же не

делают этого? Старший бухгалтер одной из столовых отвечает: «(Вздох). Об этом уже рассуждали, но так прямо к этому вопросу не подходили...»[80] Не правда ли, красноречивое саморазоблачение?

В одном из радиофельетонов звуковой фон помогает слушателям реально ощутить атмосферу действия, о котором идет речь: здесь и шумы зала, и раздражительные голоса и перебранка, доносящиеся из кухни, звон стаканов, которыми чокаются любители спиртного, и т.п. Слова корреспондента, ведущего репортаж с телевизионного завода, сопровождают звуки капели: «Еще в ноябре в новой столовой должны были застучать кастрюли и ложки, но не этот стук услышал я там...» (звон капели). И последовавшая затем критика благодаря этому акустическому образу звучит еще острее: «... я пожалел, что эти капли падают не на головы руководителей СУ-51 треста «Симферопольстрой» – ведь это по их распоряжению полгода назад ушли отсюда все строители...»[81].

В большинстве телепередач также проявилось присущее только этому виду журналистики свойство – синтетичность, акустически-визуальное отражение действительности: транслировались репортажи из залов рабочих столовых, предприятий общественного питания, беседы-разбирательства актуальных, представляющих интерес для зрителей вопросов в студии, т.е. рассказ о событиях в момент их свершения и с места действия. Телеэкран показал прогрессивные формы удобного и быстрого обслуживания трудящихся системой общественного питания, вынес на публичное рассмотрение проблемы снижения стоимости блюд в рабочих и сельских столовых, предоставил возможность включиться в разговор всем желающим. Прямые передачи позволяли зрителям не только мысленно «вживаться» в атмосферу происходящего на экране, но и непосредственно участвовать в разговоре: накануне им были сообщены номера телефонов студии, по которым они могли позвонить и задать тот или иной вопрос, высказать свое предложение или пожелание.

Комплексное (тройное) исследование конкретных вопросов крымскими журналистами напоминало своеобразное движение ***по спирали****, в котором каждый новый «виток» – поочередное, трехступенчатое по времени выхода материалов отражение жизненных и производственных ситуаций газетой, радио- и телевизионными средствами, т.е.* ***развитие темы*** *всеми участниками кооперирования.*

Эта внутренняя взаимосвязь в освещении проблем общественного питания усиливалась также и внешними факторами, а именно единой рубрикой для всех трех каналов пропаганды («Читайте, слушайте, смотрите»), в газете и по телевидению – графически идентичной заставкой (на фоне контуров полуострова – газетная полоса, радиоволны, телеэкран), а по радио и телевидению еще и акустически – одними и теми же звуковыми позывными. Газета, радио, телевидение взаимно рекламировали материалы совместной акции, объявляя о времени выхода в эфир или публикации очередных выступлений.

---

[80] Текущий архив Крымского радио, передача 20 февраля 1968 г.
[81] Там же, 19 марта 1968 г.

Что мешает столовым накормить человека так же сытно и вкусно, как дома? Этот вопрос поставлен в ходе «Смотра», и газета, и радио, телевидение с помощью информаций, интервью, репортажей помогли составить общую картину. Выяснилось, в частности, что у многих столовых слабая материально-техническая база и одним из резервов улучшения питания в этих условиях является применение консервированных изделий и полуфабрикатов. Но предприятия общественного питания области в минувшем году использовали только треть запланированных заправок, четверть рыбных полуфабрикатов. В чем дело?

«Крымская правда», приняв эстафету от партнеров, привлекла специалистов и вместе с ними исследовала причины создавшегося положения. Может, невыгодно использовать эти продукты? Нет, расчеты показали: кроме всех прочих выгод (сокращение расходов топлива и электроэнергии, уменьшение технологических отходов пищевых продуктов, снижение трудоемкости производственных процессов и пр.) употребление консервированных изделий дает столовым от 2 до 10 копеек экономии на каждом блюде. Может, заправки и полуфабрикаты некачественные? Газета организовала дегустацию их, и тут выяснилось, что более трети образцов пролежали на базах и складах по 3–4 года и, естественно, продукты испортились. Обнаружилось и другое: 12,5% продукции, поставленной предприятиями Крымконсервтреста, было забраковано[82].

Так радио- и телепередачи, газетные статьи осветили различные аспекты проблемы, пошли «вглубь» ее, наметили пути преодоления трудностей и просчетов, обратились к конкретным организациям, предприятиям, хозяйственникам, которые призваны этим заниматься[83].

Возможности развития темы средствами журналистики, достижения большей действенности их выступлений видны и на другом конкретном примере. Радиослушатели обратились в редакцию с вопросом: «Почему в меню симферопольских столовых мало рыбных блюд?» У микрофона работник треста столовых Г.Заможняя заявила: «Мы бы рады готовить всевозможные блюда, да вот загвоздка: рыбозавод предлагает нам ограниченный ассортимент...»[84]

Конечно, и радио могло предоставить слово «другой стороне», выяснить в конце концов истину. Но не следует забывать специфику восприятия звучащего слова: оно «умирает» тотчас же, и нет никакой гарантии, что его услышали; в этом случае верные и дельные предложения, критические замечания в буквальном смысле «повисли

---

[82] См. В.Милославский. Индустриализация в столовой. – «Крымская правда», 5 марта 1968 г.; *его же*. Дорогу пищевой индустрии. – «Крымская правда», 10 апреля 1968 г.

[83] В результате «Смотра», в частности, были приняты такие меры: на консервных заводах имени Кирова и Джанкойском установлены новые корнерезки для повышения качества обработки корнеплодов; вопрос о резком улучшении качества обеденных, заправочных и закусочных консервов подробно обсужден на областной конференции консервщиков области, на собрании рабочих и специалистов завода имени Кирова и т.п. (см. «Крымская правда», 15 мая 1968 г.).

[84] Текущий архив Крымского радио, передача 22 марта 1968 г.

бы в воздухе». Поэтому разговор продолжила «Крымская правда», опубликовав статью «Рыба ищет, где глубже...», в которой был дан документально подтвержденный анализ ситуации[85].

Автор-специалист прослеживает все «хождения по мукам» рыбы от морского порта до стола потребителя, вскрывает причины недостатков, говорит о том, кто и что может и должен сделать. Был пролит свет и на выступление представителя треста столовых, которое оказалось обычной «отпиской» (в данном случае отговоркой): в Симферопольском холодильнике обычно бывает до 20 видов рыбы, но работники столовых их не заказывают. Дело в том, что приготовление хороших блюд из рыбы требует значительных затрат труда, а продаются они по низким ценам.

Конкретные критические замечания в адрес причастных организаций, конструктивные предложения, высказанные в статье, возымели действие. И областная Контора общественного питания, и Управление рыбной промышленности, и Симферопольский рыбозавод незамедлительно ответили редакции и принялись за исправление упущений: приступили к разработке коэффициентов-поправок к нормам выработки, которые учитывали бы трудоемкость приготовления рыбы; объявили конкурс на лучшее предприятие области по приготовлению рыбных и овощных блюд, работникам столовых дано указание включать ежедневно в меню не менее трех блюд из рыбы[86], расширен ассортимент полуфабрикатов на рыбном заводе; выделен дополнительный транспорт для поставки рыбных продуктов в столовые и т.п.

Столь подробное рассмотрение выше приведенного примера вызвано тем, что практически *вся совместная акция «Крымской правды», радио и телевидения состояла из таких вот взаимосвязанных выступлений по каждому каналу информации.* Если же кто-либо из партнеров не справлялся с отведенной ему ролью и нарушался принцип движения при исследовании той или иной темы, от одного СМИ к другому, «провинившийся» обращался к ней вновь. Подобные «осечки» были и в передачах радио, телевидения, и в выступлениях газеты. Когда телевидение с помощью ПТС рассказало о прогрессивных формах удобного и быстрого обслуживания рабочих и служащих, а радио предоставило микрофон профсоюзным работникам, руководителям предприятий, которые высказали свое мнение о том, как лучше организовать общественное питание, газета опубликовала на эту тему корреспонденцию зарисовочно-информационного характера, которая в сущности ничего нового не сообщила. Тогда собкор «Крымской правды» в Керчи по заданию редакции подготовил статью, где на основе кропотливого анализа работы десятка столовых показал трудности и недостатки, типичные для столовых всей области, предложил пути их устранения: введение на заводах и фабриках скользящего графика обеденных перерывов, распространение таких форм обслужива-

[85] См. «Крымская правда», 28 марта 1968 г.

[86] Автор книги все время проведения «Смотра» находился в Симферополе и подтверждает: это указание действительно выполнялось.

Делегация советских книгоиздателей в США. Автор - первый слева. 1990.

ния, как комплексные обеды, предварительная продажа талонов, организация буфетов «на колесах» и т.д.[87]

В появлявшихся одновременно материалах печати, радио, телевидения (в первичных формах кооперирования) нередко критиковались за одно и то же одни и те же лица. В акции крымских журналистов к объекту критики партнеры обращались только в случае необходимости (ничего не изменилось!) или в порядке контроля. Такая «перекрестность» значительно умножала критическую силу их выступлений.

Как-то на очередной «летучке-планерке» радиожурналист С.Аронов поделился своими огорчениями: «Мы много критикуем, посылаем тексты передач виновным, а те – ни звука. Или шлют отписки...» Тогда решили проверить: а что предпринято, например, после критического радиорепортажа о столовой № 1 ОРСа СМУ-3 на трассе Северо-Крымского канала? Ответ начальника ОРСа гласил: замечания в адрес столовой справедливы, для поваров прочитаны лекции на профессиональные темы, выпускается стенная газета, в ближайшее время намечено отремонтировать

[87] Текущий архив Крымского радио, передача 27 февраля 1968 г.; Текущий архив Крымского телевидения, передача 27 февраля 1968 г.; «Крымская правда», 29 февраля, 11 апреля 1968 г.

помещение, и вообще «коллектив здоровый и с задачей наведения образцового порядка справится...»[88].

Рейдовая бригада «Крымской правды» сопоставила обещания с действительностью. И оказалось: сдвигов нет. Критика газеты была острее и доказательнее: несмотря на то, что столовая обслуживает предприятия, имеющие солидные фонды материального поощрения, ни копейки не было израсходовано на удешевление питания строителей, создание нормальных условий для работы столовой. Реакция на выступление газеты (на этот раз ответ прислал заместитель начальника треста Крымканалстрой) была иной: с критикой по-прежнему соглашались скрепя сердце, тем не менее были приняты конкретные меры: расширен ассортимент овощных, молочных и рыбных блюд в столовой, заведующий от занимаемой должности отстранен, приняты на работу опытные кулинары[89].

Нельзя, конечно, считать, что после этого все пошло гладко, но благодаря последовательному вмешательству радио и газеты партийным и хозяйственным органам действительно было указано «**такое-то** злоупотребление» и подсказано «**такое-то** *средство* его исправить, искоренить»[90].

В борьбе за действенность выступлений ведущую роль играла газета, которая своими публикациями поддерживала партнеров. Так, ее редакционная статья «Что изменилось после критики?» потребовала от руководителей на местах оперативнее реагировать на все замечания, сигналы, предложения, высказанные в ходе смотра общественного питания не только газетой, но и радио, телевидением[91].

Крымский эксперимент подтвердил гипотезу о том, что кооперирование массовых средств информации и пропаганды повышает эффективность их деятельности. Если иметь в виду организаторско-аналитическую ее сторону, результативность здесь проявилась двояко: во-первых, СМИП – об этом можно судить по ответам, полученным редакциями и проконтролированным повторными выступлениями, – добились непосредственного улучшения работы ряда предприятий общественного питания; во-вторых, исследование темы вширь и вглубь помогло советским и хозяйственным органам осуществить серьезные меры для улучшения работы столовых, кафе, ресторанов.

Бюро Крымского областного комитета партии приняло постановление, в котором, в частности, говорилось: «Обком партии одобрил инициативу редакции газеты «Крымская правда», областного радио и телевидения, организовавших совместный массовый смотр общественного питания. Им рекомендовано и впредь использовать различные формы взаимодействия для глубокого отражения важнейших вопросов

[88] Текущий архив Крымского радио, передача 20 февраля 1968 г.
[89] Текущий архив газеты «Крымская правда». Ответ на корреспонденцию «И дорого и невкусно» от 5 марта 1968 г.
[90] В.И.Ленин. Полн. собр. соч., т. 44. С. 82.
[91] См. «Крымская правда», 21 марта 1968 г.

деятельности партийных и советских организаций»[92]. В этом же решении отмечено, что большинство руководителей предприятий и организаций оперативно принимали меры по устранению недостатков, вскрытых во время смотра общественного питания (была проанализирована работа около 60 столовых, ресторанов и кафе). Тех же, кто замалчивал или зажимал критику, обком партии строго наказал[93].

Диапазон влияния последовательного публицистического разговора был довольно широк. Некоторые райкомы партии и райисполкомы на совместных заседаниях обсудили вопросы обслуживания трудящихся столовыми, кафе, ресторанами[94]; на предприятиях, в совхозах проводились рейды-проверки работы столовых. Эта опосредованная, косвенная реакция, когда той или иной проблемой занимаются после выступления печати, радио, телевидения не только критикуемые организации и предприятия, но и другие, представляется особенно ценной.

О повышении интереса трудящихся области к совместно освещаемым журналистскими органами проблемам можно судить по откликам аудитории. Сравнительный анализ писем читателей, слушателей, зрителей показал, что редакционная почта претерпела количественные и качественные изменения. «Крымская правда», например, получила в четыре раза больше писем, посвященных вопросам общественного питания, чем за такой же предшествующий отрезок времени, почта радиовещания и телевидения была беднее[95]. Это объясняется многолетней привычкой людей обращаться в газету, но все же основную причину, видимо, надо искать в изменении содержания и

---

[92] «Крымская правда», 22 июня 1968 г.

[93] Необходимо особо подчеркнуть, что проведение эксперимента вряд ли было бы осуществимо, если бы не его одобрение с самого начала и последующая поддержка первого секретаря Крымского обкома партии – Николая Карповича Кириченко. Характерная деталь: на работу он нередко ходил пешком (менял маршрут), заходил в продуктовые магазины, смотрел, что сегодня на прилавках, делал соответствующие выводы и, как говорится, принимал меры. Забота о людях у него была искренней, а не показной.

[94] Так, постановление Железнодорожного райкома КПУ и райисполкома г. Симферополя, принятое в апреле 1968 г., потребовало от руководителей предприятий и организаций доукомплектовать кадрами столовые, расширить количество посадочных мест, наладить продажу полуфабрикатов, кулинарных и кондитерских изделий, особенно там, где на производстве заняты преимущественно женщины, и т.п. Большинство пунктов решения имело точный адрес. Заметим, что на протяжении «Смотра» – предприятия общественного питания Железнодорожного района почти не подвергались критике.

[95] Авторы некоторых писем начинали их примерно так, как рабочий Джанкойского машиностроительного завода В.Г.Ельцов: «Сегодня, придя домой, я включил телевизор и вдруг вижу и слышу, как обслуживает рабочих симферопольская столовая № 31. Ведь это прекрасно, удобно и много времени остается, чтобы отдохнуть после четырех часов работы. Вот бы и нам так: ведь мы, токари, все время на ногах, в движении...» (Архив «Крымской правды», № 3623, письмо В.Г.Ельцова от 4 марта 1968 г.).

И далее речь шла о беспорядках в заводской столовой. Несомненно, сила эмоционального воздействия телевидения была побуждением, толчком для многих, кто потом обратился в редакцию газеты.

формы ее материалов. До смотра в газете публиковались в основном зарисовки, информации, корреспонденции, критические сигналы, которые лишь констатировали положение вещей и заканчивались приевшимися, ничего не значащими сентенциями типа: «Не обращают должного внимания», «Мы надеемся, что будут приняты надлежащие меры» и т.п. И читательские письма о тех или иных частных недостатках, как правило, передавали только эмоции, личные минутные обиды человека (в такой-то столовой подали несвежий рассольник, в пивном баре – плохая вентиляция и т.п.).

А когда в ходе коллективных действий с телевидением и радио газета стала в первую очередь *анализировать* различные ситуации, рассматривать их всерьез, настойчиво бороться за ликвидацию упущений и просчетов, выдвигать кардинальные вопросы развития общественного питания, читатель не замедлил отреагировать на эти перемены. Так, рабочие Симферопольского электромашиностроительного завода написали о том, что у них на предприятии нет не только столовой, но и буфета: «Раньше за час обеденного перерыва успевали сбегать в столовую соседнего завода, а сейчас перешли на сухой паек. Все это влияет и на здоровье, и на производительность труда...»[96] Далее следовало предложение оборудовать временную столовую или хотя бы пункт раздачи. В письме отчетливо выражены интересы целого коллектива.

Подобных писем поступило немало, и они лишний раз убеждают в том, что редакционная почта была и остается зеркалом, в котором довольно оперативно отражаются журналистские достижения и неудачи, что это своеобразный барометр колебаний, интонаций, нюансов общественного мнения.

Для оценки «Смотра общественного питания» было проведено конкретное социологическое исследование. Читателей, зрителей, слушателей попросили высказать суждение о кооперированных действиях СМИП. Требования к участникам анкетирования сводились к следующему: во-первых, чтобы они являлись подписчиками «Крымской правды», постоянными радиослушателями и телезрителями и, во-вторых, питались в столовых. Таким образом, запрашивалось мнение людей, постоянно обращающихся ко всем трем каналам пропаганды и к тому же непосредственно заинтересованных в решении обсуждаемых проблем[97].

Рабочим, служащим, инженерно-техническим работникам нескольких предприятий, колхозникам и рабочим совхозов, студентам вузов области было предложено заполнить на протяжении недели (в ходе «Смотра») дневник-анкету, с тем чтобы выяснить их восприятие газетных материалов, радио- и телепередач (особенно тех, где речь

[96] Архив «Крымской правды», № 3841, письмо Чуксеева и других от 7 марта 1968 г.
[97] Всего участников анкетирования было 356. Личный архив автора.

шла об общественном питании)[98] и узнать их мнение о целесообразности и действенности журналистского кооперирования. Вопросы дневника-анкеты носил *открытый* характер (чтобы определить, *что именно* нравится читателям, зрителям, слушателям в «Крымской правде», в программах областного радио и студии телевидения) и *закрытый* (чтобы получить *определенный* ответ – оценку взаимодействия).

Вот страница дневника-анкеты (приводим в том виде, как ее заполнил токарь, постоянно питающийся в столовой, 26–35 лет).

С р е д а, 27 м а р т а 1968 г.

1. Какая из статей «Крымской правды» Вам понравилась больше всего? (назовите).

– «Украина чтит Буревестника революции».

Если хотите, обоснуйте свое мнение.....

2. Какая из передач Крымского радио (время трансляции – 6.30–7.00; 17.00–17.30) Вам понравилась больше всего? (назовите).

– «Воспитание патриотов», 17.20.

3. Какая из передач Крымского телевидения (время трансляции – 17.45– 17.00; 18.30–19.00) Вам понравилась больше всего? (назовите).

– Информационная программа «Время», 20.30.

Если хотите, обоснуйте свое мнение.....

4. Если сегодня в «Крымской правде», в передачах областного радио или телевидения Вы прочитали (услышали, посмотрели) материалы под рубрикой «Смотр общественного питания», то просим Вас назвать и оценить по пятибалльной системе (высшая оценка «5»).

– Передача Крымского телевидения «Смотр общественного питания», оценка «4».

Дополнительная оценка – подчеркните что-нибудь в каждой паре:

содержательный материал – поверхностный материал

интересный материал – скучный материал

острый материал – беззубый материал

актуальный материал – незлободневный материал.

Естественно, не на все вопросы семи дней контрольной недели и не во всех анкетах были даны ответы, так как практически человек не читает (не слушает, не смотрит) абсолютно все, что предлагают ему СМИ. Тем более очень важно, что были отмечены и получили наивысшие оценки те выступления газеты, радио, телевидения, в которых сильнее выражена специфика каждого из средств массовой информации и пропаганды. Так, проблемной статье «Рыба ищет, где глубже...» половина опрошенных поставила оценки «5» и «4», многие из них дополнительно подчеркнули слова «содер-

[98] Представляется перспективным при изучении взаимосвязи газеты, радиовещания и телевидения именно такой подход к аудитории, когда исследуется ее реакция, отношение не вообще к этим средствам массовой информации и пропаганды, а к конкретным материалам и передачам, рубрикам, кампаниям и т.п.

жательный», «актуальный». Критическая корреспонденция «А курортный сезон не за горами...»[99] третью участников анкетирования была признана интересным и острым материалом (средний балл – 4,0). Популярными оказались радиожурналы «Дружба», «Воскресные встречи», «Разрешите войти» – они понравились четвертой части опрошенных, а также телевизионный журнал «Крым-68». Характерно, что высказывались и пожелания в целом редакциям, например в адрес «Крымской правды»: «Меньше давайте отчетов-фотографий» вчерашнего дня. Нужно помнить о ведущей роли газеты. Заглядывайте хотя бы в недалекое будущее».

На вопрос анкеты «Считаете ли Вы *целесообразным* одновременное освещение газетой, радио и телевидением какой-либо конкретной проблемы?» положительный ответ дали 68,7% участников анкетирования, отрицательный – 0,56%. Косвенным подтверждением такой оценки явились внесенные в анкеты предложения о том, какие стороны жизни, темы стоило бы и впредь освещать объединенными силами журналистских органов, например: «Вопросы свободного времени, особенно отдыха молодежи», «Идейное воспитание человека на производстве, в обществе, в семье», «Уделить больше внимания воспитанию подростков», «Давать материалы, которые помогли бы привить любовь к своему родному городу», «Городской транспорт, строительство жилищное и промышленное, жизнь наших курортов», «Взять под контроль строительство больниц, в частности в г. Ялте» и др.

Некоторые авторы ответов ратовали за усиление боевитости, действенности выступлений печати, радио и телевидения, иные пытались обосновать необходимость и характер их взаимодействия («...Такое взаимодействие нужно, но по совместно разработанному плану, чтобы не повторяться»; «...Если одна какая-нибудь тема будет одновременно освещена тремя источниками информации, то практически все могут ознакомиться с нею»).

Чтобы выявить степень влияния «Смотра» на развитие общественной активности, в заключение дневника-анкеты был поставлен такой вопрос: «Появилось ли у Вас желание что-либо предложить для улучшения работы столовых под влиянием материалов «Смотра общественного питания», проводимого «Крымской правдой», областным радио и телевидением?». 17,3% опрошенных адресовали критические замечания, советы и предложения администрации предприятий общественного питания, хозяйственным и советским органам, профсоюзным комитетам, в редакции газеты, радио и телевидения. Думается, что это один из самых отрадных итогов кооперирования.

Не все, конечно, в крымском эксперименте получилось так, как задумывалось. Не обошлось без издержек и просчетов: иногда прерывалась последовательность разговора; порой то один, то другой орган повторял в какой-то мере содержание выступлений партнеров и не использовал возможностей дополнения и развития темы. Тем не менее опыт крымчан убеждает в необходимости проведения новых и новых экспериментов

[99] См. «Крымская правда», 30 марта 1968 г.

по организации кооперирования средств массовой информации и пропаганды.

Убедившись в эффективности взаимодействия, крымские журналисты стали нередко практиковать его и в последующем. Так, в 1970 г. была осуществлена совместная акция газет, радио, телевидения по изысканию и использованию резервов производства, в 1974 г. – по освещению хода весенних полевых работ.

Приведенные выше примеры в различных вариантах доказывают, что кооперирование СМИП, в ходе которого раскрываются новые информационно-пропагандистские возможности, – реально существующий, все интенсифицирующийся процесс, объективно присущий системе журналистики социалистического общества.

* * *

Средства массовой информации и пропаганды стран социалистического содружества проходят в своем развитии в основном те же стадии, что СМИП в нашей стране. Им присущи общие закономерности, которыми определяются их взаимоотношения при выполнении социально-политических задач. Как и в Советском Союзе, в социалистических странах редакции газет, радиовещания и телевидения все чаще и чаще вступают в непосредственные организационные контакты во имя достижения большей эффективности своей деятельности.

Кооперирование различных журналистских органов получило значительное распространение в Германской Демократической Республике. Естественно, формы их взаимодействия были найдены и осмыслены не сразу. Стремление к установлению более тесных связей в системе средств массовой информации и пропаганды в ГДР отмечено с начала 60-х годов. Так, в первом номере журнала «Neue Deutsche Presse» за 1961 г. был помещен любопытный шарж: на праздничном балу тост «За дальнейшее хорошее сотрудничество!» поднимают солидная, подбоченившаяся в покровительственно-снисходительной позе авторучка и уставившиеся на нее подобострастные микрофон и телекамера. Что же, хоть переданное и в шутливой форме, но довольно меткое и точное определение отношений, существовавших тогда между этими средствами массовой информации.

Немного времени прошло с той поры, но как окрепли радио и особенно телевидение, как стремительно протекает процесс их качественного самоопределения! А потому и микрофон, и телекамера, и перо органически, как равноправные партнеры, взаимодействуют в процессе публицистического отражения действительности.

Возникли же первые попытки кооперирования СМИП в ГДР на почве необходимости оперативного распространения социально-политической информации посредством простого повторения ее в печати и на радио. Особо ценные материалы печати становились доступными всему населению благодаря повторению их у микрофона, а репортажи и актуальные сообщения радио о внешнеполитических событиях тотчас же публиковались на страницах газет. Этим выигрывалось время в борьбе с идеоло-

гическими противниками: расширенной аудитории слушателей и читателей быстрее передавалась правдивая информация, опровергались ложь и инсинуации буржуазной пропаганды, что помогало людям лучше ориентироваться в событиях, делать верные выводы, отсекать дезинформацию.

На возможности, заложенные в сотрудничестве различных видов журналистики, обратили внимание прежде всего практики. Так, Герхард Айслер[100] неоднократно указывал на плодотворность тесных контактов печати и радио; одну из важнейших задач Союза немецких журналистов он видел в том, чтобы помогать совместным действиям печати, радио и телевидения. «Мы должны, – говорил он, – основательно исследовать это взаимодействие, определить, где мы дополняем друг друга, а где выполняем излишнюю, «двойную» работу... необходимо усилить эффективность сотрудничества»[101].

Опыт советской журналистики, в том числе и в организации совместных акций различных по природе средств массовой информации и пропаганды, позволил печати, радио, телевидению ГДР быстрее перейти к формам кооперирования, которые имели своей целью дополнение, обогащение информации, предлагаемой аудитории. Существенной предпосылкой для этого был высокий уровень насыщенности страны средствами массовой информации: ГДР входит в первую десятку стран мира по «потреблению» печати, радиовещания и телевидения на душу населения.

В 1963 г. редакция газеты «Neuen Deutschen Bauernzeitung» и телевидение ГДР подготовили общеобразовательную программу для работников сельского хозяйства. Известный экономист профессор Розенкранц выступил по телевидению с беседами, они проходили по воскресеньям в полдень. С вопросами к ученому могли обратиться не только приглашенные в студию сельскохозяйственные рабочие, специалисты, но и телезрители. Однако не все темы можно было раскрыть посредством устного рассказа, фотоснимков, графиков и диаграмм, отрывков из кинофильмов, т.е. визуально-акустическими средствами.

Поэтому по мере надобности за несколько дней до передачи газета публиковала приложение для производственных коллективов, которое также было подготовлено профессором Розенкранцем и его сотрудниками; после трансляции очередной беседы печатались ответы на вопросы, оставшиеся невыясненными во время телепередачи. Действенность такой формы сотрудничества была высока. Опрос приблизительно 2 тыс. читателей «Neuen Deutschen Bauernzeitung» показал, что 58,9% из них обратились к газетным статьям по экономическим вопросам главным образом благодаря совместным выступлениям газеты и телевидения, в ходе которых «каждый партнер для другого вербовал» читателя, зрителя.

---

[100] Г.Айслер (1896–1968 гг.) – крупный деятель немецкого и международного рабочего движения (в последние годы жизни – председатель Государственного радиокомитета ГДР), видный публицист.
[101] G. Eisler. Unsere unentbehrliche Organisation. – «Neue Deutsche Presse», 1966, N 1. S 8.

С А.А.Лихановым, С.В.Михалковым и Г.М.Гусевым. 2001.

Принцип дополнения был широко использован и в другой совместной журналистской акции, проводившейся на этот раз с участием профсоюзной газеты «Tribune» и радио ГДР под девизом «Nelle Kopfe – heise Herzen» («Светлые головы – горячие сердца») и явившейся своеобразной формой публичного чествования лучших тружеников республики. Редакции «Tribune» и радио обратились к руководителям предприятий и учреждений, к профсоюзным деятелям с просьбой назвать кандидатуры, и в результате было названо (кампания длилась с 9 января по 7 апреля 1967 г.) свыше 10 тыс. имен рабочих, инженеров, служащих, учителей, врачей и т.д., причем большинство писем было преисполнено любви и сердечности к этим людям, показывало их рост и становление как личностей.

Наиболее подготовленным и удачно осуществленным на всех этапах, на наш взгляд, было кооперирование газеты «Neues Deutschland» и радио ГДР (1966 г.), когда на страницах газеты и в радиопередачах почти три месяца обсуждались проблемы комплексной рационализации народного хозяйства. Началу совместных действий под девизом «Aus dem Groschen – die Mark» («Из гроша – марка») предшествовало обширное исследование проблем научно-технического прогресса на промышленных предприятиях, что предоставило возможность выявить целый ряд идей и тем. Впоследствии в ходе кампании освещение их позволило использовать сильные стороны каждого из партнеров: «Получалось логически, что в газете опыт рационализации предприятий освещался основательно, глубоко. Радио старалось в эти же дни в наиболее благоприятное для заинтересованных слушателей время разъяснять различные точки зрения, высказанные в газетных статьях, предоставляя слово для выступления у микрофона специалистам и руководителям, новаторам производства»[102].

Газета публиковала проблемные статьи, широко применяла графические элементы – рисунки, чертежи, а также фотоснимки; радио, кроме интервью, бесед «за круглым столом» и сюжетов, в последних известиях оперативно передавало особо важную информацию. Для того чтобы больше читателей и слушателей привлечь к вопросам рационализации производства, побудить к дискуссии по выдвигаемым радио проблемам, газета время от времени печатала отрывки из передач.

Массу писем с приглашением посетить предприятия получили редакции. Они сообща обратились к руководителям 150 предприятий республики с просьбой обосновать понимание ими путей рационализации, рассказать об опыте своих коллективов. Таким образом был достигнут большой обзор тематики и самых различных мнений. Совместная работа газеты и радиовещания породила необходимость более глубокого разделения труда между ними. Участие же газетчиков в радиопередачах и радиожурналистов в подготовке статей для печати позволило лучше познакомиться с рабочими принципами и методами партнеров, способствовало налаживанию между ними профессиональных и духовных коммуникаций.

Тематика совместных журналистских выступлений в ГДР разнообразна, как и представительство в них тех или иных СМИП. Чаще всего это несколько газет и радиовещание либо телевидение. В 1968 г., например, редакции «Neues Deutschland» и «Tribune», избрав в качестве партнера телевидение ГДР (его популярнейшую информационную программу «Aktuelle Kamera»), решили исследовать, исходя из задач, сформулированных в новой конституции, группу социально-экономических вопросов, в частности таких, как повышение ответственности предприятия в рамках централизованного государственного планирования и роли каждого трудящегося в управлении предприятием[103].

---

[102] D. Bruckner, H. Potthast. Bewahrt sich publizistische Gemeinschaftsarbeit. – «NDP», 1966, N 7, S 3.
[103] «NDP», 1968, N 7, S. 6–9.

Немаловажным для журналистского взаимодействия является выбор общей рубрики: она должна содержать в себе основную идею и возможность ее широкой трактовки, чтобы «вбирать» в себя новые темы и вопросы, неизбежно возникающие в ходе совместных выступлений. В данном случае рубрика звучала так: «Ist Erfolg – Glucksache?» («Успех – дело случая?»). Что определяет производственный результат, прибыль предприятия – удача, случайность или целенаправленная творческая работа всего коллектива, каждого рабочего? Эти вопросы адресовались массовой аудитории читателей и телезрителей.

Программа совместных действий разрабатывалась сообща и обсуждалась в каждом редакционном коллективе, что принесло немалую пользу не только для улучшения, совершенствования планов, но и для активизации творческой атмосферы в редакциях. После того как общая концепция и план действий были ясны, редакции собрали своих местных корреспондентов, объяснили им задачи. Редакция «Neues Deutschland» еще до начала акции разослала письма 180 народным корреспондентам с предложением готовить материалы для газеты. Первые материалы поступили с машиностроительного завода в Галле. Острые выступления бригадира слесарей Х.Коха и инженера Э.Лабитцке, которые на примере своего предприятия показали, как часто еще палочкой-выручалочкой для выполнения производственных заданий является аврал, были напечатаны в газетах, транслировались по телевидению. Эти выступления обладали «сосредоточенным» критическим зарядом, отличались определенными нюансами в разработке темы, предлагали дополнительную информацию.

Через день (17 апреля 1968 г.) «Neues Deutschland» предоставила слово для ответа директору этого завода К.Цигенхорну, который согласился с отмеченными недостатками в работе и назвал причины аритмии, а также неиспользованные резервы производства. Разговор – уже перед телекамерой – продолжили рабочие, инженеры, руководители других предприятий. Они также вскрывали слабые места у себя на производстве, делились секретами подлинного успеха, образцами передового опыта.

В дальнейшем редакции, выполняя намеченный план, чутко воспринимали творческий поиск коллег, поддерживали и развивали его. Так, когда редакция «Tribune» напечатала критические корреспонденции о работе двух предприятий Карл-Маркс-Штадта на тему «Сколько стоит потерянное время?», эстафету подхватила «Aktuelle Kamera» в форме бесед и кратких интервью, фотографий и кинокадров, а затем «Neues Deutschland» опубликовала результаты опроса мнений рабочих этих предприятий. Все вышедшие по трем каналам материалы обсуждались профсоюзными работниками и активистами, были намечены конкретные меры по устранению недостатков – обо всем этом сообщила «Tribune», начавшая разговор.

За четыре месяца (апрель–июль 1968 г.) в дискуссии приняло участие свыше 1000 рабочих, инженеров, техников. К участникам взаимодействия присоединилось около 100 заводских газет, которые также публиковали материалы о рациональной органи-

зации производства, творческом подходе, ответственности за порученное дело и т.п. Итоги совместной акции редакций газет и телевидения были подведены в беседе с одним из заместителей председателя Совета Министров ГДР.

На вопрос редакции «Neue Deutsche Presse» о том, каковы итоги журналистского взаимодействия, его участники ответили так:

Д. Брюкнер («Neues Deutschland»): «Мы получили не одни только поздравления с успехом, но и настоящие проблемные корреспонденции с предприятий (рукописи по 7–8 страниц), письма из бригад, профсоюзных групп, статьи руководителей заводов, авторы которых делятся своими заботами и размышлениями. Ни одна акция не имела такого отклика, как эта. Пришло свыше 200 авторских корреспонденций...».

Г. Райтмайер («Aktuelle Kamera»): «Любопытно, что теперь и наши филиалы начали сотрудничать с корреспондентами газет на местах...».

И. Блади («Tribune»): «Отклик очень сильный, с нашей точки зрения. Авторские статьи о ситуациях, сложившихся на предприятиях, были так хороши, что иной раз публиковались без правки. Нам писали руководители предприятий, профсоюзные функционеры, министры...»[104]

Как видим, кооперирование средств массовой информации и пропаганды в Германской Демократической Республике приобрело довольно широкий размах и основывается преимущественно на принципах «варьированного повторения», дополнения и в известной мере развития содержания социальной информации.

Как правило, этот опыт тщательно анализируется на страницах органа Союза журналистов ГДР «Neue Deutsche Presse», а в последние годы привлекает внимание и ученых. Так, Карл-Гайнц Рёр посвятил свою работу проблемам влияния радиовещания и телевидения на информационную службу ежедневной печати, осмысления роли и места газеты в системе СМИП. Автор рассматривает и вопросы кооперирования в журналистике, выделяя при этом несколько его форм: а) систематическая взаимосвязь содержания газетных материалов, радио- и телепередач, их преемственность; б) сознательное продолжение разговора, начатого одним СМИП, другими (кампания); в) взаимные выступления журналистов в параллельно действующих органах и т.п. «Кооперирование, – пишет Рёр, – это не модная тема, оно поможет вскрыть, сильнее выявить публицистические особенности различных видов журналистики и характер связи между ними»[105]. Возможности повышения эффективности системы журналистики благодаря организации взаимодействия между ее составными частями рассмотрены Петром Фиртелем[106], который пишет, что «кооперирование усиливает непрерывность информационного влияния, устраняет неоправданные повторы содержания, с одной стороны, и пробелы в информации – с другой...»[107].

---

[104] «NDP», 1968, N 7, S. 9.
[105] «NDP», 1967, N 3, S. 16.
[106] «NDP», 1974, N 8, S. 1–8.
[107] Там же, N 4.

В 1968 г. Союз журналистов Народной Республики Болгарии провел теоретическую конференцию, на которой рассматривались различные стороны совместного функционирования отраслей журналистики, велись «поиски разумного разделения труда и установления на этой основе более тесного взаимодействия массовых средств пропаганды при выполнении ими ответственных задач партии»[108]. Спустя пять лет состоялась международная научно-теоретическая конференция на тему «Взаимодействие и эффективность средств массовой информации и пропаганды»[109] – новое свидетельство последовательного, глубокого подхода Союза журналистов НРБ к одной из главнейших проблем современной журналистики.

К началу 70-х годов население Болгарии все более воспринимает средства массовой информации и пропаганды как составные части общей системы. Это обстоятельство обусловило возникновение первых совместных акций журналистских органов. Как обычно, отсутствие опыта и методологической ясности поначалу приводило к тому, что при взаимодействии реализовался лишь принцип повторения общественно значимой информации (например, беседа с передовиками производства или общественными деятелями передается по телевидению и ее смотрят миллионы зрителей, а на следующий день газета помещает стенографическую запись либо подробный отчет о прошедшей беседе).

Затем редакции приступили к более глубокой и основательной подготовке совместных действий с тем, чтобы каждый партнер выполнял свою часть задачи с помощью присущих ему жанров, выразительных и изобразительных средств, не повторяя коллег. Именно такими были акции газеты «Работническо дело» и Болгарского телевидения под рубрикой «Общественная проверка» (1969–1970 гг.) и «Передовики пятилетки» (1971 г.). По форме это взаимодействие напоминало рассмотренные ранее (например, опыт донецких журналистов). Телевидение предлагало зрителям получасовую передачу, а затем газета глубоко исследовала существо поднятых экраном проблем. При этом миллионы читателей и зрителей[110] – в основном все активное население страны – узнают о наиболее актуальном.

Эти же средства массовой информации ведут совместно «Гражданскую трибуну», где читатели и зрители ставят наболевшие социально-экономические вопросы, а затем через газету и телеэкран им отвечают министры, руководители ведомств и предприя-

---

[108] «Български журналист», 1968, № 8. С. 8.

[109] Готовили эту конференцию Научно-исследовательский центр по журналистике при Союзе журналистов НРБ, Институт телевидения и радиовещания, Научный центр Комитета по печати НРБ. В ней принимали участие не только ученые, но и практические работники газет, радиовещания, телевидения. С основным докладом выступил автор данной книги. Материалы конференции впоследствии были изданы (см. «Журналистика». Под ред. М. Иванова (главный редактор), В.Кунчева, Н.Рачева, К.Колева, Х.Бонева, М.Драганова. София – 1974).

[110] В 1975 г. газета «Работническо дело» выходила тиражом 800 тыс. экз., а передачи телевидения смотрели и слушали 5–6 млн. человек.

тий. Популярны среди населения и «диалоги», материалы которых по своему содержанию носят преимущественно нравственно-воспитательный характер. «Диалоги» открываются обычно критическим выступлением газеты «Работническо дело» по поводу тех или иных конкретных нарушений социалистической морали. В тот же вечер начатый разговор продолжается перед телекамерой в форме широкой дискуссии, в которой принимают участие представители компетентных государственных органов, передовые рабочие, служащие, общественники[111]. Такие передачи и статьи не только концентрируют внимание людей, к нравственным проблемам, их суждения и порицания, но и вызывают у них потребность в позитивных действиях.

Местные журналистские органы, имеющие сравнительно более тесные контакты со своей аудиторией, также предпринимают попытки объединять усилия для разработки главных тем дня. Инициаторами, как правило, выступают окружные газеты. Так, варненская газета «Народно дело» в 1970 г. начала публиковать серию материалов под рубрикой «Знаете ли вы родной край?». В них раскрывалась история поселков, городов от далекого прошлого до наших дней, шла речь о развитии промышленности, о крупнейших предприятиях, учреждениях культуры, учебных заведениях. Одновременно радио Варны поддерживало выступления газеты, приглашая к микрофону старых членов партии, деятелей культуры, проживающих в округе.

Эта совместная акция (а продолжалась она два года) во многом способствовала делу воспитания молодежи, а также значительной части переселенцев из других мест республики в духе патриотизма, давала отпор нигилистическим настроениям. В последующем «Народно дело» и радио Варны провели еще ряд совместных акций (о воинском долге и священной обязанности быть готовым защищать свою Родину; о новых обычаях и праздниках и др.)[112].

Ученые НРБ изучают проблемы координации и взаимодействия средств массовой информации и пропаганды, высказывают в своих работах ряд ценных наблюдений, перспективных идей[113]. Д.Георгиев, например, совершенно справедливо настаивает на необходимости (при комплексном ведении кампании, скажем, газетой и телевидением) добиваться «*относительной самостоятельности и завершенности обоих потоков – телевизионного и газетного*»[114]. Материалы для газеты должны быть написаны так, чтобы у читателя, если он следит за данной кампанией только по газете и, следовательно, имеет о ней более ограниченное представление, все же впечатление о ее проблематике было целостным. С соблюдением этого принципа необходимо строить и телевизион-

---

[111] См. Я.Георгиев. Слово, несущее правду. – «Правда», 20 мая 1975 г.

[112] См. Е.Декало. Взаимодействие и эффективност на местните средства за масова информация и пропаганда. – «Журналистика». С. 97–107.

[113] См. В.Симеонов. Диференциацията на информационните канали – предпоставка за интеграция; Вл. Кунчев. Интеграцията – важно условие за высока ефективност; М.Минков. Ефективността и пътищата за нейното постигане. – «Журналистика». София, 1974.

[114] «Проблемы научной организации журналистского труда». – М. С. 231.

ную передачу. Такой подход оправдан, так как границы читательской и телевизионной аудитории почти никогда не совпадают абсолютно.

Установление непосредственных организационных контактов между средствами массовой информации и пропаганды во имя достижения тех или иных конкретных целей отмечается сегодня и в других социалистических странах. Характерно, что возникают они по мере дальнейшего развития телевидения чаще всего именно между этой новейшей отраслью журналистики и самой старой – печатью. В Венгерской Народной Республике, например, за последние годы стремительно возросла аудитория телевидения: насчитывается более 2 млн. абонентов, передачи ведутся по двум программам. Вечерние новости («Телевизионный дневник») здесь смотрит примерно 60% семей. Весьма популярна также общественно-политическая передача «Форум», которая предоставляет возможность одновременно нескольким миллионам граждан встретиться с руководителями страны, видными общественно-политическими деятелями, ведущими журналистами, задать вопросы о том, что их волнует (24 столичные телефонные линии и провинциальные телефонные центры часто не успевают принимать вопросы телезрителей во время передачи)[115].

Подобные обсуждения актуальных проблем на экране побуждают к продолжению разговора, но время передачи ограничено, а количество заданных телезрителями вопросов достигает 1000. На помощь телевидению приходит политический еженедельник «Мадьярорсаг» (журнал, родственный советскому «Новому времени»), который публикует статьи, где поднятые темы рассматриваются более обстоятельно.

И познавательная программа «Дельта» нередко практикует «выходы» аналогичного характера на страницы одноименного научно-популярного журнала, и программа «Синий свет» (название происходит от мигающей сигнализации милицейских машин) тесно взаимосвязана с иллюстрированным еженедельником «Тюкёр». Телевизионная передача ведет большую разъяснительную работу, правовую пропаганду, а иной раз и практически помогает органам, разыскивающим преступников, вовлекает в поиск зрителей – они могут во время передачи позвонить или на телевидение, или в милицию и сообщить о собственных наблюдениях. «Тюкёр» после передачи «Синий свет» в разделе «Требуется ваша помощь» возвращается к деталям дела, рассказывает, как население может способствовать задержанию того или иного преступника.

* * *

Единый предмет отражения СМИП – многообразные явления социальной жизни; единый потенциальный, все в большей мере становящийся и фактическим потребитель информации – объект воздействия системы; общие цели – создание гармоничного спектра информации, отражающей общественное мнение и способствующей

[115] См. Г.Герасимова. Телевидение и зритель. – «Советская культура», 1 октября 1974 г.

формированию мировоззрения, – основные предпосылки развития между печатью, радиовещанием и телевидением отношений координации, рождения новых форм их взаимодействия.

Как видно из предыдущего изложения, вот уже почти пять десятилетий печать и радио, а затем и телевидение неоднократно на более или менее продолжительное время концентрировали свои усилия на решении определенных общественно-политических задач и убедительно доказали, что средства массовой информации и пропаганды в ходе кооперирования целенаправленно используют природные возможности влияния на сознание и чувства людей. При взаимодействии общими являются не только тема, рубрики и т.д., но самое главное – *достигается мгновенный охват необходимой общественно значимой информацией огромной аудитории*.

Анализ форм кооперирования печати, радио и телевидения позволяет уяснить определенные тенденции и закономерности этого процесса, которые, несомненно, важны и для теории, и для практики журналистики, для дальнейшего совершенствования и развития всех ее отраслей, для перехода к их постоянному органическому взаимодействию:

1. Отношения координации между средствами массовой информации и пропаганды социалистического общества обогащаются отношениями взаимодействия. При этом каждое интегративное свойство системы, испытывая все усиливающееся влияние соответствующей, достигшей высокого уровня специфичности отрасли журналистики, приобретает возможность непрерывного совершенствования.

Основными закономерностями процесса взаимодействия печати, радиовещания, телевидения, на наш взгляд, являются *сознательное, обусловленное теми или иными общественными потребностями повторение социальной информации* (первичные формы), *дополнение и развитие темы при отражении реальной действительности*. Эти закономерности были открыты в логической последовательности, словно по спирали – от простого к более сложному, от повторения – к дополнению и развитию содержания материалов, предлагавшихся аудитории взаимодействующими средствами массовой информации и пропаганды.

Применение того или иного принципа кооперирования обусловливается идейно-политической востребованностью и актуальностью выбранной темы, степенью развитости отраслей журналистики, насыщенности страны (региона) СМИП (количеством радио и телеприемников), общеобразовательным и культурным уровнем аудитории. Взаимодействие журналистских сил позволяет гарантировать *целеустремленность, непрерывность, универсальность* потока информации.

При организации совместных действий газетчики, радио- и тележурналисты должны установить какой из принципов кооперирования в данной акции является основополагающим в соответствии с характером выдвинутых задач. Думается, что при *одновременном освещении* СМИП фактов и явлений событийного характера целесообразнее

На открытии выставки издательства «Педагогика». Слева направо: Ю.В.Васильев, главный редактор издательства «Педагогика», Ю.К.Бабанский, вице-президент Академии педагогических наук СССР, автор.

дополнение содержания в каждом последующем журналистском выступлении. При публицистическом же исследовании какой-либо проблемы, ведении политической или хозяйственной кампании прежде всего уместен принцип *развития темы*, сознательного продолжения разговора, начатого, скажем, радио, телевидением, газетой и наоборот – в строго спланированной последовательности.

2. В любой форме кооперирования прослеживаются взаимосвязанные, логически выдвигающие перед его участниками определенные требования этапы: выбор и предварительное ознакомление с темой, планирование, период совместных действий, подведение итогов.

Непременным *методологическим основанием* для организации взаимодействия является *учет и использование сильных сторон каждого средства массовой информации и пропаганды.* Кооперирование повышает *степень раскрытия их специфики,* так как постоянно возникает вопрос: *какое из этих средств, в какой момент осуществления единого плана способно эффективнее других отобразить данный факт, событие, явление; каким образом могут поддержать, развить его выступление партнеры.* Аналитическая сила печатного слова и непосредственность сказанного, эмоциональность визуально-акусти-

ческого образа дополняют друг друга, поэтому СМИП получают возможность *последовательно, гармонично* обогащать новой информацией, фактами и идеями аудиторию читателей, слушателей, зрителей и создавать вместе цельную, достоверную картину действительности.

В большинстве случаев взаимодействие начинается с массированного выступления печати, радио и телевидения, которые посредством объемной информации сообща выносят на суд общественности ту или иную важную проблему, чтобы вызвать у читателей, слушателей и зрителей *личный интерес* к ней, побудить к *размышлениям*. Рассмотрение конкретных ситуаций, отдельных сторон проблемы, показ отношения к ней представителей различных слоев аудитории в большей степени удаются радиовещанию и телевидению; если же мы хотим раскрыть взаимосвязи и конфликты, таящиеся в той или иной проблеме, роль первой скрипки играет газета.

Для руководства взаимодействием печати, радио и телевидения, корректирования намеченных планов, контроля за ходом их выполнения, оценки уже вышедших материалов, обсуждения новых идей и проблем, как правило, создается организационный центр из представителей редакций, а также партийных, хозяйственных и профсоюзных работников, ученых и т.п.

В редакциях также выделяются рабочие группы, в задачи которых (кроме подготовки материалов для печати и передач) входят предварительное знакомство с содержанием и формой выступлений других участников взаимодействия, обмен информацией, письмами, документами с редакциями-партнерами с целью достижения преемственности в развитии темы. Упрочение таких повседневных связей способствует выбору каждой редакцией оптимальных вариантов продолжений. Любой форме кооперирования обязательно присуще взаимное оповещение о предстоящих выступлениях партнеров, ссылки на уже вышедшие материалы и передачи.

Сотрудничество между средствами массовой информации и пропаганды активизирует и коллективные действия внутри редакционных коллективов. Вопросы общественного питания в «Крымской правде», например, издавна считались «вотчиной» отдела писем. Но разве в состоянии были его работники, хотя там и собрались опытные журналисты, исследовать все грани и противоречия, конфликты и сложности, возникающие при освещении этой темы? Конечно, нет. Поэтому в «Смотр общественного питания» вложили свою лепту и другие отделы редакции: промышленный, культуры, сельскохозяйственный.

Видимо, сегодня для того, чтобы глубоко и последовательно отображать те или иные процессы, необходимо концентрировать усилия группы журналистов или всей редакции на их всестороннем изучении и освещении. Уже обсуждение планов совместных акций вызывает оживленные споры и размышления, поддерживает творческую атмосферу в коллективах, побуждает каждого задуматься над спецификой своего

и «чужого» отдела, помогает преодолеть еще существующие подчас в журналистской среде узкоцеховые настроения.

3. Сотрудничество печати, радио и телевидения вследствие четкого разделения труда, концентрации общих усилий на освещении выбранных тем и проблем, усиления профессиональных контактов между газетчиками и журналистами эфира повышает производительность труда всей системы средств массовой информации и пропаганды в целом:

– совместными акциями журналистские органы, действуя широко, последовательно и многопланово, добиваются заметных, гораздо больших, чем когда они освещают те же вопросы порознь, позитивных изменений в жизни;

– кооперированная деятельность стимулирует коммуникативные процессы, активизирует (делает более подвижным) общественное мнение, укрепляет обратные связи журналистики. Доказательством этого являются рост почты читателей, слушателей, зрителей, заметное оживление рабселькоровского движения и т.п. во время взаимодействия тех или иных журналистских органов;

– в процессе кооперирования журналисты имеют возможность рационально использовать приобретенные сообща знания при изучении социальной действительности, добиваясь при этом высокой степени непрерывности ее отражения.

* * *

Сегодня все средства массовой информации и пропаганды находятся в тесной взаимосвязи и обусловливают не только развитие, но и уровень эффективности друг друга. А это значит, что их функционирование нуждается в постоянной координации, в обеспечении слаженности и взаимодействия. *В нынешних условиях необходим системный, комплексный подход и к самим средствам массовой информации и пропаганды, так как во взаимодействии со средой они все больше выступают как целостная система, как нечто единое*. Иными словами, речь идет *об организационном обеспечении объективно обусловленного процесса координации и взаимодействия печати, радиовещания и телевидения*.

При подготовке кадров, на наш взгляд, проблемы специфики каждого вида журналистики должны занять место, отвечающее их объективному, все возрастному значению. Получая образование, будущий газетчик например, просто не может не знать специфики выразительных средств, коммуникативных особенностей не только печати, но и радиовещания, телевидения. Короче говоря, журналисты различных отраслей обязаны иметь *единое представление* о единых задачах системы средств массовой информации и пропаганды, которые осуществляются, однако, *по-своему* каждым из этих средств. Но в учебных программах вузов, готовящих журналистские кадры, эти темы

пока либо вовсе отсутствуют, либо же освещаются в самом общем виде[116].

Вне всякого сомнения, актуальной является задача создания *теории функционирования системы средств массовой информации и пропаганды*, которая глубоко и всесторонне отразила бы проблемы их координации и взаимодействия, многосторонних и сложных, переплетающихся связей с аудиторией на основе накопленного в нашей стране и за рубежом практического опыта, на базе данных других наук – философии, социологии, социальной психологии, теории информации и теории управления. Необходимо комплексное исследование структуры аудитории, содержания и формы адресованных ей материалов СМИП и одновременно выявление механизма восприятия газетной, радио- и телевизионной информации.

Практики ждут и конкретных рекомендаций относительно осуществления принципов координации, применения различных форм взаимодействия, т.е. тщательно отработанной методики взаимоотношений внутри системы СМИП. Очевидно, этим важнейшим темам следовало бы посвятить специальные книги (в том числе и подготовленные совместно учеными стран социалистического содружества), разделы в учебных пособиях, а также уделять больше внимания на страницах профессиональных изданий – «Журналиста», «Телевидения и радиовещания» (по-видимому, уже оправданными были бы в этих журналах и постоянные рубрики, под которыми печатались бы материалы о координации и взаимодействии печати, радиовещания и телевидения).

При разработке фундаментального курса «История журналистики социалистических стран», думается, целесообразно было бы проследить своеобразие вхождения в систему средств массовой информации и пропаганды новых составных частей, осмыслить опыт их кооперирования в историческом аспекте. Самостоятельной главой могло бы быть и обобщение многообразных форм взаимодействия различных по природе журналистских органов братских стран.

Известно, что каждая целостная система имеет определенный диапазон функционирования и развития, ограниченный двумя критическими точками: нижней, предельной, за которой следует разрушение, и верхней, при которой система достигает максимального функционирования. Система средств массовой информации и пропаганды на современном этапе – «в пути» к своему расцвету. Огромные резервы улучшения ее деятельности еще далеко не исчерпаны. С одной стороны, интенсифицируется процесс раскрытия природных выразительных свойств и способов идеологического и социально-психологического воздействия каждого вида журналистики на аудиторию. С другой – печать, радио и телевидение как составные части единой системы в своем развитии вплотную подошли к той стадии, когда действенность их выступлений прямо

[116] Например, на факультете журналистики Московского университета лишь летом 1975 г. впервые введена «взаимная» практика: газетчики готовили радио- и телевизионные передачи, а студенты радиотелевизионного отделения выпускали газету и таким образом знакомились со «смежным» видом журналистики.

зависит от уровня согласования этих выступлений с точки зрения содержания, формы и функции газетного материала, радио- и телевизионной передачи. Чем быстрее растет часть аудитории, являющаяся общей для всей журналистики, тем актуальнее становится проблема системного исследования средств массовой информации и пропаганды.

В виде гипотезы можно предположить, что со временем организационная структура журналистики изменится и ныне самостоятельные газета, радио, телевидение сольются в своеобразные объединения с общим информационным центром, планированием и измерением эффективности их воздействия на массы. Но это из области прогнозов. А сегодня жизнь требует осознания и широкого применения принципов координации деятельности средств массовой информации и пропаганды, постановки новых опытов взаимодействия газеты, радио и телеэкрана, которое приносит щедрые плоды, ибо всякая кооперация, «слияние многих сил в одну общую, создает, говоря словами Маркса, некую «новую силу», которая существенно отличается от суммы составляющих ее отдельных сил»[117].

[117] К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т. 20, стр. 130.

КОЛЬЦЕВОЙ ПРЕСС-КОНТРОЛЬ[118]

Устроим, братцы, перекур?
– Чего вдруг?
– Заготовки кончились.
– Да-а... Поставщики... Снова морозят нас.

– Давай покурим, газетку почитаем... Вот как раз о нашей стройке в «Молодом ленинце» пишется. Смотри, как разделывают поставщиков! Пишут о московском заводе «Электросталь», Чебоксарском заводе электроаппаратуры, о глуховской «Электропанели»...

– Ну и что? Газета-то областная, а поставщики по всей стране разбросаны. Разве до них критика дойдет?..

Этот диалог молодых рабочих не выдуман, а взят из жизни Всесоюзной ударной стройки – цеха шарикоподшипников на Днепропетровском заводе имени Карла Либкнехта. Летом прошлого года молодежная газета опубликовала тревожный сигнал: срывается поставка заказов на электрооборудование. Газета справедливо критиковала заводы-поставщики, но... эти заводы были за пределами области. На деле получается, что от такой критики польза невелика.

Это поняли и в самой редакции. Решили искать выход. И нашли. А что, если объединить свои усилия с журналистами тех областей, где находятся заводы-поставщики? **Выпустить номер с острыми критическими материалами в адрес конкретных виновников, опубликовать ответы руководителей этих предприятий** – вот что задумали молодые газетчики.

Мысль подготовить объединенный номер газет увлекла журналистов Днепропетровска, Донецка и Свердловска. Между этими областями давно сложились крепкие экономические связи. Например, машиностроители Донбасса выполняют заказы приднепровских строителей, а уральцы изготовляют оборудование для донецких строек. На Урале, в Донбассе, Приднепровье сооружаются десятки индустриальных гигантов семилетки. Успешная работа строителей во многом зависит от того, сумеют ли комсомольские организации, штабы и отряды «комсомольского прожектора» этих ударных объектов объединить свои усилия, организовать действенный контроль общественности за ходом строительства. Не последнее слово принадлежит здесь печати.

27 января 1963 года в трех областях вышел один объединенный номер трех молодежных газет. На первой полосе – три заголовка: «Молодой ленинец», «Комсомолец Донбасса», «На смену!». В ярком луче «прожектора» выплескиваются на страницу слова – девиз номера: «Ударные стройки – ударный фронт!».

---

[118] Журнал «Комсомольская жизнь», 1963, № 4. Инициатором и организатором этой акции взаимодействия газет был автор данной статьи – в то время работник ЦК ВЛКСМ.

Удачным оказался этот номер. Газета рассказала о самом важном в жизни ударных строек. Рассказала ярко, интересно, остро.

Коллектив Всесоюзной ударной стройки, сооружающий конверторный цех на Ждановском металлургическом заводе имени Ильича, выступил с предложением создать **объединенный межобластной юнкоровский совет пресс-контроля** за выполнением заказов новостроек, организовать широкий обмен передовым производственным опытом. Так, комсомольцы трех областей с помощью молодежных газет взяли под кольцевой пресс-контроль заказы ударных строек. Материалы первого объединенного номера дают представление об эффективности, полезности этой хорошей инициативы.

В письме «Подножка на финише», обращенном к комсомольцам и молодежи, к дирекции Ново-Краматорского машиностроительного завода, молодые строители Шевченковского карьера (Днепропетровская область) высказывают серьезные претензии по поводу несвоевременной поставки и низкого качества механизмов. Рядом помещен ответ рейдовой бригады юнкоров с машиностроительного завода, в котором критика признана справедливой, рассказывается о конкретных мерах, принимаемых на заводе (создан специальный комсомольский штаб, контролирующий и координирующий ход выполнения заказов для ударных строек). Все будет в порядке, если не подведет... Днепропетровский завод имени Бабушкина, который задерживает поставку металлоконструкций. Так с помощью объединенного номера газеты были вскрыты настоящие причины отставания, привлечено внимание к «узким местам» целых заводских коллективов.

Ряд материалов номера посвящен анализу хода ударного строительства в прошлом году. Руководители совнархозов соревнующихся областей отвечают на вопросы редакций, подсказывают, советуют молодежи, что нужно делать в первую очередь, как браться за решение той или другой хозяйственной проблемы. Вот что писал, например, председатель Приднепровского совнархоза Л.Е.Лукич: «Мне думается, что заслуживает внимания сама идея кольцевого пресс-контроля на ударных стройках трех совнархозов. И вправду, зачем посылать «толкача» (хозяйственник он или член комсомольского штаба) на завод-поставщик, тратить на это время, деньги и нервы, если можно организовать настоящий контроль за изготовлением оборудования для ударных строек у себя на местах? Кольцевой контроль – это как бы круг дружбы, которая отныне прочно устанавливается между молодежью Свердловска, Донецка и Днепропетровска».

Несомненно, интересная форма кооперирования газетчиков по выпуску объединенных номеров найдет множество последователей. Редакции «Молодого ленинца», «Комсомольца Донбасса» и «На смену!» доказали, что комсомольский пресс-контроль оправдывает надежды активистов.

КАКАЯ КНИГА НУЖНА СЕЛУ?[119]

Новое в издании литературы о передовом опыте

Всем помнится не столь уж далекое время, когда на прилавках магазинов и в складах образовались завалы книг и брошюр с многообещающими рубриками: «Станем вровень с героями», «На лучших равняйте шаг!», «Маяки зовут» и т.п. Издательства наперегонки «выпекали» сотни брошюр, якобы доказывая тем самым, что они шагают в ногу со временем.

А на поверку многие из этих книг были лишены сколько-нибудь серьезного содержания, они давали лишь информацию о конечных результатах, достижениях тех или иных передовиков. Конечно, издавалось немало производственной литературы, действительно поучительной и полезной для практиков сельского хозяйства. Но, к сожалению, в ряде местных издательств работу над серьезным и вдумчивым обобщением передового опыта подменяли выпуском скороспелых, поверхностных брошюр.

Правдивость, доказательность, отсутствие какой бы то ни было фальши – непреложное требование к книге о передовом опыте. Однако знакомишься с иным изданием о передовике, и предстает перед тобой путь его – ровный и гладкий, без сучка и задоринки. Авторы почему-то замалчивают трудности, уходят от объективных противоречий в развитии сельского хозяйства.

Не менее благоприятную почву для выпуска серых и бессодержательных книг создавал сложившийся за многие годы местнический подход к планированию сельскохозяйственных изданий. На местах нередко считали, а кое-где еще и теперь считают возможным требовать от издательств ежегодно книг и брошюр по всем отраслям сельскохозяйственного производства республики, области или края, независимо от того, есть ли ценный опыт в действительности.

Многие брошюры свидетельствуют и о том, что издательства не научились еще тщательно и бережно обобщать крупицы передового опыта. В иных книжках встретишь все, что угодно: и портрет доярки, и картины местной природы, и историю села за многие десятилетия – нет только конкретного, личного опыта передовика производства.

В книге «Фабрика твердых пшениц» (Куйбышев) читаем: «Наши 14 бригадиров – это четырнадцать чудо-богатырей...» Когда же приходит черед раскрытия технологии передовых приемов труда (а ведь именно ради этого задумывалась книга!), авторы не в состоянии сказать что-либо вразумительное.

Ложно понимаемое требование «живости», «образности» к производственной книге привело к появлению «книг-гибридов» – литературных описаний, которые не дают

[119] «Правда», 10 февраля 1967 г. Эта статья – итог аналитической работы автора – главного редактора производственной и общественно-политической сельскохозяйственной литературы Госкомпечати РСФСР.

40-летие Победы в Великой Отечественной войне. С ветеранами издательства «Педагогика». Автор – третий справа. 1985.

ничего практически полезного производственнику. Настало время четко разграничить цель и назначение производственной книги и художественного, документального очерка о человеке. Живость в книге о передовом опыте – это богатство и глубина аргументации, точные и яркие сравнения различных производственных приемов, хороший литературный язык.

Вполне оправданным является желание видеть автором книги об опыте передовика – тракториста, доярку, пастуха. Но, как показывает практика, чаще всего достигают цели книги о передовой технологии, созданные коллективами авторов, к примеру: механизатором и инженером, дояркой и зоотехником или ученым и специалистом-практиком.

Научно обоснованная политика партии в сельском хозяйстве, разработанная мартовским (1965 г.) Пленумом ЦК КПСС и в решениях XXIII съезда партии, создала объективные условия для выпуска книг и брошюр, способствующих развитию этой важнейшей отрасли. Возникли и уверенно развиваются новые новые тенденции в выпуске сельскохозяйственной литературы. И, думается, на верном пути находятся издательства Российской Федерации, которые за последние два года, следуя ленинскому принципу «лучше меньше, да лучше», решительно сократили количество названий.

В 1963 году в Российской Федерации вышло 1.721 название сельскохозяйственных книг и брошюр, а на 1967 год запланировано 498 названий. Возникает сомнение: не голодный ли это паек? Нет. Ведь средний тираж одного названия за этот же срок вырос в три с лишним раза. Издательства получили возможность сосредоточивать свои силы на подготовке наиболее ценных книг.

Новый подход к изданию сельскохозяйственной литературы виден на примере Краснодарского книжного издательства. Здесь стало правилом выпускать только такие книги, без которых производство не может обойтись. Тематические планы краснодарских издателей являются в сущности заявкой-заказом работников сельского хозяйства края и составляются только после широкого обсуждения в колхозах и совхозах, в научных учреждениях. Уменьшилось количество названий, но не сузился круг освещаемых вопросов: задуманные и выпущенные книги раскрывают не одну, случайно выхваченную проблему, а целый комплекс их. Такие книги рассчитаны на долгие годы жизни.

Только тогда становится возможным издание книги, когда редактор увидит хозяйство, сам убедится в необходимости пропагандировать его опыт. Именно так была подготовлена старшим редактором издательства П.В.Басенко брошюра директора совхоза «Ладожский» Н.М.Батохина «Ферма завтрашнего дня». Она сразу же разошлась и была выпущена дополнительным тиражом.

И это не единственный пример, когда российские издательства могут похвалиться содержательными, правдивыми и убедительными сельскохозяйственными книгами и брошюрами. На проведенном Комитетом по печати при Совете Министров РСФСР и Научно-техническим обществом сельского хозяйства СССР Всероссийском конкурсе на лучшую сельскохозяйственную книгу 1965 года соперничали свыше 80 изданий. Из них 30 были отмечены дипломами и премиями. В Российской Федерации с 1964 года работают укрупненные издательства. Теперь издания рассчитаны на сельских тружеников зоны, состоящей из нескольких областей, и строятся на более богатом, чем прежде, фактическом материале; издательства строже подходят к выбору адреса для книги о передовом опыте. Вместо 3–4 книг, скажем, об опыте возделывания пшеницы, выходивших в нескольких областных издательствах, мы имеем одну книгу, обобщающую более ценный материал и вышедшую гораздо большим тиражом. Примерами могут служить книги «За высокий урожай озимой пшеницы» (Центрально-Черноземное издательство), «Агротехника овощных культур» (Средне-Уральское издательство), «Удобрение сахарной свеклы» (Приволжское издательство) и др.

Однако и сейчас еще укрупненные издательства нередко сталкиваются с настойчивыми требованиями тех местных работников, которые во что бы то ни стало хотят раскрыть достижения лишь «своих собственных» передовиков.

Как-то в разговоре с секретарем Курского обкома партии Т.И.Архиповой я пытался на примере уже выпущенных Центрально-Черноземным издательством книг доказать их целесообразность; ведь в сборнике, где авторами являются, например, лучшие све-

кловоды пяти областей, аккумулирован, собран по крупицам передовой опыт целой зоны. Моя собеседница возразила:

– А у нас, в Курской области, есть свои передовики по сахарной свекле. Нашим свекловодам надо дать книжку о нашем, курском опыте. И потом – земли разные...

Да, и такие книжки нужны. Но это должны быть издания, не призывающие механически копировать опыт того или иного мастера. Читателя привлечет не описание «от сих до сих» того, что делал «наш, курский свекловод», не набор фактов, а изложение метода, экономическое обоснование тех или иных приемов труда. Причем должен раскрываться опыт стабильный, подтвержденный высокими результатами нескольких лет. Такие книги будут учить думать механизатора, агронома, зоотехника; содержать принципы, учитывающие все разнообразие складывающейся производственной обстановки. К сожалению, стремление непременно издать книгу о «своем» местном передовике, пусть даже у него еще нет достаточного опыта, приводит к тому, что на книжном рынке появляются малосодержательные изделия, нередко дублирующие другие брошюры.

Хочется возразить еще одному распространенному кое-где суждению, что у передовиков-де нет «никаких секретов», что главное – хорошо трудиться, и успех обеспечен. Немало вреда принесло нашей пропаганде это примитивное отрицание необходимости постичь все тонкости той или иной профессии, раскрыть действенные ее тайники.

Стремление стать подлинным мастером своего дела внутренне присуще каждому человеку, и ни один земледелец не мыслит себе будущего без постоянного обогащения своих производственных навыков, повышения профессионального уровня. И здесь неоценимую помощь призвана сыграть умная, точная, содержательная книга о передовом опыте.

РЕЦЕНЗИЯ

ПОБУЖДЕНИЕ К РАЗМЫШЛЕНИЯМ[120]

В.Н.Ганичев. Молодежная печать: история, теория, практика. – М.: Изд-во «Мысль», 286 с.

Почти шестьдесят лет назад в нашей стране появились первые издания организации революционной рабочей молодежи. Сегодня Ленинский комсомол – один из крупнейших издателей страны – в центре и на местах (в каждой области, крае, республике) выпускает около 230 газет и журналов на многих языках народов СССР разовым тиражом свыше 70 миллионов экземпляров. Если учесть, что потенциальная аудитория молодых читателей в настоящее время определяется примерно такой же цифрой, то каждый из них получает по крайней мере одно адресованное ему издание. Путь в несколько десятков лет, пройденный молодежной печатью, поистине уникален. В чем же феномен этого явления?

Истоки, основные этапы становления и развития комсомольской печати, ее роль как пропагандиста марксистско-ленинских идей, воспитателя и организатора юношества, общее и особенное в ее функционировании – вот круг вопросов, которым посвящено монографическое исследование В.Ганичева «Молодежная печать: история, теория, практика». Опираясь на уже достигнутое в изучении издательской деятельности для юношества, автор на основе системного подхода к анализу социальных явлений выдвигает интересную и, вне сомнения, перспективную концепцию развития молодежной прессы. Именно в том, что, пожалуй, впервые в нашей литературе ее ретроспектива, день сегодняшний и в известной мере день завтрашний рассматриваются в неразрывном единстве, – ценность этой работы.

В последние годы защищено несколько диссертаций о рождении и первых шагах комсомольской печати в отдельных регионах страны. В них немало ценных наблюдений и мыслей, но локальный объект исследований не всегда позволяет выявить своеобразие причин возникновения того или иного молодежного издания в общем русле печатной информации и пропаганды. Может быть поэтому особенно привлекательной в рецензируемой книге представляется глава «Биография юношеской печати», где зримо отображена поступательность и непрерывность становления системы изданий для молодежи.

«Молодежная печать, – справедливо подчеркивает В.Ганичев,– выступает как одна из форм самодеятельности Союза молодежи, опираясь на которую комсомол помогает юношам и девушкам проявлять «свою инициативу, свой почин», при-

[120] «Молодой коммунист», 1976, № 9.

обретать революционно-практический опыт» (с. 15). В книге показано, как постоянно расширялся диапазон влияния комсомольской прессы. Вначале возникли издания, адресованные преимущественно членам РКСМ, а со временем его печать становится подлинно массовой и вместе с тем разветвленной, вновь создаваемые газеты и журналы дифференцируются по тематике и направленности в соответствии с запросами основных социальных и возрастных категорий молодежи.

В этом плане любопытна прослеженная автором трансформация содержания и характера журнала «Юный коммунист». В начале своего существования он не только тщательно, по крупицам собирал и распространял опыт внутрикомсомольской работы, – в нем освещались актуальные проблемы из жизни рабочей и крестьянской молодежи, вопросы литературы и искусства, науки и техники, иными словами, он был универсальным органом РКСМ. Затем (1923–1925 годы) «Юный коммунист», все больше приближаясь к типу теоретического журнала, сужает свою тематическую направленность и постепенно «передает» свои многочисленные функции вновь создаваемым органам печати – «младшим братьям» – журналам «Молодая гвардия», «Вожатый», «Пионер», «Журналу крестьянской молодежи», «Смене», рассчитанной на молодых рабочих...

Еще раньше, в 1922 году, было создано первое в мире юношеское издательство «Молодая гвардия», а в мае 1925 года – ежедневная всесоюзная газета «Комсомольская правда».

Тип всякого нового издания, его периодичность определяется наличием уже функционирующей системы, и это новое издание принимает на себя соответствующие обязанности ее составной части. Книга В.Ганичева еще раз доказывает, что опыт прошлого, постижение закономерностей развития комсомольско-молодежной прессы как системы печатной пропаганды для молодежи помогают и сегодня определять конкретные пути усиления мощи и эффективности самой этой системы (посредством расширения ее, дополнения новыми звеньями). Так, только в 60–70-х годах вышли в свет первые номера журналов, каждый из которых играет свою специфическую роль в идейно-воспитательной работе комсомола, – «Ровесник», «Моделист-конструктор», «Аврора», «Студенческий меридиан», советско-болгарский литературно-художественный и общественно-политический альманах «Дружба».

Появление этих новых изданий – объективно обусловленный процесс, так как по мере дальнейшего развития социалистического общества, усложнения стоящих перед ним задач, изменений в профессиональной и социально-демографической структуре населения значительно возрастают задачи печати, в том числе возникает необходимость постоянного и целенаправленного обслуживания тех или иных групп молодежи, более полного удовлетворения их потребностей в печатном слове.

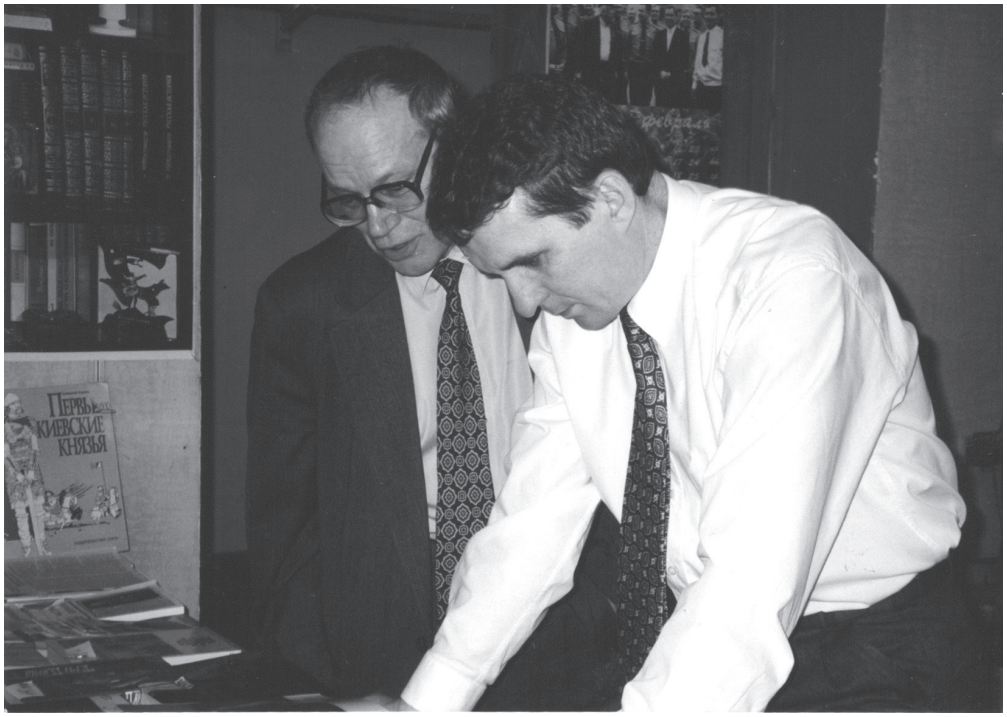
Системный взгляд на печатную информацию и пропаганду предполагает и уяснение смежных и перекрещивающихся сфер влияния отдельных органов – по их идей-

но-тематическому содержанию и аудиториям. Издания от «Веселых картинок» до «Комсомольской правды», располагающиеся друг за другом по адресату – категориям подрастающего поколения, – призваны всемирно усиливать преемственность, координировать свою деятельность, организовывать совместные журналистские акции и т.д., с тем чтобы детская, подростковая, юношеская аудитории по мере взросления не уменьшалась количественно, а как бы «переходила» от одного издания к другому. Это насущная проблема для дальнейшего развития системы молодежной прессы.

Молодость – пора становления человека, его социального, гражданского созревания, формирования мировоззрения и нравственных принципов. Молодежь – самая динамичная часть общества, ее подвижность обусловлена и объективными и субъективными факторами. Поэтому в аудитории молодежной печати непрерывно происходят социальные, производственные, образовательные, возрастные сдвиги. «Взгляды молодых людей, – говорится в книге, – постоянно меняются, меняются характеристики личности под влиянием условий социальной жизни и усилий субъекта. Именно поэтому то, что порой кажется вполне само собой разумеющимся для взрослого читателя, требует доказательности, авторитетности источника, особой привлекательности в форме подачи материала для молодого читателя, не обладающего широким социальным опытом» (с.21).

Специфику деятельности молодежной прессы В.Ганичев совершенно справедливо видит не только в отражении процесса формирования личности в период активного становления ее, но и в действенном участии в этом процессе. Широко привлекая данные социологии, психологии, социальной психологии, автор обстоятельно рассматривает систему комсомольско-молодежной прессы во взаимодействии с аудиторией и – что особенно ценно как с теоретической, так и практической точки зрения – выделяет ряд особенностей информации и пропаганды для юношества.

Так, принимая во внимание высокую эмоциональность, интерес молодежной аудитории ко всему новому (а подросток, юноша, молодой человек открывает для себя это новое изо дня в день), в книге обосновывается тезис о том, что эмоциональная избыточность юношества требует постоянной и гибкой корректировки: «Максимализм, крайность в оценках, повышенный критицизм мешают молодежи понять многообразные явления жизни, ее социальную суть (с.21)». Печать, обсуждая на своих страницах различные социальные, нравственные коллизии, должна, с одной стороны, помогать юношам и девушкам глубоко осознавать реальные жизненные связи и обстоятельства, а с другой – воспитывать критическое отношение к жизни, побуждающее к созидательной деятельности. «Повышенной эмоциональности юношества, – пишет автор, – пресса может соответствовать публикациями на героические и романтические темы, яркими образными статьями и даже оформлением самого печатного органа. Неустойчивость и неуравновешенность психики молодого читателя не могут не учитываться при организации дискуссий, когда, например, вы-



С президентом фонда Андрея Первозванного А.В.Мельником. Отбор иллюстраций для книги-альбома «За Веру и Верность». 1999.

носится на обсуждение несколько мнений, и в результате молодой читатель с помощью своих сверстников стабилизирует свои взгляды, сопоставляя их с мнением других, укрепляется в правильном мнении (с. 22)».

Конечно же, дифференцированный подход к различным категориям молодых читателей не отрицает, напротив, предполагает учет того общего, что присуще советской молодежи в целом. В монографии идет речь и о таких существенных моментах процесса информационно-пропагандистского воздействия как привлечение и сосредоточение внимания читателя, достижение глубины, отчетливости, полноты понимания предлагаемых ему текстов, использование богатого арсенала выразительных средств и жанров печати.

Думается, однако, что автор в определенной степени преувеличивает роль и значение эмоционального фактора в печатной пропаганде и, видимо, так происходит оттого, что не учитывается один очень важный момент – печать сама органично входит в другую систему более высокого порядка, систему средств массовой информации и пропаганды. Формирование у человека глубоких идейных убеждений, воспитание социальных чувств, привычек, традиций, побуждений и т.п. происходят под влиянием

многих факторов, и в том числе в процессе ежедневного восприятия, переработки и усвоения материалов не только печати, но и радиотелевизионных передач.

Поэтому у читателей периодики обостряется потребность в обобщенной масштабной оценке событий и явлений социальной действительности. Эмоциональность восприятия, например, новостей, сообщаемых газетой, усиливается в современных условиях не столько живостью и красочностью описаний и не оперативностью (все равно ей не угнаться за радиовещанием и ТВ), сколько анализом, глубиной проникновения в сущность факта, события, то есть раскрытием внутреннего механизма, действующего «по цепочке» – истоки, причины, противоречия, последствия, перспективы... Прежде чем молодой человек примется за чтение газеты, журнала, он, как правило, уже получил информацию – акустическую или наглядную – по радио и телевидению, которая по своей природе располагает гораздо большими по сравнению с печатью возможностями влияния на эмоциональную сферу сознания.

Периодические же издания в этой ситуации с неизбежностью должны усиливать аналитичность своих материалов. Тогда печать будет успешнее участвовать в процессе выработки научного мировоззрения у юношей и девушек, в процессе убеждения, которое, как известно, происходит главным образом благодаря рациональному постижению реальных причинно-следственных связей между фактами жизни.

На основе критического рассмотрения результатов конкретно-социологических исследований читательских интересов молодежи В.Ганичев справедливо настаивает на обязательности знания журналистами таких свойств аудитории, как активность, подготовленность, предрасположенность к восприятию тех или иных материалов, а также ее социальной, социально-демографической, психологической характеристик. Изучение читателя, его интересов, мнений и суждений – путь повышения эффективности идейного воздействия печати. В главе «Молодежное издательство: опыт, практика, проблемы» хорошо показано, как происходит сложный процесс органического слияния, объединения двух потоков – читательского интереса и целенаправленной работы по решению задач воспитания молодежи. «В целом, в принципиальном, – подчеркивает В.Ганичев, – они совпадают, но нельзя во главу угла ставить только читательский интерес, гипертрофировать его. Иначе можно превратиться в стихийного и пассивного регистратора событий и процессов, протекающих в среде молодежи. Но столь же опасно игнорировать читательский интерес. Это грозит отрывом от читателя, что чревато опасностью работы на холостом ходу (с. 171–172)».

Вот лишь несколько примеров из практики издательства «Молодая гвардия», свидетельствующих о том, как ее коллектив стремится решать сложные проблемы влияния на читательскую аудиторию в соответствии с ее потребностями. Это и уточнение самой структуры издательства: необходимость усилить внимание к духовному формированию подростков продиктовала образование специального отдела «Ровесник», состоящего из нескольких редакций – коммунистического воспитания, худо-

жественной литературы для подростков, фантастики, путешествий и приключений, спортивно-прикладной литературы и книг по профессиональной ориентации. Это и осуществление значительных издательских акций: выпуск целенаправленных, призванных решать серьезные идейно-политические задачи серий, которые уже завоевали признание читателя, – «Твои герои, комсомол», «Честь, отвага, мужество», «Эврика», «Есть стать в строй!», «Наедине с собой», «Кем быть!» и другие. Это и постоянное стремление к установлению тесных и разнообразных контактов с аудиторией, которые носят и организованный издательством, и стихийный характер, а самое главное – создают в журналистском коллективе особую атмосферу творческого горения, желание без устали искать и находить пути к сердцу и уму читателей. Читательские конференции, недели молодежной книги, литературные встречи и обсуждения отдельных книг (их ежегодно проводится около 500), читательские письма – отклики на книги, предложения и замечания по тематическим планам «Молодой гвардии» (их издательство получает свыше 20 тысяч в год) – вот реалии ежедневной, непрерывной обратной связи с аудиторией. В этом смысле рецензируемая книга (в ней дан анализ массовой работы редакций многих молодежных газет и журналов) неопровержимо выявляет неправомерность утверждений тех ученых, которые считают, что система «массовой коммуникации» «односторонняя, безлика, не имеет обратной связи» (развернутую критику подобных взглядов см. в книге В.Кузина «Газета – орган партийного комитета», Лениздат, 1971).

Таковы лишь некоторые, наиболее принципиальные, на наш взгляд, проблемы, побуждающие к размышлениям после прочтения книги «Молодежная печать: история, теория, практика». Рамки рецензии не позволяют подробно остановиться на других, насыщенных большим фактическим и статистическим, справочным материалом главах: «Ведущие направления в молодежной журналистике наших дней», «Печать для молодежи в капиталистических странах». Думаю, что заинтересованный читатель – а это в первую голову журналист (и не только молодежной печати), издательский работник, комсомольский активист, научный работник и студент – почерпнет из этой книги немало ценного для себя: и с точки зрения осмысления системы печатной информации и пропаганды для молодежи, и в плане обогащения конкретным опытом журналистской деятельности коллективов редакций.

КОНВЕРГЕНЦИЯ КАК СОВРЕМЕННАЯ ФОРМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СМИ[121]

Сегодня редкая научная работа обходится без обращения к проблемам складывающихся на современном этапе взаимоотношений внутри медиасистемы. И это закономерно: продолжается интеграция различных видов СМИ – процесс, который определяется понятием «конвергенция». Существует множество дефиниций, но суть их сводится к следующему: конвергенция в журналистике – это сближение, слияние различных по природе средств массовой информации в единое целое – и по организационной структуре, и по технологии передачи взаимосвязанной, консолидированной информации.

В некоторых работах утверждается, что конвергенция – признак *инновационной* журналистики, т.е. это явление характерно для конца XX и начала XXI вв. Так ли на самом деле? А может быть это просто очередной этап ее развития?

Генезис медийной конвергенции, как нам представляется, продуктивно рассматривать в ретроспективном плане, имея в виду историю формирования и развития самой системы СМИ с учетом закономерностей вхождения в нее каждого нового компонента. Для медиасистемы на протяжении XX в. характерными были сходные, повторяющиеся этапы «притирки» нового и старого (старых) видов журналистики:

– познание и освоение собственных (природных) выразительных средств нового медиа – на первых порах и радиовещание и телевидение «брали напрокат» формы и жанры печати;

– совершенствование выразительных средств старого медиа (акцент на развитии собственной «особенности», специфики).

Таким образом, самоопределение и взаимовлияние печати, радиовещания и телевидения, реализация потенциала, заложенного в их коммуникативной природе – две стороны единого процесса. Рождалась система, что подтверждал неоспоримый факт: ни одно из вновь появляющихся средств массовой информации *не вытесняло, не заменяло* уже имеющиеся, а *дополняло* становилось гигантским ускорителем дальнейшего их совершенствования и развития (то же самое мы наблюдаем сегодня с возникновением интернет-журналистики).[122]

Отсюда следует принципиально важный вывод: инновационность журналистики

---

[121] Журналист. Социальные коммуникации. – 2012, № 3. Публикуется с некоторыми сокращениями.

[122] Не один раз провозглашались «эмоциональные концепции» исключительности очередного нового СМИ (радиовещание должно было «убить» печать; телевидение – кино, радио и заодно и газету). Сегодня такую роль предписывают интернет-журналистике. Это есть, как справедливо заметил в свое время Р.А.Борецкий, ничто иное как «теоретическое модничанье».

перманентна, она естественно повторяется в периоды рождения и развития каждого нового компонента системы СМИ, становления взаимоотношений внутри данной системы.

Отечественная журналистика, начиная с 30-х годов прошлого столетия, накопила огромный опыт взаимодействия печати, РВ и ТВ, который, с нашей точки зрения, имеет существенное значение в плане методологии выстраивания алгоритмов функционирования конвергентных редакций.

I.

Первой масштабной совместной акцией печати и радиовещания было проведение «декады гигантов» (25 июля – 5 августа 1931 года), во время которой газета «За индустриализацию» (орган ВСНХ СССР), местные издания, заводские многотиражки и радиогазета «Пролетарий» держали под «перекрестным огнем» узкие места в ходе строительства шести крупнейших заводов пятилетки (Магнитострой, Кузнецкстрой, Уралмаш и др.).

Индустриализация (говоря современным языком – *модернизация*) требовала от СМИ – реализации организаторской функции, в частности, определения «болевых точек» небывалого по темпам строительства. «За индустриализацию», другие газеты публиковали подборки острых критических корреспонденций, заметок и сигналов, адресованных предприятиям, которые сдерживают темпы работ. Печать вскрывала недостатки в работе предприятий-поставщиков оборудования, транспорта; в борьбе за их устранение она привлекала радиогазету «Пролетарий» и местные радиоредакции. Накануне всесоюзной радиопереклички газета на открытие первой полосы напечатала объявление, призывая повсеместно организовать коллективное слушание: 57 радиостанций, 3500 радиоузлов транслировали всей стране «Слово строек о самих себе». (Все выступления в ходе радиопередачи затем были опубликованы в газете «За индустриализацию»).

В годы Великой Отечественной войны взаимодействие между уже достаточно окрепшим и игравшим особую роль благодаря своей оперативности и «дальнобойности» радиовещанием и печатью приобрело особое, можно сказать стратегическое значение с позиции обеспечения жизненно важной информацией и армии, и населения страны. В тех случаях, например, когда доставка газет задерживалась, радио обеспечивало непрерывность передачи информации для войск: по материалам его передач в подразделениях издавались листки-молнии. Многие радиовыступления по Всесоюзному радио печатались в центральных газетах, а газетные статьи, очерки читались у микрофона.

Концептуальное значение для познания закономерностей взаимодействия СМИ имел проведенный журналистами «Крымской правды», областного радио и телевидения «Смотр общественного питания» (февраль-апрель 1968 г.). По сути – это научный

эксперимент: была разработана программа, план объединенных действий редакций[123] по освещению таких тем как организация быстрого и удобного обслуживания работников предприятий; пути повышения качества продуктов и удешевления питания в столо-вых и кафе; подготовка кадров поваров, официантов, буфетчиков и т.п.

Комплексное исследование избранной проблематики напоминало своеобразное движение по информационно-коммуникативной спирали, в которой каждый новый «виток» – поочередное, трехступенчатое по времени выхода материалов отражение жизненных, бытовых, производственных ситуаций газетой, радио и телевидением, т.е. *развитие темы, последовательное наращивание информации участниками кооперирования*.

В совместной акции крымских журналистов освещение вопросов общественного питания стало *качественно иным*, чем ранее: произошло заметное смещение в сторону усиления *газетности*, *радийности, телевизионности*.

В период «Смотра общественного питания» было проведено социологическое исследование (заполнение дневника-анкеты читателями «Крымской правды», радиослушателями и телезрителями, которые постоянно питались в столовых) с целью выявить их отношение к данной медийной акции: 68,7% анкетируемых считали единовременное освещение важной темы целесообразным, отрицательный ответ дали 0,56 процента. «Зафиксированные с научной точностью результаты данного эксперимента дают множество фактов для размышлений и со всей очевидностью свидетельствуют об огромном значении четкого взаимодействия печати, радио и телевидения», – отметил в свое время Е.П.Прохоров.[124]

Интеграция в медиасфере интенсивно осуществлялась не только в Советском Союзе, но и в других социалистических странах, поскольку она была типичной для *социально* ориентированных – не по декларациям и намерениям – государств, а по своему существу. Поэтому обратимся (насколько позволяют рамки статьи) к опыту кооперирования в Германской Демократической республике.[125]

Одной из наиболее подготовленных и эффективно осуществленных на всех этапах была совместная акция газет «Neues Deutschland», «Tribune» и телевидения ГДР (популярная информационная программа «Aktuelle Kamera»), в ходе которой редакции решили исследовать группу социально-экономических вопросов, в частности таких как повышение ответственности предприятия в рамках государственного планирования и роли каждого работника в управлении предприятием. Общая рубрика звуча-

---

[123] Исследовательский проект принадлежал автору данной статьи.

[124] Прохоров Е.П. Союз пера, микрофона и телекамеры. // Телевидение. Радиовещание. 1978, № 6. С. IV.

[125] Аналогичного рода примеры можно было бы привести из практики журналистики Народной Республики Болгарии, Венгерской Народной республики и др.

ла так: «Успех – дело случая»? Что определяет производственный результат, прибыль предприятия – удача, случайность или целенаправленная творческая работа всего коллектива? Эти вопросы адресовались массовой аудитории читателей и телезрителей.

Редакция «Neues Deutschland» получила в ходе акции свыше 200 корреспонденций, в которых авторы – рабочие, инженеры, руководители предприятий делились секретами успеха, образцами передового опыта, вскрывали слабые места на своем производстве. Журналисты, выполняя намеченный план, включались в творческий поиск коллег. Так, когда газета «Tribüne» напечатала критические корреспонденции о работе двух предприятий Карл-Маркс-Штадта на тему «Сколько стоит потерянное время?», эстафету подхватила «Aktuelle Kamera» в жанре бесед и кратких интервью, кинокадров и фотографий, а затем «Neues Deutschland» опубликовала результаты опроса мнений работников этих предприятий. Все вышедшие по трем каналам информации материалы обсуждались на предприятиях, были намечены конкретные меры по устранению недостатков – об этом сообщила газета «Tribune», начавшая разговор. За четыре месяца (апрель–июль 1968 г.) в дискуссии приняло участие свыше 1000 рабочих, инженеров, техников. К участникам кооперирования присоединилось около 100 заводских многотиражек, которые также публиковали материалы о научной организации труда, творческом подходе, ответственности за порученное дело и т.п.

Научное сообщество нашей страны уделяло серьезное внимание данной проблематике, ее исследование было в сфере интересов известных ученых – В.Г.Афанасьева, Э.Г.Багирова, Р.А.Борецкого, В.В.Егорова, Е.П.Прохорова и ряда других. Факультет журналистики МГУ совместно с Союзом журналистов СССР проводил научно-практические конференции: например, в таком форуме, состоявшемся в Киеве, в 1979 году, приняли участие не только ученые, но и все главные редакторы областных, краевых, республиканских газет и редакций телевидения и радиовещания страны; тема основного доклада на пленарном заседании – «Взаимодействие средств массовой информации как средство повышения эффективности прессы».[126]

Творческий дискурс в то время велся вокруг определения понятий «система СМИ», «координация СМИ», «взаимодействие СМИ». Существенным признаком системы средств массовой информации является динамичный характер взаимоотношений между ее компонентами: они находятся в тесной взаимосвязи, что обеспечивает не только собственное развитие, но и эффективность их деятельности.

Признаками взаимодействия (кооперирования) СМИ следует считать одновременное исследование и отражение печатью, радиовещанием и телевидением тех или иных проблем жизни, комплексное ведение совместных политических и хозяйственных кампаний, последовательность и преемственность в передаче и комментировании информации. Сущность взаимодействия состоит в объединении нескольких редакций газет, телевидения, радиовещания на более или менее продолжительный срок как бы

[126] Докладчик – автор данной статьи.

в один журналистский механизм – в «одну редакцию» с единым планированием, взаимной поддержкой при последовательном и разностороннем освещении избранной темы.

Представленный здесь краткий обзор в историческом аспекте различных форм взаимодействия СМИ дает возможность сформулировать методологические принципы этого процесса.

1. Сознательное, обусловленное программой совместной акции *повторение* социальной информации, *дополнение* и *развитие* ее при освещении избранной темы. Взаимодействие изначально задумывалось и осуществлялось как весомый фактор *наращивания* объема информации в ходе последовательных, взаимосвязанных выступлений редакций-партнеров.

2. Непременным методологическим основанием кооперирования являлось *повышение степени раскрытия специфичности* каждого СМИ. Аналитическая сила печатного слова, оперативность сказанного, эмоциональность визуально-акустического образа дополняли друг друга, и в результате СМИ получали возможность последовательно, гармонично обогащать новой информацией, фактами и идеями становящуюся общей аудиторию читателей, слушателей, зрителей.

3. В ходе взаимодействия происходил мгновенный охват необходимой по замыслу редакций-партнеров социальной информацией расширенной аудитории, т.е. достигался своего рода *кумулятивный эффект*.

Более трех десятилетий назад был высказан прогноз: «В виде гипотезы можно предположить, что со временем *организационная структура журналистики* изменится и ныне самостоятельные газета, радиовещание, телевидение *сольются* в своеобразные объединения с общим информационным центром, планированием и измерением эффективности влияния на массы».[127] Сегодня этот прогноз оправдался в виде создания конвергентных редакций.

II.

Появление Интернета, стремительное развитие информационно-компьютерных технологий привели к структурным изменениям в медиасистеме. Вхождение в нее интернет-журналистики значительно усилило фактор взаимовлияния компонентов системы и привело к ускорению интеграционных процессов, которые определяются понятием «конвергенция СМИ». Разработкой данного понятия занимается ряд ученых, в частности И.И. Засурский, А.А. Калмыков, А.Г. Качкаева, В.Л. Цвик, Л.П. Шестеркина и др. Однако отметим сразу: единой, всеми признанной дефиниции пока что нет.

В работах А.Г.Качкаевой отмечается, что основные отличия конвергентной журналистики от традиционной состоят «в новых подходах к содержанию, формированию редакций и распределению ролей, а также в использовании инструментария на основе

[127] «Союз пера, микрофона и телекамеры». – М.: «Мысль», 1977. С.315.

интернет-технологий».[128] В ряде других исследований конвергенция представлена как многоаспектный процесс функционирования медийной системы, и отсюда постулируются конкретные виды конвергенции: финансово-экономическая (бизнес-стратегия); межвидовое партнерство; подготовка в рамках одной редакции медиапродукции для различных по коммуникативной природе СМИ; конвергенция жанров и форм передачи информации в ходе объединения медиаплатформ (печатных, радио и телевидения на базе интернетпорталов).

Многозначность терминов «конвергенция СМИ», «конвергентные медиа», «мультимедийная журналистика», по мнению автора влиятельной теории информационного капитализма М.Кастельса, связана с тем, что «медиареволюция происходит на наших глазах и слияние прежде разобщенных печати, радио, телевидения идет разными путями».[129] Осмысление конвергенции в журналистике, считает ученый, должно опираться на понимание процессов, которые сейчас переживает медиабизнес: дерегуляция, приватизация, монополизация – создание могущественных медиагрупп, которые представляют собой сеть различных медиа. Чем крупнее масштаб информационной империи (например, компания «Би-би-си»), тем больше шансов использовать самые разные платформы для создания одного и того же информационного продукта.[130] Эта «экономика масштаба» предполагает «экономику синергии», которая означает, что, «объединив части, вы получаете качество, которое недостижимо при раздельном существовании частей».

Принципиально значимой для нас является оценка М.Кастельсом потенциала конвергенции непосредственно в сфере подготовки и передачи информации: «Наиболее успешная модель синергии заключается в том, что вы помещаете горячие новости online, более глубокие материалы вы публикуете в печатном варианте...» Таким образом автор признает необходимость реализации принципа специфичности каждого медиа в ходе конвергенции (взаимодействия).

Что же касается «драматических изменений» в медиабизнесе, то, с нашей точки зрения, приватизация, концентрация, монополизация, – есть явления, характерные для любой другой отрасли рыночной экономики, и *их исследованием по определению должны заниматься социально-экономические науки, а не наука о журналистике*.

Правомерно рассмотрение конвергенции и как взаимопроникновение технологий, в результате чего на базе Интернета возникла возможность одновременно использовать текстовую, графическую, аудио и видеоформы подачи информации. Технический прогресс в сочетании с финансово-коммерческими факторами обусловил создание конвергентных редакций.

---

[128] Журналистика и конвергенция: почему и как традиционные СМИ превращаются в мультимедийные. /Под ред. А.Г.Качкаевой. – М.: 2010. С. 60.

[129] См.: Вартанова Е.Л. К чему ведет конвергенция СМИ? // Развитие информационного общества в России. Т.1. Теория и практика. Спб.: 2001. С. 157-164.

[130] См.: Медиаконвергенция и мультимедийная журналистика: Материалы к обучающим семинарам. // Сост. Балмаева. – Екатеринбург, 2010. С. 5.

Понятие «конвергентная редакция» сформулировано в ряде научных работ. Вот, по нашему мнению, одно из наиболее приемлемых: «конвергентная редакция – это производственно-творческая структура, производящая медиапродукт для нескольких видов СМИ (Интернет, радио, телевидение, печать), часто входящих в состав одного медиаобъединения, в котором осуществляется обмен информацией, анонсами, ссылками на материалы, рекламными площадями».[131]

В начале статьи нами выдвинут тезис о том, что медийная конвергенция ***институционально*** не является *новым процессом*, он *тождественен кооперированию (взаимодействию) на предыдущих этапах вхождения в систему СМИ новых компонентов.*

Главное отличие состоит в следующем:

– интернет-журналистика с ее природными коммуникативными свойствами – интерактивностью и гипертекстовостью – оказывает неизмеримо большее (чем в свое время радиовещание и телевидение со своей спецификой) влияние как на систему СМИ в целом, так и на каждую составную часть в отдельности;

– в процессе конвергенции основной платформой для передачи информации становится Интернет, хотя в силе остается и публикация ее в бумажном варианте (газеты, журналы), трансляция в радио- и телеэфире; значительно возрастает скорость передачи информации потенциально консолидированной аудитории.

У конвергентных СМИ появились новые характеристики – мультимедийность, онлайновость, многоканальность. Это дает возможность непрерывно обновлять информацию, передавать ее в режиме реального времени. Конвергенция на интернет-платформе предоставляет пользователю максимальную свободу выбора информации, профилирования содержания «под себя», а также увеличение возможностей аудитории для высказывания своего мнения и участия в создании контента СМИ.

Такой подход разделяют и некоторые другие ученые. Так, профессор А.А.Калмыков пишет: «Интернет является основным локомотивом конвергентных процессов... Подобное взаимодействие может достигать синергийного эффекта, умножающего энергии входящих в подобные альянсы компонентов системы СМИ, но может нивелировать и выравнивать средства до их неразличимости, ослабляя степень воздействия на аудиторию. Все зависит от того, насколько удерживаются в рамках своей специфики текстовые (газета и журнал), визуальные (телевидение), аудиальные (радио) и интерактивные и гиперактивные (интернет) форматы...»[132]

---

[131] Шестеркина Л.П. Формирование инновационной модели подготовки журналистов в контексте становления конвергентных СМИ (гуманитарный и технологический аспекты). Дисс. доктора филологических наук. – ИПК ТВ и РВ, 2011. С. 100.

[132] Калмыков А.А. Конвергенция – возможность универсального журнализма в рамках профессиональной идентичности. // Вестник электронных и печатных СМИ № 16. – М.: ИПК ТВ и РВ. 2011. С. 38.

За последнее десятилетие в России и за рубежом появилось немало конвергентных редакций. Применяя метод сравнительного анализа, рассмотрим практику их функционирования с учетом опыта взаимодействия в журналистике доинтернетного периода.

Прежде всего бросается в глаза, что большинство конвергентных редакций отдают приоритет реализации одной – *информационной* функции СМИ: подготовке и передаче печатных, аудио и видео новостей.

В «РИА Новости» в 2008 году создана мультимедийная редакция, задача которой состоит в том, чтобы готовить материалы для печати, радиовещания, телевидения и не снизить при этом качество контента для разных видов СМИ. Происходит ли так на самом деле? Руководитель редакции М.Филимонов пишет: «Сегодня нет такого формата телевизионного видео, которому не было бы альтернативы в Интернете. Мы научились делать прямые включения, прямые трансляции, концентрированные сюжеты, нарезать маленькие видеокартинки. Есть и аналитическое (?! – В.Х.) видео – часовая трансляция программного выступления президента или интронизация патриарха (пользователь имеет к этому гипотетический интерес). Потребитель получает адаптированный формат ТВ – он хочет получить информацию быстро, кратко и *без лишних усилий*» (курс. – В.Х.)»[133] К этому моменту мы еще возвратимся, а сейчас отметим, что природные свойства телевидения в такой интерпретации, на наш взгляд, нивелируются. Что касается сохранения, не говоря уже об усилении специфичности печати, то возникает закономерное сомнение, если учесть, что исчезает даже определение жанров (статья, обзор, комментарий и т.д.), о печатных текстах говорится «по-простому» – «мультимедийные заметки»...

Позитивным примером конвергенции (взаимодействия) может служить деятельность редакции Издательского дома «Алтапресс», которая объединила ранее независимо работавшие газеты «Свободный курс» и «Ваше дело», радиостанцию «Серебряный дождь в Барнауле» и сайт altapress.ru. Это вызвало необходимость коренной перестройки традиционной редакции: ее структуры, планирования, предъявления новых квалификационных требований к журналистам и т.п. Мультимедийные принципы деятельности конвергентной редакции сводятся к следующему: идеи и темы разрабатываются коллективно; планирование становится многоуровневым; редакция вовлекает аудиторию в процессы создания и организации контента. Принципиально важный момент: при подготовке материалов для разных каналов СМИ последовательно сверяется степень раскрытия специфики (печати, радиовещания) – и на стадии планирования (определения тем для изданий, программ радиостанции), и на выходе – главными редакторами: они принимают решение о соответствии материалов

[133] Максим Филимонов, Наталья Лосева, Александр Куприянов. «РИА Новости»: открытое пространство, мультиформативность, мультимедийное планирование». // Медиаконвергенция и мультимедийная журналистика. С. 68.

стандартам качества и формата.[134] Конечный продукт – изданная газета, радийный и интернет-материал. В данном случае конечно же не может быть и речи о написании «мультимедийных заметок» для печати. С нашей точки зрения, это и есть качественная «истинная» конвергенция СМИ.

В известной степени неожиданен для автора данной статьи тот факт, что убедительные примеры эффективного использования конвергенции в журналистике предоставляет практика ряда американских СМИ.

Газета «Лас Вегас Сан» плюс телевидение и Интернет расследовали причины гибели рабочих на стройках Лас-Вегаса (за что журналисты получили премию Пулитцера). Дело в том, что власти не осуществляли достаточного надзора над строительством, профсоюзы больше прислушивались к владельцам строительных компаний вместо того, чтобы защищать интересы рабочих. Благодаря публикациям (напечатано 53 статьи и 21 редакционная колонка) и поддержке газеты телепередачами, интернет-сайтом, эти случаи стали предметом слушаний конгресса США, в результате чего приняты соответствующие решения. Здесь важно то, что аналитичность, документальность газеты сыграли решающую роль во взаимодействии с другими медиапартнерами.[135]

На этом примере мы видим, как «старые» СМИ, в частности печать, в процессе взаимодействия реализуют *аналитическую и непосредственно организаторскую* функцию.

Главный редактор общественно-политической газеты «Лос Анджелес Таймс» Майкл Паркс считает, что *аналитичность* – главное качество печати – не утратила своей актуальности, и поэтому он предложил своим коллегам исследовать систему образования в штате Калифорния с тем, чтобы ответить на три вопроса: 1) насколько плоха эта система? 2) как получилось, что она такой стала? 3) каким образом это исправить. А далее – просто поразительно[136] – насколько основательно редакция принялась за дело: «Чтобы ответить на эти вопросы, потребовалась команда из 20-ти журналистов, более полугода работы, и мы опубликовали серию статей, которые в общей сложности заняли более 20-ти страниц. Эта тема стала базисом для следующих выборов».[137] Добавим, что она освещалась и на сайте в Интернете.

Возвратимся к практике конвергенции российских медиа. Радиостанция «Эхо Москвы» запустила свое «Видеорадио» – программу, выходящую в эфир и одновременно записывающуюся на видео для Интернета. Издательский дом «Комсомольская правда»

---

[134] См. об этом: Оксана Силантьева. Газетно-журнальный холдинг: Как поставить традиционную редакцию на мультимедийные рельсы. // Журналистика и конвергенция. С. 79–101.

[135] См.: «Las Wegas San»: горячие новости, «вечнозеленый контент» и премия Пулитцера. // Медиаконвергенция и мультимедийная журналистика. С. 79.

[136] Поразительно и в том смысле, что СМИ России (в первую очередь газеты за исключением левоопозиционных) даже не пытаются это делать, несмотря на нескончаемые реформы среднего образования (ЕГЭ, предлагаемые новые стандарты общего, а затем и высшего образования (вхождение в Болонский процесс), которые разрушают одну из лучших в мире систем образования.

[137] Майкл Паркс. «Лос Анджелес Таймс» и инновации ценой в две тысячи долларов». // Медиаконвергенция и мультимедийная журналистика. С. 35.

объединил для совместных действий газеты «КП», «Советский спорт», «Экспресс-газету», «Телепрограмму» и ряд региональных газет, а также радио «КП» плюс Интернет-сайт. Принцип организации работы этих конвергентных редакций в основном заключается в том, чтобы, получив информацию, подготовить ее для разных видов СМИ, т.е. конвергенция в основном понимается как «упаковка» и «переупаковка» медиапродукта для другой платформы (А.Качкаева). Закономерно возникает вопрос: сохраняется ли при этом специфика печати, радиовещания, телевидения? Или происходит процесс размывания границ между традиционными медиа, сближение и взаимопроникновение которых приводит к постепенному их «умиранию»? На второй вопрос сегодня, по-видимому, ответить сложно. А вот на первый можно: стремление как можно быстрее подготовить и передать информацию по всем каналам медиа аспект специфики – газетности, телевизионности, радийности отодвигает на задний план как мало существенный.

Вот свидетельство П.Сухова, главного редактора интернет-версии газеты «Газета»: «Если случается какое-то событие, журналист звонит эксперту, задает ему вопросы, одновременно записывает аудиофайл. Аудиофайл расшифровывают для сайта и потом дают в эфир на радио, возможно появится и материал в газете... Таким образом один контент продается три раза. Журналист получит дополнительный гонорар, если отдаст материал не только в газету, но и в интернет-службу, и на радио».[138] «Контент продается три раза», – в этом суть. Итак, главное: СМИ – бизнес-предприятие, а не социальный институт, призванный предлагать обществу высококачественную информацию по каждому из медиаканалов.

Яркой иллюстрацией того, как разрешается конфликт коммерческой целесообразности и общественных интересов могут служить откровения главного редактора журнала «Бизнес и жизнь» Д.Иванова: «Ко мне подходит журналист и говорит: «Дима, я хочу написать такую чудесную статью, она поможет многим людям». – «Каким людям конкретно?» – спрашиваю я. – Целевой аудитории?» – «Нет» – отвечает журналист. – «Тогда нам не нужна эта история...» Эта история расширила бы читательскую аудиторию, но она не попадает в цель, значит не принесет прибыль с точки зрения коммерческого директора».[139]

Что же касается требования максимальной реализации специфики каждого СМИ в ходе конвергенции, то вполне уместно на сей счет привести мнение зарубежного исследователя: «Благодаря современным технологиям у журналиста много средств для рассказывания. Можно ввести даже такое выражение как *красота использования многих средств*. Но этому должно предшествовать понимание, *когда, в каком контексте,для каких целей, какое именно медиа использовать*».[140]

---

[138] См.: Баранова Е.А. Конвергенция глазами российских журналистов-практиков. // Вестник Московского ун-та, 2010, С. 99.

[139] См.: «Медиаконвергенция и мультимедийная журналистика». – Екатеринбург, 2010. С. 36.

[140] Там же. Вики Портер. Мультиплатформенная журналистика, персональный бренд журналиста. С.18.

В ситуации, когда журналистика все в большей степени становится конвергентной, особую актуальность приобретает проблема подготовки профессиональных кадров. В содержательном исследовании Л.П.Шестеркиной[141] предложена инновационная модель журналистского образования. Автор убедительно доказывает, что переходу университетского обучения на мультимедийный формат сегодня нет альтернативы: всех студентов надо готовить к работе во всех видах СМИ. Овладение же конкретной специализацией в основном будет происходить уже непосредственно в редакциях – в зависимости от выбора и способностей выпускника вуза.

Подчеркнем, что, на наш взгляд, деятельность конвергентной редакции будет эффективной в том случае, если ее кадровое ядро составят высокопрофессиональные, «узкие специалисты» – газетчики, телевизионщики, радийщики, интернет-журналисты, а не рерайтеры, переписчики текстов под определенный формат – «упаковщики» и «переупаковщики» информации, иными словами говоря – ремесленники.

III.

Со второй половины XX века широкое распространение получили теории информационного общества, основная идея которых заключается в том, что их приверженцы «от поисков количественных измерений распространения информации переходят к утверждениям будто количественная сторона и есть показатель качественного измерения социальной организации».[142] То же самое происходит и с дефинициями информации, которые в ходу у сторонников информационного общества, придерживающихся *несемантических* определений информации. Тем самым с *аналитиков* как бы снимается обязанность определять *качество и ценность* информации.

Информационный взрыв есть, но «надо выделить факты, которые его вызвали и контекст, в которых он произошел; выяснить *какого типа* информация появилась, *зачем* она была нужна, *какие группы* общества ее использовали и для *каких целей*»[143], - считает Фрэнк Уэбстер. Его фундаментальный труд и посвящен анализу концепций информационного общества, к которым, кстати, ученый относится с известным пессимизмом. Остановимся вкратце на некоторых имеющих отношение к теме данной статьи положениях представителя группы так называемых критических теоретиков Герберта Шиллера. В свое время он утверждал, что миф об «информационном плюрализме» создается контролерами информации, которые выдают обилие продукции СМИ за разнообразие содержания: «У нас *море* банальной, сенсационной, субъективной, пустяковой информации, в котором тонут важные и нужные факты, и читателю

[141] Шестеркина Л.П. Формирование инновационной модели подготовки журналистов в контексте становления конвергентных СМИ (гуманитарный и технологический аспекты). – Дисс. доктора филологических наук. – М., ИПК ТВ и РВ, 2011.
[142] Уэсбстер Ф. Теории информационного общества. Пер. с англ. / Под ред. Е.Л.Вартановой. – М.: 2004. С.41.
[143] Там же. С.373.

не предназначается быстрое, четкое, лаконичное и правдивое *разъяснение существа*».[144]

Трудно удержаться, чтобы не добавить: с появлением Интернета информации аналогичного характера – *океан*.

Для анализа информационной сферы Г.Шиллер использует 3 аргумента:

- рыночные критерии превратили информацию *в товар:* («Это что-то вроде зубной пасты, овсяных хлопьев или автомобилей»);
- основным фактором, влияющим на распространение информации, доступ к ней и право на ее создание является *классовое неравенство*;
- в период медиареволюции общество переживает стадию *корпоративного капитализма*.[145]

Все это вкупе дает Г.Шиллеру веское основание для констатации: не рождается новое «информационное» общество, просто укрепляются старые капиталистические отношения (глава так и называется «Информация и развитый капитализм»). Информационная революция как раз и выполняет ту задачу, которую определяют структурные составляющие и мотивы развития капитализма, она консолидирует капиталистические отношения и распространяет их на новые сферы с целью сохранения данного общественного строя.

В работах Г.Шиллера наиболее ясно и последовательно обоснован тезис о связи между торжеством капитализма и информационной средой: глобальный капитализм нуждается в рекламе, информационных технологиях и эффективном маркетинге. На проведение научных исследований и разработку новых информационных технологий медиакорпорации выделяют миллиарды долларов, что убедительно опровергает неоднократно повторяющееся утверждение о том, что ИКТ – «нейтральны», свободны от социальных влияний.

И наконец очень важная для нас идея: в 1983 г. Г.Шиллер писал, что происходит информационная стратификация общества: «Доступ к информации становится функцией имущественного состояния и дохода... В обществе усиливается дифференциация по признаку информационного «иметь» и «не иметь», превращая тех, кто *не имеет, а их в информацион-*

---

[144] См.: Демократический журналист. 1974, № 1. С.22. Несколько иную характеристику типа информации дает крупный русский философ и социолог А.А.Зиновьев: «Благодаря современным средствам массовой информации почти все граждане имеют информацию обо всем на свете. Информацию яркую, развлекательную и завлекающую. Информацию хорошо обработанную, отобранную, пригодную к употреблению без усилий и размышлений». Но вывод точно такой же: «Задача этих средств – забить мозги людей до отказа, чтобы в них не осталось места ни для чего другого, и чтобы отпала всякая потребность «шевелить мозгами». Посеять в сознании людей такой хаос, чтобы люди не смогли упорядочить его разумным образом». Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. – Спб.: 2004. С.569.

Иными словами: предоставлять информацию в таком виде, чтобы аудитория воспринимала ее «быстро и кратко и без лишних усилий» – в чем убежден, как сказано выше, журналист-практик М.Филимонов.

[145] См.: Уэбстер Ф. Теории информационного общества. С. 171.

ную эпоху подавляющее большинство, в существа еще более зависимые от немногочисленных генераторов, обработчиков и передатчиков информации».[146] Продукты «информационного взрыва» доступны только собственникам средств массовой информации.

В социально ориентированном государстве взаимодействие СМИ происходит в условиях *равных* возможностей для всех слоев населения в плане получения информации: в советское время – телевидение, радиовещание – бесплатные, печать практически тоже – напомним – стоимость одного экземпляра газеты от 2-х до 5-ти копеек. В Российской Федерации конвергенция осуществляется сегодня в ситуации информационной стратификации общества, поэтому будущее этого процесса во многом зависит от цен на печатную продукцию, объема бесплатных трансляций телевидения (если они вообще сохранятся) и конечно же от количественного состава аудитории Интернета.

Статистика, к сожалению, не сообщает более или менее достоверных сведений: по разным источникам цифры интернетпользователей в России колеблются в диапазоне от 20-ти до 50-ти миллионов человек. Согласно данным фонда «Общественное мнение» зимой 2009/2010 гг. число активных посетителей Интернета превысило 25 млн. Утверждается также, что в 2006 г. более 50% россиян в возрасте 18–24 лет пользовались Интернетом.

Вся аудитория Интернета в России, по данным исследования Gemius (сентябрь 2010 г.), насчитывала 44,8 млн. пользователей, а проникновение Интернета составило 38, 7 %[147].

Когда речь заходит о перспективах роста, то определяется «недоступный сегмент» потенциальной аудитории: «малообеспеченные пожилые люди, доходы которых недостаточны для приобретения компьютера, а уровень образования – для самостоятельного обучения работе в Интернете»[148]. Справедливо. Однако с важным уточнением – главный «недоступный сегмент», становящийся *все более недоступным* – это *просто «малообеспеченные люди»*. По данным Федеральной службы государственной статистики РФ, проведшей в 2010 году исследования распределения доходов среди различных слоев населения России: в крайней нищете живут 13,4% населения (доход ниже 3422 рублей в месяц), в нищете – 27,8% населения с доходом от 3422 до 7400 рублей в месяц, в бедности – 38,85% населения с доходом от 7400 до 17000 рублей в месяц»[149].

Учитывая продолжающийся в России социально-экономический кризис, вряд ли в ближайшем будущем значительная часть населения страны сможет приобрести компьютер и пользоваться Интернетом, а это значит, что определять перспективы конвергенции СМИ в нашей стране затруднительно.

Вторым параметром, который может позитивно влиять на *качественную* характеристику процесса конвергенции СМИ, является признание главной роли медиа как

---

[146] Там же. С. 197–198.

[147] www.voxru.net

[148] Деницын Л.Л. Сравнительный анализ динамики распространения Интернета в России. // Вестник МГУ. Серия 10. Журналистика. 2010, № 4. С.36.

[149] См.: Правда. 4-7 февраля 2011 г.

социального института, а не как преимущественно бизнес-предприятия. В этом плане актуальны опасения М.Б.Шилиной: «Неолиберальные экономические тенденции обусловили развитие медиа как отрасли рынка, провоцируя таким образом отход от социально-общественной деятельности; индустрия содержания превращается в индустрию свободного времени, развлечений... Самостоятельность медиа как социального института фактически оказывается невостребованной».[150]

Представления о СМИ как о дуалистической системе, работающей и как общественный институт и как субъект экономических отношений, к сожалению, явно смещаются в сторону коммерческого вектора. Новым подтверждением такого крена явилось то, что в начале 2011-го года власти России озвучили намерение продолжить глобальную приватизацию, в том числе в медиасфере (включая региональные средства массовой информации). В создавшейся ситуации становится все более проблематичным выполнение печатью, радиовещанием, телевидением их основных общественных функций, например, *непосредственно организаторской*: анализ реальной практики, положения дел на том или ином участке жизни; анализ тех или иных решений и официальных документов государственных, общественных и частных организаций, объединений и других социальных структур; реализация функции СМИ как института общественного контроля.[151] Господствующее положение все чаще занимает рекреативная функция в ее антигуманистической форме: «трансляция пошлости, непритязательного развлекательства, эксплуатации эротизма, смакования сцен насилия, ужаса, фантазий, страха или наоборот – преувеличенной сентиментальности, слезливой чувствительности, бегства от реальности в мир грез...»[152]

Очевидно, что при данных обстоятельствах конвергенция СМИ – это легко предвидеть – превратится *в информационное обслуживание корпоративных интересов медиапредприятий, а также идеологических предпочтений властной элиты.*

Или возьмем другую функцию – пропагандистскую. Либеральные идеологи (и ученые) утверждают, что она была присуща только советским СМИ, а в западных такой функции нет. Но ведь программный тезис «Би-Би-Си», провозглашенный при ее основании, звучит так: «Информировать, инструктировать, развлекать». В связи с этим вспомним точный и меткий комментарий Г.В.Кузнецова: «В данной триаде второй компонент, как ни переводи – чистая пропаганда».[153]

Когда рассматриваются проблемы управления социально-политическими процессами с помощью информации, пропаганда вещь необходимая и достойная. Г.Лассуэл (на него нередко в этой связи ссылаются) считал: «Пропаганда, конечно же, останется всегда, современный мир слишком зависит от умения скоординировать поведение его мельчайших

---

[150] Шилина М.Б. Тенденции развития современных медиасистем и актуальные концепции теории СМК. // Вестник МГУ. Серия 10. Журналистика. 2010, № 1. С.6.
[151] См.: Прохоров Е.П. Введение в теорию журналистики. – М.: 1995. С. 68–69.
[152] Там же. С.66.
[153] Георгий Кузнецов. Заморский устав для нашего монастыря. // «Журналист», 1995, № 2.

компонентов как в моменты кризиса, так и при проведении широкомасштабных акций в «нормальных» ситуациях»[154]. А вот в сегодняшней отечественной научной литературе мы практически не встречаем термина «пропаганда», видимо, он считается «пережитком» прошлого. Вот что говорится, к примеру, в авторитетном издании: целостность системы СМИ обеспечивает «взаимодействие, сотрудничество и разделение труда между ними на основе совместно формулируемых моделей каждого социального субъекта».[155] На наш взгляд (сравните с Г.Лассуэлом), это и есть не что иное как признание пропагандистской и социально-психологической функций журналистики.

Анализ осуществления в ходе конвергенции основных функций СМИ, тех функций, которые собственно говоря и детерминировали возникновение печати, радиовещания, телевидения, интернет-журналистики как социальных институтов – актуальная, требующая специального научного исследования задача.

От того, насколько существенно господствующие в той или иной стране идеологические и политические концепции сдерживают возможности раскрытия специфики каждого СМИ, зависит интенсивность и продуктивность конвергенции медиа в ее органическом, так сказать классическом виде. А в конечном счете зависит и – будущее печати, радиовещания и телевидения. Несемантический подход к информации СМИ, идеолого-политические концепции управления медиасистемой практически нивелируют ресурсы реализации основной – аналитической – функции печати и в самом деле ставят под сомнение ее дальнейшее существование.

«Компьютерные сети, – считает М.Кастельс, – по-видимому, положат конец такой массовой системе коммуникаций как телевидение, поскольку они индивидуализируют коммуникацию и делают ее интерактивной... Включенность в сеть – условие полноценного участия в жизни современного общества».[156] Однако, как подчеркивалось выше, для любого индивидуума возможность этой «включенности» всецело зависит от того, какое место он занимает в линейке социально-информационной стратификации общества.

Взаимодействие как философская категория представляет собой вид непосредственного и опосредованного отношения, связи и выступает интегрирующим фактором, благодаря которому происходит объединение частей в определенный тип целостности. Конвергенция СМИ как процесс есть современная форма взаимодействия СМИ в условиях информационно-компьютерной революции, которую условно можно назвать интернетизацией.

---

[154] См.: Уэбстер Ф. Теории информационного общества. С. 258.

[155] Засурский Я.Н. Десять лет свободы печати в России. // Система средств массовой информации России. – М.: 2001. С.3.

[156] См.: Уэбстер Ф. Теории информационного общества. С. 140, 142.

РАЗДЕЛ II.

ЦЕННОСТИ КАК ФУНДАМЕНТ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СМИ

СТЕРЖНЕВАЯ ПРОБЛЕМА ДУХОВНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ[157]

В. Хелемендик: Хочу сказать об одной фундаментальной, если хотите, стержневой проблеме, без всестороннего и глубокого осмысления которой реализовать программу духовного возрождения, воспитания подрастающего поколения невозможно. Это – проблема ценностей.

Тотальное разрушение государства и культурных традиций, стремительная смена общественного строя, дискредитация существовавших идеологических устоев с неизбежностью приводят к переосмыслению и вытеснению одних ценностей другими. Если попытаться ранжировать ценностные ориентации людей, то можно утверждать, что сложились три основные группы (не будем говорить об их численности): сторонники ценностей православных, социалистических и буржуазных (СМИ называют их демократическими). С носителями последних все ясно, а вот с первыми двумя группами, соотношением самих ценностей – христианских и социалистических – есть смысл разобраться.

Мечта о справедливой и счастливой жизни родилась вместе с человечеством. Причем наряду с религиозными воззрениями (живи безгрешно в согласии с заповедями Божьими – и тебя ждет рай на небесах) пробивались, все решительнее заявляли о себе желания быть счастливыми в жизни земной.

Солнце, воздух, вода, богатства природы дарованы всем. Но почему же тогда одни – богатые, другие – бедные? Над ответом билась светская (научная) мысль наряду с христианской, теологической. Но главную причину социального неравенства – частную собственность – вскрыли ученые Средневековья. Наилучшее устроение общества» на фантастическом острове Утопия, по Томасу Мору, – в общности производства и потребления: все трудятся, все принадлежит всем, нет ни одного нуждающегося, нищего, но нет и богатых.

---

[157] Выступление. Работа духовного возрастания («Круглый стол»). – Журнал «Наш современник», 1998, № 11-12. С. 164-165.

В марксистской теории проблема уничтожения частной собственности как основы построения социалистического общества была разработана всесторонне. Ядро социалистических ценностей – вечная общечеловеческая ценность – социальная справедливость, без торжества которой счастье человеческое немыслимо и которая предопределяет, гарантирует такие ценности, как право на труд и оплату его, на творчество, на бесплатное образование и охрану здоровья, коллективизм в отношениях между людьми в процессе производства и общежитии и закономерно объявляет антиценностями корысть и наживу, насилие над человеком труда.

Непредвзятый взгляд на соотношение социалистических и христианских ценностей убеждает в их близости. В самом деле, и православие, и социалистическое учение отвергают богатство. Христос выгнал торговцев из храма. В Нагорной проповеди сказано: «не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут».

Николай Александрович Бердяев, этот яростный противник советской системы из-за имевших место насилия и принуждения, тем не менее признавал, что она, эта система, хотя и в крайне извращенной форме, выразила объективные потребности общества: «собирание» и расцвет государства, независимость России, индустриализация. «Аристократический мыслитель, признавший правду социализма», как он сам себя назвал на склоне лет, убедительно доказал близость, взаимосвязь и общность ценностей христианства и социализма. «Коммунизм есть великое поучение для христиан, частое напоминание им о Христе и Евангелии – писал он». По Бердяеву, христианским идеалам близок и социалистический принцип хозяйственной жизни: «служи другим, обществу, целому, и тогда получишь все, что тебе нужно для жизни». Буржуазный же принцип (преследуй свой личный интерес, и это будет выгодно для общества, государства) он считал «столь же антихристианским, как антихристианским является римское понятие о собственности».[158]

Человек восходит к Богу через любовь, дух находит успокоение только в мысли о единстве людей, отвечающем единству Бога. Общиной жили первоначальные христиане. Такая общечеловеческая ценность, как коллективизм (общинность, соборность), в России освящена православием издавна. Об этом в свое время, опираясь на идею Пресвятой Троицы, писал Павел Флоренский: «Идея общежития как совместного жития в полной любви, единомыслии и экономическом единстве – эта идея столь близка русской душе».[159] Социалистическая идея в России была поддержана именно потому, что она воплотила в себе извечное глубинное стремление к социальной справедливости и общественной солидарности. Коллективизм и товарищеская взаимопомощь, каждый за всех, все за одного – этот социалистический принцип органично вписывается в систему православных ценностей.

---

[158] Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М.: «Наука». 1990. С.151.
[159] Флоренский П.А. У водораздела мысли. – Новосибирск: 1991. С. 162.

Международный научный симпозиум «Душа человека». Во время вручения В.С. Хелемендику почетной грамоты Японской Ассоциации нравственного воспитания детей за научные исследования в этой области. 2001.

А отношение к труду в христианстве и социализме – «добывай хлеб в поте лица своего» и «кто не работает, тот не ест» – разве не является близким?

Тысячу раз прав Бердяев, утверждая, что в официальной советской идеологии связи между христианством и потоком социалистически-коммунистических идей замалчивались и искажались в угоду требованиям научного социализма. Но фактически то же самое происходит и теперь. Только сейчас-то в угоду кому? Может быть, тем, кто в объединении православия и социализма видит главную преграду разрушения России?

В то время, как мы спорим, противопоставляя православие и социалистические ценности, в жизни происходят совсем иные процессы, а мы оказываемся на обочине. В 1977 году, по результатам социологических исследований, праздную жизнь и развлечения называли своим идеалом 14 процентов московских старшеклассников; в 1987 – 46, а спустя десять лет подростки столицы на вопрос, кем они видят себя в будущем отвечают: хозяевами, владельцами предприятий – 70 процентов; наемными работниками – 20; безработными – 2 процента...

Свято место пусто не бывает. Если мы, взрослые, не договоримся о совместно почитаемых ценностях, тщетно думать об эффективности любых воспитательных программ, о переломе ситуации, возрождении экономики, науки, культуры, образования, о возрождении России.

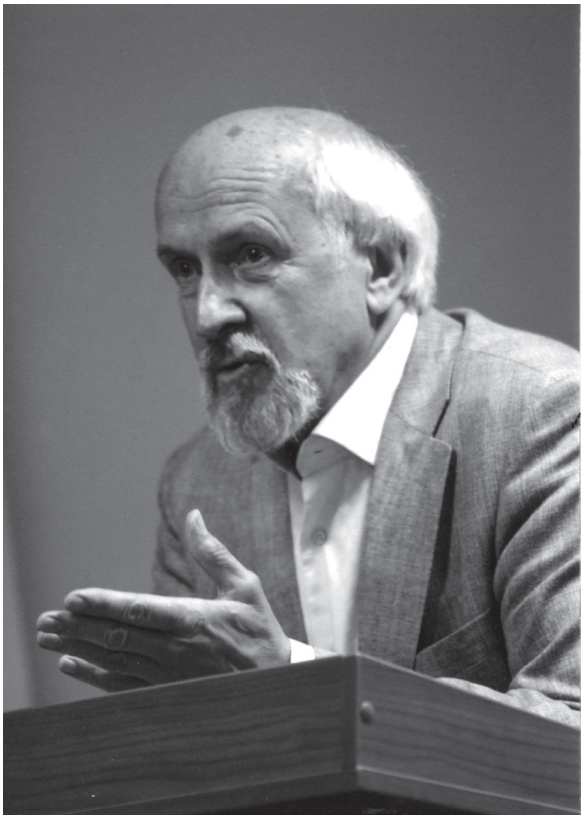
ТРАДИЦИИ И ЦЕННОСТИ ПРАВОСЛАВИЯ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ПЕЧАТИ[160]

Русская Православная Церковь – тысячелетняя хранительница национальных духовных и нравственных традиций и ценностей, обеспечивающая преемственность поколений и духовное, интеллектуальное, культурное развитие как отдельной личности, так и общества в целом. История свидетельствует, что РПЦ на протяжении веков содействовала становлению и укреплению государства, гражданского порядка; сбережению ценностей общинности и патриотизма, осуждала жажду наживы и ростовщичество, воспитывала в людях чувство долга и ответственности по отношению к близким и к своей Отчизне. Именно поэтому стратегическими задачами в духовном оздоровлении общества на современном этапе является защита целостности и национальных интересов России, пробуждение русского национального самосознания, борьба с нравственной деградацией народа. Такова неизменно подтверждаемая Всемирным Русским Народным Собором позиция церковных иерархов.

В православном духовно-нравственном просвещении и воспитании общепризнана огромная роль средств массовой информации. Своего рода смотром-конкурсом телевизионных фильмов и передач, радиопроизведений стал Всероссийский фестиваль «Православие на телевидении и радиовещании», проводимый по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II с 1995 года Институтом повышения квалификации работников телевидения и радиовещания.[161] В первое десятилетие сотни телерадиокомпаний от Магадана до Санкт-Петербурга и от Архангельска до Сочи приняли участие в фестивале, что определило его общенациональный статус своеобразного семинара, профессиональной школы для творческих коллективов и журналистов телевизионного и радиоэфира, которые приняли на себя ответственную миссию духовного просветительства, распространения православного вероучения и возрождения духовных ценностей народа.

На очередном фестивале[162] (с 2006 года к электронным СМИ присоединилась и печать) представлены телефильмы и передачи, радиопрограммы и репортажи 54-х ТРК. Более 300 публикаций прислали на конкурс 52 редакции региональных газет и журналов. По традиции среди соорганизаторов фестиваля – государственные и общественные организации и фонды: Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям, Славянский фонд России, Фонд Святого Всехвального апостола Андрея Первозванного, Союз журналистов России, Национальная Ассоциация телерадиове-

[160] Вестник электронных и печатных СМИ № 5. Часть II. – М.: ИПК работников ТВ и РВ. 2008.
[161] Там же.
[162] XII фестиваль «Православие на телевидении, радиовещании и в печати» состоялся 19-21 сентября 2007 г. в г. Пензе.



Секретарь Союза журналистов России, заведующий кафедрой печатных СМИ Академии медиаиндустрии Л.А. Речицкий выступает на XII Всероссийском фестивале «Православие на телевидении, радиовещании и в печати».

щателей. Информационную поддержку фестивалю оказывали телеканал «Культура», телерадиокомпания «Маяк», «Радио России», справочно-информационный портал «Религия и СМИ».

I.

Анализ материалов региональной печати, посвященных православной тематике, позволяет сделать вывод о том, что в своем большинстве они принципиально отличаются от публикаций многих федеральных изданий. Авторы областных, городских и районных газет не просто дают оценку фактам, явлениям и событиям, происходящим в России и в мире, но и стремятся разобраться в их нравственной сути, в том, как они

соотносятся с православным мировоззрением, с историей страны и сегодняшней жизнью людей. Такой подход предостерегает читателей от той духовной опасности, которую таят в себе безудержно, можно сказать тотально пропагандируемые в общероссийских газетах и журналах рецепты «Как стать миллионером» или нередко практикуемые вроде бы безобидные тренинги «личностного роста», «достижения успеха». Вполне очевидно, что эти информационные технологии преследуют одну цель – «прививку» аудитории известных идеологических и ценностных ориентаций – либеральных. Впрочем, об этом несколько позже.

Основные тематические пласты конкурсных публикаций: духовно-просветительские материалы о православных обычаях и праздниках; роль Православия в воспитании патриотизма и формировании национальной идеи; история и сегодняшний день храмов, церквей, часовен, святых мест и источников; паломничество к святым местам в России и за рубежом; очерки о священнослужителях, монахах-подвижниках, о новых Святых великомучениках.

Широк жанровый диапазон: аналитические статьи, документально-художественные и исторические очерки, событийные корреспонденции и репортажи, беседы, интервью, заметки.

Одна из часто встречающихся форм освещения данной проблематики – публикация тематических страниц, названия которых говорят сами за себя, например: «Благовестник» (газета «Всеволожские вести», Ленинградская обл.); «Слово Православия» («Приосколье», Белгородская обл.); «Моршанск православный» («Согласие», Тамбовская обл.); «Божий мир» («Знамя труда», Архангельская обл.); «По святым местам России» («Северный рабочий», г. Северодвинск): «Русь святая, храни веру православную» («Куранты – Маяк», г. Нижний Ломов, Пензенская обл.); «Православная страница» («Время и мы», Мантуровская районная газета, Курская обл.).

Материалы таких страниц имеют просветительский характер в самом широком смысле. Как обязательный содержательный компонент на них обычно печатается церковный календарь, рассказывается о православных праздниках, днях святых; о церковных обрядах и традициях. И в то же время каждая редакция ищет и находит собственный тематический и жанровый ракурс.

Так, в газете «Междуречье»[163] постоянно выходит познавательный вестник для семейного чтения – «Духовный посох». Вот содержание одного из выпусков:[164] «День рождения Церкви» (праздник Святой Троицы); очерк А.Разиной «Церковь, носящая имя Бога» (о Свято-Троицком храме – «центре нашей духовной жизни»); «Помощь от чистого сердца» – репортаж о молодежном православном движении города Троицка, в котором участвуют студенты, школьники, объединенные желанием творить добро (на-

[163] «Междуречье» (г. Троицк Челябинской обл.).
[164] «Междуречье», 24 мая 2007 г.

XIII Всероссийский фестиваль «Православие на телевидении, радиовещании и в печати». Автор проводит мастер-класс. 2008.

пример, помогать пожилым и нуждающимся людям). Другой выпуск[165] посвящен насущной для каждого человека теме. Христианство, утверждая приоритет нравственных ценностей, помогает обрести способы духовного исцеления, что создает предпосылки и для телесного здоровья. Здесь же помещены молитвы Святому Великомученику и Целителю Пантелеимону, выдержки из Евангелия, подборки стихов под рубрикой «Духовная поэзия», а также «Советы болящему».

В газете «Беседка»[166] несколько тематических страниц, имеющих свою тематическую направленность:

«Домострой» – печатаются статьи и заметки о воспитании, подготовке к семейной жизни в духе православных традиций, национальных обычаев; на период поста даются рецепты постных блюд;

«Будьте здоровы» – публикуются советы и рекомендации священников и православных врачей;

«Искра Божия» – материалы, раскрывающие православный взгляд на мир, они

[165] «Междуречье», 16 августа 2007 г.
[166] «Беседка». Приложение к газете «Наша Пенза», выходит тиражом свыше 40 тыс. экз.

адресованы тем, кто делает лишь первые шаги на пути к вере; здесь читателю предлагаются статьи, выступления, фрагменты книг известных деятелей Церкви, богословов и проповедников (всего вышло более 40 выпусков страницы).

Среди представленных на конкурс выделяется серия очерков Николая Пересторонина о паломнических поездках в Оптину пустынь и Дивеево, в Санаксары, Ганину Яму, Цивильск и другие святые места России; на Святую землю, в Грецию и Черногорию, в итальянский город Бари, где обретаются мощи Святителя Николая Чудотворца.[167] Самая «древняя» разновидность жанра – путевой очерк – предоставляет автору широкие возможности для создания публицистического произведения: дорожные наблюдения, встречи, события, свидетелем которых он был.

Н.Пересторонин описывает Святые места ярко и образно, проявляя при этом незаурядный талант публициста, знание истории и основных вех жизни служителей Православия. Автор щедро делится с читателями своими впечатлениями и переживаниями, сокровенными мыслями, обретенными на пути паломника. В художественную ткань очерков органично вписывается выражение чувств тех, кто был вместе с автором, ибо «в каждом из нас живет душа-христианка, она ликует и радуется увиденному в пути, припадая к святыням и утешаясь, сохраняя в памяти святые воспоминания» (очерк «Бари»). Очерки Н.Пересторонина служат воспитанию духовности, лучших человеческих качеств у молодого поколения на примере подвижников благочестия, на православных традициях. Жюри конкурса наградило Н.В.Пересторонина золотой медалью и I денежной премией.

В цикле исторических очерков Татьяны Тепышевой «Архипастыри Сибири»[168] малоизвестные факты духовной культуры края исследуются через призму православного взгляда на мир. Священники-миссионеры не занимались, как утверждают некоторые современные авторы, принудительной русификацией коренного населения, они старались бережно сохранять вековой уклад его жизни, обучая грамоте, защищая от произвола властей. Т.Тепышева создает впечатляющие образы святителей Киприана и Нектария, архиепископа Макария, раскрывает их роль в духовно-православном просвещении народов Сибири: «христианизация здесь совершалась не огнем и мечом, а через молитву, через проповедь».

Святитель Нектарий (1587-1667) не только возглавлял Сибирскую кафедру (г.Тобольск), но многие годы отдал обустройству одного из святых мест России – монастыря Нилова пустынь: при нем началось каменное строительство, были возведены крепостные стены, башни и корпус, в котором и сегодня живут монахи. Своими руками старец посадил два яблоневых сада, переписывал книги Ефрема Сирина и Самсо-

[167] Газета «Вятский край». 2007 г.: «Гроза у Афона». 16 янв.; «Бари». 30 янв.; «Свети Никола, или некоторые особенности Православия у Черной горы». 15 авг.

[168] Татьяна Тепышева. Архипастыри Сибири. Газета «Тюменская область сегодня». 18, 25 авг., 3 сент. 2007 г.

на Нового Богослова. Нравственные заповеди Нектария, строгость и уставность монастырской жизни передаются из поколения в поколение: «Запрещается винопитие, нельзя иметь частное имущество. Богослужения проводятся как и в XVII веке: монахи встают в половине третьего ночи, с трех до восьми утра – служба, затем отдых, обед, послушания и опять служба. Нескончаемым потоком идут в православную обитель паломники со всей России».[169]

Пожалуй, самый распространенный жанр, используемый журналистами при освещении православной тематики – беседа в вопросах и ответах, при этом полнокровно реализуется постоянная обратная связь редакций с читательской аудиторией. Накопленный в этом плане опыт газеты «Крестьянин»[170] заслуживает более подробного рассмотрения. В первом номере за 2007 год редакция представила своим читателям протоиерея Храма Успения Божьей Матери в хуторе Недвиговка отца Петра: полуполосный портрет, открытое приветливое, доброе лицо. Беседа с ним названа символично: «Радуйтесь детям в храме!», в ней раскрывается богатая личность (отцу Петру только что исполнилось 80 лет), показано его отношение к пастве, молодежи. В заключение – обращение к аудитории: «У вас есть вопросы о вере православной? Спрашивайте». Так высокопрофессионально была открыта новая рубрика «Скажите, батюшка», и с тех пор между читателями и священником на страницах газеты происходит непрерывающийся диалог, в котором участвуют, с одной стороны, конкретные, чаще всего невоцерковленные люди со своими непростыми вопросами, возникающими в различных жизненных ситуациях, а с другой, – мудрые, искренние, эмоциональные, на чистом русском языке (светская лексика) ответы.

Представление о содержании вопросов, характере, а порой и тональности ответов дают заголовки хотя бы нескольких подборок (в каждой из них – по 5-6 сюжетов): «Грех жить не дает и умереть мешает», «Господь зовет всех, кто постился и кто не постился...», «Если муж с женой не венчаны», «Про исповедь, милостыню и поминовение», «Выпускные вечера, слезы в храме и умение прощать», «Господь не жесток, Господь милостив», «Большому чувству слова не нужны».

Приведем фрагмент диалога под рубрикой «Скажите, батюшка...».

Катя, 7 лет. Ростовская область:

– Какие молитвы можно мне читать?

– Читай, Катя, утром и вечером «Царю небесный», «Отче наш», «Богородица Дево, радуйся», «Достойно есть». Если знаешь другие молитвы, добавляй и их. Не забывай молиться о своих родителях, родных, друзьях...

Такой вопрос от ребенка – радость...

Марина К., г. Ростов на Дону:

---

[169] «Тюменская область сегодня». 25 августа 2007 г.

[170] «Крестьянин», г. Ростов-на-Дону. Газета распространяется в Ростовской области, Краснодарском и Ставропольском краях.

– Есть определенные правила одежды для посещения Церкви. Почему? Ведь перед Богом я что в юбке, что в брюках, что голая – одинакова...

– Вы заблуждаетесь: дух творит себе формы. Подумайте, разве воспитанный человек позволит себе войти в зал консерватории в шортах и шлепанцах? – Никогда... Человек, который чуток к состоянию своей души, обязательно заметит, что от одежды зависят его поведение, мысли, пожелания... К тому же ваш неподобающий вид в церкви может вызвать нарекания и соблазн со стороны окружающих. А знаете ли вы, что «горе – тому человеку, от которого исходит соблазн»?..

И еще один вопрос (без подписи):

– Что делать тем, кому Господь не дал детей, – смириться, покориться судьбе?

– У каждого своя судьба. Кому-то лучше и смириться. А другой, не имея своих детей, спасает чужого брошенного ребенка, любит его, ночей не спит, если болеет малыш; учит его тому, что стыдно, а что правильно...

– Вот вы говорите: у каждого своя судьба. Значит ли это, что судьба предопределена изначально?

– Нет, Боже упаси! Если так, то человек получается робот и слепой. Если так, за что же с него спрашивать, за что его хвалить или наказывать? Нет – Господь дал человеку ум и свободу. Свободу! Судьба – это свобода выбора между добром и злом, правдой и неправдой. Что избрал человек, то ему и судьба...

Так, рассматривая конкретные коллизии бытия, отец Петр уважительно отвечает на самые острые жизненные вопросы, просто и естественно помогает читателям в деле постижения сущности православных ценностей; приходит к глубоким духовным, философским выводам.

Новой огромной проблемой, с которой пришлось столкнуться нашей стране в последние 10-15 лет, стал небывалый всплеск деятельности деструктивных сект. Еженедельник «Свободная газета» (г. Балаково Саратовской обл.) наряду с духовно-просветительскими и житийно-историческими материалами регулярно публикует актуальные для жителей города и района статьи, корреспонденции, заметки о разрушительности влияния сектантов под рубрикой «Горячая линия».[171] Ее ведущий – ученый, руководитель Саратовского центра религиоведческих исследований А.В.Кузьмин – убедительно рассказывает об истории сектантства в России, о тех, кто пострадал, будучи вовлеченным в секту («Стучите во все двери!», 5 июня 2007 г.); о том, как открыть глаза на то, что происходит внутри сект («Под маской религиозности», 19 июня 2007 г.; «Не все то золото, что блестит...», 7 июля 2007 г.). Если человек вовлекается в тоталитарную секту, под угрозой оказывается его судьба и сама жизнь: рушатся социальные связи, семейные отношения; он вынужден отречься от всего «мирского» и фактически превращается в покорного раба. Секты для воздействия на людей широко практикуют

[171] Смысл названия – в призыве к читателям: «Если есть информация о деятельности тоталитарных сект – звоните в редакцию».

На XIV Всероссийском семинаре-фестивале «Православие на телевидении, радиовещании и в печати». Справа налево: профессор И.К.Беляев, ректор ИПК работников ТВ и РВ К.К.Огнев, первый проректор С.Д.Мизеров и автор. 2009.

различные психотехнологии, преследование отступников (нередко в жестокой форме), отчуждение имущества и другие противоправные действия.

На основе последовательного публицистического исследования данной проблематики газета вполне аргументированно предлагает разработать и принять закон о запрете тоталитарных сект (такого закона в России, в отличие, например, от Франции нет).

Теме борьбы с сектантством уделяют внимание и другие региональные издания. Между поселками Балезино и Серебряные Пруды расстояние сотни километров, но, когда секта «Свидетели Иеговы» активизировала свою деятельность именно в этих районах, местные газеты день в день публикуют близкие по содержанию статьи: «Так

ли безобидны их запреты?»[172] «Кто стучится в дверь ко мне?».[173] Авторы «Благочиннинского вестника» А.Рожанец и А.Власов пишут о массовом распространении в России сектанских изданий и, обращаясь к фактам, называют анекдотической историю перманентного исчисления («назначения»!) иеговистами дат «Армаггедона»: по их предсказаниям это должно было случиться в 1872, 1874, 1914, 1925, 1975 гг. и т.д. Провалы, повторяющиеся раз за разом, иеговистов не смущают, назначаются новые даты...[174]

Впервые в фестивале «Православие на телевидении, радиовещании и в печати» приняли участие журналы (общественно-политические, литературно-художественные, научно-популярные).[175] Это – свидетельство роста популярности и авторитета фестиваля, а также усиления значимости духовно-православной тематики для этого вида изданий. В согласии со спецификой журнальной периодики как составной части системы печатных СМИ публикуемые в журналах материалы в гораздо большей степени аналитичны и содержат расширенный объем информации по рассматриваемым проблемам по сравнению с газетными.

Так, например, беседа священника Александра Лебедева «Свято место пусто не бывает...»[176] – это полновесный, образовательно-просветительский материал, предоставляющий читателю богатую пищу для размышлений о Боге, вере и Церкви, о значении приобщения к православной культуре молодого поколения. Автор развернуто, убедительно и доступно отвечает на вопросы: «Могут ли дети «учить» родителей, возражать им?», «Почему православные крестят детей?», «Нужно ли заставлять детей ходить в храм?», «Что сильнее: добро или зло? Побеждает ли добро зло?», «Где живет Бог?», «Каким был Адам?» и др.

II.

Патриарх Московский и всея Руси Алексий II в своем приветствии участникам XII Семинара-фестиваля «Православие в радиовещании, на телевидении и в печати» (Пенза, 2007), назвал проведение его примером того, что на ниве отечественной журналистики «проросли добрые семена». И в то же время Святейший дал характеристику преобладающего сегодня влияния средств массовой информации на умы и сердца людей: «С болью в душе нужно признать, что ценности, которые проповедуют многие

---

[172] Газета «Вперед». (п. Балезино, Удмуртия), 8 декабря 2006 г.

[173] «Благочиннический вестник». Газета «Серебряно-Прудского благочиния (Московская обл.), 9 декабря 2006 г.

[174] Последняя по времени – май 2008 года. В ожидании конца света сектанты с. Никольского Пензенской области в ноябре 2007-го ушли в подземелье...

[175] VIP. Взгляд. Информация. Партнерство. – Курск. 2007, №№ 3,4; Культура. Искусство. История. Даты. – Курган. 2007, №№ 4,5; Лад вологодский. Литературно-художественный журнал. – Вологда. 2007, № 4; Общенациональный Российский Журнал. – Москва. 2007, № 4; Самара и Губерния. Областной журнал. – Самара. 2007, №№ 1,2,3,4; Северяне. Народный журнал. – Салехард (Ямало-Ненецкий автономный округ). 2007, №№ 2,3.

[176] Лад. – Вологда. 2006, № 4. С. 50-58.

СМИ, находятся в разительном противоречии с чаяниями и надеждами большинства россиян. По-прежнему жестокость и насилие царят на телеэкранах. В сознание человека внедряется культ потребления и необременительных удовольствий. Господство стремления добиться коммерческого успеха любой ценой затмевает разум человеческий, разрушая память о том, что высокий профессионализм журналиста неразрывно связан с его моральной и гражданской ответственностью. Нравственный нигилизм журналиста не только ранит душу каждого из тех, кто составляет его многочисленную аудиторию, но и отзывается моральным опустошением, социальными и духовными язвами в масштабах всей России».[177]

Обращение Патриарха, без всякого сомнения, предъявило жгуче насущное требование к каждому творческому работнику СМИ: дай ответ самому себе – только честно, по совести – что есть главное в твоей профессии?

Само собой разумеется, что ответы будут разными – индивидуальными, личными, и поэтому последующий текст данной статьи предлагаю рассматривать как один из вероятных ответов.

Проблема духовно-нравственных ценностей – основа функционирования средств массовой информации в любой социальной системе: именно осознаваемые, принимаемые, а затем транслируемые аудитории ценности определяют смысл профессиональной деятельности и творчества журналиста.

Одна из коренных ценностей Православия – социальная справедливость, отношение к богатству и бедности, к социальному расслоению людей в обществе. Вспомним апокрифы Иисуса Христа, который, видя появившееся материальное неравенство, посоветовал богачу: «Иди, продай все, что имеешь, и раздай бедным, и приходи и следуй за Мною». Богач отказался, и тогда Христос сказал своему ученику Симону: «Легче верблюду войти в угольное ушко, чем богатому в Царство небесное». А Иоанн Златоуст считал людей, стремящихся к наживе, нравственно деградирующими: «Те, которыми овладела безумная страсть к наживе и любовь к собиранию богатства, истощают на это все свои силы и никогда не насыщаются, потому что сребролюбие есть ненасытное пьянство. И как пьяные чем больше вливают в себя вина, тем больше распаляются жаждой, так и эти сребролюбцы не могут остановить своей неукротимой страсти...».

В начале марта 2007 года в Москве в Храме Христа Спасителя прошел Всемирный Русский Народный Собор, участники которого – представители духовенства, власти, бизнеса – искали ответ на вопрос: как преодолеть огромную пропасть между богаты-

[177] См.: Пензенский православный собеседник. Ежемесячное издание Пензенской епархии Русской Православной Церкви. 2007. Сентябрь, № 9 (22).

ми и бедными в России.[178] Это знаковое к сожалению, событие, осталось практически незамеченным федеральными СМИ: о нем умолчали газеты и журналы, программы телевидения и радиовещания.

А вот в местных периодических изданиях появились публикации на эту тему. Священник Владимир Крюков, настоятель Никольского храма села Николо-Урюпино (Подмосковье) справедливо пишет о том, что «в русском обществе к деньгам всегда было осторожное отношение, хотя с ними многие земные блага и становились доступными, но была в них некая очевидная нечистота». И далее автор показывает, как в современной России деньги все больше властвуют над человеком: порабощают его волю, захватывают ум, рождают страсть сребролюбия. Богатого человека подстерегает серьезная опасность – у него возникает иллюзия автономного, независящего от воли Бога бытия. В заключении статьи автор с горечью констатирует, что благотворительство у нас не в почете, «на Руси еще так много лежащих в руинах монастырей и храмов, и это притом, что сейчас, как свидетельствует пресса, Россия занимает третье место в мире по числу сверхбогатых людей после США и Германии».[179]

В ряде других изданий тема социальной несправедливости освещается в других ракурсах, однако основополагающим интегрирующим лейтмотивом таких публикаций является противостояние насаждаемой в России философии (идеологии) бездуховности, безнравственности, которую емко и образно охарактеризовал митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл: «Живи беззаботно, наслаждайся жизнью, веселись, а трудись только во имя добывания денег, богатства. Живи ради желудка, кармана, потребления. Деньги – главный идол, божество – эта идея протестантизма чужда Православию».[180]

Общинность, соборность – эта ценность освящена православием издавна. Социалистическая идея в России была принята и поддержана именно потому, что воплотила в себе извечное глубинное стремление русского народа к социальной справедливости и общинной солидарности: коллективизм и взаимопомощь – в русле исторических отечественных нравственных традиций. Советское государство было создано как огромная община – семья, и, несмотря на проповедь атеизма, архетипы религиоз-

---

[178] По статистическим данным к началу 2007 г. доходы 10 процентов самых богатых людей в России превышали доходы 10 процентов самых бедных в 25 раз.
«Старейший депутат, нобелевский лауреат Ж.И.Алферов, открывая работу Государственной Думы 5-го созыва, уточнил: «сейчас это соотношение в России – 30 к одному и призвал Госдуму «разбить» «бокал шампанского», символизирующий социальную несправедливость в распределении богатств страны. «Замечу, – продолжил Ж.И.Алферов, – что в Советском Союзе это соотношение составляло 4,5 к одному; в развитых странах – 8-10 к 1; в Швеции и Белоруссии – примерно 5 к 1. Уравновесить это соотношение – главная задача человечества сегодня». См.: «Советская Россия». 25 декабря 2007 г.

[179] Страсть злая и ненасытная. – «Красногорские вести». 2007, 24 марта.

[180] «Слово пастыря». I канал ТВ. 10 июня 2007 г.

Подведение итогов XIV Всероссийского семинара-фестиваля «Православие на телевидении, радиовещании и в печати». Слева – С.Б.Головко, заведующий кафедрой рекламы и связей с общественностью ИПК работников ТВ и РВ, справа – автор, председатель жюри конкурса печатных СМИ. 2009.

но-общинного сознания продолжали определять содержание духовной жизни страны.

На размывание, выхолащивание основополагающих отечественных ценностей вот уже два десятилетия направлена информационно-технологическая индустрия «свободных» российских электронных и печатных СМИ. Глобальная цель: разрушить общинные, коллективные скрепы, раздробить, атомизировать общество; привить «новые» идеалы: «каждый сам за себя», «я сделаю себя сам» и т.п.

В отличие от многих центральных изданий региональные газеты, естественно, с различной степенью глубины и последовательности, утверждают традиционные ценности народов России: трудолюбие, творчество, знания; добро, помощь ближнему,

бескорыстие; долг, честность, благодарность; уважение к старшим, преемственность поколений; патриотизм, родной язык.

Животрепещущие проблемы духовного возрождения России всесторонне рассматриваются в содержательных статьях, беседах, интервью, которые регулярно публикуются в журнале «Самара и Губерния». Представляя материалы журнала, главный редактор Юлия Галочкина поведала такую историю: в кабинет директора одной из самарских школ пришел родитель ученицы, высокопоставленный чиновник, и выложил свои претензии: он категорически против того, чтобы его дочь ходила на уроки... патриотизма. Оказывается, «слуга народа» собирается в будущем покинуть страну и не хочет, чтобы девочка «прирастала корнями» к своей родной земле. Своеобразным развернутым ответом этому «гражданину мира» стали публикации одного из номеров:[181] «Для чего живешь?» (обзор сочинений старшеклассников в рамках литературного конкурса «С любовью к России»); «Талант ответственности за все» (очерк о В.П.Орлове, руководителе области с 1967 по 1979 год, при нем были построены ВАЗ, «Тольяттиазот», «Тольяттикаучук», метро); «Музыка любви и гордости» (у Самары впервые в истории появился собственный гимн); «Патриотизм невозможен без духовной основы» (беседа с протоиереем, членом Союза писателей Н.Агафоновым).

Николай Агафонов – автор военных рассказов – считает, что в мирное время патриотизм не теряет своей актуальности, ведь и сегодня «идет война за души людей. И хотя эта война порой невидима, но она не менее опасна для нашего Отечества. Из человека хотят сделать марионетку низменных чувств, потребителя, эгоиста... Эгоцентризм – это большая опасность, которая уводит человека от главной его сущности, от жертвенного служения и разрушает его духовную основу. Любовь к Родине должна быть для человека так же свята, как любовь к матери.

Патриотизм рождается из чувства духовной общности, питательной средой которой является культура и язык, история как любовь к деяниям наших предков, которые созидали наше Отечество».[182] В журнале напечатана серия бесед с писателями, учеными, священнослужителями, политическими деятелями о роли православия в осознании и формировании национальной идеи, стержнем которой не может не быть патриотизм: «Именно вера дала русскому человеку ощущение смысла и цели своей личной и национальной, и государственной жизни. Именно вера сделала народонаселение нацией, единым, преемственно живущим организмом, объединенным целями и ценностями, представлениями о добре и зле, о грехе и добродетели, общими историческими переживаниями».[183]

---

[181] Самара и Губерния. 2007 г., № 3.

[182] Там же. С.12-13.

[183] Депутат Государственной Думы Н.А.Нарочницкая. «Россия – единственная страна, где есть подлинная свобода». / Самара и Губерния. 2006, № 4. С. 7.

С участниками XIII Всероссийского семинара-фестиваля «Православие на телевидении, радиовещании и в печати». 2008.

С начала 90-х годов Россия переживает глубокий демографический кризис: резко снизилась рождаемость, растет смертность, в том числе детская, и в итоге население России ежегодно сокращается по различным источникам на 700-800 тысяч человек. Низкая рождаемость, по мнению председателя Совета Федерации РФ С.Миронова, «обусловлена в большей степени материальными причинами и изъянами в политике государства. Опрос женщин свидетельствует о нежелании иметь ребенка из-за неуверенности в завтрашнем дне, отсутствии жилья и в низких заработках».[184] (Кстати, о факторах роста смертности один из руководителей страны почему-то не сказал ничего). Ученый-социолог В.Добреньков не ограничился простой констатацией, а указал на главное: «Вопрос возрождения традиционного авторитета семьи и семейных ценностей – один из ключевых в ходе решения проблемы демографического кризиса. При этом ценностный аспект должен сопровождаться системным материальным стимулированием, которое станет по-настоящему эффективным только в том случае, если

[184] Год семьи. / Парламентская газета. 2008, 31 января.

позволит преодолеть у молодежи психологический дискомфорт, связанный с получившим широкое распространение социальным пессимизмом».[185]

Семья как основа первичного коллектива, региональной общности, а в конечном итоге общества, государства – одна из коренных ценностей православия. Дом, семья у нас всегда считались символом защищенности благодаря теплым, искренним взаимоотношениям внутри семьи, уважению и почитанию родителей, заботе старших о младших.[186]

В региональных газетах, как и десятилетиями прежде, публикуются материалы о семьях, где в традициях русской культуры царят счастье, лад и взаимопонимание; где родители достойно выполняют свои обязанности по отношению к детям, а дети воспринимают от старших стремление жить по заветам Христа, любовь к Отечеству, к труду.

Так, в газете «Согласие» под постоянной рубрикой «Бриллиантовая свадьба» публикуются очерки о совместно пройденном супругами жизненном пути, о семейных отношениях, о детях, внуках и правнуках;[187] зарисовки-поздравления с днем рождения людей почтенного возраста, таких как Елена Григорьевна Свистунова (ей исполнилось 83 года), которая, несмотря на все трудности, выпавшие на ее долю, воспитала семерых детей.[188]

В Белгородской области с целью достижения преемственности духовной и нравственной семейной культуры, формирования у молодого поколения чувства ответственности и уважения к семье, пропаганды здорового образа жизни ежегодно проводится конкурс «Крепка семья – крепка Россия» (два этапа – районный и областной). Местные газеты не жалеют площади для освещения конкурсов, ибо рассказ о каждой семье – это ответ на вопрос: в чем заключается ее счастье.[189]

О чистом, светлом чувстве любви, с которого, собственно, и начинается семья, большинство журналистов местных газет пишут, к счастью, «старомодно» – бережно и уважительно – в отличие от ряда федеральных изданий, пропагандирующих культ праздника святого Валентина. В то время как на Руси издревле существовал день влюбленных – 8 июля – день памяти святых Петра и Февронии. В Муром, в Свято-Троицкий монастырь, где покоятся их многоцелебные святые мощи, на протяжении веков не прекращается поток верующих со всех концов России: сюда приезжают помолиться в надежде превозмочь всяческие семейные неурядицы, сохранить семью. О чувствах паломников (и своем собственном) искренне и проникновенно рассказала Ольга Круглова в репортаже о празднике 8 июля.[190]

---

[185] Там же.

[186] См. об этом подробнее: Никандров Н.Д. Россия: ценности общества на рубеже XXI века. – М., 1997.

[187] Финоженок Т. 60 лет вместе с любовью. / «Согласие». Моршанский район Тамбовской области, 2007, 26 апреля.

[188] Русская женщина. Там же. 2007. 26 июля.

[189] См., например: И.Иванова. По традициям предков. «Приосколье» (Чернянский район Белгородской области). 2007, 3 апреля.

[190] Круглова О. В Муром едут за семейным счастьем. / Баговест (г. Самара). 2007, 14 июля.

Демографические проблемы освещаются в местных газетах чаще всего эпизодически, от случая к случаю. Но есть и исключения. Например, газета «Куранты-Маяк» регулярно печатает тематическую страницу «Демография», в материалах которой прослеживается ситуация в районе: под ежемесячной рубрикой «Нашего полку прибыло!» помещаются списки новорожденных, их дни рождения, поздравления родителей с прибавлением семейства, дается перевод имени малыша, имя его небесного покровителя.[191] Есть рубрика (тоже ежемесячная) «Печальная статистика», где публикуются данные об ушедших из жизни, указываются причины смерти: сердечно-сосудистые заболевания, онкопатология, наркотики, насильственная смерть и т.д. (В целом смертность в Нижнеломовском районе превышает рождаемость в 2-2,5 раза).

Где же выход? «При существующей ситуации восстановить численность населения можно только при возрождении семейных ценностей. А вот с экономическими трудностями переходного периода, по мнению специалистов, сложившаяся в Пензенской области демографическая ситуация никак не связана (подч. мною. – В.Х.).[192] Автор оставил точку зрения специалистов без комментариев, без собственного журналистского анализа причин снижения рождаемости и роста смертности (материальных, социальных) и тем самым существенно обеднил значимость публикуемых в газете статистических данных.

2008 год объявлен Президентом России годом семьи. Как государство, правительство, регионы, общество в целом будут решать задачи сбережения народа, преодоления демографического кризиса, возвращения традиционных семейных ценностей? Без сомнения, данная проблематика выдвинется в центр внимания журналистов, пишущих на темы православия.

Анализ работ, присланных на конкурс XII фестиваля «Православие на телевидении, радиовещании и в печати», позволяет сделать вывод о том, что, во-первых, расширилось представительство редакций газет и журналов. Сегодня уже трудно найти такую телерадиокомпанию или печатное издание, где не поднимались бы обсуждаемые проблемы: освещение православной тематики стало более профессиональным, содержательным и глубоким. Значит, усилилось влияние региональной печати на аудиторию в деле сохранения и укрепления духовно-нравственных ценностей.

---

[191] Нашего полку прибыло! / «Куранты-Маяк». Нижнеломовский район Пензенской обл., 2007, 21 марта, 18 апреля, 30 мая и др.

[192] Современная демографическая ситуация в Пензенской области. Редакционная статья. Там же. 2006, 20 сентября.

ГЛАВНЫЕ КОМПОНЕНТЫ НАЦИОНАЛЬНОГО И СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА СМИ[193]

О ПОНЯТИИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

За последние десятилетия глобализации посвящены сотни книг, тысячи статей, которые представляют обширный спектр разнообразных, порою полярных суждений. В связи с этим представляется целесообразным рассмотреть понятие «глобализация», обратившись к Новой Российской Энциклопедии: «Глобализация (от лат. globus – шар) – процесс универсализации, становления единых для всей планеты Земля структур, связей, отношений. Г. охватывает различные сферы общественной жизни и воспринимается в качестве объективной реальности, которая заявляет о себе замкнутостью глобального пространства, единым мировым хозяйством, всеобщей экологической взаимозависимостью, глобальными коммуникациями и т.п.»[194]

Глобализация – сложный процесс, вбирающий в себя множество составляющих потоков, для которых нет никаких границ и непреодолимых преград: финансовый (движение капиталов); идеологический (распространение идей и ценностей); этнографический (перемещение людей, включая иммигрантов, туристов); медиапоток (появление огромного количества средств массовой информации, в т.ч. интернета); технологический (внедрение новейших технологий в разные культуры и их распространение по всему миру) и др.

При всем уважении к энциклопедии внимательное прочтение статьи «Глобализация» вызывает немало вопросов. Так, ее автор утверждает, что массовая культура – это прообраз транснациональной, мировой, общечеловеческой культуры и что «глобализация, с необходимостью ведущая к универсализации всех сфер общественной жизни, в т.ч. и духовных ценностей, мировоззренческих ориентиров, вовсе не исключает сохранения традиционализма, самобытности и культурного разнообразия в жизни отдельных стран и народов».[195] Здесь, на наш взгляд, имеет место очевидное логическое противоречие: универсализация как процесс предполагает (с необходимостью!) вытеснение традиций и ценностей иных (кроме западной) цивилизаций, ведь социокультурные коды стран Запада и остального мира по своему содержанию противостоят друг другу.

Возникает сомнение в научной корректности и некоторых других теоретических, идейно-смысловых концептов энциклопедической статьи. Пожалуй, главная уязви-

[193] В.С.Хелемендик. Главные компонеты национального и социального статуса СМИ. – М.: Академия медиаиндустрии, 213. 70 с.
[194] Новая Российская Энциклопедия. – М.: 2008. Т. 4. Кн.2. С.413.
[195] Там же. С. 415.

мость позиции автора состоит в следующем: справедливо утверждая, что стремление человечества к объединению имеет объективный характер, он постулирует такой тезис: глобализация, понимаемая как вестернизация, – *единственный* путь дальнейшего развития человечества.

Место и роль цивилизаций в развитии человечества исследовались в науке давно, ряд ученых утверждал, что необходимо признавать *своеобразие и самодостаточность* всех цивилизаций: китайской, индийской, греко-римской, славянской, иранской и др. Так, русский ученый-энциклопедист, социолог Н.Я.Данилевский, критически относясь к европоцентристской однолинейной схеме, разработал теорию общей типологии культур или цивилизаций. Данилевский признавал «всечеловеческое» в том смысле, что «в своем разноместном и разновременном существовании оно всегда заключает в себе элемент национально-особенного».[196] Словно предчувствуя грядущее, он провидчески писал: «Всемирная ли монархия, всемирная ли республика, всемирное ли господство одной системы государств (сегодня – США и стран Евросоюза – В.Х.), одного культурно-исторического типа (сегодня – западного, либерально-буржуазного – В.Х.) – одинаково вредны и опасны для прогрессивного хода истории. Если в его основе будет одна из существующих цивилизаций, то это будет *гибельным* для человечества, ибо лишило бы его необходимого условия совершенствования – элемента разнообразия».[197]

Западникам со всей силой своего таланта (не только в художественных произведениях) противостоял и Ф.М.Достоевский. Так, в письме наследнику престола он обращал внимание будущего императора Александра III на то, что «даже самые талантливые представители нашего псевдоевропейского развития давным давно пришли к убеждению о совершенной преступности для нас, русских, мечтать о своей самобытности... В смущении и страхе перед тем, что мы так далеко отстали от Европы в умственном и научном развитии, мы забыли, что сами в глубине и задачах русского духа заключаем в себе, как русские, способность, может быть, принести новый свет миру при условии самобытности нашего развития».[198]

Минуло полтора столетия, однако западники в России верны идеям своих предшественников. Возьмем, к примеру, выпущенный в серии ЮНЕСКО «История человечества» том «Россия», подготовленный коллективом ученых Института российской истории РАН. В этом объемном труде (107,0 п.л.) многовековая история Отечества лишена своей цивилизационной идентичности; она «опирается» на западный путь развития, по нему сверяется – в итоге Россия всегда оказывается в роли догоняющей. Издательство и научный редактор[199] тома вынуждены были в предисловии дистанцировать-

[196] Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М.: 1991. С. 425.
[197] Там же. С. 566.
[198] См.: «Живи так, как если бы от тебя зависела судьба мира». Император Александр III и русская идея Ф.М.Достоевского. // «Свой», М., 2013, № 3. С. 29.
[199] Автор данной брошюры.

ся от авторов (А.Н.Сахарова и его коллег): «Кто сейчас может убедительно доказать, что возникший на региональных цивилизациях (греко-римской, романо-германской) западноевропейский цивилизационный путь является единственным? А как быть, скажем, с евразийским типом развития цивилизации или с идеей Н.Я.Данилевского о своеобразии славянской цивилизации?».[200]

При сопоставлении культурно-исторического и социального в понятии «цивилизация» обнаруживается, что связь последней с понятием «формация» сложна и многопланова: «Иногда цивилизация это проявление формации. И, если нет разрыва социокультурного ареала, который лежит в основе цивилизации, то цивилизация и формация совпадают».[201] Именно в этом заключался феномен рождения советской цивилизации, в которой состоялся симбиоз, сплав традиционных (православных) ценностей и ценностей социалистических, которые близки и родственны генетически (подробно об этом ниже).

На территории Российской империи родилась и прожила крохотный по историческим меркам срок новая цивилизация. Сегодня некоторые ученые считают, что это была случайность, эпизод. Однако далеко не все придерживаются такого мнения: «Да, в России социалистическая идея переживает упадок, но это именно данная, *советская* форма социализма. Однако социализм по-прежнему «на коне» в Китае или Вьетнаме... И вряд ли кто поручится, что в будущем социализм (как всегдашний ответ на противоречия современного ему капитализма) не сможет обрести второго дыхания».[202]

Цивилизационный подход, т.е. учет специфики многих цивилизаций, как уже было отмечено, для автора энциклопедической статьи неприемлем. Однако и исповедуемый им формационный подход обязывал хотя бы назвать альтернативный путь развития человечества – объединение стран на основе идеи социальной справедливости (Советский Союз, Китайская Народная республика, Социалистическая Республика Вьетнам и др.). А между тем исследованию советской цивилизации посвящены работы крупных историков и философов, в частности А.А.Зиновьева, В.В.Кожинова, С.Г.Кара-Мурзы[203] и др.

Китайские аналитики, исследуя процессы глобализации, осторожно, но вместе с тем и вполне определенно утверждают, что КНР разрабатывает собственный – самобытный проект модернизации в эпоху глобальных сдвигов, который может быть

---

[200] История человечества. «Россия». Т. VIII. Под ред. чл.–корр. РАН А.Н.Сахарова. – М.: «Магистр-пресс». 2003. С. V.

[201] Сайко Э.В. Вопросы стадиального анализа всемирно-исторического развития цивилизации // Цивилизационная идентификация России и иберoамериканские параллели. Вып. 4. – М.: 1998. С. 4.

[202] Хорос В.М. О докладе В.М.Межуева. В кн.: «Ценности современности в контексте модернизации и глобализации». Вып. 10. – М.: 2001. С. 30.

[203] Особо отметим капитальный двухтомник: Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. От начала до Великой Отечественной войны. – М.: 2005. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. От Великой Победы до наших дней. – М.: 2005.

реализован совершенно в ином варианте развития человечества. Французский философ Ален де Бенуа, выходя далеко за рамки марксизма и советского опыта, дает свой прогноз: «Сегодня история ясно показывает, что если социализм как учение имеет какое-то будущее – а социальная база для этого наличествует, поскольку капиталистический мир не способен сам по себе снять глубочайшие противоречия, заложенные в нем, не способен дать адекватного ответа на вызов социальной несправедливости, нищеты, эксплуатации и т.д. – то это будущее лежит в сфере *национального социализма*, предлагающего реалистичную и радикальную альтернативу «торгашеской логике» торжествующего, но исторически обреченного буржуа».[204]

Продуктивные результаты исследования глобализации содержатся в работах Ю.Д. Гранина, который глубоко раскрывает сущность вестернизации не как единственного вида глобализации, а как варианта, рассматривая ее и в историческом аспекте (колониализм и империализм), и в современном состоянии как «превращенную форму государственного национализма стран «первого мира» (стран «золотого миллиарда – В.Х.)».[205] Вестернизация начиналась с насаждения в завоеванных колониях «демократии» и «гражданского общества», однако в XIX в. не была осуществлена из-за социокультурного сопротивления народов. Но уже в наши дни этот глобальный политический и цивилизационный проект парадоксальным образом возродился как «национальный проект» США, которые, активно используя международные структуры (ООН, МВФ, НАТО и др.), не только постоянно выигрывают от привнесенной вестернизацией унификации экономических усилий, но и активно вмешиваются в дела других государств, пытаясь силой, в том числе военной, навязать им будто бы общезападные («общечеловеческие»), а в действительности именно американские ценности и стандарты жизни».[206]

Опираясь на сказанное, можно сделать некоторые выводы.

1. Общепризнанного определения понятия «глобализация» в науке пока что не существует.

2. Статья в Новой Российской Энциклопедии, которая, по определнию, обязана была представить весь спектр научных взглядов в данном дискурсе, показательна своей тенденциозностью, так как читателю предлагается только западноевропейский (либеральный) подход.

3. Глобализация – мегатенденция к политическому и иному объединению человечества. Не случайно уже философы прошлого, в частности И.Кант и К.Маркс, в систематичной форме последовательно выдвигали проекты всемирной «федерации госу-

---

[204] См.: Ален де Бенуа. Против либерализма /к Четвертой политической теории. – Спб.: 2009. Глава «Второй лик социализма». Кстати сказать, и «Первый лик» был также национальным: понятие «русский коммунизм» обосновали Н.А.Бердяев и А.А.Зиновьев.

[205] Гранин Ю.Д. Глобализация и национализм: история и современность. Социально-философский анализ. Автореферат докторской диссертации. – М.: 2008. С.50.

[206] Гранин Ю.Д. Глобализация или «вестернизация»? // Вопросы философии. 2008, № 2. С. 12.

дарств» и безгосударственного коммунизма как «обобществившегося человечества».[207]

4. Водораздел между полярными позициями всецело находится в русле идеологии: одни авторы признают глобализацию (равно вестернизации) единственным путем развития человечества; другие же утверждают, что объективно (это подтверждено исторической практикой и современностью) существуют иные – на базе других цивилизаций – альтернативные пути.

Итак, парадигма прогресса человечества включает в себя два магистральных направления: вестернизационно-цивилизационное и национально-цивилизационное. Очевидно, что эти проекты не могут быть объединены, так как они по своей сути антагонистичны. Все сказанное с неизбежностью выдвигает перед средствами массовой информации любой страны проблему самоопределения.

Чтобы осознать важность такого выбора для СМИ России, необходимо учитывать сложившуюся в результате экономической, политической и социальной модернизации за последние десятилетия ситуацию в обществе. Соответственно в науке о журналистике вполне отчетливо оформилось (активно и совсем небескорыстно поддерживаемое властными структурами и владельцами массмедиа) направление, которое возглавило ведущее научное, точнее идеологическое учреждение страны – Высшая школа экономики. Одна из задач данного либерального направления заключается в нивелировании, размывании представления о СМИ как о дуалистической системе, работающей и как общественный институт, и как субъект экономических отношений, а самое главное – в признании приоритета коммерческого вектора.

В настоящей статье предпринята попытка предложить и обосновать понятия «информационный глобализм» и «информационная идентичность», которые, надеемся, будут востребованы исследователями медиасферы, журналистами-практиками. Само собой разумеется, это произойдет только **при условии признания национального и социального статуса СМИ как определяющего**.

---

[207] См. подробнее: там же. С. 15.

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ГЛОБАЛИЗМ: МЕДИЙНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВЕСТЕРНИЗАЦИИ

Информационные войны в XX-XXI вв. обрели новое качество благодаря бурному прогрессу СМК: прогрессу технических средств сбора, обработки и передачи информации, а также форм и способов манипулирования сознанием аудитории, влиянию массовой культуры на стандартизацию образа жизни людей. Сегодня информационная война ведется не между отдельными государствами, «это уже напрямую война цивилизаций – столкновение различных базовых ценностей, значений, теорий».[208]

Адепты вестернизации считают (и не скрывают этого), что глобальная информационная война призвана оставить на планете только одну цивилизацию, остальные же, обладающие иными, не «общечеловеческими ценностями», обречены уйти в небытие. Создавшаяся ситуация порождает необходимость исследования реально возникшего в медиасистемах Запада (в известной степени имеющего место и в других странах) феномена, который, на наш взгляд, правомерно назвать информационным глобализмом.

Определение понятия: информационный глобализм является конкретной актуализацией концепта информационной войны в современных условиях и имеет целью медийное обеспечение всех основных проектов вестернизации (геополитического, финансово-экономического, культурно- ценностного и др.) благодаря заранее спланированному синхронному взаимодействию транснациональных медиакорпораций и национальных СМИ Запада.

Справедливости ради отметим, что данный термин в научной литературе иногда встречается, но лишь в локальной интерпретации. Например, финский ученый Терхи Рантанен утверждает, что «информационный глобализм – это культурный империализм, угрожающий национальным культурам, которые надо защитить».[209]

Исследованию информационной войны как составляющей современной цивилизации посвящен ряд серьезных трудов отечественных ученых: Г.Почепцова, В.А.Лисичкина, С.П.Расторгуева, Л.А.Шелепина и др. Самой лаконичной, можно сказать, рабочей, является следующая дефиниция: «Информационная война – коммуникативная технология по воздействию на массовое сознание с кратковременными или долговременными целями».[210] Разработаны стратегия и тактика информационной войны, определена матрица принципов, форм и методов ее ведения.

Информационному глобализму как конкретной форме ведения информационной войны свойственны такие основные характеристики: 1) наступательность, 2) агрессив-

[208] Расторгуев С.П. Философия информационной войны. – М.: 2001. С. 194.
[209] Терхи Рантанен. Глобальное и национальное. Масс-медиа и коммуникации в постсоветской России. – М.: 2004. С. 12.
[210] Георгий Почепцов. Информационные войны. – М.: 2000. С.20.

ность, 3) массированность, 4) универсальность (вовлеченность всех СМИ, включая интернет). Каждая из этих характеристик теоретически обосновывается и на Западе. Например, на прошедшей под эгидой американского правительства 5-ой Международной научной конференции по информационной войне (1996 г.) был сделан следующий вывод: «Стратегия применения информационного оружия носит исключительно наступательный характер».[211] Если это признается, то мы всегда имеем возможность реально определить информационного агрессора.

Рассмотрим механизм действия информационного глобализма (**геополитический аспект)** на примере конкретного проекта: освещения мировыми СМИ агрессии Грузии против Южной Осетии 8-го августа 2008-го года.

Анализ сообщений транснациональных информационных агентств, передач ТВ и РВ, публикаций печатных изданий западных стран свидетельствует о том, что алгоритм реакции на происшедшее данной медиасферы был определен четко: а) умолчание (утаивание объективной информации); б) массированное введение в информационное пространство фактов, представляющих сознательную дезинформацию; в) ложные рассуждения, т.н. аналитика на основе фальсифицированных фактов с акцентом на эмоциональное, а не на рациональное осмысление происходящего.

Действовали эти СМИ синхронно, словно по команде. О факте нападения Грузии на Южную Осетию, а также о том, что, спасая мирных жителей от агрессора, Россия действовала строго в рамках Устава ООН, не было сказано ни слова. Транслировалась грузинская версия событий: телеканалы Би-Би-Си, Си-Эн-Эн, французский ТВ-5 предоставили эфир М.Саакашвили, который заявил о нападении России на Грузию. На экране – кадры горящего Цхинвала, а телеведущие убеждали зрителей, что это разрушенный русскими грузинский город Гори.[212]

---

[211] См.: Смолян Г., Цыгичко В., Черешкин Д. Новости информационной войны // Защита информации. «Конфидент», № 6, 1996.

[212] 8 августа 2010 года в передаче под названием «Война в прямом эфире» (Первый канал ТВ) было показано, как два года назад грузинские власти продолжили фальсификацию событий и совершили новый подлог: дабы доказать достоверность бомбежек в Гори, выселили жильцов одного дома, затем несколькими снарядами подожгли две квартиры и пригласили зарубежных корреспондентов посмотреть «разбомбленный» русскими город. Конечно, эти журналисты, посылая свои статьи в редакции, прекрасно знали, что это обман, но англичанин Джеймс Харт объяснил: «Главное – любыми путями надо добиться освещения проблемы с нужной стороны...»

В практиках информационного глобализма подобный прием подлога типичен. В октябре 1990 года мировые СМИ облетел рассказ 15-летней кувейтской девочки о том, что она видела, как иракские солдаты вынесли из родильного дома младенцев и бросили их на мостовую. Имя девочки демонстративно скрывалось, якобы из соображений безопасности. Президент Дж.Буш использовал данный телесюжет 10 раз за 40 дней перед вторжением в Ирак. А позже выяснилось, что эта девочка – дочь посла Кувейта в США, она никак не могла видеть того, о чем рассказывала, потому что все время находилась на территории США. Но благодаря ее выступлению американское общественное мнение (и в какой-то мере мировое) было подготовлено для превентивного оправдания очередной американской агрессии. См. об этом: «Методы и приемы психологической войны». – М.: АСТ, Мн.: 2006. С. 291.

В газетах тиражировалась аналогичного рода информация: статьи и репортажи сопровождались карикатурами, где Россия изображалась медведем, протягивающим когтистую лапу к беззащитной Грузии. Одним словом, западные СМИ действовали против нашей страны по лекалам «холодной войны», которая велась во все времена: общая идеологема – историческая агрессивность России; адрес – целенаправленная аудитория (внутри нашей страны и за ее пределами); во время Великой Отечественной войны – «народ, страдающий под бременем большевиков»; позже – тот же народ, особенно интеллигенция, «под гнетом партократии»; в последние десятилетия – «нации, которые отделились от России и теперь находятся под угрозой нападения с ее стороны».[213]

Под дирижирующим управлением транснациональных медиа СМИ Западной Европы в подавляющем большинстве также заняли антироссийскую позицию. В ФРГ, например, в первые три дня военных действий на Кавказе вся информация поступала лишь по каналу Си-Эн-Эн, а когда появились собственные публикации, то их отличало негативное отношение к России. Это неудивительно, так как статьи и передачи были подготовлены в Тбилиси. Часто встречающимся стереотипом в материалах прессы было обвинение России в «демонстрации силы», в неоимпериализме.

В книге «Общественная повестка дня и коммуникативные практики СМИ» опубликовано десять научных сообщений о характере освещения западными медиа событий августа 2008 г. на Кавказе. Эти исследования дают основания определить мотивы и стимулы массированной атаки прозападных СМИ на нашу страну:

а) геополитические интересы стран-фаворитов вестернизации, заключающиеся в ослаблении России и создании вокруг нее враждебного кольца из бывших советских республик и стран Восточной Европы;

б) геополитические интересы стран-сателлитов (Польша, Венгия, Чехия и др.), получивших шанс лишний раз подтвердить свою приверженность «атлантическому курсу» и питающих надежды получить в данной ситуации соответствующие дивиденды.

Яркая иллюстрация – польские СМИ. Крупнейшие политические издания (газеты «Жечь Посполита», «Дзенник», еженедельники «Впрост», «Ньюсуик Польска») с самого начала обнародовали единодушие правительства и президента в осуждении «агрессии России». В конце августа Лех Качиньский совершил кратковременный визит в Грузию, что вызвало бурю восторга в передачах ТВ и РВ, некоторые издания назвали этот поступок героическим. И в последующие месяцы президент Польши, как ни один другой руководитель европейской страны, продолжал твердить: «Надо наказать Россию за ее имперские желания. Россия – это угроза, подобная той, какой

[213] См.: Никитин М.И. Информационные войны против России: общие характеристики и основания для типологизации. В кн.: «Общественная повестка дня и коммуникативные практики СМИ». Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Журналистика 2008». – М.: 2009. С.78.

была гитлеровская Германия».[214] Польские СМИ заклеймили позором пилота правительственного самолета, который отказывался лететь в «неспокойную Грузию», а затем – сажать самолет в Тбилиси (в целях безопасности самолет приземлился в Баку).

Примером на этот раз многолетней непрекращающейся геополитической глобалистской акции является информационная осада Республики Беларусь и ее лидера, которого западные СМИ давно называют диктатором. В чем «вина» А.Г.Лукашенко?

В том что он:

– твердо и последовательно отстаивает национальные интересы своего народа, суверенитет и независимость страны;

– в условиях перехода к рыночной экономике добивается эффективной регулирующей роли государства в целях подъема производства во всех отраслях промышленности и аграрного сектора (по примеру КНР);

– развивает социальную сферу – в стране строится общество социальной справедливости;[215]

– ведет бескомпромиссную борьбу с преступностью и коррупцией;

– законным путем пресекает попытки свершить «оранжевую революцию» по западному сценарию и на западные деньги.

Еще один важнейший фактор: для России Республика Беларусь является единственным надежным союзником. Поэтому, по мнению госсекретаря США С.Тэлбота, завоевание Беларуси («уничтожение режима Лукашенко») – «один шаг к тому, чтобы судьба России повторила судьбу СССР, который оказался на свалке истории». Это значит, что информационная война против РБ обусловлена, прежде всего, **геополитическими** интересами США и их союзников.

Как было сказано ранее, западные СМИ действуют одновременно, как по команде, и здесь возникает вопрос о регуляторах информационного глобализма. Возможно, не так уж далек от истины А.А.Зиновьев (он был выслан из СССР, 20 лет прожил в ФРГ и мог воочию убедиться в синхронизации зарубежных масс-медиа при освещении тех или иных событий): «Формально на Западе нет центра, который руководил бы деятельностью идеологического механизма. Но, если хозяева идеосферы, нашли какие-либо идеи неприемлемыми, все его участники начинают действовать так, как будто получили инструкции из невидимого центра наподобие ЦК КПСС... Этот центр состоит из узкого круга лиц, которые санкционируют рекомендации, выработанные

---

[214] См.: Евсеева Л.П. Президент и правительство Польши выставили себе «отлично» за Грузию. – «Общественная повестка дня...». С.147-148.

[215] А.Г.Лукашенко: «Мы строим социально ориентированное государство. Проводя рыночные преобразования, кстати, мы отказались от слова «реформа», мы говорим не о реформе, а о совершенствании... Мы не пошли путем разрушения... Мы становились на тот фундамент, который был создан в Советском Союзе здесь, на этой земле, и возводили нормальное здание экономики, которое сегодня дает определенный результат».

более широким кругом политиков, бизнесменов, советников, политологов и проч. Таким образом подается сигнал к согласованной деятельности массмедиа по определенным проблемам».[216]

Чтобы попытаться представить себе этот «узкий круг лиц», понадобилось бы вторгнуться в область конспирологии, что, естественно, выходит за рамки рассматриваемой здесь темы. Тем не менее обратимся лишь к одной публикации, в которой говорится о том, что так называемое мировое (теневое) правительство на очередной встрече Бильдербергского клуба (создан в 1954 г., его учредительные цели – борьба с антиамериканизмом) рассматривало актуальные вопросы: экономическая угроза, которую сегодня представляет для Запада Китай; ситуация в европейской экономике; евро и стратегии для его спасения при помощи резких сокращений ассигнований на социальные нужды. Заседания «мирового правительства» всегда проводится втайне, никто из участников не вправе давать интервью, непременное требование к ним – знание английского языка (на заседаниях нет переводчиков). И все же некоторая информация впоследствии просачивается: например, члены Бильдербергского клуба точную дату вторжения войск США в Ирак знали за десять месяцев до его начала...»[217]

Вполне вероятно, что о дате агрессии Грузии против Южной Осетии «правители мира» также знали намного ранее, чем это произошло.

Итак, мы рассмотрели типичные примеры геополитического глобализма. Уместно подчеркнуть, что аналогичные массированные, нередко долговременные медийные операции многократно проводились и проводятся США и их союзниками во имя пропагандистского прикрытия военных действий – прямой агрессии, экспансии с целью повышения своего статуса и благополучия – иначе говоря, с целью осуществления политики «государственного национализма» (Ю.Д.Гранин), которая направлена против стран, защищающих свою независимость и суверенитет (Югославия, Афганистан, Ирак (две войны, оккупация), а сегодня – Ливия, Сирия, Иран).[218]

Культурно-ценностный аспект информационного глобализма. В энциклопедической статье «Глобализация» постулируется, что в настоящее время востребована *новая этика*, предлагающая серьезную трансформацию мировоззренческих позиций, культурных и ценностных установок. Такая «модернизация» этики, на наш взгляд, вбирает в себя два основных взаимодополняющих потока:

а) распространение (навязывание) всему миру под видом «общечеловеческих» западных (либеральных) ценностей;

---

[216] Цит. по: Давыдова Л.В. Социология А.А.Зиновьева – путь к пониманию современности. – М.: 2006. С. 106, 235.

[217] См.: Фидель Кастро Рус. ООН, безнаказанность и война. – «Сов. Россия», 2010, 19 августа.

[218] Разумеется, каждая из названных информационно-глобалистских операций заслуживает специального исследования.

б) отказ от традиционных гуманистических ценностей, акцентирование стереотипов массовой культуры, которые направлены на формирование у людей асоциальных установок.

Тотальное и мгновенное – в контексте исторического времени – разрушение государства и смена общественного строя, дискредитация существовавших устоев и традиций с неизбежностью приводят к переориентации в системе ценностей.[219] Эти процессы связаны с изменениями в различных сферах жизни, а их временные масштабы не всегда совпадают с масштабами социально-экономических, политических и других изменений.

В конце XX и начале XXI вв. по данным социологических опросов в России сосуществуют, переплетаются, противоборствуют три группы ценностей: религиозные, либеральные и ценности советской цивилизации.

А.А.Зиновьев, всемирно известный ученый (его труды изданы более чем на 20-ти языках мира) на основе созданной им социологической теории осуществил анализ советской и западноевропейской цивилизации и убедительно доказал, что общечеловеческих ценностей на самом деле не существует, поскольку человечество не образует единое целое, а состоит из множества цивилизаций – и по национальному, и по формационному признаку. «Действенную силу, – по А.А.Зиновьеву, – имеют только те ценности, которые отражают черты реальных социальных организаций. Например, включение в систему ценностей коммунизма права на труд, отдых, образование, обеспеченную старость, жилье и т.д. отражало реальность Советского Союза и других коммунистических стран, а включение в систему ценностей демократических свобод и прав (общеизвестные права человека) отражает реальность стран Западного мира. США и страны НАТО навязывают всему человечеству систему ценностей западнизма, которые на самом деле представляют собой не что иное как закамуфлированные с идеологическим и геополитическим расчетом ценности стран «золотого миллиарда».[220]

В свое время Томас Гоббс выдвинул главный и поныне для западного общества миф о человеке как эгоистическом и одиноком атоме, ведущем войну «всех против всех». Либеральная инварианта Запада: человек одинок в этом мире и нуждается в свободе *от* других людей, привязанностей, обязательств перед обществом. Либеральная концепция человека – это представление его не как гражданина, а как несоциального существа.

Адепты капитализма в эпоху его становления с целью идеологического обоснования нового общественного строя обратились к науке и, прежде всего, к эволюцион-

---

[219] Одной из немногих научных работ, в которых всесторонне и глубоко, с использованием результатов социологических исследований и анализа публикаций печати и передач электронных СМИ исследовано состояние ценностных ориентаций в нашей стране, является книга президента Российской академии образования Н.Д.Никандрова «Россия: социализация и воспитание на рубеже тысячелетий». – Чебоксары: изд-во Чувашского ун-та. 2001.

[220] Зиновьев А.А. Социальная организация и система ценностей. В кн. «Распутье». – М.: 2005. С. 289.

ной теории Дарвина о происхождении видов путем естественного отбора – теории, относящейся к животному миру. Учение Дарвина в общественных науках и идеологии буржуазного общества трансформировалось в теорию, получившую название социал-дарвинизм, фундамент которого – абсолютизация права сильного, предполагающего вытеснение, а то и гибель слабого.

Идею борьбы за выживание человека предельно откровенно и жестоко выразил певец «сверхчеловека» Ф.Ницше: «Сама жизнь по существу своему есть присваивание, нанесение вреда, преодоление чуждого и более слабого, угнетение, суровость, навязывание собственных форм, аннексия и, по меньшей мере, по мягкой мере – эксплуатация».[221] По утверждению Людвига фон Мизеса, либерализм «в конечном счете не подразумевает ничего, кроме повышения материального благополучия людей и напрямую не касается их внутренних, духовных и метафизических потребностей».[222]

Итак, основы либеральной идеологии включают в себя:

– признание частной собственности как высшей фундаментальной ценности;

– веру во всесилие денег как всеобщего эквивалента, мерила всех вещей; именно деньги, а не прямое насилие (в котором существенна роль государства) есть наилучший, универсальный регулятор человеческих отношений;

– утверждение об исходном, природном неравенстве людей, их разделении на «сильных» и «слабых»;

– свободу личности: есть «Я», индивид, а все остальные – чуждые;

– примат прав человека перед правами общества.

Экспансия в Россию либеральных ценностей как долговременная массированная акция информационного глобализма в новейшее время[223] началась в период перестройки и с тех пор не прекращается ни на один день.

Исключительный всплеск социал-дарвинизма произошел в СССР в конце 80-х годов в связи с легитимизацией рыночной экономики и необходимостью обоснования неизбежности социального расслоения. Это объясняется еще и тем, что впервые в истории человечества – уникальный случай! – рыночная экономика внедрялась путем радикального *регресса* (разрушения промышленности, сельского хозяйства, науки и т.д.), а не вырастала в ходе развития производительных сил, как в эпоху становления капитализма.

«Культурное ядро России, – справедливо утверждает С.Г.Кара-Мурза, – покоилось тысячу лет на идее «человек человеку брат» (естественно, включая советский период), сегодня же на смену в идеологии, в СМИ пришел социал-дарвинизм – «конкурен-

[221] Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. // Фридрих Ницше. Сочинения. Т.2. – М.: 1990. С. 380.
[222] Людвиг фон Мизес. Либерализм. – М.: 2001. С.9.
[223] Победившие в феврале 1917 года политические партии – кадеты и их союзники – впервые предложили российскому обществу импортные (буржуазные, теперь их называют либеральными) ценности, а значит чуждый, радикально отличающийся от славянского, русского цивилизационный путь.Однако тогда эти притязания история отвергла.

ция – это наше все!». Внедрение в массовое сознание социал-дарвинизма велось как специальная программа, целью которой было вытеснение из мировоззренческой матрицы народа прежнего представления о человеке, что означало отказ от исторической цивилизационной траектории».[224]

При этом основным объектом атак со стороны советских социал-дарвинистов была идея равенства.[225] «Неравенство в чистом виде является сильным стимулом прогресса. Но в то же время служит источником недовольства слабых. Лидерство, жадность, немного сопереживания и любопытства – вот естество человека», – утверждал на страницах «Литературной газеты» Н.Амосов. Известный ученый, хирург, народный депутат СССР призывал к проведению крупномасштабного изучения всех сограждан с целью распределения на два классических типа – «сильных» и «слабых». До такого даже Г.Спенсер в свое время не додумался.

Реставрация частной собственности в России так и осталась в массовом сознании населения страны нелегитимной. Причина в том, что, как откровенно признается А. Чубайс, приватизация проводилась следующим образом: «Мы занимались не сбором денег, а уничтожением коммунизма... Каждый проданный завод – это гвоздь в крышку гроба коммунизма. Дорого ли, дёшево, бесплатно, с приплатой – двадцатый вопрос, двадцатый»...[226] А еще один социал-расист – А.Н.Яковлев – «архитектор» и идеолог перестройки – в начале века нынешнего был сильно разгневан растущим недовольством подавляющего большинства населения России так называемыми новыми русскими, которые за бесценок приватизировали общенародную собственность. Это – не воры, заявлял он, а достойные люди, пробивавшие дорогу к экономической свободе и нормальному рынку. И вообще, по мнению Яковлева, никаких бедных и богатых нет: «Есть творцы и созидатели, нравственные люди (т.е. – богатые – В.Х), а есть паразиты, бездельники, трутни (т.е. бедные – В.Х.)».[227]

Частная собственность – основа социального неравенства. Вспомним о том, как писал об этом лорд-канцлер английской монархии Томас Мор (за отказ дать присягу королю он был обвинен в государственной измене и казнен): «При *частной собственности* невозможно говорить ни о справедливости, ни об общественном благополучии: как бы ни велико было общественное богатство, оно попадет в руки

---

[224] Кара-Мурза Сергей. Разрушение культуры. // «Наш современник». 2010, № 12. С.154.

[225] И сегодня либеральные СМИ продолжают неустанно глумиться над этой идеей, тысячекратно повторяя миф-заклинание – «для большевиков главное отнять и поделить». Да, советская власть уничтожила частную собственность и разделила – на каждого соотечественника – созданное трудом народа богатство, землю, недра и т.д.
Либералы же в ходе реформирования отняли все у народа и разделили между собой.

[226] Цит. по: Сергей Телегин. «Напёрсточники. Монетаристы-реформаторы вчера и сегодня». – «Завтра», 2010, № 9.

227 Там же.

немногих; удел остальных – нужда (курсив – В.Х.)».[228] Это написано в 1516-ом году, но как злободневно звучит, словно речь идет о «модернизации» общества в России после 1991-го года...

За последние 20 с лишним лет в России «слабых» ежегодно становится на сотни тысяч меньше, но социал-расистов это не волнует, Чубайс цинично заявляет: 30 миллионов умрут – новые родятся. Это вполне в фарватере известных предначертаний Маргарет Тэтчер: «Главное, чтобы быстрее вымерло старшее поколение. И вообще России в будущем достаточно 20-25-ти миллионов человек для обслуживания добывающих отраслей промышленности». Да, охотники уничтожить Россию ныне стали гораздо кровожаднее – Гитлер и тот намеревался оставить все-таки 50 миллионов...

Рассмотренные здесь вкратце либеральные ценности российские масс-медиа (большинство федеральных изданий, центральных теле- и радиоканалов) уже почти три десятилетия внедряют в массовое сознание. В этом плане они функционируют в едином русле с западными СМИ, задача которых – разрушить культурные коды и защитные механизмы психики граждан иных суверенных государств, т.е. все, что связано с традиционными ценностями и сохранением исторической памяти.

По идеологическим канонам либерализма в период радикальных реформ многими средствами массовой информации – и государственными, и частными с помощью всего арсенала форм и способов манипулирования общественным мнением непрерывно распространяется культ потребительства, наживы, богатства, эгоизма («каждый сам за себя»), агрессии, жестокости, насилия...

Когда в научных или публицистических работах заходит речь о советских СМИ, то говорится, что они функционировали в условиях жесткого диктата со стороны КПСС. И это справедливо. Но много ли изменилось сейчас? Есть несколько партий, но одна, руководящая – «Единая Россия», которая, имея большинство в Государственной Думе, принимает законы, отвечающие исключительно интересам богатого, численно незначительного меньшинства населения страны. Идеология этой партии бесспорно серьезно влияет на медийное сообщество. В этом смысле немаловажна и роль первого лица государства.

Так, Д.А.Медведев в период своего президентства да и сейчас постоянно декларирует свою приверженность либеральным ценностям. Его излюбленная формула «свобода лучше несвободы» означает признание абсолютного отчуждения человека от общества, от коллектива, это свобода, основанная на индивидуализме, эгоцентризме.

К разделяемым им ценностям Д.А.Медведев причисляет «справедливость», что выглядит в устах политического деятеля весьма странно, ведь очевидно, что просто «справедливость» – понятие аморфное, бессодержательное: для олигархов – это одно, а для подавляющего большинства населения России – прямо противоположное.

228 Мор Томас. Золотая книга столь же полезная как забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопии. – М.: Academia. 1935.

Характер разрешения этой дилеммы правительством Медведева во время финансово-экономического кризиса убедительно раскрыл академик РАН С.Ю.Глазьев: «Финансовые средства были направлены не на технологическую модернизацию экономики, а на *поддержку коммерческих банков*, для которых полученные от государства беззалоговые дешевые кредиты стали источником наживы за счет падения уровня жизни населения. В итоге промышленное производство упало более, чем на 15%, в том числе машиностроение – основа модернизации – почти вдвое, а недобросовестные банкиры обогатились на спекуляциях против собственной валюты на сотни миллиардов рублей».[229] Либеральные издания, большинство федеральных телерадиоканалов в основном транслировали не такую правдивую точку зрения, а сформулированную «в верхах» оценку путей выхода из кризиса.

Приоритетной для либеральных СМИ является и такая «общечеловеческая ценность» как права человека. Во имя якобы их защиты нарушается суверенитет других государств вплоть до военной агрессии против них. При этом в медиа Запада всегда присутствует двойной стандарт, который они «передают» своим единомышленникам во всех других странах мира. Ярким свидетельством в этом смысле являются цинично-презрительные откровения рупора неолиберализма В.Новодворской о ее истинном понимании прав человека: «Я лично правами человека накушалась досыта. Некогда и мы, и ЦРУ, и США использовали эту идею как таран для уничтожения коммунистического режима и развала СССР. Эта идея отслужила свое, и хватит врать про права человека и про правозащитников... Я всегда знала, что приличные люди должны иметь права, а неприличные (вроде Крючкова, Хомейни или Ким Ир Сена – не должны. Право – понятие элитарное. Так что или ты тварь дрожащая, или ты право имеешь».[230]

О том, что ожидает человечество в результате абсолютизации суверенной личности и ее прав вне нравственной ответственности в свое время говорил Митрополит Смоленский и Калининградский (ныне Патриарх Московский и всея Руси) Кирилл: «Такая абсолютизация может разрушить основы современной цивилизации и привести ее к гибели».[231] Симптомы набирающего силу разрушительного процесса мы наблюдаем сегодня в связи с легализацией однополых браков и предоставлением возможности усыновления этими семьями детей во Франции (и еще в 13-ти странах). Это в самом деле свидетельствует о начале заката европейской цивилизации.

Если советские СМИ отражали господствующие в обществе ценности (знания, труд, творчество), то нынешние либеральные СМИ огромные усилия направляют на создание культа денег, богатства. В этом преуспевают и печать, и телевидение, и ради-

---

[229] Сергей Глазьев. 20 потерянных лет. – «Завтра», 2010, февраль, № 8.
[230] Новодворская В. Прощание славянки. – М.: Захаров, 2009. С.307.
[231] Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл. Права человека и нравственная ответственность. Доклад на X Всемирном русском народном соборе. 4 апреля. 2006 г. // Педагогика, 2006, № 6. С.54.

овещание, а в особенности реклама (вспомним из множества слоганов хотя бы один: «зарабатывай на разнице курса валют...»).

Подобные грубые призывы обогащаться любой ценой звучат повседневно в теле- и радиоэфире. Однако немало и передач, где эта идея преподносится гораздо тоньше. Вот показательный пример из программы «Их нравы» (НТВ, 2006, 30 апреля). На экране – рикши, обливаясь потом, почти бегом везут по улицам индийского города приезжих господ. Ведущий в восторге от того, что рикши счастливы – ведь они имеют возможность «пахать» от зари до зари. Это – нормально, так сказать, «общечеловечно».[232] Отец ведущего, видимо, дипломат, в конце 40-х годов работал в Китае и, когда понадобилось срочно добраться в нужное место, нанял рикшу. Ведущий с нескрываемым сарказмом комментирует сей факт: советским людям это делать было категорически запрещено, иначе – репрессии...

Во время просмотра передачи невольно задумываешься: зачем она нужна? Экзотика? Да. Но главное не в этом. Далее идет рассказ о том, что один рикша придумал своего рода ноу-хау: смонтировал миниатюрную поделку 5х10 см. – макет обычной повозки, который стал желанным сувениром для богатых туристов. Умелец-рикша открыл «свое дело» (любимый слоган российских СМИ), и теперь у него прибыльный бизнес, дом, автомобиль... Ведущий делает вывод: и в России любой человек может стать богатым. Смотрите, вот даже рикши... Такова сверхзадача, идейный замысел данной передачи.

Самое печальное состоит в том, что глобальное насаждение либеральных ценностей зачастую направлено на молодое поколение. Сегодня у нас выходит лишь несколько массовых, претендующих на всероссийский охват журналов для подростков и молодежи. Все они выпускаются иностранными издательствами (концерн «Бурда» и др.).[233] Обратим внимание: в названиях журналов (и в текстах) во множестве используются английские слова да и сама структура этих изданий скалькирована со своих заморских собратьев. В целом содержание данных журналов определяется единым стилем и целевой установкой на создание смыслового поля, где центральное место занимают ценности западной цивилизации и отрицаются традиционные ценности России. Мягко, ненавязчиво тексты внедряют *новые* модели отношений между родителями и детьми; негативное восприятие истории своей страны как не самой замечательной и придыхание перед «правильным» Западом; раннюю сексуализацию (все традиционное русское

---

[232] При этом, разумеется, зрителям не сообщается, что средний возраст жизни людей этой профессии в Индии – 40 лет.

Автор данной брошюры в начале августа 1991 года, будучи в служебной командировке в Калькутте, попал в тропический ливень: за 15 минут уровень воды достиг полуметра, автомобиль еле двигался. А навстречу нам, выбиваясь из последних сил, тащили свои повозки изможденные рикши. Нестерпимо больно было на них смотреть...

[233] «I love you» (тираж 200 000 экз.), «Ellegirl» (210 000 экз.), «YES» (200 000 экз.), «Все звезды» (250 000 экз.) и др.

воспитание, а позже и русская педагогика основывались на обязательном принципе «невозбуждения низа», как это определил К.Д.Ушинский).[234]

Немало иллюстраций подобного рода мы обнаруживаем и в телепрограммах для молодежи. Так, в качестве очередного объекта для подражания ТВЦ избрал режиссера Валерию Гай Германику, которая в аудитории старшеклассников на протяжении всей передачи «Сто вопросов взрослому» безудержно и эпатажно восхищалась собой любимой, а на вопрос об отношении к Родине с нескрываемым презрением к «русским березкам» ответила: «А мне все равно где жить. Я – гражданин мира....» Родители для нее – просто, так сказать, биологические особи, и этим их значение исчерпывается. Самое же главное для В.Гай-Германики – «любовь между женщиной и мужчиной».[235] Вот такой урок воспитания преподал ТВЦ.

Либеральные СМИ выполняют социальный заказ на формирование личности определенного типа: а) «гражданина мира»; б) человека, не имеющего четкого представления о том кем и как *быть*, зато знающего, как *иметь* (т.е. потреблять); в) психически разбалансированного (на грани шизоидных состояний), без четкой системы координат.

Создание в ходе культурной трансформации якобы новой этики – по проекту вестернизации – предполагает не только отказ от традиционных ценностей, но и целенаправленное, набирающее все большую силу и интенсивность распространение *антиценностей* посредством медиа. Так, социологи СМИ, которые изучают динамику контента основных российских телеканалов, предоставляют следующую картину этого ускорения:

– доминирование показа агрессивности, жестокости по сравнению с миролюбием, дружелюбием: в 2002 г. первая позиция превышала вторую в 3,5 раза; в 2008 г. – в 6,2 раза;

– превалирование показа блуда, порока, откровенного секса и пошлостей над изображением нормальных чувств любви как духовного единения, сохранения целомудрия и супружеской верности в русле российской традиции – первое транслируется на ТВ в 2,5 раза чаще, чем в 2002 г.;

– превалирование в программах потребительской психологии над созидательными тенденциями (труд, творчество и т.д.) – первое акцентируется в 4 раза чаще, чем в 2002 г., ТВ формирует человека-потребителя.[236]

Таким образом, идейно-смысловые концепты желтой прессы и еще более желтых электронных СМИ способствуют формированию у людей, особенно у молодежи, асоциальных установок.

---

[234] См. об этом подробнее: Стебловская С.Б. Методологические основы исследования аксиологического поля журналов для подростков // Вест. Моск. Ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2010. № 1. С. 138-153.

[235] Программа «Сто вопросов взрослому». – ТВЦ, 2013, 19 мая.

[236] См. об этом подробнее: Свитич Л.Г. Традиционные характеристики русского народа на ТВ. – «Общественная повестка дня...» С. 255-256.

Одной из характеристик информационного глобализма является тенденция универсализации не только содержания, но и формы телепрограмм. Конкретный пример: появление нового жанра – реалити-шоу (программы «Большой брат», «За стеклом», «Дом-1», «Дом-2» и другие). Здесь мы имеем дело с прямой, неприкрытой, если можно так сказать глубоко эшелонированной трансляцией антиценностей – не просто «нормализацией», но прямо-таки воспеванием человеческих пороков. Авторы программ стремятся убедить аудиторию: работа, труд в повседневности скучны, это – рутина, а настоящая жизнь представлена в реалити-шоу (на самом деле она искусственно организована). Так происходит социальное конструирование телевизионной (виртуальной) реальности. Действенная свобода личности, которой должны быть открыты реальные социальные практики, подменяется свободой инстинкта (в основном сексуального).

Объемную характеристику вклада масс-медиа в духовную деградацию российского общества дал Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл: «Если повнимательнее взглянуть на то, как работают реклама, средства массовой информации, массовая культура, мы можем выявить одну опаснейшую тенденцию – все направлено на раскрепощение человеческого инстинкта. Появилось даже такое понятие – «раскрепощенные дети» как некоторая добродетель. А перед вами сидит распоясавшийся молодой человек в состоянии может быть даже наркотического опьянения. Конечно, он раскрепощен, так как живет по закону инстинкта. Но сохрани нас Бог от подобной раскрепощенности в общенациональном масштабе».[237]

Сверхзадача реалити-шоу состоит в том, чтобы сформировать в общественном сознании стереотип уничижительного отношения к человеку разумному как к мыслящему существу, индивидуальности, личности, т.е. представить его на телеэкране «голым» – неким экземпляром со своей физиологией, низменными инстинктами и приземленными потребностями. Так, в программе «За стеклом» было показано почти все, о чем прежде (разумеется, в так называемую тоталитарную эпоху!) можно было только «мечтать»: первая брачная ночь, групповой секс, ножевой бой».[238]

Исследованию реалити-шоу посвящен ряд научных работ, среди которых выгодно отличается монография С.Л.Уразовой, где дан глубокий анализ этого жанра: «Аморальность, вседозволенность, разврат, обилие сексуальных сцен, вульгарность участников, ненормативная лексика, звучащая с экрана, однообразие и затянутость действия – вот далеко не полный перечень характеристик, которыми наделяется программа «Дом-2».[239] Аудитория ТВ оценивает реалити-шоу негативно: три четверти зрителей во всем

---

[237] Духовно-нравственные ценности современного российского общества. Доклад в Институте философии РАН. 7 марта 2007 г. // «Педагогика». 2007. № 5. С. 54-55.

[238] См. об этом подробнее: Уразова С.Л. Реалити-шоу в контексте современного телевидения. Дисс. на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – М.: ИПК работников ТВ и РВ. 2008.

[239] Уразова С.Л. Реалити-шоу: Особенности и принципы моделирования. Монография. – М.: ИПК работников ТВ и РВ. 2011. С. 9-10.

мире недовольны засильем реалити-шоу на телеэкране (84% жителей Европы; 83% – Северной Америки), в России эти программы не признают 94% населения.[240]

Тогда зададимся вопросом: чем же обусловлена скорость и массовость распространения данного жанра? Конечно, как справедливо отмечают исследователи, экономической привлекательностью (низкая себестоимость создания программ). Но главное – благодаря тому, что в настоящее время это апофеоз, одно из вершинных достижений масскультуры по накалу аморальности. Именно поэтому реалити-шоу, на наш взгляд, является *спецпроектом в русле информационного глобализма*, в осуществление которого вовлечены многие СМИ – и отдельных стран, и международные. В России, например, для сбора мнений и ведения диалога с телезрителями создан веб-сайт «За стеклом»; в тиражировании «эротической клубнички» информационную поддержку этой программе оказывали близкие ей по идеологии радиостанция «Эхо Москвы», газеты «Комсомольская правда», «Московский комсомолец».

Нет нужды и далее приводить конкретные примеры культурно-ценностной агрессии в русле информационного глобализма. Представляется, что в высшей степени актуален, просто необходим широкомасштабный научный анализ содержания федеральных СМИ через призму ценностей.[241] Это позволило бы выявить, насколько те или иные российские издания, теле-радиоканалы встроены в процесс реализации стратегической программы информационно-психологической войны против нашей страны (с уничтожением СССР практически мало что изменилось), той программы, которую озвучил Аллен Даллес еще в 1946 г.: «Мы незаметно подменим их ценности... Литература, театры, кино (в России – В.Х.) – все будет изображать низменные чувства... Мы будем всячески поддерживать и подымать так называемых художников, которые станут насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, предательства... Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого.

Будем вырывать духовные корни, опошлять и уничтожать основы духовной нравственности. Мы будем расшатывать таким образом поколение за поколением. Мы сделаем из них циников, пошляков, космополитов».[242]

Подводя итоги разговору об информационном глобализме, необходимо подчеркнуть, что некоторые национальные суверенные государства чутко реагируют на события и явления в медиасфере, которые подрывают их традиции и ценности. Это – Индия, страны исламского мира, некоторые страны Латинской Америки. Особенно показательно (и поучительно для других государств) отношение к якобы «объективно» и «закономерно» наступающей вестернизации Китайской Народной республики, где

---

[240] Там же. С.10.

[241] Подобных исследований в нашей науке о журналистике пока что практически нет, и причина очевидна – господствующая идеология.

[242] Цитир. по: Лисичкин В.А., Шелепин Л.А. Третья мировая война. – М.: 1999. С. 167-168.

выстроена государственная медиаполитика, содержащая совокупность концептуальных мер по защите от информационного глобализма. Вот лишь некоторые важные для деятельности китайских СМИ требования, суть которых в признании негативных моментов глобализации, таких как:

1) угроза внутренней экономической безопасности;
2) угроза политическим и культурным ценностям;
3) упор на важности государственного суверенитета, несмотря на пропагандистское клише об отмирании национальных государств в глобальную эпоху;
4) предотвращение контроля иностранного капитала в ключевых секторах народного хозяйства (энергетика, коммуникации, финансы, СМИ);
5) разумная осторожность и бдительность в отношении тенденции глобализации.[243]

Последний пункт сформулирован мягко. Однако на практике КНР защищает свою информационную безопасность весьма жестко и незамедлительно. Например: в одном из выпусков канала «Стар ти ви» (империя Руперта Мэрдока) прошел сюжет об изданной на Западе написанной диссидентом Дзисуи Ли биографии Мао Цзэдуна. Сюжет вызвал резкую реакцию Пекина: вещание «Стар ти ви» на Китай было тут же приостановлено. Два года понадобилось Мэрдоку, чтобы заверить китайское руководство: впредь «Стар ти ви» будет уважать принципы информационной политики КНР и полностью откажется от информационного влияния западного толка.[244]

[243] См. об этом: Чжан Ювэнь, Хуан Женьвей и др. 2006, Чжунго дивэй баогао. (Доклад о международном статусе Китая за 2006 г.). – Пекин, Жень минь чубаншэ, 2006, 350 с. // Проблемы Дальнего Востока, № 3. – М., 2007, с 177-178.

[244] См.: Войцехович. Американские СМИ на международных рынках: конфликт глобализации и эгоцентризма. // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2004, № 6. С.82-83.

ИНФОРМАЦИОННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Журналистские тексты (независимо от медийного носителя) являются коммуникативной средой, объединяющей смысловое пространство страны (региона). Самым общим основанием понятия информационная идентичность является слово identifiko (от лат. – отождествляю).

Определение понятия: Информационная идентичность – это объективное и полное отражение средствами массовой информации текущей действительности (современности) с целью формирования у людей осознания своей цивилизационной принадлежности.

Существуют различные подходы к определению данного понятия. Так, В.М.Горохов справедливо считает: информационная идентичность всецело определяется *качеством информационной среды,* уровнем *адекватности* освещения тем или иным СМИ социально-политической проблематики, истории, культуры страны, что является одним из главных условий доверия аудитории к медиа. Некоторые ученые (В.В.Маркин) предлагают термин «региональная идентичность», понимая регионы как страны, так и административно-территориальные единицы внутри этих стран. С нашей точки зрения, региональная идентичность – это видовое понятие по отношению к родовому понятию – «информационная идентичность».

Предложенное выше определение общо, концептуально, поэтому целесообразно прибегнуть к его конкретизации, а именно: определить грани (составляющие) медийной реализации информационной идентичности: геополитическая, национальная (патриотическая), экономическая, социальная, нравственная (ценностная), историческая, культурная, языковая и др.

Анализ эмпирического материала необходимо также предварить двумя принципиальными в *методологическом* плане тезисами:

– на практике грани информационной идентичности нередко реализуются не в чистом виде, а сближаются, смыкаются, взаимодополняются;

– всем граням информационной идентичности – в процессе функционирования СМИ – противостоят, как «двойники» (со знаком минус), соответствующие аспекты информационного глобализма.

В условиях ускорения процессов вестернизации особое значение приобретает **геополитическая информационная идентичность**, и здесь возможности масс-медиа в защите суверенитета и независимости государств, создания на страницах газет и журналов, в теле- и радиопрограммах адекватного образа Родины трудно переоценить.

Так, во время агрессии Грузии против Южной Осетии большинство российских СМИ (практически все региональные) проявили гражданскую ответственность, безоговорочно одобрив политику и действия властных и военных структур страны. Во многих изданиях были опубликованы корреспонденции, репортажи, статьи на эту тему;

были востребованы такие понятия как «национальные интересы», «единый народ», «общие цели», т.е. понятия, культурно-символическое содержание которых отвечало внезапно возникшему острому геополитическому запросу и в связи с этим необходимости консолидации российского общества. Таким образом были удовлетворены требования информационной идентичности.

Вместе с тем имели место иные позиции отдельных федеральных СМИ. В частности, главный редактор радиостанции «Эхо Москвы» А.Венедиктов заявил: «Радиослушателям должны быть представлены все факты и мнения вне зависимости от того, идет война или идет дождь». Именно под флагом *объективности* в передаче этой радиостанции «Код доступа» журналист Ю.Латынина подробно изложила и поддержала позицию М.Саакашвили.[245] Тем самым эти действия «пятой колонны» в отечественных масс-медиа вполне органично вписывались в акцию информационного глобализма, о чем говорилось выше.

Социально-экономическая грань информационной идентичности

В июне 2009-го г. В.В.Путин приехал в поселок Пикалево Ленинградской области, где одновременно остановились три градообразующие предприятия, люди лишились работы. Премьер-министр, проявляя государственную волю, вмешивается в «свободные рыночные отношения» и заставляет владельцев заводов (компания «Русал», миллиардер Олег Дерипаска) под прицелом телекамер подписать договор о возобновлении их работы; жестко критикует местные власти за то, что допустили такую ситуацию и еще жестче упрекает рабочих, жителей города, которые перекрыли автомагистрали, провели митинги у мэрии с требованием погашения задолженности и восстановления производства...

Встречу Путина с олигархом показали (и не один раз) все федеральные каналы. Казалось, масс-медиа призваны исследовать аналогичного рода ситуации и в других регионах страны (например, тогда же был закрыт тракторный завод в г. Рубцовске): ведь речь шла и о социальной защите сотен и тысяч людей, и о судьбе крупных градообразующих промышленных предприятий. Однако ничего подобного на федеральных телерадиоканалах не произошло. Центральные печатные издания, задача которых в медиасистеме – *анализ явлений и событий,* – практически не заметили происходящего, а это значит, что они не выполнили свое общественное предназначение – не ответили на вопрос, почему «эффективные собственники» банкротятся. Если во время экономического кризиса, порождающего социальный кризис, СМИ не исследуют его истоки, причины, не освещают реальное состояние дел во всех отраслях промышленности, сельского хозяйства, то из этого следует, что требования информационной идентичности нарушаются.

---

[245] См.: Шумилина Т.В. Гражданская ответственность журналиста. – «Общественная повестка дня...» С.190.

Прошло несколько лет. Пикулевская ситуация повторяется: Совет директоров «Русала» (собственник тот же – О.Дерипаска) принял решение о закрытии 4-х алюминиевых заводов – в Карелии, на Урале, в Кемеровской и Ленинградской областях. Об этом пишут «Аргументы и факты» и пытаются хоть как-то проанализировать эти события: одна из причин – непрерывно растущие цены на электричество (правда, не говорится, что это происходит в результате уничтожения единой государственной энергосистемы А.Чубайсом – теперь электричество по высоким ценам О.Дерипаске продает олигарх В.Вексельберг). Единственная надежда для сохранения градообразующих предприятий – государственный бюджет (1,5 млрд руб. компания «Русал» уже получила в Свердловской области).

Есть в статье и закономерный вывод: Оксана Дмитриева, д.э.н., первый зампред Комитета Госдумы по бюджету и налогам считает: «Эти предприятия имеют стратегическое значение для государства. Неэффективный предприниматель должен лишиться собственности (банкротство предпринимателя не означает банкротство предприятия!). Если он безответственен и слаб как управленец, такие предприятия надо передавать в собственность государству, а людей спасать».[246]

Национально-патриотическая грань информационной идентичности

Люди старшего поколения хорошо помнят, как встречали в стране, в Москве, в мире первого космонавта. Такого не было в истории и вряд ли когда-либо повторится: сотни тысяч людей заполнили все улицы и площади, ликовали, выражали чувства радости, гордости и восхищения; символизировали единение народа.[247] Когда позже Ю.А.Гагарин побывал в Лондоне, не очень-то эмоциональные англичане восторженно приветствовали его и на руках пронесли по улицам – ведь это был прорыв *человечества* в космос.

9 марта 2009 года исполнилось 75 лет со дня рождения Юрия Алексеевича. Я посмотрел почти все передачи федеральных телеканалов: на Первом показана передача «Улыбка Гагарина» (10.00–11.20; две рекламные паузы по 4 минуты); по каналу «Культура» – передача «Гагарин – сын, брат, отец» (12.30–13.00). Отметим время вещания:

---

[246] См.: Арсений Ваганов, Ольга Коробицына, Татьяна Кузнецова. Заложники бизнеса – «Аргументы и факты», 2012, № 36, 5-11 сентября).

[247] В этой связи позволю себе привести пример личного характера. 12 апреля 1961 года в редакции газеты «Киевский комсомолец» был творческий день. Я (главный редактор) был в командировке и услышал сообщение в 200-х километрах от Киева. Через два часа был в Киеве. Все журналисты (естественно, никто не ждал задания) встречались с молодежью, брали интервью, делали фотоснимки, писали репортажи и в 18-ти часам номер был готов. К этому времени договорились с типографией (помог обком партии) о выпуске внеочередного номера. Наутро «Киевский комсомолец» был первой вышедшей в свет газетой в столице Украины (республиканские газеты задержали официальные тассовские материалы). Мы, молодые журналисты, очень гордились этим номером. (Личный архив автора).

рабочий день, понедельник. О чем же шла речь? Однокашники, сослуживцы, соседи делились своими воспоминаниями; в который раз муссировалась легенда о том, что «Гагарин жив». Подробно рассказывалось о праздновании 75-летия в Гжатске: зрителям явно давали понять, что это дата местного значения.

Аналогичного характера были и передачи 12-го апреля 2009 года. Апофеоз – в программе «Сегодня» (НТВ) информация о Дне космонавтики заверстана предпоследней, а завершающий сюжет о том, что в Калининграде приготовили огромную «селедку под шубой», мальчишки бегают вокруг и радостно вопят: «День селедки! Сегодня день селедки!». Символично-кощунственно то, что «энтевешники», видимо, специально задумали так, чтобы у молодежи возникли непроизвольные ассоциации. В передачах телевидения ничего не было сказано об исторической (благодарной!) памяти соотечественников, об их гордости за подвиг Ю.А.Гагарина (или ее уже нет?), о стране – как, благодаря чему она смогла осуществить всемирно-исторический прорыв.[248]

Когда весной 2012-го года на конкурсе «Евровидения» второе место заняли «Бурановские бабушки», телеканалы в унисон восторгались, позиционируя данный факт как выдающийся. «Я могу говорить о вас только стоя, – восклицала заслуженная артистка России Н.Чепрага. – Вы сделали то, что можно сравнить разве что с полетом Гагарина в космос»... [249]

В программе В.Соловьева «Поединок» (16 мая 2013 г.) известный либерал Л.Гозман практически зачеркнул подвиг Ю.А.Гагарина, говоря о нем цинично-приземленно: а что он совершил? Один виток в космосе, тренировки, подготовка к старту, а затем ездил по всему миру – рекламировал какая хорошая страна Советский Союз...

С началом перестроечных времен в СМИ (в основном столичных) развернулась кампания развенчания, а порой и глумления над героями Великой Отечественной войны, – панфиловцами, молодогвардейцами, Зоей Космодемьянской и многими другими.

Происходит тотальная дискредитация российской и советской истории. Причем нередко основные действующие лица на телеэкране – ученые наподобие А.Н.Сахарова. Так, академик РАН Ю.Пивоваров называет Александра Невского «смрадным». Профессор МГИМО А.Зубов задается вопросом: маршал Жуков, который «сражался за Сталина и в конечном итоге обеспечил Сталину восстановление тоталитарного режима уже не только в России, но и в половине Европы, разве он не совершил предательство России?..» По Зубову выходит, что патриот России – это генерал Власов, воевавший на стороне фашистских захватчиков.

---

[248] Для сравнения: тогда же, в марте 2009 года (с разницей в 2 дня), СМИ с огромной помпой отмечали 75-летие Михаила Жванецкого. На протяжении недели на всех телеканалах ему было отдано в десятки раз больше эфирного времени и, конечно же, в вечернее время, в прайм-тайм. Видимо, нет необходимости говорить о несопоставимости этих двух юбилеев в истории и жизни страны – и в «зеркале» телевидения.

[249] «Россия-1». «Вести», 27 мая 2012 г.

Противостоят подобным тенденциям известные люди, правда, СМИ предоставляют им такую возможность, к сожалению, редко. Настоятель Сретенского монастыря, архимандрит Тихон (Шевкунов) считает, что не нравоучения и проповеди, а именно герои передают от поколения к поколению самые драгоценные базовые ценности народа: «Но что происходит сегодня? За примерами далеко не надо ходить, они все у нас на памяти за последние двадцать лет... С национальными героями расправляются без всякой пощады – от Александра Пушкина до Александра Матросова. Что делают с Жуковым?.. Александра Невского объявляют прихвостнем монголо-татар. Между тем общество, с благодарностью не почитающее своих героев, искажающее их подвиг, их идеалы, их память, правду о них, – обречено».[250]

Один из ближайших сторонников А.Чубайса, ныне директор по гуманитарным проектам Роснано Л.Гозман в телепрограмме «Поединок» приравнял советский СМЕРШ (военную контрразведку) к войскам СС. «Понятно, что за этим стоит, – считает ученый и писатель Святослав Рыбас. – Если объявленную в Нюрнберге преступной организацией СС приравнивают к части Красной Армии, победившей нацистскую Германию, то по этой логике такой же преступной должна быть названа наша армия, советские маршалы и генералы, Верховное главнокомандование, весь Советский Союз и его международные достижения, правопреемник которых – современная Россия».[251]

Хочется надеяться, что Государственная Дума, где рассматривается вопрос об уголовной ответственности за реабилитацию нацизма, осквернение памяти о Великой Отечественной войне, примет соответствующий закон.

Возвращаясь к приведенным выше примерам, мы вправе констатировать, что позиция телевидения несовместима с требованиями информационной идентичности, призванной формировать национальное самосознание, воспитывать чувство любви к Родине, гордости за ее достижения.

12-го сентября 2012 года В.В.Путин на встрече, посвященной проблемам воспитания, заявил о необходимости выработки государственной идеологии, основой которой должны быть: патриотизм, уважение к своей истории и традициям, духовным ценностям наших народов. Думается, такой поворот вызван двумя факторами: внутренним состоянием общества и становящейся все более напряженной и взрывоопасной международной обстановкой. К данной теме президент не раз возвращался и в последующих выступлениях, что вызвало некоторое замешательство в политической и медийной либеральной среде, а затем – и открытое сопротивление путинской концепции патриотизма как фундамента будущего страны. Да и как может либерал, исповедующий свободу без границ для самого себя, индивидуализм, эгоцентризм, согласиться с таким

[250] Архимандрит Тихон (Шевкунов). «Общество, не почитающее своих героев, обречено». // Лит. газета, 2013, № 9, 6-12 марта. Автор ставшей бестселлером книги «Несвятые святые и другие рассказы» (ее тираж превысил 1,1 млн. экз.).

[251] Рыбас Святослав. Глупость или измена? – «Лит. Газета», 2013, № 22, 29 мая–4 июня.

тезисом В.В.Путина: «Быть патриотом – значит не только с уважением и любовью относиться к своей истории, хотя, безусловно, это очень важно, а, прежде всего, служить обществу, стране».[252]

В либеральных масс-медиа (в частности, в теле- и радиоэфире) в адрес сторонников патриотического воспитания зазвучало вытащенное из недр прошлого обвинение в «квасном патриотизме». То же самое происходило и во второй половине 30-х годов XX в., когда государство совершило решающий радикальный поворот в сторону русского и сплотившего все народы страны советского патриотизма, жестко (и жестоко!) устраняя «пятую колонну» из числа тех, для кого Россия была лишь щепкой для разжигания пожара «мировой революции».[253]

Историческая грань информационной идентичности

В 20-х годах история как школьный предмет была заменена обществоведением. Инициатор такого новшества руководитель Государственного ученого совета Института истории М.Н.Покровский «прославился» афористической формулой: «История есть политика, опрокинутая в прошлое...» Таким образом во имя интересов мировой революции зачеркивалась тысячелетняя история России. В последние четверть века ситуация повторяется зеркально: нынешние покровские по своим политическим, идеологическим мотивам с таким же рвением, если не более жестко и массированно, учитывая насыщенность и мощь современных масс-медиа, стремятся очернить, исказить и попросту выбросить из отечественной истории советский период. Главный «научный» аргумент: отключение России от единственно возможного, по их мнению, западноевропейского цивилизационного пути.

Новая политическая элита исходит из небывалой установки на необратимый разрыв непрерывности истории, полное отрицание культуры и ценностей нескольких прежних поколений. За годы реформ усилиями «перестроившихся» историков, политологов, журналистов либерально-ориентированных СМИ была создана и продолжает подпитываться серия пропагандистских мифов о ключевых для России событиях XX века.

---

[252] Цит. по: Лазарев Лев. Гитары, баяны, гармонии... – «Завтра», 2013, апрель–май, № 18.

[253] Приведем наглядный пример. Когда в 1938-ом году Всеволод Вишневский опубликовал роман-фильм «Мы – русский народ», обрушился шквал критики в адрес автора – «квасного патриота» («Литературная газета», «Красная новь» и другие издания). Почему? Это было талантливое произведение о первых боях рождающейся Красной армии, о разгроме интервентов (немецких оккупантов); центральная идея – многовековая борьба русского народа за независимость Отечества. Если бы был поставлен фильм, он скорее всего встал бы в один ряд с «Александром Невским» С.Эйзенштейна. Однако либеральные критики добились своего: киностудия расторгла договор с писателем.

См. Хелемендик Виктор. Всеволод Вишневский. – М.: «Молодая гвардия», Серия «Жизнь замечательных людей». 1980. С. 251-265.

Миф 1. «Октябрьская революция – катастрофа для России».

Разоблачению и опровержению этого мифа посвящены труды крупных отечественных историков: Н.Н.Яковлева, И.Я.Фроянова, В.В.Кожинова, С.Г.Кара-Мурзы, Ю.Н. Жукова и ряда других. Их книги опубликованы, не один раз переиздавались.

Все эти авторы солидарны в главном: на перекрестке исторического пути России предстояло сделать выбор: либо идти по западному, буржуазному направлению, либо по неизведанному пути, чтобы (вспомним Ф.М.Достоевского, – «принести новый свет миру»). Так и произошло: была создана новая, советская цивилизация. Можно было бы привести цитаты из трудов названных ученых. Но, как нам представляется, здесь уместно предоставить слово другой стороне – видному политическому деятелю 1917-го года – министру Временного правительства, лидеру партии кадетов, а затем русской эмиграции П.Н.Милюкову, который в 1943 г. опубликовал в газете «Русский вестник» статью под названием «Правда о большевизме». В этой статье Милюков отвечал своему оппоненту – правому эсеру М.Вишняку, который назвал перемены в России «провалами»: «Признаем ли октябрьскую революцию 1917 года настоящей революцией в полном смысле этого слова? Французская[254] и английская революции имели такой же характер, и были, несмотря на свою разрушительную функцию, признаны не «эпизодами», а органической частью национальной истории (подч. – В.Х.)». И далее: «За разрушительной стороной русской революции нельзя не видеть ее творческих достижений. Мало того: это значит – игнорировать связь русского революционного творчества с русским прошлым»...[255] Глубокая мысль: Октябрьская революция – не случайность, не эпизод, не катастрофа, а результат многовековой борьбы русского народа за социальную справедливость.

На наш взгляд, это достойный и убедительный ответ сонму нынешних либеральных политиков и журналистов относительно сущности и значения Октября 1917 г.

Миф 2. «Гражданскую войну развязали большевики»

Как свидетельствует история, гражданские войны начинают те, кто потерял власть в стране. Россия – не исключение. «Гражданские войны, – утверждал Питирим Сорокин, – возникали от быстрого и коренного изменения высших ценностей в одной части данного общества, тогда как другая либо не принимала перемены, либо двигалась в противоположном направлении. Фактически все гражданские войны в прошлом происходили от резкого несоответствия высших ценностей у революционеров и контрреволюционеров».[256]

---

[254] Во Франции невозможно представить, чтобы День взятия Бастилии – национальный праздник – был отменен, как это произошло в России с Днем 7 ноября.

[255] Цит. по: Кузнецов И.В. История отечественной журналистики (1917-2000). – М.: Флинта: Наука, 2002. С.314.

[256] Сорокин П.А. Причины войны и условия мира. // М.: Социс, 1993, № 12. Первая публикация – 1944 г.

Так было во времена Французской, а также Февральской и Октябрьской революций в России. Победившие в Феврале политические партии – кадеты и их союзники – предложили обществу импортные – буржуазные (теперь их обычно называют либеральными) ценности, которые по существу были диаметрально противоположны традиционным православным ценностям. Победившие в Октябре большевики предложили в виде лозунгов и деклараций пока еще не оформившиеся новые ценности, которые в своей сердцевине были близки к традиционным ценностям народов России. И они их приняли.

Исход гражданской войны был предопределен именно данным обстоятельством. Однако научный подход обязывает учитывать и огромную роль внешних сил: ведь главной задачей стран Антанты было расчленение, уничтожение России, а основными исполнителями стали выдвинутые политическими силами Февраля руководители Белого движения. Снова обратимся к источнику, которого также трудно заподозрить в симпатиях к Советам. Великий князь Александр Михайлович (Романов) незадолго до смерти (1933 г.) издал «Книгу воспоминаний», в которой так писал о времени Гражданской войны: «Положение вождей Белого движения стало невозможным. С одной стороны, делая вид, что они не замечают интриг союзников (которые надеялись одним ударом убить и большевиков и возможность возрождения сильной России), они призывали к священной войне против Советов; а с другой стороны стоял не кто иной как интернационалист Ленин, который в постоянных выступлениях не щадил сил, чтобы протестовать против раздела Российской империи».[257] Необходимо дополнение: В.И.Ленин не только выступал, но и руководил вооруженной борьбой за сохранение единства Российского государства, борьбой, которая, несмотря ни на что, завершилась победой.

Именно в этом ключе размышлял в середине 30-х годов и Н.А.Бердяев: «Большевистская революция путем страшного насилия освободила народные силы, призвала их к к исторической активности». Что же касается конкретно Октября 17-го года, то ему, по Бердяеву, *не было альтернативы,* ведь возникла необходимость в «собирании» государства, находящегося под угрозой распада. Тогда большевики были единственной силой, противостоящей внешним опасностям.[258]

Миф 3. «Руководители Белого движения – патриоты России»

Либеральные СМИ, особенно телевидение, в последние годы создают образы генералов Белого движения как истинных героев России. Фильм «Адмиралъ», десятки телепередач, статей посвящены А.В.Колчаку, подробно рассказана его биография. Но вот почему-то полностью замалчиваются общеизвестные факты: адмирал Колчак с июня 1917 года до осени 1918 года находился в Соединенных Штатах Америки, видимо

[257] Цит. по: Кара-Мурза Сергей. Русский коммунизм. Теория, практика, задачи. – М.: 2013. С.130.
[258] См.: Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М.: 1990. С. 12, 197.

стажировался, затем тайно побывал в Лондоне, поступил на службу его Величества короля Великобритании. Именно на Колчака страны Антанты сделали основную ставку – не случайно финансовая поддержка его армий была самой существенной, хотя, конечно, и поход Деникина на Москву был бы немыслимым без западных ассигнований.

Много пишут в СМИ о «красном терроре», но практически ничего о «белом терроре». В начале 90-х годов публиковались выдержки из приказа Главнокомандующего Добровольческой армией генерала М.В.Алексеева о том, что «красных в плен не брать, расстреливать на месте». Кратко о терроре под руководством «новоявленного героя России»: «По официальным данным только в Екатеринбургской губернии армия Колчака уничтожила не менее 25 000 мирных жителей; в Кизеловских копях было расстреляно и погребено заживо 8 000 человек».[259] Такими кровавыми расправами ознаменован весь боевой путь дивизий Колчака. Об этом свидетельствует сохранившийся документ – меморандум командования Чехословацкого корпуса «союзным державам» от 13 ноября 1919 года: «Под защитой чехословацких штыков местные военные русские органы (то есть колчаковские власти – В.Х.) позволяют себе такие дела, от которых весь цивилизованный мир придет в ужас. Выжигание деревень, убийство русских мирных граждан целыми сотнями, расстрел без суда людей исключительно только по подозрению в политической нелояльности составляют обычное явление, а ответственность за все это перед судом народов падает на нас за то, что мы не воспрепятствовали этому бесправию».[260]

А теперь приведем мнение постоянного (и любимого!) эксперта телевизионных каналов, члена-корреспондента РАН А.Н.Сахарова (в прошлом – работника аппарата ЦК КПСС, высокопоставленного государственного чиновника): «Я, как историк, буду делать все, чтобы вернуть народу дух этих людей – Деникина, Корнилова, Колчака – их большую *человеческую честность*»... (Это эмоциональное обещание прозвучало в программе В.Соловьева «Поединок» (19 мая 2006 г.). Да, наверное историк-академик, мягко говоря, не знаком с меморандумом белочехов потому и попытался совместить массовый белый террор Колчака с его «большой человеческой честностью», но ведь «Очерки русской смуты» самого А.И.Деникина наверняка читал, а там есть и такое признание: «Мрачная бездна морального падения (насилие и грабежи) пронеслись по Северному Кавказу, по всему Югу, по всему российскому театру гражданской войны, творимая красными, белыми, зелеными, пополняя новыми слезами и кровью чашу страданий народа...».[261]

Знать бы журналистам такие исторические свидетельства, не только знать, но и иметь мужество их публиковать.

---

[259] Бесова Евгения. За други своя. Православие и социализм. – «Завтра», 2002, май, № 19.
[260] Там же.
[261] См.: Деникин. Юденич. Врангель. – М.: 1991. С.62.

Миф 4. О «развале» СССР

В либеральных печатных и электронных СМИ, а также в близких им по идеологии научных публикациях как само собой разумеющееся пишется и вещается: Советский Союз «развалился» из-за «коллапса» экономики, СССР был «колоссом на глиняных ногах». Самый свежий пример: режиссер Иосиф Райхельгауз в программе «Поединок» (30 мая 2013 г.) «авторитетно» утверждает: «Крах был неизбежен», «Экономика СССР была на нуле». Что подобные утверждения некорректны с точки зрения науки, подтверждают многие современные исследования, исчерпывающе доказывающие, что экономических причин для саморазрушения страны не было. Однако снова прибегнем к уже испробованному в данной брошюре приему – приведем оценку, если можно так сказать, из уст первоисточника. Об истинных причинах и мотивах рукотворно-целенаправленного *разрушения* советской страны откровенно, с удовлетворением и чувством исполненного долга поведала миру в ноябре 1991-го года на заседании американского нефтяного института Маргарет Тэтчер – полноправный «созидатель»[262] данного процесса: «Советский Союз – это страна, представлявшая серьезную угрозу для Западного мира. Я говорю не о военной угрозе. Ее в сущности не было. Наши страны достаточно вооружены, в том числе и ядерным оружием. Я имею в виду угрозу экономическую (подч. – В.Х.). Благодаря плановой экономике и своеобразному сочетанию материальных и моральных стимулов Советскому Союзу удалось достигнуть высоких экономических показателей. Процент прироста валового национального продукта у него был примерно в 2 раза выше, чем в наших странах. Если при этом учесть огромные природные ресурсы СССР, то при рациональном ведении хозяйства у Советского Союза были вполне реальные возможности вытеснить нас с мировых рынков».[263] Комментарии излишни: все предельно четко и ясно – «колосса на глиняных ногах» не было.

Здесь речь идет о прямых фальсификациях истории. Но существуют и более тонкие, изощренные способы манипулирования сознанием читателей, зрителей, слушателей.

Либеральные масс-медиа посредством рекламы создают постоянную атмосферу ироничного, пренебрежительного и даже враждебно-разрушительного отношения к прошлому страны и к традиционным ценностям (в США, кстати, это невозможно). Всякая реклама имеет целью не только нечто рекламировать, но и уничтожать (принижать) прежние или конкурирующие ценности. Н.Д.Никандров приводит убедительные факты: «Например, с явным намеком на одну из песен о Ленине под соответствующую мелодию поется: «Олби всегда живой, Олби всегда с тобой, Олби в тебе и во мне». С трудом представляю, как пластиковая кредитная карточка может быть «в тебе и во мне»... Но это, конечно, не главное: важно, что *попутно* осмеивается один из

[262] После встречи с М.С.Горбачевым в 1984 году М.Тэтчер (член теневого мирового правительства) объявила всем: «С этим человеком можно иметь дело». Западу, разумеется. И она, увы, не ошиблась.

[263] Цит. по: С.Карнаухов. Роковой разворот назад. – «Сов. Россия», 19 августа 2010 г.

символов «старых», «отживших» ценностей, и это, по представлению авторов (и особенно заказчиков), должно быть смешно». И еще пример: «Реклама напитка «Браво» по телевидению: «Браво» на отдых и «Браво» на труд».[264] А здесь уже налицо прямое издевательство: право на труд, как и на отдых, в сегодняшней России не гарантировано.

Миф 5. «Россия должна покаяться за советский период своей истории».

Президентство Д.А.Медведева было ознаменовано прямой поддержкой неолиберализма со стороны первого лица государства, что придало новые импульсы либеральным масс-медиа. В 2011-ом году в президентском окружении был подготовлен и выдвинут проект «десталинизации» («десоветизации»), главной целью которого была «модернизация сознания», что в переводе на обычный язык означает вытравление русского неприятия капитализма и признание как базовой социальной несправедливости. Агентство по социально-культурным исследованиям общества провело с 6-го по 22-ое апреля 2011-го опрос, в котором приняло участие 36 014 человек в 1732-х населенных пунктах в 77-ми областях, краях и республиках России. На вопрос: «Если бы в стране решили провести общенародный референдум и спросили: «Нужно ли в России осуществлять программу, предполагающую признание Советского Союза преступным государством, осуществляющим геноцид собственного народа и виновным в развязывании Второй мировой войны, то как бы Вы ответили: НЕТ – 89,7%; ДА – 9,6%. Десятикратный перевес».[265] Когда В.Соловьев приглашает в свою программу «Поединок», например, А.Проханова и кого-то из либералов, зрители, как правило, отдают победу государственнику и патриоту Проханову с преимуществом в 3-4 раза.

Думается, всем памятен проект «Имя России». Тот, кто смотрел финальную передачу, не мог не заметить, что за несколько минут до объявления результатов голосования из-за технической небрежности на экране появился неоткорректированный итог – на первом месте был И.В.Сталин, затем он был отодвинут на третье место.

19-22-го апреля 2013-го года социологический центр Ю.Левады провел представительный опрос 1601 россиянина об отношении к лидерам страны. Вот результаты: положительное отношение к В.И.Ленину – 55%; к И.В.Сталину – 50%; к М.С.Горбачеву и к Б.Н.Ельцину – по 22%. И это несмотря на последовательную, системную антисоветскую пропаганду в СМИ и особенно на телевидении, которая длится уже 25 лет.

Осмысливая феномен притяжения И.В.Сталина для населения России, даже убежденный либерал, писатель М.Веллер в принципе верно объясняет это тем, что в нем содержится персонификация трех главных идей, потребность в которых и сегодня очень сильна: «Это идея социальной справедливости, идея величия страны и идея личной скромности правителя и сурового наказания всех, начиная с самого верха, кто раскрадывает страну и вредит ей. Поэтому на самом деле в интересах сегодняшнего

[264] Никандров Н.Д. Россия: ценности общества на рубеже XXI века. – М.: МИРОС, 1997. С. 58-59.
[265] Цит. по: Фурсов А. Десталинизация: тайные коды. – «Завтра», 2011, май, № 19.

государства – стереть память обо всем хорошем, что было в Советском Союзе, оставив только плохую половину. Стереть память о том, что в оркестре, каковым был советский народ, Сталин играл роль дирижера. А говорить о том, что оркестр прекрасно сыграл симфонию, а дирижер здесь не при чем – все-таки смешно».[266]

Печатные федеральные издания в своем большинстве, к сожалению, придерживаются либерального взгляда на отечественную историю. Исключение – левые оппозиционные издания, «Литературная газета», «Аргументы и факты», о которых есть смысл сказать особо. Популярность, огромный тираж еженедельника АИФ обеспечиваются стремлением придерживаться принципа (пусть не всегда он реализуется): по каждой политически, социально, научно значимой проблеме редакция предоставляет слово авторам, чьи взгляды существенно разнятся или даже являются противоположными, – тем самым проявляется желание редакции достигать объективности отражения как сегодняшнего, так и прошлого.

Совсем иное – по сравнению с либеральными федеральными изданиями – отношение к различным периодам истории мы видим на страницах региональной печати.

Специальный номер журнала «Культура. Искусство. История. Даты» посвящен 765-летию победы Александра Невского на Чудском озере. Издатель и журналист, художник-дизайнер Александр Оглоблин в статье «В моей душе имя твое» проникновенно выразил свое глубоко личное восприятие образа Святого князя: «Храню частицу памяти об одном из великих сынов России и передаю ее своим внукам. Это и есть мое главное служение в быстротечном мире. Верю, что и они через всю свою жизнь пронесут свою любовь к своим матери, отцу, близким, к России и ко всем, кто любит Россию».[267] Многие годы А.Оглоблин собирал предметы медальерного икусства, графики, книги об Александре Невском, и на страницах журнала воспроизведены репродукции редких икон, медалей, крестов, марок, которые в совокупности дают представление о художественном воплощении его образа в нашей культуре.

Автору данной брошюры в свое время довелось проанализировать достаточно много материалов, посвященных 65-летию Победы. Из этих публикаций логически следует: в войне победил советский народ, советский человек. И не вопреки, как истерически твердят либеральные СМИ, а благодаря социальной системе.

В «Свободной газете», например, напечатаны воспоминания под заголовком «Мы все – войны шальные дети...» Сегодня они (эти дети) – люди преклонного возраста, а тогда ученица начальной школы, выступала вместе с одноклассницами с концертами в госпиталях: танцевали «яблочко», пели песни, читали стихи. И впечатляющая сегодня подробность: всегда начинали и заканчивали гимном...

---

[266] Веллер Михаил. Чего хочет народ? – «Аргументы и факты». – М.: 2013, №8.
[267] Журнал «Культура. Искусство. История. Даты». – Курган. 2007, № 5. С.1.

В этом номере[268] целый разворот посвящен сочинениям школьников, в которых зримо, весомо раскрываются приметы советской жизни, их юные авторы пытаются понять, как жили их родные бабушки и дедушки – в труде, творчестве, созидании и в бою, – ведь сегодня ни из учебников, ни из программ телевидения этого не узнать. Таким образом у молодежи формируется адекватное отношение к истории, передается и сохраняется историческая память.

Крупный русский философ и мыслитель Н.Ф.Федоров отстаивал «родственно-отеческую» нравственность, уважение к старикам, преемственность поколений. Он словно предвидел то, что происходит в «новой» России, где СМИ формируют «сознание превосходства живущих над своими предшественниками и младших над старшими, превращаемое ими в «подножие» для своего возвышения; забвение той несомненной истины, что прошедшие поколения передали нам все – от жизни до материальной и духовной культуры. Буржуазная теория прогресса «делает отцов и предков подсудимыми, а сынам и потомкам дает суд и власть над ними: историки – это судьи над умершими ... а сыны – судьи над еще не умершими».[269]

Перестроечные печать и телевидение начали вершить суд «над еще не умершими» с начала перестройки. «Учительская газета», к примеру, пропагандировала концепцию «педагогики сотрудничества», в которой утверждалось равенство ученика и учителя в учебно-воспитательном процессе, а затем на первый план выступил сам ученик, для учителя же главным педагогическим средством оставалась лишь «любовь к детям». В теоретическом плане это означало возрождение модных в 20-е годы идей свободного воспитания, забвение (отрицание) наследия классиков отечественной педагогики (К.Д.Ушинский, Л.С.Выготский, А.С.Макаренко, В.А.Сухомлинский). Так, Л.С.Выготский рассматривал в органическом единстве триаду воспитательного процесса: ребенка (1), социальной среды (2), учителя (3). Учитель не равный с учеником, на его долю выпадает (наряду с социальной средой) активная роль.[270]

В конце 80-х годов адресованная молодежи телепрограмма Э.Сагалаева «Двенадцатый этаж» (ЦТ) характеризовалась ярко выраженной агрессивностью и преследовала главную цель – противопоставление поколений: юным, неокрепшим умам навязывалась, внушалась мысль о том, что их отцы и деды прожили жизнь зазря, не так. А вот у них, подростков, старшеклассников все будет по-другому.. Любопытен был бы социологический опрос участников тех передач сегодня, четверть века спустя о том, сбылись ли сагалаевские заверения о светлом будущем в их жизни...

В заключение напомним письмо А.С.Пушкина к Чаадаеву: «... Я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя, как литератора – меня раздражает, как человек с предрассудками – я оскорблен, – но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел

---

[268] «Свободная газета», г. Балаково Саратовской области. – 4 мая 2010 г.
[269] Федоров Н.Ф. Сочинения. – М.: 1982. С. 35, 79.
[270] Выготский Л.С. Педагогическая психология. – М.: «Педагогика», 1989. С.87.

бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков такой, какой нам Бог ее дал». Если журналисты принимают историю именно так, не меняют ее в угоду господствующей идеологии и политике, а отражают объективно и всесторонне, значит историческая грань информационной идентичности в их деятельности реализуется.

Языковая грань информационной идентичности

В истории России уже были периоды языковой экспансии (в XVIII в. – немецкого, в XIX в. – французского языка). Однако тогда она затрагивала исключительно господствующие слои и практически не влияла на жизнь русского языка.

Сегодня складывается совершенно иная ситуация: в рамках осуществления проекта глобализации на планете в конечном счете должен остаться один, единый для всех язык – английский: «Общепринятый язык как универсальное свойство общения и коммуникации в современном мире все больше становится не прихотью, но велением времени и необходимым условием глобализации».[271] Да, если глобализацию понимать исключительно как вестернизацию.

Происходит вытеснение национальных языков (точнее, их разрушительная трансформация), данный процесс захватывает не только правящую элиту, но и все население страны, а это является посягательством на общенародный статус языка. И здесь решающую отрицательную роль играют СМИ: периодические издания, теле- и радиовещание, интернет-журналистика.

Можно определить несколько направлений «модернизации» русского языка:

– неоправданная массированная замена целых пластов коренных русских слов иностранными заимствованиями, в основном из английского языка;

– стремительное распространение (затрагивающее все более широкие слои населения) всевозможных жаргонов, сленгов, включая блатную «феню» и «олбанский» интернет-жаргон;

– обеднение лексики, снижение обыкновенной грамотности письменного и разговорного языка.

Президентским указом 2007 год был объявлен Годом русского языка, однако язык наших медиа с того времени если и изменился, то в худшую сторону. И только региональные периодические издания, в которых, в основном, еще сохраняется чистый, грамотный русский язык, осознали актуальность данной проблемы.

В архангельской областной газете «Волна» с 2002-го года публикуется тематическая полоса «Говорим по-русски» (периодичность один раз в полтора месяца). В одном из выпусков[272] о современном состоянии и судьбах русского языка, о конкретных действиях в его защиту говорили епископ Архангельский и Холмо-

[271] Новая Российская Энциклопедия. – М.: 2008. Т.4. Кн.2. С.416.
[272] «Волна» (г. Архангельск). – 2007, 10 апреля.

горский Тихон, вице-губернатор М.Ситкин, преподаватели школ и вузов.

Язык – живой организм, он всегда находится в движении, в развитии. Чем же обогатился русский язык в последние десятилетия? «Новых слов много, но какие это слова? Бабки (в значении деньги), байк (мотоцикл), башлять, бобипирсинг, бойфренд, виповский, гей-клуб, имиджмейкер, китчмен, клипмейкер, ксивник, лэйб, ништяк, пиарить, пофигист, прикид, рэппер, секс-шоп, секстренинг, секьюрити, тинэйджер, транссексуал, тусоваться, хавальник – и так далее в том же роде... Наемный убийца для журналистов оказывается слишком грубым, а вот «киллер» в самый раз. Или по радио многократно повторяется реклама:

«Мы позиционируем свой бренд в секторе хай-мидл-класса» – не сразу догадаешься, что речь идет о каком-то сорте кофе...»[273]

Е.Галимова определяет векторы кризисных вирусно-разрушительных явлений в языковой стихии:

– иностранные слова, отражающие несвойственные русской традиции и зачастую весьма отвратные реалии;[274]

– современный жаргон, мутными потоками заливающий языковое пространство России, испытывает сильнейшее воздействие воровского арго и несет идеологию бездуховности, индивидуализма и потребительства, разъединения и отстранения людей друг от друга («отвали», «отвянь»).

Основную лепту в порчу языка, во многом формируя «вкусовой язык эпохи», вносят средства массовой информации, общий тон текстов которых зачастую иронический, скептический, иногда издевательский, считает доцент Поморского университета Т. Сидорова: «Наблюдается падение общей культуры, отсутствие такта и речевого воспитания журналистов. В их статьях доминирует речевая агрессия – целенаправленное коммуникативное воздействие, ориентированное на то, чтобы вызвать негативно-эмоциональное состояние у читателя, телезрителя, радиослушателя».[275] Автор приводит данные исследования о немотивируемом использовании иноязычных слов, жаргона, вульгарной лексики. Например, в одном пятнадцатиминутном выпуске теленовостей употреблено 29 иностранных, 76 просторечных и сниженной окраски слов: «оттянуться со вкусом», «клевый», «крышеватель», «наезжать», «глючит», «не дай себе засохнуть», «идиот в погонах», «Гулливер был еще тот ходок – трахал и лилипуток, и гигантесс...» и т.п. В заключение сделан важный вывод: «В языке выражается не только образ жизни речевого коллектива, но и качество социальных отношений, пересмотр общественных приоритетов. Тот язык, на котором говорят сейчас СМИ, не может формировать личность, действующую по собственной воле

[273] Елена Галимова, профессор Поморского университета. «Мне страшно подумать, что моим детям был бы непонятен мой язык»... Там же.

[274] В этом плане «отличился» и год 2012 – теперь каждый россиянин знает слово «пусси»...

[275] Татьяна Сидорова. «СМИ нами манипулируют». «Волна». 2007, 10 апреля.

и мыслящую самостоятельно, с сознанием своей моральной ответственности перед другими».[276]

В публикациях тематической полосы газеты «Волна» содержится не только глубокий анализ состояния русского языка, но и конкретные предложения в его защиту, адресованные органам законодательной и исполнительной власти: разработать закон о недопустимости сквернословия в общественных местах; создать экспертно-консультативный совет по русскому языку при администрации области и мэрии Архангельска, организовывать районные и областные фестивали, конкурсы, праздники, посвященные русскому языку, устраивать регулярные встречи детей и молодежи с писателями и др.

Состоянием русского языка обеспокоены и некоторые другие местные издания. В редакцию «Свободной газеты», например, пришло письмо – крик души (и отклик на предшествующие публикации) пожилой женщины, которая потрясена «надругательством над языком: да здесь матом не ругаются, а, как в том анекдоте – на нем разговаривают».[277] Рядом на полосе под рубрикой «Слово – основа жизни» опубликована статья профессора, заслуженного врача РФ Н.Емельченко, где с привлечением результатов медицинских исследований убедительно доказывается, что «мат, по сути,– заклинания, которыми человек вызывает и навлекает на себя темные бестелесные силы: нарушая внутреннюю среду организма, они вызывают развитие болезней. И вместе с тем, грубая лексика – это и отношение людей к состоянию общества, мат – это болезнь души, злость народа на происходящие события».[278]

В языковой стихии наблюдается еще одна тревожная тенденция: не только снижается количество коренных русских слов, но и корректируется их семантика.

Три-четыре десятилетия назад странно было бы слышать и читать «успешный человек», «успешность» – слова, которые ныне заполонили СМИ, а через них прочно вошли в письменную и разговорную речь. Классик отечественной литературы В.Г.Распутин, чьи произведения явили нам богатство и красоту русского языка, рассмотрел этимологию данных слов: «Вглядимся в это слово – «успешность». Поспешать, успех, успешность, даже приспешник – все это однокоренные слова, слова одного лексического гнезда. «Успех» у Даля в середине XIX века понимался как достижение желаемого. Но академик В.В.Виноградов в своей работе «История слов» отмечает, что в XVI–XVIII веках успех имел значение поспешности. Иметь успех означал иногда сорвать куш. Затем слово сняло с себя отрицательный смысл. А вот «поспешность» до сих пор не оторвать от поговорки «Поспешишь – людей насмешишь». «Поспешность», «успешность» как были так и остаются родными братьями, только первое несет в себе

[276] Там же.
[277] А.Афонина. Два полюса культуры. – «Свободная газета»: г. Балаково Саратовской обл. 2007, 17 июля.
[278] Н.Емельченко. Мат – убийца. Там же.

физическое действие, а второе – *нравственное*, вернее, *переступающее нравственные законы*».[279]

Огромная частотность употребления слова «успешность» объясняется значимостью в ценностном отношении для многих (но не для большинства!) старинного семантического аспекта – «сорвать куш»... Очевидно, что внедряемое понятие «успешность» чаще всего отделено от понятия «труд». Мало того, в СМИ, в рекламе они противопоставляются: «Хватит работать, пора зарабатывать! Освой профессию «трейдер» на финансовых рынках. И тут же рядом, на экране – радостное лицо: «Я зарабатываю на разнице курсов валют». Подобная «успешная» реклама – это разрушение здоровой трудовой морали.

Проблемы русского языка в СМИ постоянно рассматриваются на страницах «Литературной газеты». Так, в статье «Фальшивые копии»[280] доказывается, что для многих тележурналистов русский язык не является какой-либо ценностью: элементарные грамматические ошибки стали нормой. К примеру, корреспонденты и ведущие федеральных каналов ошибаются в эфире с родом глагола при числительных *не реже одного раза в минуту* («множество проблем былИ решенЫ, двадцать домов разрушенЫ»). Массовый характер этой ошибки (помимо простой неграмотности) имеет лингвистические корни, которые покоятся отнюдь не в русской языковой традиции. Это – типичный англицизм, присущий языку с деградированной грамматикой. Автор, процитировав ряд других «благоглупостей» (типа «масляное масло»), предлагает брать пример с редакций ведущих германских газет и телекомпаний, где на самых видных местах размещены плакаты «Говорите по-немецки»: в них настоятельно рекомендуется избегать латинизмов и англицизмов.

Приведенные примеры наглядно иллюстрируют, как газеты, борясь за чистоту и грамотность русского языка, могут реализовать требования языковой грани информационной идентичности. К сожалению, кризисным состоянием русского языка озабочены пока лишь немногие отечественные средства массовой информации.

Нравственно-ценностная грань информационной идентичности

Как было отмечено выше, в начале XXI в. в России бытуют три группы ценностей: либеральные, религиозные и ценности советской цивилизации.

Социалистическая идея в нашей стране была поддержана большинством населения потому, что воплощала в себе извечное, глубинное стремление русского народа к социальной справедливости, несущей возможность счастливой земной жизни для всех людей, а также к солидарности (общинности) как сердцевины славянской цивилизации. Историческое родство и преемственность, близость советской и христианской (пра-

[279] Распутин Валентин. Эти двадцать убийственных лет. Беседы с Виктором Кожемяко. – М.: 2012. С. 247.

[280] Роман Газенко. «Фальшивые копии» // Литературная газета. – 2012, 12-18 сентября.

вославной) морали легко прослеживаются при непредвзятом сопоставлении текстов Нагорной проповеди и Морального кодекса строителя коммунизма.

Возьмем такую ценность, как труд: «Добывай хлеб в поте лица своего» и «Тот, кто не работает, тот не ест». Известная евангельская притча о том, что Иисус Христос сурово осудил того, кто, не пожелав трудиться, зарыл свой талант в землю, напрямую созвучна с изначально предложенными обществу императивами советской социальной системы.

В дневниках М.М.Пришвина есть удивительная, важная для нас запись (январь 1919 г., в то время писатель был противником нового строя). Пришвин беседовал с одним большевиком о коммунизме в присутствии постороннего мужика: «Долго слушал нас человек мрачного вида, занимающийся воровством дров в казенном лесу, и сказал: «Я против коммуны, я хочу жить на свободе, а он мне: «Товарищ, вставай на работу!».

Ни в одном катехизисе либерализма мы не обнаружим ценность «труд», там, как известно, другой состав: частная собственность, материальное богатство, индивидуализм и, конечно, свобода, о которой мечтал вороватый мужик.

Право на труд и обязанность трудиться были закреплены в Конституции СССР. И, что самое главное, были гарантии реализации этого права. В стране созидающей, работающей, думающей о завтрашнем дне лучшие люди из всех сфер жизни – производственной, научно-технической, интеллектуальной, культурно-образовательной – получали общественное признание, становились в прямом смысле героями – Героями Социалистического труда, их портреты не сходили со страниц газет и журналов, экранов телевизоров.

Сейчас эти традиции советских СМИ по преимуществу сохранились в региональных – республиканских, краевых, областных и районных газетах, теле- и радиопрограммах: человек труда, создатель материальных, интеллектуальных благ в них по-прежнему занимает значительное место.

До сих пор либеральные политики и журналисты вменяют в вину советскому обществу, что в нем каждому надо было честно и ответственно трудиться. И вот сегодня, спустя четверть века с начала реформирования, оказывается, что труд перестает быть ценностью для многих граждан страны.

Настоятель Троице-Васильевского храма отец Сергий (Крючков), духовно окормляющий заключенных, так размышляет о своей пастве: «Если раньше большинство было люди-умельцы, то сейчас таких не найдешь. Те, кто сидит сейчас в тюрьме, в основном люди, привыкшие к праздности и живущие по принципу «Бери от жизни все». И очень жестокие. Особенно женщины. В наше время происходят глубинные процессы распада человека».[281] Это, на наш взгляд, знаковое наблюдение: перемены в ценностных ориентациях – во многом благодаря СМИ – видны и на самом дне общества.

[281] Андрей Грядунов. «Сойди душою в ад и не отчаивайся». – «Красная строка». Аналитический еженедельник, г. Орел. 2008, № 10, 19 марта.

Одна из коренных ценностей Православия – социальная справедливость, определяющая отношение к богатству и социальному расслоению в обществе. Творец, создавая Землю, хотел, чтобы она была общим достоянием: солнце, воздух, земля, вода дарованы всем. Главными противниками Христа были те, кто стремился к наживе – не зря же он выгнал ростовщиков из Храма; основное противоречие – между стяжательством и жизнью, полезной обществу. Господь сформулировал это противоречие с великой ясностью в словах: «Не можете служить одновременно Богу и Мамоне».

В советской цивилизации была устранена основа социального неравенства – частная собственность, т.е. не абстрактные призывы и пожелания, а законы общественного строя исключали накопление богатства, передачу его по наследству и определяли *социальную справедливость как высшую ценность.* У подавляющего большинства населения была уверенность в завтрашнем дне: гарантированная работа и зарплата, бесплатные образование и медицина. Каждый гражданин получал свою долю ренты от общенародной собственности (промышленные предприятия, полезные ископаемые – каменный уголь, нефть, газ и т.д.) в виде социальных выплат, которые составляли 1,5 фактической заработной платы в деньгах (оплата жилья, транспорта, электроэнергии, телефона и др.).

По предложению Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II темой Всемирного Русского Народного Собора (март 2007), стала главная проблема современной России: как преодолеть огромную пропасть между богатыми и бедными.[282] Это знаковое событие, к сожалению, осталось практически незамеченным федеральными СМИ – о нем умолчала печать, телевидение, радиовещание.

А вот многие региональные издания не только сообщили о Соборе, но и опубликовали материалы, посвященные обсуждаемым на нем проблемам. Приведем типичный пример. Журналисты тамбовской газеты «Знамя» попросили читателей выразить свое мнение о богатстве и бедности в России. Основной смысл высказываний (в разговоре приняли участие представители местной власти, директор школы, охранник одного из частных предприятий, бакалавр религиеведения, пенсионеры и др.) сводился к следующему: истинная беда – бедность, в т.ч. духовная. Пути преодоления кризиса: «экономическое развитие регионов, ликвидация безработицы»; «налоговое законодательство надо изменить в пользу малоимущих»; «такого не должно быть, когда колоссальной прибылью от продажи природных богатств пользуется узкий круг лиц»; «миллиарды Стабилизационного фонда следует направить на развитие сельского хозяйства и социальную сферу»; «медвежью услугу оказывают средства массовой информации, когда с экранов телевизоров, страниц газет и журналов пропагандируют культ денег, – в результате чего говорить с молодыми о моральных ценностях довольно сложно».[283]

---

[282] По статистическим данным к началу 2007 г. доходы 10-ти процентов самых богатых людей в России превышали доходы 10-ти процентов самых бедных в 16 раз.

[283] «Богатство и нравственность». – «Знамя» (г. Тамбов). 2007, 14 марта.

Отметим, что спустя шесть лет названные здесь проблемы приобрели гораздо большую остроту и актуальность.

Таким образом районная газета – самая близкая к читателям, – обнародовав спектр мнений различных социально-демографических категорий жителей, отразила общественное мнение.

Рассмотрим другую основополагающую ценность – соборность, общинность в Православии и коллективизм в советской цивилизации.

Для российской общины на протяжении веков были характерны коллективная ответственность, приоритет интересов коллектива над личными интересами, невозможность уйти из общины, не передоверив свой надел и уплату долгов кому-либо. Здесь торжествовали уравнительно-справедливые принципы, в частности, передел земли происходил не по числу работников, а по числу едоков. Эти ценности коллективной собственности и ответственности прямо противостояли либерально-индивидуалистическим ценностям буржуазного общества, тенденциям развития страны по капиталистическому пути. Поэтому совсем не случайно, что разрушитель русской общины «огнем и мечом» (казнями, виселицами), несостоявшийся творец «Великой России» П.Столыпин преподносится сегодня либеральными СМИ как выдающийся исторический деятель.

В «Моральном кодексе строителя коммунизма» было записано: «человек человеку – друг, товарищ и брат». Образование трудовых (деловых) коллективов, в которые было вовлечено все население страны, – главный результат социальной революции в России. Императив «интересы коллектива выше интересов индивида» отражал действительный характер взаимоотношений между людьми в советское время; коллективизм – цивилизационно-образующая ценность нового общества.

Социалистическая идея крепла в условиях становления советского государства как огромной семьи-общины, и архетипы религиозно-общинного сознания, несмотря на проповедь атеизма, продолжали определять содержание духовной жизни страны. К началу Великой Отечественной войны в Советском Союзе сложилась устойчивая и непротиворечивая система ценностей: религиозные и социалистические ценности дополняли друг друга, сплавляясь в единую народную волю.

Перечень родственных Православию и советской цивилизации ценностей можно продолжить: человек и его здоровье, помощь ближнему, бескорыстие; долг, честность, благодарность; уважение к старшим, преемственность поколений; семья, семейные ценности; знание, образование, творчество; природа, окружающая среда и т.д. Пока существует государство, этот список органично дополняется национальными ценностями: патриотизм, родной язык, независимость (суверенитет), национальная безопасность в основных сферах жизнедеятельности: оборонной, экономической, продовольственной, информационной.

Даже такой краткий анализ позволяет сделать вывод о том, что объединение людей на основе осознания духовно-нравственной преемственности и близости религиозных и социалистических ценностей – это перспективный (а скорее – и единственный) путь

существования и спасения русской цивилизации, возрождения экономики, культуры, науки, образования и духовной жизни, а также обеспечения суверенитета и независимости Отечества.[284]

Эта концепция, разумеется, не нова, ее разрабатывали многие ученые. Н.А.Бердяев убедительно доказал взаимосвязь и общность ценностей христианства и социализма: «Именно индустриально-капиталистическая эпоха подчинила человека власти экономики и денег, и не подобает ее адептам учить коммунистов евангельской истине, что «не о хлебе едином жив будет человек», – но также и о хлебе, и хлеб должен быть для всех (подч. – В.Х.).»[285]

В книге доктора теологии, настоятеля Кентерберийского собора Хьюлетта Джонсона, который не один раз побывал в Советском Союзе, много поездил по стране, тщательно исследованы точки тесного соприкосновения христианства и коммунизма. Джонсон, в унисон Бердяеву, доказывает, что «христианство, истинное *христианство Иисуса Христа*, а не церковных учреждений, носящих его имя, но пренебрегающих его учением, имеет *множество глубоких и широких связей с коммунизмом*, достаточно широких, чтобы послужить основой для мирного сотрудничества. Коммунизм, каким я его вижу в Советском Союзе и каким он предстает ныне в Китае, несмотря на его темные стороны и преступления (а у какой страны их нет?), верит в братство людей и осуществляет его на практике».[286]

Практически близкое к изложенному здесь понимание бытования ценностей в советский период истории высказал митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл, когда ведущий программы «Ночной полет» спросил (будучи заранее уверенным в положительном для него, либерала, ответе): разве нравственные ценности за 70 лет советской власти не были уничтожены? Митрополит выразительно посмотрел на собеседника и сказал: «Нет, Бога выбросили, а система традиционных для России ценностей сохранилась: и верность Отчизне, и самоотверженность в труде и в бою, и готовность к подвигу – даже ценою собственной жизни...»

«А вот для Павки Корчагина, – задает, как ему кажется, «убойный» вопрос Андрей Максимов, – главное – построить узкоколейку, а что сотни людей погибнут – неважно». Митрополит ответил:

«– Павка Корчагин – это образ подвига, самопожертвования человека ради других...»[287]

---

[284] См. об этом подробнее:
Хелемендик В.С. Традиции и ценности Православия в региональной печати. // Вестник электронных и печатных СМИ. 2008. № 5. Часть II. С. 3-25.
Хелемендик В.С. Выступление. – Работа духовного возрождения. «Круглый стол» по проблемам воспитания // «Наш современник». 1998, № 11-12. С.164-165.

[285] Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М.: 1990. С. 150.

[286] Джон Хьюлетт. Христианство и коммунизм. – М.: 1996. С. 68.

[287] Телеканал «Культура». 2006, 12 апреля.

Удивительное дело, но подобное социолого-аксиологическое осмысление происходившего в России в XX в. мы находим во многих региональных изданиях России. Рассмотрим лишь один пример. На страницах газеты «Всеволожские вести» ведется постоянная рубрика «Духовные ценности», под которой публикуются материалы о традиционных ценностях нашей страны на протяжении всей истории (включая век XX). В очерке Виктора Мельника «Краеугольный камень отца Серафима» создан яркий образ обычного советского человека, у которого все было как у многих – комсомол, профсоюзы, партия, но уже в солидном возрасте он пришел к православной вере, стал монахом – строителем скита Александро-Невской лавры. Автор так объясняет обстоятельства духовного пути героя очерка: «Советская идеология, исповедуя атеизм и материализм, тем не менее постоянно делала упор на высших целях, которые стоят перед человеком. И к духовности, а не к прожиганию жизни призывала пропаганда социалистического государства. И стремление к подвигу воспитывала у молодежи. И «заземляться» народу не давала, борясь с мещанством и «тлетворным влиянием Запада» – того самого, что якобы признавал христианские ценности как основу жизни, но строил свое каждодневное существование не на подвиге человеческого духа, а на «заземлении» человеческих устремлений. Сначала – выгода и материальные блага, а потом все остальное». В очерке утверждается непрерывность истории и памяти народной: «Наша страна имеет в своем сердце великие ценности. Нам надо помнить об этом и хранить эти ценности».[288]

Как мы уже отмечали, с начала перестройки началось и по сей день в либеральных СМИ продолжается размывание, высмеивание *ценностей советской цивилизации*. Но в 2012-ом году впервые яростные атаки этих и международных масс-медиа направлены уже и против *православных ценностей*. Кощунственная акция группы «Пусси Райт» в Храме Христа Спасителя показала, что наступление против коренных ценностей России (повторим еще раз – близких и родственных на протяжении всей истории) набирает новые обороты. Так считает и Патриарх Кирилл: «Если в двух словах сказать о том, что происходило и происходит с точки зрения агрессии против Церкви, то явление это, конечно, не случайное. Меня не покидает мысль, что это некая разведка боем. Но еще следует добавить, что это агрессия против нашего культурного ядра, против нашего цивилизационного кода».[289]

В.В.Путин на встрече с доверенными лицами накануне выступления с ежегодным посланием Федеральному собранию, говоря о проблемах воспитания патриотизма, признал (правда, в своеобразной форме), что «коммунистическая идеология базируется на основных постулатах из основных религий». Путин не согласен и с тем, что «Мавзолей Ленина не соответствует христианской традиции. Почему не соответствует? Поезжайте в Киево-Печерскую лавру, на Афон – там мощи можно увидеть... Ком-

[288] «Всеволожские вести» (Ленинградская обл.). 2 ноября 2007 г.
[289] «Церковь и общество: как вернуть доверие?» – «Аргументы и факты». 2012 г., № 38. С.8.

мунисты даже в этой части традиции перехватили, сделали это грамотно».[290]

В официальной советской идеологии связи между христианством и потоком социалистически-коммунистических идей замалчивались или искажались в угоду требованиям научного коммунизма. Сегодня происходит то же самое, но есть существенное отличие: неолиберализм, страшась объединения в сознании людей православия и социализма, подвергает эту идею ожесточенным атакам.

В этой ситуации по инициативе А.А.Проханова в конце 2012-го года основан Изборский клуб патриотов различных взглядов и направлений с целью выработки государственной идеологии, центральное место в которой занимает именно идея сплава традиционных ценностей. Участвуя в программе «Русский вопрос», А.Проханов на вопрос ведущего об Изборском клубе – «Это левый проект?» – ответил: «– А Иисус Христос – кто? Левый? Защитник бедных и враг богатых...».[291]

Естественный вывод данного раздела: ценности, создаваемые журналистами, а затем транслируемые аудитории всецело определяют содержание и смысл профессиональной деятельности. Если ценности, которые журналисты отстаивают и распространяют, отвечают чаяниям и надеждам большинства россиян, то это значит: ценностная грань информационной идентичности ими реализуется сполна.

В заключение необходимо подчеркнуть:

– теоретическим основанием понятия «информационный глобализм» является понятие «государственный национализм», а понятия «информационная идентичность» – «этнический национализм»;

– информационный глобализм является орудием разрушения всех видов идентичности народов, в том числе национальной идентичности народов России, что представляет огромную угрозу государству как единому геополитическому, экономическому, социокультурному пространству;

– агрессия информационного глобализма требует от средств массовой информации, журналистов, ученых-гуманитариев глубокого осознания данного явления, выработки адекватной реакции с целью защиты цивилизации своей страны.

Рассмотренные в статье грани информационной идентичности являются, на наш взгляд, главными компонентами национального и социального статуса СМИ любого суверенного государства.

---

[290] Цит. по: Снова доверился. – «Аргументы и факты». 2012, № 50.

[291] ТВЦ. Программа «Русский вопрос». 2013, 15 мая.
В программе «Поединок» (26 сентября 2013 года) на вопрос В.Соловьева о причинах популярности А.Проханова «третейский судья», директор института социологии РАН М.Горшков ответил: результаты последних масштабных социологических исследований свидетельствуют, что две трети россиян разделяют традиционные отечественные ценности. И данная передача еще раз подтвердила эту тенденцию – телезрители присудили победу А.Проханову – 72 000 голосов; его противник, известный либерал-западник Н.Злобин получил 16 000 голосов.

ЧАСТЬ II.
ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

«ВСЕВОЛОД ВИШНЕВСКИЙ»[292]

«ПОСЛЕДНИЙ РЕШИТЕЛЬНЫЙ»[293]

I.

Пьесы для того и существуют, чтобы их играли на сцене. «Последний решительный», написанный драматургом-новатором, естественно было поставить режиссеру- экспериментатору. Тем более что Всеволод Мейерхольд и его театр испытывали настоящий голод по пьесам современной тематики, а выступления Вишневского в печати о необходимости ломки старых форм, его «Первая Конная» обещали, по крайней мере, общую платформу для творческого содружества.

Правда, бывалый солдат и моряк, агитатор, политработник, не принимающий ни эстетства, ни любования «красотами», ни смакования деталей и отдельных сцен, поначалу настороженно отнесся к Мейерхольду. Режиссер же проявил завидную активность: раздобыл экземпляр пьесы и прочел ее, а после читки автора, на которой присутствовал, окончательно убедился в том, что «Последний решительный» — сущая находка для ГосТИМа. При этом Мейерхольд сумел не только расположить к себе, но и очаровать драматурга.

Вишневский возвратился в Ленинград, где он все еще находился на военной службе, а Мейерхольд сразу же приступил к репетициям. 22 ноября 1930 года Всеволод Эмильевич писал: «Целую Тебя, дорогой Коммунар! Не волнуйся! Увлечен Твоей пьесой больше, чем тогда, когда слушал Тебя. Вещь Твоя близка мне очень.

Твой Всеволод».

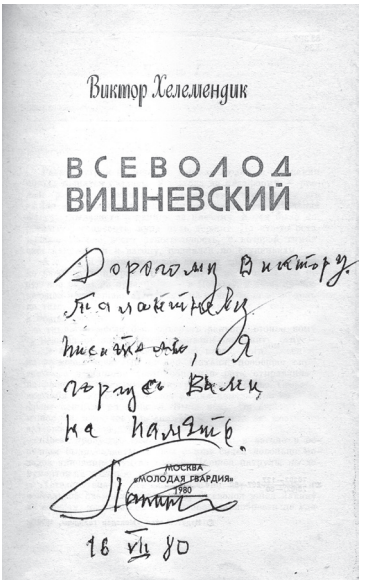
Мейерхольд добивается того, чтобы за месяц до премьеры Вишневский был командирован в Москву (он необходим театру, режиссеру!), и с той поры работа велась совместно. Но и раньше драматург засыпал Мейерхольда письмами, записками, предложениями, которые раскрывали его идейно-эстетические позиции. «Разумеется, и сам Мейерхольд, и талантливые актеры Боголюбов, Ильинский, Гарин, Зинаида Райх и другие много сделали для успеха спектакля. Но они ничего не сделали помимо драматурга и сверх того, что было в пьесе», – справедливо пишет исследователь драматургии Вишневского Г. Кормушина в статье «История одной переписки» («Театральная жизнь», 1959, № 13).

---

[292] Хелемендик Виктор. Всеволод Вишневский. – М.: Мол. Гвардия, 1980. – 398 с., с ил. – (Жизнь замечательных людей. Серия биогр. Вып. 13 (606). Тираж – 150,0 тыс. экз.Второе изд. Там же, 1983, тираж 100,0 тыс. экз.

[293] Часть III. «Десятилетие бешеного напора, труда, драк, мук и побед...» Публикуются отдельные главы.

Обложка книги В. Хелемендика «Всеволод Вишневский».



Автограф И.Д. Папанина на авторском экземпляре

При всем своем доверии к режиссеру автор пьесы ни на минуту не был творчески зависим от него. И теперь, когда идут репетиции, Вишневский стремится помочь режиссеру и труппе «дотянуть» спектакль именно в плане более глубокого раскрытия образа положительного героя, который мыслится им как образ героя-коллектива. Утверждая пафос нового времени, драматург старается увлечь театр и постановщика. Это хорошо видно из его письма Вс. Мейерхольду от 25 ноября 1930 года: «Я думаю над тем, чтобы придать пьесе больше монументальности. Может быть, у меня заметна «военная увлеченность» – только флот, только застава. Поэтому надо дать «поднимающийся СССР» – массивом, глыбой, органически связав «заставу» со страной».

В письмах Вишневского отрицательные герои, разоблачение «старой» оперы упоминаются лишь в связи с необходимостью глубже и ярче показать новое, рождающееся в жизни. Опасаясь, что полемика с театрами может заглушить основную идею пьесы, он обращает внимание режиссера на следующее: «Дыхание дней заставляет еще внимательнее отнестись к ряду моментов... В отрывке (см. «Рабочую Москву», 25/XI) я дал усиление сцены в «Заставе № 6»; перекличку с Европой. Вообще этот момент, момент солидарности с западным пролетариатом, я обязан дать крепко в финале. В финал же,

я думаю, нужно дать и лики врага, может быть, выступающие из мрака уничтоженной заставы...

Потом я вижу: может быть, следует после пролога не давать сразу толпу и бульвар, а может быть, мимическую, ритмизированную сцену «Военный корабль». Здоровые, сильные, горячие парни. Эта сцена оправдает больше гулянку на бульваре (диалектика!)».

Прекрасно зная морскую службу, психологию и быт военных моряков, обладая неисчерпаемой фантазией и жаждой поиска не просто хороших – лучших! – вариантов, Вишневский, по существу, дает режиссерскую партитуру многих сцен спектакля, предлагая детали декораций, освещения, звукового оформления, говорит о ритме и характере музыки, Как в этом, например, письме: «Всеволод Эмильевич! Шлю просимое.

1. Музыка бесстрастно выстукивает, и бежит текст Юза – буква вспыхивает за буквой на идущей ленте. «Пограничной комендатуре тчк Застава номер шесть ведет бой внезапно перешедшими границу передовыми частями противника зпт связь соседями нарушена зпт застава держится шлите резерв. Начзаставы шесть тчк».

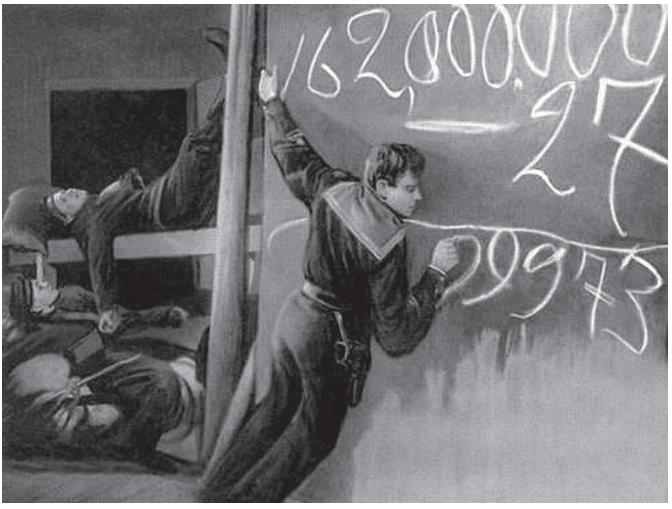
Далее дается текст других сообщений — резких, быстрых, указывается, где должна быть пауза, а все вместе обеспечивает «нарастание и нервозность действия».

2. О названии корабля.

Название «Кронштадт». (В названии много содержания, ассоциаций и героика реабилитации за 1921 г.)...»

Вишневский был близорук и, так как очки не носил, на репетициях всегда садился в первом ряду. Он постоянно что-то придумывал, по ходу действия дописывал тексты. Самое удивительное, что, будучи грубым и нетерпимым по отношению ко многим авторам, Мейерхольд, по свидетельству С. К. Вишневецкой, близко знавшей всю «кухню» подготовки спектакля, как правило, принимал предложения Вишневского, не протестовал и не сердился, когда тот врывался на сцену и останавливал репетицию, меняя реплику или уточняя интонацию. Да и сам Мейерхольд как-то говорил (слова эти записаны А. Гладковым и процитированы в печати в 1961 году): «Когда я работал с Вишневским, мне очень нравилось, что он как бы боится слов. Дал нам великолепный сценарий «Последнего решительного», а потом приходил на репетиции и по горсточке подсыпал слова. Мы просим: «Всеволод, дай еще слов, — а он их держит за пазухой и бережливо отсыпает. И это вовсе не потому, что у него их мало — у него грандиозный запас, а потому, что он экономен по чутью вкуса и ощущению истинного театра».

Вошедшая в историю как классическая финальная сцена «Последнего решительного» (кстати, фотоснимок ее стал знаменитым: он обошел и отечественную и зарубежную печать) рецензентами той поры всецело ставилась в заслугу Мастеру, как тогда называли Мейерхольда. Но, наверное, и сегодня лишь немногим известно, что весь финал продуман, режиссерски увиден и предложен драматургом в упоминавшемся уже письме от 25 ноября:



Сцена из спектакля «Последний, решительный». Постановка В. Мейерхольда.

«На заставе», при угасании, чекист (или краснофлотец) ползет; куском мела на стене выводит:

150 000 000[294] чел. – СССР

–8 чел – Застава № 6

149 999 992 чел.!»

Честь и хвала режиссеру, а также талантливому актеру Н. И. Боголюбову, блестяще сыгравшему роль старшины Бушуева и особенно в последней сцене в точности реализовавшему авторский замысел. Но почему же так несправедливы те, кто после премьеры «Последнего решительного», не скупясь на лесть и похвалу, все удачи спектакля приписали режиссеру, в слабостях же обвинили автора пьесы?! Даже статьи печатались под заголовками «Поражение Вишневского и победа Мейерхольда», словно они были соперниками! Такой тон печати сохранялся и потом, когда ГосТИМ выехал на гастроли.

Бедный Вишневский! Он все еще ждал и надеялся, что истина восторжествует и об огромной, напряженной совместной работе с режиссером над спектаклем будет сказано в полный голос. А почта приносила новые, ничем не отличающиеся от старых рецензии. У него терпение лопается, и, несмотря на то, что весь уже в новой пьесе, он изливает душу в горьких строках, адресованных Мейерхольду: «Рецензии в бесконечный раз делают больно. Опять я ни при чем, пьеса плохая и т. д. И все, конечно, замечательно («чудово») и без автора. Зачем они, сволочи эти, авторы, только мешают? По-

[294] В окончательной редакции даны более точные цифры.

чему они лезут и сбивают театры? Пусть бы театры и вели свою работу сами, без помех.

Замечательно! А?..

Опять и опять битие автора — и именно эта линия отъединения тебя от меня и наоборот требует большей решительности в ответах (в интервью, которые дает Мейерхольд. – В. Х.).

Черт возьми, по харьковским газетам я уже не автор и один из режиссеров-ассистентов, а автор «схемы». За это надо дать по макушке. Я буду рад, если ГосТИМ сообщит в нескольких словах харьковцам, как по-новому делался спектакль» (Письмо от 11 июля 1931 года).

Мейерхольд не стал опровергать, хотя сделать это мог он и только он, легенду о Вишневском как авторе «драматургической схемы». Хотя в личной переписке звучало совсем иное:

«Дорогой друг! Прими от меня в сотый раз сердечную благодарность за ту громадную помощь, какую ты оказал театру моего имени в работе по реализации твоего замечательного драматургического опыта. Не верь критикам, верь мне – опытному технику сцены: ты в «Последнем решительном» показал себя превосходным драматургом. В советской драматургии у тебя все права занять первое место...»

В «Последнем решительном», как и в некоторых иных спектаклях, Мейерхольдом в большей степени движет дух отрицания, разрушения. Добиваясь частных удач во фрагментах, отдельных сценах, режиссер нередко обнаруживал неспособность дать цельное художественное произведение. «Видимо, – пишет исследователь театра А. Мацкин, – объяснение надо искать в том, что от декадентства Вячеслава Иванова, от философии модернизма Мейерхольд прямо шагнул к абстрактной социологии с ее грубой схемой исторического процесса. Прочтите его режиссерские комментарии к спектаклям даже сравнительно позднего периода, например к «Свадьбе Кречинского», и вы увидите, что история в них теряет свои краски и превращается в игру понятий, в цепь аналогий. Стесненный схемой, им самим сочиненной, талант Мейерхольда уходит в подробности, в отделку «кусков», в открытия частного значения. Добавьте к этому, что новое в искусстве, по мнению Мейерхольда, обязательно должно было ссориться с прошлым и удивлять («удивлять во что бы то ни стало»), а еще лучше – ошарашивать зрителей своей неожиданностью – отсюда тоже его интерес к частностям и невнимание к целому».

Как видим, идейно-эстетические взгляды Всеволода Мейерхольда и Всеволода Вишневского отличались и притом существенно.

II.

Критика в печати обычно не приводила его в состояние расслабленности, меланхолии. Напротив, стиснув зубы, он рвался в бой – обсуждения, споры, диспуты. А затем

На репетиции спектакля «Последний решительный». Второй слева - Вс. Э. Мейерхольд, в центре - Вс. Вишневский

всегдашняя формула мироощущения и действия – «драться надо!» – усаживала его за письменный стол.

И в этот раз, не успели в театральном и литературном мире разойтись круги после приправленной скандалом премьеры «Последнего решительного», Вишневский немедля берется за работу. Весной 1931 года он пишет пьесу о Германии «Могу заверить, – сообщает он Мейерхольду, – ряд эпизодов уже решен – театрально остро, насыщенно. Я прибегаю к новым приемам, хочется сделать много. Кое-что решил и постановочно. (Плох тот драматург, который не глядит дальше рукописи)».

Еще во время преподавания в Военно-Морской академии Всеволод Вишневский основательно изучал международные проблемы, и сейчас, когда над Германией да и над всей Европой нависла смертельная опасность «коричневой чумы», он задумывает боевое антифашистское произведение.

Спустя несколько месяцев Мейерхольд, которому понравились и тема и идея пьесы, просит присылать рукопись по частям: ему очень хочется скорее начать «строить макет».

Но у Всеволода дело продвигалось медленно. Новый замысел, по существу, являл собою пусть и несколько завуалированный, но все же отход от ранее широко декларировавшихся им принципов: здесь впервые поставлена задача написать «сцепленную от начала до конца в каждом движении пьесу» с индивидуальными, психологически разработанными образами.

С продумывания характеров действующих лиц Вишневский и начал. Вот первые наброски:

«1. Муж. Макс. Здоровый. Грубоватый. Прямой. Трус.

2. Она. Влюблена. Сексуальна. Хитра. Пуглива. С парнем – любовь... Сцена в полиции. Она колеблется. К парню... Решительный момент... К мужу...

3. Парень. Наци. Двадцатипятилетний здоровый — полуинтеллигентный тип. Смел. Жесток и т. д.

4. Карл. Интеллигент. Друг Макса. Преданность... Срыв...»

В Германии поднималась, становилась все сильнее волна нацизма и реваншизма. Финансисты, промышленники вскармливают лидеров фашизма, прокладывают им путь к власти. Речи Гитлера слышны не только в пивных – они уже звучат в эфире. Рабочие, их политические партии преследуются, страна лишается демократических свобод. Идет ожесточенная борьба различных социальных сил. Задуманная Вишневским пьеса должна стать предупреждением с ярко выраженной антифашистской направленностью. Драматург расширяет круг действующих лиц с тем, чтобы ввести представителей тех слоев немецкого общества, от которых зависел выбор дальнейшего пути. Так появляются образы одного из социал-демократических лидеров, созревших для предательства интересов народа, – Моске (в нем немало от подлинного Носке!); промышленного магната Гугенталя; так постепенно выдвигается на первый план зловещая фигура Жигайды — олицетворение наци.

Этот образ удался драматургу. Вожак коричневорубашечников откровенен, нагл и жесток. Если сегодня он выкорчевывает немецких коммунистов, то завтрашняя его мечта превратить в «зону пустыни» советскую землю, осуществить падежды гугенталей на разгром России. Жигайда всматривается в зрительный зал (и в этой пьесе Вишневский находит разнообразные способы установления прямой связи со зрителем) и в духе своего бесноватого фюрера, с презрением и ненавистью, бросает:

«– Вот с кем придется иметь дело. Эти – опаснейшие... Вот они сидят теплые, живые и с виду мирные... Вот они, работающие с бешенством и пьющие собственный пот; они торопятся, им некогда бегать за водой... У наших ушей уже скрежещет их вторая пятилетка, они настигают нас, они обгоняют нас, они будут давить нас... Проткнем им мочевые пузыри, сломаем им горло, выдавим из них желчь. Учитесь, парни, бить их

наповал. Мы доберемся до вас, советские высокоблагополучия, ожидающие европейской революции. Вы узнаете, какие мы на деле...»

На пору написания этой пьесы выпала и новая, целиком захлестнувшая драматурга полоса учебы. На его письменном столе в эти месяцы соседствуют книги на русском и немецком языках, газеты и журналы, только что выпущенные в свет в Германии брошюры экономического и политического характера, путевые очерки, мемуары, стенограммы бесед и т. д. Среди многочисленных источников, к которым он обращался, стремясь войти в атмосферу жизни чужой страны, постигнуть особенности психологии, быта, общественных отношений, – произведения современных немецких драматургов, по преимуществу экспрессионистов. Его восхищает немецкий политический театр – драматургия Фридриха Вольфа (чьи пьесы он впоследствии переведет на русский язык, и они с успехом будут идти в советских театрах), режиссура Эрвина Пискатора, творчество Бертольда Брехта.

Чем больше он размышлял, углублялся в анализ собственного творчества, тем больше осознавал, что показать жизнь народа, революционных масс и возможно, и даже необходимо через образы конкретных, индивидуальных, изменяющихся во времени людей. Однако увлечение немецкими экспрессионистами не прошло бесследно: Вишневский вдруг начинает фиксировать свое внимание не столько на обрисовке живых, реальных личностей, сколько на самой проблеме личности, как это делали экспрессионисты.

Схематичнее, беднее, чем образы врагов, вышли фигуры рабочих-коммунистов. Их речи риторичны, страсти приглушены. Не очень-то убедительно изображена душевная драма Анны: она мечется между любовью и долгом по отношению к мужу и чувственным влечением к Рудольфу Жигайде.

Часть творческой задачи, поставленной перед собой, а именно — создать политическую, антифашистскую пьесу Вишневский решил: эпизоды политической жизни страны полны страсти, высокой публицистичности. Образы, олицетворяющие силы капитала (немецкие промышленники Гугенталь и Гирш, их французский компаньон Бюсси де Рабютен), цельны, заострены до гротеска.

И в целом «На Западе бой» не следует относить к ученическим опусам, как это пытались сделать некоторые критики. Пьеса написана уверенной рукой, в 1933 году опубликована отдельным изданием. Тогда же, 14 февраля, состоялась премьера в Театре Революции в Москве (режиссер И. Ю. Шлепянов, актеры — М. Штраух, Дм. Орлов), несколько позже «На Западе бой» поставил С. А. Майоров в Бакинском рабочем театре.

Работая над рукописью, Вишневский был убежден, что они с Мейерхольдом создадут еще не один блестящий спектакль. На протяжении 1931 года в частых письмах Всеволоду Эмильевичу он делился своими идеями относительно будущей постановки. Как и обещал, прислал режиссеру пьесу в первой редакции и список авторов, которых

полезно бы почитать труппе для вхождения в атмосферу пьесы и будущей постановки.

Драматург с нетерпением ждал мнения режиссера о пьесе. «Меня тревожат сроки, — пишет он 22 ноября Мейерхольду. – Октябрь, ноябрь потеряны. Я не буду искать причин. Сейчас мы не имеем даже теа-варианта. Резать массовки и оставлять в пьесе партию только игриво-камерно я не могу, не имею права... Я и ты – мы оба – обязаны в конце концов дать спектакль высокий, большой, политически верный».

Мейерхольд молчал. Художники спектакля – С. Вишневецкая и Е.Фрадкина – получили задание подбирать фотоматериалы по типажу, костюмам, мебели, но о режиссерском макете пока что ни слова. Репетиции начались, но свелись к читке пьесы за столом, и вел их не Мейерхольд, а режиссер А.Н. Грипич.

Остается лишь догадываться, почему Мейерхольд остыл к пьесе и к ее автору, а вернее — к автору и его произведению. Возможно, из-за того, что драматургу не удался образ Анны, роль которой предназначалась Зинаиде Райх. Как бы там ни было, но Вишневскому не говорили ни «да», ни «нет», что приводило его в бешенство. Правда, Мейерхольд время от времени предпринимал шаги, чтобы не рассориться с драматургом. Однажды вечером, будучи в Ленинграде, неожиданно явился в гости, наговорил множество комплиментов, и Вишневский, расчувствовавшись, дал ему первый вариант пьесы, чтобы режиссер мог сверить, насколько серьезно и с пользой он доработан (Мейерхольд делал вид, что возражает против правки первой редакции). Наконец в Ленинград пришла телеграмма: «Принимаю вариант № 2 горячий привет Мейерхольд».

И вдруг в начале января 1932 года Всеволод случайно узнает, что «Германию» репетируют по старому тексту, а параллельно ГосТИМ ведет работу над пьесой Н. Эрдмана «Самоубийца».

Такого Вишневский простить не мог. Тем более что свое отношение к этой пьесе он высказал в печати. Не менее категорично та же мысль выражена и в письме Мейерхольду (5 января 1932 г.): «Оказывается, ты удивлен «выпадом» против «Самоубийцы». Не только я, а и десятки партийных лит-теа-работников будут вести борьбу с «Самоубийцей». Пьеса тянет вправо, назад, пьеса не наша».

Такая позиция вызвала у Мейерхольда откровенное раздражение, если не сказать больше. И упустить пьесу Вишневского не хочется, и сдержать себя нелегко. Но тут драматургу сообщили, что Мейерхольд распространяет слух, якобы новый вариант «Германии» написан режиссером А. JI. Грипичем.

Это известие переполнило чашу терпения: расхождения завершились открытым разрывом.

В конце января 1932 года Вишневский переехал в Москву и поселился в маленькой однокомнатной квартире в проезде Художественного театра, почти напротив его здания. Теперь он был не один. В шумный вечер после премьеры «Первой Конной» в Театре Революции его познакомили с художницей Соней Вишневецкой. К этому времени

она успела уже кое-что сделать в театре: в творческом содружестве со своей подругой Еленой Фрадкиной оформила несколько спектаклей в Киеве и в Театре имени Моссовета. Влюбилась она во Всеволода сразу – безоглядно и беззаветно, и это чувство пронесла через всю свою жизнь.

Как вспоминают близко знавшие их, они прекрасно дополняли друг друга. Вишневский на людях молчал, внимательно слушал, порой лишь едва заметно кивая или неодобрительно хмыкая и произнося короткие реплики. Софья Касьяновна, напротив, могла весь вечер говорить одна, часто пропуская мимо ушей слова окружающих. Одно никогда не ускользало от нее, если речь шла о Всеволоде. Она стремилась никогда ни в чем не дать его в обиду.

И когда к ней обратились с просьбой написать для сборника воспоминания о Мейерхольде, она назвала их точно и справедливо: «Всеволод Мейерхольд и Всеволод Вишневский». Да, они жили и творили рядом: два крупных художника. Никто из них не был при ком-то, оба нуждались друг в друге, и, как показало время, потом Мейерхольду Вишневского недоставало гораздо больше.

По мнению Вишневецкой, причина расхождений и разрыва в том, что они принадлежали к различным поколениям и никто не хотел уступать. Думается, суть не только и не столько в этом. Мейерхольда не устраивала художественная самостоятельность Вишневского, ему по душе было совсем другое: поклонение, беспрекословное послушание.

И еще: Вишневский не умел возвращаться к тому, от чего отказался раз и навсегда. На все попытки Мейерхольда отстоять исключительное право ГосТИМа на пьесу Вишневский отвечал так: он допускает возобновление личных отношений, но никогда не будет работать в театре «с идейно чуждым ему репертуаром», без необходимой принципиальной творческой договоренности. Дело дошло до арбитража в Главискусстве: Мейерхольд на заседании вновь согласился на последний вариант пьесы, на контроль за режиссурой со стороны бригады ЛОКАФа и т. д. Но Вишневский уже ни во что не верил и заявил, что работать с Мейерхольдом не будет. Страсти разгорелись с такой силой, что заседание арбитражной комиссии пришлось закрыть...

Пытался склонить Всеволода пойти на компромисс оргсекретарь Всеросскомдрама М. А. Россовский. И тоже безуспешно. Ответ Вишневского и категоричен и убедителен: «Ни мне, ни ему (Мейерхольду. – В. Х.) вы не можете «предписать». Я бы хотел, чтобы было понятно одно, как ни крутите, что творческая близость, я скажу любовь, у нас ушли...

Мейерхольд исключителен. Но я не хочу быть Мейерхольдом. Я хочу быть Вишневским. Мне три десятка лет, и я сумею, будь я проклят, сделать крупное дело. Я не могу органически подчиняться тончайшей старой культуре Мейерхольда... Я тогда теряю свое. Я все-таки больше, чем он, от нового, зычного, сильного.

«Последний решительный» в моей читке – одно, в постановке Мейерхольда – другое. Пусть пахнет от моего творчества грубой кожей, потом, кровью... Мейерхольд то-

нок, изящен. Он не матрос. Мы столкнулись. Это было неизбежно...»

Переболев отрицанием традиционной драматургии, пройдя трехлетие, полное целеустремленных и трудных исканий учебы, Вишневский в своем творчестве вышел на качественно новый рубеж. Без преувеличения это результат огромного духовного, нравственного и эстетического развития, мучительного и одновременно решительного преодоления влияний извне во имя обретения собственного неповторимого лица художника.

«ОПТИМИСТИЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ»

I.

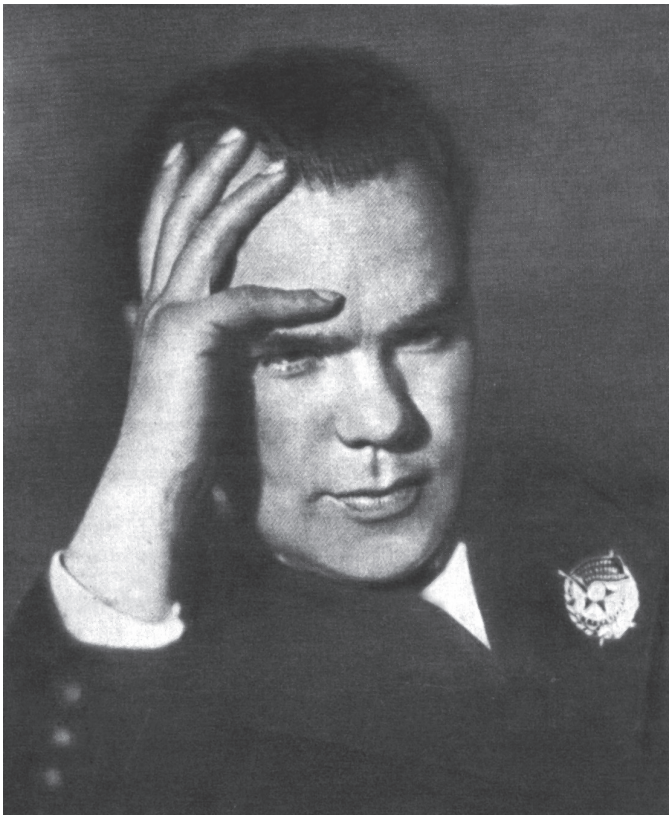
Раннее июльское утро. Молодой, коренастый, круглолицый моряк с орденом Красного Знамени на кителе стоит на палубе «Красной Молдавии».

Крымские берега: Севастополь, Алушта, Судак... Вот здесь они с Папаниным, пройдя нелегкий путь от Новороссийска, высаживались на удерживаемый врангелевскими войсками полуостров. Юг; Таврия, удивительное напластование исторических эпох. Старые кладбища. Некрополь Херсонеса. Под скромной плитой лежит римский воин Первого легиона. Простая надпись: «Прохожий, радуйся». Радуйся тому, наверно, что погиб воин хорошо, а ты, прохожий, живешь! Севастопольская кампания... Бои двадцатых годов...

Недавно на Черном море проходили маневры, а теперь боевые корабли занимаются переброской нефти из Туапсе на юг Украины (надо обеспечить уборочную кампанию). Вишневский увлечен всеми этими будничными делами, но более всего – общением с ветеранами, оставшимися в кадрах флота: подолгу беседует с ними и слушает их голоса, их интонации.

И Черное море, и таврические степи станут географическим фоном новой пьесы: «Плавал я там три месяца, выбор был сделан специальный. Я пошел в плавание с будущими академиками РККА. Их было человек тридцать. Каждый день я мог наблюдать за поведением комиссаров... Этот метод работы дал мне очень много, точные ощущения людей страшно помогли, а воспоминания стали острее, отчетливее». Новая пьеса владеет им крепко – ее образы ни днем, ни ночью не дают покоя. Три акта залпом – в три дня, а затем, на протяжении пяти недель, переписаны набело. 28 августа автор впервые прочел пьесу Софье Касьяновне – в безлюдном месте, у прибрежной скалы близ Балаклавы.

Однако работа над пьесой, углубленная, кропотливая, продолжалась и после того, как она была опубликована в печати – вплоть до премьеры в Камерном театре, состоявшейся 18 декабря 1933 года. Практически два года – с учетом, конечно, того, что



Вс. Вишневский

параллельно обдумывались и писались киносценарий «Мы из Кронштадта», главы эпического романа «Война».

А начиналось все так, как обычно у него бывало. 9 января 1932 года родилась сцена, несущая в себе зерно, зародыш основной, ведущей идеи будущей пьесы.

«Увидел ряд отрывков и ясно, как некогда в 1929 году финал «Последнего решительного» – увидел финал: умирание командира, большевика... Колоссальной силы человек. Смерть скрашивают матросы-бойцы, стараясь делать вид, что ничего особенного нет. Они рассказывают, шутят... Командир умирает медленно среди шуток и смеха, приказывая (приказ передается по цепи – всем) смеяться... Матросы смеются, смех нарастает, достигая силы буйного, вызывающего грохота. Среди смеха командир умер... Сняты фуражки... Сильнее смерти!..»

Спустя несколько месяцев в дневнике писателя появляются такие строки: «11 мая. Уже есть наметка трехактная, трехчастная. Уже появляется первая тема – «маленькая женщина», беседы, инструктивность, тема суда, тема боя, тема ревности, тема начала...» Его тянет прочь от монтажа эпизодов – к большой, новой для него вещи. Он слишком хорошо помнит обвинения в фрагментарности своих предыдущих пьес – критики писали, что автор, мол, не владеет традиционной формой драматургии. И теперь ставит перед собой задачу: дать цельную вещь, «в которой будет много старой культуры», но которая все равно будет «повернута по-своему».

Приступая к работе над пьесой, художник задумался над многими вопросами бытия: почему, например, в некоторых произведениях говорится о страхе и не показывается бесстрашие народа, то, какой ценой добился он социального освобождения? Октябрьская революция сдвинула мир с его старых основ, но, чтобы «такое историческое чудо произошло», – подчеркивал В. И. Ленин, – необходимы были «централизация, дисциплина и неслыханное самопожертвование»[295] Главный конфликт эпохи – непримиримое противоречие между новым и старым миром – разрешается драматургом трагедийно: отдельные люди, целые коллективы геройски гибнут, гибнут во имя высокой цели, светлых идеалов. В новой пьесе, как и в ранних рассказах, в «Последнем решительном», Вишневский исследует, отображает не войну саму по себе – это задача историков, – а возможности человеческого духа на войне.

Высший долг – служение Революции – этот определяющий мотив «Оптимистической трагедии» воплощен автором прежде всего в образе Комиссара. Действительность, которая предстает перед зрителем в первом акте, туманна, хаотична. Волею большевистской партии пробивает себе дорогу закономерность истории. Если до сих пор Вишневский писал драмы как бы без героев, то здесь сознательно на первый план выходит фигура представителя партии. Герои появились из массы и принесли с собой более глубокое осмысление жизни.

Современному читателю и зрителю, конечно же, знаком канонический текст пьесы, обессмертившей имя Всеволода Вишневского, и потому небезынтересно проследить, как, в каком направлении он менялся.

Хотя к этому времени Вишневский практически перестал выступать с декларациями теоретического порядка – нужда в них чаще всего возникает, если художник в собственном творчестве находится на перепутье, – в первом варианте пьесы, словно по инерции, еще сохранялись второстепенные, побочные мотивы. Здесь мы находим интермедии, в которых автор продолжает начатый в «Последнем решительном» спор об искусстве, о мещанских вкусах в театре. Когда окончательно вырисовалась форма трагедии и когда Старшины хора – Ведущие – стали обращаться к современникам как представители ушедших, погибших во имя будущей счастливой жизни, интермедии были сняты автором, ибо они снижали героическую тональность пьесы. В оконча-

[295] Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.40. С.241.

тельном ее варианте вместо целой страницы текста осталось несколько слов. Ведущие говорят лаконично и точно, фокусируя внимание зрителей на главном, призывая их задуматься над проблемами жизни, искусства.

«Первый (рассматривая пришедших на трагедию). Кто это?

Второй. Публика. Наши потомки. Наше будущее, о котором, помнишь, мы тосковали когда-то на кораблях.

Первый. Интересно посмотреть на осуществившееся будущее. Тут тысячи полторы, и наблюдают за нами... Не видели моряков!

Второй. Молчат. Пришли посмотреть на героические деяния, на героических людей.

Первый. Тогда им проще глядеть друг на друга.

Второй. Какая вежливая тишина! Неужели нельзя встать кому-нибудь и сказать что-нибудь? (Обращаясь к кому-то из зрителей.) Вы вот, товарищ, что-то насупились. Здесь-де не военкомат, а театр... Вы, может быть, полагаете, что в данном случае у военкомата и у театра разные цели? Ага, не полагаете... Ну что ж, начнем! (Как вступление к поэме.) Отложите свои вечерние дела. Матросский полк, прошедший свой путь до конца, обращается к вам – к потомству».

Не объяснять зрителю, что перед ним новая драматургическая форма, а воплощать ее непосредственно на сцене – к этому приходит драматург. Стремление к реализму и очищение от второстепенного, в частности, от экспрессионистского налета в трактовке основных персонажей пьесы свидетельствовало о вступлении писателя в период зрелости.

Наблюдения за старыми бойцами, партизанами, – беседы с ними – все эти впечатления лета 1932 года начинали трансформироваться в художественные образы. Когда в январе ему впервые пришла в голову идея пьесы (гибель Комиссара), то не было еще, как пишут некоторые авторы, готового прототипа.

В период работы над пьесой Вишневского заинтересовало землячество женщин – участниц гражданской войны. Он бывает на их собраниях, знакомится с письмами, документами и восхищается («материал необыкновеннейший»!); выделяет замечательные по своей содержательности и точности воспоминания Евгении Бош: «Она под Харьковом остановила эшелон матросов-анархистов, которые не выдержали огня и бежали. Подошла, вынула револьвер и сказала: «Пожалуйста, идите назад, я вас очень прошу об этом». Анархисты совершенно «опупели». Она сама их повела назад. Ей говорят: «Смотри – «дзыга». Она: «Что значит «дзыга»?» – «Снаряд». – «Ага, хорошо».

Встречи с людьми, архивные материалы, собственные воспоминания – из всего этого и произрастали живые черты Комиссара.

В статье «Автор о трагедии»[296] Вишневский подробно рассказывает предысторию другого персонажа пьесы – Алексея. Этот образ вобрал в себя впечатления самого автора, полученные в годы гражданской войны. Алексей — из моряков, исколесивших страну вдоль и поперек и ощутивших ее масштаб, побывавших в зарубежных плаваниях и видевших страны Азии, Африки и Европы. «В конце войны, — пишет Вишневский, — они попали в Америку, когда Россия вышла из войны. В Америке их раскассировали, и в одиночку они пробирались через Аляску, через Берингов пролив в Россию. Просочились через фронт Колчака и пришли к нам. Впечатления, я думаю, громадны. У Алексея вопросы – «что хорошо?», налет бывалости, кое-какие фразы и т.д. Сложность его типа из этого корня. Его корни анархические идут отчасти от «IWW» – «Индустриальных рабочих мира». Я не усложняю, — я говорю только о том, что было замечено мной за ряд лет».

Алексей – один из стержневых персонажей: он влиятелен среди матросов, и от того, чью сторону – Вожака или Комиссара – он примет, во многом зависит решение массы. Алексей – искатель правды, истины, и в этом он очередной тип в галерее классических образов русской литературы. Однако в первом варианте пьесы Алексей был показан автором еще и как воплощение власти «извечных сил плоти».

По основному тексту Алексей появляется в таком эпизоде. Сумерки, тоска, безысходность в душе Вайнонена, и вдруг из-за палубных надстроек доносятся команды:

«Ирр-на! Так... Носки врозь, пятки вместе. На ширину приклада. По раз-делениям!! На плечо!»

Финн приходит в бешенство: кому это старый режим в голову ударил?! Голос не унимается, и когда Вайнонен снова сердито кричит: «Надоело, я говорю, сат-та- на!» – Рябой матрос успокаивает его: «Ты не волнуйся... Не тронь... Это Алексей с тоски сам с собой занимается».

Первоначально же было по-другому. Рябой объяснял:

«– Ты не волнуйся... Не тронь... Он женщину привел, раздел и занимается. Любит голых женщин военному строю обучать...»

Расхождение существенно: там до ужаса, до одури бессмысленное занятие, здесь – бездуховность, прожженный цинизм. Такой Алексей вряд ли столь настойчиво докапывался бы до корней происходящего – в мире, в стране, в полку, в себе самом – и не в состоянии был бы воспринять правду, которую раскрывал перед ним Комиссар.

Смерть и зарождение новой жизни неразрывны, «зов естества» вечен, даже если осталось несколько часов до казни. Во имя утверждения этой мысли Вишневский давал в первом варианте такую — предшествующую финалу — сцену:

«– Дневалишь? – окликал Алексей Комиссара, и сразу начинался разговор муж-

[296] Опубликована в книге Вс. Вишневского «Оптимистическая трагедия» (М. – Л., 1933) в виде послесловия.

Осколок снаряда, едва не угодивший в Вишневского в бою в Испании. 1937.

чины и женщины, обособленных в своей волнующей ночной близости, ощущающих себя на грани последнего своего часа, последних поступков в жизни.

А л е к с е й. Слушай, вот тебе настоящее человеческое слово перед кончиной: полюби, а? От чистой души говорю. Смотри в глаза!

К о м и с с а р. От чистой души? Ребеночек.

А л е к с е й. Могу сказать иначе: полюби, ценю жизнь и способ, которым ее дают.

К о м и с с а р. Оставь свою грусть.

А л е к с е й. Ну, прости... Пять лет подряд – бой, бой, бой... Тонул, горел... Что, может, подозреваешь – больной? Смотри, тело как стекло... Чисто. Зубы – а!.. Я берегся... (С невыразимым отчаянием.) Да что же, молиться тебе? Стосковался же по ласке.

И, отвечая, женщина погладила парня по голове, не то успокаивая, не то соглашаясь».

Затем следует ремарка, явно кинематографического свойства: «Огромные и родные мысли об острове и городе под бледным северным небом. Чугунные мостовые Кронштадта, каналы, гранит, двухвековые казармы и неисчислимые уходы наших отрядов

и отзвук прощального вальса». Назначение этой ремарки очевидно — показать размах борьбы, огромное напряжение, напомнить о том, что впереди и новые победные, и трагические мгновения. А поэтому человеку нужна разрядка.

Последний возглас Алексея («У-ух, полк бы вернуть!») звучал фальшиво. Слишком неестествен переход от интимной, натуралистически выписанной ситуации к трагической действительности. После премьеры и нескольких спектаклей в Камерном эта сцена была изменена, И в окончательном варианте диалог Алексея и Комиссара предельно сжат, суров – они оба во власти ощущений боя, продолжающегося до последнего вздоха.

Клятва, повторенная обоими перед лицом смертельной опасности: «Держать марку военного флота», – естественное завершение основной философской идеи пьесы.

Наименьшие изменения при доработке внесены в образ Комиссара, что свидетельствует о его продуманности с самого начала. Черты характера, намеченные в первых сценах, укрупняются в критических ситуациях: в столкновениях с Вожаком и Сиплым раскрываются незаурядность ума, тактическая гибкость, душевная сила, стойкость и даже — так неожиданно для Вишневского – женская хитрость.

Как легко заметить, в предшествующих произведениях драматурга женщины вводятся лишь как эпизодические персонажи. А в «Оптимистической» в роли Комиссара – женщина! Такой поворот во взглядах Вишневского закономерен, он обусловлен углублением его идейно-эстетической концепции. Главное – быть коммунистом: хрупкая женщина проявляет огромную силу духа, и это благодаря закону контрастности значительно усиливает эмоциональное воздействие на читателя и зрителя.

Трезво анализируя обстановку, Комиссар умно и психологически тонко борется за прозрение тех, кто неосознанно и послушно идет за Вожаком. Пьеса построена на конфликте между волей партии, выразителем которой является Комиссар, и анархистскими элементами во главе с Вожаком.

В первые же минуты пребывания Комисара на корабле ей устроили проверку. С разных сторон из полутьмы надвигались матросы – удивленные, дышащие злобой, разгоряченные предвкушением постыдного, наверное, и для них, но все одно притягивающего зрелища. Полномочный представитель толпы предлагает: «Давай, товарищ, женимся. Отчего вы удивляетесь? Любовь – дело в высшей степени почтенное. Продолжим наш род и побезумствуем малую толику...».

Недвусмысленные реплики, намеки, похохатывание — и кольцо сужается. И вот уже из люка снизу «неожиданно и медленно поднимается огромный полуголый татуированный человек. Стало тихо.

К о м и с с а р. Это не шутка? Проверяете?

П о л у г о л ы й м а т р о с. Н-но... у нас не шутят. (И он из люка кинулся на женщину.)

К о м и с с а р. У нас тоже.

И пуля из комиссарского револьвера пробивает живот того, кто лез шутить с целой партией. Матросы шарахнулись и остановились.

Ну, кто еще хочет попробовать комиссарского тела? Ты? (*Другому.*) Ты? (*Третьему.*) Ты? (*Стремительно взвешивает, как быть, и, не давая развиваться контрудару, с оружием наступает на парней.*) Нет таких? Почему же?.. (*Сдерживая себя и после молчания, которое нужно, чтобы немного успокоить сердце, говорит.*) Вот что. Когда мне понадобится, – я нормальная, здоровая женщина, – я устроюсь. Но для этого вовсе не нужно целого жеребячьего табуна».

Достигнута первая победа. Но это лишь завязка борьбы за души людей, которую начинают Комиссар и единственный на корабле коммунист – финн Вайнонен. Когда впоследствии автора упрекали в том, что не показана роль партийной ячейки, он отвечал: «У нас в 1918 году на многих кораблях ячеек еще не было. У нас на корабле был один коммунист (комиссар) Николай Маркин». А в пьесе Старшины публицистически приподнято утверждают: каждый второй коммунист был под огнем, на фронте, но их роль определялась не количеством (всего двести восемьдесят тысяч), а силой убеждения людей, нравственным примером, личной храбростью и самоотверженностью. И умением понять настроения масс и каждого отдельного человека.

Когда между Комиссаром и Вожаком начинаются переговоры, Алексей, чувствуя неискренность, дипломатическую игру, не выдерживает и бросает обоим: «И ты лжешь, и ты лжешь...» Опытному политическому руководителю достаточно, чтобы понять – в этом сомневающемся матросе не все потеряно. Комиссар вызывает Алексея на откровенный разговор и, ведя его внешне иронично, легко, а по существу, жестко, сбивает с него напускную браваду и одновременно приоткрывает завесу над мучающими его вопросами.

«Ты куда это вчера из боя направлялся? Заманивал противника?» – в упор то ли спрашивает, то ли утверждает Комиссар. Постепенно выясняется, что на выборах Алексей голосовал «за список пятый номер» – за большевиков, которые, по его мнению, все-таки получше, чем другие, что бывалый матрос самолюбив и не во всем согласен с Вожаком. Мимоходом, по-женски лукаво Комиссар бросает: «Он тебя держит крепко», что, естественно, вызывает у Алексея взрыв возмущения: «Н-но, меня! Я боюсь этого бугая?!»

В конце концов незаметно для самого себя матрос открывает душу: «Слушай, ведь в нас старое сидит. Сами только и ищем, где бы чего разжиться, приволочь, отхватить. И во сне держимся за свое барахло! Моя гармонь, мои портянки, моя жена, моя вобла. Человека за кошелек казнили. Мало – двоих. Исправится ли человек? Переломит ли он себя? Этакая маленькая штучка – «мое». На этой вот штучке не споткнуться бы». Радуясь, что разговор получается, комиссар направляет его в нужное русло. Когда Алексей высказывает сомнения относительно крестьянства («мужик не откликнет-

ся»), Комиссар мягко, но настойчиво убеждает: «Пойдет... Не сразу, понятно... мы ему и время дадим: «посиди, посиди, подумай»... Хозяйство будем поднимать. Россию на свет, на воздух выведем. Дышите, люди!»

В кульминационном моменте действия, когда Комиссар, взвесив все «за» и «против», выступает против Вожака в открытую, именно Алексей ставит решающую точку. Взяв в руки чистый лист бумаги, по которому Комиссар сымпровизировала текст составленного именем пролетарской революции смертного приговора Вожаку, посмотрел, повертел им и сказал: «Написано, как сказано». И раздвоившаяся уже ранее матросская масса, припомнив Вожаку казнь ни в чем не повинных людей (высокого матроса, старухи, офицеров, возвращающихся из плена домой), принимает сторону большевиков. С этого мгновения можно начинать счет жизни нового, революционного полка.

Да, коммунисты рисковали своей жизнью: если бы погиб Комиссар, на его место встал бы Старый матрос, питерский рабочий; если убили бы и его – следующим говорил бы Вайнонен... Словно подводя черту под этим диалогом, один из Старшин дает намеренно сухой, уставной комментарий: «Комиссар и коммунисты обязаны при любых обстоятельствах самоотверженно и стойко, показывая личный партийный пример, сделать все и не ссылаться на трудности».

«Оптимистическая трагедия» наиболее яркое произведение, выявившее своеобразие таланта писателя, особенности новой сценической эстетики, принесенной им в театр. И совершенно справедлива мысль Г. Кормушиной о том, что Вишневский остро и решительно поставил вопрос о трагедии в связи с новым содержанием героя. Она пишет о том, что после «Оптимистической трагедии» правомерно говорить о «театре Вишневского»: «Сила характеров, идейная значительность подтекста позволяют говорить о театре героических характеров, выражающих национальный дух русского народа. Новое в жанре трагедии — ее исторический оптимизм, но родился он на русской почве».

II.

Теперь уже общепризнано, что «Оптимистическая трагедия» принадлежит к золотому фонду советской драматургии.

Однако жизнь ее как литературного произведения начиналась до предела трудно. 15 октября 1933 года Вишневский удрученно записывает в дневнике: «Какая-то атмосфера неуловимых и уловимых нападок, иронии, неопределенности, замалчивания... «Оптимистическая трагедия» идет с боем – через молчание и выжидание; премьеру в Киеве замолчали наглухо; книгу и публикацию в «Новом мире» замолчали; в обзоре «Литературной газеты» Оружейников прошел мимо». Правда, Всеволод тут же внутренне собирается, «ощетинивается» и сам себя успокаивает, дает наказ: «...А я буду еще работать, писать все полста лет – если не убьют на новой войне. (Бабка жила до 80, отец в 55 – крепок)».

Алиса Георгиевна Коонен в роли Комиссара в спектакле Камерного театра. 1933.

Ирина Константиновна Архипова – Комиссар. Опера «Оптимистическая трагедия». Большой театр Союза СССР. 1968.

Что же осложнило путь пьесы к читателю и зрителю? Репутация известного, но «шумного» драматурга? А может, новаторский – не сразу понятый и принятый – характер произведения? Или иные, более частного порядка обстоятельства?

Например, такое. В январе 1933 года рукопись еще нигде не опубликованной и не поставленной пьесы была дана Вишневским для прочтения одному из секретарей Оргкомитета Союза советских писателей. Факт передачи еще «горячей» рукописи, разумеется, свидетельство если не близких отношений, то в любом случае большого авторского доверия. Но вдруг произошло то, чего Всеволод никак не мог ожидать: его «приятель» обрушился на автора пьесы с трибуны второго пленума оргкомитета. Чего только он не наговорил! Вишневский дает «хор безликих людей», не в силах отразить богатство социальных отношений; оправдывает анархическую стихию... Вот так, одно выступление – и готов первый «критический паспорт» всесоюзного звучания, полученный «Оптимистической трагедией».

Возможно, об этом не стоило бы упоминать, если бы не сохранился ответ критику, датированный 18 марта 1933 года. Это замечательный документ, показывающий, как

любое суждение по поводу творчества драматурга становилось толчком, побуждением для обогащения его новыми знаниями, как Всеволод умел переступать через личное. Здесь мало говорится о пьесе (она уже опубликована) – ее прочтут, поставят спектакли, и тогда спор, по существу, будет продолжен. Вишневского всерьез занимают вопросы теории – сказанное по поводу его произведений он связывает с общими задачами литературной критики, в данном случае ведет речь о ее назначении и уровне.

Были бессонные ночи, мучительные раздумья художника об истинной идейно-эстетической ценности своего произведения. За помощью он обращается к неизменным советчикам – к книгам. В частности, к переписке Маркса и Энгельса с Фердинандом Лассалем по поводу его пьесы «Франц фон Зиккинген» – изучает убористые, набранные нонпарелью и занимающие около двадцати страниц объяснения Лассаля и четко выстроенные, глубокие оценки Маркса и Энгельса. Вишневский старается понять и показать, как классики достигают единства идейно-эстетического анализа произведения.

И Маркс и Энгельс (последний произносит «критическое слово» лишь после того, как четыре раза прочитал драму) прежде всего дают оценку художественной специфики (композиция, приемы создания образов, особенности языка и стиля). «Энгельс, – обращает внимание Вишневский, – далее устанавливает степень исторической верности трагедии, отмечает удачные – в этом плане – сцены, характеристики, отмечает приемы автора (ввод биографии Гуттена); дает совет усилить нарастание трагического момента в третьем акте, повторно объясняет, почему шекспировские приемы дадут более верное политическое звучание. Он оговаривает, что данные его советы, однако, необязательны и есть десятки других способов улучшить, дополнить политически слабые места. Энгельс подчеркивает также необходимость взаимной критики в интересах партии».

Главное пожелание Вишневского критику: попробуй сравни свой метод (по стенограмме пленума и по отчету в «Литературной газете») с методом, который применяли классики, и ответь: почему, призывая художников к высоким образцам, ты лично этих высоких образцов не придерживаешься?..

Но если абстрагироваться от боли и обиды, причиненных неожиданным и необъективным выступлением, то надо признать, что оно принесло и пользу. Драматург еще и еще раз написанное им подвергал проверке идейно-эстетическими критериями, предъявленными Марксом и Энгельсом к трагедии «Франц фон Зиккинген». Вишневского укреплял в правильности его творческой позиции такой, например, совет Энгельса: давать персонажам «характеристику, которая в то же время прямо вытекает из характера... действующих лиц как типичных представителей»[297]. Противопоставляя абстрактно-демократическому пафосу шиллеровских драм реализм Шекспира с его живостью и действенностью, Маркс и Энгельс предъявляли к драме требование ши-

[297] Маркс К., Энгельс Ф. Об искусстве. – М., 1976, т.I. С. 24.

рокого и всестороннего изображения исторического действия, уходящего своими корнями в народную почву. Революционная трагедия должна отображать борьбу, интересы, идеи широких народных масс, драма будущего объединит в себе, считает Энгельс, высокую идейность с более богатым и полнокровным «шекспировским» реализмом.

Приняв Марксову терминологию, можно сказать, что «Последний решительный» Вишневский в основном писал «по-шиллеровски», превращая индивидуумы в «простые рупоры духа времени». Теперь же для драматурга пришла пора «шекспиризирования»: он настойчиво стремится к созданию полнокровных художественных образов.

И еще об одном задумался Вишневский: Зиккинген погиб потому, что восстал против существующего строя как рыцарь, как представитель гибнущего класса. Он и его соратники должны были погибнуть, потому что они «совершенно так же, как образованное польское дворянство 1830 г., стали, с одной стороны, проводниками современных идей, а, с другой стороны, на деле представляли интересы реакционного класса»[298]. Трагическое противоречие: Зиккинген оказался между крестьянами и дворянством — одни стремятся к освобождению, а другие решительно против.

А почему он, советский писатель, написал т р а г е д и ю? Но разве жизнь не дает оснований для таких произведений? «Я думаю, – говорил Вишневский в своем выступлении на вечере, организованном секцией драматургов Оргкомитета ССП и посвященном обсуждению спектакля Камерного театра, – что даже и в бесклассовом обществе жизнь будет построена отнюдь не на одних улыбках — жизнь остается жизнью, страсти не будут сняты. Верю в тему преодоления борьбы, в дерзания людей!» В письмах профессору А. А. Гвоздеву он так же темпераментно – на примере своей пьесы – показывает неизбежность трагедийного начала.

В самом деле, трагедия у Беринга – идет служить тем, кто давит его класс, уничтожил семью; трагедийна ограниченность Боцмана, оставившего Сиплого в строю, трагичен просчет Вожака, понадеявшегося сломить, «приручить» Комиссара... Измученные войной, германским пленом, истосковавшиеся по родине и близким офицеры, чувствуя, что жизнь их на волоске, вкладывают свою последнюю отчаянную надежду в обращение к Вожаку и матросам. «Я думал, – говорит первый офицер, – что наша русская революция будет светлой, человеколюбивой... Здесь, в нашей России, куда мы, наконец, вернулись, сверкнул первый проблеск человечности... Отнеситесь же к нам человечески доверчиво, чисто...»

Но тщетно: в Вожаке все человеческое м е р т в о... Решение расстрелять офицеров, их гибель – это ли не д в о й н а я трагедия – и для Вожака, и для них?

И, наконец, судьба Комиссара. В первом варианте пьесы погибал весь полк, в окончательной редакции – Комиссар. Это трагедия, но трагедия оптимистическая: жизнь Комиссара отдана во имя народного дела, подвиг ее торжествует над смертью.

Таланту Вишневского гражданственность присуща внутренне: горе, страдания, пе-

[298] К. Маркс и Ф. Энгельс. Об искусстве. М., 1976, т. I, с. 20.

чаль – все это есть на самом деле, все должен познать человек, заглянуть внутрь самого себя, быть способным понять чужую боль, сострадать ей... Да, и эти переживания обогащают духовно, делают человека сильнее.

Репутация новатора и забияки в литературных спорах и дискуссиях во многом повредила Вишневскому. Гораздо больше, чем может показаться на первый взгляд. Ему наносили удары и справа, и слева, и заслуженные, и не очень. На него рисовали шаржи Кукрыниксы и другие карикатуристы, чаще всего изображали в морской форме, вооруженным не меньше, как... дальнобойным орудием. Стоило ему выступить с резкой критикой Вс. Мейерхольда за включение в репертуар ГосТИМа пьесы «Самоубийца» Н. Эрдмана, как тут же в «Литературной газете» появляется фельетон И. Ильфа и Е. Петрова «Когда уходят капитаны», авторы которого высмеивали Вишневского следующим образом: «Вот вы тут сидите и ни черта не делаете, – сразу начинает здоровяк в капитанской форме, – а между тем происходят события огромной важности. Мейерхольд сползает в мелкобуржуазное болото! Если я человек живой, так сказать, сделанный из мяса, я это так не оставлю...»

Постоянное участие в литературной полемике, напористость, категоричность, прямота в отстаивании своих взглядов (порою и небесспорных) косвенно влияли и на оценку его произведений. Как ни явны были слабые места в первом варианте «Оптимистической трагедии», но ни пьеса, ни ее автор не заслуживали такой острой критики со стороны А. М. Горького, какая прозвучала в статье «О бойкости», опубликованной 28 февраля 1934 года в газете «Правда» (кстати, пьеса тогда уже шла на сцене Камерного театра в доработанном, к л а с с и ч е с к о м варианте).

Михаил Жаров, спустя три с лишним десятилетия вспоминая авторскую читку «Оптимистической трагедии» в театре, не преминул заметить, что если бы Горький слушал ее, то он, вероятно, не стал бы ругать Вишневского в статье «О бойкости». В стенограмме речи «Автор о трагедии» «я» выпирает чуть ли не в каждой фразе, в живом же виде оно было лишь поводом для вздоха, для динамического движения речи рассказчика. Печатное слово не могло передать интонацию живой речи, а для Вишневского эта интонация была не менее важной, чем содержание.

Да и потом – дело не только в особом, развившемся в годы гражданской войны строе ораторской речи, которая на всю жизнь сохранится у Вишневского. Когда на Волге в 1918 году вызывали добровольцев разведчиков, он одним из первых произносил: «Я!» Когда в сложных идеологических и литературных битвах необходимо было выступить, он всегда открыто, обнаженно говорил: «Я считаю», «Я убежден». И впоследствии, когда фашистские пираты сбросили бомбы на мирные города нашей страны, он первым прибыл в здание Союза писателей и сказал: «Я иду на фронт...»

Может быть, не всем нравится такое «яканье», что ж, для Вишневского оно каждый раз было прямым выражением его гражданской позиции, чего, кстати, иные «скромники» почему-то избегают.

При перечитывании сегодня статьи Горького, а она на две трети состоит из справедливых, но общего характера суждений, создается впечатление: Вишневский «подверстан» случайно. В понятие «бойкость», включающее и легкомысленное, поверхностное, непродуманное отношение к людям, к различным явлениям жизни, он ну никак не вписывается.

Драматург обвинен, во-первых, в «яканье», во-вторых, в отрицании классиков (в том числе и любимых им Гоголя и Толстого!). В-третьих, в злоупотреблении натуралистическими выражениями в речи персонажей, в-четвертых, Горькому неясен смысл названия «Оптимистическая трагедия». («При чем здесь «оптимизм»? Ведь погибают не враги!»).

Ответное письмо Вишневского пропитано горечью, усталостью и вместе с тем искренним желанием как можно больше объяснить: «Алексей Максимович! Честное слово, все это гораздо проще, прямее выглядит, если хотя бы проверить, поговорить лично. Вы ни разу ведь со мной не говорили. Не знаете меня, моей жизни, сути...»

Вишневский не стал объяснять то, что, по его мнению, ясно из окончательного текста пьесы, и по существу критики отвечал кратко: «Жалею искренне, что Вы не заметили в «Оптимистической» новых матросов, новых партийных сил. Кстати, Вы имели старый экземпляр (первое издание пьесы – 1933 г. – В. Х.). Для театров я дал новый проверенный текст. Многое излишнее, например, необходимую летом 1932 года полемику с рапповской критикой, душившей за одно упоминание о романтике, – я снял...»

Был тверд он и в отношении частностей. Признав, что, возможно, не соблюл пропорций в языке отдельных персонажей, заявил: «За лексику и идеи своих отрицательных героев (Сиплый и Ко) я не могу «отвечать», как и вы, за ряд своих героев. Взятые же из контекста в статью реплики, «афоризмы» и тому подобное могут, конечно, быть иногда несимпатичны...»

А. М. Горький упрекал драматурга в заимствовании у И. Вольнова эпизода с кражей кошелька в первом акте. «Имя Ив. Вольнова я узнал лишь из Вашей статьи, – сообщает драматург. – Случай, мной описываемый, был на миноносце Шлиссельбургского отряда (командир т. Шефнер) в 1918 году».

Конечно, Вишневскому обидно – и вдвойне – после премьеры в Камерном театре, получившей высокую оценку и зрителей и критиков. Но даже в этом случае он в состоянии приглушить личное: «Обложили» Вы меня для примера. Дело понятное. Здоров, крепок я, – ничего! Напишу новую пьесу. А настоящее новаторство нужно!..» И «Оптимистическая трагедия», с одной стороны, в согласии с богатыми традициями отечественной драматургии раскрыла сложные общественно-политические и социально-психологические конфликты через живые и полнокровные образы; с другой – явилась произведением н о в а т о р с к и м, ставящим вечные проблемы жизни и смерти в новой плоскости – революционной романтики и социального оптимизма; произведением, в котором с наибольшей

силой зазвучал неповторимый голос автора – патетически приподнятый и одновременно философски напряженный.

При рассмотрении драматургии Всеволода Вишневского его современники иной раз удивлялись тому, как легко и свободно льется речь его героев. Что ж, если творения художника так воспринимаются – завидна его участь. Однако, без труда прочитывая подтекст таких комплиментов (самородок, что поделаешь – от бога дано), сам Вишневский, как правило, помалкивал и ухмылялся: он-то знал, какой огромный труд таит в себе каждая реплика и каждое слово.

В этой связи примечателен один штрих из истории создания «Оптимистической трагедии».

Известно, что текст ведущих и ремарки в ней играют большую идейную и смысловую роль. Вспомним граненые, поэтические, волнующие внутренним ритмом строки из финала трагедии: «Комиссар мертв. Полк головы обнажил. Матросы стоят в подъеме своих нервов и сил — мужественные. Солнце отражается в глазах. Сверкают золотые имена кораблей. Тишину оборвал музыкальный призыв. Ритмы полка. Они зовут в бой, в них мощь, они понятны и не вызывают колебаний. Это обнаженный, трепещущий порыв и ликующие шестиорудийные залпы, взлетающие над равнинами, Альпами и Пиренеями. Все живет... Всюду движение, шуршание, биение и трепет неиссякаемой жизни. Восторг поднимается в груди при виде мира, рождающего людей, плюющих в лицо застарелой лжи о страхе смерти. Пульсируют артерии. Как течение великих рек, залитых светом, как подавляющие грандиозные силы природы, страшные в своем нарастании, идут звуки, уже очищенные от мелодии, сырые, грубые, колоссальные – ревы катаклизмов и потоков жизни».

Некоторые критики (в частности, Л. Никулин в «Литературной газете») утверждали, что тексты Старшин и ремарки написаны под сильным влиянием творчества Леонида Андреева. Комментируя эти предположения, весной 1934 года (в письме режиссеру Бакинского театра С. А. Майорову – смелому экспериментатору и талантливому художнику, поставившему почти все пьесы Вишневского) он в сердцах выплескивает то, о чем, как ему казалось, могли бы догадаться и другие: «Я опубликую в конце концов ответ критике: «Изучите ранних пролетарских поэтов. Именно из их образного ряда взяты, как сплав, образы и музыкальное построение ремарок и отчасти тексты Старшин. Я укажу на поэтов: Морриса, Потье (автор «Интернационала»), Аду Негри, Фрейлиграта и наших: Герасимова, Маширова, Кириллова, Гастева. Их произведения – полные «космических» образов, напора, смутных порывов, исканий – крайне характерны для 1917–1919 годов... (студии, Пролеткульт, «космизм»). Перечитайте названных поэтов, и Вы увидите, как я строил рамку пьесы: музыкально-романтическую плюс фактуру стиха 1917–1919 годов. Для Старшин поимание этой фактуры – понимание духа революционной поэзии – необходимо!»

Маргарита Володина в роли Комиссара в фильме «Оптимистическая трагедия», 1963.

Сцена из спектакля «Оптимистическая трагедия». Камерный театр. 1933.

Выходит, в поисках языкового ключа к «Оптимистической трагедии» освоены, «переварены» десятки поэтических сборников...

Стиль и язык писателя рождались в среде петербургской интеллигенции, затем – в матросской и солдатской, в рабочей и красногвардейской, в академической военно-морской среде. Выработке своего почерка способствовала и интенсивная журналистская деятельность, регулярное ведение дневников. «В подоснове языка, – писал Вишневский в журнале «Театр и драматургия» в 1934 году, – несомненно, был языковый материал русских писателей периода XIX и начала XX века и отчасти французов и немцев. Во время гражданской войны сильное влияние оказали монументальный, романтический и патетический стили военного коммунизма. Эти влияния постепенно

вошли в мою органику, так как совпали с периодом моего формирования. Мне было семнадцать-восемнадцать лет».

Первое чтение «Оптимистической трагедии» в Камерном театре состоялось в погожее сентябрьское утро 1932 года, по возвращении Всеволода с Черного моря в Москву.

Камерный и его художественный руководитель Александр Яковлевич Таиров в ту пору находились в состоянии творческого кризиса. Одна линия театра – трагический спектакль, направленный против мещанской идеологии и мелких чувств, ею порождаемых; другая – спектакль-арлекинада с его жизнерадостностью и жизнеутверждением. При всем этом Камерный своими спектаклями, как, например, оперетта Лекока «Жирофле-Жирофля», «Принцесса Брамбилла» по Гофману, «Адриенна Лекуврер» Скриба, «Федра» Расина, определенно тяготел и к чистой театральности.

Это понимал Таиров и настойчиво искал путей возрождения театра. Приглашая в труппу М. Жарова, он выразил свои намерения так: нужны актеры для создания театра высокой героики и высокой комедии. И в первую очередь как воздух нужны пьесы.

Первые попытки оказались неудачными. И «Патетическая соната» Н.Кулиша и «Неизвестные солдаты» Л. Первомайского, хотя эти постановки и для режиссера и для актеров явились своеобразными вехами на пути перестройки, приобщения к современной тематике (впервые, к примеру, на сцене Камерного сыграна роль революционера-большевика), публикой были встречены прохладно, а критикой – сурово.

На диспуте о «Неизвестных солдатах» – а он был многолюден и горяч – в ответ на замечание о том, что театр запаздывает с перестройкой и что новый спектакль мало в этом смысле прибавляет, Таиров сказал:

Театр должен иметь свою драматургию, которой нет. Переходить на рельсы реалистического театра – не значит начать перестройку. Мы ждем наших пьес и пойдем своим путем.

И Таиров не сидел сложа руки в ожидании своего автора. Во всяком случае, узнав, что Вишневский работает над новой пьесой, он горячо одобрил его замысел и заранее, еще до написания, заявил о согласии включить ее в репертуар Камерного. Такая поддержка – и моральная и творческая в этот момент, после разрыва с Мейерхольдом – важна была для драматурга.

Таирова и Вишневского нельзя назвать в полном смысле этих слов художниками-единомышленниками. Но при постановке «Оптимистической трагедии» оба проявили завидную выдержку и такт: уважая творческую манеру и художническое видение друг друга, вдохновляя, заражая энергией всю труппу, автор и режиссер были едины. Это засвидетельствовал в своих воспоминаниях Жаров. Правда, в одном своем суждении Михаил Иванович не прав (хотя внешне, наверное, все именно так и выглядело) – в том, что все предложения режиссера драматург реализовал. Напротив, вокруг изменений, вносимых Таировым, как правило, разгоралась ожесточенная борьба, в этом мы сможем убедиться несколько позже.

А во время написания пьесы Вишневский информировал Таирова о том, как движется дело. Как-то прислал открытку с видом Южного берега Крыма и надписью на обороте: «Запасайтесь! Пусть в спектакле будет много света, нам нужен песок, солнце, нужны моряки, пишите в штаб, к Ворошилову, чтобы вам дали двести комплектов обмундирования».

Такое для Камерного было в новинку.

И вот – авторское чтение, то, что современники называли «театром Вишневского» (завлит МХАТа П. Марков вполне серьезно высказывал претензии: «читка Всеволода мне мешает, может, театр сделал бы лучше, иначе, а автор навязывает свое...»). Впрочем, актеры на Вишневского в обиде не были. М. Жаров, И. Ильинский и другие свидетельствуют, что у Всеволода Витальевича весьма своеобразная манера читать пьесы, секрет которой заключался в его способности к мгновенному внутреннему перевоплощению. Он почти не повышал и не понижал голоса, оставаясь тем же Всеволодом Вишневским – человеком с узкими, как щелки, глазами, курносым, круглолицым, с виду добродушным. Однако каждое слово, произнесенное, будто процеженное сквозь слегка стиснутые зубы, наполнялось особой значительностью и точностью передачи собственного смысла и подтекста. Через три-четыре минуты слушатель всецело отдавался прямо- таки гипнотическому воздействию речи Вишневского. У него была такая сила видения того, о чем он говорил, что слова его, возбуждая воображение, заставляли наблюдать происходящее как на экране.

Драматург, закончив читать, опустил глаза и сидел неподвижно. Воцарилась тишина. Ни аплодисментов, ни возгласов – все продолжали жить той трагедией, которая разыгралась здесь и участниками которой все вдруг себя почувствовали. И только залетевший в окно звук затормозившего трамвая на Тверском бульваре вывел присутствующих из оцепенения: раздались аплодисменты. Встал Таиров, поднял руку, призывая к тишине, и сказал:

– Друзья мои, запомните этот день. Это – исторический день...

Друзья! Мы обрели наконец драматурга, не только по-настоящему талантливого и сильного, но и стоящего на общих с нами позициях в смысле дальнейшего пути и задач советского театра!

После этих выразивших общее настроение слов актеры, возбужденные, загоревшиеся жаждой деятельности, окружили Вишневского.

Затем Таиров объявил:

– С завтрашнего дня начнем работать над пьесой. Я объявляю пока четыре роли, которые уже согласованы с автором. Комиссара будет играть Алиса Георгиевна, Алексея – Михаил Жаров, Вожака – Сережа Ценин, Сиплого – Виктор Кларов...

III.

А. Я. Таиров и руководимый им театр после многих лет экспериментаторства к этому времени пришли к утверждению искомых ими начал. Один из незыблемых принципов режиссера — непрестанное движение, обновление искусства, его динамическое развитие. В противовес приземленно-«натуралистическому» театру Таиров исповедовал динамический, романтический реализм. Образы, создаваемые на сцене Камерного, не должны быть статичными, а развиваться на глазах у публики; они призваны нести с собой большие обобщения. Отсюда постоянное, с годами усиливающееся стремление Таирова заглянуть внутрь человека, ослабление внимания к внешнему, к чисто техническим приемам режиссуры, ведущим так или иначе к формализму. Отсюда тяга к трагедии, воплотившаяся в создании ряда спектаклей («Федра», «Гроза» А. Н. Островского, пьесы О'Нила – «Косматая обезьяна», «Любовь под вязами», «Негр»). «Для меня как руководителя Камерного театра, – писал Таиров в ноябре 1945 года, – театра прежде всего героико-романтического, встреча с драматургом Вишневским явилась одним из самых счастливых и плодотворных событий творческой жизни». А вот мнение П. А. Маркова: «Таиров встретил автора, который отвечал одушевлявшей его мечте о современной романтической трагедии. Вишневский сочетал глубинное знание жизни, острую политическую направленность с романтической приподнятостью и отважным взглядом на жизнь...

Таиров, в свою очередь, во многом помог Вишневскому. Он избежал некоторой декламационности Ведущих, свойственной этим образам, освоил и сделал органичной их патетику, сохранив все драгоценные качества Вишневского: живую душу современности, знание морского быта и психологии человека».

Приступая к работе, Таиров сделал доклад труппе Камерного театра (5 декабря 1932 года), в котором продемонстрировал глубокое и созвучное его собственным представлениям о новой трагедии понимание произведения Вишневского. Режиссер считал, что вся эмоциональная, пластическая и ритмическая линия спектакля должна быть построена по своеобразной кривой, ведущей от отрицания к утверждению, от смерти к жизни, от анархии к сознательной дисциплине. Это трагедия, говорил он актерам, потому что весь тонус действия находится на грани максимального кипения. В пьесе нет покоя, нет обыденного состояния людей, здесь бушуют и плавятся человеческие страсти, страсти отдельных людей и масс, брошенных в водоворот, порожденный социальными сдвигами Великого Октября.

Но это трагедия оптимистическая, потому что смерть не является завершением всего круга изображенных в пьесе явлений. Явления и события, доходя до своей предельной точки, опрокидывают смерть и утверждают жизнь, ее силу, ее обновляющее и организующее начало, в этом оптимизм трагедии.

Александр Яковлевич, опытный, умный режиссер, тонкий аналитик, работал с актерами, раскрывал сущность всего произведения, каждой сцены, фрагмента, образа.

Он наметил самые важные, кульминационные моменты спектакля, общую тональность, характер стилевых решений. В отличие от Мейерхольда с его удивительными «показами» Таиров действовал на актеров главным образом словом. И его понимали, и вместе с ним и драматургом вся труппа трудилась с огромным вдохновением.

В Камерном подобрался отличный ансамбль актеров: помимо названных выше, в спектакле участвовали Г. Яниковский – подчеркнуто вежливый, элегантный Командир, прячущий внутреннее смятение за маской скептического равнодушия, И. Аркадин – кадровый служака Боцман; Н.Чаплыгин и И. Александров (Старшины) через флотскую лихость давали почувствовать и матросскую гордость, и торжество, и затаенное горе. Вожак в исполнении С. Ценина – олицетворение силы физической и силы жестокого разума; Сиплый В. Кларова – трагичный, охваченный злобой и страхом, мстительный человек. М. Жаров играл Алексея на огромной амплитуде чувств – от безнадежного отчаяния до простодушной доброты и убедительно показывал, как тот закономерно приходит к пониманию революции.

Художник Вадим Рындин в соответствии с новым для Камерного театра скорбным, суровым, героическим и вместе с тем проникнутым светлым лиризмом звучанием спектакля предложил лаконичное, строгое оформление: сцена – округлая, вьющаяся спиралью, возникала как дорога, по которой будет двигаться матросский полк. Ограниченная лишь горизонтом, она была свободна от каких- либо мелочных подробностей. Плоскости декорационной конструкции в сценах на кораблях передавали архитектонику палуб и площадок, возвышения — боевые рубежи. В неровном, тревожном освещении появлялись матросы, становясь элементом декоративного оформления, но они же делали конструкцию живой и трепетной.

При таком решении становятся более выразительными движения, жесты актеров, и это было очень важно для Таирова, считавшего, что пантомима должна органически входить в ткань спектакля. Не зря же после гастролей Камерного театра в Европе одна из газет писала: «Единство между словом и жестом составляет новую форму зрелища». «Ритмы полка», о которых говорил Вишневский в ремарках, передавались в спектакле при помощи пантомимы, отражая внутренние борения, сомнения, а затем единство и сплоченность матросской массы. В знаменитой сцене прощального флотского бала в вальс включаются новые и новые пары, и зритель видит сложность людских взаимоотношений, понимает чувства людей, заостренные, усиливающиеся перед разлукой, – через рукопожатия, легкое касание пальцев, плеч.

Для Таирова сцена прощального бала имела исключительное значение. В беседе с участниками Всесоюзного совещания режиссеров и художников (25 июля 1944 года) он вспоминал о том, как родился образ спектакля: «Долго мы с Вишневским работали над пьесой, ходили по Тверскому бульвару целые ночи и ощущали как-то ее сущность, но я долго не мог ее увидеть. Я принадлежу к той категории режиссеров, которые, не увидев спектакль, не увидев какие-то его основные моменты, не могут работать дальше...

В «Оптимистической трагедии» я увидел прощание моряков со своими девушками, я увидел вальс, я увидел, как пара за парой выходят моряки с девушками в прощальном вальсе, перед тем как уходить в бой. Это движение пары за парой, по существу, родило все декорации спектакля». Действительно, Таирову удалось добиться сочетания излюбленной им стройности и законченности с динамикой действия.

Спектаклю «Оптимистическая трагедия», поставленному Камерным театром, суждено было стать одним из крупнейших произведений героического жанра на советской сцене. Он получил всеобщее признание и оказал плодотворное влияние на последующие постановки пьесы в нашей стране и за рубежом. Об этом спектакле (а он прошел на сцене Камерного театра свыше 800 (!) раз), создана целая литература: не только статьи в печати, но и книги, научные работы и воспоминания, особенно после того, как миновала полоса искусственного замалчивания драматургии и театра Вишневского. И каждый автор, естественно, избирает свой угол зрения и тон повествования.

Однако, коль скоро этот спектакль принадлежит истории советского театра, очень важно, чтобы при очередных публикациях не искажалась истина, чтобы вновь выходящие издания тщательно сверялись с архивными документами.

Вот что, к примеру, говорится в книге А. Г. Коонен «Страницы жизни» («Искусство», 1975): «Как-то вечером я зашла в кабинет к Александру Яковлевичу. Вишневский и Таиров шагали по комнате и перебирали разные варианты названия. Всеволод почему-то очень боялся определения своей пьесы как трагедии. Он говорил, что за самым словом «трагедия» в его представлении стоит что-то театрально возвышенное: алебарды, пики, горы трупов на сцене. Таиров пытался объяснить ему, что все же он написал трагедию.

– Да, я понимаю, что это трагедия, – возражал Вишневский. – Но пьеса-то оптимистическая.

– А почему бы именно так и не назвать пьесу – «Оптимистическая трагедия»? – вмешалась я.

Всеволод вскочил и, заключив меня в объятия, воскликнул:

– Ура!

И тут же на первой странице пьесы красным карандашом жирно начертил: «Оптимистическая трагедия»...»

Конечно же, спустя много лет мемуарист, даже если он непосредственный участник событий, может и забыть детали, подробности. Но, видимо, не так сложно было бы при подготовке рукописи к печати заглянуть хотя бы в опубликованные в Собрании сочинений дневники писателя.

Еще в Крыму, до первого чтения пьесы труппе Камерного театра, подзаголовок «Оптимистическая трагедия» к названию «Из хаоса» стал названием, а после драматург последовательно и настойчиво отстаивал правомерность жанра трагедии в советской литературе и театре.

Сцена из фильма «Оптимистическая трагедия». В роли матроса Алексея – Вячеслав Тихонов.

Спектакль «Оптимистическая трагедия» в постановке Белорусского драматического театра.

Как-то Таиров обратился за помощью к Вишневскому как к военному специалисту. Отсюда и началось их более близкое знакомство и общение, а страницы дневника драматурга раскрывают ход подготовки спектакля «Оптимистическая трагедия».

«20-го вечером рассказал Таирову черновой план трагедии. Все тянет прочь от монтажа и тому подобного – к целой, крупной вещи. Вижу героику матросов. Это будет новая форма» (22 мая 1932 г.). И дальше в дневнике идет не «пьеса», а трагедия, где уж тут – «боялся» этого определения...

«Отлично, бодро: у Таирова экспликация «Оптимистической трагедии». Широко, интересно взял» (5 декабря 1932 г.).

«Труппа меня встречает отлично. Литовский[299] ведет «тайную агитацию» против «Оптимистической трагедии», что-то вынюхивает, боится... (Киршон для него спокойнее, ближе). Театр-де закроют, может быть провал. «Кампания» его понятна: осложняет дело. Пьеса стоит споров и драки. Отзывы очень разные – и я рад этому. Малышкин в восторге от трагедии и послал ее Гронскому в «Новый мир» для январского номера[300].

Таиров говорит: «Не боюсь, справимся». Он по-своему будет идти и решать. Я буду следить. Дело ответственное. (Вишневский подчеркивает творческую самостоятельность и режиссера и драматурга. – В. Х.)

Напряжений достаточно, иногда что-то пугает меня, но я думаю, что надо все выдержать. Я могу – я должен. Отступать перед напором благополучных критиков не буду. В конце концов — тогда не стоит работать. Кроме того: они мелки и малоценны; моя работа, я чувствую это, что-то даст. И эта объективная сторона обязывает меня» (26 декабря 1932 г.).

Может, кому-нибудь последние строки этой записи покажутся самоуверенными. Нет, это глубокая убежденность и радость художника – «получилось»! И все же именно в эти дни он осознает, что приходит «благословенное недоверие и неудовлетворение» – те самые чувства, которые заставят его напряженно работать еще целый год – вплоть до самой премьеры. Работать, чтобы что-то свершилось.

«Камерный театр читает «Оптимистическую трагедию» уже месяц – за столом. Таиров говорит: «Будет, выйдет эпохальный спектакль». Хватит ли остроты и «грубости»? Посмотрим.

Образы сделаны по моим указаниям п рисункам. (Акварель отдал С.К.[301]). Актеры читают ряд указанных мною книг. Помнят мои читки...

Таиров дает античный рисунок: серое, коричневое, черное плюс белое матросов на вальсе с печальным и эротическим налетом. (Книппер уже написал вальс)» (Ночь на 27 января 1933 г.).

«ГРК»[302] мешает «Оптимистической трагедии». Вечная тема: остро, смело... Трудно работать. На читке у Бубнова[303] клялись в любви и благословляли, сейчас мешают...» (11 февраля 1933 г.).

А тем временем в Киевском русском театре (ныне — имени Леси Украинки) кипит работа: здесь параллельно с Камерным идут репетиции «Оптимистической трагедии». Драматург то и дело вносит исправления в рукопись пьесы и посылает их Л. Курбасу,

---

[299] Литовский Осаф Семенович (Уриэль) – театральный критик, драматург, в то время начальник Главреперткома.

[300] Пьеса опубликована в февральском номере «Нового мира» за 1933 год.

[301] Софья Касьяновна Вишневецкая – жена Вишневского.

[302] Главреперткомом.

[303] Нарком просвещения.

художественному руководителю театра. Вскоре, в марте 1933 года, получает приглашение на премьеру. Зрители и автор впервые увидели «Оптимистическую трагедию» (режиссер В.А. Нелли-Влад, художественное оформление С. К. Вишневецкой и Е. М. Фрадкиной). Вот что записал Вишневский после премьеры: «Оптимистическая» – в Киеве – опять показывает силу реалистических ходов, мысли. Спектакль для меня убедителен – с кровью. Актеру нужна живая ткань... Актеры очень захвачены, благодарили...» (23 марта 1933 г.).

Об игре Любови Ивановны Добржанской – а именно она была первым Комиссаром – драматург с удовлетворением говорил:

«В Киеве просто сделали – по-настоящему – эту роль. Убеждала: своя!»

Спектакль был, как и впоследствии в Камерном, решен строго и лаконично: единая конструкция с ярким куполом и трехступенчатой дорогой через всю сцену. Эта конструкция, данная в разных ракурсах, превращала сценическую площадку то в набережную, то в подземелье, то в уходящую вдаль (вернее – ввысь) дорогу. Так уходил на казнь – в бессмертие – матросский полк во главе с Комиссаром (финал первого варианта пьесы), а из оркестра поднимался освещенный солнцем новый полк. Л. И. Добржанская вспоминает, как она волновалась на премьере, зная, что в зале находится автор, как обрадовалась, услышав от него, что спектакль ему нравится, как поздним вечером сидела вместе с В. Нелли-Владом и С. Вишневецкой и жадно впитывала в себя и то, что говорил Вишневский, и то, как он говорил. У нее не возникало ни малейшего сомнения: он рассказывает именно то, что было на самом деле и в чем он сам лично участвовал. И одновременно Добржанская проверяла себя: так ли она играет Комиссара?.. Знакомство с драматургом, пусть кратковременное, но запомнившееся, ощущение его индивидуальности помогло актрисе усилить роль.

Это отступление, прервавшее рассказ об участии Вишневского в создании спектакля Камерного театра, необходимо. История ведь педантична и суха, она требует безукоризненной точности. А если нет ее, то из статьи в статью, из книги в книгу перекочевывают приблизительные, а то и неверные сведения и факты. «Я знала и ту, – пишет, к примеру, Наталия Сац, – что вдохновила Всеволода Вишневского на создание образа женщины-комиссара в «Оптимистической трагедии», видела и первую исполнительницу – этой роли, незабываемую Алису Коонен».

Кроме того, что Вишневский является автором «Оптимистической трагедии, здесь все не соответствует истине.

Ну, насчет того, кто первый сыграл роль Комиссара, вроде бы все ясно. Никогда не было и конкретной «вдохновительницы» – главный герой в черновых набросках был мужчиной... Да, автор перечислял несколько конкретных фамилий женщин – участниц гражданской войны, с биографиями которых он познакомился во время работы над пьесой. Но при этом не уставал подчеркивать: образ Комиссара – собирательный, обобщенный.

Но вернемся к спектаклю Камерного: прежде чем загремят возвестившие о победе фанфары, немало еще препятствий придется преодолеть.

Второго апреля 1933 года новое обсуждение пьесы в Наркомпросе. И драматург и режиссер держатся достойно и уверенно. Первый подробно рассказал об успехе спектакля в Киеве (как здорово, что премьера состоялась!). Второй же – совершенно неожиданно для своего мягкого характера – потребовал доброжелательного рабочего отношения к «большому, самому лучшему произведению Вишневского».

Кажется, пронесло. Резюме Бубнова однозначно: прочитать пьесу еще раз, если надо – сделать купюры. Пьеса интересная, острая, проблемная. Чуть замешкаемся, и перехватят другие театры. В интересах Камерного надо дать, помехи со стороны Главреперткома прекратить.

Хотя стало ясно, что затея «угробить» спектакль провалилась, Литовский после беседы с наркомом, попросив драматурга остаться, обратился к нему тихо и вкрадчиво (был он, как запишет в дневнике Вишневский, «омерзительно лицемерен и лжив»):

– Дело не в тебе, а в Таирове. Я напечатаю хороший отзыв о пьесе...

«Не мытьем, так катаньем», — подумал Вишневский. Как всегда в минуты возмущения, кровь прилила к щекам.

– Клин между нами хотите вбить, да? Не выйдет!..

Камерный театр продолжал работу.

«Полуторачасовая беседа с Таировым. Он в следующей стадии работы над «Оптимистической трагедией». Спокойнее, деловитее, оппортунистичнее, чем прошлой осенью. Прислушивается, тонко ведет к компромиссам, срезает осторожно мои мысли...

Был и второй разговор по тексту: Таиров дал конструкцию по эпизодам, наметил свои линии. Я боюсь, что это опять примитивная перестройка масс.

У меня масса не перестраивается – вот в чем дело. У меня люди своеобразно – каждый по-своему – доходят до правды. Вижу, что будет борьба с Таировым – надо готовиться. Благополучный спектакль мне неинтересен.Я не отрицаю таировских данных, но смелости, риска нет» (20 сентября 1933 г.).

Вряд ли здесь Вишневский прав: скорее всего Таиров просто стремится к собственному, отвечающему его видению пьесы спектаклю. А что касается близости столкновения с режиссером — это Всеволод почувствовал верно.

Правда, на репетициях драматург сидел тихо, не вмешиваясь, все предоставляя делать режиссеру. И если в процессе работы назревали конфликтные ситуации, Вишневский делал все, чтобы восстановить равновесие.

Весьма любопытный в этом плане эпизод приводит М. И. Жаров. Однажды, во время репетиции ключевого разговора Комиссара и Алексея, Жаров, выйдя на сцену, вдруг обнаружил, что Коонен не находится, как прежде, «в одной плоскости с ним» (дуэт велся стоя, в профиль к публике), а у задней сцены-ширмы. Таким образом, чтобы состоялся диалог, актер волей-неволей вынужден встать спиной к публике.

Михаил Иванович Жаров в роли Алексея в спектакле Камерного театра.

– Простите, Александр Яковлевич, что Комиссар будет теперь всегда стоять там? – спросил Жаров.

– Да, я хочу попробовать, – раздался голос из зала. – Продолжайте.

Жаров пытался продолжать, но все слова роли внезапно вылетели из головы, и он, сказавшись нездоровым, ушел. За кулисами Вишневский спросил его:

– Ты что?

– Я ухожу из театра. Так репетировать я не буду. А иначе они не дадут, все равно затрут!..

– Да ты не горячись! Подожди! Я тебя прекрасно понимаю. Твоя запальчивость доказывает, что ты болеешь за эту роль. Но доверься мне. Я сижу в зрительном зале и все

вижу. Поверь, Алексей и Комиссар — фигуры для меня одинаково дорогие... Подожди премьеры — посмотришь, как будут тебя принимать! И увидишь, что это роль, которая нужна и тебе лично, и театру, в котором ты работаешь. Понял?

Но Жаров уже закусил удила и твердил:

– Нет! Уйду! Уйду!

– Ну, смотри. Подумай, о чем я тебе сказал, и не делай глупостей, – продолжал уговаривать Вишневский. – А дома посмотри вот эту книгу, которую я хотел подарить тебе на генеральной репетиции. Но ладно, так и быть...

У себя на квартире Михаил Иванович вынул из кармана книгу – то было первое издание «Оптимистической трагедии». На титульном листе наискосок четкими буквами написано: «Матросу Жарову с творческим огнем и уверенностью в его российском таланте. Вс. Вишневский, 18 авг. 1933 г.». На следующий день и Таиров и Жаров остыли — после откровенного разговора между ними облако неожиданного осложнения рассеялось, и работа продолжалась с прежним увлечением.

К тому времени на сценах многих театров разгуливали эдакие лихие матросики. Вишневский не преминул предупредить Жарова:

– Боже сохрани тебя играть «братишку». Надо убрать все, что мы видели шестнадцать лет о флоте... Дать подтянутость кадровых старых моряков, силу, строгость плюс страсти, а не разнузданность, бесшабашность плюс страсти. И помни, что я всегда здесь, с вами, если тебя что-то не греет, что-то неясно и непонятно, спрашивай! Требуй! Работать будем вместе!..

Он чутко откликался в тех случаях, если актера что-либо не «грело». Так, когда Алиса Коонен попросила дать ей больше слов в диалоге о собственности, Вишневский переписал его заново.

Поправки и изменения, вносимые в текст, вызвали у драматурга двойственную реакцию: пьеса становилась «потише» (что огорчало), но реалистичнее – что теперь им самим воспринималось со знаком плюс. Вишневский боялся упрощений, сглаживания конфликтов. Ему казалось, что задуманный режиссером спектакль уже литературного замысла. И в то же время зря приписывают Вишневскому лавры отпетого упрямца. Критик А. Анастасьев, например, сообщает как общепризнанное: «Мы знаем, что Вишневский был неуступчив, иногда упрям, нетерпим к критике». Но ведь если внимательно рассмотреть хотя бы подробности доработки, как потом выяснится, главной пьесы его жизни, то окажется: вовсе не отбрасывает Вишневский аргументы своих критиков. Напротив, изучает их доводы, с убедительными – соглашается.

«Как-то мы с ним, – вспоминает П. А. Марков, – засиделись до рассвета у А. Я. Таирова... Мы с Таировым – каждый по-своему – защищали свои художественные принципы, а Вишневский нападал на нас обоих вместе и на каждого порознь с лихостью и яростью отточенного полемиста, что не мешало нам втроем сходиться на общем признании целей искусства. Он действительно обладал даром неистового агитатора,

агитируя порой там, где, может быть, его горячность была лишней, он громил, случалось, воображаемых врагов, что нередко вызывало ласковую иронию у его друзей и нервную раздраженность у противников. Он был искренен до такой степени, что его непосредственность казалась подчас маскировкой или позой. На самом деле в нем совсем не существовало позы, а порою лишь проскальзывало почти детское хвастовство своим молодечеством».

Да, Вишневский поражал своей прямолинейной требовательностью, особенно если речь шла о защите идейных позиций, о борьбе против лицемерия, предательства, лавирования в человеческих отношениях. Тут он в своем стремлении драться был неукротим.

В сентябре 1932 года на вечере драматургов в Теа-клубе Вишневский говорил о своей работе, о путях преодоления рапповского наследия, упомянул о Камерном театре, слегка «зацепил» Мейерхольда. Тот вспыхнул и отреагировал сразу же, выдавая свою ревность. Все поняли: из-за того, что трагедия отдана Таирову, Мейерхольд стал пространно говорить о пролетариате, о читках пьес на заводах. «Я срезал его, – запишет позже Всеволод в дневнике, – повторяя: «А «Самоубийца»? А «Самоубийца»?» Он побледнел, скомкал речь... Он еще что-то выкрикивал. Я заорал: «Арапство!» Взбесился и вылетел из зала, хлопнув дверью, и разрезал палец о дверную задвижку...»

И в подготовке спектакля Камерным, как в классической драме, наступил кульминационный момент, когда возникла необходимость защитить принципиальные вещи. Именно характеру испытанного и стойкого бойца, уверенного в своей художественной правоте и непреклонного в борьбе за нее, мы обязаны тем, что «Оптимистическая трагедия» — и как пьеса, и как спектакль – состоялась.

В последний день октября Вишневский снова записывает в дневнике постоянно тревожащую его мысль-ощущение: Таиров боится Главреперткома и смягчает материал пьесы. 20 ноября выясняется, что попытки «выправить» смелые места зашли далеко: снята сцена самосуда (высокий и старуха)); Сиплому – анархисту, матросу с 1905 года – дана «кулацкая» линия; Беринг – перестраивающийся «спец»; священнослужитель – уже сволочь, шпион. Даже фразу «Я женщина здоровая» убрали – нельзя... В общем, ускользают резкость, размах, дерзость, и получается обычный шаблонный спектакль во имя конъюнктуры.

Теперь Вишневскому ясно: надо настаивать на своем, надо попытаться переубедить Таирова. Удалось ведь ему в конце концов повлиять даже в таком деликатном деле, как уточнение нюансов игры Алисы Георгиевны. Она, входя в роль, перепробовала много разных ходов и почувствовала трудность в отыскании зерна роли. Еще бы – женщина-комиссар 1918 года! Это не Клеопатра и не Адриенна Лекуврер... Иногда в игре Коонен – чеканность, секс, искусственная улыбка. Побольше простоты, силы, идущей от внутренней убежденности, естественности в игре – советовал Вишневский. И Таиров и Коонен согласились с ним, игра актрисы заметно окрепла.

Итак, надо писать ультиматум (вот так переубеждение!). Да, да, ультиматум, утром 23 ноября Всеволод пишет его – А. Я. Таирову и себе.

Отступать некуда обоим. Существует два варианта: первый – отказатся от «перешивок», но он будет рассматриваться как демонстрация и, следовательно, обречен на провал. Второй – сделать лейтмотив вещи реалистичнее, сохранив все эпизоды, трактовку образов. В 3-м акте дать более крепкий рисунок, меньше истерик. Без условной окраски, а реалистически, как вызов, ответ пленных матросов врагам.

«Этот вариант, – пишет Вишневский, – дает дыхание опасности и смерти, вскрывает поведение людей, дает их глубины, доводит все почти до конца... Тексты старшин о гибели полка можно сократить: «Подумать величественно и просто о том, что для нас смерть, борьба...» В данном моем варианте остаются все нити, вся ткань, вся игра... И оптимистический сильный конец...

Сделать все можно в три дня...»

На этом же листе дневника приписка карандашом: «23. Вечер. Таиров обижен, но все принял! Так и пойдет». Правда, спустя шесть дней режиссер снова дрогнул, и Вишневский опять отстоял и его, и себя, и самое главное – спектакль: «Звонил Таиров. Его паника, отсутствие художнической крепости поражают. Он уже предлагает: не дать ли комиссару прорыв в бой из плена? Не поменять ли командира и комиссара местами?

Отказался и твердо заявил о борьбе за концепцию и художественную четкость».

Так и пошло. Спектакль родился, став выдающимся явлением театральной жизни.

На премьеру спектакля 18 декабря 1933 года приехали Леонид Соболев, Иван Хабло, многие другие товарищи и друзья с Балтики, Волги и Черного моря. К концу первого акта – как раз на сцене прощальный бал — взрыв аплодисментов. В антракте Владимир Иванович Немирович-Данченко, улыбаясь, несколько бесцеремонно спрашивает Вишневского:

– Это – лучший акт?..

После второго акта в ложу врываются Пудовкин, Олеша, Штраух, Зархи, Файко... Жмут руки... Возгласы:

– Гражданская война реабилитирована в театре...

– Ждали пятнадцать лет...

Это успех! Третий акт — весь бой на аплодисментах. Финал – плачут... Видят, что «апофеозно», но плачут – и Немирович-Данченко, и многие другие. После спектакля К. Е. Ворошилов от имени бойцов РККА объявил благодарность драматургу и театру.

«Победа огромная, сильная, принципиальная, – с удовлетворением записывает Вишневский в дневнике. – Я повернул Камерный театр. Театр этого хотел, искал. Встреча, в конечном счете, дала отличный результат. Таиров показал себя как практик, организатор, режиссер, политик. Дошел до конца – хотя и не без трудностей, боязни, страхов... Ставка была огромная».

И еще два знаменательных отзыва мы находим в дневнике.

Первый – Демьяна Бедного: «Страшная пьеса, сильная... Сколько вы работали? Видно, как отжат текст, скуп.... Музыкально все. Пьеса сделана – вперед, будет необычайно работать в случае войны...»

Второй – из уст Зинаиды Райх – Таирову, на приеме: «Искренне поздравляю. Вы знаете, я прямая. Без зависти, не как-нибудь — поздравляю». Всеволод Мейерхольд стоит рядом молча.

На протяжении репетиций Вишневскому время от времени кто-либо из «доброжелателей» сочувствовал: конечно, трудно с Камерным... Вот если бы ты с Мейерхольдом помирился, тот сделал бы... Да и сам Мейерхольд публично высказывался: Вишневский – талантливый драматург, но странный человек. Делает ошибки, с Таировым работает напрасно, губит себя...

Театр и автор вступают в некое «таинство брака» – супружество, и ни тому, ни другому не может быть безразлично, с кем он вступает в брак. В счастливом браке родилось прекрасное дитя – спектакль «Оптимистическая трагедия», ставший этапом в развитии советского театра. Каждая столичная газета считала своим долгом откликнуться на постановку. Приведем лишь принципиально важный отзыв «Правды», на страницах которой Ф. Панферов и Б. Резников писали: «Оптимистическая трагедия» — новый тип пьесы и спектакля... Он насквозь агитационный. Но если это агитация, то агитация, поднятая на высоту подлинного искусства...

«Оптимистическую трагедию» надо отнести к тому типу новых постановок, которые двигают наш театр вперед... Ни для кого не секрет, что Камерный театр переживал в последние годы некоторый перелом. Он искал новые формы, искал новую пьесу, чтобы, не теряя накопленного мастерства, стать вровень с эпохой. Он нашел новые формы... в простоте».

Посмотрев «Оптимистическую трагедию» в 1934 году, Жан-Ришар Блок назвал ее «самым ярким и свежим театральным переживанием, новым, грандиозным спектаклем не только по остроте подачи, экспрессивности драматургической манеры, но и прежде всего по своей социальной выразительности».

Спустя несколько месяцев после премьеры театр отмечал свое двадцатилетие. На торжественном вечере был объявлен приказ наркома просвещения А. С. Бубнова о присвоении почетных званий народных артистов А. Я. Таирову и А. Г. Коонен и заслуженных – ряду актеров, в том числе и М. И. Жарову – за роль Алексея в «Оптимистической трагедии». Для творческого коллектива это означало, что он идет по верному пути.

Однако ошибочным было бы думать, что «Оптимистическая трагедия» – и пьеса и спектакль Камерного – сразу были признаны выдающимися. С нескрываемой горечью пишет Вишневский А. Я. Таирову 7 июля 1934 года о том, что пресса «поливает его разными жидкостями» – все за ту же «Оптимистическую трагедию», находя ее «сценически беспомощной».

Писатель не мог терпеть лицемерия, двуличия, не раз говорил о нравственной по-

зиции критика. После первых спектаклей «Оптимистической трагедии» в Камерном, когда уже «раздались выстрелы» то в режиссера, то в драматурга, он с недоумением и даже с какой-то растерянностью записывает в дневнике: «Убойная статья Сольца. Горше всего то, что Сольц 30/XII крепко, увлеченно говорил о пьесе...» С годами Всеволод Витальевич перестанет так болезненно воспринимать подобные вещи — не потому, что свыкнется, просто будет стараться их не замечать.

Уже не одно поколение волнуют слова: «Отложите свои вечерние дела. Матросский полк, прошедший свой путь до конца, обращается к вам – к потомству»...

Нет смысла перечислять театры, где «Оптимистическая трагедия» поставлена (и ставится сегодня), легче назвать те, которые пока еще к ней не обратились. Тысячи советских людей, посмотревших спектакль, правильно поняли его идейно-художественный смысл, воспитательную, мобилизующую направленность. Они писали в газеты безыскусные отзывы, как, например, молодой моряк Панов: «В этом году я ухожу в ряды доблестной Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Для нас, допризывников, будущих бойцов, постановка спектакля «Оптимистическая трагедия» имеет колоссальное значение. Она показывает, как наши отцы и братья боролись и умирали на фронтах гражданской войны. Она воспитывает острое чувство классовой ненависти к врагам и укрепляет веру в великую партию большевиков, сумевшую побеждать врагов и завоевывать массы» («Полярная правда», 9 мая 1936 года, г. Мурманск).

Пьеса была переведена на многие языки мира, и очень скоро ею заинтересовались зарубежные режиссеры. В 1936 году состоялась премьера «Оптимистической трагедии» в Праге (ее постановщик во время оккупации был казнен фашистами); а 16 октября следующего года – в революционном Мадриде. «Спектакль должен был начаться в 5 ч. 30 м., – сообщал корреспондент «Литературной газеты», – но уже задолго до этого времени на небольшой площади перед театром толпился народ.

Семьсот метров отделяют театр от траншей. В любое мгновенье неприятель может обстрелять его. А между тем театр переполнен. Зритель страстно, как нечто свое, родное, переживает пьесу. Его волнует судьба отряда советских моряков: ведь это же его собственная «оптимистическая трагедия»...

1 июля 1948 года – премьера пьесы в Берлине (ее перевел на немецкий Фридрих Вольф), позже спектакль был удостоен премии имени Гёте; в 1950 году «Оптимистическую трагедию» поставил в Париже «Независимый театр». Читая немецкие газеты, Всеволод Витальевич с радостью и гордостью говорил: «Моя «Оптимистическая трагедия» начала вторую жизнь».

Вот лишь несколько знаменательных вех последующей сценической и экранной судьбы его творения.

1955 год. Постановкой Ленинградского академического театра драмы имени А. С. Пушкина после некоторого перерыва «Оптимистическая трагедия» возвратилась на сцены

советских театров. Режиссер Г. Товстоногов и Ю. Толубеев за исполнение роли Вожака стали лауреатами Ленинской премии. По этому поводу Николай Константинович Черкасов писал: «Как ленинградец и как артист театра имени А. С. Пушкина, я счастлив, что два наших товарища первыми среди деятелей драматического искусства удостоены Ленинской премии. Но еще радостней для меня то обстоятельство, что спектакль «Оптимистическая трагедия», рассказывающий о великом подвиге партии коммунистов, создавшей первое в мире социалистическое государство – светоч мира во всем мире, – идет уже более трех лет, и каждое его представление превращается в демонстрацию горячей любви к родной Коммунистической партии».

1957 год. И через несколько месяцев после премьеры «Оптимистической трагедии» в будапештском театре имени Шандора Петефи невозможно добыть билет.

1963 год. На экраны страны вышел кинофильм «Оптимистическая трагедия» (сценарий С. Вишневецкой и С.Самсонова – он же режиссер), в главных ролях снялись артисты М. Володина (Комиссар), В. Тихонов (Алексей), Б. Андреев (Вожак), В. Санаев (Сиплый).

1967 год. Малый театр сумел достичь глубоко философского звучания пьесы, остроты мировоззренческого спора, публицистического накала, присущего этому произведению. Артистические удачи спектакля: Р. Нифонтова (Комиссар), Е. Весник (Алексей), В. Коняев (Вайнонен) – были отмечены в печати, а М. Царев – исполнитель роли Вожака – получил Государственную премию. Позже экранизацию этой постановки осуществило телевидение, выпустив двухсерийный фильм-спектакль.

1968 год. В дневнике Вишневского есть немало записей, подчеркивающих необычайную музыкальность пьесы: «Вечером слушал Верди и Листа. Как-то хорошо думалось об «Оптимистической трагедии»... Финал – на борьбе музыкальных элементов...» Не раз встречаются указания режиссерам в ремарках: «Музыкальное вступление. Рев, подавляющий мощью и скорбью»; «В тишине чья-то безмерная человеческая тоска. Она может быть выражена музыкально...».

Совсем не случайно композитор Александр Холминов, разрабатывая тему великих свершений социалистической революции и гражданской войны, тему рождения нового человека, новых взаимоотношений между людьми, обратился к пьесе Вишневского. И вот опера «Оптимистическая трагедия» с успехом идет в Ленинграде, Свердловске, Фрунзе, Днепропетровске, а на сцене Большого театра СССР восхищает зрителей блестящим исполнением партии Комиссара Ирина Архипова.

1975 год. Делегаты I съезда Коммунистической партии Кубы горячо принимают Комиссара и его соратников в исполнении артистов Гаванского политического театра имени Бертольда Брехта (автор перевода на испанский – директор театра Рауль Масиас, режиссер – заслуженный деятель искусств РСФСР В. Монахов). Кубинские актеры работали над ролями самозабвенно, с огромным подъемом.

К 60-летию Советской власти наши театры вновь играли пьесу о легендарном матросском полке и его Комиссаре.

«МЫ ИЗ КРОНШТАДТА»

IV.

Летом 1933 года, когда контуры спектакля «Оптимистическая трагедия» в Камерном еще только вырисовывались, Всеволод Вишневский неожиданно написал сценарий «Мы из Кронштадта». Правда, неожиданностью это могло казаться лишь со стороны: тяга к познанию и всестороннему отображению мира, его просторов, движения, поиск новых художественных средств закономерно привели его к искусству кино.

В последний день уходящего 1929 года – переломного в его судьбе – Всеволод набрасывает черновой план и отдельные эпизоды кинопереложения «Первой Конной» и отправляет его в Совкино.

В частности, был записан и финал, предвосхитивший ставшие известными всему миру заключительные кадры «Мы из Кронштадта»: «Крым наш... Белые в Константинополь бегут. Вихрь по степи, летит Конная... Море... К берегу. «Стой! Дальше некуда». Стоят конники – двое односельчан – Сысоев и друг его: «Вроде кончили?» – «Вот здорово! Вода дале не пущает...» Прибой. Кони пятятся. Треплет значок эскадронный ветром... Глядят на море богатыри: «Ну, сюда больше не соваться, хребтину переломаем, кто сунется».

Все это было отослано с сопроводительным письмом — по-детски непосредственным, настойчивым, каким-то бесконечно радостным и проникнутым верой в то, что, «идя от эмоциональных восприятий, даваемых пьесой, режиссер, если он наш, если его сердце забьется как наше, при чтении, сделает вещь эпическую».

Экран привлекает Вишневского своей масштабностью, да и тема Красной Армии еще всерьез в кино не решалась. «Давайте дадим, – призывает он в заключение. – Я весь загораюсь от мысли работать для этого – я ведь октябрьский боец, партизан, прошел весь путь. Следил за кино – ждал: Довженко, Эйзенштейн, Пудовкин... Но нет и нет Красной Армии. До сих пор! Ну, давайте же!»

Несмотря на то, что «киногеничность» первого крупного произведения Вишневского очевидна, его темпераментное обращение не вызвало ответного импульса. Однако замысел создания фильма по «Первой Конной» долго не давал покоя писателю. Так, в конце тридцатых годов он пишет сценарий и вместе с Ефимом Дзиганом делает режиссерский вариант.

О том, что рамки театральной сцены становились тесны для Вишневского, свидетельствует ряд его высказываний. В октябре 1930 года в одном из своих выступлений о пьесе («Последний решительный») он опасается: как театр справится, например, со сценой газовой атаки?..

Ограниченность возможностей театра остро ощущал Вишневский и во время постановки «Оптимистической трагедии», а иные ремарки в этой пьесе можно было адресовать скорее режиссеру кино, нежели театральному. Его упрекали в какой-то отвлеченной символике, а ведь истинный смысл ремарок состоял в том, что автору очень хотелось дать ощущение необъятности природы, шума морского прибоя, словом, ощущение потока жизни, грандиозности бытия.

Приход к новому для себя искусству Вишневский объяснял и многими иными факторами. Во-первых, с кинематографией он был знаком давно, и не только как зритель (нередко бывал на занятиях у отца, Виталия Петровича, преподавателя кинодела, одного из первых отечественных специалистов в этой отрасли); во-вторых, начав активно работать в литературе и театре, он пристально всматривался в новую, еще только рождавшуюся, но тем не менее властно, прямо-таки молниеносно захватывающую людей музу. Ему не терпелось сказать свое – после фильмов «Мать» и «Звенигора», «Броненосец «Потемкин» и «Арсенал».

К этим годам относится и возникновение дружеских отношений с С. М. Эйзенштейном и А. П. Довженко, что в известном смысле объясняется тягой Вишневского к кино. Такие разные художники и люди приходили в маленькую квартиру на Нижнем Кисловском и вели ожесточенные споры об искусстве нового времени, о том, что отомрет, а что является определяющим, чему суждено развиваться и крепнуть. Обычно не очень охотно высказывающий свои мнения и оценки автору Эйзенштейн однажды заговорил о том, как он видит на сцене «Оптимистическую трагедию». Например, хор он решил бы в военных движениях, античным условным планом, усиливая разные построения в зависимости от сцен: тревожные, спокойные; бой показал бы так, как его видит хор, – отражение боя на поведении хора. Бал, считает он, надо давать без женщин – это трагичнее. Прощается каждый сам с собой (в паре с другим...). Не все принимал Вишневский, но подобные разговоры о творчестве были полезны для обоих.

С первых дней знакомства (а состоялось оно в конце 1932 года) Довженко отнесся к Вишневскому с нескрываемым любопытством. Сближала их и одна общая черта характера: оба тяжело переживали нападки критики, и оба щедро подвергались им почти за каждое новое произведение.

Обратившись к историко-революционной теме, Довженко в марте 1935 года попросил:

– Всеволод, пиши для меня «Щорса». Пиши один, хочешь – вместе со мной. Воля, желание твое...

Со свойственной ему нетерпеливостью и одновременно основательностью Вишневский взялся за дело: изучал книги о гражданской войне на Украине, организовал несколько встреч со старыми бойцами-богунцами. Однако, увидев, как загорелся Всеволод, Довженко вдруг воспылал ревностью: ему опять, как это бывало и раньше, захо-

телось самому делать своего «Щорса», и в этот творимый им мир доступа нет никому. В мае он сообщает Вишневскому: «Я должен писать один».

Конечно, в такой ситуации нельзя было не обидеться: ведь и Вишневский уже нащупывал свое творческое решение темы. Но Всеволод долго сердиться не умел еще и потому, что, как правило, не уходил в себя, в собственные обиды, а стремился понять другого. После просмотра довженковского кинофильма «Аэроград» он записывает в дневнике с искренней дружеской заботой: «Сашко[304] осунулся, устал. Два года работы. Нервы...»

Спустя месяц Довженко признается:

– Я мучился все время: как работать без тебя, как с тобой... (Ночной разговор 7.XI 1.35.)

Считая Довженко самородком, одной из наиболее интересных фигур в кино, Вишневский не одобрял его пристрастия к символам. Он – поэт, живописец, а потом уже кинематографист. И когда ставит фильм, то в вечной борьбе начал автор – режиссер в нем побеждает первый.

Главное же – то, что, несмотря на обидную историю со «Щорсом», питало их продолжавшуюся всю жизнь дружбу, точно выразил Вишневский: «...Мне внутренне дорог цельный образ (Довженко. – В. Х.), хотя гипертрофия «я» – бывает отталкивание, иногда ревность... Но я иду своим путем. И он мне признался – я в нем сижу внутренне. Наши встречи сильны, откровенны мыслью».

В то время сценарий вообще был в опале. Многие режиссеры, в их числе и Эйзенштейн, относились к нему нигилистически: сценарий – лишь эмоциональная канва впечатлений для режиссера и оператора, главное же – съемка, монтаж.

Прежде чем засесть за написание киносценария, Вишневский считал своим долгом в совершенстве овладеть спецификой нового вида искусства – иначе он просто не взялся бы за дело. Но, естественно, и здесь писатель остается верен основным темам и идеям своего творчества. Обдумывая сценарий (название его родилось сразу – «Мы из Кронштадта», тема и характер художественного воплощения – тоже: «надо дать новое освещение гражданской войны – реалистически укрупненно»), Вишневский находился в состоянии особого творческого возбуждения: «Я пока слушал шум, движенье самих событий... Я восстанавливал для себя эпоху, слушал ее голоса, прежде чем начинать разбираться в голосах отдельных людей... Сюжет идет от столкновения массивов. Для меня сюжет – сама история...»

И драматург действительно строит сценарий просто, следуя за поворотами истории, в частности, за перипетиями героической обороны Петрограда в 1919 году. По

[304] Так называли А. П. Довженко друзья и близкие. Любопытно, что это уменьшительное имя в первые годы его работы в печати (в середине двадцатых годов) было и псевдонимом, за которым скрывался ежедневно выступающий на страницах украинской республиканской газеты «Вісті» художник-карикатурист.

Кадры из фильма «Мы из Кронштадта». 1936.

его представлениям, фильм должен дать прежде всего большие понятия: «гражданская война», «интервенция», «голод», «армия», «тыл» – рабочие.

Первый вариант был написан за несколько недель пребывания на Кавказе – в Цихисдзири. Наметки воплощались и в картинах зрительного ряда: «Кронштадт. Панорама (рыбаки...). Матросы на берегу. Парк. Тема вальса или старой песни. Гул орудий вдали. Наступает двадцать одна держава. Корабельная жизнь 1918–1919 годов. Угольная погрузка. Голод. Отчисление пайка голодающему Питеру. Часовые. На холоде смена часовых. Один стоит босой, но поворот делает по всем правилам устава. Обращение к морякам. Комиссар: «Граждане!» С кораблей уходит часть людей. Комиссар перед боем, ячейка. Фронт. Бой. Полк. Оркестр. Раненые тоже идут в бой. Отстреливается

пулеметчик. Крестьяне, их участие. Состояние голода. Пленный белый солдат. Моряки в плену. Диалоги. «Ты кто?» – «Герой, скиталец морей, орлиное племя, альбатрос». Расстрел. Холодно. Пар изо ртов. Моряки идут обнявшись. Как держатся матросы и как белые. Выброшенная волной фуражка. Параллельно бою полка – в море три эсминца. Весть в базе. Бешенство. Двойной подъем. Эскадра готовится. Десант. Финал. Один встречает другого. «Постой, как тебя?» – «Мы из Кронштадта».

И в новой для себя области искусства Вишневский продолжал ту же линию, что и в театральной драматургии и прозе, – эпическую. «Я считаю, – говорил он, – монументально-героический, эпический, трагический фильм основной линией развития советского кино». В сценарии «Мы из Кронштадта» он стремился найти образное экранное воплощение подвига народа в революции и гражданской войне: «Вещь должна быть пронизана неукротимостью, волей, ясным пониманием цели. На фоне голода и истощения зимы 1919 года эти человеческие чувства будут особенно выразительны».

Он вспоминал свою жизнь, жизнь своих товарищей – мертвых и живых. Из глубины памяти возникали давно позабытые эпизоды, встречи, диалоги – так ясно, словно это было вчера. Постепенно шло уточнение замысла, и только что намеченные линии, образы приобретали индивидуальные особенности и краски. Основательно входил Вишневский и в специфику кино, изучая и решая по-своему проблемы света, темпа, настроения картины. От сумрака – к солнцу и шторму в финале; от некоторой замедленности и задумчивости – к сокрушающей динамике; от давящего, тоскливого настроения, от голода, врагов – к предельному взлету чувств.

Вскоре дальнейшую конкретизацию получают основные идеи сценария: организующее начало партии, единство армии и флота, боевая дружба. «Затем вопросы партийно-боевой этики, поведения в плену, перед лицом смерти, – ставит перед собой задачи Вишневский. – Вопросы поведения раненых. Надо глубочайше разрабатывать эти проблемы в предвидении войны».

В основу сценария положены события критических дней октября 1919 года, когда В. И. Ленин обратился к защитникам города: «Товарищи! Наступил решительный момент... В несколько дней решается судьба Петрограда, а это значит наполовину судьба Советской власти в России...»[305]

Город-крепость Кронштадт стоит на бессменной вахте, охраняя Петроград. Генерал-лейтенант Юденич наступает с суши, и отряд моряков-добровольцев отправляется на помощь красноармейцам и ополченцам. Заняв участок фронта на побережье, матросы вместе с пехотинцами отражают атаки противника. Однако силы неравны, часть матросов окружена и попала в плен. Только одному из них, Артему, удалось во время казни бежать. Он добирается до Кронштадта, и новые отряды матросов успевают прийти на выручку в момент, когда обескровленный пехотный полк из последних сил сдерживает натиск врага. Сокрушительный удар с тыла, разгром белогвардейцев,

[305] Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 39. С. 230.

лавина убегающих врагов... Как помечено в черновике сценария, финал решен в стиле ставшей классической темы сброса интервентов в море: в Черное и Белое моря, в Тихий океан.

Надо сказать, что финальная сцена долго не давалась; было записано множество вариантов, однако ни один из них не нравился автору. И здесь, как порою бывало прежде, немалую роль сыграли воспоминания, лично пережитое. Как мы знаем, на Балтике Вишневский не воевал, но в 1920 году, под Новороссийском, участвовал в атаке особого отряда добровольцев-коммунистов и комсомольцев города, поспешивших на выручку Пензенского пехотного полка. Через Абрау-Дюрсо отряд подошел с фланга, неожиданно атаковал, прижал противника к морю. Об этом Вишневский рассказал в одной из передач радиогазеты «Красный моряк» в 1928 году, а спустя шесть лет на тексте новеллы сделал пометку: «Тема удара — сброса в море!»

Таким и вошел финал в историю кинематографа — истинная вершина фильма, символический катаклизм, освобождающий от напряжения, непрерывно нараставшего в предшествующем действии и в то же время безукоризненно точный с военно-оперативной точки зрения. Десант соединился с пехотой: «Моряки бегут сквозь сдающиеся ряды белых. Подняты руки офицеров.

Матросы гонят белых к обрыву.

...Обрыв у моря.

Белый полковник у обрыва. Остановился в ужасе. В давке его столкнули в море. Вопль...

Матросы настигают белых. Артем впереди.

Матросы вырвались к обрыву. Белые в смятении срываются с обрыва. Матросы сталкивают их беспощадно в море.

Артем и матросы над обрывом.

Победа!

А р т е м. А ну, кто еще хочет в Петроград?!

Суровое, прекрасное лицо Артема».

Работа над сценарием оказалась своеобразным подведением итогов пятнадцатилетнего военного, журналистского и литературного пути. Вишневский вновь и вновь проверяет возможность одухотворения таких понятий, как «город», «крепость», «полк». «Я убежден, – писал он, – что новые исторические масштабы дают возможность по-новому увидеть взаимоотношения коллективов, масс. Образный, игровой потенциал этих коллективов, этих объектов и субъектов истории, я убежден, может давать огромнейшее эмоциональное и идейное воздействие».

После ознакомления с черновыми вариантами «Мы из Кронштадта» режиссер Ефим Львович Дзиган недвусмысленно высказал свои пожелания о необходимости фабулы, интриги в сценарии. Драматург пошел навстречу, но весьма своеобразно – построив сквозное действие на ложном «треугольнике»: в центре внимания – симпатии

Артема Балашова к женщине, которую он принял за подругу пехотинца, их соперничество. Значительно позже выяснится, что это жена командира, и таким образом будет отброшен последний повод для неприязни к пехотинцу. Такое построение пропитано авторской иронией по отношению к привычным, штампованным интригам современной ему кинематографии.

Неужели же судьба города, судьба революции недостаточно драматична?! – словно спрашивал Вишневский.

При развертывании подлинного сюжета индивидуальные линии Артем – пехотинец – женщина становились пунктирными, едва видимыми – их оттеснили общее движение, схватка революционного народа с врагом.

– Помните, что у меня за сюжет, – заострял внимание режиссера писатель. – Любовную линию я дал ложную. Вражда матроса и пехотинца – она иллюзорна, я ведь ее постепенно снимаю...

По конфликту сценарий напоминает драму, а по манере повествования – эпос. Скупо, двумя-тремя штрихами, деталями Вишневский рисует запоминающиеся образы низкорослого матроса (Артем), политкаторжанина Антона Карабаша, пехотинца, гитариста, латыша (командира полка – из латышских стрелков). Автор знал, кто, на каких участках дрался, название того или иного корабля или полка вызывали в его памяти конкретных людей – их внешний облик, вкусы, привычки, мысли, язык. Всеволод воскрешал их любимые характерные словечки и выражения, песни, мотивы тех времен.

В сценарии все сильнее звучит тема гуманизма. Так, в водовороте военных событий появляются дети – символ светлого, человечного, – ради их будущего счастья сражались и погибали бойцы революции. «Глядя на какого-нибудь карапузика, – комментирует Вишневский ввод сцен детского дома, – который впервые видел наган и, уставившись, серьезно и удивленно спрашивал: «А что это?» – я думал обо всем дальнейшем течении жизни этого человечка, о том, что он, рожденный в годы войны, доживет, возможно, до самого конца XX века и увидит бесклассовое общество...»

16 июля 1933 года Вишневский прочитал сценарий близким друзьям. Довженко сказал, что можно (он сам бы сделал) снять «мировой фильм»; дать грубую правду о 1919 годе – так о гражданской войне еще не говорили. И подробно объяснил свою точку зрения: «Здесь все построено на массе. Масса все время ведет действие... Такой сценарий труднее, чем «сюжетный». Тут очень мощные, сильные литературные образы... Картина десанта – страшная, предельно грубая в хорошем смысле слова. Центральный бой дан на сильном голосе... История потопления моряков чрезвычайно драматична. Здесь острое разрешение и глубоко психологический материал. Каждый гибнет по-своему... Мой вывод: сценарий вызовет споры. Теперь все твердят о фабуле, а этот сценарий идет иными путями».

На разнообразные отзывы о сценарии Всеволод реагирует в этот раз сдержанно: не тратит времени на споры, а поправляет текст, углубляет характеристики персона-

жей. Много усилий прилагает для того, чтобы режиссер Е. Дзиган, оператор Н. Наумов-Страж пополнили свои знания в области морского дела, прониклись атмосферой событий, которые разворачиваются в сценарии. Вот одна из записей дневника в те дни: «20 августа 33 г. Изучаем Кронштадт (с Дзиганом. – В. Х.) – архитектуру, топографию. Музеи, быт. Были на южном берегу. Планирую поход в море, полет (для съемочной группы)».

Однажды Вишневский вернулся из штаба флота и радостно сообщил Дзигану:

– Завтра в шесть тридцать утра идем с тобой на подводной лодке в район маневров!

И они пошли в поход...

О совместной работе над фильмом подробно и не один раз рассказывал в своих воспоминаниях Дзиган. Необычным было даже само их знакомство. Режиссер пришел к драматургу и предложил экранизировать «Оптимистическую трагедию».

– Что привлекает вас как режиссера кино в этой пьесе? – ничуть не удивившись, словно к нему каждый день обращаются с подобными предложениями, спросил Вишневский.

Режиссер отвечал подробно, стараясь увлечь собеседника богатейшими возможностями киноискусства.

Вишневский долго молчал, а затем отрубил:

– Делать сценарий по пьесе не буду. Я напишу новую, самостоятельную вещь для кинематографа...

Было бы, вероятно, ошибочным считать, что вопрос о выборе режиссера не вставал перед ним после того, как сценарий был написан. Да и готовых дать совет в этом плане всегда находится немало. А после читки сценария в нескольких аудиториях по литературной Москве пошла гулять острота Мих. Левидова, который на многолюдном собрании высказал автору свое восхищение сценарием в такой форме:

– Новый жанр в кино – эпопея, поэма!.. На вас, Вишневский, хочет ехать в бессмертие очередной режиссер... Вашу вещь не сделают... Разве что один Довженко...

О том, как Вишневский стремился разъяснить постановщику свой замысел, добиться сходного видения, единого ощущения духа, ритма будущего фильма, свидетельствуют свыше 80 писем, отправленных им Дзигану с мая 1933 по 1935 год. В них – подробнейшие мотивировки отдельных эпизодов, уточнения текста, логические обоснования действий, взаимодействий персонажей фильма, режиссерские разработки мизансцен, цветные чертежи батальных сцен; требования «вымерять математически» каждый кадр, порядок их чередования. Целые страницы посвящены поиску выразительных средств, описанию пейзажа, звукового оформления, света, ритма и т. п. По сути, это дневник постановок. Однажды Дзиган, отвечая на очередное послание, написал ответ карандашом. Это вызвало искреннее возмущение Всеволода, при встрече он не замедлил его выразить:

– Как вы не понимаете! Наша переписка может оказаться весьма полезной для изучения проблемы взаимоотношений драматурга и режиссера... А карандаш со временем сотрется...

V.

Как и прежде, в работе с режиссерами независимо от их ранга Вишневский предлагает не только текст, но и свое видение сцен. Еще Мейерхольду он писал определенно и категорически: «Я не хочу быть автором, пьесы которого идут, но который ничего не знает о сути этих работ, их типе, плане, качестве, сроках и т. д.» И здесь, постигая специфику киноискусства, которое и само-то еще познавало себя, Вишневский верен своему стилю работы: он должен знать все о кино и обязан сделать все, на что способен, чтобы фильм получился. Не беда, что он тратит в десятки раз больше сил, чем другие (в архиве сохранилось восемь (!) вариантов сценария), – только бы полностью выразить чувства и мысли, владеющие им. При этом Вишневский всегда помнит и о самостоятельности режиссера, справедливо считая, что надо внимательно относиться к художественным правам каждого из участников работы над фильмом.

Писатель творил на виду у всех, охотно делился своими замыслами, читал даже незавершенные вещи. И конечно же, широко использовал уже имевшийся опыт советского кинематографа. Вот каковы, на его взгляд, главные идеи лучших современных ему картин:

«В «Броненосце» – взрыв масс.

В «Арсенале» – бесстрашие, отрицание смерти.

В «Конце Санкт-Петербурга» – эволюция человека, масс.

В «Земле» – пантеизм, вечность.

В «Иване» – трагедия крестьянства + проблеск к новому.

В «Чапаеве» – личная трагедия + батальность.

В других – «Дезертир» и тому подобное – мелко...»

25 июля 1935 года Всеволод пишет Дзигану: «Работаю, как каторжник, головные боли начались». Не удаются сцены с пехотой, и он опять и опять возвращается к отработке этих эпизодов. Погружен в фильм «до забвения». Но при этом предельно честен, строг к себе и принципиален: «Перебираю, пристально ищу, что плохо у меня, что плохо у Вас или актеров. Эта выверка нужна сейчас, как никогда. Есть еще время переснять, исправить».

Как всякий большой художник, Всеволод Вишневский был творчески щедр. Выслушав очередные вопросы, сомнения, он предлагал все новые и новые варианты текста.

«Ты скажи, – просил он Дзигана, – что ты не чувствуешь, не видишь, не принимаешь. Дай свои предложения, а я детонирую». Детонировать... Это слово из лексикона военных моряков означает: взрываться – некоторые вещества детонируют от удара,

укола, трения. Вишневский творчески взрывался от импульса мысли, направленного на решение задачи, которой он в этот момент жил.

Как-то во время обсуждения сцены ухода отряда на фронт режиссер выразил пожелание: хорошо, если кого- либо из матросов будут провожать родные. Автор живо откликнулся:

– Кто именно?

– Может, мать Артема?

– Нет, нет... Не Артема, а гитариста...

И Вишневский тут же набросал весь диалог, вошедший в канонический текст сценария.

Благодаря сильно развитому дару импровизации драматург нередко во время публичного чтения находил более точные слова, реплики и даже целые сцены. Так родился – на глазах многочисленной аудитории в помещении Союза писателей – знаменитый диалог «пскапского» с комиссаром морского отряда.

...Атака белогвардейцев отбита. «Вдоль окопа ведут взятого в плен солдата. Крики матросов:

– Буржуя ведут!

Комиссар посмотрел на пленного. Спросил по-английски:

– Do you speak English?[306]

Солдат озирается, молчит – он испуган.

Комиссар спрашивает по-немецки:

– Sprechen sie deutsch?[307]

Солдат молча смотрит на комиссара и матросов. К комиссару наклоняется бородатый матрос:

– Может, португал?

Пленный наконец произнес:

– Мы пскапские, мобилизованные.

Матросы улыбнулись.

К о м и с с а р. Какого полка? Кто командир?

П л е н н ы й. Не знаю... нам в Петроград велено.

К о м и с с а р. Ага, в Петроград?

П л е н н ы й. Ага...»

Режиссер и сценарист совместно нащупывали и постановочные и актерские решения. В начале тридцатых годов звуковая кинематография, приходя на смену немому кино, только начинала свой путь, и некоторые художники пребывали в растерянности, о ближайших перспективах говорили с явным беспокойством. Главную опасность для нового искусства усматривали в прямом возвращении к «истрепанным театральным

[306] Вы говорите по-английски? *(англ.)*

[307] Вы говорите по-немецки? *(нем.)*

приемам», к «тирании слова и звука», которая с помощью механического посредника станет еще ощутимее. Надо было осознать, как звук, звуковой образ, звучащее слово на экране может стать мощным художественным выразительным средством.

Над всем этим глубоко задумывается Вишневский, хотя, казалось, его роль в создании фильма уже сыграна: литературный сценарий есть, он принят на «ура!». Даже отзыв обычно сдержанного кинематографического руководства благоприятен: «новое слово»... Свежесть, полнокровие, постановка вопросов смелая...

Именно Всеволод Вишневский первым из писателей захотел увидеть в процессе работы над сценарием все компоненты будущего звукового фильма как единого художественного целого. Он посылает Дзигану многостраничные заметки, которые можно было бы объединить в один труд под названием «О звуке»: «Изучение фильмов показывает, что немое кино давало интим. Звуковое кино в массе нарушает это. Оно дает вторжение звука в лоб – форте. Надо найти теплоту, игру звука, от интима, пианиссимо до форте. Надо дать два-три-четыре плана звуков, добиваться полифонии, а не долбить примитив: либо говорят герои, либо им произвольно подыгрывает музыка. Звук должен быть органическим игровым компонентом. Он должен по-особому окрашивать действие, вторгаться, как драматический элемент....»

И одновременно беспокоится о воплощении в фильме конкретных звуковых решений: «До сих пор Вы и я искали приемов, звуков от микроскопического до рева орудий; игры приемов... Нашли ряд вещей. Но что сделано для нахождения нужных фактур звука, для возведения их в искусство?.. Надо искать и звуки воды, и свисты снарядов (каждый по-своему в зависимости от веса, температуры, атмосферы), храп спящих (каждый по-своему), топот ног по граниту, чугуну, земле (каждый по-своему)... Где вы достанете эти п о д л и н н ы е звуки?..

Надо добиться архитектонической ясности звуковой драмы, то есть борьбы звуковых начал...»

Как решить, например, выход десанта и Балтийского флота в шторм? Какие звуки борются с какими и как? Над этими и многими другими вопросами задумывается Всеволод. Тон его писем требователен: в творческом коллективе от каждого зависит немало, а свое собственное поле он пашет с самозабвенным трудолюбием.

В звуках, красках Вишневский ищет и реалистической точности, и эпической широты. Он настойчиво советует оператору Н. Наумову-Стражу, композитору Н. Крюкову, художнику В. Егорову обращаться и к картинам маринистов, и к газетам революционной поры, напоминает о живительной силе непосредственных личных наблюдений, непрерывном накоплении собственного опыта, точных знаний. Вишневский исповедовал принцип: цельная вещь складывается в том случае, если все ее составные доскональны, в подробностях увидены художником.

– Учитесь делать быт по Толстому, – говорил он Дзигану. – Ищите выразительные жесты, действия...

Кадр из фильма «Мы из Кронштадта»: «А ну?? Кто еще хочет в Петроград?» 1936.

И подбрасывает свои варианты решения, сохранившиеся в его памяти бывалого солдата картинки с натуры:

«Напишите себе военную партитуру на 100 бойцов. Что делают в бою эти 100 человек? Кто как ранен? Кто где сидит, лежит, бежит? Чьи, когда реплики? Чьи, когда, какие взгляды, жесты, реакции (на огонь, на стон, на взрыв и так далее)?

...Бой пехоты крайне устремленный, упорный, осмысленный. Например:

1) У красноармейца расщепило винтовку (осколком), взял у убитого хорошую.

2) Оглушило, засыпало песком, лицо черное, человек почти ослеп. Как он промывает, прочищает глаза и снова бьется...

3) Как раненый рассматривает свою кровь. Течет из головы (из носа, рта...) – капает на ладонь. Боец смотрит... и вновь стреляет.

4) Убитый упал с папироской. В передышке боец, увидев, просто берет изо рта убитого эту папироску: «Подымим, что ли?»

5) Идут раненые... Один боец-коротышка: «Пишите!» (Потом и его ранило!)...»

Выразительна одна из фотографий периода съемок «Мы из Кронштадта». На ней изображен Г. Бушуев (Артем): на минутку подошел он к Вишневскому, а тот, улыбаясь, почесывая характерным жестом затылок, как будто говорит: «Понимаешь ли, какая штука... Нет, не то у тебя получается...» Советом, дружеской критикой, а то и показывая, как заправский режиссер, драматург нередко помогал другим актерам –

В. Зайчикову, исполнявшему роль Комиссара, П. Кириллову (Валентин Беспрозванный), Олегу Жакову (Командир-латыш), Р. Есиповой (Женщина). Его особенно волнует то, как под воздействием исторических событий изменяется психология, сознание людей. Вишневский нацеливает весь коллектив на современную трактовку характеров, в этом плане интересно пожелание Дзигану: «Говорите о роли с Бушуевым сутками, раскрывайте ему смысл! От него будут требовать: «Давай героя 1935/1936 года! Давай живого сложного героя РККА!»

«Истории вообще – нет без сегодняшнего дня!»

И Бушуев сумел воплотить в образе Артема сильные и яркие черты народного характера, сыграв незаурядную, самобытную, резко очерченную личность.

Обращаясь к опыту классиков драматургии, Вишневский призывал своих товарищей к «шекспиризации» образов сценария: надо дать картины наитруднейшей борьбы бойца, коллектива с собой, с врагом, со стихиями. Такая творческая установка поможет воссоздать образ эпохи в целом. Так считал писатель, и многого в этом направлении достигли актеры, работавшие с полным напряжением. А некоторые из них даже рисковали жизнью. Например, Зайчиков в сцене гибели Комиссара, захлебываясь, лежал связанный под водой, а когда вытаскивали – идеально изображал мертвого, не шевеля ни одним мускулом и не дыша...

Удивительной точностью, простотой и ясностью поэтического языка автор достигает неотразимой силы художественного воздействия на читателя и зрителя. Язык Балашова грубоват, отличается резкостью интонаций, что соответствует его натуре, содержит немало оборотов народной речи; Мартынов говорит литературно и в то же время понятно, просто, употребляя политические термины, иногда – приподнято, патетически; в репликах моряков много иронии, юмора, присущих характеру русского человека: «Мне кажется, барон, вам готовится неприятность»; «Двигай, кочегарная сила», «Иди, Антоша, объяснись с Юденичем...»

Критика уже в тридцатых годах отметила высокую художественность сценария. «...Язык персонажей лаконичен и лапидарен, он расцвечен матросскими и бытовыми словечками, резкими и необычайными выражениями. Он создает атмосферу напряженности, атмосферу необычайности не только в ситуациях сценария, но и в речевых ее характеристиках...».

Однако в самый разгар подготовительных работ к съемке вдруг пришло предписание Главного кинофотоуправления (ГУКФ): все приостановить. Причина? Некоторые специалисты, с горечью отмечает в своем дневнике Вишневский, считают сценарий «несоветским». Об уровне и характере критики тех, кто жаждал «подправить» сценарий, можно судить по страстному ответу Всеволода Витальевича на Всесоюзном производственном совещании 20 декабря 1933 года, в котором он твердо отстаивал цельность, высокую идейность и правдивость своей работы:

«Я показываю то, что имело место в жизни, то, что является исторически верным и

Вс. Вишневский и актер Г.Бушуев, сыгравший роль Артема на съемках фильма «Мы из Кронштадта». 1935.

типичным. Вы комиссара хотите видеть центральным героем, а у меня замысел иной. Вы хотите, чтобы матросы целовались с пехотинцами сплошь, а я знаю, как было в жизни. Мои матросы есть матросы. У них кровь черна от угольной пыли. Было много тяжелого в нашей службе, в нашей жизни, в наших душах до 1917 года. Менять это в угоду критике не буду. Нам нужно точно, средствами нашего искусства сказать правду о нашей жизни, правду о нас самих. Корни старого очень сильны в людях... Смешно от меня требовать этакий энтузиастический Кронштадт. Разве вы не понимаете, что я даю Кронштадт с его глубочайшими старыми корнями. Разве вы не понимаете, что я говорю людям: смотрите, какой темной и страшной была раньше жизнь, как трудно было, дерясь с врагом, еще драться с самим собой. Вы подходите сейчас ко многому с

позднейшими мерками. Меня многие обвиняли в тех же грехах, о которых говорилось здесь, и за «Оптимистическую трагедию». Но я не уступлю.

Меня интересует самый первичный процесс, хочу видеть, как зерно падает в землю и как пробивается первый росток. И я слежу непрерывно за душами, за сознанием своего низкорослого матроса и его друзей. Это и есть замечательнейший процесс перерождения людей. Забыли вы разве те годы? Вы требуете, в сущности говоря, какого-то другого сценария о Питере, о политотделах и т. д.».

Но в ответ – полное непонимание, нежелание вникнуть в творческий замысел. Сценарий явно «пускали на дно». Взамен помощи и поддержки из ГУКФа присылались канцелярские заключения и бумаги. Единственно, что мог противопоставить автор, – экземпляр журнала «Знамя» (1933 год, № 12), где был напечатан сценарий, заявивший о своем рождении как прообраз фильма.

И все же под давлением писательской, кинематографической общественности работы над фильмом «Мы из Кронштадта» возобновились. Правда, стычки с кинодирекцией продолжались почти до последнего дня монтажа («снято темно», «мрачно», не хватает «солнышка» и т. п.), но Вишневский и Дзиган не поддавались атакам администраторов.

Дело близится к завершению. Вишневский смотрит снятые и уже смонтированные кадры, всем своим естеством вновь переживая судьбы героев: нередко во время просмотра по его лицу текут слезы. А ведь сентиментальным человеком его никак не назовешь. Впрочем, это ничуть не мешало Всеволоду замечать даже малейшие неточности, фальшь, неудачно снятые кадры. Чувство художественной правды у него было развито необычайно.

Незадолго до сдачи фильма Вишневский писал Дзигану: «В материал Ваш верю. Матросов поняли Вы редкостно... Сердце мое бьется неровно, взволнованно. Даже Зайчиков стал покоряюще прям, вот волевой большевик. А казнь (тьфу-тьфу, не сглазить!) войдет в историю киноискусства, как думается мне, и атака с «Интернационалом», и ход раненых, и десант, и финал...»

Мечта Вишневского сбылась: пожалуй, ни в одном своем произведении он не смог достигнуть таких высот отображения движения масс, воссоздать такое дорогое для него время столь правдиво и достоверно. Весь фильм, как и задумывал автор, воспринимался как ожесточённое, непрерывное – день и ночь! – сражение революционного народа с врагами, нападающими отовсюду. Вслед за «Броненосцем «Потемкин», «Чапаевым» и другими классическими советскими лентами «Мы из Кронштадта» вот уже более четырех десятилетий живет активной жизнью, при каждом своем появлении на экране неизменно собирая полную аудиторию: в кинозал приходят и смотревшие его ранее, и новые зрители – молодые. Мужество, стойкость, бесстрашие революционных матросов и красноармейцев запечатлены в фильме на века.

Об этой картине огромного идейного, публицистического накала, выдающегося мастерства и удивительных художественных свойств сказано и написано немало, отсчитывая от самых первых откликов.

Печать была единодушна – теперь хвалили и те, кто год-два назад в глаза или за глаза ругал сценарий и пророчил фильму провал.

Приведем хотя бы несколько отзывов сразу после выхода фильма на экраны.

«Никакими беглыми заметками нельзя исчерпать художественную силу и непередаваемое впечатление фильма. Советская кинематография, все наше искусство по праву гордятся «Чапаевым». Они могут с таким же правом гордиться новой своей победой... Во всем фильме ясно чувствуется стиль, темперамент и масштаб Вишневского...» («Правда», 1936, 3 марта).

«Фильм «Мы из Кронштадта», – писал Фридрих Вольф, – мог родиться только в Советском Союзе... Голливуд мог бы собрать у себя всех знаменитостей, мог бы зафрахтовать несколько эскадр американского флота, затратить несколько миллионов долларов – и тем не менее ему никогда бы не удалось создать фильм, проникнутый тем величественным пафосом, которым дышит фильм «Мы из Кронштадта» (газета «Кино», 1936, 6 марта).

И зарубежные газеты поместили рецензии, статьи о советской картине, называя ее крупнейшим произведением киноискусства.

«Картина напоминает фильм «Броненосец «Потёмкин» и по драматизму и по масштабу. Это захватывающее зрелище. Трагизм картины проникнут штрихами мрачного юмора и непреклонным боевым духом и с начала до конца приковывает напряженное внимание зрителя. Рассказ ведется просто, сильно, сжато. Каждая сцена хорошо продумана кинематографически» («Нью-Йорк пост», 1936, 1 мая).

«В «Чапаеве» прославлен героизм Красной Армии; в фильме «Мы из Кронштадта» так же величественно прославлен Красный флот» («Нью-Йорк таймс», 1936, 2 мая).

«В сравнении с этой картиной голливудские пропагандистские фильмы кажутся тепличными растениями» («Дейли ньюс», 1936, 7 мая).

Не обошли создателей фильма ни слава, ни награды. В 1936 году постановлением Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР «за заслуги в деле развития кинематографического искусства, выразившиеся в создании кинофильма «Мы из Кронштадта», В. В. Вишневский и Е. Л. Дзиган награждены орденами Ленина (кстати, это было первое награждение такого рода – не в связи с юбилейной датой, а за художественное произведение). Шедевр советского кино был отмечен главным призом на Всемирной выставке в Париже, а в марте 1941 года удостоен Государственной премии.

Фильм вышел на экраны, когда в Западной Европе уже разгоралась вторая мировая война, и потому образы и события, показываемые в нем, приобрели особую международную остроту и актуальность. Больше всего радовало Вишневского то, что картину смотрели рабочие Запада, бойцы интернациональных бригад, сражавшиеся в Испа-

нии. Высочайшей похвалой для него были слова, сказанные Долорес Ибаррури: «Испанский матрос Антонио Коль был первым, кто с успехом атаковал танки ручными гранатами. Потом бесчисленные группы антитанкистов последовали его примеру, и все они утверждали, что если бы они не видели фильма «Мы из Кронштадта», то не посмели бы бороться против танков».

Как вспоминает очевидец, советский кинооператор Б. К. Макасеев, кинокартина в течение двух с половиной месяцев не сходила с экранов осажденного Мадрида. На улицах города были расклеены плакаты: «Мадрид – это Петроград», «Защищайте Мадрид, как русские рабочие защищали революционный Петроград». Задолго до начала утренних сеансов в кинотеатре, занимавшем нижний этаж отеля «Капитоль», собиралась толпа вооружённых бойцов. Во время демонстрации «Мы из Кронштадта» в момент, когда матрос падает в море, кое-кто из зрителей не выдерживал и... стрелял в белых на экране, так огромно было эмоциональное воздействие фильма.

А на фронте можно было видеть, как, готовясь к атаке, бойцы передают друг другу после затяжки сигарету. Когда им предложили пачку — отказались и объяснили, что сигареты у них есть:

– Ведь так было у вас, когда вы делали революцию, – и недоумение рассеялось. Стало ясно, что бойцы смотрели фильм «Мы из Кронштадта».

Триумф фильма, пожалуй, не очень удивил Вишневского. В общем-то он его ждал, и сознание победы пришло к нему спокойно — без «опьянения», без головокружения. Однако удача заставила еще и еще раз докапываться до ее истоков: «Чем больше думаю, тем больше постигаю великую неисчерпаемость темы народа...» А затем с еще большей определенностью добавляет: «...Ни на секунду не забывай об общечеловеческом... Оно в «Кронштадте» было понято и в Москве, и в Мадриде, и в Нью-Йорке, и в Шанхае... Почему? Потому что были эпические страсти, события, борьба народов, их сынов, простых людей за свою честь, свободу, идеи. Это – в эпоху войн и революций – и есть общечеловеческая тема».

«Мы из Кронштадта» – этапное произведение и для советского кинематографа, и для самого Всеволода Вишневского. Отныне он вошел в историю кино как достойный представитель эпически-монументального жанра, по-своему развивающий традиции Эйзенштейна и Довженко.

Весной 1936 года Вс. Вишневскому и Е. Дзигану вместе с Р. Есиповой и С. Вишневецкой была предоставлена трехмесячная командировка в Европу. Первый просмотр «Мы из Кронштадта» состоялся в Праге. В зале находились друзья и враги, и это проявилось в реакции зрителей: овации, молчание, выкрики, шиканье, демонстративный уход одиночек. Раз десять взрывались аплодисменты, хотя здесь они не в моде.

Затем – Вена, Париж, Лондон, Рим, Варшава...

В Париже накануне премьеры не обошлось без конфликта с властями. Министр внутренних дел господин Сарро, посмотрев фильм, потребовал, чтобы кинокадры с

Кадр из фильма «Мы из Кронштадта». 1936.

пением «Интернационала» были вырезаны. Вишневский ответил: национальный гимн СССР неприкосновенен. Тогда разрешение было дано, но с припиской – в случае, если в кинотеатрах возникнут инциденты, вопрос будет пересмотрен.

Перед началом сеанса в кинотеатре «Mariveau» (там, кстати, специально для показа «Мы из Кронштадта» переоборудован экран – в момент атаки он становится шире) к Всеволоду снова подходят двое из департамента: «Мсье Вишневски... Во избежание эксцессов кое-какие выражения не могли бы вы изъять из фильма?» И конечно же, получают решительный отказ – даже в Нью-Йорке фильм идет полностью, без купюр...

Он волновался, словно перед боем, находясь лицом к лицу с врагом: ведь в зале в основном состоятельная и чиновная публика. Его просят сказать несколько слов: общество желает видеть «господина Вишневского». «Я знаю, – напишет он впоследствии в путевых дневниках, опубликованных в журнале «Знамя», – если я начну говорить, то сейчас, сию же минуту, я скажу многим в этой публике то, что говорилось на демонстрации (бастующих рабочих. – В. Х.). Я любезно отклоняю предложение: «Говорить будет фильм». Улыбка очарования. Я отвечаю еще более очаровательно...»

А на следующий день «Пари суар» отметит, что публика «сидела почти в религиозной тишине». Сдержанность парижского света почти час боролась с идеями, ду-

хом фильма. И, наконец, прорвало — зал разразился овацией, возгласами: «Exclusive! Formidable!».[308]

Вишневский достойно и независимо, с чувством гордости за свою страну представляет ее новое искусство. Нередко в отношении к нему и его товарищам, помимо всегда присутствующего прямого или скрытого уважения, проскальзывали ноты заигрывания, особенно это ощущалось после просмотра кинокартины.

Во время пребывания в Париже Вишневский подолгу беседует с главным редактором газеты «Юманите», депутатом от коммунистической партии в парламенте Полем Вайян-Кутюрье, по приглашению Пабло Пикассо приходит в его мастерскую, знакомится с последними работами художника. Совершенно неожиданно для себя Вишневский узнал, что его просит зайти некоронованный король литературного авангарда Джеймс Джойс. Больной, почти ослепший человек, он, как тут же выясняется из разговора, ничего не знает о Советском Союзе. А то, что ему известно, почерпнуто из арсенала «желтой» прессы.

Полувыключенный из жизни писатель тем не менее не хочет оставаться в стороне от важных событий: он слышал о фильме «Мы из Кронштадта» и хотел бы его посмотреть: «Если сяду в первом ряду – увижу...»

Характерно, что в путевых заметках Вишневского не осталось и следа от былого увлечения творчеством Джойса. Просто одна из встреч в ряду других, и все они дают острое ощущение, что значат Москва, Советский Союз для Европы, для мира.

В Париже Вишневский видел многотысячные демонстрации рабочих, майские митинги на площади Бастилии, у стены Пер-Лашез, на месте расстрела бойцов Коммуны. В Марселе – огромный бастующий порт, красные флаги на судах, набережной и темные пятна крови на асфальте – фашиствующие молодчики убили рабочего, распространявшего коммунистические газеты. Прощаясь с Францией, Всеволод записал: «Война – ее следы, ее дыхание в Европе – повсеместны. Денно и нощно ее образы, слова, воспоминания преследуют людей». Это — о первой мировой.

Но не менее ощутимо предчувствие новых кровавых столкновений. В Париже, в день 1 Мая на экранах показывали гитлеровские парады, а на бульварах продавали фиалки и ландыши. Люди хотят мира, покоя, труда, благополучия. Вишневский тут же фиксирует: военной машине фашизма противопоставлять ландыши смешно. И огромные европейские массы с их тягой на берег речки, к удочкам, цветам представляются ему как несчастное, трагическое сборище...

А на Родине «Мы из Кронштадта» смотрели целыми коллективами. Тревогу авторов фильма зрители поняли и разделили.

Во всю свою огромную идейно-художественную силу кинофильм звучал и в годы Великой Отечественной войны: его смотрели на фронте и в тылу, черпая нравственную поддержку и вдохновение, зримо ощущая преемственность и неразрывную связь поколений.

---

[308] «Исключительно! Грандиозно»! *(франц.)*

Государственное издательство политической литературы в самые трудные дни сорок второго года, сочло необходимым выпустить отдельным изданием литературный сценарий «Мы из Кронштадта» — с полной убеждённостью, что он будет воевать. Книгу предваряли проникновенные строки Николая Тихонова, который писал о подвигах бойцов, принявших эстафету революционного мужества:

«Мир увидел, как цепи кронштадтских моряков, скинув бушлаты, в полосатых тельняшках, с гранатами в руках и у пояса – другого оружия они не взяли с собой – шли в атаку под огнем автоматов и пулеметов. И враг дрогнул, не выдержав этого молчаливого удара...

Над Кронштадтом закурчавились дымки зенитных разрывов. День и ночь набрасывались немецкие самолёты иа Кронштадт, и железный город отбивал все их атаки. Новый Артем спрашивал, смотря на залив, в воде которого догорал стервятник с черными крестами иа боках:

– А ну, кто еще хочет в Ленинград?

Прекрасный фильм «Мы из Кронштадта» был продолжен самой жизнью».

«МЫ, РУССКИЙ НАРОД»

VI.

Идея одного из самых крупных, однако до сей поры по достоинству не оцененных произведений Всеволода Вишневского родилась декабрьским вечером 1935 года и в дневниковой записи сформулирована так: «Мысли о сценарии «Россия», – окруженная, бьется (18–19-е годы). Именно — Россия!» В этом замысле получил свое дальнейшее развитие основной идейно-художественный принцип писателя: народ – главная движущая сила истории. «Я считаю, – говорил он, – что в фильмах надо ставить основную большую проблематику: проблематику народа, его судьбы, его возможностей, его духа. Почему это необходимо? Не только потому, что у нас по-новому возродилась тема Отечества, Родины, тема становления нашей мощи, но и потому, что с начала 1933 года укрепляется наш главный противник: перед нами – германский фашизм».

Весь 1936 год ушел у него на обдумывание новой вещи. И во время завершения работы над «Мы из Кронштадта», и в зарубежной поездке вынашивал он свое произведение (что это будет – сценарий или пьеса, он еще не знал). Ясно было, о чем оно: о русском народе, о лучших чертах его характера в борьбе за социальное освобождение – о мужестве, отваге, героизме и самопожертвовании, стойкости и выносливости. «Национальная тема – тема глубочайшая... Помню, как до слез перечитывал страницы дневника Достоевского, – какая исступленная любовь к России! Она мучит, вечно тревожит – эта любовь, эта мысль о сущности народа, его пути, его будущем, его назначении. Она огромна, эта тема, и замечательно сплетается с темой интернационализма», – читаем мы в путевых заметках писателя «На Дальнем Востоке». «Мы, русский народ» – неистовый разряд, более мощный, чем прежние», – говорил он осенью 1937 года, сразу же после возвращения из Испании.

Вишневский занят обдумыванием нового произведения, но это вовсе не значит, что он ведет кабинетную жизнь затворника. Как всегда, много дней проводит на колесах, в пути, ведет большую общественную работу по линии Союза писателей, не снимает с себя редакционных нагрузок в «Знамени».

Вишневского неотступно преследует ощущение близящейся войны: вот-вот обрушится она, и жизнь пойдет иначе. «*Потрясающего напряжения будет война*, – выделяет в дневнике эти слова Всеволод. – Тяжелые жертвы. Первая мировая война – 10 миллионов убитых. – Эта возьмет 30–50!» (Ночь на 7 ноября 1936 года).

Он слушает по радиоприемнику речь Гитлера перед молодыми солдатами, она, в сущности, звучит как объявление войны Советскому Союзу.

«Я – вождь! – в припадке беснуется фюрер. – Закрыв глаза, бросимся в пучину войны! Я поведу вас! В России 20–30 миллионов безработных, голод... Мы, немцы, призваны дать русским культуру...»

Маньяк... Ничего другого не скажешь.

В эти годы Вишневский немало делает для подготовки коллег-литераторов к грядущим боям. Осенью 1936 года он возглавил бригаду писателей на маневрах частей Московского военного округа. Эта обязанность была ему по душе, и по прибытии в район учебы он ввел в своем «подразделении» обычную воинскую дисциплину: рабочий день, как и у красноармейцев, начинался в шесть утра. После зарядки Александр Исбах обязан был с картой в руках докладывать о дислокации частей, об их предстоящих передвижениях, о теме будущих занятий. По вечерам же «тактический разбор» впечатлений прожитого дня делал сам «командир бригады», как назвали Всеволода Витальевича его товарищи.

Часть писателей он направил к «синим», других – к «красным». В обязанности литераторов входило: всесторонне освещать течение маневров, писать заметки, корреспонденции в центральные газеты, дивизионную многотиражку, боевые листки полков. Вот, подстелив демисезонное пальто и расстегнув неизменно белоснежный воротник, старательно трудится Александр Серафимович. Хотя ему уже семьдесят три года, он ни в чем не отстает от молодых и до щепетильности точно выполняет приказы...

Вскоре Вишневский отправляется в Кронштадт, где проходят учения Балтийского флота. Неделю на линкоре «Марат», как когда-то с М.В.Фрунзе, – теперь рядом с Климентом Ефремовичем Ворошиловым. Вот одна из ежедневных записей о наркоме: «Думал о простоте, о видимой простоте истории: вот люди, обыкновенные люди — простые их слова означают события, готовность к войне и пр. В простоте этой таится многое».

На разборе маневров Ворошилов своим выступлением сразу раздвинул рамки обсуждения, напомнил аудитории о характере современной войны, придирчиво разобрал действия десанта, авиации, торпедных катеров. Нарком был прямолинеен, суров и в то же время ироничен. Чувствовалось, что многое из морской специфики им усвоено. Все это с нескрываемой симпатией отмечает Вишневский в своем блокноте.

На море Всеволод чувствует себя хорошо: с каждым днем становится бодрее, флотская жизнь дает отличный настрой мысли. Шестой день в походе, а мог бы так плавать месяц, два, три – пока есть бумага, чернила, книги... И нет давящих, однообразных городских ощущений.

По-семейному уютна атмосфера вечеров, проведенных на «Марате». Нарком, флотские командиры, матросы усаживались на палубе, и начиналась беседа – о жизни, о текущих политических событиях, о международной обстановке. Иногда беседа переходила в импровизированный вечер художественной самодеятельности, где каждый мог показать все, на что способен.

Молодой матрос как-то прочел написанное – очевидно под впечатлением фильма – стихотворение «Мы тоже из Кронштадта».

Всеволод растрогался, подошел к моряку и, крепко обняв, расцеловал его. И тут же по просьбе матросов по памяти прочел рассказы «Матросы», «Похороны». Его чтение

было встречено овацией. А Ворошилов, вспомнив «Оптимистическую трагедию» в исполнении автора, заметил:

– Замечательно читает... Артисты так не могут... Я слушал три часа – не заметил, как время пролетело...

Пришлось Всеволоду читать и отрывок из пьесы.

В конце 1936 года, в первые месяцы следующего года роман-фильм начал приобретать конкретные очертания. Всеволод не раз откладывал рукопись в сторону, переключаясь на другие дела, хотя думать о романе не прекращал. Как всегда, много читает. Он плачет над книгой Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир», удивляясь тому, как писатель глубинно понял Россию. Вместе с автором капитального труда о войне 1812 года, «пруссаком, умницей» военным историком Клаузевицем, размышляет о стратегии Кутузова, о Бородинском сражении («уступили 1–1/2 тысячи шагов, в плане кампании на измор, выматывание – все было сделано верно...»).

Ход раздумий приводит Вишневского к мысли, которая неоднократно повторяется в его дневниках: тяготы, испытания, выпавшие на долю русского народа с первых шагов его истории, огромны. О России надо писать поэму.

В мае 1937 года Всеволод Витальевич неожиданно получил письмо, написанное хотя и слегка изменившимся, но сразу вспомнившимся почерком, и, пробежав его. сделал приписку: «Это мой товарищ по окопам 1915–1917 гг. Двадцать лет о нем не знал, не слышал...». Емельян Козлов выражает автору кинофильма «Мы из Кронштадта» свою благодарность и восхищение коротко и ясно, без малейшего намека на старую дружбу. Только обратный адрес учителя Городецкой школы из Белоруссии, пожалуй, излишне подробен для рядового отклика зрителя.

А через две недели (видимо, Вишневский ответил тут же) Емельян Николаевич Козлов посылает новое письмо: «Не могу описать моей радости. Рад! Бесконечно рад! Хочу видеть тебя (теперь «тебя») в костюме 16– 17-х годов и обнять. Благодарю все, что сберегло Вашу дорогую, полезную жизнь!..».

Картина «Мы из Кронштадта» помогла встретиться, хотя бы заочно, со многими милыми его сердцу людьми, с которыми жизнь разлучила давным-давно. Так объявился Семен Кабанов, в свое время по-отцовски поддержавший пятнадцатилетнего солдата-добровольца и крестьянской, народной мудростью на многое открывший ему глаза. Прошли годы, но Кабанов сохранил свой торжественно-витиеватый слог: «Достопочтенный товарищ и искренний старый друг Всеволод Витальевич! Привет Вам от старого друга, если я не ошибаюсь. Пользовавшись слухом печатного слова, что Вы состоите в ряде русских писателей, я откровенно сознаюсь, что Вы – мой друг и соратник в подвигах и походах Германской войны с 1914—1917 годов...» Позже, говоря о прототипах «Мы, русский народ», Вишневский назовет имя своего друга, он фигурирует в сценарии то как Ермолай, то как Чертомлык.

Все это пробуждало воспоминания окопной жизни и помогало вызревать новому произведению. 10 апреля 1937 года Всеволод завершил правку «поэмы» (так он называет рукопись в дневнике). Назавтра же читкой перед небольшой аудиторией (присутствовали, в частности, С. Эйзенштейн, Н. Охлопков, Г. Рошаль, В. Строева, С. Вишневецкая) «поэма» заявила о своем появлении на свет. Автор волновался, но читал с подъемом и, как водится, находил новые детали в игре и в поведении персонажей. После окончания чтения – поздравления, восторженные возгласы.

О х л о п к о в:

– Ты понимаешь, что ты написал? Это же здорово, замечательно...

Э й з е н ш т е й н:

– Огромный рост после «Мы из Кронштадта». Не шаг, а целая дистанция. Монументально! Доказано, что можно вот такие вещи делать: без обычных построений... Дана эпоха. Да, это Россия. Название оправдано... Это подлинно народная драма, это выше «Чапаева» и «Кронштадта» намного...

И сам Вишневский спокойно, удовлетворенно помечает в дневнике: «Я вижу, что впечатление сильное». Мысли его забегают вперед: что дальше? Кто поставит? Как? Еще не раз возвратится он к тексту, в частности, ярче выпишет линию Ленина, партии большевиков, проследит их роль и влияние буквально в каждом эпизоде.

Но в основном вещь готова, и Вишневский, отдавая ее в печать, определяет жанр: роман-фильм.

«Мы, русский народ» опубликован в ноябрьской книжке «Знамени» за 1937 год, в журнале «Интернациональная литература» (на английском и французском языках). Отдельной книгой вышел в Чехословакии в переводе Юлиуса Фучика. Роман-фильм прочитал Ромен Роллан и не замедлил поделиться своими впечатлениями в письме в редакцию «Интернациональной литературы». «Я с радостью отметил, – пишет он, – ...новый тон в современной советской литературе – тон радостного героизма, непобедимого оптимизма. Это искусство еще несколько молодое, еще немного незрелое, не без некоторой угловатости. Но ценность его в радостном порыве мужественной молодости».

В 1938 году «Мы, русский народ» выпущен отдельной книгой массовым (почти полмиллиона экземпляров!) тиражом в «Роман-газете» и в Гослитиздате, причем книга разошлась мгновенно. Видимо, уже в названии читатель почувствовал, что речь идет о самых актуальных и самых главных проблемах времени, о народе и конкретном человеке, о необходимости внутренней мобилизации духовных сил для отпора агрессору.

...Обычный пехотный полк, один из множества, которое, собственно, и называется старой русской армией. Взят период на изломе – с января 1917-го по февраль 1918 года, когда империалистическая война перерастала в гражданскую и армия вследствие классовой дифференциации переживала процесс расслоения, внутренних столкновений и борьбы. Последние бои с немецкими войсками на третьем году войны, когда из

16 миллионов, призванных на службу, треть уже погибла. Не хватает оружия, боеприпасов, а солдат гонят в атаку, на несколько рядов колючей проволоки. Так ведь было и в жизни самого Вишневского – в наступлении под Стоходом.

Писатель дает объемный портрет полка, его историю, трагедию, поиски верного пути, типы людей – представителей народных низов и их врагов. Действие за действием разворачиваются события 1917 года: первые битвы за РСФСР, первые бои с немецкими оккупантами, рождение новых полков – Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Намечая личные линии героев, драматург напряжённо обдумывает форму. Сквозь всю вещь он ведет тему стремления к миру, к труду как вековой порыв народа, как искание правды.

Роман продолжал патриотические традиции русской литературы – от «Слова о полку Игореве», «Задонщины», былин о русских богатырях, и потому писатель с самого начала сознательно встал на путь создания эпических образов-символов. Так, испытанный большевик Яков Орел – воплощение народной силы и мощи, в его поступках персонифицируется героика масс. Вместе с тем в новом произведении Вишневский гораздо полнее использует достижения «психологической» прозы и кино.

Писатель внимателен к работам коллег, он искренне радуется успеху других: «Вчера видел «Депутат Балтики»; светло, чисто, прекрасно сделан фильм!» – записывает в дневнике. И тут же: «Ищу свой ход...»

Роман спорит и с идеологическими противниками. «Острейшая полемика с врагами, – пишет драматург Дзигану, – по вопросам истории России, истории революции... Фильм этот ударит по теориям об «обломовцах», по троцкистско-бухаринцам и пр.». Автор рисует целую галерею конкретных героев (первого плана – тех самых, против которых он в свое время так яростно выступал в литературных дискуссиях). Среди них – образ солдата-правдоискателя Ермолая (он близок и Сысоеву из «Первой Конной», и Ивану Шадрину из погодинского сценария «Человек с ружьем», написанного примерно в это же время), в котором воплощены характерные черты русского крестьянства, его думы и чаяния, стремление к свободе, счастливой жизни. «Да, господи, боже мой, – с болью и надеждой восклицает Ермолай, – неужели же не найдется такой человек, который бы правду сказал, который бы к совести воззвал, который народу бы путь указал?..».

И отношение простых людей к вождю революции дано в основном через Ермолая. В сцене его допроса есть такая любопытная деталь.

«– А вот слышал я, – отвечает поручику Ермолай, – говорят, сам Степан из могилы встал Ленину помогать.

– Какой Степан?

– Разин Степан.

– Ты спятил, старик. Из могилы люди не встают, а вот ты и твои приятели в могилу лечь можете.

Кадры из фильма «Мы, русский народ».

Старик вздохнул:

– Вечная память будет... Ленин и верные товарищи его уже сколько лет идут на муку и на раны...»

В этом эпизоде налицо перекличка с Шолоховым, который также использовал народную легенду о В. И. Ленине. Во второй части «Тихого Дона» казак Чикмасов говорит Бунчуку: «Нет, Митрич, ты не спорь со мной: Ильич-то – казак... Чего уж там тень наводить! В Симбирской губернии таких и на кореню не бывает».

Удались автору и другие образы – весельчака, удалого парня Алешки Медведева,

в котором есть что-то от русской вольницы; бывшего одесского биндюжника Соломона Боера, по-своему приходящего к правде, которую несет партия большевиков; полковника Бутурлина – серьезного, умного, выдержанного, умеющего владеть собой противника; штабс-капитана Головачева – представителя лучшей части русской интеллигенции, переходящей на сторону революции. Каждый из этих персонажей в чем-то полемизировал с общепринятым в литературе тех лет либо с тем, что возносилось в качестве образца, порой и неоправданно, критикой. Вишневский шел на полемику сознательно, об этом свидетельствует его разъяснение читательнице Вере Скребиной из Тамбова относительно прототипов романа: «В ответ на галерею типов купцов, коммерсантов и пр., в ответ на Остапа Бендера и Беню Крика (бабелевского) я дал образ еврея-героя, еврея-большевика».

Все персонажи сценария гораздо теснее, нежели в «Мы из Кронштадта», увязаны сюжетно – взаимоотношениями между собой, хотя и здесь в основе построения – события самой истории революционной борьбы.

После неудачной атаки, когда «лаптем немца побить не удалось», и возвращения полка на исходные позиции, Орла берут под стражу. В бою, видя бессмысленную гибель безоружных солдат, он в сердцах бросил: «Армия царя идиотского...» – а фельдфебель донес. Военно-полевой суд скор на расправу, но привести приговор в исполнение не удалось: стихийное выступление солдат, совпавшее с получением известия о Февральской революции в Петрограде, и героическое поведение самого Орла спасли ему жизнь. Затем – эпизоды создания комитетов в полку, празднования Первого мая, а также спровоцированного полковником Бутурлиным погрома винокуренного завода. В результате Орел и его единомышленники арестованы. Их мужественное, стойкое поведение в тюрьме, бегство, возвращение в полк и борьба за его судьбу, за то, чтобы не допустить захвата немецкими оккупантами родной земли, составляют содержание следующих эпизодов романа.

Солдаты поверили в то, что настал мир и можно идти домой – к женам, детям, к земле. Но оказывается, бросать винтовки рано: положение на фронте осложнилось, как говорит Орел полковнику, случилось «большое несчастье»:

«– Человек, посланный нами в Брест, изменил.

– Что?

– Отказался выполнить указания правительства... Он предательски заявил: «Ни мир, ни война» – и все бросил.

Полковник спросил:

– Кто этот человек?

– Троцкий.

Полковник думал свое: «Так, так...»

– Значит, если он так сделал, немцы начнут наступать?..».

Произошла трагедия: полк, покинувший позиции, был обезоружен кайзеровскими

войсками и расстрелян. Но на место погибших держать рубежи Отчизны встали крестьяне с винтовками, дробовиками, самопалами, с топорами, косами, вилами. Преграждая путь немцам, жители ближней деревни открыли плотину, и холодная весенняя вода затопила все вокруг. Враг остановлен, а с приходом подкрепления – питерских рабочих – разбит. Вишневский дает картину всенародной войны: «Немцы были опрокинуты. Их гнали к селению. Они пытались задержаться в канавах, у заборов. Петроградцы перемахивали через канавы. Целыми отделениями и взводами опрокидывали заборы и сшибали ворота. Кипело все селение. Люди выбивали оттуда немцев. Женщины выплёскивали на них кипяток. Псы срывались с цепей и кидались на преследуемых. Стоял грохот и дым. Петроградцы ползли по крышам, швыряя гранаты...»

Финальная картина удивительна своей выразительностью и монументальностью, огромной силой обобщения. Вышибая захватчиков с родной земли, шла тяжелым шагом своим русская пехота, в крови и истории своей хранившая битвы и победы на Неве и Чудском озере, победу Куликова поля, битвы в Ливонии, на Волге и на Днепре, битвы Урала и Сибири; пехота, хранившая в памяти победы Петра – Лесную, Гангут и Полтаву, суворовский Измаил и Сербию; пехота, дважды бравшая Берлин, знавшая Бородино и Севастополь... «Шла пехота народа, который веками мятежно гремел, добывая себе и другим свободу и не отрекаясь от нее ни на плахе, ни на костре. Шли праправнуки Степана Разина и Пугачева, шли потомки декабристов, шли братья Коммуны, шли люди, которые в огромной истории своей пережили и поражения, для того чтобы больше их не знать. Шел здоровый народ, народ-страстотерпец, народ-победитель, великий и гениальный».

VII.

Солнце залило Москву, и Тверской бульвар, как ни странно, давал иллюзию простора в тесном городе, к которому Всеволод все еще привыкал. Здесь, на бульваре, он замечал и небо, и плывущие по нему белые, едва различимые облака, и пышно распустившуюся зелень, и мчащие по асфальту машины.

Он устало опустился на скамейку. Сегодня был у врача: давление подскочило за отметку 150. «В вашем возрасте, молодой человек, – осуждающе покачал головой профессор, – нужен режим, движение – не меньше двух часов в день ходить. И самое главное – спокойствие». Держа в руках свежий номер «Красной нови», Вишневский с горькой иронией подумал: «Вот именно, спокойствие...»

Больше всего возмущала, переворачивала душу несправедливость. Теперь, когда пройден, прямо скажем, значительный путь в литературе и есть уже трезвость самоанализа, строгость оценок, он просто не мог так грубо, жестоко ошибиться – дать в печать сырое произведение.

Вчера просматривал архив и на одном из листков, среди черновых набросков повести «Быль», относящихся к июню 1917 года, встретил такую запись: «После Васькиной

критики пришлось переделать! Всев. Вишневский». Чутко реагировал на критические замечания одного из дружков-солдат начинающий автор. Но ведь и «Васькина критика» не переходила рамок дозволенного в товарищеских отношениях. А здесь – его творчество зачёркнуто целиком...

Всеволод смотрел на прохожих, и ему вдруг подумалось, что Тверской бульвар с его «литературными» и «театральными» зданиями близок ему. Здесь он впервые читал «Первую Конную», и здесь же «распинали» его после премьеры «Последнего решительного», здесь слушал он блестящие по форме доклады Андрея Белого, здесь рапповцы и налитпостовцы не раз наносили ему удары. А ныне вот в «Красной нови» А. Гурвич: «Мультипликационный эпос» – так называется его статья о романе-фильме. Целых двадцать страниц разноса, ничего себе!..

Ну что же, не он один подвергается нападкам. Вот ведь и поэму Маяковского «Хорошо» сразу после выхода в свет какой-то критик назвал «картонной»... А «Как закалялась сталь» Островского с его потрясающе искренней простотой и грубоватой правдой жизни? Смертельно больной писатель вынужден был дать телеграмму в редакцию «Литературной газеты»: «Прочел вульгарную статью Дайреджиева. Болен, однако отвечу ударом сабли...».

Может, и ему, Вишневскому, как в былые годы, публично дать отпор?

Нет, теперь он не будет тратить на это силы и нервы. Несправедливость упреков критика слишком очевидна. Отвечать надо только творчеством – даже если выбросят сценарий «Мы, русский народ» из планов киностудии.

Как могло статься, что новое, бесспорно талантливое произведение одного из ведущих драматургов страны, автора фильма, триумфально идущего на экранах страны и всего мира, так быстро, прямо-таки молниеносно «зарублено»?

Первым подал голос В. Перцов статьей «Эпос и характер» («Литературная газета», 1938, 30 января). Критик, хорошо знающий творчество писателя, на сей раз неизвестно по какой причине абстрагировался от своеобразия его художественной манеры, стиля. Рассуждения Перцова прямо-таки удивительны, их скорее можно было бы отнести к высказываниям теоретического плана раннего Вишневского, но никак не к роману-фильму. Драматургу свойствен, по мнению автора статьи, «валовой, оптовый подход к своим героям», он не умеет расслышать «поступь человеческих коллективов в шаге человеческой судьбы». В «Мы, русский народ» Вишневский выступил не как реалист, а как космист (читай – романтик. – В. Х.). Кстати, критика раздражает и само название романа. Вот, к примеру, Дм. Фурманов и братья Васильевы – они-то скромно назвали свои произведения именем одного человека, и в этом (?!) и проявилось их внимание к индивидуальной судьбе. (Ну а как же тогда получился блестящий фильм, названный «Мы из Кронштадта», а не, скажем, «Артем Балашов»?).

Странно и то, как столь опытный критик мог не понять образа Якова Орла – он-де «не человек, не характер, а отвлеченный тезис, декламационный выкрик или барельеф

в отрицательном значении этого слова». Орел статичен, не дан в развитии, а где это видано, «чтобы большевистский руководитель не нуждался в учебе, не вырастал на работе, чтобы действительность не поправляла и не формировала его?».

Что тут скажешь? Последняя фраза – беспримесная дань конъюнктуре. На все иные вопросы, упреки и недоумения четкий, всесторонний ответ дает сам текст романа, если, конечно, читать его внимательно и непредвзято.

Да, Вишневский создал образ человека, сформировавшегося на протяжении многих лет подпольной революционной борьбы, закалившегося в тюрьмах и ссылках. Орел и в самом деле мало меняется, но это обосновано авторским замыслом. Именно на примере Орла писатель испытывает «пределы человеческих взлетов и падений, пределы человеческой выносливости»: сильный, могучий человек, солдат и он же – веселый, хитрый, находчивый «солдат Яшка, медная пряжка». И вместе с тем он — живой человек, богатый душевно, честный, отзывчивый, ищущий, ошибающийся. Высокий героизм и мягкий юмор – в лучших традициях народного эпоса решен этот образ.

Когда обескровленный полк откатывался назад, не кто другой, а Орел бросился под разрывы снарядов и пулемётный огонь, чтобы вынести раненого солдата Вятского. А когда тот в порыве благодарности за спасение предлагает Орлу заменить его собою и тем самым дать шанс уйти от военно-полевого суда, большевик просто и решительно отвечает:

– Нет, друг, что ж, я на тебя, безвинного, свою смерть сброшу...

Когда солдаты, уставшие ждать мира, решили послать делегацию для переговоров с немцами – «чтобы в глаза друг другу поглядеть – и разойтись по домам», – Орел отговаривал их от этого неверного шага, но не смог отговорить. И тогда решил отправиться вместе с делегатами. Противник встретил парламентеров огнем, два человека погибли, остальные вынуждены возвратиться... Конечно же, это была ошибка, и ответственность за нее пала на Орла. Иван Чортомлык закричал:

– Власть вам дали, а вы управиться не можете?..

Совершенно справедливо, что для романа в «Мы, русский народ» слишком мало описаний, психологических характеристик, мотивировок тех или иных ситуаций или поступков. Некоторые фразы, если их воспринимать как чистую прозу – прямо-таки находка для недоброжелательной критики. Например, следующая портретная характеристика Орла: «Папаха была чуть сдвинута на правую бровь, а лицо его, *как вечный лик русского пехотинца*, было просто (курсив мой. – В. Х.)». Перцов тут же с укоризной замечает: «В том-то и беда, что Яков Орел не лицо, а лик». Ну а если все-таки помнить, что перед нами не только (и не столько!) роман, сколько сценарий и читать выделенное курсивом место глазами режиссёра – как указание на типаж?!

Новое произведение Вишневского сложилось как жанр, родившийся на стыке двух муз – литературы и кино. В. Перцов и его коллеги в гораздо большей степени, чем того требовала справедливость, игнорировали вторую часть авторского определения

жанра – фильм. Если бы они заглянули в текст сценария «Мы из Кронштадта», то «выловили» бы множество мест, рассчитанных непосредственно на кинематографическое прочтение (например: «Залпы сотрясают материк. На воздух взлетают целые строения, взводы и бронемашины») и аналогичных тем, которые они считают неправдоподобными в романе-фильме: «Одинокие, затерянные среди лесов и полей, стояли три товарища», «Свет начинал заливать всю Россию» и т. п.

Конечно, главным образом для кино, для тех, кто будет ставить фильм, дана и такая развернутая поэтическая сцена, которую надобно воспринимать как метафору.

... Взят Зимний. Октябрьская революция свершилась. «Орел подошел к окну и сказал дрогнувшим голосом в ночной простор, туда, где был полк, где были люди:

– Товарищи, вернулся Ленин... Советами взята власть... Да здравствует народная власть! Да здравствует наш товарищ Владимир Ленин!

За окном во тьме раздалось «ура!». Оно шло из самой глубины сердца. Люди срывали с себя шапки. «Ура» перекидывалось, и рос такой громовый клич, которого еще никто никогда не слышал. Это за все тысячелетия, за все свои боли и обиды, за все поражения и оскорбления, за всех своих замученных, утопленных, повешенных, сожжённых, четвертованных и колесованных, за умерших в голоде и в кандалах, за все свои надежды, за все свои глухие ночные слезы, за свое великое терпение, за свою ни с чем не сравнимую стойкость, за себя, за Россию, за русский народ – гремел «ура» сам русский народ. Тысячи солдат с оружием шли, бежали к штабу. Осенний сырой ветер развертывал новые знамена, бедные, своими руками сделанные. «Ура» гремело и ширилось минуту, другую, третью, четвертую...»

А критику А. Гурвичу эта сцена сказала только то, что «голосок у народа зычный»...

Справедливости ради надо отметить: В. Перцов нашел в новом сценарии Вишневского и положительное (то, что вмещалось в его, критика, понимание «писателя-реалиста», то есть было лишено романтической приподнятости, патетики). В частности, ему понравился образ Вятского – забитого, робкого солдата, в котором просыпается несбыточное честолюбие, и в результате он становится предателем (вот здесь есть «индивидуальная судьба»!), а также ряд «острых, сильных, смелых» сцен, прежде всего эпизод с передачей Петровского знамени полку, выступавшему на защиту Отечества. И заканчивалась статья довольно оптимистически: известно, мол, что Вишневский участвует в работе над картиной, а значит, улучшит сценарий.

Со многим Всеволод не мог согласиться, и желание объяснить, доказать свою правоту подтолкнуло его в тот же день написать критику ответ, в котором он ведет речь о сплаве романтического и реалистического начал, а также дает развернутый, всесторонне аргументированный разбор специфики своего творчества и последнего произведения как части целого. Письмо помогает понять, почему на последующие критические выступления он отвечать не стал.

«Касательно космизма... – пишет Вишневский, – Вам он кажется наивным и т. п. Мы шли в бой, зная, что наступят глубочайшие перемены отношений, вкусов, критериев. За это и стоило биться: за глубочайшие изменения порядков, нравов, психики, за смелейшее расширение сферы мышления. Все это легло в основание нашей молодости, за все за это отдана кровь. И ничьи критические замечания, никакие зигзаги литературной жизни не заставят отказаться от добытого... У каждого свое эстетическое восприятие мира. Мои работы дают известный результат... Как всегда, помимо критических замечаний и прочего, критика расписывается уже «потом» в том или ином успехе и пр. Я работаю в непрерывной полемике и борьбе.

Жаль, что Вы не рассмотрели строения «Мы, русский народ». Это строение испробовано отчасти и в «Первой Конной», и в «Оптимистической трагедии», и в «Мы из Кронштадта». Центральная фигура давалась на несколько романтизированном отвлечении... Может быть, это отзвук первых восприятий, пришедших в 1917 году, – комиссаров, коммунистов, с их собранностью, аскезой, горячим идеализмом, упорством и убеждением: все сделаем...

Это моя жизнь, моя правда – и ничто и никто тут мне не учитель. Жизнь показала мне, что правда есть правда. Мадрид и Москва показали мне, что не пропало ни одно слово ни у старшин хора, ни у комиссара, ни у одного из бойцов (в «Оптимистической трагедии». – В. Х.)...

Жизнь!! Это трудно рассказать, когда кругом скопище далеких, угрюмых (а порой проживших жизнь совсем не так, как ты или твои братья, критиков и теоретиков...

Я возвращаюсь к непосредственной теме. Вы не заметили, что в «Мы, русский народ» дано больше, чем в других моих работах, людей из массы, написанных просто. Тут через них быт, «реализм» и соединяются с мечтой, с абстракцией, с идеей... Алешка, Боер, Ермолай, штабс-капитан, знаменщик и прочие и прочие – вся живая масса полка – все это живет, бьется, ищет, умирает, воскресает...».

Спустя почти два месяца в дневнике Вишневского появляется скупая запись, точно и ёмко запечатлевшая суть и характер случившегося: «20 марта «*Литературная газета*» *начала проработку «Мы, русский народ*».[309] Удар нанесен обдуманно, злобно и неожиданно... В развитие статьи В. Перцова... Я чувствую, что кто-то сводит счеты, бьет из-за угла».

И тут же Всеволод философски добавляет: «Стою на ногах твердо, размышляю, наблюдаю эти литературные нравы...» Всерьез комментировать, спорить с подобного рода выступлениями он не счел нужным. Да и что ответить, если на огромной площади (статья заняла два подвала в газете) критик обвиняет писателя во всех смертных грехах: он-де не умеет искать романтику в реальной жизни, приукрашивает историю, прибегая к напыщенной риторике и ложной патетике. К. Малахов упрекает Вишневского в нарушении исторической правды, в том, что он неверно изображает настроения солдатской массы.

[309] Опубликована статья К.Малахова «Замысел и выполнение».

Автору статьи явно не нравится, что роман-фильм «задуман как гигантская эпопея гениального народа», что «полк ведет себя стихийно и стадно» (при этом критик игнорирует тему организующего влияния Орла и других большевиков). Вульгарно-социологическим схематизмом пропитаны и остальные замечания К. Малахова. Способ его критики прост: дается цитата из И. В. Сталина о своеобразии исторического периода 1917 года и к ней подверстывается соответствующая (с его точки зрения не отвечающая мысли вождя!) сцена из «Мы, русский народ».

И приговор вынесен... Всеволод Витальевич, правда, через несколько дней на обсуждении сценария «Мы, русский народ» в клубе Государственного института кинематографии, говоря о своем произведении, лишь мельком упомянет статью К. Малахова («Я абсолютно отметаю выступление «Литературной газеты», потому что это попытки политически дискредитировать и на ходу сломать работу, которая нужна»). И посетует: почти год потерян для работы над фильмом, подготовку которого просто необходимо форсировать. «Фильм должен выйти на экраны и устремить свой удар прямо по Берлину – по Гитлеру: вот как мы били и будем бить противника!» – эти слова были встречены аплодисментами: присутствующие понимали, принимали близко к сердцу мысли и чувства оратора.

Зато, когда Вишневский выступал в других аудиториях – перед своими братьями-литераторами либо перед кинематографистами, иной раз в ответ – перемигиванье, ехидный шепоток: «Опять? Значит, Карфаген надо разрушить?..». Его оппонентам, завистникам или просто недалёким людям «ужасно» надоели речи Вишневского, смысл которых сводился к одному: надо готовиться к защите Родины с оружием в руках.

Работая над романом-фильмом «Мы, русский народ», Вишневский был уже опытным мастером кинематографа: три года напряженного труда над «Мы из Кронштадта» явились для него превосходным университетом – он хорошо освоил специфику, суть производственного процесса. Он по-настоящему влюбился в молодое, прекрасное, могучее, притягательное киноискусство и с уверенностью смотрел в будущее: накопленные знания и опыт должны принести свои плоды.

Увы, этому не суждено было свершиться.

Окончательным «зубодробильным», «нокаутирующим» ударом, или, как скаламбурил Александр Макаров, решительным боем неугомонному автору «Последнего решительного», явилась «зверская проработка в «Красной нови». А. Гурвич буквально повторил многие тезисы малаховской статьи, только гораздо ужесточив формулировки, сделав их грубее и обиднее для автора. Критик совершенно игнорирует при оценке романа-фильма главные эстетические критерии: во-первых, что это произведение эпически-монументального, романтического жанра, а во-вторых, что оно – исходный материал для кинофильма, адресованный и режиссеру и актеру. Наверное, небезынтересно привести образчики того «убойного стиля», которым в совершенстве владеет критик.

«Сокровенный мир человеческой души из романа-фильма Вишневского попросту выключен, и потому *люди предстают перед нами чрезвычайно наивными, примитивными, грубыми, бездумными. А ведь они призваны представлять нас, русский народ!* (курсив мой. – В. Х.)», – возмущается А. Гурвич.

Особую неприязнь у него вызывает главный герой романа – фронтовик, вожак масс, большевик. Критик не стесняется в выражениях, не гнушается ничем, чтобы сокрушить и образ художественного произведения, и автора, его создавшего: «Человек этот ничего общего с явлением природы не имеет. Его произвела на свет не женщина, а кустарная мастерская доктора Копелиуса. Сделанная из непромокаемых и несгораемых тряпок марионетка (в другом месте Ванька-Встанька. – В. Х.) эта имеет огромное преимущество перед живыми людьми: она не подвержена никаким воздействиям, ни физическим, ни духовным. Вы можете ее оскорблять, бить, можете прострочить ее пулями и даже засыпать могильной землей – все равно автор дернет за нитку, и марионетка снова подымется на должную высоту...»

«В романе-фильме Вишневского нет человеческого содержания, нет того, что заставляет нас относить произведения искусства к области духовной культуры...»

Полно! Позвольте, да кто такой, собственно говоря, этот Вишневский?! Так, видимо, должен воскликнуть читатель, проглотив все эти критические пассажи. Именно эту цель преследовали гурвичи и малаховы: преградить путь новому произведению, остановить развитие видного художника – ведь удар был рассчитан точно (это Вишневский сразу понял) – по своеобразию его таланта и по его мировоззрению. Не случайно в последующем на страницах «Литературной газеты» и «Красной нови» в адрес писателя прозвучало: «квасной патриотизм».

Реагировал на эту критику Вишневский и болезненно, и как-то устало, апатично. Наверное, это было вызвано тем, что совершенно неожиданно для него никто не встал на защиту его романа. В литературных кругах статью Гурвича между собой, в кулуарах осуждали все. «Открыто выступать у нас не мастаки», – с горечью записывает Всеволод в дневнике 20 июня 1938 года.

Высоко оценил сценарий С. М. Эйзенштейн, судивший его по законам экранного искусства, а не только литературы.

«Что пленяет в этом произведении? Здесь цельность и монолитность коллектива, плотного, как единый организм, неразрывны с галереей монументальных эпических образов и фигур. Они корнями уходят в коллектив и растут из него разветвлением, раскрывая чувства и мысли людей. Они эпичны, монументальны. Но совершенно так же, как они сумели сохранить единое кровообращение с массами, они умеют сохранить свою бытовую и живую реальность, нигде не влезая на ходули и котурны, нигде не застывая монументами, статуями командоров там, где место живым, полнокровным командирам...

Образы людей, ситуаций, событий не могут не врезаться в сердце зрителя своим трагизмом. Не могут не пленить его чувств и эмоций красотой своего подвига. Не мо-

гут не покорить читателя дыханием истинного социалистического патриотизма страны, которая является родиной всех трудящихся мира».

Эйзенштейн хотел осуществить постановку «Мы, русский народ», не раз писал о своем желании в дирекцию «Мосфильма». Ему отказали. Некоторое время постановкой картины занимался Е. Дзиган, но вскоре она оказалась законсервированной.

Так роман-фильм Всеволода Вишневского «Мы, русский народ» – искреннее, взволнованное произведение о любви народа к своей Родине, о готовности встать на защиту завоеваний Октября – остался жить лишь книгой (только в 60-е годы режиссером Верой Строевой поставлен кинофильм под тем же названием).

Тем не менее место этого произведения в литературном наследии писателя весьма значительно. «Мы, русский народ» – фильм (если бы он состоялся в те годы!) – мог бы встать в один ряд со «Щорсом» и «Александром Невским», с «Чапаевым» и «Мы из Кронштадта». И сегодня, спустя десятилетия, роман-фильм продолжает жить: он идет на экране, по нему ставятся спектакли. Центральный театр Советской Армии в 1976 году вновь обратился к произведению драматурга, стоявшего у колыбели этого театра.

Всеволод же Витальевич так и не смог смириться с судьбой киноромана «Мы, русский народ» и незадолго до смерти в речи перед ленинградскими писателями 23 мая 1950 года сказал: «Если бы по роману этому был сделан фильм типа «Мы из Кронштадта», он показал бы великую силу русского солдата и помог бы народу. Сейчас понимаешь, как тогда «сработали» космополиты в преддверии Великой Отечественной войны».

У ИСТОКОВ СУДЬБЫ[310]

Многие удивились, когда Собрание сочинений Всеволода Витальевича Вишневского вышло в пяти толстых томах. Кроме пьес и рассказов, в него вошли: роман-эпопея «Война», который писался на протяжении десяти лет, но о котором автор почти не упоминал при жизни и не печатал из него отрывков – считал незаконченным; «Дневники военных лет», публицистические выступления в печати и на радио (да и то незначительная часть), переписка, воспоминания. Понадобился и дополнительный, шестой том, чтобы полнее отразить творчество писателя.

«Это – новый Вишневский. Мы его таким не знали», – сказал один маститый прозаик, прочитав Собрание сочинений. Теперь во весь рост предстал перед читателем художник, жизнь которого, говоря словами Белинского, «есть лучший комментарий на его творения, а творения – лучшее оправдание его жизни».

А в рецензии Александра Макарова на рукопись шестого тома сочинений Вишневского эта мысль звучит так: «...он был певцом своей кипучей натуры, своего неукротимого характера бойца, созданного духом революции. Помимо созданных им в драматургии образов солдат и матросов, им создан еще один образ героя нашего времени – образ самого Всеволода Вишневского... Человека большой судьбы, целеустремлённого, непримиримого, ищущего, мучающегося, не уклоняющегося от ударов, а сознательно ввязывающегося в идейную драку, чтобы отстоять свое credo... Возможно, когда-нибудь литературная критика введет этот образ в обиход, как литературный образ современного положительного героя»[311].

Принципиальная, перспективная мысль! Думается, что в этой связи представляют интерес малоисследованные факты жизненного и творческого пути Вс. Вишневского, в частности, его первые шаги на журналистской ниве.

I.

1919-й год... Темная украинская ночь. На площадке бронепоезда «Грозный», за невысокими железными бортами два пулемета. Под шинелями спят бойцы. На вахте один – в бескозырке, на ремне — гранаты и револьвер. Напряженно вглядывается вдаль – все тихо, спокойно. Правда, порой чудится, будто на едва заметной ленте дороги ползут, подкрадываются какие-то тени, вот они уже близко, рядом...

Обычная история: за полночь, когда предательский сон обволакивает незаметно, исподтишка. Часовой закурил, привычно пряча огонек самокрутки за щиток пулемета.

---

[310] Историко-библиографический альманах серии «Жизнь замечательных людей» «Прометей». – М.: изд-во « Молодая гвардия». 1977, Т. 11.

[311] А. Н. Макаров. О шестом томе сочинений Вс. Вишневского. Закрытая рецензия (9 февраля 1958 года). Центральный Государственный архив литературы и искусства СССР, 1038, оп. 1, ед. хр. 4457.

Старый «максим» тульского завода... Любит Всеволод свой пулемет. Командир бронепоезда Закревский даже посмеивается над тем, что он чересчур часто разряжает пулемет, протирает отдельные части, осматривает приемник, вытирает щеточкой грязь, вновь заряжает...

Вообще-то Вишневский давно питает слабость к оружию. Еще в первую мировую войну 14-летний доброволец-гимназист— на удивление бывалым солдатам— собирает дистанционные трубки от снарядов, пытаясь по ним определить расстояние до немецких батарей.

В гражданскую Вишневский стал пулеметчиком. В восемнадцатом в Москве, на Поварской улице, дом восемь, он косил (тогда у него был «гочкис») засевших там анархистов во главе с белогвардейскими офицерами-инструкторами. Летом того же года Вишневский меткой стрельбой из пулемета буквально выручил корабль Волжской флотилии, отразив атаку вражеского судна, когда артиллерия — были израсходованы все снаряды – смолкла. А во время штурма Казани, идя в первой цепи атакующих матросов-десантников, Всеволод огнем пулемета рассеял прислугу батареи тяжелых орудий...

И сейчас, служа на бронепоезде, команда которого была сформирована из матросов Волжской флотилии, Вишневский сражался на Украине: при взятии Харькова и Лозовой, Екатеринослава и Синельникова, во время дерзкого штурма Мелитополя и ликвидации петлюровского прорыва под Киевом – везде находилась «работа»...

Внезапно грянули выстрелы. Всеволод пригнулся и дал длинную ответную очередь в темное, теперь ожившее смертоносное пространство.

В считанные секунды команда бронепоезда заняла боевые места, теперь можно было перезарядить пулемет. И вдруг острая боль обожгла щеку. Сделав наскоро перевязку, Вишневский продолжал вести огонь до тех пор, пока враги не отступили.

Так закончился еще один бой. Их будет еще немало впереди, но этот повернул фронтовую судьбу Всеволода в другое русло. Рана оказалась рваной, гноилась, и вот что произошло:

«В вагон политотдела Заднепровской бригады бронепоездов ввалились матросы, занимая скамьи. Собрание...

– На повестке – организация Особого отдела. Районы бандитские – бьют нас тут со всех румбов. Человек оправиться выйдет, а его в расход... Поезда под откос пускают. Приходится подумать...

Секретарь ячейки встал:

– Тут одного ранило. В строю ему трудно. Пока пусть в Особый идет. Володька, встань.

Раненый встал и глянул одним глазом из-под громадного кома грязной марли, опутывавшей распухшее лицо.

Секретарь продолжал:

– Еще кандидатура Петра Попова. Они с одного корабля, с «Вани-коммуниста».

– Попов, встань.

Человек встал.

Раздался голос:

– Попов, у тебя какая специальность?

– Машинист.

– Вот и верти, вали.

Секретарь докладывал:

– Вот, товарищи, им все и поручим.

– А инструкции какие?

– Какие инструкции? Чудак! Доглядай да поспевай – вот и все...»[312]

Так пулеметчик Вишневский после ранения становится чекистом. Он получает мандат за № 2050, который дает «право обыска и ареста всех подозрительных лиц» и по которому «все гражданские и военные учреждения на территории УССР и РСФСР обязаны тов. Вишневскому, помначальника контрразведки, оказывать полное содействие»[313].

Десятки, сотни-встреч с людьми – военными и штатскими, поездки по стране, охваченной гражданской войной. Попробуй разберись, кто свой, а кто чужой, враг. И Вишневский пристально всматривается в лица, фиксирует, обдумывает, взвешивает Поступки людей. Словом, старается «дог- лядать да поспевать»...

«Однажды нам сказали, что появился какой-то подозрительный человек, – вспоминал И.Д. Папанин. – Это был на вид крестьянин в лаптях, с мешком, засаленный, обросший.

Вишневский потребовал, чтобы он разделся, стали спрашивать у него то, что нужно, а он начал путать. Вишневский предложил распороть всю его одежду. И представьте себе, что у него нашли мандат – три сантиметра шириной и пятнадцать сантиметров длиной – уполномоченного штаба Деникина...»[314]

Да, действительно, Вишневский мог «разгадывать» людей по тому, как они ведут себя в той или иной ситуации; умел «разговорить», используя свою феноменальную память, особенно цепкую на все, что касалось военных дел.

Как-то привели на допрос матроса: ни за что ни про что избил старуху, которая добиралась из Мелитополя к себе домой, в село. Непонятный, дикий даже по тем временам случай. Когда задержали – просил прощенья, плакал.

Допрос прошел стереотипно, ничего подозрительного. Ну что ж, бывает, иногда человек совершает необъяснимое. Облегчённо вздохнув, матрос уже собрался уйти на

---

[312] Всеволод Вишневский. Дела былые. Этот автобиографический рассказ впервые опубликован в 1935 году (однодневная газета «Красногвардеец», 18 февраля, Московской городской комиссии по делам бывших дружинников 1905 года, красногвардейцев и красных партизан).

[313] См. Т. Кулаковская. В первые годы революции. «Театр», 1957, № 8, с. 81.

[314] И.Д. Папанин. Выступление на вечере в ЦДРИ, посвященном 60-летию со дня рождения В. В. Вишневского. ЦГАЛИ, ф. 1038, оп. 1, ед. хр. 4599.

все четыре стороны. Но тут Вишневский, стремительно шагнув к нему и глядя прямо в глаза, вдруг спросил:

– Говорят, ты плавал?

Матрос утвердительно кивнул, назвал корабль.

– Какие на нем орудия?

– Шестидюймовые...

«Неточно», – отметил про себя Вишневский (когда-то он был на этом судне в Кронштадте) и взял матроса за ворот форменки:

– Как это называется?

– Сорочка...

Раз форменка стала сорочкой, значит, дело оказалось, ясное. Поговорили «по душам», и оказалось, что «матрос» – член группы диверсантов, окруженных в Ростове и переброшенных сюда, в Таврию, чтобы проникнуть в ряды Красной Армии. Телеграфист немедленно отстучал: задерживать всех матросов, одетых как этот (шинель на нем была нерусского флотского образца). Белогвардейский агент раскрыл шифр, явки, пароли...

В жестоких схватках с врагами революции, в новых боях за Советскую власть выковывался характер Вишневского, крепла самозабвенная готовность к защите завоеваний Октября. За героизм и мужество он был награжден орденом Красного Знамени.

На полях сражений гражданской войны пробуждается расцветший позже так ярко и самобытно литературный талант, накапливается громадный жизненный опыт. Не случайно в предисловии к «Первой Конной» С. М. Буденный подчеркнул: «Без выдумки, без прикрас, без ложного пафоса, без бабелевского «обозного» вдохновения боец рассказал о бойцах, герой о героях, конармеец о конармейцах. Воспитанный Конармией, Вишневский говорит ее словами, мыслит ее мыслями. Он берет материал от самой жизни...» [315]

Период работы в Особом отделе нашел отражение в творчестве драматурга. Так, в образе матроса-чекиста Шибаева из пьесы «Незабываемый 1919-й...» явственно угадываются некоторые черты Вишневского и даже конкретные факты из его жизни. А в спектакле Малого театра эта автобиографичность совершенно неожиданно обрела и сценическое воплощение. Игорь Ильинский (исполнитель роли Шибаева) взял для образа «и матросскую развалочку, неторопливую, исполненную флотского достоинства, какой хаживал Всеволод, – и его же внезапный, напористый, стремительный, чуть ли не маршевый шаг. И насмешливую, презрительноватую, сквозь зубы интонацию, такая слышалась у Вишневского, если сталкивался он с антипатичными ему людьми, и – тоже сквозь зубы, но уже рвущуюся страсть, клочковатую, патетическую – когда Вишневский убеждает, зовет...»[316].

---

[315] С. М. Буденный. О пьесе пулеметчика Вишневского. Предисловие к кн.; Всеволод Вишневский, Первая Конная. М., 1930, изд-во «Федерация».

[316] А. Штейн. О Вишневском и не только о нем. «Театр», 1962. № 5, с. 141.

II.

С Красной площади транслировалась радиопередача о демонстрации, посвященной двадцатилетию Октябрьской революции. Прозвучали в эфире поздравления крейсеру «Аврора», очерк о пограничнике Карацупе, приветствие Пролетарской дивизии. Все это отчетливо слышали они, четверо зимовщиков на дрейфующей льдине в палатке, над которой реет советский флаг. И вдруг – такой поразительно знакомый голос: «Алло, товарищи Папанин, Кренкель, Ширшов и Федоров! Слушайте, говорит Москва! Здравствуй, родной, дорогой Иван Дмитриевич! Темно у тебя сейчас на льдине. Течение и ветер несут вас в пролив между Гренландией и Шпицбергеном. Вся страна знает вашу жизнь и про вашу палатку знает...»[317]

Так ведущий радиорепортаж Всеволод Вишневский поздравил своего друга и его товарищей с праздником.

А впервые будущие писатель и отважный покоритель Северного полюса встретились летом 1919 года, когда в бригаду бронепоездов пришел матрос-слесарь с «Севастополя» Папанин. Вместе воевали, затем на время потеряли друг друга из виду. А вновь свели их фронтовые дороги уже в 1920 году.

Вишневский после тифа в поисках своей части добрался до Новороссийска. Заглянул в порт и столкнулся с Папаниным. Обрадовались оба.

– Видишь посудину? – Папанин показал на катер у причала.

– Как не видеть – обычный «извозчик», — ответил Вишневский, глядя на катерок, предназначенный для доставки команды, почты с линкора на берег и обратно.

– Ну так вот. Есть дело, – решительно сказал Папанин и открыл секрет: создается ударная группа моряков для десанта во врангелевский Крым и развертывания там подпольной работы. Это было важно тем более, что белогвардейские войска грозили вылиться из «крымской бутылки», как тогда говорили, и нанести удар с юга.

Предстояло прорваться сквозь многочисленные дозоры вражеских судов, блокирующих Новороссийский порт.

Не было морской карты, одна сухопутная. Папанин пошутил:

– Спасибо и на этом, тут море хоть приблизительно нарисовано синей краской, ну а дальше уж как-нибудь разберемся...

Вышли в море. Начал разыгрываться шторм. А из Керченского пролива показался вражеский эсминец. Какое-то время он шел, казалось, параллельным курсом, но затем стал приближаться. Моряки переглянулись – гибель близка. Позже Вишневский так передаст драматизм ситуации: «Многим, вероятно, знакомо то ощущение, которое испытывается при виде наведенного на вас револьвера. Может быть, и виду

[317] Радиопередача с Красной площади 7 ноября 1937 года. ЦГАЛИ, ф. 1038, оп. 1. ед. хр. 1168.

не показываешь, что боишься, а внутри жуть холодная копошится...».[318]

Что делать? При подходе противника попытаться пойти на абордаж и затем – врукопашную? Или притвориться беглецами из Советской России, а когда примут на борт, пустить в ход ручные гранаты и маузеры?

– Поднять флаг – пускай видят, – скомандовал Папанин.

Взвился, затрепетал на ветру красный флаг. Полный вперед! Катер ринулся в атаку. Минута, другая – и о чудо! – сильнее задымили трубы, эсминец показывает корму. Оторопели от неожиданности на катере, но продолжают идти вслед.

Только в ноябре захваченные в плен белогвардейские моряки прояснили картину: «Мы подверглись такой торпедной атаке, что с трудом ушли». Основания для такой ошибки были — революционный флот располагал несколькими трофейными торпедными катерами.

Не однажды командир катера Иван Папанин и его помощник по политической части Вишневский совершали смелые рейсы в Черном море. (С одним из десантов Вишневский прошел с боями весь Южный берег, участвовал в освобождении Алушты, в горном переходе навстречу 51-й «огненной» бригаде Блюхера.)

Тогда началась крепкая, мужская дружба. Впоследствии даже из осажденного Ленинграда Вишневский посылал Папанину письма и получал ответные. Между прочим, и в переписке, и в разговорах при встречах сохранились обращения молодости: «Ванечка», «Володечка»[319]. Подобная несколько шутливая и в то же время трогательная форма общения широко бытовала в матросской среде в годы гражданской войны. Имя «Всеволод» непривычно звучало для солдат и матросов, и естественно было им перейти на уменьшительное «Володя», «Володечка», а не «Волечка», как называли его родные.

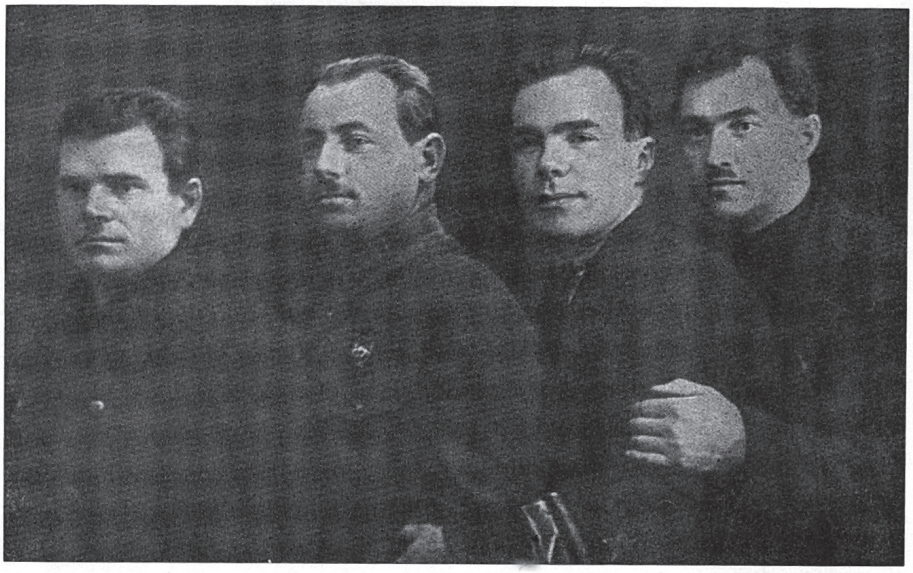
III.

В газетном архиве Ленинской библиотеки хранятся номера газеты «Красное Черноморье» (орган Новороссийского окружного комитета РКП(б) и исполкома Советов рабочих и крестьянских депутатов). Желтый и серый, порою почти землистый цвет бумаги, сплошь и рядом – слепые оттиски, масса корректорских ошибок и опечаток. Цена одного номера баснословная – 1200 рублей (тогда это никого не удивляло). Правда, на Серебряковской улице, 31 с девяти утра и до девяти вечера открыт «зал радио и

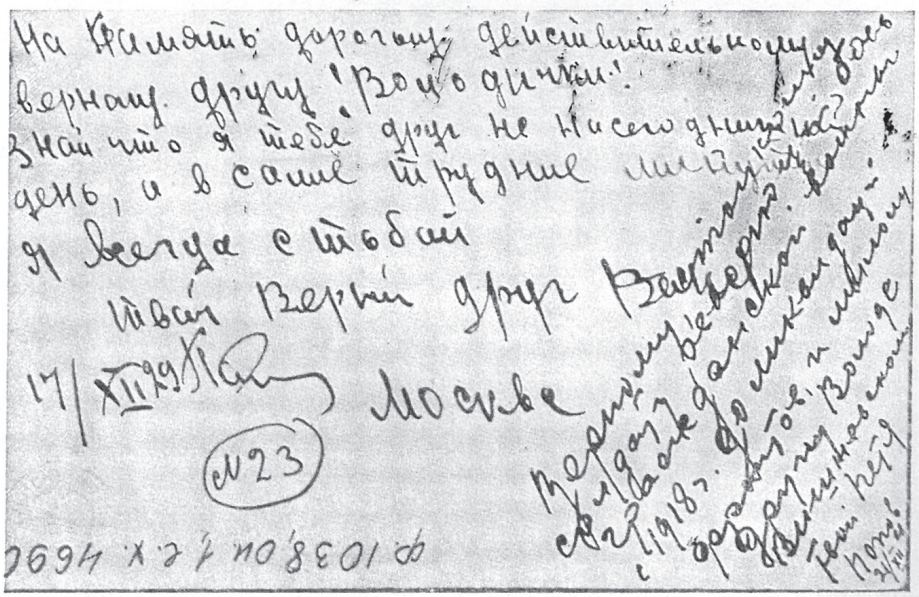
---

[318] К этому случаю Вс. Вишневский не раз обращался в своем творчестве, например: «К белым с подпольными» (рассказ, сб. «За власть Советов», Ленинград, 1924); «Папанин на фронте», (очерк, 1937, ЦГАЛИ, ф. 1038, оп. 1, ед. хр. 1183).

[319] Вот, к примеру, текст телеграммы, направленной Папаниным с Северного полюса Вишневскому: «Дорогой мой друг Володечка благодарен твоему вниманию радуюсь за тебя твои таланты заверяю тебя что я так же оправдаю доверие своих избирателей как оправдывал трудные минуты гражданской войны...» ЦГАЛИ, ф. 1038, оп. 1, ед. хр. 3017.



Т. Я. Василенко, И. Д. Папанин, В. В. Вишневский, П. П. Попов. Надписи Папанина и Попова на обороте снимка. 17 декабря 1929 г.



газет ЧерРоста», где плата за вход – 500 рублей, с членов профсоюза – вдвое меньше, а красноармейцы и матросы могут проходить бесплатно...

Всеволод частенько бывал здесь, хотя в политотделе у дежурного всегда имелся свежий номер газеты. Просто Вишневского тянуло к людям. Слушать их, самому ввязываться в разговоры, читать и обсуждать статьи.

В этот день в «радиогазетном» зале было относительное затишье. Только несколько моряков бегло просматривало страницы местной газеты: «Опять ничего о флоте».

И тут Вишневского словно осенило. Ведь и сам он не раз возмущался тем же. Человек импульсивный, быстро принимающий решения, уже спустя четверть часа он ворвался в редакцию «Красного Черноморья» и выпалил: «Что вы тут ерундите? Почему вы пишете о том, о сем, а моряками, которые сейчас столько делают, не интересуетесь?!».

Редактор – молодой, но уже почти седой мужчина – принял экспансивного матроса спокойно, и вскоре они уже мирно беседовали. Так состоялось знакомство Всеволода Вишневского и Федора Гладкова – именно он редактировал тогда «Красное Черноморье»[320]. В заключение Гладков сказал: «Что ж, пишите, редактируйте «Страничку моряка».

Это была первая журналистская работа Вишневского. Правда, если применить современную терминологию, следует уточнить: на общественных началах. Ведь в это же время он участвует в борьбе с контрреволюционными бандами на Кавказе и Черноморском побережье, делает доклады на политические темы, организует первые красноармейские спектакли для жителей кубанских станиц. Его избирают в Новороссийский исполнительный комитет рабочих и солдатских депутатов, поручают ответственные задания.

«Восемнадцати лет ходом вещей я был двинут на трибуну», – сказал как-то о себе Всеволод Вишневский. Выступал он перед солдатами, матросами, крестьянами. И речи его были понятны всем. Короткие, ясные по смыслу, рубленые фразы, но в них

---

[320] Газета «Красное Черноморье» была боевой, задиристой. Основные разделы — «По Советской республике», «По Европе», «Местная жизнь», «Последние известия» (радио тогда еще делало первые шаги, так что и оперативные новости обязана была поставлять газета). В «Красном Черноморье» рассматривались важнейшие проблемы становления Советской власти, остро критиковались недостатки. Вот, к примеру, с каким напором, чувством своей правоты в статье «Смерть бюрократизму!» газета бичует этот порок: «И на самом деле, что такое бюрократизм как не механический, мертвый, бумажный формализм, парализующий живое дело, убивающий инициативу, самодеятельность. превращающий весь сложный, многогранный процесс творческого строительства в глупую букву бесчисленного множества нумерованных бумаг...» («Красное Черноморье», 1920, 19 декабря).

С обзорами международных и внутренних событий в газете выступал Дм. Фурманов. Ф. Гладков печатал главы из своей повести «В октябре». А редактировал «Красное Черноморье» (до Гладкова) Александр Рославлев — известный литератор, автор четырнадцати книг, организатор революционного театра политической сатиры в Екатеринодаре (скоропостижно скончался от тифа в ноябре 1920 года).

уже чувствуется темперамент оратора. Такие же фразы ложатся на бумагу, на страницы дневника...

Совсем не случаен, скорее символичен тот факт, что Вишневский выступает инициатором создания первых комсомольских ячеек. Едва перебравшись с Волги на Украину, он пишет обращение «К молодежи» – немного наивное, но чистое, страстное:

«Наконец-то мы освободились от немецко-гайдамацкого ига. Мы приветствуем в нашем городе рабоче-крестьянскую власть, которая зовет нас к строительству новой жизни! Помните! Будущее в руках современной молодежи, и наш долг во имя нашего светлого будущего принять участие в строительстве новой жизни на основе коммунизма, который приведет человечество к светлому счастью, который ведет к трудовой пролетарской коммуне, где нет богатых и нет бедняков.

Я призываю вас к организации в стройные ряды юных коммунаров, в ряды Коммунистического союза молодежи...»[321]. И подписывает: «Организатор Вишневский».

IV.

В архиве В. В. Вишневского есть письмо от 25 мая 1921 года за подписью секретаря Новороссийского окружкома РКП(б) Ладохи с предложением выступить на митинге-концерте в театре имени В. И. Ленина и написать статью:

«Товарищу Вишневскому.

Агитационно-пропагандистский отдел парткома предлагает Вам во исполнение постановления парткома от 19 мая с. г. написать статью о борьбе с бело-зелеными под заголовком «Смерть бело-зеленым бандитам!».

Размер статьи – 60–100 строк печатных (примерно полторы-две четвертушки, переписанных на машинке). Означенную статью представить в агитпроп не позже 30 мая с. г. Никакие отговорки неумением писать, занятостью и т. д. приниматься во внимание не будут. Работа должна быть выполнена точно и быстро...»[322]

Здесь же рукою Вишневского, видимо, спустя много лет сделана приписка: «Начало моей практической журналистской работы – 1921 год».

Удивителен для нас сегодня категорический тон письма, не правда ли? Объясняется он исключительно созвучием, соответствием духу времени. А может, тем, что другие очень уж неохотно брались за перо, и Вишневский попал, как говорится, под общую гребенку? Или, несмотря на то, что на его счету уже были публикации в газете, по мнению секретаря, он должен писать чаще?

О последнем судить трудно, так как далеко не все номера «Красного Черноморья» за тот период дошли до нас. Тем не менее известны газетные материалы (их немно-

[321] Листовка «Известия Черниговского Временного Военно-Революционного Комитета». ЦГАЛИ, ф. 1038. оп. 1, ед. хр. 290.
[322] Там же, ед. хр. 3278.

го), подписанные «Неугомонный», «Неугомонный В.», «Черноморский Норд-Ост» – псевдонимы под стать характеру автора!

Заметки публицистического характера «В Крыму» напечатаны 19 декабря 1920 года. В этом первом газетном выступлении Вишневского речь идет о высадке десанта, о встречах с крестьянами, освобождении Красной Армией Симферополя.

Написан материал простым языком, легко, с чувством приподнятости.

Затем, уже в 1921 году, публикуются заметки «Моряки на трудфронте», «За рубежом», «На регистрации», лирическая миниатюра «Вспомните получше!». Они порою наивны. И тем не менее Вишневский добивается главного – будоражит читателя, заставляет его задуматься.

Музыка в бою... Она поднимала бойцов на штурм вражеской крепости, помогала выдержать предельное напряжение боя. Лето 1919-го, Южный фронт, моряки в атаке: «Ленточки вьются по ветру, летим полным ходом, и веселое «яблочко» раздается на полях, где схватились белые и красные...» На высокой ноте ведет разговор Вишневский – автор заметки «Вспомните получше!». Он полемизирует с другой заметкой «Вспомните», напечатанной в одном из предыдущих номеров[323], в которой речь идет о скудном житье морского оркестра: то и дело приходится выступать на концертах-митингах («Когда это кончится? Все играть да играть, есть небось мало дают, за полтора фунта хлеба много не наиграешь...»). Вишневский со всей страстью развенчивает такие настроения, напоминает, что паек рабочего гораздо меньше. Уже здесь проявляется способность молодого журналиста подняться от частного факта к обобщениям: ведь было время, когда вопрос-призыв «Чем ты помог голодающим Поволжья?» не сходил с повестки дня...

Итак, журналистское крещение Всеволода Вишневского состоялось. А первое представление об этой профессии получено еще в феврале 1915 года. Юный солдат, приехавший в отпуск домой, давал интервью репортеру из «Петроградского листка». Тот был суетлив и буквально забрасывал вопросами. Ответы краткие, сухие – никакой сенсации. Однако газетчик не унывал... Во всяком случае, когда Вишневский прочел в газете о «Володике В.», который побывал «в огненных вихрях войны», и тому подобное[324], ему стало не по себе. Будущий публицист и писатель получил предметный урок того, как рождается фальшь, какой «красивой» и неправдоподобной может выглядеть жизнь на газетной полосе.

Привычка с ранних лет вести подробные дневниковые записи, сберегать письма, документы, фотографии и неизменно, если только позволяют условия, обращаться к печатным источникам – все это помогало Вишневскому исподволь, как бы само собой вырабатывать непременное качество журналиста – точность, документальность.

---

[323] «Вспомните получше!», подпись «Неугомонный В.» «Красное Черноморье», 1921, 22 июня, «Вспомните», подпись «Ша-у», там же, 17 июня.

[324] Всеволод Вишневский. Собр. соч. в 5 томах. М., 1954, т. 2, с. 685.

Сохранился черновой автограф статьи (зима 1916 года) за подписью «Тривэ» (по трем инициалам автора)[325]. Писалась она не для печати: просто хотелось разобраться в вопросах, которые тогда целиком и полностью занимали Вишневского: «При моем исключительном интересе к войне я не мог ограничиться окопной жизнью. Я подбирал газеты и журналы, валявшиеся в офицерском блиндаже, изучал карты и всячески старался разобраться в обстановке»[326]. Он сокрушается в статье о том, что в стране «нет единой воли», о трудностях «перерождения России и уничтожения режима», всю тяжесть, бесполезность и уродство которого юноша успел познать за годы войны.

Стремительное накопление жизненного опыта, непрерывная учеба (в стихийно образовывающиеся «каникулы» на фронте в 1915–1917 годах – ранение, отпуск, затишье – Вишневский приезжает в Петроград и вместе со сверстниками сдает экзамены в гимназии, переходя из класса в класс) — все это было той благодатной почвой, которая питала, форсировала становление журналиста.

Привлекала газета и своей действенностью. Так, Вишневский с плохо скрываемой гордостью сообщает отцу из Новороссийска: «...Пишу в газету. «Продерну» кое- кого – и, глядишь, начинают оживать, шевелиться... А особенно теперь, когда мы сконтактовались с парткомом»[327]. Тогда он еще не знал, что, переступив порог редакции «Красного Черноморья», навсегда будет неразрывно связан с редакциями газет, журналов, радио, что напишет около двух тысяч статей, очерков, корреспонденций, рецензий, листовок...

Поразительно разносторонней, динамичной была натура Всеволода Вишневского. Он деятельно участвовал во многих сферах общественной жизни: на окружной конференции РКП(б) «военмор тов. Вишневский указывает на недостатки газеты «Красное Черноморье» и на необходимость развивать широкую интернациональную пропаганду среди прибывающих в порт заграничных моряков»[328]; был неутомимым агитатором и пропагандистом («...Работы много, с утра до вечера, на суше и на море... Чека, агитация, и пропаганда, и т. д. Интересная работа...»), остро ощущает пробелы в своем образовании и много читает («третий день читаю труды ГОЭЛРО по электрификации России. Книга страшно интересная...»).

Вишневский всегда в самой гуще стремительного потока жизни. Горнило революции и гражданской войны, школа партийной журналистики, напряженная учеба и редкое трудолюбие, позволившие раскрыться таланту писателя и публициста, – в этом истоки вдохновения автора «Оптимистической трагедии» и фильма «Мы из Кронштадта» – произведений, которые и сегодня владеют умами и сердцами миллионов.

---

[325] ЦГАЛИ, ф. 1038, оп. 1, ед. хр. 289.
[326] Всеволод Вишневский. Собр. соч. в 5 томах, т. 2, с. 690.
[327] Там же, т. 6. дополнительный, с. 355.
[328] «Красное Черноморье», 1921, 30 июня.

«САМОЕ ГОРЯЧЕЕ, САМОЕ БЛИЗКОЕ МОЕЙ ДУШЕ ДЕЛО...»[329]

К 75-летию со дня рождения Вс.Вишневского

Есть писатели, которые успешно, а то и с блеском проявляют себя в журналистике, но словно стесняются, стыдятся раскрытия этой грани своего дарования. Всеволод Вишневский, напротив, не уставал повторять, что он – не «узкий литератор», и как-то, в годы войны, в письме А.Я.Таирову сказал о себе замечательно точно: «И все-таки искусство – не главная тема моей жизни, главная тема – жизнь!..»

Прирожденный оратор, трибун, еще с девятнадцати лет он познал неповторимую прелесть невидимого слияния с аудиторией (первый раз он выступал перед тысячной толпой на митинге в поселке Валуйки в 1919 году). «Это ощущение аудитории, – скажет он позже, – для меня всегда в жизни было огромной, большой школой, зарядкой, которая повышала качество работы. Оно неоценимо, и это ощущение близости к аудитории надо беречь как одно из самых дорогих и святых. Радио вновь дало мне это ощущение и повысило его...»

Конечно же, Вишневский просто не мог пройти мимо, «не заметить» рождения и бурного роста новой ветви журналистики.

10 июня 1941 года он записывает в блокноте мысль, которая, пожалуй, сделала бы честь и теоретику радиовещания: «радио – обобщающее живое слово – ощущение огромного форума, собрания». Как видите, Вишневский пытался постигнуть сущность нового средства массовой информации и пропаганды. Но этому предшествовала собственная практика. И не только довольно частые выступления у микрофона – одним из первых он вел репортажи с Красной площади в дни празднования 1 мая и 7 ноября, делал обзоры по вопросам литературы, театра, кино, истории русской армии и флота, о международном положении, – а и каждодневная черновая работа радиожурналиста.

Наверное, немногим, известно, что в 1928–1929 годах Всеволод Вишневский редактировал радиогазету Балтийского флота «Красный моряк». Как и другие программы того времени, она во многом походила на печатную газету (тогда еще радио заимствовало газетные жанры): здесь были и передовая, и статья, и рассказ, и хроника, и корреспонденция. Но на одном из листов плана очередной передачи рукой Вишневского записаны предложения на перспективу: надо «повысить процент военных моряков и морских специалистов – авторов», «*увеличить количество времени на музыку – до 40-50 процентов...*» У микрофона должны выступать люди, представляющие особый интерес для данной аудитории; радио – слушают, и музыка далеко не последний фактор в общем идейно-эмоциональном восприятии передачи – таков ход рассуждений Вишневского.

---

[329] «Телевидение. Радиовещание, 1975, № 12.

Он и сам вел специальную рубрику в программе – «Рассказы старого моряка», писал небольшие радионовеллы с острым, динамичным сюжетом, каждая из которых чаще всего посвящена одному из боевых эпизодов гражданской войны. И читал он их у микрофона сам, нередко на ходу придумывая новые продолжения.

Надо сказать, что и манера чтения, и способность к импровизации у Вишневского были поразительными. Как-то в середине тридцатых годов в лагере военной части неподалеку от Ленинграда он читал по тетрадке свой рассказ. Николай Тихонов передает впечатления слушателей такими словами: «Он захватывал, как артист, который вошел в роль, растворился в ней и вам передал не происшедшее с другим, а именно с ним, и вы уже не сможете отделить его от рассказа...» Когда вечер подходил к концу, Тихонов, опоздавший на эту встречу, решил посмотреть первые страницы рассказа. Каково же было его изумление, когда в тетрадке, которую перелистывал Вишневский, он не обнаружил ни одного слова!..

В радиопрограмме «Красный моряк» Вишневский выступал и с небольшими публицистическими обращениями к своей аудитории. Одно из них – «Ленинград и угроза с моря» – начиналось в обычном для него напористом, патетическом ритме: «За время существования нашего города, – а он существует третий век, – ни разу нога вражеского солдата не ступала на его улицы и площади! Сейчас наш город – первый город революции. И тем более неприступным должен быть он. Бессмертный образец героических дней обороны Питера в дни Юденича должен воодушевлять нас. Враг никогда не войдет к нам!»

Что ж, история доказала правоту Вишневского. Но тогда, в 1928 году, он, конечно, не мог знать, что предстоят 900 блокадных дней, что ему самому суждено сыграть значительную роль в обороне Ленинграда от фашистских захватчиков и что могучим, разящим оружием в этой борьбе станет обычный микрофон, что резонанс его страстных радиоречей тех лет будет приравнен к его популярности драматурга...

* * *

Война застала Всеволода Вишневского в Переделкине. Захватив бумаги, он выбежал на шоссе и, остановив проходящий грузовик, через час уже был в Москве. В тот же день, 22 июня, вся страна слушала по радио его речь «Уроки истории». Проникнутая захватывающей верой в победу, речь эта, обращенная к народу, сама была одновременно его голосом, выражала его волю: «Не быть вольному русскому человеку – сыну победителей на Чудском озере, у Танненберга, сыну победителей Берлина – под фашистской пятой. Не быть свободолюбивому украинцу – сыну запорожцев – под проклятой баронской пятой. Не быть никогда! Не согнет шею ни белорус, ни гордый грузин, ни казах, ни смелый латыш!..

Поклянемся перед красным знаменем нашим, перед своей совестью и перед историей: «Пойдем в бой и насмерть раздавим гадину-фашизм».

К победе, товарищи, вперед!

Напомним немецким фашистам – пока они еще живы, – как и где их бил русский народ!»

Не сосчитать, сколько километров прополз он по траншеям и рвам Пулкова, Ораниенбаума, Невской Дубровки, сколько раз рисковал жизнью, чтобы добыть «горячий», из первых уст материал для журналистских и устных выступлений. И позже, под Берлином, Вишневскому навсегда запомнилось, как вибрировал голос офицера, давшего команду: «Батареи, по столице Германии, логову зверя, – за всех наших убитых, за вдов и сирот, за искалеченных и за мою семью, вырезанную фашистами, – огонь!» А из правофлангового орудия разил врагов сам Вишневский, – хотел рассчитаться – хоть в малой степени – за родной Ленинград.

Непременным условием его литературного труда, как писал он в начале 1943 года было: «... Мне надо быть участником прорыва блокады!» И он им был. А 19 января, возвратившись в город, выступил по радио. Тогда же Вишневский записывает в дневнике: «За всю войну эти радиобеседы – самое горячее, самое близкое моей душе дело. Это мое отношение, моя любовь к родному городу... Это некий новый этап и в моей литературной работе»...

К тому времени число выступлений Всеволода Вишневского по Всесоюзному и Ленинградскому радио перевалило за полсотни. Радиопублицистика органично входила в огромную работу политработника – пропагандиста и агитатора, журналиста и руководителя оперативной группы писателей, драматурга (была написана пьеса «Раскинулось море широко» – в соавторстве с А.Кроном и В.Азаровым – и создавалась пьеса «У стен Ленинграда»).

14 сентября 1941-го, когда фашистские войска начали штурм Ленинграда, Вишневский выступил на митинге молодежи Ленинграда. Позже выступление транслировалось по радио, было опубликовано в «Ленинградской правде», «Комсомольской правде», а также – редкий тогда случай – выпущено грампластинкой. Невозможно цитировать эту речь – ее нужно читать, а еще лучше – слушать целиком. В нее вместилось все, что только возможно вместить в пятнадцать минут, – и что такое Родина, Советская власть, судьба молодого поколения и судьба человечества, и место каждого в смертельной схватке: «Друзья, судьба наша в наших собственных руках, – сумеем же ею сами распорядиться. От нас все зависит: победа дается тому, кто упорен, тому, кто хочет добиться победы. Мы ее добьемся, товарищи! Мы ее должны добиться! Уступать? Уступать мы не намерены ни на дюйм, ни на дюйм! Запрещаем думать об этом! В нас кровь большевиков, кровь прирожденных победителей, кровь тех, кто высоко поднял здесь знамя Октября!»

Оставшиеся в живых участники того митинга во Дворце Урицкого сегодня уже вырастили детей, радуются внукам. Но, наверно, и теперь память их сохранила глуховатый голос Вишневского, его горячие, рвущиеся из самого сердца слова. В августе 1943-

го года в Ленинградском горкоме комсомола, вспомнив сентябрь сорок первого, Вишневскому сказали: «А вы знаете, что после этого митинга много тысяч человек ушло на фронт добровольцами? Запись была колоссальная – **почти все комсомольцы города**».

Центральные газеты нередко запаздывали в Ленинград на несколько дней. Журналисты широко использовали формы непосредственного обращения к защитникам города: переклички трудящихся с воинскими частями, кораблями; регулярно транслировались программы «Письма с фронта» и «Письма на фронт». В страшных условиях блокады радио – живая связь с внешним миром, страной, с воинами, истекающими кровью у стен города. Когда из-за нехватки электроэнергии в отдельных районах передачи прекращались, в радиокомитет шли письма: «Без хлеба, без воды, без света трудно, но проживем, а радио пусть говорит. Без него страшно! Без него как в могиле».

Тема величия, духовной красоты, непоколебимости народного духа, распрямившегося в условиях социалистического строя, пронизывает все выступления Вишневского. В невыносимо трудное лето 1942-го года, 3 августа, он, повторяя наказ партии – «ни шагу назад», произносит пламенную речь, которая в черновике названа «Штык – в немецкую пасть». И здесь, как и в других его выступлениях перед слушателями, – душевный, искренний и правдивый человек, который исповедывается на миру и сам исповедует каждого, кто слушает его в эти минуты. Вишневский верен своему же требованию к журналисту: «Из уважения к народу, надо разговаривать с ним так, как вы разговариваете с любимой, со стариком, как вы разговариваете в самые серьезные, потрясающие моменты жизни». Ему внимают бойцы в окопах, матросы на боевых кораблях – те, кому он лично, каждому в отдельности, говорит сейчас: «Будет тяжелая минута, – вспомни своих, различи и в шуме боя голос матери и отца: «Сынок, стой! Дерись!.. Это Родина просит и требует... Она не хочет немецкой каторги. Не примет ее...».

Но патетика, высокий накал выступлений Вишневского подкреплялись и громадным фактическим, документальным материалом. Общение с людьми, поездки на фронт, а в ночное время – «перевариваются» целые груды книг, журналов, газет. Как правило, по 30-40 книг за один раз и тогда брал читатель публичной библиотеки Вишневский. При подготовке газетных статей и радиовыступлений он широко использовал и письма, дневники немецких солдат и офицеров, вражеские издания. 12 ноября 1942-го года писатель в журнале «Das Reich» читает статью Геббельса, где тот «философствует» о «природе русской стойкости». А спустя три дня развенчивает у микрофона вранье шефа гитлеровской пропаганды, заключая спор так: «Если говорить уж о душах, то 193 миллиона советских граждан идут к одной цели без дискуссий: вытряхнуть душу у Гитлера!.. Лучше думай о своей душе, доктор Геббельс, а не о русской...» И здесь Вишневский показывает себя мастером точного, сжатого вывода, образного комментария.

* * *

Сегодня для нас привычны радиоциклы с одним постоянным ведущим, охватывающим определенный круг проблем. На Ленинградском радио в годы блокады таким ведущим, «радиочеловеком», вхожим в каждую семью, в каждую ячейку фронта и тыла, был Всеволод Вишневский. Постоянно находясь в гуще событий, он освещал их своим пытливым, аналитическим умом, пропуская через свое чуткое сердце. Ленинград для него, как и для всех жителей и защитников города, был живым, борющимся существом, и что бы ни происходило в его организме – все фиксировалось, осмысливалось, переживалось публицистом у микрофона. Совсем не случайна традиция – новогодние выступления Всеволода Вишневского по радио: право на это могло принадлежать только родному, завоевавшему любовь и уважение сограждан человеку. Доверительность его выступлений не могла быть поддельной: все знали – он здесь как и все терпит голод и холод.. Нередко ему приходилось напрягать голос, – чтобы не заглушили грохоты близких разрывов, – и тогда слова становились сильнее снарядов.

О том, какую исключительную роль в блокадных условиях Ленинграда играло радио, написано немало. Оно было живой, непрерывающейся связью с внешним миром, страной, с воинами, истекающими кровью у стен города. Речей Всеволода Вишневского ждали с особым нетерпением, звонили в Радиокомитет, если он какое-то время не выступал, справлялись, почему.

В этой связи любопытны воспоминания Александра Штейна, который описывает такой эпизод: «... видел я на фабрике Клары Цеткин, в блокаде, слезы немолодых ленинградских табачниц, которые навидались, кажется, всего, и кажется, ничто более не могло их тронуть, вывести из страшного блокадного оцепенения. Не оглядывались, если падал замертво от голода или от осколка только что шедший подле человек. Если мимо тянулись зловещие саночки с трупами. И они плакали, эти женщины с обледеневшими сердцами, когда из черного раструба радио шел низкий, чуть хрипловатый голос Вишневского».

...Минул первый год войны. «Юбилейная» воздушная тревога, лихорадочно стучит метроном радио, воют истребители. Все, как обычно. Наконец, отбой. Зовут к микрофону. Негромко, проникновенно звучит голос Всеволода Вишневского. Радиоречь «Душа города» – признание в любви к городу с железной волей, глубоким, сильным умом, знаменитой историей: «Мы все связаны с Ленинградом узами, прочнее которых нет. Это узы любви, родства, военных испытаний. Душа каждого из нас – часть души Ленинграда, этого необыкновенного живого существа, гиганта...»

Вишневский дает эмоционально-романтический и мужественный портрет города – этого «живого существа» – его рождение, бурный рост, революционные заслуги, трагические зимние дни первого военного года... Но он стоит – «величественный, с потемневшим от пороха ликом, покрытый шрамами, как ветеран-гвардеец. Ветры, воды, огонь – стихии штурмуют город, враги у его стен, а город стоит, и над арками

и воротами его бешеные квадриги и шестерки бронзовых коней, летящих на запад и на север... Бурно дышат эти кони, летящие в будущее... Это воинственный и грозный Ленинград – это раскаленный дух его, победная судьба!.. Копыта коней раздавят фашистских карликов... Сверкнут бешено мелькающие спицы колес – и история помчит дальше, вперед и вперед – к коммунизму!»

Радиожурналисту Вишневскому всегда присущи были оперативность, постоянная отмобилизованность, готовность в любых условиях, немедля выйти в эфир. Редактор Ленинградского радио военных лет А.П.Половников вспоминает, как в ноябре 1941 года в студию пришла женщина, перешедшая линию фронта. Она поведала о зверствах фашистов на оккупированной территории: «У Надюшки, и у той кровь взяли. Прямо выпили из нее. Кожу взяли у ребенка – кружочков десять. Со спины, с груди... Дети умерли...». Ее рассказ записали на бумагу и дали только что появившемуся в студии Вишневскому. Прочитав запись, он сразу сказал: «Пустите меня сейчас вот с этим... – он потряс пачкой листов, – прямо к микрофону. Нечего мне тут готовиться!»

* * *

Радиопублицистика Всеволода Вишневского – примечательный этап в развитии отечественного радиовещания. Именно он одним из первых показал, какие огромные выразительные возможности заложены в природе эфира. В самом деле – богатство живого слова как средства раскрытия личности, различных граней ее индивидуальности у микрофона во всей своей мощи и разнообразии доносил Вишневский до радиослушателей. Прежде всего, это объясняется привлекательностью самой личности писателя – человека целеустремленного, ищущего, несгибаемого, постоянно растущего и совершенствующегося. «Облик Всеволода Вишневского, – говорил на вечере, посвященном его пятидесятилетию, Александр Прокофьев, – настолько многогранен, что если бы мы всем залом вспоминали, мы все равно говорили бы долго и все вспоминали его черты и черточки».

Бойцовский темперамент, эмоциональная обостренность восприятия жизни, редкий дар импровизации и отточенное ораторское мастерство – счастливое сочетание этих сторон его своеобразного таланта говорит само за себя: Вишневский, казалось, был рожден для радио.

Одним из специфических свойств радиовещания является диалогичность, не только сообщение, но и общение на расстоянии, установление доверительных контактов между говорящим у микрофона и слушателями. Этого никогда не забывал Вишневский. Но чтобы такая связь возникала во время радиопередачи, ему, как воздух, нужны были и непосредственные встречи с людьми. Он постоянно, изо дня в день бывает на заводах, кораблях, в госпиталях, на передовых позициях, рассказывает о положении на фронтах. Это для него – «самые радостные, самые хорошие, самые горькие встречи». Добавим, что такое общение – еще и неиссякаемый источник информации для

журналиста о людских судьбах, героизме и мужестве, взлетах и падениях человеческого духа – то есть осуществление непрерывающейся обратной связи с аудиторией. И у микрофона Вишневский сохранял это чувство слитности, единства с согражданами, он мыслил, переживал, волновался, убеждал, звал к победе. В этом секрет высочайшей действенности его выступлений.

Ранним майским утром сорок пятого, когда весь мир ждал сообщения о безоговорочной капитуляции фашистской Германии, самолет, на борту которого находился Вишневский, приземлился в московском аэропорту. А спустя несколько дней он выступил по Всесоюзному радио.

Круг замкнулся! Он говорил 22 июня 1941 года о том, что русские бывали в Берлине дважды – в 1760-м и 1813-м, и о том, что они придут туда и в третий раз. И они пришли... Сдержал слово, данное самому себе в страшные дни блокады – он участвовал в штурме Берлина, видел его брошенным на колени... В архиве эта речь не сохранилась, видимо, Вишневский говорил без текста, зато есть письма слушателей, которые с лихвой заменяют профессиональный ее анализ, дают исчерпывающий ответ на то, каким был радиожурналист Всеволод Вишневский. «Только что слушал Ваше выступление у микрофона, – спешит выразить переполняющие его чувства Н.Шкапов из заполярной Воркуты. – Спасибо, большое спасибо за статью, которую Вы читали. Нет, это не просто была статья, это был *крик души, всплеск горячего сердца; это был удар остро бьющего ума* (курсив мой – В.Х.). Не Вас слушал я, дорогой товарищ Вишневский, не писателя-корреспондента. Я слышал, как наш солдат, прижав Берлин к земле, обернулся к своей родной Москве и просто сказал ей слово благодарности...» Что здесь добавить? Разве то, что позже ученые назовут такое восприятие радио словом идентификация...

Образцы радиопублицистики Всеволода Вишневского, находящиеся в архивах и фонотеках, не утратили своей актуальности – ведь это замечательная журналистская школа. Не теряем ли мы оттого, что они остаются неизвестными для многочисленной армии профессиональных работников радиовещания и телевидения? Будь они собраны и изданы, да в придачу с пластинками – записями лучших речей, – они «работали» бы и сегодня, показывая, как может раскрываться у микрофона духовно богатая, красивая личность – гражданина, бойца, труженика, – как могущественно и всесильно ее воздействие на умы и сердца людей.

ВЫСОТЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДУХА[330]

Отечественная война...
Воюющий народ...
Признаться, мы как-то незаметно привыкли к этим словосочетаниям и далеко не всегда полностью осознаем их изначальный глубинный смысл.

Да, сорок с лишним лет назад, в то июньское утро весь наш народ вынужден был стать воюющим. Шахтер и токарь, пахарь и учитель, люди мирных профессий взяли в руки оружие, чтобы защитить справедливость, человеческое достоинство, свободу и независимость своего социалистического Отечества. Им предстояло овладеть военной наукой и наукой ненависти, их ждали невиданные, предельные испытания. Выстоять в этом смертельном поединке, понять сущность, природу зла, обрушившегося на нашу страну, и победить его всему народу и каждому человеку в отдельности помогали советские писатели.

Война – высшее испытание для страны, народа и, значит, для литературы и искусства. Только после капитуляции фашистской Германии миру стали известны тайные замыслы гитлеровцев, в частности стратегический план под названием «Ост». Заправилы третьего рейха были откровенны: «Или полное уничтожение народа, или онемечивание той его части, которая имеет признаки нордической расы». И далее весьма существенное разъяснение: цель заключается в том, чтобы «разгромить русских как народ, разобщить их». Русский народ – главная сила, вставшая на пути к гегемонии гитлеровцев в Европе, именно поэтому директивы фюрера так категоричны: беспощадно уничтожать, выселять миллионы русских, украинцев, белорусов и других народов Советской страны; никакого образования, никакой медицинской помощи населению оккупированной территории.

Итак, речь шла о жизни или смерти нашей Отчизны. Это глубоко понимали писатели, и в первые же дни войны они стремились как можно скорее занять свое место в боевом строю. Одни из них отправились на фронт в качестве военных корреспондентов газет, другие рядовыми бойцами, командирами, политработниками. Лучшие мастера советской литературы, они верно и самоотверженно, талантливо и неутомимо служили делу Победы.

Искреннее, страстное, подтвержденное авторитетом писательского имени слово было созвучно чувствам защитников страны, обладало силой огромного эмоционального воздействия. Статьи Алексея Толстого «Родина», «Кровь народа», «Москве угрожает враг», опубликованные в сентябре-октябре 1941 года, требовали от каждого понимания сложившейся обстановки и полной самоотдачи. В этих статьях ярко проявилось

[330] Вступительная статья // «Вставай, страна огромная!» (Сост. автор вступ. статьи и примеч. В.С.Хелемендик). – М.: Сов. Россия, 1985. – 480 с. – (Б-ка рус. худож. публицистики).

мастерство автора, его умение неразрывно связывать прошлое и настоящее в истории народа и тем самым пробуждать великие чувства любви к Родине, гордость за ее героическое прошлое и счастливое настоящее, укреплять веру в нашу победу.

Тогда же, в начале войны, М. А. Шолохов писал: «Вооруженные карандашами, записными книжками и ручными пулеметами, мы едем к линии фронта...» Вместе с А. Фадеевым и Б. Петровым он побывал в войсках 19-й армии, а затем опубликовал очерк «Люди Красной Армии» – о встречах на фронтовых дорогах, об увиденном и пережитом. В шолоховской «Науке ненависти», опубликованной в «Правде» 22 июня 1942 года, утверждалась естественность, справедливость, закономерность чувства ненависти к фашистским оккупантам.

Блестящие образцы публицистики военных лет принадлежат перу М.Шолохова, А. Толстого, А. Фадеева, Л. Леонова, Л. Соболева, К. Федина[331], а также писателям, чьи произведения составили данный сборник.

«В этой войне, – писал А. Фадеев, – миллионы советских людей раскрывают самые сильные, благородные, героические стороны своего характера, встают во весь свой человеческий исполинский рост – в боевых делах, в труде, в отношении к Родине, к нации, в мышлении о мире, о человечестве, в чувствах своих к врагу, к товарищам по борьбе, к семье, к любимому человеку...[332] Мы защищали свое социалистическое Отечество, свою свободу и государственную независимость, мы осуществляли великую освободительную миссию по отношению ко всем порабощенным германским фашизмом народам. Важнейшим и неиссякаемым источником силы и могущества советского патриотизма было то, что организатором и вдохновителем всенародной войны являлась Коммунистическая партия».

Писатели и журналисты честно выполняли свой долг в годы Великой Отечественной войны: в их произведениях, опубликованных в печати, в выступлениях по радио раскрывались мысли и чувства советских людей, звучали подлинные голоса народного гнева, скорби и мщения, священной ненависти к врагу. Очерки и статьи, корреспонденции и рассказы вдохновляли защитников Родины на героические дела. Именно возможность не отдаленного во времени, а сегодняшнего, порою и сиюминутного реального политического и социально-психологического воздействия на людей, близость к действительности и способность непосредственно влиять на нее объясняют огромное значение военной публицистики.

Публицистическим произведениям этих лет в полной мере присущи партийность, народность и правдивость — основополагающие черты советской журналистики. Писатели, журналисты без устали, изо дня в день призывали к отпору и ненависти к врагу, показывая различные формы народной борьбы, вовлекая в нее каждого советского че-

---

[331] Сборник произведений этих писателей выпущены в свет в «Библиотеке русской художественной публицистики».

[332] Фадеев А. Собр. соч., т.4. – М.: 1960. С. 336–337.

ловека, где бы он не находился. «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой!» – это обращение, многократно тиражированное печатью, радиовещанием, находило горячий отклик в сердцах миллионов.

Сегодня, спустя много лет, очевидно, каким поистине подвижническим был журналистский труд писателей во время войны: они верно, талантливо и неутомимо служили делу победы над фашизмом. На вопрос, как он может три года писать об одном н том же, Илья Эренбург ответил: «Да, это трудно. Еще труднее три года провоевать... Но скажу прямо — я не понимаю, как может человек теперь думать о другом...».

Даже в страшные дни отступления и потерь наши писатели, журналисты не изменяли правде жизни ни на йоту. Они находили верные, проникновенные слова, чтобы объяснить людям: то, что происходит,— временное явление.

Боец на передовой и труженик в тылу жаждали откровенного, правдивого слова. «Из уважения к своему народу надо разговаривать с ним так, как вы говорите с любимой, с отцом, со стариком, как вы разговариваете в самые серьезные, потрясающие моменты жизни. Иного разговора у нас, литераторов-публицистов, быть не может...» – считал Всеволод Вишневский. Публицистика страстная, эмоциональная воспитывала высокие чувства любви к своей социалистической Родине, дружбы братских народов, самоотверженности в бою и труде, верности воинскому, гражданскому долгу.

Научить воевать: как бороться с танками, как отражать налеты авиации, как прорывать эшелонированную оборону противника, – для этого потребовалась и журналистика аналитическая, «деловая», как сказали бы мы сегодня. Примечательно, что и много лет спустя поэт-фронтовик Сергей Викулов видит геройство не в том, чтобы «просто встать и рубаху рвануть на груди». Нет, истинный герой тот, кто «вражью рубаху сподобился в клочья, в клочья порвать, а свою уберечь»! И далее – как память ума и сердца, как завет грядущим поколениям защитников Родины:

И потому накануне сраженья
нам не случайно давался наказ:
«Помни, в истоке геройства –
УМЕНЬЕ,
точный РАСЧЕТ и наметанный глаз,
ВЕРА,
что, к ложе щекой припадая,
ты, от рожденья не слеп и не слаб,
выпустишь пулю свою, упреждая
встречную – ну, на мгновенье хотя б!..»[333]

Представленные в сборнике писатели создали целую галерею портретов мастеров военного дела – пехотинцев, артиллеристов, танкистов, летчиков и моряков, где детально, последовательно показывается, как надо побеждать врага.

[333] Викулов С. О геройстве. (Вспоминают ветераны). – Лит. газ., 1983, 20 июля.

Образцы публицистики В. В. Вишневского, Б. Л. Горбатова, В. В. Иванова. К. М. Симонова, Б. П. Ставского, И. Г. Эренбурга отмечены печатью истинной художественности, высоким идейно-нравственным зарядом, воплощавшимся в действиях и поступках людей – защитников нашей Родины. Эти произведения – частица удивительно достоверной летописи Великой Отечественной войны, ведь никакая история не может быть полной и убедительной без произведений публицистики.

Книги о войне, по мнению Юрия Бондарева, неотразимо воздействуют на нашу память, как кровоточащие зарубки на вехах, зарубки высокого духа.

Перед вами, дорогие читатели, одна из таких книг.

I.

Для Всеволода Витальевича Вишневского журналистика была делом родным и привычным. А в двадцатых годах и профессией: он работал в редакциях газеты «Красный Балтийский фронт», журналов «Красный флот», «Морской сборник», сотрудничал в центральной печати.

22 июня вся страна слушает страстную речь Вишневского по радио (под названием «Уроки истории» она напечатана в «Красной звезде»). А в День Победы Всеволод Вишневский прилетит в Москву из поверженной столицы фашизма, и вновь он у радиомикрофона. Снова его слушает вся страна. Круг замкнулся...

А между этими двумя рубежами – годы военной страды, когда Всеволод Витальевич не позволял себе ни дня, ни часа передышки: шестьдесят восемь дней обороны Таллина, прорыв кораблей Балтийского флота в Кронштадт, семнадцать месяцев блокады Ленинграда; бои за освобождение Прибалтики, сражения в Восточной Пруссии, участие в исторической битве за Берлин. Вишневский, будучи специальным корреспондентом «Правды», пишет и для «Красной звезды», «Комсомольской правды», «Ленинградской правды», для флотских и армейских газет, издает брошюры и листовки.

Читая военные корреспонденции и очерки Вишневского, чувствуешь не выставляемое нигде напоказ присутствие автора: его цепкий глаз, его знание «фронтовой прозы», существа боевых операций и поединков... «Факты успеха» – подвиги, образцы для подражания, пусть их пока не так много, призваны вселять уверенность в то, что врага можно бить. И публицист не раз обращается к опыту Балтийского флота, который за первый месяц войны уничтожил броненосец и крейсер, десять подводных лодок, девять миноносцев, четыре сторожевых катера и тридцать транспортов противника. У Вишневского редки описания ярких, исключительных подвигов, он утверждает: героизм не удел избранных, а результат честного и добросовестного выполнения воинского долга.

Вишневский пишет о подводниках, которые, подобно охотнику в джунглях, то выжидают в засаде, то продвигаются вперед навстречу врагам. В корреспонденции «Герои подводных глубин» автор не раз варьирует, повторяет одно слово: «идти в этой тьме

надо *настороженно*», *«настороженность»* ни на минуту не покидает подводников». Это качество должно стать органичным, неотъемлемым; а еще – упорство и хладнокровие.

Передовой опыт боя всегда присутствует в публикациях Вишневского. Таков очерк «На «Охотнике», где подробно описана схватка катера с фашистскими самолетами. Все внимание автора – центральной фигуре боя – наводчику, который, вобрав голову в плечи, следит за стремительными изменениями в воздухе. Напряженность, поединок нервов, выдержка. Удачный выстрел – и на своих же бомбах взрывается «юнкерс». При этом воздушной волной поврежден другой, а третий, ошеломленный таким поворотом событий, почти вертикально взмывает вверх. «Ему, видимо, казалось, что катер его преследует и тоже лезет вверх, – досада и горечь были разлиты по лицу наводчика», – так автор передает атмосферу упоения боем.

Единство фронта и тыла – одна из главных тем в творчестве писателя. В посвященных Ленинграду очерках публицист-аналитик словно тугим морским узлом связывает все актуальные вопросы жизни и борьбы гарнизона, города, а публицист-лирик, обладающий даром высвечивать самые потаенные уголки человеческого сердца, создает при этом необходимый эмоциональный настрой – обе стороны дарования Вишневского слиты воедино.

Таков, к примеру, очерк «Белые ночи» – подлинный гимн нравственной силе защитников Ленинграда – людей, в душах которых высечены слова «верность», «стойкость», «бесстрашие». Жизнь в городе идет своим чередом, автор нанизывает одну за другой детали, которые читатель, может быть, не знал или не заметил: появился летний киоск с газированной водой, сажают деревья, открывается концертный сезон, на стадионе состоялся футбольный матч... Весомость фактов постоянно нарастает: на заводе, производящем снаряды, технически обоснованные (до 21 июня 1941 года) нормы перекрыты в 15 раз...

Город отстоял себя от натиска гитлеровских полчищ, он уберег себя от пожаров. Он создал ледовую дорогу, чтобы прокормить себя. Он сохранил нужные производства, сделав важнейшие технические изобретения. Он сохранил чистоту и порядок. Он творит искусство: «Слава тебе, город Ленина! Слава тебе, хранящему под огнем традиции тех, кто жил, творил и бился на берегах Невы!..».

В дни, когда враг, захватив огромные территории, вырвался к Волге, занес кровавый меч над Сталинградом, по радио прозвучала речь Всеволода Вишневского. Устами писателя говорила сама мать-Родина, Россия: «Сын мой, тяжелый час пришел... Со дней татаро-монгольского нашествия не было такого. Бейся, чтобы государству не быть растоптанным. Бейся со святой яростью, – за весь народ и за семью свою...» Выступающему внимают бойцы в окопах, матросы на боевых кораблях, – те, кому он лично, каждому в отдельности, говорит сейчас: «Будет тяжёлая минута – вспомни своих, различи и в шуме боя голос матери и отца: «Сынок, стой! Дерись!.. Это Родина просит и требует...»

Около ста речей произнес у радиомикрофона Вишневский в годы войны. Радио, стихия которого – звук, тембр, доносило до слушателей почти клокочущий, то высокий, то страстно низкий голос, неповторимую интонацию балтийского моряка времен гражданской войны, ту интонацию и стиль, которые уже сами по себе являлись живой связью с революционной историей. В дни, когда смертельная угроза нависла над Москвой, он обращается по радио к столице: «Ты оставалась всегда средоточием сильного духа, русского характера... Ты, Москва, ходила во многие бои, твой голос слушает весь мир, твои труды и праздники – откровение и завтрашняя перспектива человечества...

Москва! Двигай все живое, боевое, честное – в бой! Будь смела и крута в решениях. Будь неизменна в русском стоицизме!».

Сегодня для нас стали привычными радиоциклы, охватывающие определенный круг проблем, с одним постоянным ведущим. На Ленинградском радио в годы войны таким ведущим был Всеволод Вишневский.

Когда впервые после болезни (жестокая дистрофия свалила его в декабре 1941 года, и он месяц пролежал в госпитале) выступил по радио, как выражение его чувств в дневнике появилась такая запись: «Эти беседы с ленинградцами — одна из высших моих радостей...» В страшных условиях блокады радио — живая, непрекращающаяся связь с внешним миром, страной, с воинами, сражающимися у стен города. Речей Вишневского ждали с особым нетерпением. Звонили в радиокомитет, если он какое-то время не выступал, справлялись: почему? В сохранившихся документах – письмах, дневниках ленинградцев блокадного времени – упоминается имя писателя. Вот, к примеру, светящаяся угловатой непосредственностью запись школьницы Майи Бубновой от 23 января 1942 года: «Вчера Всеволод Вишневский по радио выступал. Прямо молодец парень, в моем духе.

Всегда вовремя выступит и скажет, скажет прямо, ясно, хорошо, по-ленинградски, по-большевистски...».

Задания Пубалта – самые трудные, самые срочные – всегда брал на себя начальник писательской оперативной группы. Нередко его вызывали в Смольный, в городской комитет партии, где обычно задачу ставил Андрей Александрович Жданов. 20 октября 1942 года он сказал: «Надо срочно подготовить листовку к солдатам испанской дивизии. Всеволод Витальевич, пожалуйста, не стесняйтесь: отразите действительное положение дел, но дайте как следует, с перцем...»

Запись в дневнике Вишневского рассказывает о том, как развивались события дальше: «Время – 21 час 15 минут... Быстро ознакомился с материалами. Потом стал писать... Три-четыре страницы... Нащупывал солдатский язык: писал с некоторой грубоватостью, язвительностью, с точностью...» Работа была закончена к пяти утра. Текст срочно переведен тремя переводчиками, набран и отпечатан пятнадцатитысячным тиражом. Уже днем листовку сбросили с самолета, и она начала свою очистительную работу в сознании обманутых солдат. «119 250 тонн бомб на Германию», «Что должен

знать немецкий солдат под Ленинградом», «Гитлер – великий стратег» – эти и десятки других листовок написаны Вишневским с удивительным умением на малом пространстве уместить мощный заряд убедительной, страстной, несущей правду информации.

Завершал войну Вишневский на фронте. Позже, в мае 1945 года, он скажет о нескольких последних месяцах возвышенно, торжественно: «Судьба дала мне счастливый жребий: после ряда походов быть при последних операциях по разгрому Германии». Он был безмерно рад, что присутствовал во время переговоров о капитуляции, которые вели с немецкими генералами В. И. Чуйков и В. Д. Соколовский. «Капитуляция Берлина» – этот блестящий репортаж о великом историческом событии – полностью был опубликован в четвертом томе Собрания сочинений писателя.

Личность Всеволода Вишневского наиболее полно раскрылась именно в годы Великой Отечественной войны: патриотизм, стойкость духа, человеческая щедрость, требовательность и даже беспощадность к себе и к другим, поскольку речь шла о сохранении и независимости Отчизны. Писатель был горд и счастлив, когда на пленуме Союза советских писателей в докладе его боевого побратима Николая Тихонова прозвучали весомые слова признания: «Мы должны вспомнить горячее слово Всеволода Вишневского, звучавшее из осажденного Ленинграда на всю страну».

II.

В приднепровском селе, неподалеку от легендарной Каховки, Бориса Горбатова окружили колхозники и принялись расспрашивать о том, что делается на других фронтах.

– Ну, как там Ленинград? А? Стоит, держится? – неотрывно глядя в глаза писателя, спросил высокий седой старик. Кругом рвались снаряды, фашистские самолеты делали очередной заход для атаки переднего края — он здесь, рядом, в нескольких километрах от деревни, – а наших людей волнует судьба Ленинграда...

Тогда и возникла у писателя мысль обратиться к соотечественникам,— к каждому воину в отдельности и ко всем вместе. Ночью, при вздрагивающем от взрывов свете коптилки, в потемневшей от дыма хате, сходу, поистине на одном дыхании исписаны несколько небольших листочков. И ни одной правки, ни одной помарки. Назавтра эти листочки автор отдаст редактору газеты Южного фронта «Во славу Родины» М. Погарскому, а тот, прочитав их, немедля прикажет:

– Срочно в набор! В номер идет...

Так начинался цикл горбатовских «Писем к товарищу». В первом же письме четко определился и авторский замысел, и идея, и интонация. Это – прямое, страстное обращение к своему поколению, к другу, товарищу как к себе, – предельно откровенно, обнажено. Это диалог и одновременно исповедь, глубинное осознание понятия «Родина».

В сентябре 1941 года на вопрос, отчего болит сердце украинских крестьян за далекий Ленинград, как за родное село, Борис Горбатов отвечает так: «И тогда я понял. Вот

что такое Родина – это когда каждая хата под седым очеретом кажется тебе родной хатой, и каждая старуха в селе – родной матерью. Родина – это когда каждая горючая слеза наших женщин жжет твое сердце. Каждый шаг фашистского кованого сапога по нашей земле – точно кровавый след в твоем сердце». И если ты любишь Родину, ее разноплеменные края, власть нашу, и богатство, и приволье наше, славу и боевые традиции народа, «если ты любишь Родину и своего сына, и будущее его дорого, – бей, без пощады бей, без жалости бей врага!» – таков дошедший до самых глубин сердца читателя призыв автора.

«О жизни и смерти» – второе письмо (октябрь 1941 года) – раздумья бойца в ночь перед боем, в ночь, которая может оказаться для него последней. Пронзительное чувство открытости, искренности и убежденности автора в победе над врагом никого не может оставить равнодушным и сегодня, спустя многие годы. Предстоящий бой, смертельный бой с врагом решает: кто будет хозяином нашей судьбы – мы сами или они, фашисты, несущие рабство, подневольную жизнь: «Нет, лучше смерть, чем такая жизнь!». Б. Горбатов скупыми штрихами набрасывает сцену расстрела труса, дезертира, который «хотел отсидеться, убежать от войны, будто от войны можно спрятаться»... Выход один – стоять насмерть, биться до победы: «Товарищ! Три часа осталось до рассвета. Судьба моя в моих руках. На острие штыка моя судьба, а с нею и судьба моей семьи, моей страны, моего народа».

Высочайшей степени лиризма и публицистичности достигает Горбатов в письме «Пядь родной земли» (июль 1942 года). «Пядь родной земли» – это любая прифронтовая деревня или поселок, где живут, борются, надеются советские люди – женщины, старики, дети, глядя на которых не раз думал каждый воин: «Вот и мои где-то так...» И высокая эмоционально-напряженная нота переходит сразу же в прямой призыв-требование: «Но стоит тебе и твоей роте, товарищ, отступить на один шаг, одну пядь нашей земли отдать врагу, – и фашист ворвется в это село, чтобы грабить, жечь и убивать...

Будем же драться, товарищ, так, чтобы жены нас не высмеяли, матери не прокляли, дети нас не стыдились; драться так, как положено за родную землю...

Чтобы каждая пядь родной земли стала могилою врагу!».

Соратники Горбатова считали «Письма к товарищу» одним из вершинных произведений публицистики военных лет. «В чем секрет этих небольших, уместившихся на нескольких газетных подвалах вещей? Сила их в том высоком лиризме, когда вдруг со страниц прозы, без лишних бытовых подробностей, без мелочей, без побочных описаний, предстает большое человеческое «я», и притом такое, что мы, читатели, принимаем его уже не как «я», а как «мы», как нечто совершенно свободно, просто, естественно сказанное от нашего общего имени»[334] – писал Константин Симонов в 1964 году.

Благодаря огромной силе воздействия на аудиторию, «Письма к товарищу»

[334] Симонов К. Человек с корнями. – В кн.: Воспоминания о Борисе Горбатове. – М.: 1964. С. 11.

получили всенародное признание: они печатались в фронтовых и армейских газетах, в «Правде», читались по радио, выпускались в виде брошюр карманного формата в центральных и местных издательствах.

Бойцы энского соединения писали Горбатову 18 июня 1942 года: «Ваша книжечка «О жизни и смерти» написана замечательно. Ее прочитали во всех взводах и отделениях нашей роты, ее читают и перечитывают бойцы и командиры... Ваши статьи дают нам больше силы и энергии для борьбы с заклятым врагом...»

Борису Горбатову в высшей степени было присуще искусство сказать необходимое слово в нужную минуту. Видимо, ощущение жизненной потребности в публицистическом слове за многие годы журналистской работы стало органическим. Пятнадцатилетним юношей Горбатов пришел в редакцию газеты «Всероссийская кочегарка», и с тех пор его жизнь неразрывно связана с журналистикой. В мирное время с удостоверением специального корреспондента «Правды» Борис Горбатов объездил Сибирь, Урал, Дальний Восток, облетал весь Крайний Север, провел пять месяцев зимовки на острове Диксон, участвовал в Арктическом перелете с Героем Советского Союза В. С. Молоковым, воевал в снегах Карельского перешейка... С первого и до последнего дня Великой Отечественной войны писатель не снимал шинели, пройдя путь от Черновиц до Кавказских гор на восток и от Кавказских гор до Берлина на запад. В дни штурма Берлина находился в войсках генерала Переверткина, под огнем врага одним из первых сумел взять интервью у М. А. Егорова и М. В. Кантарии, водрузивших красное знамя над рейхстагом.

Газетчиком до мозга костей называли современники Бориса Горбатова. Да и сам он, размышляя о собственном литературном творчестве, говорил: «О своих вещах я всегда думал так: это – газета». Может, такая оценка объяснялась прирожденной скромностью писателя. Однако несомненно одно — с наиболее значительными художественными произведениями Бориса Горбатова массовый многомиллионный читатель знакомился на газетной полосе. Так было с очерками и рассказами, составившими затем книгу «Обыкновенная Арктика». Такова судьба и повести «Непокоренные», изданной множество раз у нас и за рубежом.

Эта повесть в самом высоком смысле этого слова публицистична. Но и, как другие произведения писателя, глубоко лирична, образы людей убедительно, психологически точно разработаны, эмоционально приподняты и одновременно удивительно естественны. Любопытно мнение Д. Б. Кабалевского, автора оперы «Семья Тараса», о языке «Непокоренных» – «удивительном но своему поэтическому строю, по какому-то не поддающемуся анализу внутреннему ритму. Я готов утверждать, что прозаический язык горбатовской повести более поэтичен и музыкален, чем многие стихи, сочинявшиеся специально для музыки»[335].

[335] Кабалевский Дм. Как повесть стала оперой. – В кн.: Воспоминания о Борисе Горбатове. – М.: 1982. С. 309.

Это справедливое суждение. Стилю Бориса Горбатова присущи лиричность, эмоциональность, особое «музыкальное» звучание, которого не мог не ощутить композитор, искренность раздумий и афористичность выводов. В полной мере своеобразие художника раскрылось и в созданном им замечательном образе русского солдата Алексея Куликова, который проходит науку войны и науку ненависти. Этот образ по своей правдивости и «обыкновенности», схожести с тысячами и тысячами защитников Родины сродни Василию Теркину А. Твардовского, Егору Дремову Ал.Толстого, Петру Лопахину М. Шолохова. В солдатском отзыве (23 декабря 1942 года) на публикацию «Алексей Куликов, боец» были такие знаменательные строки: «Вот многие из переживаний Куликова я тоже испытывал, точно так оно и было. В общем, книжка произвела очень большое впечатление, и, вероятно, потому, что частично каждый увидел в книжке самого себя».

Ненавязчиво и неторопливо, спокойно, как бы изнутри, показывает писатель нелегкое превращение сугубо мирного человека в солдата, воина: о том, как Алексей Куликов побеждал смерть в своей душе и как приходил в ярость, как упорно, по-крестьянски основательно овладевал воинским мастерством и как вступил в партию, как летом сорок второго года дрался, стоял насмерть на перевале... Этапы «вхождения в войну» психологически точно выверены, и эта достоверность письма берет за душу, убеждает, вселяет уверенность в конечной победе над фашистами.

Публицистика Бориса Горбатова за последние четыре десятилетия не раз переиздавалась, снова и снова подтверждая жизненность его очерков и рассказов. А в дни Второго съезда советских писателей делегат из Вьетнама прочитал из переведенной на его родине книги начальные простые и грозные строки из горбатовского «Письма к товарищу»: «Товарищ! Сейчас нам прочитали приказ: с рассветом – бой».

Так продолжают жить и бороться страстные произведения писателя.

III.

Пожалуй, справедливым будет сказать, что все творчество Всеволода Вячеславовича Иванова посвящено центральной теме – вооруженной борьбе народа за социальное освобождение, за независимость и счастье своей Родины. Его судьба, как и судьбы ряда других советских писателей первого поколения, неразрывно связана с революцией, гражданской войной. «Мы входили в литературу волна за волной, нас было много, – писал Александр Фадеев. – Мы приносили свой личный опыт жизни, свою индивидуальность. Нас соединяло ощущение нового мира, как своего, и любовь к нему».

Всеволод Иванов одним из первых (повесть «Броненосец 14–69» опубликована за год до «Чапаева» Д. Фурманова и за два года до «Железного потока» А. Серафимовича) сумел показать истоки рождения чувства нового мира, стремления к социалистическим идеалам, готовности к самопожертвованию, к подвигу не только отдельной личности, героя, но многих рядовых бойцов, чьими объединенными усилиями и вер-

шится история. В «Партизанских повестях» конкретно, зримо показан неистощимый героизм народной революции, гуманизм этой борьбы, ее интернациональный пафос; а роман «Голубые пески», по мнению А. М. Горького, «дает очень яркую и широкую картину гражданской войны в Сибири».

Образы руководителя подпольщиков Ильи Пеклеванова и глубоко осознавшего правду ленинских идей партизанского вожака Никиты Вершинина стали популярными в нашей стране и за рубежом, так как пьеса «Броненосец 14–69» была поставлена многими театрами мира. Широкую известность приобрел и роман «Пархоменко», в котором Иванову удалось воссоздать живой, колоритный образ легендарного героя гражданской войны.

К публицистическим выступлениям одного из своих любимых писателей жадно тянулись советские люди в годы войны. Уже в первой статье «Мое Отечество», опубликованной в газете «Известия» 24 июня 1941 года, Вс. Иванов обращается к исторической памяти народа, к его национальной гордости: «Я – русский. Мое Отечество от Белого моря до Тихого океана. Это они, мои предки, шли по степям и тайге Сибири вместе с Ермаком; это их казацкие кони пили воду из Рейна, и это их знамена колыхал ветер на улицах Берлина, и это они защищали свою Родину, когда стояли плечом к плечу на полях Бородина, и это от моих предков бежал, в испуге бросая оружие и снаряжение, свою гвардию, непобедимый Наполеон... Русский народ не хотел отдавать своей земли врагу и никогда не сдавался, как бы трудно ни приходилось!» Социалистический строй объединил различные нации и народности в единую семью: «Мы братья; мы товарищи, мы бойцы социализма; мы сыны великого Советского Союза. Вот почему мы переносили и переносим любые невзгоды; вот почему мы били и побьем любого врага!» Долг перед своим Отечеством обязывает каждого «работать так, как никогда не работали!». Эти слова звучат торжественно, как клятва. И сам Всеволод Вячеславович пишет статьи и корреспонденции непосредственно из района боевых действий, ведет дневниковые записи, создает цикл новых рассказов.

Публицистике Вс. Иванова присущи черты его светлого, своеобразного художнического дара: глубинное внимание к духовному миру людей, неизменное желание осмыслить, понять мотивы человеческих поступков и действий, поэтическое видение и отражение происходящего. И в накаленной обстановке военной, посуровевшей, строгой Москвы писатель замечает и высвечивает, казалось бы, обыденные детали. Женщины шьют фуфайки для солдат, одна из них просится оставить ее на четвертую смену подряд... Сапожник-инвалид в очереди сдающих вещи в фонд обороны расстается с золотым кольцом – подарком покойной жены. Летчики, возвращаясь с боевого задания, видят, как крестьянин с палочкой и сумкой за плечами бредет с запада на восток – к линии фронта, к своим... Отдельная художественно выразительная деталь в произведениях Иванова нередко вырастает до обобщенного, символического звучания: воюет вся страна, и, как только может, борется каждый человек.

Поездки писателя на фронт не часты, но продолжительны. Он живет с героями своих очерков, стремится лучше узнать их. В цикле «На Курской дуге» ему удалось создать яркие образы бойцов и командиров, добывших победу в грандиозном сражении. Поэтическое освещение жизни в прозе Вс. Иванова, как не раз отмечала критика, рождено в первую очередь умением автора отразить взаимопроникновение жизни человека и природы. И в военной публицистике писатель остается верен себе, своей неповторимой интонации. Как, например, в этом отрывке: «Ночью здешние леса таинственно прекрасны. Сколь ни рубили их немцы, сколь ни жгли, по-прежнему поднимаются вверх могучие сосны, по-прежнему сладко и проворно шелестят вольные березы, и усатые дубки так огромны, что вокруг них в тени уляжется деревня. Душистым, мягким, осенним уже запахом веет от села – и вспоминаешь детство, старину, которой всегда оно овеяно, старинные предания, и кажется, что ты сам живешь в бессмертном предании.

А разве оно не так? Разве не вечным преданием останутся в памяти наших потомков эти леса, навевающие на немцев губительно слепой ужас? Разве не навечно сохранятся песни о солдатах и партизанах, сражавшихся за отчизну в этих лесах, сражавшихся с мужеством и умением необычайным, с тем же умением, с которым они подходили к Орлу и брали его!»

Эпический стиль, с помощью которого воссоздаются величественные картины борьбы народа против ненавистного врага, сменяется естественным, разговорным, порою грубоватым солдатским языком, что, однако, не вносит дисгармонию в повествование. В очерке говорят люди различных национальностей и возрастов, они сами рассказывают о подвигах своих товарищей, благодаря чему значительно усиливается достоверность произведения.

На войне ко всему привыкают. Эта истина известна каждому, и не случайно старший лейтенант Керим Умаров говорит писателю: «На нашего солдата надо удивляться, тогда победишь. Мы мало удивляемся...» Умаров умеет и может удивляться героизму других, как и других изумляет своим героизмом. В очерке убедительно раскрывается смысл слова «удивляться»: подлинный герой всегда скромен, он видит храбрость, мужество, отвагу других прежде всего, он восхищается («удивляется!») этими качествами.

Последние недели войны Всеволод Вячеславович – в действующей армии. В очерках «На Берлин!» (они публиковались в «Известиях») писатель снова и снова мыслью и чувством возвращается к трагедии, пережитой и переживаемой советским народом. Добивая врага, гибнут бойцы, среди них – немало молодых. Как потом сообщит статистика, из воевавших мужчин 1922, 1923 и 1924 годов в живых останутся лишь немногие.

То здесь, то там бросаются в глаза реалии – свидетельство потерпевшего крах претендента на мировое господство. На территории военного завода, построенного угнанными из Советского Союза и других стран Европы невольниками, писатель находит в конторе так называемые «рабочие удостоверения». Фотография печальной девушки в

клетчатом заношенном платье, с коротенькими косичками, отпечаток правого пальца, отпечаток левого пальца, над фотографией и этими отпечатками надпись по-русски: «Владельцу сего разрешается выход из помещения единственно ради работы...» Автор не делает никаких выводов, он уверен, что читатель все поймет и почувствует. Писатель смотрит и смотрит на удостоверения, где «каждая фотография, каждое выражение лица — вопль горя. Горе, сухое и едкое, в глазах. Горе застыло на губах. Горе, как огнистый поток, льется из глаз»...

И когда затем в очерке «Великая битва», в преддверии сражения за Берлин, Вс. Иванов приводит воспоминания седого командира о том, что он мальчишкой почти каждый день встречал на железнодорожной станции приезжавшего верхом за газетами Льва Толстого, это упоминание кажется вполне уместным. Сыны нашей великой Отчизны должны разгромить фашизм, защищая культуру не только родной страны, но жизнь и культуру всего человечества. А кто лучше Льва Толстого мог понять и воспеть величие битвы за счастье человечества!

IV.

Все утро 22 июня Константин Симонов писал стихи, не подходил к телефону и о том, что началась война, узнал только в два часа дня. А на следующий день он уже был в первой партии писателей, направлявшихся в действующую армию,— в армейские и фронтовые газеты. В связи со сложившейся на фронте обстановкой до места назначения Симонов не добрался и был назначен в редакцию газеты Западного фронта «Красноармейская правда», а спустя месяц переведен военным корреспондентом в «Красную звезду», где служил до осени 1946 года.

Хотя К. М. Симонову, кстати сказать, самому молодому из авторов этой книги, в ту пору исполнилось лишь двадцать пять, ни в литературе, ни на передовой его нельзя было назвать новичком. С буднями фронтовой жизни он познакомился во время вооруженного конфликта на Халхин-Голе, где находился в качестве военного корреспондента газеты «Героическая красноармейская». Во второй половине тридцатых годов первые произведения молодого Симонова печатались в журналах «Знамя» и «Молодая гвардия». Среди них – исторические поэмы «Ледовое побоище», «Суворов», стихотворение «Генерал», посвященное легендарному генералу Лукачу – Мате Залке. И в поэзии, и в драматургии (пьеса «Парень из нашего города» поставлена на сцене Театра имени Ленинского комсомола весной 1941 года) явственно чувствовалось дыхание близящейся войны.

Довоенные произведения Симонова были замечены литературной критикой, получили одобрительные отзывы читателей. Однако слава поэта пришла к нему, как говорится, в один день, а именно: 14 января 1942 года, когда «Правда» опубликовала «Жди меня». Сугубо личное стихотворение (автор вначале даже не предназначал его для печати), оно явилось правдивым и точным отражением чувств, помыслов, надежд

миллионов советских людей. И не случайно по прошествии многих лет на вопрос, что из написанного им во время войны и о войне сам писатель считает наиболее существенным, Симонов ответил: «Из стихов наибольшую пользу, по-моему, принесли «Жди меня». Они, наверно, не могли быть не написаны. Если б не написал я, написал бы кто-то другой».

«Жди меня», «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины», «Родина», «Если дорог тебе твой дом» и другие стихотворения К. Симонова перепечатывались во фронтовых и армейских, в местных газетах, переписывались от руки, пересылались с фронта в тыл и в обратном направлении. По горячим следам событий были написаны повесть «Дни и ночи» — о бесстрашном подвиге защитников Сталинграда; пьесы «Русские люди», «Жди меня», «Так и будет».

В горниле войны, в непрекращающихся поездках, любая нз которых могла оказаться последней, оттачивался, мужал талант писателя и публициста. Где только не пришлось побывать самому оперативному и, надо сказать, удачливому военному корреспонденту «Красной звезды». В «Автобиографии» К. М. Симонов пишет о том, как в те годы складывалась география его журналистской работы:

«1941 год: июль – Западный фронт; август – сентябрь – Южный фронт, Приморская армия – Одесса, Особая Крымская армия – Крым, Черноморский флот; октябрь и ноябрь – Мурманское направление Карельского фронта, Северный флот; декабрь – Западный фронт.

1942 год: январь – Закавказский фронт (Новороссийск, Феодосия); январь–февраль – Западный фронт; февраль–март – Керченский полуостров; апрель–май – Мурманское направление Карельского фронта; июль– август – Брянский фронт, Западный фронт; август–сентябрь – Сталинградский фронт; ноябрь – Мурманское направление Карельского фронта; декабрь – Западный фронт.

1943 год: январь–февраль–март – Северокавказский и Южный фронты; апрель – Южный фронт; май–июнь – отпуск, полученный от редакции для написания «Дней и ночей»... Июль – Курская дуга; август-октябрь — несколько поездок в армии Центрального фронта; декабрь – корреспондент «Красной звезды» на Харьковском процессе над немцами, организаторами массовых убийств населения.

1944 год: март–апрель – Первый и Второй Украинский фронты; май –Второй Украинский фронт; июнь – Ленинградский фронт, от начала прорыва линии Маннергейма до взятия Выборга; июль–август – Первый Белорусский фронт, Люблин, Майданек; август–сентябрь – в частях Второго и Третьего Украинских фронтов в период наступления от Ясс до Бухареста, затем в Болгарии, Румынии и Югославии; октябрь – в Южной Сербии у югославских партизан. После освобождения Белграда – полет в Италию на нашу авиационную базу в Бари.

1945 год: январь–апрель – Четвертый Украинский фронт. Закарпатская Украина, Южная Польша, Словакия, в наших частях и в частях Чехословацкого корпуса; ко-

нец апреля – Первый Украинский фронт, встреча с американцами в Торгау. Последние дни боев за Берлин – в частях Первого Украинского и Первого Белорусского фронтов. Присутствовал при подписании капитуляции германской армии в Карлсхорсте. 10 мая был в Праге...».

Из этого простого перечня видно, сколько пройдено фронтовыми дорогами, сколько увидено и пережито... Почти весь материал для книг, написанных и опубликованных после войны, дала К. М. Симонову корреспондентская работа. Непосредственную связь своих газетных очерков с художественными произведениями (например, с романом-трилогией «Живые и мертвые») писатель отмечал в предисловии к «Разным дням войны» – дневнику, прокомментированному автором спустя много лет.

Публицистические произведения Симонова представляют немалую ценность и сами по себе, и как летопись незабываемых подвигов и свершений народа. Не случайно же значительная часть корреспонденций, очерков, печатавшихся в годы войны в «Красной звезде», «Правде», «Известиях», составила четыре книги «От Черного до Баренцева моря», книги «Югославская тетрадь» и «Письма из Чехословакии». А многие очерки и рассказы о советских людях, выигравших эту небывало трудную войну, не раз включались в последующие сборники и собрания сочинений К. М. Симонова.

В одном из последних своих интервью (1978 г.) писатель указал на характерную особенность своей военной публицистики – стремление «показать войну в сугубо реалистических тонах, показать героизм через повседневный труд и быт солдат и офицеров», причем эта задача осознавалась им и как полемическая – надо разговор о войне вести строго, сдержанно, «без парадных сцен и поз», без громких слов. Нередко Симонов обращается к самым рядовым фактам боевых будней и воссоздает психологически правдивый образ труженика переднего края.

В очерках «Русское сердце», «Солдатская слава» Симонов, будучи верным складывающейся у него манере тщательного описания реального жизненного опыта жестокой битвы с фашистами, утверждает: подвиги совершаются в минуты высшего напряжения всех сил человека, своеобразной вспышки, озарения, благодаря воинскому мастерству, предприимчивости, решительности. Летчик Алексей Хлобыстов вместе с четырьмя своими товарищами бесстрашно бросил вызов двадцати восьми фашистским самолетам. И победил, совершив в одном бою два воздушных тарана и сумев посадить машину без одного крыла.

Старшина Семен Школенко, выполнявший боевое задание, уничтожил гранатой шестерых, седьмого «языка» доставил в часть. А затем, успев лишь похлебать щи и выкурить самокрутку, отправляется снова в путь: разведать месторасположение вражеских минометов. И здесь ему сопутствует удача: Школенко уничтожил минометный расчет, а сами минометы с помощью спасённых от расстрела пленных приволок на нашу территорию... Душевный порыв и воинское умение, – вот что определило успех.

Когда читаешь сегодня эти очерки, веришь: все было именно так. Пристальное внимание к повседневному солдатскому труду, труду-подвигу присуще многим произведениям К. Симонова военных лет. Спустя годы писатель разыщет ветеранов, полных кавалеров орденов Славы и создаст яркий телевизионный фильм «Солдатские мемуары». А тогда, в 1942 году (очерк «Солдатская слава» опубликован 11 сентября), он находит точные, проникнутые неиссякаемой верой в будущее и, теперь можно сказать, пророческие слова, обращенные к каждому защитнику Сталинградской земли, изборожденной окопами, холмиками блиндажей и насыпями братских могил: «Здесь предстоит выстоять ценой жизни, ценой смерти, ценой чего угодно. Сегодня мы держимся, мы еще не побеждаем, слава дивизий и армий, слава всего русского оружия еще не родилась на этих полях. Но слава солдата, солдатская слава, каждый день и каждую ночь рождается то здесь, то там, и мужество человека всегда остается мужеством и слава славой, как бы тяжело ни приходилось армии и народу».

Спустя месяцы, уже в период наступления советских войск, осенью 1944 года, публицист все так же верен себе, своему стилю: он чутко улавливает, правдиво передает настроение солдат. В очерке «Пехотинцы» словно живой встает перед читателем образ бойца Савельева. Вот он в атаке: до траншеи врага пятьсот метров, но преодолеть их мучительно трудно. Теперь совсем близко, Савельев ползёт и чувствует, что вот сейчас или минутой позже нужно будет вскочить во весь рост, с открытой грудью пробежать оставшиеся сто метров. Лишь бы добежать до окопа, спрыгнуть в него, и пусть там будет сколько хошь немцев, все равно с ними он справится... Этот очерк впечатляет и правдивостью описаний подвига бойцов, и пронзительным чувством немногословной, прочной, – на всю жизнь – солдатской дружбы.

В публицистике Симонова высвечены самые различные грани войны: от солдатского окопа до штаба полководца. Писатель накапливал опыт наблюдений за общим характером операций, за тем, как они планируются и корректируются сверху, как выглядят с фронтовых и армейских наблюдательных пунктов. Конечно же, все это оказало ему неоценимую помощь в последующем художественном творчестве. К. М. Симонов был и одним из самых неутомимых авторов, писавших по заказу Совинформбюро для иностранной печати: большой резонанс за рубежом имели серия его очерков об Орловско-Курской битве, корреспонденции об освобождении Югославии и Чехословакии.

V.

Испания, 1936 год... Передовые позиции в районе Брунете, пехотная цепь под палящим солнцем, в хлебах. Пулеметный огонь, снаряды, все как в гражданскую войну — зной, поля, трупы. И главное чувство, охватившее Владимира Ставского: вот начало новой битвы — против фашизма. Вместе с А. Фадеевым, Ал. Толстым, Вс. Вишневским, И. Эренбургом он участвовал в работе международного антифашистского конгресса писателей, выступал с речью в осажденном Мадриде и не мог не воспользовать-

ся случаем выбраться в район боевых действий, взглянуть в лицо нависшей над миром новой опасности...

И в последующие годы публицист-правдист всегда в гуще событий. В Монголии, во время боев с японскими захватчиками. На Карельском фронте, в районе Тайпалеен-Йокки писатель возглавил атаку батальона, был тяжело ранен, но оставался в строю до конца боя. За отвагу и мужество он был награжден орденом Красного Знамени.

С самого начала войны публицист, один из секретарей Союза писателей СССР, Владимир Петрович Ставский уезжает на фронт в качестве военного корреспондента газеты «Правда». На страницах главной газеты страны он изо дня в день рассказывал об упорной борьбе воинов Западного фронта, преградивших дорогу к Москве, о их суровой решимости отстоять родную столицу. Из очерков и корреспонденций Ставского страна впервые узнавала имена героев, которые мы знаем, помним и которыми гордимся сегодня.

Ставский был в числе тех писателей, кто в первые сложные месяцы войны, регулярно бывая на фронте, стремился увидеть и описать пусть еще немногочисленные факты успеха, Самая главная цель: вселить в людей уверенность в том, что фашистов можно бить, показать, как их бить. Характерным произведением этого периода был очерк В. Ставского «Казаки» о рейде кавалерийской бригады генерала Доватора в тыл врага.

В дни обороны Москвы Ставский пишет много. Он глубоко осознает, что каждый из этих дней прочно входит в историю. И слово публициста доблестно служит народу, стране: более сорока очерков и корреспонденций В. Ставского было опубликовано на страницах «Правды», затем они перепечатывались в журналах и сборниках, не раз выходили отдельными изданиями. Портреты автоматчика Павла Бирюкова, младшего сержанта Петра Стемасова, генерала Панфилова и других защитников Москвы привлекали внимание читателя, вдохновляли на бой и на подвиг

В 1942–1943 годах Ставский продолжает разрабатывать военную тему вглубь: он создает психологически мотивированные, сюжетные публицистические произведения, а также рассказы. Писатель стремится передавать другим науку воевать, рассказывая о тех, кто, по Сергею Викулову, благодаря уменью, точному расчету успевает выпустить пулю свою, «упреждая встречную – ну, на мгновенье хотя б!..». Это – «Автоматчик Павел Бирюков» и «В блиндаже», «Командир роты» и «Командир танка»...

В очерке «Бронебойщик Рахманов» особенно удачно передан опыт успешного ведения боя против танков. Достоверно отображены все перипетии боя, в котором Рахманов проявляет огромную выдержку, смекалку, отражая новый удар вражеских танков, и невольно возникает чувство, что автор сам не один раз бывал в подобных схватках...

И в самом деле, Владимир Петрович Ставский с семнадцати лет в Красной гвардии, участвует в подавлении контрреволюционного мятежа в Пензе, сражается на Восточном фронте. Позже, рискуя жизнью, выполняет ответственные поручения разведотдела Кавказского фронта. Одно из заданий – пробраться в захваченный Врангелем Крым

— он получил в декабре 1920 года и с честью его выполнил. (Удивительное дело, как не единожды буквально перекрещиваются жизненные пути авторов этой книги: Всеволод Вишневский в ноябре 1920 года на моторном катере под командованием Ивана Папанина совершает дерзкий рейс из Новороссийска к берегам Крыма, доставив туда отряд моряков и оружие...).

Прибывая на фронт, Ставский непременно стремился попасть в полк, батальон, роту – на передний край. Так было и в тот раз, под Невелем: после беседы с командиром полка Шашковым он отправился в траншеи, где окопались наши бойцы. Впереди, примерно в пятидесяти метрах, застыли подбитые артиллеристами «тигры». Надо рассмотреть их получше... В нескольких шагах от цели пулеметная очередь скосила писателя.

Похоронен Владимир Петрович Ставский на центральной площади в городе Невеле. А книги его, очерки и корреспонденции фронтовых лет неоднократно переиздавались и продолжают выходить в свет, рассказывая современному читателю о героизме и мужестве старших поколений строителей социализма.

VI.

Публицистика Ильи Григорьевича Эренбурга занимает особое место в истории Великой Отечественной войны.

И дело не только в его колоссальной работоспособности: за годы войны писатель опубликовал в газетах и журналах тысячу с лишним статей, очерков, заметок, фельетонов (к этому следует добавить свыше трехсот статей, написанных для Совинформбюро и предназначавшихся для зарубежных изданий). «Никогда в жизни я так много не работал, – вспоминал впоследствии Илья Григорьевич, – писал по три-четыре статьи в день; сидел в Лаврушинском и стучал на машинке, вечером шел в «Красную звезду», писал статью в номер, читал немецкие документы, радиоперехваты, редактировал переводы, сочинял подписи под фотографиями...» Главное – в поистине редкой для писателя-публициста популярности: если в «Красной звезде» какое-то время не публиковались его статьи, корреспонденции, фельетоны, приходили письма с фронта: где Эренбург, почему не пишет?

По-видимому, прав К. М. Симонов, когда в предисловии к сборнику публицистики И.Г.Эренбурга писал: «И масштабы всего сделанного Эренбургом во время войны, и мера того влияния, которое имела его работа на умы и сердца его военных читателей, и острота и сила его страстного публицистического пера, и то неутомимое постоянство, с которым он писал о самых сложных, самых драматических темах военных дней, – все это, вместе взятое, в соединении с его несравнимым публицистическим талантом, по праву сделало его любимцем сражающейся армии, а шире говоря – сражающегося народа».

Обычно в годы войны писатели получали отзывы в виде коллективных писем от бойцов. Вот какие чувства рождала публицистика Эренбурга:

«Ты умеешь сказать то, что мы думаем и что клокочет в нашей груди. Каждое слово у тебя острое, как штык, меткое, как пуля снайпера. Ты с нами, в наших рядах, впереди, как лучший боец. По поручению бойцов и командиров мл. лейтенант Л. Успенский, сержант Ф. Наставин».

Приведенные строки зримо передают накал страстей, который вызывали ого статьи и памфлеты у читателей. Цель, которую изо дня в день он метко и неутомимо поражал, – немецкий фашизм. Вероятно, в этом кроется разгадка огромной популярности публицистики И.Эренбурга. На протяжении всех месяцев войны он исследует, выворачивает наизнанку гнусное нутро нацизма, его главарей. Он практически ничего не пишет о немцах как о солдатах, а дает страшную картину последовательного и неминуемого морального вырождения, потери человеческого облика захватчиками, окончательного превращения нх в «фашистских роботов». Этот портрет врага писался ежедневно, и к этому портрету добавлялись все новые и новые штрихи, они питали чувство ненависти.

«Горе кормит ненависть, ненависть крепит надежду...» – писал Эренбург в сентябре 1941 года. И публицист выплескивает горе народа, чувства народа сполна.

В памфлете «Немец», в основу которого положен дневник секретаря тайной полевой полиции Фридриха Шмидта, дан потрясающе омерзительный образ страшного и презренного злодея. Фашист лютует в селе Буденновке близ Мариуполя: «Он расстреливает подростков, и он боится самолета... Ему не напрасно дали крест с мечами за военные заслуги – ведь он отважно истязал русских девушек. Он даже храбро убил четырехлетнего ребенка. Поганый трус, который мучается от мысли: «А вдруг поймают?». От страха у него делаются чесотка и понос. Педантичный немец, он записывает, сколько яиц он съел, сколько девушек расстрелял и как у него перемежаются запор с поносом... У него нет человеческих чувств. Он не любит своих родных... Он пишет с восторгом только о колбасе, палач и колбасник. Он жадно считает деньги, которые он получает за свою работу палача, считает марки и пфенниги, рубли и копейки. На одну минуту что-то озаряет этого бешеного скота: он видит, с каким героизмом переносят пытки русские юноши и девушки, и он в страхе спрашивает: «Что это?..».

Заканчивается памфлет, как и многие другие произведения Эренбурга, прямым призывом: «Я прошу читателей, командиров и бойцов нашей доблестной Красной Армии, прочитать дневник немца Фридриха Шмидта. Друзья, воины, помните, что перед вами Фридрих Шмидт. Ни слова больше, только – оружьем, только – насмерть. Прочитав о замученных в Будённовке братьях и сестрах, поклянемся: они не уйдут живыми – ни один, ни один!».

Примерно в это же время Эренбург пишет другой памфлет, в котором создает сатирически обобщенный образ подруги оккупанта Фрица. И здесь автор умело использует

документальные свидетельства – письма немок своим мужьям и женихам. Гретхен под стать Фрицу, она – «муза разбоя», «вдохновительница разбоя», она обращается к нему с просьбами прислать «платье русской боярыни с бусами» и «башлык русского казака для нашего малютки»; «изящный купальный костюмчик» и «летние туфли, размер 38». А есть и такие «пожелания»: «Русских ты можешь убивать без всякого угрызения, да и детей, потому что из каждого русского мальчика вырастет зверский большевик», – пишет своему мужу фрау Анна Зегер из Прентцлау. «Гитлер говорил, что он вырастил поколение немцев, похожих на молодых зверей, лишенных совести. Каковы фрицы, таковы и гретхен», – делает вывод автор.

Борьбу с фашизмом И. Эренбург начал задолго до вторжения гитлеровцев на нашу землю. Еще в 1931 году он писал: «Отчаянье народа сдается, как дансинг или как контора; тот, кто больше даст, получит сердце вожаков и пушечное мясо обманутых». Так оно и произошло. Гитлер жестоко подавил сопротивление прогрессивных сил. Националистически-шовинистический угар окутал страну, повлиял на психологию, взгляды, поведение миллионов. Публицистическое слово Эренбурга разило врага своей правдивостью, в его исполнении психологический портрет фашиста достоверен в каждый из периодов войны. Вначале — надменный, самоуверенный, «сверхчеловек», жадный и кровожадный. Затем, когда познал поражение и неудачи, начал роптать, морально загнивать, разлагаться...

О своеобразии воздействия статей и фельетонов Эренбурга хорошо сказал Сергей Наровчатов: «Возбуждающая сила строк поражала своей мгновенностью и безотказностью. Ненависть к фашистам у солдат была естественна и неостановима, но эренбургские строки обостряли, нацеливали и давали ей, вместе со всероссийским и всесоветским, всечеловеческое обоснование».

Осенью 1943 года фельдфебель Ганс Пфарр пишет своему приятелю: «Отступая, мы уничтожаем буквально все. Таков приказ, и надо сказать, что мы его выполняем беспрекословно. Я считаю, что в этом тщательном разрушении России мы еще раз показали дальновидность и государственный гений немецкого народа...» Писатель проехал по страшной пустыне – по выжженным белорусским селам, по разрушенным русским и украинским городам. И с новой силой чувства он не утешает – требует: «Если тошно тебе, если камень на груди – убей немца. Если хочешь скорей домой – убей немца. Если ты совестливый и справедливый человек – убей немца. За срубленные яблони, за спаленные села, за убитых коров, за бездомных детей, за истерзанных и поруганных, за все слезы и за всю кровь – убей».

Ненависть к фашизму проявилась в творчестве Эренбурга сильнее всего. Но всегда, создавая портрет нацистских громил, он помнил о том, что кроме них есть немецкий народ. Писатель верит в его будущее, очищенное от страшных преступлений гитлеровского десятилетия. Когда победа была близка, Эренбург писал: «Мы не будем жечь домик Ганса. Мы не фашисты. Мы не начнем мазать губы немецких детей синильной кислотой. Мы придем к ним, чтобы больше никогда они не пришли к нам».

Как правило, И. Эренбург не описывал того или иного сражения или боевой операции, не было у него и глубокой психологической характеристики отдельного человека. Публицист стремился через сопоставление, сталкивание документов, эпизодов, деталей передать важные черты времени или явления. Афоризм, метафора, удачное сравнение, эмоциональный непрямой порядок слов, параллелизм синтаксических конструкций, повторяющиеся противопоставления – антитезы – все это помогало Эренбургу воссоздавать художественно выразительную картину действительности[336].

В своих корреспонденциях для зарубежных изданий Илья Эренбург писал о героизме и самоотверженности советского народа на фронте и в тылу, о цене, которой добывается победа. Он с гневом обрушивался на тех, кто надеялся загрести жар чужими руками: в статьях Эренбурга 1942 и 1943 годов вопрос о втором фронте занимает центральное место. И здесь ярко выявлялся его дар полемиста. Вступая в споры с теми журналистами буржуазных газет, кто писал неправду или полуправду о России, он был непримирим. «Глубокое личное знание западных стран, – вспоминает Эрнст Генри, уполномоченный Совинформбюро в Лондоне в годы войны, – чеканный стиль Эренбурга, его умение поражать противника рапирой приводили в восхищенно даже явных противников СССР, о чем мне не раз говорили английские журналисты при встречах где-нибудь на Флитстрите, – газетном квартале Лондона. Я бомбардировал Москву телеграммами: скорее и побольше Эренбурга! И я до сих пор удивляюсь тому, как много он умел писать, не снижая качества».

Не однажды, когда речь заходила о литературе и войне, И. Г. Эренбург повторял одну и ту же мысль: лучшие книги о войне напишут люди, для которых война была первым большим испытанием, непосредственные участники войны. А мы, писатели нынешние, каждый день делаем свое дело страстными очерками и статьями в газете, пишем поэму гнева, дневник войны. И в 1944 году Эренбург, оглядываясь в прошлое, говорил: «Вспомним тех, кто писал очерки и статьи в землянках, о тех, кто был прикован к узкому участку фронта, о тех, кто знает фронтовые дороги, горе и радость солдата, о тех, кто был с народом в его самые тяжкие дни. Вспомним погибших друзей. Вспомним все, что сделано советскими писателями, и скажем: у нас много грехов, но в часы испытаний мы не хитрили с совестью, мы воевали».

* * *

В декабре 1942 года А. Н. Толстой говорил о том, что война открыла новый этап развития советской литературы: «Мы присутствуем при удивительном явлении. Казалось бы, грохот войны должен заглушить голос поэта, должен огрублять, упрощать литературу, укладывать ее в узкую щель окопа. Но воюющий народ, находя в себе все больше и больше нравственных сил в кровавой и беспощадной борьбе, где только победа или

[336] Подробнее об этом см.: Рубашкин А. Публицистика Ильи Эренбурга против войны и фашизма. М.–Л., 1965.

смерть, – все настоятельнее требует от своей литературы больших слов. И советская литература в дни войны становится истинно народным искусством, голосом героической души народа».

Пятнадцатилетий москвич Женя Нефедов, награжденный медалью «За боевые заслуги» за мужество, проявленное во время налета фашистских самолетов, с юношеской наивностью рассказывал о том, как он преодолел чувство страха: «Семь зажигательных бомб я бросил с крыши дома на улицу. Восьмую затушил песком... Я военным хочу быть, теперь знаю — смогу. Впрочем, не знаю. Когда разобьем Гитлера, может быть, никогда больше не будет войны...» Этот пример привел Илья Эренбург в корреспонденции, написанной 1 августа 1941 года.

Однако уже спустя два года после победного мая американская военщина угрожала миру атомной бомбой. Доктор Роберт Монтгомери, профессор университета из Техаса, тогда уверял своих соотечественников, что США могут в двадцать четыре часа уничтожить семьдесят пять миллионов русских, подчеркивая при этом: «Если мы должны их убить, лучше сделать это немедленно, а не через три года...» Неправда ли, очень похоже на некоторые речи современных заокеанских поджигателей войны?

Обращаясь к участникам встречи писателей в Баку, которая состоялась в 1966 году, М. А. Шолохов точно и емко определил позицию художника Страны Советов в вопросах войны и мира: «Мы, советские писатели, согласно своим коммунистическим убеждениям, считаем: если убийца, грабитель занес руку над жертвой, не тот гуманист, кто только жалеет бедную жертву и сокрушается по поводу того, что убийство существует на земле. Гуманист тот, кто борется, кто помогает отвести руку убийцы, обезвредить его злую волю». Этой высокой цели служат и произведения писателей, собранные в этой книге. Это еще одно яркое свидетельство того, что центральной идеей всей нашей военной публицистики была идея любви к Родине, безграничной преданности ей, гуманизма, веры в жизнь, в людей, в будущее.

ОЗАРЕННЫЙ ЯСНОПОЛЯНСКИМ СВЕТОМ[337]

Необычайно богата событиями, творческими взлетами и падениями, крутыми, иногда трагическими поворотами жизнь и писательская судьба Ивана Федоровича Наживина. На его долю выпали и нарастание революционных событий в России начала XX века, и мучительные поиски им, русским интеллигентом, своего места на изломе времен. И горькие годы эмиграции, где он написал основные художественные произведения, испытал душевные и материальные потрясения, нищету и, наконец, нашел последний приют в безымянной могиле бедняков...

Как-то в годы молодости, после очередной встречи с Л.Н.Толстым, Наживин записал в дневнике: «И я знаю, что я не один, тысячи и тысячи людей находят в этом светлом яснополянском ключе силу и бодрость...» Но не только это: Лев Николаевич своими жертвенными, никогда не прекращающимися нравственными терзаниями, поисками Истины, Смысла жизни вдохновил на то же и Наживина. И какой этап его биографии мы ни взяли бы, это очевидно: в образе жизни и труда, в исторических романах, в ревностном сохранении самобытности и самостоятельности – вне рамок всякой партийности – во всем чувствуется в л и я н и е великого Учителя.

На одном эмигрантском собрании в Льеже кто-то из присутствующих, когда речь зашла о Наживине, воскликнул:

– Да черт его знает, как к нему относиться: не то он монархист, не то большевик!..

И вдруг встает молодой человек и говорит:

– Господа, Наживин мне ни брат, ни сват. Я даже не знаю его лично. Но я читаю его. Он ни монархист, ни большевик, он просто Наживин, человек независимый...

Именно эта черта – н е з а в и с и м о с т ь, нежелание «идти в холопы к разным столпам общества потому, что они свободу слова признают только для себя», – вызывала наибольшее осуждение «элиты» эмигрантских кругов, против него накипала злоба и у правых, и у левых.

По сему поводу один острослов сделал, на первый взгляд, парадоксальный вывод: «Вот, говорят, немыслимо объединить российскую эмиграцию – Наживин достиг этого с величайшим успехом: он объединил всех на ненависти к себе...»

I.

Иван Федорович родился 25 августа 1874 года в деревне Пантюки Владимирской губернии. Мать – из крепостных, отец – государственный крестьянин – благодаря природному уму, предприимчивости, энергии и трудолюбию стал состоятельным человеком, разбогатев на строительных подрядах: возводил большие дома в Москве, прокла-

[337] Вступительная статья В.С.Хелемендика //Иван Наживин. Душа Толстого. Неопалимая купина. Исторический роман. – М.: ИТРК, 2003. – 288 с.

дывал железные дороги на Юго-Востоке России. После смерти жены Федор Наживин отправил детей к бабушке Марфе, в деревню Буланово. Пятилетний Ваня впервые окунулся в мир русской природы и суровой деревенской трудовой жизни; уже в этом возрасте, как Наживин писал в «Автобиографии» (1939 год, к этому документу мы еще будем возвращаться), «босоногий карапуз, загорелый, как подосиновок, таскал снопы и крестцы, перебивал валы на покосе, ездил в лес за дровами, пас деревенское стадо, ощущая при этом безмерную радость...».

Затем – Москва, учеба. Четыре класса Иван закончил без особых успехов, разве только учитель словесности зачитывал его сочинения всему классу и оценивал «пятерками». В дальнейшем Наживин продолжал свое образование самостоятельно и, будучи за границей, поступил в Новый университет в Брюсселе, вскоре его покинул, ушел оттуда в «огромную аудиторию Жизни»... Когда Л.Н.Толстой узнал, что его молодой друг «ничего не закончил» (речь шла о высшем учебном заведении), то неожиданно воскликнул: «Ну, я так и думал! У вас живой, незасоренный ум, это теперь такая редкость»...

После школы отец начал приучать сына к «делу»: работа на лесных складах, управление домами, участие в торговых сделках на ярмарках. Однако такое, вполне объяснимое желание подготовить себе достойного наследника вскоре с треском провалилось: в семнадцать лет у Ивана все закончилось «взрывом самой черной неврастении». И отец, светлая голова, предоставил своему способному сыну полную свободу, отпустил за границу, обеспечив материально. Там – прежде всего в Мекке тогдашней русской молодежи – Швейцарии, а затем в Австрии, Франции, Италии, Бельгии – Наживин прожил семь лет. Он жадно вбирал новые впечатления, изучал языки и, как во все последующие годы, много читал: классику, произведения современных писателей, научные труды философов, теологов, историков, психологов. Начал писать и печататься – первые опубликованные рассказы «Агапыч» и «За глушаками» (1893 г.).

Неожиданная встреча с «Воскресением» произвела бурный и стремительный переворот в мировоззрении Наживина: он сразу и бесповоротно, не только умом, но и сердцем воспринял идеи Л.Н.Толстого, что имело решающее значение и для творчества, и для всей его жизни. В предреволюционные годы И.Наживин много пишет – публицистические статьи и очерки, рассказы, повести, романы. До 1917 года опубликованы десятки книг, шесть томов Собрания сочинений, его имя уже «довольно видное в нашей литературе» (А.М.Горький).

После возвращения в Россию Наживин чуждался литературных салонов и обществ, он верен отшельническому образу жизни: на хуторе сам ведет хозяйство, подобно своему кумиру не гнушается черновой и неприятной работы. Здесь он попутно решает одну из важнейших задач человеческой жизни – доводит свой рабочий день до 16-17-ти часов в сутки, нисколько этим не тяготясь и радуясь чередованию умственного и физического труда.

Революция и гражданская война предъявили Наживину жесткий выбор. Ему пришлось нелегко, хотя грозовые дни он встретил не в помещичьей усадьбе, а в старой дедовской крестьянской избе. И, когда интеллигентские грезы о мирном исходе революции не сбылись, когда тщетные призывы к богатым «поделись!» обернулись иным – «грабь награбленное!», когда страна захлебнулась в крови и братоубийстве, Наживин принял решение (заметим, что его семья не пострадала, ему, как известному писателю, Совнарком выдал охранную грамоту) – встал на сторону белых. Он служил в Добровольческой армии, писал статьи, листовки. «Однако, если и было что в моем деле полезного, – вспоминал Наживин в «Автобиографии», – то это только мое решительное твердое заступничество за пленных красных: сперва их расстреливали на месте. Деникин отменил отвратительный приказ Главного командования, и я таким образом способствовал спасению многих и многих жизней...».

В эмиграции ему суждено было скитаться по Европе, добывать кусок хлеба для семьи из шести человек, что и удавалось благодаря потрясающему по напряжению писательскому труду. «Я работал как сумасшедший», – скажет он позже. За двадцать лет им написаны десятки новых романов, они опубликовывались отдельными изданиями, входили в собрания сочинений (40 томов). Подводя итоги собственного творческого пути, Наживин, со свойственной ему самоиронией, не упустил случая сострить: «Я должен только поклониться большевикам: не возьми они меня за шиворот, я, вероятно, в московском уюте так и остался бы при маленьких рассказиках...» Книги его издавались не только на русском, но и на немецком, английском, французском, голландском, чешском, финском, шведском языках.

Близкое знакомство с Западом не вызвало у Наживина эйфории, напротив, он не уставал повторять, что потерял всякую веру в политические и социальные реформы и, в частности, в реформаторов: «Режим египетских фараонов ничуть не лучше режима современной «великой заокеанской демократии» с ее гангстерами и особенно банкстерами, то есть гигинтскими и безнаказанными акулами-финансистами». Экономическая депрессия начала 30-х годов подкосила миллионы людей, и Наживин тоже очутился в стане безработных. Но дело не только в кризисе экономики, он это осознает и пишет: «Торжествующая демократия засыпает миллионами полуголых и совсем голых кинозвезд, боксеров, футболистов, автомобилистов и идиотских «мисс красоты» – точнее, наглости и бесстыдства. Серьезная книга гибнет везде. Верх берет сыщицкий роман, которым упивается демократия, или роман похабный...».

Как пронзительно актуально все это и сегодня, в начале XXI века!

А жизнь наносила удар за ударом, Наживин падал и поднимался вновь и вновь. Иногда выручал случай: в 1935 году от издательства «Серебренников и К » из далекого Таньцзиня пришло письмо с предложением выпустить его Собрание сочинений для русской эмигрантской колонии в Китае. Вскоре начали выходить том за томом. Но это было лишь единственное светлое пятно на мрачном фоне.

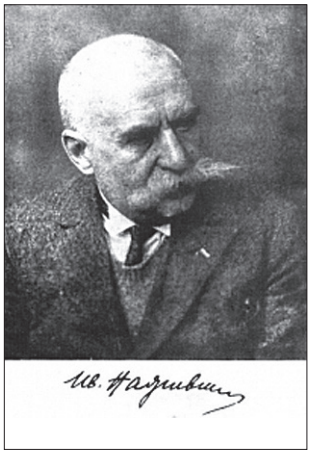
А в конце тридцатых годов, оглядываясь на пройденный в литературе путь, Наживин мог с чистой совестью сказать: его ум всегда был занят серьезными вещами. И выводит ключевую формулу-самооценку, которую вряд ли кто-либо сможет оспорить: «Я не нахожу лучшего слова для выражения основной идеи моих писаний как О С В О Б О Ж Д Е Н И Е – постепенное освобождение мое от всяких цепей и воскресение в полной свободе».

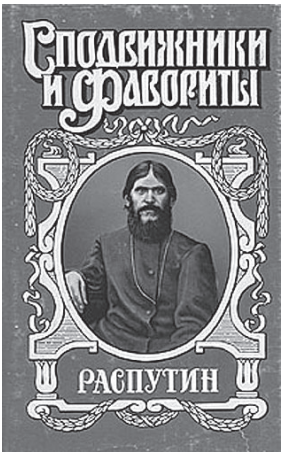
До конца дней своих И.Ф.Наживин оставался государственником и потому так страстно призывал любить Россию – «Россию русскую, ибо если не будет русской, то ее вообще не будет, а будет только огромная куча «демократического навоза». Он яростно отвергал всякое иностранное вмешательство в дела России и «тех наших кретинов (эмигрантов – В.Х.), которые ставят то на поляков, то на немцев, то на японцев», считал этих «кретинов» изменниками и мерзавцами.

Он пристально вглядывался в то, что происходило на Родине, и, может быть, одним из первых почувствовал назревающий поворот советского руководства к истории и вековым традициям русского народа, к идее Отечества – сильного, неуязвимого для внешнего врага. Наживин радуется тому, что в России покончили с частным землевладением. Приветствует отделение церкви от государства. Хотя и очень осторожно, но поддерживает социальные перемены в обществе: «Я знаю, что Царствием Небесным эта Новая Россия не будет, но, может быть, удастся все же... закрепить подлинные, хотя и нисколько не планетарные завоевания...». Такое довольно неожиданное признание кое-кто и в наше время называет «причудливым сменовеховством». А на самом деле за этим признанием Наживина – трезвый анализ, критическое переосмысление произошедшего в России, загляд в будущее. И потом: в своем, с позволения сказать, «сменовеховстве» он был совсем не одинок. Яростный противник советского строя, русский философ Н.А.Бердяев примерно в то же время назвал себя «аристократическим мыслителем, признавшим правду социализма». «Не о хлебе едином жив будет человек, – писал он, – но также и о хлебе, и хлеб должен быть для всех... Коммунизм есть великое поучение для христиан...».

Наживин не только пересмотрел свои взгляды, но и опубликовал «Обращение к Иосифу Сталину», которое завершается прорвавшимися от истомившегося по родной земле сердца строками: «Я желал бы самой широкой амнистии для эмигрантов, которые готовы присягнуть на верность Новой России... Я прошу Вас, Иосиф Виссарионович, пустить меня домой. Сил осталось уже немного, но все их отдам на служение Родине...».

Но, увы, письмо осталось без ответа. Он мечтает, чтобы похоронили его в Пантюках, на Оленьей горе, от самого названия которой веет древностью... Иван Федорович Наживин умер 5 апреля 1940 года в Брюсселе. Место захоронения неизвестно.





Иван Федорович Наживин (1874 - 1940), обложки его книг - «Глаголют стяги» и «Распутин»

II.

Наживин – один из немногих ярких продолжателей традиций критического реализма могучей русской литературы XIX века. Совсем не случайно видные зарубежные писатели сравнивали его с Н.В.Гоголем, И.С.Тургеневым, Н.С.Лесковым, хотя сам Наживин не принимал всерьез подобных оценок, считая их просто «эмоциональными». И это верно. Но верно и то, что Наживину-художнику присущи точность и правдивость в отображении жизни, нравственная чистота, редкая наблюдательность и экономность изобразительных средств, пластичность образов, родниковый русский язык. Его книги – захватывающее дух чтение, философское осмысление бытия и любовно трепетное описание русской природы.

В первый период творчества И.Наживин находился в поиске своей ниши в литературном процессе, своего стиля. В рассказах и очерках, в романе «Менэ... Тэкэл... Фарес» он рассматривает острейшие социально-экономические и нравственные проблемы предреволюционной России: бедствия и массовый исход крестьян в города, каторжный труд поденщиков-грузчиков, вообще рабочих на фабриках и заво-

дах, нарастание протеста против самодержавия в народе и в среде интеллигенции, студенчества. Л.Н.Толстой, прочитав роман, тут же отправил письмо автору: «Скажу только, что желал бы, чтобы его побольше людей читало... Мне было особенно интересно, потому что я читал в романе вашу душу, которую я люблю»...

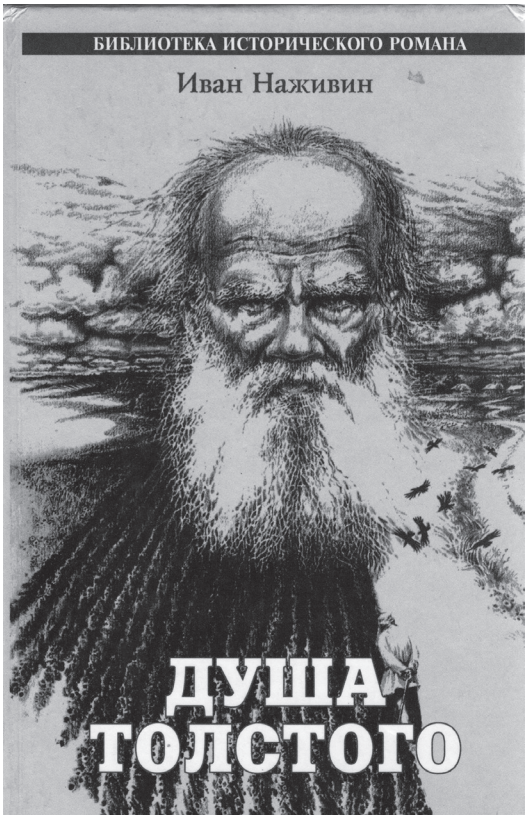
Среди научно-публицистических работ И.Наживина тех лет выделяется книга «Голоса народов», в которой, исследуя «светлые ключи» религиозной жизни всех времен и народов, он пытается определить нечто общее, объединяющее всех (Лао-цзы и Будду, Зороастра и египетских мудрецов, Моисея и Христа): «Любовь есть закон жизни, и исполнение этого закона дает человеку бесконечную радость, ничем не отъемлемое благо и, сливая его в любви со всем сущим и с источником всего сущего, Богом, в одно, делает его жизнь вечной...».

Самыми плодотворными для Наживина оказались двадцатые и первая половина тридцатых годов – именно тогда написаны его лучшие произведения в жанре исторического романа. Цикл романов («Мужики», «Распутин», «Женщина», «Большевичка», «Собачья республика») являет собой своего рода художественную энциклопедию жизни страны эпохи революций: это и беспощадный анализ совсем близкой истории, бесконечная грусть и жгучая боль, всепонимающее сочувствие народу.

Одним из самых значительных по художественному воздействию на читателя следует признать роман «Распутин» (1923 г.), который принес автору мировую известность, так как был опубликован не только на русском, но и на пяти европейских языках. Томас Манн поздравляет Наживина: «Ваш «Распутин» – монументальное произведение и был для меня во всех отношениях – в историческом, культурном и литературном – большим откровением». Шведская писательница, лауреат Нобелевской премии Сельма Лагерлёф в восторге: «Прочитав Вашего «Распутина», я чувствую себя исполненной величайшего удивления пред той силой и знанием, с которыми Вы, картину за картиной, представляете русский народ. И Вам удалось достойным всякого удивления образом заставить эти картины жить».

В этом романе И.Наживин и в самом деле развертывает широкую панораму жизни российского общества в 1910–1920-х годах, раскрывает душу русского человека. «Самое горькое, – пишет Наживин, – что в народе нашем нет теперь никаких устоев, никакой веры, у него в душе страшная пустыня, и я готов вам тысячи раз кричать: быть беде!..». Главный герой романа совсем не прост, он от природы талантливый политик и, наверное, экстрасенс, как сказали бы мы сегодня, ибо творил чудеса: тасовал правительство, менял министров, имел ничем не объяснимое влияние на императора и императрицу. Будучи злым гением разрушения, Распутин сам не мог не сокрушаться из-за подлости человеческой натуры.

Русскому народу в критические моменты его истории посвящены блестящие романы Ивана Наживина: «Глаголют стяги» (из эпохи князя Владимира Красное Солнышко); «Бес, творящий мечту» (о нашествии Батыя на Русь); «Кремль. Хроника



Обложка книги Ивана Наживина «Душа Толстого». 2003. Художник Ю.Селиверстов.

XV– XVI вв.» (времена Ивана III), «Казаки» (Степан Разин). Писатель воссоздает исторические события через судьбы всем известных и простых людей, причем делает это с большой эпической силой. Вот, к примеру, какими сочными мазками набрасывает он портрет Степана Разина: «Рослая широкоплечая фигура атамана... Его грубое, рябое лицо с небольшой черной бородой было правильно и красиво какою-то особою степной, дикой, звериной красотой, и карие глаза смотрели строго и повелительно. Чуяли в нем казаки присутствие какой-то силы темной, считали его немножко ведуном, побаивались его, гордились им...».

В романе «Во дни Пушкина», как и обычно в произведениях Наживина, читателя захватывает динамичный увлекательный сюжет, масштабное историческое обозрение.

Среди действующих лиц – Александр I и Николай I; Крылов, Гоголь, Жуковский и молодой гусар Лермонтов; московский любомудр Чаадаев и целая галерея декабристов; генерал Ермолов и шеф жандармов Бенкендорф, которому Николай I поручил «утирать слезы» России... Из этого объемного (в трех книгах) романа читатель узнает немало нового, а многое, уже известное, предстает в ином освещении. Необычен и наживинский Пушкин: это полнокровный образ великого поэта, патриота и в то же время – обычного земного человека. Ему отнюдь не чужды неожиданные порывы души и удивительные поступки, за которыми всегда скрывается художник, без устали и отдыха познающий жизнь во всем ее многообразии. Таков блестяще выписанный эпизод почти насильного приглашения Пушкина небезызвестным графом Ставрогиным – в своем поместье («мини-России») самого царя и Бога, – которого обслуживали семнадцать лакеев, при этом каждый из них делал только что-то одно (подавал трубку, другой – стакан воды и т.д.) и у которого в нищете умирал от чахотки крепостный музыкант.

Одним из главных трудов своей жизни И.Наживин считал трилогию из истории христианства. Этот творческий замысел Л.Н.Толстой в свое время не одобрил: «трудная, почти неосуществимая задача». Но Наживин не отступился и спустя четверть века, узнав много нового о той эпохе и о человеке вообще, пишет «Евангелие от Фомы», «Иудей» и «Лилии Антиноя». В первом романе автор как бы слился с отображаемой эпохой, он живет, думает и чувствует как житель Иудеи в кипучие и беспокойные времена. Образ Иисуса Христа исполнен поэзии, красоты и человечности. Талант и воображение художника расцветают в рамках сурового реализма, а само распятие, никогда и никем ранее не описанное, потрясает неотвратимостью трагического конца... В центре повествования романа «Иудей» апостол Павел – по мнению Наживина, исказивший в своих проповедях учение Христа. И, наконец, «Лилии Антиноя» – впечатляющая картина крушения и гибели Иудеи, раздавленной Римом.

Трилогия Наживина (в особенности «Евангелие от Фомы») была встречена восторженными откликами в западной и полным замалчиванием в эмигрантской печати: отторжение независимого публициста было перенесено и на даровитого, но с в о б о д н о г о писателя. В связи с этим любопытные сведения обнародовал Михаил Филин: ему удалось обнаружить лишь около двадцати рецензий, написанных русскими беженцами на книги И.Наживина (за 20 лет каторжного труда!). между тем только о «Распутине» в одной Германии было опубликовано 30 отзывов.

А теперь, вслед за М.Филиным, перенесемся в наши дни и зададимся вопросом: почему соотечественники-издатели в конце 80-х и начале 90-х годов в рекордно короткие сроки стотысячными, а то и миллионными и более тиражами наводнили страну книгами Е.Замятина и В.Набокова, Л.Ремизова и Г.Иванова, И.Шмелева и

Д.Мережковского, а И.Наживина – «забыли»?[338] Не зеркальное ли это отражение феномена замалчивания его творчества соотечественниками-эмигрантами? Уверен, что это так: все упирается в схожую политическую конъюктуру – идеологическая, государственническая позиция Наживина и художественная сила, с которой она выражена, никоим образом не устраивают многих – и тогда, и ныне.

Идея мощного Отечества – независимой России – ключевая в творчестве И.Ф.Наживина. Он не уставал повторять, что идея патриотизма всегда питала и будет питать русскую литературу, что «в детском и юношеском воспитании на первое место мы должны выдвинуть не тех, кто ловчее освистывает Россию, а тех, кто, раскрывая тихую красоту ее, учит нас любить ее и, ценя других, все же ставить ее, как немец свою Германию, uber alles»...

В заключение – несколько слов о впервые изданной в России книге, которую вы, дорогой читатель, держите в руках. Общепризнанно, что научно-художественная биография гения русской и мировой литературы еще не написана. «Неопалимая купина» – самое значительное, психологически достоверное повествование о Л.Н.Толстом, его жизни, творчестве, поисках спасительной для человечества волшебной «зеленой палочки». В 1911 году Наживин по праву сказал о том, что на его долю выпало «редкое счастье не только узнать Льва Николаевича близко, но и получить... уголок в его сердце». И сам Наживин проник не только в глубину творений Толстого, но и «заставляет» своего героя распахнуть перед нами свое горящее, и, как неопалимая купина, не сгорающее сердце.

Мир Толстого, как мир гения, – велик, неповторим и противоречив, судьба его – загадка. Наживин помогает нам приоткрыть бездны этой тайны, показывая, как пятидесятилетний, уже увенчанный славой писатель словно выпрямился во весь рост, осмотрелся и увидел все его окружающее по-новому. Отчего жизнь устроена так, что одни купаются в роскоши и богатстве, а другие гибнут в нищете, голоде и холоде? Что делать? Толстой находит выход в главном – в любви, доброте, самосовершенствовании. Вот эта заповедь нам: «... Любить дальних, человечество, народ, желать им добра дело нехитрое... Нет, ты вот ближних-то, ближних полюбить сумей, тех, с которыми встречаешься каждый день, – вот их-то люби, им-то делай добро!». И со многих страниц романа предстает Толстой-добротворец, решительно выступавший против социального неравенства в обществе, жестко требующий от правительства в годы поразившего Россию голода (1891, 1893, 1898 гг.) принятия мер для спасения людей. Он сам помогает крестьянам бедствующих губерний, сам ездит по умирающим деревням и устраивает на свои средства бесплатные столовые для крестьян.

[338] Справедливости ради надо указать, что первый роман И.Ф.Наживина «Глаголют стяги» выпущен издательством «Современник» в 1987 году. Затем, после длительного перерыва, в середине и в конце 90-х годов изданы мизерными тиражами еще семь его романов.

Какой контраст с россказнями нынешних либерал-демократов о якобы благоденствующей – с полными закромами пшеницы – дореволюционной России!..

Книга, написанная к 100-летию со дня рождения Л.Н.Толстого (опубликована сразу же на русском, шведском и финском языках), остро современна и сегодня, спустя три четверти века. В ней мы находим ответ на вопрос: в чем смысл жизни? Нет сомнения, каждый читатель даст свою версию. А, может, еще раз обратимся за советом к самому Льву Николаевичу?

За полгода до своего ухода в вечность он так писал ученикам Екатеринбургского горного училища: «О том же, придет ли время, когда не будет бедных и поедающих их труды богатых? Ни я, никто знать не может. Но зато и я знаю, и всякий может знать, что главный смысл жизни каждого из нас в том, чтобы содействовать своей жизнью приближению этого времени...»

ЧАСТЬ III.

ПЕДАГОГИКА

ПЕРЕСТРАИВАТЬ ЧЕЛОВЕКА[339]

А. С. Макаренко был одним из тех необыкновенно одаренных, социально активных людей, в которых всегда нуждается общество. Но они прямо-таки необходимы в переломные времена, когда идет быстрое обновление, когда счастливое сочетание ума и энергии требуется везде и сразу. Это мы чувствуем и на опыте последних лет. Как нам еще недостает именно таких людей, как А. С. Макаренко. Кристально честный, энергичный, деятельный – он был таким задолго до того, как о его искусстве перестраивать человека узнал весь мир...

I.

Антон Семенович Макаренко родился 1 марта (по старому стилю) 1888 г. в семье рабочего. После успешного окончания Кременчугского железнодорожного училища и годичных педагогических курсов в 1905 г. Антон ступил на учительскую стезю. Шесть лет преподавания в Крюковском да еще три в Долинском начальных училищах были временами накопления жизненного и профессионального опыта, вызревания огромной, еще смутно представляемой цели. Преподавал он русский язык, черчение и рисование, но, самое примечательное, в школе проводил гораздо больше времени, чем обычный учитель: увлек детей играми, походами, устройством костюмированных вечеров, спектаклей, создал духовой оркестр.

Обширен круг его чтения: труды К. Д. Ушинского, Н. И. Пирогова, А.Н.Острогорского, Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского; произведения А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, А. П. Чехова, Л. Н. Толстого, В. Г. Короленко и, конечно же, Максима Горького, ставшего не только любимым писателем, но и духовным наставником Макаренко. Горьковский оптимизм, требовательность и уважение к человеку сыграли огромную роль в формировании педагогического мировоззрения молодого учителя.

Он и сам пробовал сочинять, а в 1914 г. даже рискнул послать свой рассказ А. М. Горькому. И получил короткий ответ: тема интересная, но написано слабо. Это отбило охоту писать, зато заставило с большей энергией заниматься воспитанием детей. А может, и подтолкнуло к дальнейшей учебе. В 26 лет А. С. Макаренко поступает в только что открывшийся в Полтаве учительский институт.

Он выделялся в студенческой среде сокурсников не только возрастом: привлекал особый магнетизм личности Макаренко – сосредоточенность и целеустремленность,

[339] Вступительная статья к изданию: А.С.Макаренко. О воспитании / Сост. и авт. вступит. статьи В.С.Хелемендик – 2-е изд. перераб. и доп. – М.: Политиздат, 1990. – 415 с. (Биб-ка семейного чтения). Тираж – 300,0 тыс. экз. Первое издание вышло в свет в 1988 г. Тиражом 500,0 тыс. экз. Данная статья публикуется с некоторыми сокращениями.

А.С. Макаренко

стойкость в отстаивании своих убеждений и принципов, общительность и мягкий юмор. Он хорошо пел и рисовал, а его доклады на профессиональные темы становились событием. Институт оканчивает с золотой медалью, а характеристика педагогического совета заслуживает того, чтобы привести ее полностью: «Макаренко А. – выдающийся воспитанник по своим способностям, знаниям, развитию и трудолюбию, особый интерес проявил к педагогике и гуманитарным наукам, по которым много читал

и представлял прекрасные сочинения. Будет весьма хорошим преподавателем по всем предметам, в особенности же по истории и русскому языку».

Это лето 1917 г. А осенью Макаренко возвращается в Крюков, в то же начальное железнодорожное училище, где учился и преподавал, – теперь уже в качестве его инспектора (директора). После Октября А. С. Макаренко работает здесь два года. Потом принимает предложение организовать колонию для несовершеннолетних правонарушителей в 6-ти километрах от Полтавы. С привычной энергией берется за новое дело и начинает, как выяснится позже, уникальный социально-педагогический эксперимент.

Теперь все мы знаем, как это было. Нашли старый монастырь, наложили заплаты на крышу, чтобы не протекала, и привезли ребят, собранных в течение нескольких дней на вокзалах и улицах. И сказали им:

– Вы здесь хозяева. Нет кроватей – сделайте для себя кровати, нет столов – сделайте столы, сделайте стулья, побелите стены, вставьте стекла, почините двери...

Так начиналась трудовая колония, взявшая себе имя Максима Горького. Ни нормальных жилых зданий, ни мастерских, ни денег, поэтому уйма сил уходила на добывание самого необходимого. «Вся история колонии есть история борьбы за существование», – скажет потом А. С. Макаренко. Незаурядность его натуры, постоянная напряженная творческая работа, диалектичность «педагогической веры», всегда выручавшая в сложных ситуациях, и четко определенный вектор приложения сил – своих и коллектива педагогов-единомышленников – обеспечили успех замысла.

Тогда, в первые годы жизни колонии, А. С. Макаренко совершил свое главное открытие: сердцевиной системы воспитания общества строящегося социализма должен быть детский коллектив как органичное целое, как «трудовая община».

Фактическое равенство прав и обязанностей воспитанников, ясная, четкая организация их труда утверждали спокойный и бодрый общий тон жизни, вызывали чувство гордости своей колонией. Тем, кто впоследствии знакомился с опытом колонии им. М. Горького, бросалась в глаза одна особенность: общественное мнение в лице совета командиров и общего собрания самыми серьезными (тем паче если они повторялись) проступками считало лень, упорное уклонение от тяжелой работы, оскорбление товарища и вообще любые нарушения интересов коллектива.

В трудных условиях разрухи колония выстояла и к 1924 г. экономически окрепла. В ее распоряжении – 4 мастерских, 40 десятин земли, паровая мельница. Уже ушли в большую жизнь перевоспитанные коллективом бывшие правонарушители – ушли в рабочие, рабфаковцы, студенты. Их детище должно постоянно расти – к этому зовет Макаренко своих воспитанников. «Мы всегда должны строить, сооружать, ни минуты застоя. Это настоящая жизнь, и это должно быть главным...»

Сам он работал почти круглосуточно: были месяцы, когда спал через ночь. Он творил колонию... Но и колония по-своему творила его: закаляла характер, волю, настойчивость, смелость, уверенность. Без этого никогда бы не выдержать ему ожесто-

ченной борьбы за самостоятельность, инициативу, поиск. А ведь иногда доходил до изнеможения, особенно от почти ежедневных изматывающих схваток с чиновниками и бюрократами – из-за каждого рубля и каждого гвоздя, из-за самого главного – из-за права быть на своем месте заведующего колонией творцом, высококвалифицированным специалистом, хозяином.

Вот до боли знакомая и по нынешним временам ситуация. Колония добилась хороших результатов с меньшим количеством воспитателей и служащих (заработная плата их была выше, чем в других колониях). После очередной проверки финорганов банк прекратил выдачу зарплаты колонии. Как это так, в колонии им. М. Горького привилегии – лишить немедленно! Уменьшить зарплату сотрудникам, принять новых воспитателей. Пусть будет, как у других – всем поровну, всем одинаково мало. «Самое главное, – писал по этому случаю свое особое мнение в президиум окрплана А. С. Макаренко, – нарушается логика опыта и инициативы. Право колонии самостоятельно распределять зарплату, использованное как опыт, привело к хорошим результатам и дало экономию по смете 195 рублей в месяц. Нелогично как раз вследствие успешности опыта лишать колонию того права, которое привело к успеху. Разумеется, не может ни у кого появиться охота искать лучшие формы организации, если эти поиски приводят к лишению работников законной прибавки».

Как же люто ненавидели его именно за самобытность, ум, достоинство те, кто случайно – не по способностям, знаниям, не по совести – занимал руководящие посты, те, кто на митингах и собраниях распинался в защиту новой, советской педагогики, а на деле являлся главным тормозом ее создания!

Однажды Совнарком республики ассигновал на улучшение работы колонии миллион рублей. О том, что последовало за этим, свидетельствует фрагмент из записной книжки Макаренко:

«Финотдельцы затеяли целую оргию:

– На улучшение работы колонии, а вовсе не сказано на капитальное строительство или на капитальный ремонт...

– Ах, вы, Кащей бессмертный!

– Не вносите анархии в финансовую работу! - кричат финотдельцы.

Ведь это прекрасный стержень для какой-нибудь комедии...»

Однако в жизни все было гораздо ближе к драме.

Тьму бумаг пришлось сочинить Макаренко в борьбе за существование и развитие колонии, и далеко не всегда побеждала логика дела, здравый смысл, справедливость. Порой Макаренко утешал себя мечтой о том, что пройдет совсем немного времени и в стране не останется ни одного бюрократа...

И все же колония росла и развивалась: ее опытом интересовались многие, сюда зачастили экскурсии. В июле 1928 года наконец-то приехал дорогой и долгожданный гость – А. М. Горький. Он был в восторге от общения с воспитанниками, от их здоро-

вого, бодрого, радостного настроения, чувства собственного достоинства и от того, что они любят Макаренко и говорят о нем тоном такой гордости, будто они сами создали его. Вот каким Алексей Максимович увидел Макаренко в ту первую встречу: «Он – суровый по внешности, малословный человек лет за сорок, с большим носом, с умными и зоркими глазами, он похож на военного и на сельского учителя из «идейных». Говорит хрипло, сорванным или простуженным голосом, двигается медленно и всюду поспевает, все видит, знает каждого колониста, характеризует его пятью словами и так, как будто делает моментальный фотографический снимок с его характера. У него, видимо, развита потребность мимоходом, незаметно, приласкать малыша, сказать каждому из них ласковое слово, улыбнуться, погладить по стриженой голове» (Горький М. Собр. соч.: В 30 т. Т. 17. С. 166.).

Не успел уехать Горький, как противники колонии его имени перешли в последнюю, смертельную для нее атаку. Драматическая история гибели этой колонии еще ждет своего исследователя, а мы приведем здесь в хронологической последовательности лишь несколько писем А. С. Макаренко, которые читаются сейчас как своего рода краткий документальный репортаж о том, как, какими способами старое уничтожало новое.

2 февраля 1927 г. Из письма Н. Ф. Остроменцкой (журналистка, автор очерка о колонии им. М. Горького.):

«На нашу колонию сейчас ведется целая война со всех сторон. Бьют, конечно, по системе. Метод такой: все наши недостатки, недоделки, просто пропущенные места, случайные ошибки считают элементами системы и с остервенением доказывают, что у нас не система, а ужас. Мне выгоднее в таком случае отмалчиваться и делать свое дело».

4 апреля 1928 г. Из письма Н. Ф. Остроменцкой: «Обследование за обследованием, объявляют мне выговоры, по округу запретили систему колонии им. Горького и мне предложили в течение длительного срока перейти на обыкновенную «исполкомовскую». В качестве обследователей приезжают мальчишки, с которыми даже говорить трудно. В то же время не могут не признать, что колония действительно перевоспитывает, что она исполняет свою задачу, что у нее «наибольший комсомол».

18 апреля 1928 г. из письма А. М. Горькому: «...Ваша помощь – явление совершенно исключительное, и потому нельзя на ней строить нашу работу: если судьбы здоровой детской колонии зависят от вмешательства Максима Горького, то нужно бросить все наше дело и бежать куда глаза глядят...

Я веду колонию 8 лет. Я уже выпустил несколько сот рабочих и студентов. Посреди общего моря расхлябанности и дармоедства одна наша колония стоит, как крепость...

Приезд М. Горького в колонию. Справа - А.С. Макаренко.

А меня едят[340], даже не за ошибки, а за самое дорогое, что у меня есть, за мою систему. Ее вина только в том, что она моя, что она не составлена из шаблонов».

16 октября 1928 г. Из письма Н. Ф. Остроменцкой: «...Колония им. М.Горького в результате объединенных усилий многих более или менее умных и талантливых людей, в том числе и из Наркомпроса, и из комсомола, и из литературы, сейчас очень быстро идет к гибели. Там, конечно, закрыли командиров и отряды, бросили лозунг: «Довольно вам быть батраками, вам надо учиться» – и все пошло как по маслу. Теперь все сидят и разводят руками и, кажется, собираются запеть на такую выигрышную тему: все Макаренко виноват, все держалось на его личности, он ушел - и все пошло под гору. Все это замечательно симпатично получается. Ведь там «ушли» не только меня, «ушли» большую половину персонала, «ушли» старших ребят, прикрыли систему рабочего коллектива, сделали ставку на школу и на лодырей, а теперь вспомнили о личности Макаренко».

1 января 1933 г. Из письма А. М. Горькому:

«Куряжскую колонию возродить уже нельзя. В прошлом году дзержинцы поставили

[340] Это так и было, о чем свидетельствуют многочисленные документы тех лет. Вот, к примеру, что записано в протоколе заседания Президиума Центрального бюро Коммунистического детского движения УССР от 13 июля 1928 г.: «Нужно срочно принять меры к снятию Макаренко с работы. Изучить работу комсомольской ячейки колонии, «систему» тов. Макаренко сразу не ломать, а постепенно...» (Из архива А. С. Макаренко). А республиканская газета «Вісті» и вовсе опередила события: 27 июня 1928 года сообщила, что после очередного обследования колонии наркомпросовцами А. Макаренко снят с должности заведующего.)

вопрос об объединении с Куряжем в «дивизию», но начальство не согласилось. Колония живет плохо, после меня переменилось уже четыре заведующих, глупости там наделаны непоправимые, коллектива нет, проходной двор. Монастырское старье давно нужно было развалить, нужно было строить, богатеть, а там до сих пор штукатурка 1928 г.».

Почему же так круто изменилось отношение к колонии им. М. Горького? Ее не трогали, пока она работала «молча». Но потом о ней стали писать, ее ставили в пример. И это в то время, когда, например, в детских колониях и домах Харьковской области полный развал: обнищание, драки, пьянство, побеги...

К счастью, когда грозовые тучи нависли лично над А. С. Макаренко, он смог продолжить свое дело в трудовой коммуне им. Ф. Э. Дзержинского, которую организовали чекисты Украины.

Поразительно быстро был создан новый, единственный в своем роде детский коллектив, который отразил дальнейшее развитие педагогических идей Макаренко. Однако и здесь ему работать не дали. Людей, враждебных новаторству, всячески раздражали поиски путей утверждения демократических начал, развития товарищеских отношений между воспитанниками и воспитателями, самостоятельности и чувства собственного достоинства всего коллектива и каждого его члена в отдельности. Великий педагог-гуманист призывал в каждом ребенке – каким бы он «трудным» ни был – видеть человека, а реальная практика тридцатых годов, увы, расходилась с этой воспитательной концепцией.

Макаренко предлагают перевести коммунаров на полный рабочий день и отказаться от обучения в школе. Он стоит насмерть, не соглашается. Летний отпуск, о котором коммунары мечтали целый год и к которому готовились (замышлялась поездка в Крым), вдруг, по приказу свыше, сокращается до двух недель. Антон Семенович немедля едет в Киев, чтобы добиться отмены неправедного решения. Он так описывает мытарство в чиновничьих кабинетах: «Пять часов подряд я и Левин упрашивали Циклиса дать отпуск в Феодосию. Он, наконец, согласился и обещал вечером провести меня к Балицкому. Он обманул, сказал, что Балицкий уехал и снова завел: две недели и в разное время. Главный мотив у него:

– Не могу допустить, дети чекистов находятся в худших условиях, чем эти босяки.

Почему они в худших условиях? Как будто коммунары не работают целый день и не дают 4 миллиона прибыли тому же Циклису.

Насилу убедил, что отпуск на две недели незаконен и невозможен. Но и соглашаясь уже, он каждый раз повторял:

– Давайте дадим три недели.

Наконец, согласился на месяц, но поставил условием радиус 60 верст или Святогорск.

Когда мы выбрали Святогорск, он начал думать. Мы на одни телефонные срочные разговоры с ним истратили сотни рублей.

И вдруг получили телеграмму: «Отпуск разрешен Святогорске три недели».

Как нельзя лучше отразил суть ситуации заголовок записи в дневнике Макаренко – «Самодурство»!

Коммуна постепенно превращалась в обычный завод, и Макаренко вынужден был уйти. Незадолго до смерти он писал: «...сейчас очень плохо чувствую себя без ребят, но мало ли приходится по разным причинам себя плохо чувствовать. Приходится делать то, что целесообразнее. В течение 16 лет я создал 2 колонии, и каждая из них хороша в своем роде и каждую развалили в момент наибольшей высоты...»

К счастью, оказалось, что кроме педагогического у него еще и незаурядный литературный талант. Он, правда, сам был не очень в этом уверен: «Моя литературная работа – только форма педагогической работы». И это в какой-то мере так и было. Конечно, «Педагогическая поэма» – художественное произведение, но одновременно это и подлинное извержение вулкана педагогических идей, переполнявших его автора.

А.С.Макаренко не абсолютизировал свои взгляды, идеи, не считал себя гением и «сверхчеловеком», как это приписывают ему некоторые зарубежные исследователи его творчества. С чувством собственного достоинства и понимания важности своего дела он искал новые пути воспитания человека нового общества.

Однажды на встрече с учителями (27 мая 1937 года), отвечая на вопросы, Антон Семенович набросал живой и достоверный человеческий и профессиональный автопортрет: «Моя главная хорошая черта - справедливость и работоспособность... Те подъемы радости, которые я переживал, никакой ленивый педагог не будет переживать.

Бодрость!

Справедливость к себе!

Подтянутость внешняя. Короткое слово!

Костюм, походка, руки.

Нельзя говорить длинных речей!

Постоянный анализ мыслительный.

Концентрация сил на самом важном участке.

Филигранный карандашный учет.

Лист, разделенный на графы: актив, пассив и др.».

А.С. Макаренко прожил недолгую, но яркую и цельную, до предела насыщенную творчеством, преданностью детям жизнь. Он скоропостижно скончался 1 апреля 1939 г. И в самом деле, как писал о нем Горький, сгорел «в огне действенной любви к детям».

Без прекрасных творений его ума и сердца – колонии им. М. Горького и коммуны им. Ф. Э. Дзержинского, – без его открытий в теории воспитания невозможно представить наш вчерашний, сегодняшний да и завтрашний день.

II.

Теория А. С. Макаренко непосредственно вырастала из практики: на протяжении 16 лет он талантливо и подвижнически бесстрашно осуществлял беспримерный педагогический эксперимент. Опираясь на традиции прогрессивной отечественной и зарубежной педагогики, Макаренко четко, полемически заостренно заявил о решающем влиянии социальной среды, условий труда и отдыха, быта на формирование мировоззрения и нравственности личности. Все воспитывает: обстоятельства, вещи, действия, поступки людей, иногда и совсем незнакомых. Собственно воспитательный процесс (объект – субъект воспитания) является лишь одним из факторов, формирующих человека. Воспитывает не только или не столько сам воспитатель, сколько среда, которая организуется наиболее выгодным образом вокруг центрального пункта – процесса хозяйствования.

Своей деятельностью А. С. Макаренко отстаивал идею динамического единства жизни и воспитания. Занимаясь воспитанием подрастающего поколения, он боролся прежде всего за гармоническое развитие личности ребенка. Дети, считал он, не «готовятся к труду и жизни», как утверждали иные ученые-педагоги, а живут и трудятся, мыслят и переживают. Он говорил: «Нет, дети – это живые жизни» – и учил относиться к ним как к товарищам и гражданам, видеть и уважать их права и обязанности, включая право на радость и обязанность ответственности. Макаренко сделал важнейший новаторский вывод: педагогически целесообразная организация всей жизни и деятельности детей в коллективе – это общий и единый метод, обеспечивающий эффективность воспитания коллектива и социалистической личности.

А. С. Макаренко глубоко осознавал, чувствовал свое призвание: «Мой мир – мир организованного созидания человека. Мир точной ленинской логики, но здесь столько своего, что это мой мир» (июль 1927 г.).

Каковы же цели воспитания? На этот вопрос молодая советская педагогическая наука давала ответ лишь в самом общем виде. При этом нередко допускались и крайности, когда, затрагивая этот вопрос, иные теоретики добирались до заоблачных высей, ставили несбыточные, а потому и бесполезные задачи – «романтические», как называл их А. С. Макаренко. Дело же заключалось в том, чтобы связать высокие цели с конкретной жизнью. Дисциплинированность, работоспособность, честность, политическая сознательность – вот тот минимум, достижение которого открывало широкие просторы для осуществления поставленных обществом целей.

Еще в начале своей работы в колонии им. М. Горького педагог-новатор полемизировал с теми учеными, которые пытались разложить личность воспитанника «на множество составных частей, все эти части назвать и занумеровать, построить их в определенную систему и... не знать, что делать дальше». Это – формальное, поверхностное отношение и к науке, и к воспитанию. Суть же подлинно научного подхода в другом: воспитание надо было организовать так, чтобы личность человека совершенствовалась в целом.

Горьковцы – студенты.

Нравственный максимализм А. С. Макаренко не позволял ему делить недостатки людей на категорически недопустимые и, напротив, терпимые. Хулиганить – нельзя, воровать – нельзя, обманывать – нельзя... А грубить по причине вспыльчивого характера можно? Именно в советской этике, считал Макаренко, «должна быть серьезная система требований к человеку, и только это и сможет привести к тому, что у нас будет развиваться в первую очередь требование к себе. Это самая трудная вещь – требование к себе». Но именно с этого и начинается процесс совершенствования и самосовершенствования человека, перестройка самого себя.

Требовательность как нравственно-педагогический принцип внутренне присуща воспитательной концепции Макаренко, и совсем не случайно, говоря о сути своего опыта, он дал краткую, емкую, ставшую крылатым выражением формулу: ***как можно больше требования к человеку и как можно больше уважения к нему.***

В макаренковском принципе взаимного уважения (не только воспитателей и воспитанников, но и детей друг к другу) и требовательности главную роль играет уважение. И в своих трудах, и в практической работе А.С. Макаренко не один раз подчеркивал: не вина, а беда «трудного» ребенка в том, что он – вор, хулиган, дебошир, что

он плохо воспитан. Причина – социальные условия, окружающие его взрослые, среда. «Я был свидетелем, – писал Антон Семенович, – многочисленных случаев, когда тяжелейшие мальчишки, которых выгоняли из всех школ, считали дезорганизаторами, поставленные в условия нормального педагогического общества (читай – воспитательного коллектива. – В. Х.), буквально на другой день становились хорошими, очень талантливыми, способными идти быстро вперед».

Вера в лучшее в человеке – ведущее начало педагогики А. С. Макаренко. К этому призывал он своих коллег-воспитателей: «Когда вы видите перед собой воспитанника – мальчика или девочку, – вы должны уметь проектировать больше, чем кажется для глаза. И это всегда правильно. Как хороший охотник, давая выстрел по движущейся цели, берет далеко вперед, так и педагог в своем воспитательном деле должен брать далеко вперед, много требовать от человека и страшно уважать его, хотя по внешним признакам, может быть, этот человек и не заслуживает уважения».

Без такого подхода к детям невозможен истинный гуманизм, уважение к достоинству человека, его творческим возможностям и перспективам. В жестокие времена «проработок», ярлыков, морального и физического уничтожения людей (нередко и с согласия общественного мнения) явным диссонансом звучал голос Макаренко: «Навалка на «ребенка» со всех сторон - это хуже штурмовщины» (Из архива А. С. Макаренко).

Центральное место в теории А. С. Макаренко занимает учение о воспитательном коллективе, который является, во-первых, орудием формирования активной творческой личности с высокоразвитым чувством долга, чести, достоинства и, во-вторых, средством защиты интересов каждой личности, превращения внешних требований к личности во внутренние побудители ее развития. Макаренко впервые научно разработал (по его любимому выражению, «довел свою систему до станка») методику воспитания в детском коллективе: детально, «технологично» рассмотрел такие вопросы, как взаимоотношения в коллективе, педагогическое требование, дисциплина, поощрение и наказание, нравственное и трудовое воспитание, самоуправление, индивидуальный подход к детям. Основой самоуправления и всей внутренней организации воспитательного коллектива в его представлении была производственно-профессиональная направленность учреждения.

Вся эта система опиралась на глубокое понимание марксистско-ленинского вывода о том, что наиболее благоприятные условия для воспитания и сплочения коллектива предоставляет общественное производство. Вот как об этом писал сам А. С. Макаренко, раскрывая существо работы возглавляемого им педагогического коллектива: «Давая коммунарам высокую квалификацию, связанную со средним образованием, мы в то же время сообщаем ему многие и разнообразные качества х о з я и н а и о р г а н и з а т о р а... В самостоятельном решении производственно-экономических

Коммунары в сборочном цехе завода электросверлилок (кадр кинохроники 1932 г.)

и социальных вопросов для коммунаров находится прежде всего место приложения их общественной энергии, но это не энергия людей, отказывающихся от личной жизни, это не жертва подвижников, это разумная общественная деятельность людей, понимающих, что общественный интерес – это есть интерес личный».

Личность и коллектив, коллектив и личность... Развитие их взаимоотношений, конфликты и их разрешение, переплетение интересов и взаимозависимостей - в самом центре новой педагогической системы. «Я все свои 16 лет советской педагогической работы, – вспоминал А. С. Макаренко, – главные свои силы потратил на решение вопроса о строении коллектива». Ему говорили: как же коммуна может всех воспитать, если вы с одним человеком не справляетесь – выгоняете его на улицу. А он в ответ призывал отказаться от индивидуальной логики – ведь воспитывается не один человек, а

весь коллектив. «Как вы думаете, – спрашивал он, – разве поднять руку за исключение товарища – это не значит взять на себя очень большие обязательства, большую ответственность?» И тут же разъяснял, что, применяя эту меру наказания, коллектив тем самым прежде всего выражает коллективный гнев, коллективные требования, коллективный опыт.

Для понимания взглядов А. С. Макаренко важно уяснить диалектическую взаимосвязь ответственности и защищенности личности в коллективе. Он подчеркивал: «Защищая коллектив во всех точках его соприкосновения с эгоизмом личности, коллектив тем самым защищает и каждую личность и обеспечивает для нее наиболее благоприятные условия развития. Требования коллектива являются воспитывающими главным образом по отношению к тем, кто участвует в требовании. Здесь личность выступает в новой позиции воспитания – она не объект воспитательного влияния, а его носитель – субъект, но субъектом она становится, только выражая интересы всего коллектива».

Макаренко выступал за широкую и полную демократизацию воспитания и обучения, за создание нормального психологического климата в детской среде, который дает каждому гарантию защищенности, гарантию свободного и творческого развития. Эти идеи были крайне актуальны в 20-е и 30-е годы. Сколько больших и малых трагедий разыгрывалось тогда в классах, школьных коридорах, на улице! Так было везде, где грубияну, эгоисту, хулигану, насильнику не противостоял коллектив – его мнение, воля, действие.

В коммуне им. Ф. Э. Дзержинского было не так. Вспомним хотя бы случай, когда один коммунар ударил своего младшего товарища по голове консервной банкой. Это произошло во время летнего похода, на пароходе, перед Ялтой. Казалось бы – экая невидаль! Но тут же был созван общий сбор, и, несмотря на возражения А. С. Макаренко («Ну ударил, ну виноват, но нельзя же выкинуть человека из коммуны»), несмотря на его уговоры простить провинившегося, – коммунары были непреклонны. Они хорошо понимали, что здесь была затронута честь коллектива, один из его главных моральных принципов. И виновного по решению общего собрания ссадили с парохода в Ялте. Он ушел... Неизвестно, как сложилась его судьба. Но несомненно то, что насилие, несправедливость были публично наказаны, что свидетельствовало: каждому человеку коллектив гарантирует защиту его интересов.

Самоуправление, без которого Макаренко не мыслил развитие детского управления, существовало в коммуне не на бумаге. Никто не мог отменить решения общего собрания. Именно оно определяло жизнь, труд, быт, досуг, отдых всего коллектива, а иногда и судьбу одного человека. «Я принял решение – я отвечаю» – вот это переживание ответственности воспитывается в коллективе с наибольшим трудом, но зато, когда оно воспитано, оно творит чудеса, доказывал своим опытом А. С. Макаренко. Там, где есть коллектив, отношение товарища к товарищу – это не вопрос дружбы, любви или соседства, а вопрос ответственной зависимости.

Воспитанники колонии им. А.М. Горького

В макаренковских коллективах демократия не декларировалась, а гарантировалась и ежедневно, ежечасно осуществлялась. В самом деле, воспитанники имели право свободно и открыто на общих собраниях обсуждать и принимать решения по всем вопросам своей жизни, голоса воспитанника и педагога были равны, каждого могли выбрать командиром и т. д. «Я ни разу, – утверждал Антон Семенович, – не позволил себе лишить права члена коллектива и голоса ни одного коммунара, вне зависимости от его возраста или развития. Общее собрание членов коммуны было действительно реальным, правящим органом».

Как-то в письме к А. М. Горькому (от 8 июля 1925 г.) Макаренко заметил, что удалось добиться крепкой дисциплины, «не связанной с гнетом», и что, по его мнению, в колонии найдены «совершенно новые формы трудовой организации, могущие понадобиться и взрослым». И он, как показывают наши дни, был совершенно прав.

Система самоуправления в коммуне строилась не по типу демократического народоправства, как это нередко предлагалось в научной литературе 20-х годов, а на основе демократического централизма – с широким развитием метода полномочий и поручений. Это значило, что в течение дня, месяца, года каждый коммунар многократно пребывал и в роли руководителя, т. е. выразителя воли коллектива, и в роли подчиненного. Таким образом, педагогический процесс выводил детей из пассивного состояния «объектов воспитания» и превращал их в «субъектов воспитания», и этот феномен Антон Семенович называл чрезвычайно счастливой конъюнктурой воспитания, так как человек, разумно привлеченный к воздействию на других, сам гораздо легче поддается воспитанию. Каждый ребенок включался в систему реальной ответственности – и в

роли командира, и в роли рядового. Там, где такой системы нет, считал педагог-новатор, часто вырастают безвольные, не приспособленные к жизни люди.

Сохранившиеся протоколы заседаний совета командиров свидетельствуют о реальной власти этого органа, о высокой общественной и социальной значимости его решений. Вот, к примеру, одно из них (2 октября 1930 года):

«Слушали: заявление тт. Могилина и Звягина о том, чтобы им прибавили расценки, и тогда они обещают увеличить выработку нормы.

Постановили: тт. Могилина и Звягина за их рвачество на производстве вывесить на черную доску. Поручили Дорошенко каждый день проверять литейный цех...» (Из архива А.С. Макаренко.).

В практике коммуны им. Ф. Э. Дзержинского успешно реализовались многие положения социалистической демократии. Возьмем хотя бы анализ коллектива, который проводился не заведующим коммуной, а советом командиров – постоянно и гласно. Все коммунары делились на группы: действующий актив – те, которые явно для всех, с чувством, со страстью, с убеждением, с требованиями ведут коммуну, и резерв актива, который приходит на помощь активу немедленно, по сути, это – завтрашние командиры. При таком подходе выборность руководителей становится делом естественным, справедливым и понятным каждому.

И еще очень важная грань жизни воспитательного коллектива - взаимоотношения педагогов со своими питомцами. А. С. Макаренко добивался того, чтобы они были не авторитарными, а демократичными, основанными на товарищеском общении, дружбе в процессе совместной деятельности – в поле, у станка, в классе. В глазах ученика воспитатель – прежде всего член коллектива, а потом уже старший товарищ, наставник. При этом в коммуне сплошь и рядом складывались парадоксальные для авторитарного мышления ситуации: подросток, дежурный по коммуне, приказывал, а воспитатель приказать не мог, его оружие – педагогическое мастерство.

А. С. Макаренко решительно боролся – об этом необходимо сказать особо – с вульгарными представлениями о коллективном воспитании как нивелирующем, стандартизирующем личность. Уже в одной из ранних работ (1924-1925 гг.) Антон Семенович высмеивает тех, кого пугает «человеческое разнообразие», – формально-бюрократических радетелей за коллектив. Он пишет: «...у нас коли станут на путь коллективного воспитания, так решают обязательно следить, чтобы от всякой индивидуальности остались рожки да ножки. Удивляюсь, как это мы до сих пор не обсуждаем вопроса о запрещении разных там дискантов, теноров, басов. Подумайте, такое индивидуалистическое разнообразие. А носы, а цвет волос, а выражение глаз! Господи, настоящий буржуазный хаос».

Против шаблона, формализма Макаренко выступал и на страницах печати, и в практической работе. Он постоянно подчеркивал, что одно и то же педагогическое

средство в применении к разным воспитанникам дает разные результаты («У меня не было двух случаев совершенно схожих»). Вот он берет слово на совете командиров (22 февраля 1933 г.), где рассматривается вопрос о том, что коммунары Стреляный и Крымский не посещают нормально рабфак. Первый – мечтает об учебе в музыкальном институте, и Антон Семенович считает, что ему надо помочь подготовиться к поступлению и, может быть, освободить на рабфаке от некоторых непрофильных для будущего музыканта предметов. А вот Крымский – иное дело: дурно влияет на Стреляного, научил его пить водку, а теперь подбивает уходить из коммуны... Конкретные, индивидуальные ситуации вызывают и конкретные, индивидуальные воспитательные решения и действия – этому правилу Макаренко следовал всегда.

Еще одно направление новаторской педагогической деятельности А. С. Макаренко состоит в практической реализации положения о целесообразности раннего включения детей в производительный труд, в разработке совместно с рядом выдающихся советских педагогов – Н. К. Крупской, А.В. Луначарским, С.Т. Шацким и другими – методологических и методических основ этого дела. Участие в производительном труде сразу изменяло социальный статус детей, превращая их во «взрослых» граждан со всеми вытекающими отсюда правами и обязанностями.

Само собой разумеется, что в организации детского производительного труда А.С. Макаренко изучал, творчески использовал достижения других педагогов, в частности идею И.Г. Песталоцци о том, что соединение обучения с трудом отвечает психологии детей, их естественному стремлению к деятельности, и конечно же блестяще осуществленный С.Т. Шацким опыт организации педагогической опытной станции. Производительный труд должен быть организован определенным образом – как часть воспитательного процесса; эту мысль своих предшественников Макаренко полностью разделял. Однако он продвинулся несравнимо дальше педагогов всех времен в ее практической реализации. Он сумел доказать на примере сотен своих воспитанников, что самосознание юного человека, развитие его мировоззрения и нравственности получает огромный творческий импульс благодаря участию в производительном труде. В результате созидательные и преобразующие силы, скрытые в ребенке, подростке, получают выход в жизнь, а это ускоряет процесс его становления – человеческого, гражданского, профессионального.

Сторонники преимущественно словесного, книжного воспитания с высокомерием встретили «мозольную педагогику» – так они окрестили производительный труд учащихся. Они сумели с помощью ура-коммунистической фразеологии и ловких чиновничье-административных маневров загубить живые ростки коммунистического труда, взращиваемые педагогом-новатором. Само разрушение прекрасного воспитательного коллектива колонии им. М. Горького было начато именно с того, что к детям обратились с призывом: «Хватит вам быть батраками – беритесь за учебу...»

И в своих художественных произведениях, и в устных выступлениях А.С. Макаренко не уставал разъяснять ту, как ему казалось, простую мысль, что производительный труд – сильнейшее педагогическое средство в условиях коллективного хозяйства, потому что в этом труде в каждый его момент присутствует экономическая забота. «...В трудовом усилии, – говорил он, обращаясь к современникам, – воспитывается не только рабочая подготовка человека, но и подготовка товарища, т. е. воспитывается правильное отношение к другим людям, – это уже будет нравственная подготовка. Человек, который старается на каждом шагу от работы увильнуть, который спокойно смотрит, как другие работают, пользуется плодами их трудов, такой человек – самый безнравственный человек в советском обществе».

Стремясь воспитать у ребенка чувство социальной справедливости, педагог-новатор прекрасно понимал, что оно не свалится вдруг с неба, это чувство осваивается с самого раннего детства. Сильный обидел слабого, набедокурил один – наказали другого, отвечал прекрасно – отметка плохая (учитель невзлюбил за самостоятельность, свою точку зрения) - все откладывается в душе ребенка.

Именно поэтому дзержинцы работали в «коммунке» (по-современному – бригадный подряд), и каждый из них рассчитывал на равную с товарищем долю заработка. Конечно, бывали случаи, когда суммы оказывались различными из-за плохого учета, а порою наряды просто не выписывались. Взрослые кивали на коммунаров: мол, они сами виноваты, забывают о нарядах. В таких случаях Макаренко всегда защищал интересы детей, учил их отстаивать справедливость. Он говорил: они виноваты не в том, что теряют наряды, а в том, что не умеют настойчиво потребовать эти наряды, что приступают к работе без нарядов. И давал и педагогам, и воспитанникам такие конкретные уроки жизни, уроки производства, которые помогали им обрести чувство собственного достоинства, умение отстоять правое дело.

А.С. Макаренко был глубоко убежден, что идея «беззаботного детства» чужда социалистическому обществу и способна нанести огромный вред будущему. Жизнь подтвердила правоту его чеканной формулы: единственная форма радостного детства – посильная трудовая нагрузка. В таком приобщении к делу старших поколений Антон Семенович видел большой смысл: «Наши дети только потому счастливы, что они дети счастливых отцов, никакая иная комбинация невозможна». А затем ставил вопрос ребром: «И если мы счастливы в нашей трудовой заботе, в наших трудовых победах, в нашем росте и преодолениях, то какое мы имеем право выделять для детей противоположные принципы счастья: безделье, потребление, беззаботность?»

В формировании подрастающего поколения многие беды изначально идут от семьи. Это хорошо понимал А.С. Макаренко и потому написал художественно-публицистическую «Книгу для родителей» с целью «возбуждения» и развития их педагогического и этического мышления. Хотя ее первое издание вышло в 1937 г. небольшим

М. Горький и А. Макаренко. Куряж. 1928.

тиражом (10 тыс. экземпляров), автор получил множество одобрительных отзывов, в которых высказывались пожелания, выдвигались новые темы и проблемы.

Обратившись к осмыслению положения семьи в советском обществе, А.С. Макаренко опирался на общие методологические посылки своей педагогической концепции: семья – первичный коллектив, где все являются полноправными членами, со своими функциями и обязанностями. Ребенок – не «объект баловства» или родительских «жертв», а в меру своих сил участник общей трудовой жизни семьи. Хорошо, чтобы дети в семье постоянно отвечали за определенную работу, за ее качество, а не только откликались на разовые просьбы и поручения.

Основной «секрет» успеха он видел в честном выполнении родителями их гражданского долга перед обществом. Личный пример родителей, их поведение, поступки, отношение к труду, к людям, к событиям и вещам, их отношения между собой – все это влияет на детей, формирует их личность.

Уже в те годы Макаренко предвидел опасность крутого изменения структуры семьи – возникновение большого количества однодетных семей – и в связи с этим подчеркивал: воспитание единственного сына или дочери гораздо более трудное дело, чем

воспитание нескольких детей. Даже в том случае, если семья испытывает некоторые материальные затруднения, нельзя ограничиваться одним ребенком.

И в «Книге для родителей», и в лекциях о воспитании детей, прочитанных по Всесоюзному радио во второй половине 1937 г., А. С. Макаренко раскрывает особенности воспитания в дошкольном возрасте, формирования культуры чувств, подготовки будущего семьянина. Он призывает применять самые разнообразные методы воспитания: приучение, убеждение, доказательство, поощрение или одобрение, намек (прямой или косвенный), наказание.

При множестве ценных советов, которые черпают родители из книг А.С. Макаренко, вероятно, не останется незамеченной важнейшая мировоззренческая и духовная проблема, остро поставленная педагогом: глубочайший смысл воспитательной работы семейного коллектива заключается в отборе и воспитании высоких, нравственно оправданных потребностей личности-коллективиста. «Потребность у нас, – писал, устремляя мысли и чувства читателя к идеалу, Макаренко, – есть родная сестра долга, обязанности, способностей, это проявление интересов не потребителя общественных благ, а деятеля социалистического общества, создателя этих благ». И, как бы предвидя возможность возникновения двойной морали: одной – «для дома», «для семьи», а другой – для внешнего мира, он призывал к единому, цельному «коммунизму общественного поведения», ибо «в противном случае мы воспитаем самую жалкую тварь, какая только возможна на свете, – ограниченного патриота собственной квартирки, жадненькую и жалкую зверушку семейной норы».

III.

Все достижения и трудности на пути развития нашего общества, как в зеркале, отражаются в школьном деле. Мы откровенно говорим сейчас, что в последние годы растут иждивенческие настроения, в сознании людей по-прежнему живет психология «уравниловки», подтачиваются высокие нравственные ценности – идейная убежденность, трудовой энтузиазм, советский патриотизм. Для многих молодых людей главной целью стало материальное благополучие, распространяется равнодушие к общественным делам, к коллективу.

Отрицательные явления в жизни общества накапливались постепенно, и практически ни семья, ни школа, ни трудовой коллектив не давали им отпора, не пресекали на корню иждивенчество, потребительство, вещизм, пьянство, жестокость, ничегонеделание. Сколько сейчас среди нас молодых, а то и среднего возраста людей, которые не только не хотят, но и не умеют, не способны работать? И это не только их вина, это их беда, это наша общая вина и общая беда. Одной из причин появления «трудных» детей А.С. Макаренко считал ненормально сложившиеся отношения между детьми, молодежью и взрослыми – в семье, в школе; и с ним нельзя не согласиться.

Несмотря на то что, казалось бы, все усилия общества были направлены на то, чтобы дети успешно «овладевали суммой знаний», из школы исподволь исчезал культ учебы, труда по овладению знаниями, а также культ деятельности, умения, мастерства. Отличник становился отрицательным героем не только в произведениях литературы и искусства, но и белой вороной в жизни, в родном классе. Ему, отличнику, завидовали, мешали учиться, а случалось, и травили. Многие равнодушны к учению, об этом с болью и тревогой писал еще В.А. Сухомлинский: «Страшная это опасность – безделье за партой: безделье шесть часов ежедневно, безделье месяцы и годы – это развращает, морально калечит человека...»

В нынешний переломный период не обойтись без глубокого анализа кризисных явлений в сфере образования. И вполне можно согласиться со старейшим ученым-педагогом М.Н. Скаткиным, который одну из причин застоя видит в сложившейся диспропорции между обучением и воспитанием: «Из средства воспитания обучение превратилось в самоцель, а борьба за высокую успеваемость отодвинула на задний план и заслонила формирование личности ученика... Фактически воспитание превратилось в придаток к урокам...»

В школе оказались сильно потеснены (если не сказать – изгнаны) основные виды деятельности – это и производительный, и общественно полезный труд, и физкультура, и занятия искусствами, т. е. признана второстепенной, несущественной вся жизнь за пределами урока. А ведь именно разносторонняя деятельность ребенка была в свое время выдвинута в центр воспитательного процесса молодой советской педагогикой, увидевшей в труде могучее средство формирования личности.

Советская педагогическая наука прошла 70-летний путь развития, и сейчас было бы неоправданным расточительством не использовать весь ее положительный опыт, драгоценные идеи теории воспитания, выдвинутые и испытанные практикой, в том числе и в 20-30-е годы; потерять, забыть или «зацитировать» по случаю очередного юбилея глубокие выводы классиков – Н.К. Крупской, С.Т. Шацкого, А.В. Луначарского, П. П. Блонского, В.А.Сухомлинского. И, конечно, Антона Семеновича Макаренко, чьи произведения хоть и считаются широко известными, но еще далеко не всегда находят живой отклик в педагогической практике.

Взять хотя бы проблему коллектива. В представлении А.С. Макаренко школьный коллектив строится на началах самоуправления с усилением элементов хозяйственной заботы, личной и коллективной ответственности за успех, дисциплинарных и бытовых активных действий. Каждая школа обязана обрести свой стиль, тон жизни, свои традиции... Но ведь если говорить откровенно, то ни в решении этой проблемы, ни других, в частности в трудовом обучении и воспитании, за последние полвека, к сожалению, прогресс не достигнут. Редки в стране детские дома, школы, где бы дети, подростки работали вместе со взрослыми, перенимали трудовые навыки и умения, впитывали в себя традиции мастерства, высокого профессионализма. Редки, но они есть.

После перестройки школьной жизни в азербайджанском селе Халдан на трудовой макаренковский лад произошли разительные перемены. Директор школы З. Г. Шоюбов вместе со своими коллегами-единомышленниками и учащимися развернул промышленное выращивание саженцев тополей, роз, чинар. Затем – выстроил стадион, плавательный бассейн, теплицы. Ребята одну за другой закладывали у школы в честь памятных дат аллею Труда, аллею Славы, – их труд приобретал и созидательный, и эстетический, и идейный смысл. Это школа, не знающая никаких нужд, – родной, любимый дом для ребят, где они проводят все дни с утра до вечера. И самое важное, – благодаря ежедневному полезному и посильному труду, – учащиеся жадно потянулись к знаниям, выросло число отличников, выпускники сельской школы на равных с городскими выдерживают экзамены в технические, медицинские, педагогические вузы. А многие идут на производство, и там их берут с удовольствием – знающие, трудолюбивые.

В г. Новокузнецке создано школьно-производственное объединение «Южкузбассуголь», в учебных цехах которого школьники выполняют разнообразные заказы – от пошива рабочих рукавиц до производства запасных частей и деталей к механизмам горнодобывающей промышленности. Здесь введено самоуправление - руководит объединением совет, состоящий из школьников, учителей, комсомольских работников, производственников.

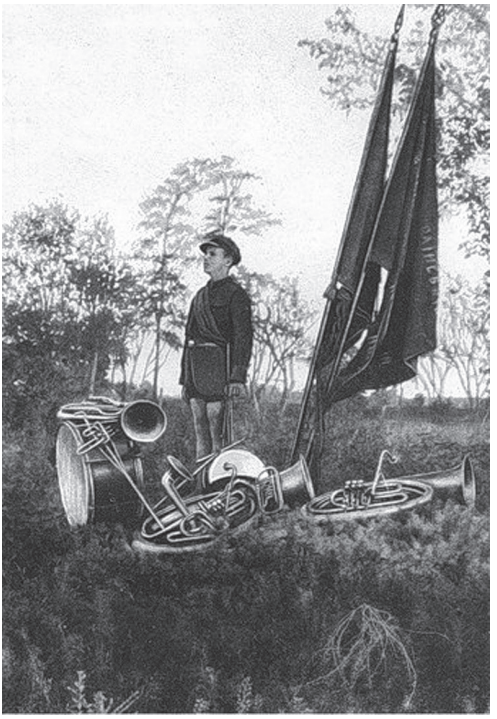
Школа-интернат г. Мамлютки Северо-Казахстанской области преобразилась, когда ее возглавил Г.М. Кубраков. Сейчас это настоящая школа-хозяйство, которое ежегодно производит продукции на десятки тысяч рублей. Сорок гектаров пашни, большой сад, свиноферма, пасека, ремонтная мастерская, свои тракторы, комбайны – есть где приложить руки и есть чему научиться. В Мамлютской школе убедительно показаны огромные воспитательные возможности разновозрастных отрядов. Г. М. Кубраков убежден, что в основу модели новой школы должен быть положен опыт А.С. Макаренко, С.Т. Шацкого и опыт передовых современных школ и ПТУ...

Может быть, и в самом деле: при всех сложностях психологической переориентации многих слоев, групп общества, сложностях материально-технического обеспечения, особенно в условиях города, школа-хозяйство и есть реальный путь создания поистине трудовой общеобразовательной и профессиональной школы?

Взаимоотношения между теорией и практикой всегда были непростыми. И в наши дни, как во времена А.С. Макаренко, поиски новых путей в педагогике наталкиваются на прочный заслон инструкций и рекомендаций. А если прогрессивное и прорывается в жизнь, приобретает известность, его тут же начинают тщательно инспектировать.

Думается, помимо противоборства нового со старым в общефилософском смысле на отношении к передовому педагогическому опыту сказывается и весьма живучий предрассудок (сейчас с развитием науки, дифференциацией и специализацией теоре-

Воспитанники колонии им. А.М. Горького за работой



Коммунар на посту

тических и экспериментально-прикладных разделов он заметно окреп!): наука якобы развивается лишь в стенах академических институтов.

Однако многовековой опыт убеждает в том, что классиками педагогики нередко становились практики. Но суть, конечно, не в этом. Понять всю глубину связи теории и практики, идеи, гипотезы и опыта нам и сегодня опять же помогает А.С. Макаренко. Считая, что основанием законов воспитания может быть изучение и обобщение практики, в том числе и экспериментов «самодельных творцов-педагогов» («индукция цельного опыта»), он писал: «Только цельный опыт, проверенный и в самом его протекании, и в результатах («проверка на сопротивление»), только сравнение цельных комплексов опыта может предоставить нам данные для выбора и решения». При оценке опыта, советовал он, не следует торопиться с приговором, надо объективно и глубоко проанализировать этот опыт. Великий педагог призывал всячески поддерживать ростки нового, прогрессивного.

А в необходимости этого, видимо, убедились все – достаточно вспомнить выход на арену общественно-педагогической жизни в конце 70 – начале 80-х годов учителей-новаторов. Страсти разгорелись с большой силой, когда начала издаваться серия

«Педагогический поиск: опыт, проблемы, находки»[341]. Каждый новый выпуск учителя встречали с благодарностью, а бюрократически-консервативно настроенные работники системы просвещения – с неприязнью и даже агрессивно.

«Творчество учителя – творчество ученика» – таков девиз педагогов-новаторов. Увлеченность своим предметом, умение построить урок так, чтобы все ученики участвовали в учебном труде, любовь к детям, уважение к личности ребенка с того самого дня, когда он впервые переступил порог школы, – вот что отличает настоящего Учителя. Внимательное знакомство с книгами учителей-новаторов, с их статьями в газетах и журналах, с телепередачами об их опыте показывает, что большинство выдвигаемых ими идей произрастает из теоретического наследия Н. К. Крупской, А.С. Макаренко, В. А. Сухомлинского, других советских педагогов, что между ними существует неразрывная связь, преемственность.

Совсем не случайно обращение педагогов-новаторов к воспитательной системе А. С. Макаренко (правда, не все они об этом прямо говорят). Они видят демократизацию личности в развитии, раскрепощении всех способностей и духовных сил человека, в его свободном развитии. Именно в этом суть революционных преобразований в системе нашего воспитания и обучения.

О чем мечтает, за что борется, например, Виктор Федорович Шаталов, чья методика предлагает пути решения острейших школьных проблем?

Индивидуальный подход Шаталова рассчитан на всех учеников одновременно; он возбуждает атмосферу коллективной, увлеченной, творческой работы. Шаталов борется за избавление детей от унижающего их достоинство страха перед «двойкой», вселяет в них оптимизм, уничтожает питательную почву для зазнайства, зависти, нечестности. Демократизация обучения у Шаталова имеет зримые очертания: к примеру, самостоятельную работу пишут все, но отметки в журнал выставляются учителем только при согласии ученика (способен на большее – можешь снова выполнить задание)...

До предела насыщены воспитательным зарядом практически все методические приемы Шаталова. Он утверждает: чуткость, понимание внутреннего мира ребенка, его переживаний, сомнений, слабостей – главные методические инструменты учителя. Без них все остальные бессильны. У Шаталова взаимоотношения «учитель – ученик», «ученик – коллектив – ученик» становятся могучим двигателем интенсификации учебной деятельности, развития коллективизма в труде (взаимопомощь, взаимоконтроль, совместное решение задач и т. п.).

Индивидуальное воздействие на личность ребенка через работающий, созидающий, творящий коллектив как общий воспитательный принцип органичен и для творческого поиска других учителей-новаторов. Так, учитель труда и черчения из Подмосковья

[341] Выпускается издательством «Педагогика» с 1979 г., всего издано 45 книг, общим тиражом более 3 млн. экз. В числе первых вышли в свет книги учителей-новаторов В. Ф. Шаталова, Е. Н. Ильина, С. Н. Лысенковой, И. П. Волкова.

А. Макаренко и М. Горький в колонии им. А.М. Горького. 1928.

Игорь Павлович Волков, опираясь на опыт «универсальной свободной мастерской» коммуны им. Ф.Э. Дзержинского, выдвинул и практически осуществил чрезвычайно важную идею раннего выявления и развития склонностей и способностей учащихся. Для этого, считает он, надо предоставить возможность всем, начиная с первого класса, попробовать свои силы в различных видах деятельности.

В «свободной мастерской» были собраны всевозможные инструменты и материалы (станки, пилы, топоры, ножи и т. п.; дерево, сталь, железо, олово, стекло, вата, клей, гипс, картон, проволока, бумага, уголь, краски, полотно), и каждый из коммунаров мог выбрать себе занятие по душе. В творческую комнату Волкова приходит любой ученик (независимо от возраста, успеваемости, времени года), включается в любое дело-конструирование моделей и макетов, занятия лепкой, резьбой, инкрустацией по дереву... При этом нет никаких ограничений инициативы школьника - ни в выборе темы, ни в способах и сроках ее исполнения, ни в объеме оказываемой помощи со стороны взрослых. Существует лишь одно негласное, но всеми признанное правило: научился сам – научи товарища. О «конечном продукте» – самостоятельно задуманной и сделанной работе – классным руководителем вносится запись в творческую книжку, которая выдается ученику после окончания школы и по которой можно составить представление о его склонностях, практических умениях, уровне развития способностей.

Еще одна особенность творчества учителей-новаторов состоит в стремлении преодолеть замкнутость классного, школьного мира, отрыв процесса обучения от жизни. Е.Н. Ильин, например, убежден, что уроки литературы должны стать уроками человековедения. Если ученику привить потребность в постижении окружающей жизни,

развивать у него способность видеть ее, понимать, извлекать уроки для себя, тогда литературоведческие и иные знания ложатся на прочную основу и становятся подлинным средством глубокого, заинтересованного творческого восприятия литературы и как учебного предмета, и как учебника жизни.

А С. Макаренко глубоко верил в то, что педагогическое мастерство воспитателя может быть доведено до большой степени совершенства, почти до степени техники. Он предсказывал, что в педагогических вузах непременно будет преподаваться и постановка голоса, поза, и владение лицом, и умение встать, умение сесть, так как это важно для точного выражения мыслей и чувств. По его собственному признанию, сам он мастером стал лишь тогда, когда научился говорить «иди сюда» с пятнадцатью – двадцатью оттенками... В последние годы наконец-то осуществилась мечта Макаренко: в его родном Полтавском педагогическом институте создана первая в стране кафедра педагогического мастерства. Здесь преподается ораторское искусство, режиссура урока, педагогического действия, постановка голоса, мимики, умение держаться перед классом и т. д. Все это, считает организатор кафедры доктор философских наук И. А. Зязюн, будет способствовать развитию личностных, неповторимых качеств каждого студента, приобретению им профессиональных навыков. В институте жив дух выдающегося педагога-земляка, его традиции, потому органично сочетаются проверенные формы организации коллектива, такие, как студенческое самоуправление, с высшим органом – общим собранием; сотворчество, сотрудничество преподавателей и студентов; рождаются новые формы – творческие конкурсы на приемных экзаменах.

Сегодня Макаренко принадлежит не только нам – всему миру. Это подтвердилось с огромной силой в 1988 году, когда отмечалось столетие со дня рождения «великого советского педагога и писателя, чья деятельность оказала значительное влияние на становление педагогики как науки, формирование методов образования, нравственного развития и творческого воспитания подрастающего поколения», – такова оценка Генеральной конференции ЮНЕСКО, принявшей резолюцию о Международном годе Макаренко.

Состоялись симпозиумы, научно-практические конференции, посвященные А. С. Макаренко, изданы его книги. Произошел взрыв интереса к его творчеству, причем некоторые зарубежные ученые обращают внимание на многогранность и широту макаренковской воспитательной системы, ее открытость и диалектичность. Западногерманский профессор Герман Ноэль, например, считает, что «можно только позавидовать русскому народу, который владеет таким богатством («Педагогическая поэма»). Оно пробуждает педагогические инстинкты у каждого читателя...»[342].

«Педагогическую поэму» называют за рубежом самым выдающимся педагогическим романом нашего времени. Эта мудрая и страстная книга о любви к человеку, о

[342] См.: Советская педагогика. 1989, № 4. С. 145.

силе социалистического гуманизма, воспитывающего и перевоспитывающего людей, а также другие произведения А. С. Макаренко изданы на многих иностранных языках, получили широкое признание.

Когда-то Горький дал Макаренко такую характеристику: «... удивительный Вы человечище и как раз из таких, в каких Русь нуждается». Нуждается в нем страна и сейчас: глубинное и деятельное освоение и воплощение в жизнь его идей и практического опыта ускорит позитивные перемены в нашем обществе.

НЕ СТОЛКНУТЬ ВНИЗ[343]

Предлагаем вниманию читателей беседу профессора В.ХЕЛЕМЕНДИКА с известным ученым-макаренковедом из Германии, профессором Марбургского университета Г. ХИЛЛИГОМ, руководителем лаборатории «Макаренко-реферат»

Книжная ярмарка во Франкфурте-на-Майне. Переговоры с канцлером Марбургского университета Берндом Гофманом о совместном издании полного собрания сочинений А.С.Макаренко. Первый справа – Гётц Хиллиг, известный ученый, ныне почетный член Российской академии образования. Рядом - Б. Гофман. Автор – в центре. 1989.

ХЕЛЕМЕНДИК: Мы знаем, что Гётц Хиллинг много лет занимается изучением творчества и жизни Антона Семеновича Макаренко. В чем, по Вашему мнению, состоит значимость последних публикаций о Макаренко, когда произошли такие огромные перемены в нашей стране, да и во всем мире?

ХИЛЛИГ: Прежде всего в том, что эти печатные труды отражают усилившийся интерес к педагогике А.С.Макаренко. Взять хотя бы такой факт: в 1992–93 г.г. впервые издан двухтомник научных работ «Макаренко на Востоке и Западе».

[343] Газета «Педагогический вестник», 1994, № 3.

ХЕЛЕМЕНДИК: В приветствии английского ученого Джона Данстэна лаборатории «Макаренко-реферат» по случаю ее 25-летия высказано мнение о возникшей ныне опасности: «Землетрясение разрушило пантеон, и многие боги внутри него рухнули; находятся и такие, кто рад был бы столкнуть вниз и Макаренко, в то время как другие пытаются отразить их натиск. Такая резкая поляризация противоречит духу науки». А какова Ваша точка зрения?

ХИЛЛИГ: Да, известно, что у вас некоторые ученые призывают к «демакаренковизации» педагогики – науки и практики. Я думаю, что подобные заявления свидетельствуют о продолжающемся стремлении поставить идеологию над наукой, только теперь уже с другим знаком. И еще здесь налицо нежелание радикально, всесторонне рассмотреть роль и место Макаренко в истории советской и мировой педагогики. Мне думается, что сегодня очень важно и восстанавливать забытые имена, и по-новому взглянуть на тех, кто был в центре внимания на протяжении десятилетий. А экстремизм всегда имеет одно лицо: раньше – все воспитание – «по Макаренко», сейчас – «без Макаренко»... По-моему, теперь главное – работать в архивах (благо они стали доступнее), объективно исследовать документы с тем, чтобы наука перестала быть служанкой конъюнктуры, политики... Надо изучить все аспекты жизни и деятельности Антона Семеновича, и на этой основе построить солидный фундамент знаний для понимания его творчества.

Конечно, есть угроза того, что в условиях глубокого экономического кризиса и происходящих в российском обществе изменений, исследования наследия Макаренко затормозятся...

ХЕЛЕМЕНДИК: В свое время (1967 год) В.А.Сухомлинский писал о том, что борьба против эпигонов Макаренко требует защиты его идей от формализма, цитатничества, превращения в абсолют тех или иных положений педагогической системы. В самом деле, если догматизировать мысли о дисциплине, порядке, наказаниях, если во главу угла поставить исключительно коллектив, намеренно забывая о том, что у Макаренко – и это убедительно подтверждено собственной практикой Антона Семеновича – коллектив лишь **средство** воспитания, развития личности, то от его системы останутся рожки да ножки.

Сегодня у нас, в России, педагогику Макаренко называют по-разному: тоталитарной, авторитарной, демократической, гуманной. А как Вы считаете?

ХИЛЛИГ: Конечно же, абсолютизировать отдельные воспитательные принципы, категории нелегитимно. Нужно брать систему в целом, которая, как мне кажется, наиболее полно воплотилась в полтавский период деятельности Макаренко, когда была создана особая воспитательная среда и когда ему практически не мешали свободно творить. В это время ярко выражены демократические начала: самоуправление, общее собрание как высший орган в колонии, выборность и регулярная сменяемость командиров, уважение к личности воспитанника, ограничение прав заведующего колонией и т.д.

ХЕЛЕМЕНДИК: С чем связан Ваш нынешний приезд в Москву?

ХИЛЛИГ: Меня пригласили участвовать к подготовке к печати переписки А.С.Макаренко с Г.С.Салько. Двухтомник писем выпустит издательский центр «Витязь». Переписка дает такое обилие новой и неожиданной информации, что привычные представления о Макаренко претерпевают серьезные изменения. Письма приближают к пониманию Макаренко-человека, освобождают его образ от шаблонов, которые были созданы его посмертными канонизаторами. В наше время эпистолярное наследие Макаренко может стать ключом для нового подхода к оценке роли этой притягательной личности в истории.

А вообще для меня Макаренко, в первую очередь, привлекателен как человек – российский интеллигент. Познавая его внутренний мир, мы много нового узнаем о жизни на Украине, в России (и не только в области воспитания беспризорных детей).

Возьмем такой деликатный вопрос, как отношение Макаренко к правительству, к культу личности. В переписке находим множество упоминаний о статьях Н.И.Бухарина и лишь изредка – о Сталине. Он весьма сдержанно, а порой и критически относится к партии.

ХЕЛЕМЕНДИК: Во время подготовки к выпуску в издательстве «Педагогика» восьмитомника А.С.Макаренко мне, как члену редакционной коллегии, довелось познакомиться со многими рукописями, архивными документами. И могу подтвердить сказанное Вами: восхвалений в адрес Сталина очень мало.

ХИЛЛИГ: О, это не так просто... Конечно, Макаренко жил и творил в условиях своего времени. Он очень чутко воспринимал все, что происходило в обществе, и в какой-то момент, наверное, осознал: вряд ли можно уцелеть, не поддерживая (официально, в печати) рождающийся культ. Весьма показателен в этом смысле такой факт. В 1936 году Макаренко приезжал в коммуну им. Дзержинского, выступал на собрании. И, видимо, недостаточно возносил вождя, потому что сразу же в этом был обвинен в доносе, посланном в Киев. А в архиве Макаренко обнаружен текст того самого выступления, напечатанный на машинке, в котором славословий в адрес Сталина хоть отбавляй... Ясно, что данный документ подготовлен позже, на всякий случай – ведь не мог же он не видеть, что творилось вокруг...

ХЕЛЕМЕНДИК: Полностью согласен с Вами. Макаренко сознательно (чтобы не быть «белой вороной») не уходил от поддержки культа личности. Теперь много написано о судебных процессах 30-х годов, и чувство ужаса охватывает при мысли о вполне возможном и реальном предъявлении Макаренко обвинений в антисоветской деятельности. Что тогда? Пострадал бы не только он один, а еще и сотни его воспитанников.

ХИЛЛИГ: Само собой разумеется, ответственность за судьбы воспитанников была внутренне присуща Антону Семеновичу, и эту ответственность он сохранил до последних лет жизни...

ПОДЛИННАЯ ШКОЛА МЫСЛИ[344]

История любой науки занимается, во-первых, конкретным описанием процесса развития науки и, во-вторых, анализом научного творчества. История раскрывает не только то, что было достигнуто в науке в тот или иной период, но и как, благодаря чему это происходило. Анализируя и обобщая исторические факты и явления, история призвана содействовать разработке и обоснованию современных гипотез, идей, выводов, т.е. выполнять и прогностическую функцию. О значении истории для современности хорошо сказал автор многотомной «Истории античной эстетики» А.Ф.Лосев: «... Подлинной школой мысли является именно ее история. Понять какую-нибудь историю прошлого – это значит не только уметь пересказать ее содержание, но и уяснить последовательность ее внутреннего развития... Вообще-то надо сказать, что фундаментальное познание прошлого помогает осмыслить не только то, что когда-то свершилось, но и то, что происходит у нас на глазах, чему мы становимся свидетелями».[345]

Чтобы успешно развивалась теория педагогики, необходимы фундаментальные исследования по истории педагогической мысли, школы, народного образования. На этой основе готовятся книги, раскрывающие творческую лабораторию педагогов минувших времен, устанавливающие преемственность современных педагогических идей с теоретическим и практическим опытом прошлого, а также книги о роли педагогики и ученых на различных этапах общественного развития. Литература по истории педагогики нужна не только ученым и аспирантам, ее с огромным интересом читают студенты, учителя, воспитатели, работники системы народного образования. Удовлетворяя читательские запросы, издательство готовит различные типы и жанры изданий.

За последние 10 лет осуществлено издание «Педагогических сочинений» Н.К. Крупской в 6-ти томах (1978–1980 гг.); трехтомника «Избранных педагогических сочинений» В.А.Сухомлинского (1979–1981 гг.); завершается выпуск академического издания «Педагогических сочинений» А.С.Макаренко в 8-ми томах (1983–1986 гг.), приуроченного к 100-летию со дня его рождения.

Издательство выпускает «Педагогическую библиотеку», в которую входят нестареющие памятники мировой педагогической мысли, произведения отечественных ученых дореволюционного периода, труды видных советских педагогов, психологов, государственных и общественных деятелей. Каждый том «Педагогической библиотеки» сопровождается вступительной статьей, краткими комментариями, библиографическими сведениями, именным указателем; тираж – 40 тыс. экземпляров. Типологические особенности этого издания таковы, что позволяют адресовать его не только

[344] Журнал «Советская педагогика», 1986, № 6.
[345] «Правда», 1985, 17 января.

ученым, но и учителям. На читательской конференции в г. Новосибирске, например, многие выступающие (учителя, родители) говорили о том, что книги «Педагогической библиотеки» пользуются большим спросом, однако тираж их недостаточен.

Открыл «Педагогическую библиотеку» двухтомник «Избранных сочинений» К.Д.Ушинского (1974 г.). В этом издании представлены основные произведения педагога по общим теоретическим вопросам воспитания и образования, организации учебно-воспитательного процесса, по различным аспектам просвещения в России.

В числе первых в названной серии вышли книги: К.Маркс и Ф.Энгельс «О воспитании и образовании» (1979 г.) и В.И.Ленин «О воспитании и образовании (1980 г.). В первую книгу составители включили высказывания К.Маркса и Ф.Энгельса о методах научного познания, что имеет важное методологическое значение и для педагогической науки. В двухтомнике произведений В.И. Ленина представлены труды, раскрывающие взаимосвязь воспитания и образования, просвещения и культуры с социалистическими преобразования в стране.

В 1979 г. выпущены «Избранные педагогические и психологические сочинения» П.П.Блонского, а в 1980 г. «Избранные педагогические сочинения» С.Т.Шацкого.

Как известно, П.П. Блонский отстаивал идею трудовой, политехнической и общеобразовательной школы, разрабатывал принципы соединения обучения с производительным трудом. В двухтомник включены его психологические работы об основах обучения и воспитания, о развитии мышления в школьном возрасте, о соотношении памяти и мышления на разных ступенях развития и др.

Педагогические сочинения С.Т. Шацкого, отличаются ясностью мысли, доступностью изложения, опорой на практический опыт, глубиной и всесторонностью понимания педагогического процесса и психологии ребенка. Особенность наследия ученого – постоянный поиск, творческий подход к педагогическим явлениям, что было особенно важно в период становления советской школы и педагогики.

В «Педагогической библиотеке» издательство стремится последовательно выстроить ряд книг известных русских педагогов, психологов, деятелей культуры, чтобы полнее отразить многогранный, сложный и плодотворный процесс развития нашей науки и школы.

Так, вышли в свет «Избранные педагогические сочинения» В.Г.Белинского (1982 г.), Н.Г.Чернышевского (1983 г.), Д.И.Писарева (1984 г.); в стадии редакционной подготовки – рукописи трудов А.И.Герцена и Н.П.Огарева.

К 150-летию со дня рождения Н.А.Добролюбова приурочен выпуск его «Избранных педагогических сочинений» (1986 г.). Н.А.Добролюбов оставил большое творческое наследие, причем многие его педагогические идеи имеют самое актуальное значение и в наше время, в период осуществления школьной реформы. Им были разработаны проблемы воспитания патриота и гражданина, разностороннего развития человека и активизации его способностей, опоры на сознательность при обучении и

воспитании, вопросы усвоения знаний и связи обучения с жизнью. Пафос знаменитой статьи Добролюбова «О значении авторитета в воспитании» – это борьба против авторитарности, против подавления личности ребенка, за развитие его мышления и сознательного действия. «Искусство обращаться с детьми нельзя передать дидактически, – писал он, – можно только указать основания, на которых оно может утверждаться, и цель, к которой должно стремиться. И мы думаем: главное, что должен иметь в виду воспитатель, – это уважение к человеческой природе, к дитяти, предоставление ему свободного, нормального развития, старание внушить ему прежде всего и более всего правильные понятия о вещах, живые и твердые убеждения, заставить его действовать сознательно, по уважению к добру и правде, а не из страха, и не из корыстных видов похвалы и награды».[346]

Добролюбов утверждал: главная забота школы не столько в подготовке хорошего специалиста, сколько в развитии «внутреннего» человека, готового к служению обществу, Родине. Он убедительно доказывал, что слепое, беспрекословное повиновение ведет отнюдь не к благонравию, а делает человека безнравственным: «Привыкая делать все без рассуждения, без убеждения в истине и добре, а только по приказу, человек становится безразличным к добру и злу и без зазрения совести совершает поступки, противные нравственному чувству, оправдываясь тем, что так приказано».[347]

В произведениях Н.Г.Чернышевского дано материалистическое объяснение основных факторов воспитания – наследственности, социальной среды, воспитания и деятельности самой личности. Рассматривая проблему потребностей как воспитание познавательных, нравственных и эстетических потребностей, потребностей в труде, в самообразовании и самовоспитании, Чернышевский писал: «Никакое внешнее принуждение не может поддерживать человека ни на умственной, ни на нравственной высоте, когда он сам не желает держаться на ней».[348] Творческие поиски революционных демократов в создании концепции воспитания нового человека, гражданина, борца за высокие нравственные идеалы обогатили педагогическую мысль и XIX, и века нынешнего, они созвучны современности, устремлены в будущее.

Самостоятельное направление «Педагогической библиотеки» – издание трудов русских педагогов, без которых невозможно представить сегодняшнюю науку. Вышли в свет «Избранные педагогические сочинения» Н.И.Пирогова (1985 г.), чьи идеи близки нам – такие, как единство школы и жизни, педагогической науки и практики, воспитывающего обучения, «гармонического развития всех врожденных сил народа», воспитание человека-гражданина, полезного своей стране. В сборник вошли новые документы, которые существенно обогащают представление читателей о педагогическом наследии ученого.

---

[346] Добролюбов Н.А. Избр. пед. соч. – М.: 1986. С. 48.
[347] Там же. С.40.
[348] Чернышевский Н.Г. Избр. пед. соч. – М.: 1983. С. 275.

Впервые после Октябрьской революции изданы «Избранные педагогические сочинения» П.Ф.Каптерова (1982 г.). Продолжая дело К.Д.Ушинского, он всю свою жизнь посвятил научному обоснованию педагогического процесса, используя для этого исследования философов и историков культуры и языка, историков школы и педагогики. В книге представлены его основные произведения: «Дидактические очерки. Теория образования», а также работы «Метод и его применение», «О значении учебника при обучении, общественно-нравственном развитии и воспитании», «Педагогика – наука или искусство?», «Педагогический процесс», «Общий ход развития русской педагогики и его главные периоды».

С большим интересом читатели встретили публикацию произведений выдающихся зарубежных педагогов: Жан-Жака Руссо (1981 г.), Яна Амоса Коменского (1982 г.), Иоганна Генриха Песталоцци (1981 г.). Работники издательства вместе с учеными стремятся выработать стратегию подхода к публикациям трудов зарубежных классиков.

* * *

Издательство «Педагогика», приступив к осуществлению выпуска 19-ти томной «Антологии педагогической мысли народов СССР», вносит свой вклад в обеспечение доступности памятников педагогической культуры всех народов страны. Всесоюзная аудитория получает возможность приобщиться к педагогическому наследию братских народов, ощутить самобытность и своеобразие развития школы, трудов педагогов, философов, просветителей, познать мудрость народной педагогики – от древнейших времен до наших дней. Замысел определил тип издания – антология, т.е. собрание наиболее существенных, ярких документов педагогической культуры – части духовного богатства народов.

От рождения идеи до выхода в свет первых томов прошло несколько лет: они понадобились для уточнения путей ее реализации, подробного и неоднократного обсуждения проспекта «Антологии...» среди ученых-историков в институтах АПН СССР и республиканских научных учреждениях, ученых АН СССР, преподавателей университетов и педвузов. В союзных республиках созданы редакционные коллегии, в составе которых – ведущие ученые. Вот, к примеру, редколлегия тома по Белоруссии: М.А.Лазарук, академик АПН СССР, И.Я.Науменко, вице-президент АН БССР, Е.М.Бабосов, директор института философии и права, доктор философских наук; М.У.Пискунов, доктор исторических наук; Г.П.Сенкевич – кандидат педагогических наук, историк педагогики. Таким образом происходит интеграция усилий представителей различных наук.

В подготовке этого издания участвуют десятки специалистов – историков, педагогов, этнографов, литературоведов. И это понятно: из огромного количества источников, документов, имен необходимо отобрать самое ценное, имеющее непреходящее значение. Требуется кропотливая исследовательская и текстологическая работа. Так,

в Армении древнейшие памятники об обучении и воспитании переводятся вначале с древнеармянского на современный армянский, а затем на русский язык. Безусловно, что подготовка «Антологии» стимулирует историко-педагогические исследования на местах. В ряде республик решено параллельно создать двухтомные антологии по истории педагогики на родном языке.

Первый том – «Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства XIV–XVII вв.» включает литературные произведения, разнообразные источники, которые в целом дают картину развития педагогической мысли русского средневековья. Книга позволяет представить многоплановость духовного богатства русского народа: фольклор и предания, былины и летописные тексты, поучения, церковная и учебная литература, размышления о воспитании Иллариона, Нестора, Владимира Мономаха, Максима Грека, Андрея Курбского... Древнерусская педагогика придавала большое значение воспитанию таких нравственных качеств, как трудолюбие, миролюбие, правдолюбие, честность, доброта, уважение к старшим. «Изучение древнерусской литературы и культуры, в том числе культуры педагогической, таит в себе много открытий», – заключает вступительное слово к первому тому академик Д.С.Лихачев.

Второй том – «Антология педагогической мысли России XVIII в.» – собрание различных по жанру и целевому назначению памятников истории русской школы и педагогики. Государственные указы, уставы народных училищ, отеческие завещания сыновьям, сочинения выдающихся просветителей – М.В.Ломоносова, Н.И.Новикова, А.Н.Радищева. Читателя привлекут педагогические сочинения профессоров Московского университета А.А.Барсова, Д.С.Аничкина, Н.Н.Поповского и других.

Вышедшие в свет тома «Антологии» и готовящиеся к печати рукописи по Белоруссии и Узбекистану убедительно свидетельствуют о том, что педагогику как науку и искусство развивали не только собственно ученые-педагоги, но и многие ученые смежных отраслей знания – философы, историки, общественные и государственные деятели, писатели, публицисты. Это важный исторический урок, и он весьма актуален для современности. «В этом издании, – пишет академик, народный писатель Белоруссии К.Крапива, – впервые предпринята попытка обобщить и систематизировать педагогическое наследие Белоруссии: наиболее значительные памятники педагогической, общественно-политической, литературной мысли, представляющие историко-научную, а во многих случаях и практическую ценность, никогда еще не выступали как единое целое, отражающее важную сферу культуры белорусского народа».

Тексты «Антологии» помогут глубже понять историческую взаимосвязь между развитием школы и педагогики и социального, научно-технического прогресса общества. Каждый из томов дополняет друг друга, они связаны между собой взаимными отсылками. Такой подход предоставляет возможность публиковать произведения одного и того же автора в разных книгах, если его наследие принадлежит культурам нескольких народов. Так, сочинения А.С.Макаренко будут помещены в «Антологиях» Украины и

Советской России; С.Айни – в томах Узбекской, Таджикской и Казахской республик.

Впервые в нашей литературе будут систематизированы и опубликованы тексты, отражающие достижения народной педагогики и сами являющиеся источниками педагогической науки. Благодаря устному народному творчеству ребенок узнавал простые, но очень важные сведения о явлениях внешнего мира, о взаимоотношениях между людьми; в процессе общения в семье и за ее пределами у детей формировалась любовь к труду, уважение к земле и хлебу, развивалась находчивость, стремление к преодолению трудностей и т.п. Народная дидактика (пословицы, поговорки, сказки) находила отражение в букварях, в учебниках родного языка, литературы, в хрестоматиях и пособиях по пению и музыке, на уроках труда и изобразительного искусства. Если после выхода в свет «Антологии» использование в школе живительного источника народной мудрости станет более широким, цель издания достигнута.

* * *

В центре внимания издательства находятся и фундаментальные историко-педагогические исследования, которые ведутся учеными Академии педагогических наук СССР, научными работниками НИИ педагогики, педагогических вузов и университетов. В 1980 г. изданы «Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР (1917–1941 гг.)», в которых показано становление системы народного образования в стране, рассмотрены вопросы подготовки педагогических кадров, формирования научных взглядов и представлений о путях развития советской школы и педагогики. Логическое продолжение данного издания – «Очерки педагогической науки в СССР (1917–1989)» (под ред. Н.П.Кузина, М.Н.Колмаковой, 1986). Здесь исследуются теоретические основы советской педагогики, содержание общего образования, теория обучения и воспитания.

В 1981 г. были опубликованы «Очерки истории профессионально-технического образования СССР» (под ред. С.Я.Батышева). В книге представлен опыт теоретического осмысления истории профессионально-технического образования в России, становления и развития советской профессионально-технической школы, системы подготовки рабочих кадров.

Важным источником историко-педагогической науки можно считать «Труды действительных членов и членов-корреспондентов Академии педагогических наук СССР», в которых отражен творческий научный процесс в историко-проблемном аспекте. Среди этих изданий: Б.Г.Ананьев, Избранные психологические труды (1980); Г.И.Джибладзе, Философия Коменского (1982); М.И.Кондаков, Теоретические основы школоведения (1982); А.Н. Леонтьев, Избранные психологические произведения (1983); А.А. Бодалев, Личность и общение (1983); И.Ф.Протченко, Русский язык: проблемы изучения и развития (1984); А.В.Петровский Вопросы теории и истории психологии (1984); Г.Н.Филонов, Воспитание личности школьника (1985); В.В.Давы-

спросят те, кто хорошо знает цену спортивным победам. И действительно, разве упорство только в оборонительных действиях, боязнь риска, отказ от борьбы за инициативу совместимы с сильной волей? Подлинная воля к победе выражается не только в том, как **борется** спортсмен за победу — с большим или меньшим упорством, но и как конкретно **действует**.

Есть и еще одна очень важная сторона проявления воли — поведенческая. Она показывает, как ведет себя спортсмен перед лицом трудностей. Если он действует упорно и активно, смело и решительно, но при этом теряет самообладание, горячится и раздражается, бурно реагирует на возможные неудачи, — словом, выглядит воплощением невыдержанности, то о нем говорят: у него ум с сердцем не в ладу.

Другому удается держать себя совершенно по-иному. Его внешний вид — воплощение

Мощные, динамичные удары по отскочившему мячу придают современной игре с задней линии четко выраженный нападающий характер. Чемпион СССР 1987 года в мужском парном разряде А. Ольховский при первой возможности старается с помощью своего «двуручного» удара слева обострить игру.

уверенности, невозмутимого спокойствия, выдержки. Как бы ни складывались игровые события, вывести его из себя практически невозможно. Он всегда действует не только рассудительно, но и одновременно с непоколебимым самообладанием. Иными словами, такой спортсмен полностью владеет собой, своими действиями, чувствами, переживаниями.

Итак, подлинно сильная воля — это своего рода прочнейший сплав из ее «золотых» качеств: целеустремленности и настойчивости, активности и инициативности, смелости и решительности, самообладания и выдержки. Стоит хотя бы одному из этих качеств выпасть — и нужного сплава не получится.

Мне вспоминается, как Александра Метревели после одной из его блистательных побед над первой ракеткой мира австралийцем Джоном Ньюкомбом один из зарубежных корреспондентов в газетной статье назвал Александром Македонским. Корреспондент отметил, что прежде всего благодаря уму и воле — главным полководческим достоинствам — нашему спортсмену удалось победить столь грозного соперника.

Призовем и мы наших читателей играть всегда «по-полководчески».

Атлетизм — это понятие дошло до нас из далекой истории. Как свидетельствуют античные летописи, признание человека атлетом означало самую высшую степень гармоничного развития личности. И в наше время слово «атлет» произносится с большим уважением. Атлетизм (физическое совершенство) должен закладываться с детского возраста и развиваться на протяжении всей жизни.

Только пусть наш читатель не думает, что суть атлетизма — в массивных бицепсах Геркулеса. Хотя гармонично развитая мускулатура, красивая, стройная осанка и составляет важный элемент атлетизма, суть его — в совершенных двигательных физических качествах. И в первую очередь таких, как быстрота, сила, прыгучесть, гибкость, ловкость, выносливость. Их широкое проявление в игровых действиях также отличает передовой характер игры. Прежде всего поэтому современный теннис и называют атлетическим видом спорта.

И тут опять самый подходящий момент

Наступательная игра смолоду! Уже в 6 лет Катя Морозова следует этому девизу.

При нападении у сетки нужно быть готовым к отражению мяча в самом сложном прыжке (чемпион СССР 1987 года в мужском парном разряде В. Габричидзе).

напомнить: игра игре — рознь! Одна игра может отличаться высокими атлетическими достоинствами, другая, наоборот, — самыми средними. Все зависит от выбора конкретных действий, стратегии, тактики и техники.

Примеров действий высокого атлетического достоинства множество. Познакомимся лишь с одним игровым эпизодом их использования.

Вообразим себя зрителями крупных международных соревнований и внимательно присмотримся к подающему игроку. Вот он, словно стрелок, спокойно, невозмутимо застыл в прицельной позе. Еще мгновение, и мягкие, пластичные движения, казалось бы не предвещающие ничего опасного для принимающего подачу, вдруг преобразуются в мощнейший удар, завершающийся быстрым продвижением подающего вперед. Теперь — на пути к сетке — подающий напоминает хищника, собирающегося молниеносно броситься на свою жертву, или футбольного вратаря, готового сделать сложнейший прыжок, лишь бы не пропустить в ворота мяч.

Куда направит обводящий удар соперник: вправо или влево, совсем низко над сеткой или неожиданно высоко с помощью коварной свечи? Пока для сеточника это загадка. Он должен быть готов к любому из этих вариантов.

Еще мгновение, и сеточник в длинном прыжке отбивает, казалось бы, совсем безнадежный мяч. Но торжествовать еще рано. Мяч снова в пределах досягаемости соперника. Что же он теперь предпримет? Может быть, сильно отобьет его вдоль другой боковой линии площадки, так как мало вероятно, чтобы сеточник успел восстановить позицию готовности для прыжка в противоположную сторону?

Однако соперник отказывается от слишком уж очевидного игрового хода и неожиданно пускает в ход обводящую свечу.

Теперь сеточник превращается сначала в спринтера, а затем в прыгуна в высоту, чтобы успеть предельно быстро отбежать от сетки и достать трудный мяч в сложном прыжке вверх-назад.

На трибунах — гром аплодисментов, заслуженная награда сеточнику-атлету: мощнейшим пушечным ударом над головой он выигрывает важное очко. Выигрывает с помощью сложнейшего прыжка в предельно вытянутом вверх положении, когда уж, казалось, нет никаких шансов отразить труднейший мяч, посланный неожиданно далеко через него.

Разве не напоминает теннис, хотя бы отдаленно, легкоатлетическое многоборье с его бегом на различные дистанции, прыжками и метаниями?

Безусловно! Теннис — это подлинное атлетическое многоборье под девизом: быстрее, сильнее, выше, дальше!

В приведенном игровом эпизоде мы познакомились с тремя действиями высокого атлетического достоинства: сильной подачей с быстрым выходом вперед, ударом с лёта в стремительном и далеком прыжке в сторону, ударом над головой с высоким прыжком.

А вот пример игры совершенно иного характера. Соперники не спеша «катаются» у

С.П.Белиц-Гейман. Теннис для родителей и детей. Разворот.1988.

дов, Проблемы развивающего обучения: Опыт теоретического и экспериментального психологического исследования (1986) и др.

Подводя итог, следует отметить, что наблюдается рост и числа названий, и объема ежегодно выпускаемых книг по истории педагогики и психологии. Если в 1976 г. издательством «Педагогика» было выпущено 2 названия объемом в 25 издательских листов; в одиннадцатой пятилетке в среднем выходило по 5–6 названий в год объемом 160–170 листов; на 1986 г. запланировано 11 названий объемом 236 листов; на 1987 г. – 10 названий объемом 288 листов.

Активизация читательского интереса к истории педагогики, повышение престижа профессии учителя – все это представляется насущной проблемой, требующей новых творческих издательских решений.

ПРИТЯГАТЕЛЬНАЯ СИЛА КНИГИ[349]

Какой-то звереныш на экране ТВ (по внешнему виду определить трудно) листает самодельную книгу под названием «Играйте с детьми» и предлагает различные игры. И так сюжет за сюжетом: «играйте в футбол» – и маленький «проказник», изображаемый авторами фильма с нескрываемой симпатией, вместо мяча подбрасывает взрослому... булыжник; «собирайте грибы и ягоды» – и герой ловко маскирует под грибом взрывчатку, а взрослый срывает гриб...; «спойте детям песню» – воспитатель поет, закрывая от удовольствия глаза, а «воспитанник» между тем всовывает в его лапы спички и зажигает.

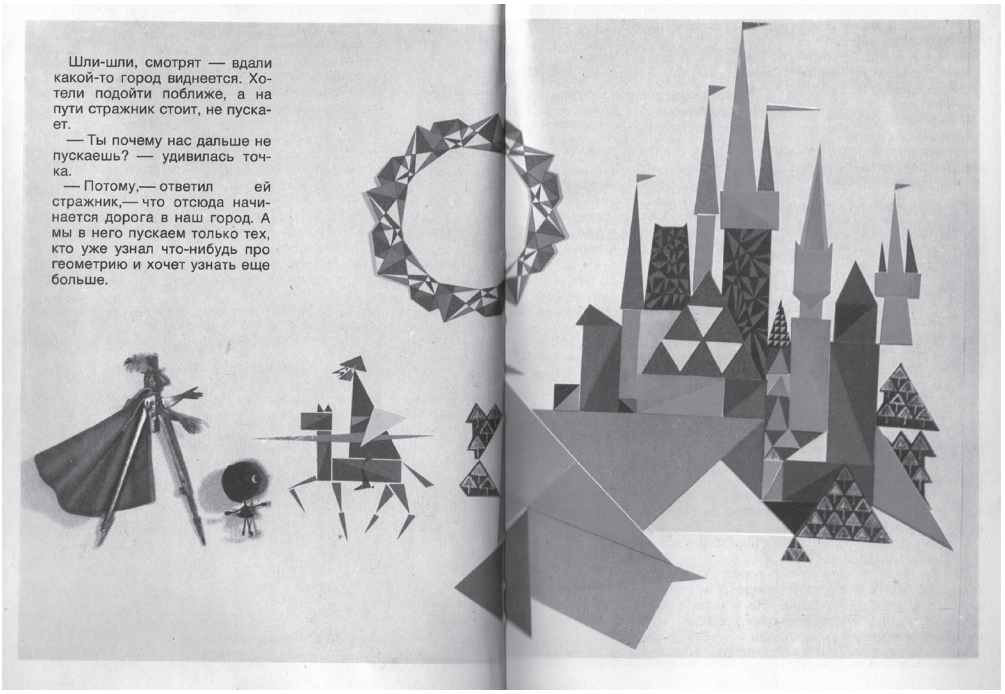
Обман, подлость, жестокость... Какие жизненные уроки может извлечь малыш из передач, подобных «Чертенку с пушистым хвостом»? Дети и взрослые – враждующие лагери... Взрослые, воспитатели не знают детей. Игры проникнуты духом разрушения. А разрушение самой игры – это ведь нечестность и считается у детей большим проступком, за которым следует самое суровое наказание: «Мы с тобой не играем...».

Здесь в самый раз остановиться и сказать самому себе: «Наверное, тебе не хватает чувства юмора, понимания того, что для детей интересно и смешно в «мультике»... Признаюсь, после фильма мне в самом деле не было смешно, а обуревали совсем иные чувства. И главным, пожалуй, было недоумение: почему же в изображении игры созидание, труд, честность, доброта, уважение друг к другу далеко не всегда являются идейно-содержательными, нравственными опорами телефильмов и радиоспектаклей, художественных книг для детей?

Родители и дети, воспитатель и воспитанник, учитель и ученик... Их д о б р ы е взаимоотношения формируются в совместной созидательной творческой деятельности при взаимном уважении к личности, достоинству каждого – таков краеугольный камень педагогического мировоззрения Антона Семеновича Макаренко. Когда-то он высмеивал учителя «в брюках навыпуск и манжетах», который лезет под руку «работающему в огороде мальчику со своими разглагольствованиями о каких-нибудь тычинках и пестиках». Макаренко настойчиво утверждал, проповедовал принцип совместной работы воспитателя и воспитанника. Сегодня у нас нередки случаи, когда ни учитель, ни ученик н е у м е ю т работать (в огороде, у станка, на ферме и т.п.). Они всецело заняты накоплением книжных знаний, «изучением основ наук». В век научно-технического прогресса центр тяжести всестороннего развития детей все больше перемещается в школу, на предприятия, в колхозы и совхозы, где ребята получают возможность применить полученные знания в общественно полезном, производительном труде, выбрать профессию по душе. Семья как бы остается в стороне.

Эта объективно складывающаяся ситуация – разрыв между знаниями и умениями

[349] Журнал «Детская литература», 1986, № 9.



В.Г. Житомирский, Л.Н. Шеврин. Геометрия для малышей. Разворот. 1980.

детей, отдаление (в большей мере, может быть, чем прежде) интересов и увлечений взрослых и детей – послужила для издателей и авторов издательства «Педагогика» – ученых, писателей, художников – толчком к созданию серии научно-художественных книг для ребят 5–8 лет. Книги эти предназначены для **совместного** чтения, **совместных** занятий детей и родителей, детей и учителей.

«Уроки занимательного труда» – так назвала свою повесть-сказку, повесть-игру Л. Васильева-Гангнус. Прочитав ее, ребенок чувствует себя вовлеченным в простое, доступное ему дело, он приобретает навыки работы с бумагой, картоном, природным материалом, учится пользоваться ножницами, линейкой, циркулем и, в результате, мастерить игрушки. Радость свершения (я сделал это своими руками!) помогает постигнуть и другое: труд – не забава, он требует внимания, настойчивости, терпения.

Авторы подобных книг еще и еще раз убеждают взрослого в том, что новые знания лучше всего усваиваются ребенком в игре и в труде. А юного читателя радуют занимательным сюжетом, яркими, красочными иллюстрациями. Детям предлагается не идеальный мир, нет, это мир, в котором все называется своим именем: добро – добром, а

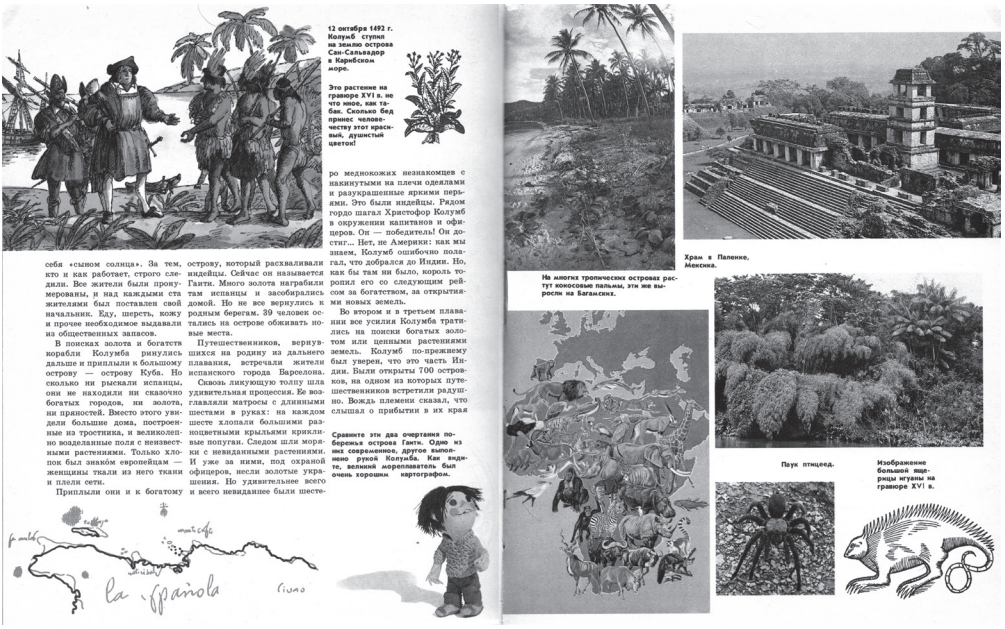
зло – злом, мир, где никому не придет в голову играючи разорвать в клочья собственного «предка»...

«Азбука вежливости» Л.Васильевой-Гангнус – это сказочная история, приключившаяся с мальчиком Алешей, которая ставит перед маленьким читателем вопросы, на которые он сам способен ответить: «Кто тебе понравился и почему?», «Какие вежливые, добрые слова известны тебе и часто ли ты говоришь их разным людям?», «С кем из героев сказки ты хотел бы дружить?», «Волшебник Группи-Группи-Ян плохой или хороший друг?», «Можно ли называть вежливым того, кто обижает животных?» и т.д. А в конце каждой главы автор ведет серьезный разговор со взрослыми, не поучает, а размышляет о том, как воспитывать детей в духе той сердечности, доброты, того чуткого и деликатного отношения к окружающим, которые обязательны в нашем социалистическом обществе.

В.Житомирский, Л.Шеврин «Математическая азбука» и «Геометрия для малышей», Л.Сикорук «Физика для малышей», Е.Левитан «Малышам о звездах и планетах» – это книги по развивающему обучению дошкольников. Они помогают получить элементарные представления о различных отраслях знания. Причем опять-таки без участия родителей, скажем, при чтении «Физики для малышей» не обойтись. После каждого раздела автор предлагает вопросы и задания типа: «Сделай игрушечный телефон – из нитки и спичечных коробок», «Если ребенку захочется построить воздушный шар, надо обязательно ему помочь это сделать» и т.д. Иногда сомневаются: не преждевременно ли объяснять ребенку такие понятия, как «звук», «свет», «угол», «планета», «звезда». Мы опираемся на исследования педагогов, психологов, физиологов, которые уверены, что развивающее обучение помогает раскрытию способностей малышей. Мы твердо надеемся, что названные выше книги сослужат добрую службу при подготовке детей к школе в условиях перехода на обучение с 6 лет.

И «Геометрия для малышей», – конечно же, не учебник, в ней нет систематического и полного изложения хотя бы начальных разделов геометрии. Цель другая: персонажи книги – Карандаш и его друзья (веселые человечки – Буратино, Незнайка, Самоделкин) в доступной и занимательной форме учат ориентироваться в простейших геометрических ситуациях и обнаруживать геометрические образы в окружающей обстановке. Книга написана увлекательно, с юмором: герои ее подтрунивают друг друга и, в конечном итоге, все у них получается отлично. Для занятий нужны цветные карандаши, бумага, линейка, ножницы, циркуль, угольник, пластилин.

И еще одна особенность книг по развивающему обучению – авторы стараются говорить со своими читателями живым, образным языком, они с уважением относятся к детям. Мы добиваемся того, чтобы эта литература была лишена назидательности, поучений, которые слушать ребенку и досадно, и скучно, ведь ему даже самому себе трудно признаться, что многого он не умеет, многое не получается. В «Математической азбуке», например, в текст введен изобразительный ряд – своего рода мультфильм –



М.В. Ревенко. Малышам о географических открытиях. Разворот. 1989.

«Как Осленок Ляпа сказки рассказывал». Осленок часто ошибается в самых простых математических ситуациях, и ребенок, читая книгу, поправляет его. Такой прием позволяет автору войти в доверие к юному читателю, а главное, помочь ему поверить в свои силы, ощутить уверенность в успехе многотрудного процесса познания.

Ребенок вступает в мир с неуемной жаждой познания. Не потерять этой драгоценной способности, а всемерно развивать ее с самого раннего возраста – такой нам видится сверхзадача этой серии.

В каждом ребенке живет художник. Еще не умея ни читать, ни писать, он смело берет в руки карандаш и начинает рисовать, постепенно открывая для себя новую игру, которая будоражит воображение, приносит пусть и неосознанную еще радость творчества. Сохраняют и развивают в малыше эти чувства две книги Вадима Курчевского (он хорошо известен как ведущий популярной телепередачи): «Быль-сказка о карандашах и красках» (1980) и «А что там за окном?» (1985). Художник рассказал о колорите, композиции, об иллюстрации в книге. Обучая наблюдательности, он тут же подсказывает, как запомнить увиденное – глазом, рукой. Как нарисовать, например, облака? Или

снег, подтаявший, весенний, полный влаги? Или парящую птицу, набегающие одну за другой морские волны?

Родителям же автор тактично советует, как правильно организовать занятия рисованием, как постепенно расширять ассоциативный и чувственный мир ребенка, подбирать для чтения другие книги, произведения изобразительного искусства, использовать передачи телевидения. В.Курчевский не только раскрывает методику знакомства детей с началами рисования и живописи, но и побуждает родителей серьезно отнестись к первым пробам кисти и карандаша.

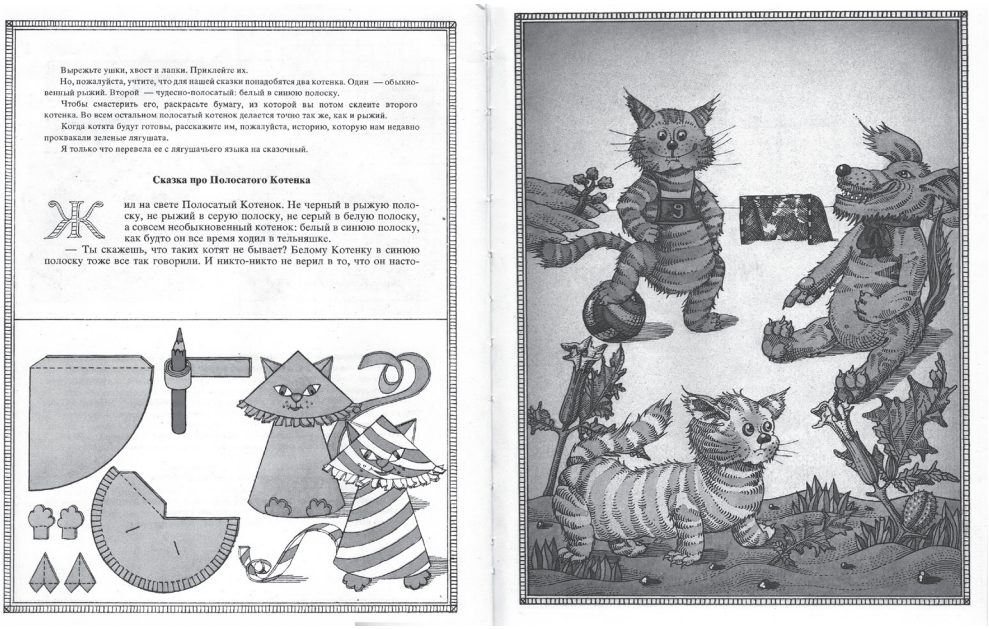
Музыка по мнению Д.Кабалевского, – «самое эмоциональное искусство», и закономерно, что мы выпустили книгу Аркадия Кленова «Там, где музыка живет» (1985) – рассказ о рождении музыки, о тех, кто ее создает, о музыкальных инструментах разных времен и народов, о значении музыки в человеческой жизни.

Издательство получает немало отзывов на книги этой серии, и благодаря им мы убеждаемся в верности избранного пути. «Каждая из этих книг приносит в наш дом долгий праздник, – пишет семья Поповых. – И какое-то новое совместное увлечение. С удовольствием мастерим подарки с помощью «Уроков занимательного труда»... Так, весь первый «А», где учится дочь, сделал к 8 Марта мамам птичек по рисункам книги. А какой «вселенский бум» начался у нас в доме с покупкой книги «Малышам о звездах и планетах»! Каждый вечер наблюдали звезды, луну, несколько раз ходили в планетарий...».

Попутно замечу, что книги серии (а существует она всего 7 лет) вызвали большой интерес зарубежных издателей. Не было ни одной Московской книжной выставки-ярмарки, где бы не заключались контракты на ее очередные выпуски (книги переведены или переводятся на венгерский, немецкий, польский, сербско-хорватский, чешский, словацкий, итальянский, греческий, японский и другие языки).

Научно-художественные произведения для детей не только содержат определенный объем знаний, предлагаемый в яркой, занимательной форме, но последовательно способствуют приобретению практических навыков и умений. С нашей точки зрения, это чрезвычайно важно для всей детской литературы и для издательства «Педагогика» в особенности.

Так, в энциклопедических словарях, которые издаются с 1979 года большими тиражами, мы попытались – не всегда, к сожалению, с достаточной полнотой – реализовать идею неразрывности книжных знаний и практической деятельности. Авторы словарей, – а это, как правило, крупные ученые, специалисты в той или иной отрасли знаний или сфере деятельности – пишут статьи на высоком научном уровне и ни на минуту не забывают о специфике юношеского возраста; пишут емко, ярко, образно. Вышли в свет энциклопедические словари юного спортсмена, астронома, техника, географа-краеведа, натуралиста, химика, земледельца, художника, филолога,



Вырежьте ушки, хвост и лапки. Приклейте их.

Но, пожалуйста, учтите, что для нашей сказки понадобятся два котенка. Один — обыкновенный рыжий. Второй — чудесно-полосатый: белый в синюю полоску.

Чтобы смастерить его, раскрасьте бумагу, из которой вы потом склеите второго котенка. Во всем остальном полосатый котенок делается точно так же, как и рыжий.

Когда котята будут готовы, расскажите им, пожалуйста, историю, которую нам недавно прокваками зеленые лягушата.

Я только что перевела ее с лягушачьего языка на сказочный.

Сказка про Полосатого Котенка

Жил на свете Полосатый Котенок. Не черный в рыжую полоску, не рыжий в серую полоску, не серый в белую полоску, а совсем необыкновенный котенок: белый в синюю полоску, как будто он все время ходил в тельняшке.

— Ты скажешь, что таких котят не бывает? Белому Котенку в синюю полоску тоже все так говорили. И никто-никто не верил в то, что он насто-

Л.П. Васильева-Гангнус. Уроки занимательного труда. Разворот. 1979.

физика, математика, музыканта, вскоре появится на прилавках магазинов словарь юного биолога.

Коротко о типологических особенностях этих изданий.

Прежде всего словари помогают учащимся среднего и главным образом старшего школьного возраста расширить информацию о различных отраслях знания и сферах деятельности человека; стимулируют познавательную активность и тем самым – хочу подчеркнуть это особо – являются ценными пособиями для факультативных курсов. Благодаря таким книгам у детей формируется одно из нужных качеств – умение быстро находить необходимую информацию.

Каждый словарь, во-первых заинтересовывает «своей» наукой, во-вторых, раскрывает связь теории с практикой.

Прикладная сторона в энциклопедических словарях воплощается в «малых формах» – практических советах о том, как научиться что-либо делать самому. Как наблюдать солнечное затмение и как сконструировать простейший телескоп, радиоприемник; как ориентироваться по луне и по компасу, что делать, если дерево пострадало от мороза, как провести опыт по физике и как тренироваться, закалять свой организм...

В «Энциклопедическом словаре юного натуралиста» помещены не только прекрасные цветные и черно-белые фотографии представителей флоры и фауны, но и рисунки, чертежи скворечников, садка для хомячков, камеры для наблюдения за птицами; столов, скамеек, навесов, которые ребята могут сделать сами. Можно получить совет, какое снаряжение взять с собой, отправляясь на природу, узнать о юннатских экспедициях, об учебно-опытном участке, школьных лесничествах и производственных бригадах; о том, как оборудовать уголок живой природы, построить парник, сделать ловушку для насекомых-вредителей.

В «Энциклопедическом словаре юного химика» к теоретическим статьям тоже подверстаны практические советы («Опыты с желатиной», «Медный листок с узором», «Как звучит... сухой лед», «Опыты с белком», «Как увидеть диффузию», «Химические часы» и т.д.). Читатели одобрили прикладную направленность словарей. Например, семиклассник из Вязьмы Виталий Лаврись пишет в редакцию: «Прочитал «Энциклопедический словарь юного химика» от вступления до последней страницы. Столько узнал, что даже не думал. Особенно в книге понравились опыты... Когда мы проходили кислород и оксиды, то про них я рассказал учительнице так, что она даже удивилась. Поставив мне «5», учительница спросила, откуда я это узнал... Почти по каждой теме пользовался вашим словарем как дополнительной литературой». Для издателей в этом письме, все существенно, но дороже всего то, что может быть подросток выберет свою профессию и благодаря словарю.

Такой же подход реализован и в словаре физика: здесь соседствуют статьи, посвященные категориям времени, пространства, материи, движения, массы, силы и материалы о целом ряде явлений, которым в школе уделяется мало внимания («броуновское движение», «Вавилова – Черенкова эффект», «сверхтекучесть», «токамак», «нейтрино», «жидкие кристаллы»). Включены в книгу и обзорные статьи об астрофизике, термодинамике, геофизике, биофизике, космологии, квантовой электродинамике. Словарь вводит школьников в круг сложнейших вопросов мировоззренческого плана, поставленных современной физикой, чему способствуют статьи «Вероятность в физике», «Единство сил природы», «Симметрия законов природы». Немало места уделено жизнеописаниям выдающихся ученых, чей пример замечателем тем, что показывает борьбу идей в ходе становления наук, диалектическое развитие теоретических знаний и практических умений.

Составители, авторы, рецензенты, члены редколлегии, редакторы, художники – все участники творческого коллектива, создающего эти книги, руководствовались и вдохновлялись одновременно единой целью: доходчиво, эмоционально, образно раскрыть перед юным читателем прекрасный мир науки, пробудить интерес к ней.

Девиз оформителей энциклопедических словарей: «Богатство воображения, яркая иллюстративность – не в ущерб научности, а в подмогу ей, для дополнения, раскрытия текстов». Именно эмоциональность – качество, умножающее педагогическое воздей-

Шахматы - школе. Под редакцией Б.С. Гершунского, Н.В. Крогиуса, В.С. Хелемендика. Разворот. 1990.

ствие детской и юношеской книги, стремятся усиливать авторы, художники, редакторы энциклопедических словарей.

Когда-то, в 1932 году, Надежда Константиновна Крупская, размышляя о детской литературе и детском чтении, ратовала за подготовку энциклопедий юного колхозника и юного натуралиста, «Детской политехнической энциклопедии» и «Словаря юного читателя газеты» – дети должны уметь сами отыскивать необходимые им знания, в учебниках не всегда найдешь то, что тебе в данную минуту надо, что особенно хочется узнать. Книги эти, по мнению Н.К.Крупской, должны быть «хорошо иллюстрированы, изданы в больших тиражах, так, чтобы они были в каждой библиотеке, могли стать настольным справочником учащихся».

Сегодня энциклопедические словари для юношества выпускаются полумиллионными тиражами, при этом «библиотечная серия» составляет 120–150 тысяч экземпляров.

Любовь к чтению во многом зависит от самой книги, от восприятия ее ребенком. Вспомним прекрасные слова Василия Александровича Сухомлинского: «Чтение как источник духовного обогащения не сводится к умению читать; этим умением оно только начинается. Ребенок может читать бегло, безошибочно, но книга – это часто бывает – не стала для него той тропинкой, которая ведет к вершине умственного, нравственного и эстетического развития. Уметь читать – это значит быть чутким к смыслу и красоте слова, к его тончайшим оттенкам. Только тот ученик читает, в сознании которого слово играет, трепещет, переливается красками и мелодиями окружающего мира. Чтение – это окошко, через которое дети видят и познают мир и самих себя».

Быть на высоте читательского интереса, поддерживать, развивать его – святой долг издателей.

В памяти поколения, чье детство и юность выпали на трудные военные и послевоенные годы, жив образ книги той поры. В мягкой, истрепанной обложке, без иллюстраций, текст с трудом разбираешь на серой бумаге, – но какой желанной она была, какой огромной силой притяжения обладала! Чтобы прочитать эту книгу, мы записывались в очередь в библиотеке, а о времени, когда она сможет стоять в нашем доме на полке, кажется, и не мечтали...

Сегодня же, с появлением и мощным развитием телевидения, многие издания – и в общественных библиотеках, и в личных собраниях – увы, не читаются, иной раз даже не просматриваются. Не надо проводить конкретных социологических исследований, чтобы из данной ситуации нам, издателям, сделать соответствующие выводы. Один из таких выводов: при выпуске литературы, особенно на важные темы общественно-политического звучания, все большее значение приобретает замысел (серии, книги), форма, сюжет, язык, стиль. Книги должны привлекать, увлекать читателя. Уверен – это задача номер один.

В этой связи хочу рассказать о серии «Ученые – школьнику». Вот ее, так сказать, издательский «паспорт»: тираж каждого издания – 200 тысяч экземпляров (причем тираж фиксированный), постоянный, так как заказы ВГО «Союзкнига» составляют в среднем 450 – 550 тысяч экземляров на одно название); объем – 5–6 издательских листов (один лист – иллюстрации); печать – офсетная, стоимость одного экз. – 30—35 копеек. Выходит с 1974 года, выпущено около 50 названий. Авторы серии – в большинстве своем крупные ученые (И.В.Петрянов-Соколов, он, кстати, является инициатором создания серии, Б.Е.Патон, Н.Н.Семенов, Ю.А.Овчинников, В.А.Кириллин, Н.Г.Басов и многие другие) – доверительно беседуют со школьниками, стараясь отобразить сложные, увлекательные, а порой и драматические пути научного открытия, рассказывают о превращении гипотез и загадок в точное знание. Такой подход разви-

вает пытливость юного читателя, его любознательность, пробуждает интерес к науке и технике, способствует профессиональной ориентации.

Замысел серии – из первых уст, как говорится, рассказать, о *новейших* достижениях науки и техники – хорошо раскрывает такой весьма любопытный с точки зрения издательской, факт. Мы только получили сигнальный экземпляр книги «На пути к сверхэлементам» (1978), (по предположению физиков, во Вселенной должны существовать и сверхтяжелые элементы). В издательство сразу же позвонил один из ее авторов, известный советский физик, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии Георгий Николаевич Флеров:

– У нас проходит симпозиум, собрались ученые со всех стран мира. Пришлите, пожалуйста, двести экземпляров нашей брошюры...

– Помилуйте, – я не смог скрыть своего изумления, – но ведь это же издание для школьников...

– А вы не удивляйтесь, – ответил академик. – Того, что написано в этой книге, нет пока ни в одной научной публикации...

О медицине, а точнее о кардиологии, ведет увлекательный и серьезный разговор со школьниками академик, генеральный директор Всесоюзного кардиологического центра Академии медицинских наук СССР Е.И.Чазов в книге «Сердце и XX век» (1985). Это – рассказ о науке, о современных средствах, инструментах и методах диагностики и лечения сердечно-сосудистых заболеваний, о специальной кардиологической службе, созданной в СССР. Но не только. Эта книга еще и о том, как ее автор пришел в медицину, о лучших представителях этой благородной профессии, как родилось и как борется движение «Врачи мира за предотвращение ядерной войны», какой вклад в это движение вносят советские ученые-медики. Маленькая по объему книжечка обладает большим познавательным и идейно-воспитательным потенциалом. Не удивительно, что за короткий срок она выдержала два издания (общий тираж – 400 тысяч экземпляров).

Издательство постоянно прилагает немалые усилия, чтобы планы серии пополнялись темами актуальными, острыми, чтобы книги помогали молодым глубже понять отечественную историю, современность, наши идеалы. Вот почему среди выпущенных книг есть: «ЦРУ – орудие психологической войны» и «Весна Победы» Н.Яковлева, «Бородино» О.Михайлова, «Куликовская битва» В.Буганова, «Испытание разума» И.Лаптева, «СЭВ: социалистическая интеграция в действии» Н.Иноземцева, Ю.Синякова, «Мода, престиж, личность» В.Мотяшова. Мировоззренческим проблемам, важным общественно-политическим событиям посвящены готовящиеся к печати издания: «Человек в эпоху НТР» В.Пошатаева, «Граница Родины» В.Иванова.

Книги серии «Ученые – школьнику» не залеживаются на полках магазинов и библиотек: ребята охотно используют их для подготовки докладов в школьных кружках и просто для чтения именно потому, что здесь научные концепции, идеи излагаются

простым, доступным языком, потому что эти книги учат думать, мечтать, помогают выбрать профессию, увлекают нравственным примером.

Серия «Ученые – школьнику» завоевала популярность и за рубежом: в 1980–1985 годах было подписано 25 контрактов на уступку прав зарубежным фирмам – Болгарии, Венгрии, Японии, Греции, Сирии, Мексики и других стран.

Таковы поиски коллектива «Педагогики» в издании детской литературы, той самой, которой все время не хватает.

О КОРОЛЯХ, АНЖЕЛИКЕ И ПЕДАГОГИКЕ[350]

Наш собеседник – директор издательства «Педагогика», доктор исторических наук, профессор В. Хелемендик

Виктор Сергеевич, вы являетесь членом Правления Советского детского фонда имени В.И.Ленина. Эта ответственная общественная работа дает масштабность видения проблем детства, которые волнуют общество. А знание проблем, очевидно, поможет вам как профессионалу, несколько десятилетий занимающемуся издательским делом, не так ли?

– Конечно. Небольшой опыт работы в Правлении Детского фонда показывает, что многие наши беды, бессилие при воспитании подрастающего поколения идут от невежества, низкой культуры – и общей, и педагогической – родителей и все тех, кто общается с детьми по долгу службы. Что же можем сделать мы, издатели, в защиту детства? Думаю, назрела необходимость разработать две программы по выпуску литературы. Одна программа – о семье, воспитании в семье, для повышения педагогической культуры родителей. Я имею в виду самые разные виды и жанры изданий – художественные, научно-популярные, словарно-энциклопедические. Другая программа – книги о жизни детских домов, интернатов, домов ребенка.

– В издательском портфеле, очевидно, уже есть наметки по обоим направлениям, наработан и опыт. Предлагаю продолжить беседу со второй программы.

– Начало этой проблематике положила страстная книга-исследование трудных судеб детей и подростков, книга-призыв к действию, изданная нами в 1983 году. Ее написал и удивительно точно назвал – «Драматическая педагогика» – Альберт Лиханов. С тех пор мы стремимся развить это направление.

Крупнейший детский дом в Литве известен за пределами республики. «Наш дом» – так называется книга С.А.Дзенушкайте о жизни детей, о деятельности педагогического коллектива Куршенайского детского дома по формированию личности гражданина, труженика, борца.

Георгий Павлович Сологуб, директор Очерской спецшколы Пермской области, Герой Социалистического Труда в книге «Пробуждение личности» делится с читателем своими раздумьями о путях перестройки человека в ту пору, когда он споткнулся на пороге зрелости. Может быть, читатели «Семьи» помнят (об этом писала газета «Правда»), что воспитанники Г.П.Сологуба одними из первых внесли свой взнос – 100 тысяч рублей! – в Советский детский фонд.

Готовится книга очерков, репортажей, статей под названием «Неспящая совесть» – о том, что мы делаем, точнее, чего мы не можем не делать для ребят из детских домов, и другие книги.

[350] Газета «Семья», 1988, № 7.

– В последнее время наблюдается взрыв читательского спроса на издания по педагогике, психологии и другие, адресованные родителям, детям, учителям, юношеству. Собственно, это и есть литература первой программы, о которой вы упомянули вначале. Что конкретно вы порекомендуете читателям?

– Прежде всего хочу обратить внимание на межиздательскую «Библиотеку для родителей», которую открыли книги нашего издательства. Уже вышли в свет «Диалоги о воспитании» под редакцией В.Н.Столетова и «Мудрость воспитания». При подготовке этих изданий мы опирались на простую мысль: воспитывать по книгам невозможно, поскольку каждый ребенок неповторимо индивидуален; воспитывать без книг неразумно: никто не в силах превзойти мудрость народов, мудрость тысячелетий; воспитывать с помощью книг, с опорой на книги – значит не повторять типичных и подчас опасных ошибок, значит экономить время и силы, значит расти и развиваться как воспитателю...

Этой же цели служат четыре тома «Мир детства» («Дошкольник», «Младший школьник», «Подросток», «Юность») – своеобразной энциклопедии для родителей, которые подготовил авторский коллектив во главе с академиком АПН СССР А.Г.Хрипковой...

– Простите, что перебиваю, но думаю, мое нетерпение извинительно: каким тиражом издается «Мир детства»? Подобный вопрос возникает у каждого читателя.

– 300 тысяч экземпляров, хотя заказ Книготорга – полтора миллиона... Почему так происходит – разговор особый. И мы к нему еще вернемся.

Кроме участия в межиздательской акции, мы выпускаем и свою серию книг под названием «Педагогика – родителям».

– У вас на столе я вижу яркие, с красочными иллюстрациями «Геометрию для малышей», «Физику для малышей». Это учебники?

– Нет, мы учебники не выпускаем. Но в общем ваша догадка верна – эти книги из серии по развивающему обучению дошкольников мы адресуем и детям, и родителям одновременно.

Все дети – почемучки. Вопросы сыплются, как из рога изобилия. Но не всегда родители могут дать ребенку правильный и понятный ответ. И в этом случае пригодятся небольшие по объему повести, сказки и рассказы.

– Виктор Сергеевич, ваш рассказ о книгах по развивающему обучению логично дополнить информацией о справочной литературе для детей...

– Логично-то логично, но малоутешительно. Прямо скажу: справочниками, энциклопедиями наши юные читатели не очень-то избалованы. Если для взрослых есть целый набор разнообразных энциклопедий – от горного дела до цирка и домашнего хозяйства, – то для школьников, как вы знаете, до недавнего времени существовала лишь «Детская энциклопедия». За последнее десятилетие положение несколько изменилось к лучшему: «Педагогика» издала серию энциклопедических словарей для юношества.

Долгое время, на мой взгляд, в изданиях для детей (не исключая и учебники!) очень мало обращали внимания на **прикладную** сторону сообщаемых знаний, давали главным образом информацию научного, теоретического характера. Такую тенденцию приходится преодолевать с большим трудом. И сегодня авторы наших словарей – специалисты в той или иной отрасли знаний или сфере деятельности – пишут статьи на высоком научном уровне и в то же время, помня о специфике юношеского возраста, – емко, ярко, образно.

– Какие еще издания для детей выпускает «Педагогика»?

– С 1974 года выходит в свет серия «Ученые – школьнику». Тираж каждого из 50 вышедших в свет названий – 200 тысяч экземпляров. Авторы, как правило, академики, крупные ученые страны (И.В.Петрянов-Соколов, Б.Е.Патон, Н.И.Семенов, Ф.Г.Углов и многие другие), доверительно беседуют со школьниками, стараясь отразить сложные, увлекательные, а порой и драматические пути научного открытия, рассказывают о превращении гипотез и загадок в точное знание.

– Сегодня имена педагогов-новаторов В.ФШаталова, И.П.Волкова, Е.Н.Ильина, С.Н.Лысенковой, Ш.А.Амонашвили благодаря телевидению известны не только учителям. Ваше издательство делает много для пропаганды опыта современных мастеров педагогики. Чем порадуете читателей в этом году?

– Во-первых, замечу: книги об идеях и опыте новаторов мы выпустили в 1979–1982 годах, когда о них не то что по телевидению, но даже в «Учительской газете» ни слова не говорилось. Каждая книга в те годы вызывала резкую критику в наш адрес со стороны консервативно настроенных работников системы народного образования. Отдельные издания, например набор книги М.П.Щетинина «Объять необъятное», нас заставили рассыпать. Но мы верили, что придут иные времена. Эта книга Щетинина издана в 1986 году. Несколько месяцев назд выпустили книгу «Педагогический поиск» – своеобразную антологию опыта педагогов-новаторов – и намереваемся повторять ее тиражи до полного удовлетворения читательского спроса.

– Ловлю на слове, вы обещали возвратиться к вопросу о тиражах...

– Это самый больной вопрос. О названных здесь сериях, книгах многие даже не знают. Мы иногда горько шутим: книги издательства «Педагогика» лучше знают за рубежом, чем дома. Например, права на перевод книги В.Житомирского и Л.Шеврина «Геометрия для малышей» приобрели издатели Италии, Греции, Венгрии, Чехословакии, Польши... Книгу Б.П.Никитина «Развивающие игры» выпустили в Японии... И вообще мы ежегодно уступаем права на перевод за рубежом каждой **третьей** издаваемой нами книги.

– И все же почему тиражи книг для наших детей и родителей мизерны?

– До недавних пор издательство «Педагогика» было, так сказать, «закрытой зоной» для популяризации. Все очень просто: телевидение отказывалось (да и сейчас не торопится) готовить передачи о книгах для родителей, энциклопедических словарях, о

«Почемучке» потому, что телезрители завалят их письмами – а где можно приобрести эти издания?

А может, в условиях перестройки нам нужно и телепередачи давать, и рецензии, и письма читателей печатать, то есть, употребить всю силу, мощь средств массовой информации для объективного, адекватного отражения общественного мнения? Думаю, что сегодня общество вправе наконец решить – не на словах, а на деле: книге о воспитании и обучении детей – приоритет номер один в книгоиздании страны.

Сейчас у нас миллионными тиражами издаются в обмен на макулатуру детективы, приключенческие романы. Одного Дрюона за последние несколько лет выпустили более 10 миллионов экземпляров. Конечно, на его романы из серии «Проклятые короли» есть спрос. Но давайте смотреть правде в глаза. Если наше общество пока еще не удовлетворяет и на 15 процентов свои потребности в наиболее необходимых книгах – а к ним, согласитесь, относятся те, что помогают растить детей, – то тратить бумагу, средства на «Проклятых королей» или «Анжелику...» – безумие.

Убежден, что энциклопедические словари для юношества надо выпускать тиражом в полтора-два миллиона экземпляров (сейчас мы издаем 450 тысяч), чтобы каждый ученик, увлекшийся, например, химией или физикой, каждый учитель-предметник смог приобрести словарь. Другими словами, необходимо приравнять энциклопедические словари для юношества – по обеспечению бумагой и полиграфической базой – к учебнику.

На днях мне позвонил народный учитель СССР, директор Сахновской средней школы Черкасской области Александр Антонович Захаренко и, стесняясь, попросил:

– Нельзя ли приобрести словарь юного математика? До нас он не дошел...

Было и больно, и обидно слышать.

Во всем мире уже давно – наряду с художественной – создана и развивается огромная, широко разветвленная по типам изданий и читательскому адресу научно-популярная, научно-художественная, справочно-энциклопедическая детская и юношеская литература. Мы же сузили понятие «детская литература» рамками «художественная» и вот пожинаем плоды.

– В этом году весь мир отмечает 100-летний юбилей Макаренко. Что «Педагогика» выпускает в связи с этой датой?

– Мы заранее готовились к 100-летию выдающегося педагога: в 1982–1986 годах издано 8-томное собрание Педагогических сочинений А.С.Макаренко. Непосредственно к юбилею выпустим «Книгу для родителей», которую, как известно, он написал с целью «возбуждения» и развития их педагогического и эстетического мышления.

Беседу вела **Г.МЫЛЬНИКОВА**

СПЛАВ ТРАДИЦИЙ И НОВАТОРСТВА[351]

Педагогическое книгоиздание призвано играть важную роль в демократизации и гуманизации народного образования, в развитии гласности при обсуждении насущных проблем школы и выявления ее «болевых точек», в повышении педагогической, да и общей, и политической культуры людей, без чего немыслимы обновление и перестройка общества.

Что дает педагогическая книга? Она воспитывает личность гражданина, труженика, созидателя, распространяет знания, развивает педагогическое мышление, вовлекает в поиск эффективных форм воспитания и обучения. Хорошая педагогическая книга пробуждает у детей и взрослых интерес к самому процессу познания, к науке, к различным сферам трудовой деятельности. И в этом смысле к данному виду литературы можно отнести научно- популярную и научно-художественную книгу.

Понятие «педагогическая литература» обычно употребляется как само собой разумеющееся. Но для научного анализа и для практического книгоиздания предпочтительнее все же определить его границы: педагогическая литература – это научная литература по вопросам педагогики, психологии, возрастной физиологии, дефектологии, по проблемам развития всех звеньев непрерывного образования; научно-популярные, художественно-ублицистические, методические и справочные книги для учителей и родителей; научно-популярная, научно-художественная и словарно-энциклопедическая литература для детей и юношества.

Состояние современного педагогического книгоиздания отражает кризисные явления в современных общественных науках в целом и в народном образовании в частности. В 1989 г. 20 специализированных издательств (и ряд издательств иного профиля) выпустили 1200 названий общим тиражом 64 млн. экземпляров, на 1990 г. запланировано около 1000 названий тиражом 58 млн. экземпляров. В целом это, конечно, очень мало и не может идти ни в какое сравнение с развитыми странами, где десятки тысяч названий книг об обучении и воспитании выпускают сотни издательств. Оценивая тематику, следует признать, что мало книг выходит по педагогике высшей школы, профессиональному образованию, семейному воспитанию, по народной педагогике, нет серьезных попыток издания трудов по философии и социологии воспитания. Не-

[351] Педагогические воззрения выдающихся отечественных деятелей образования и культуры. Т.4. – М.: РАО, 213. С. 501-515.
Впервые опубликовано в журнале «Советская педагогика», 1990, № 11. С. 3-14. Автор – директор издательства «Педагогика» (1977 – декабрь 1991 г.).

значительно количество справочников, словарей и энциклопедий для детей и юношества. И наконец, с точки зрения качества, общим недостатком педагогической литературы является все еще большой массив публикуемых книг и брошюр инструктивно-рецептурного характера, которые сковывают развитие инициативы и творчества учителя и воспитателя.

При подготовке и выпуске научных трудов издатели зависят прежде всего от ученых, НИИ и уровня их исследований, который, к сожалению, не слишком высок. Одна из самых главных задач – оперативно и своевременно найти наиболее ценные рукописи, издав их достаточным тиражом. За последнее время нам удалось подготовить к печати несколько интересных монографий: Филиппов Ф.Р. Школа и социальное развитие общества (о роли школы в перестройке и обновлении общества); Лисовский В.Г. О чем спорят старшеклассники; Журавлев В.И. Педагогика в системе наук о человеке; Унт И.Э. Индивидуализация и дифференциация обучения (профессор Тартуского университета предлагает оригинальную методику внутриклассной учебной работы); Как построить свое «Я» (коллектив авторов под руководством В.П.Зинченко).

Кризис педагогической науки, о котором сегодня много говорят, следствие того, что ученые мало обращались к развивающейся личности ребенка как к субъекту процесса обучения и воспитания. Очевидно, в современных условиях необходимо усилить поиск, если угодно, заказ научных работ по проблемам гуманизации образования, заключающейся не только в последовательной индивидуализации и дифференциации учебного процесса, но и у утверждении человечности в отношениях между воспитателем и воспитанником. Гуманизация образования – это и ориентация на общечеловеческие ценности: совесть, честь, порядочность, трудолюбие, долг, ответственность, сочувствие, милосердие.

Издатели обязаны чутко улавливать актуальные потребности в книгах той или иной тематики. Реализуя общегосударственную программу «Одаренные дети», мы выпустили монографию «Способности и склонности: Комплексная диагностика» под ред. Э.А.Голубевой; готовится книга коллектива авторов по ред. А.М.Матюшкина «Развитие творческой активности школьников». Нужны, на мой взгляд, научные работы по проблемам образования ивалидов, воспитания в неполной семье и другим проблемам.

В подлинно научной книге не должно быть ничего лишнего. Академик И.В.Петрянов-Соколов как-то заметил, что сводный отчет его лаборатории по долголетним исследованиям состоит из нескольких толстых томов, но они, эти тома, никому, кроме самих авторов, не нужны. И в самом деле, не выпускают ли издатели, причем не так уж и редко, вместо научной книги научный отчет? В условиях нехватки материальных ресурсов и полиграфических мощностей мы не можем издавать работы слабые, компилятивные, поверхностные или такие, которые адресованы крайне ограниченному кругу читателей.

Издательство от лица общества призвано выполнять функции госприемки (по крайней мере, до тех пор, пока не осуществлен переход к рыночной экономике), ибо

Академик-секретарь Отделения образования и культуры Российской академии образования В.П.Демин поздравляет автора с 75-летием. В центре – ректор ИПК работников ТВ и РВ К.К.Огнев. 2009.

корпоративность, ведомственные связи, приятельские рецензии по принципу «ты – мне, я – тебе», к великому нашему огорчению, еще процветают в научных кругах. Позиция объективного высококвалифицированного рецензента, собственное профессиональное мнение редактора, издателя – вот что сегодня может противостоять потоку слабых рукописей. А завтра в полную силу проявится еще один критерий – интерес читателя, точнее – покупателя-читателя: малотиражные, убыточные книги издательство не сможет выпускать.

Общественные науки в недавнем прошлом были послушными служанками определенных структур управления и тем самым дискредитировали себя. Такая их роль еще с 30-х гг. определялась довольно примитивной идеей о первенстве идеологии перед наукой. Предполагалось, что идеология автоматически дает правильные методологические принципы для решения частных научных проблем. Именно поэтому некоторые ученые, а то и целые институты только тем и занимались, что обосновывали принятые партийными или государственными органами решения. Сейчас мы это справедливо осуждаем.

Однако (удивительное дело!) в последнее время в публикациях ряда ученых отчет-

ливо видна тенденция, продиктованная «конъюнктурой наоборот»: они видят задачу в отрицании всего, даже несомненно прогрессивного, достигнутого за последние 70 лет. В сложившейся ситуации особенно дорог взвешенный, реалистичный, объективный подход, иначе наука перестанет быть наукой. И нам, издателям, сегодня нужен широкий взгляд, который позволит преодолеть известную монополию при решении вопроса о публикации: надо предоставлять возможность диалога различных, порой и противоположных точек зрения. Об этом свидетельствуют книги, вышедшие в 1989 г.[352]: «Новое педагогическое мышление» под ред. А.В.Петровского (авторы из ВНИКа «Школа»); «Слагаемые педагогической психологии» (В.П. Беспалько), публицистические произведения С.Л. Соловейчика «Воспитание по Иванову», Н.К. Логиновой «Обычная тайна», К.П. Скопиной «Перед именем твоим» и ряд других.

Мы рады, что читатели, особенно учителя, благодарят издательство за выпуск «Избранных педагогических трудов» Ю.К. Бабанского и Л.В. Занкова, «Избранных психологических трудов» Д.Б. Эльконина, за пополнение «Педагогической библиотеки» очередными томами – Л.Н. Толстого, М.В. Ломоносова, А.И. Герцена и Н.П. Огарева, В.Н. Сороки-Росинского, В.Я. Стоюнина. В 1990 г. завершено издание шеститомного собрания сочинений К.Д. Ушинского.

Сегодня как воздух нам необходимо бережное отношение к классическому наследию педагогики и психологии. Убежден, чем сильнее поветрие (а иногда и ветер, и буря) нигилизма в обществе, тем дороже то, что оставили предки - и далекие, и близкие по времени. В начале 80-х гг. была задумана «Антология педагогической мысли народов СССР». Уже вышло в свет 8 томов, где представлены Россия, Белоруссия, Узбекистан, Грузия, Украина, Киргизия, Азербайджан. По отзывам читателей, «Антология...» способствует обмену духовными ценностями между народами Союза, дает представление о богатстве и своеобразии их педагогического творчества, вводит в научный оборот и практику незаслуженно забытые педагогические идеи, драгоценные крупицы народной мудрости. Нам приятно, что в некоторых республиках, например на Украине, «Антологию педагогической мысли» планируют к переизданию в расширенном объеме.

Новая серия «Классики мировой психологии» открывается книгами американского философа и психолога Уильяма Джемса и русского ученого Н. Н. Ланге. Думаю, возвращение незаслуженно забытых имен и книг правомерно не только по отношению к писателям, но и к ученым. Эту работу издательство «Педагогика» ведет на протяжении последних 10 лет (имеется в виду, например, выпуск «Собрания сочинений» Л.С. Выготского в 6 т.). В 1989 г. издали заключенную в свое время в спецхран книгу

[352] В издательстве «Педагогика». Оно основано в 1945 г. как издательство Академии педагогических наук РСФСР. С 1969 г. – издательство АПН СССР и Госкомиздата СССР. В декабре 1991 г. решением Министерства по печати РФ (М.Н.Полторанин) и Министерства просвещения РФ (Э.Д.Днепров) было ликвидировано.

Н.К. Крупской «Воспитание молодежи в ленинском духе», имеющую ныне особую актуальность. Только что вышла в свет «Школа-коммуна Наркомпроса» – об опыте школьного самоуправления, организации учебной и воспитательной работы в 20-е гг.

В 1988 г. по решению ЮНЕСКО во всем мире отмечалось столетие со дня рождения А.С. Макаренко. Это событие усилило интерес к личности и творчеству выдающегося педагога. Его наследие изучает специальная лаборатория в Марбургском университете (ФРГ), его творчество исследуют ученые США и Голландии, Дании и Венгрии. Мы провели переговоры с канцлером Марбургского университета Берндом Гофманном и пришли к согласию совместными усилиями подготовить новое, наиболее полное собрание сочинений А. С. Макаренко. Тогда же родилась идея книги-диалога советских и зарубежных ученых под условным названием: «Макаренко: взгляд с Востока, взгляд с Запада». Очевиден драматизм и, пожалуй, трагизм этой личности: в сложных условиях А.С.Макаренко смог создать колонию им. М. Горького, затем коммуну им. Ф.Э. Дзержинского, где воплотились многие идеи демократизации и самоуправления, уважались достоинство и честь человека. Новое прочтение трудов классика советской педагогики просто необходимо, так как некоторые авторы в погоне за популярностью торопятся ниспровергать идолов, которым еще вчера так рьяно поклонялись.

Главный адресат педагогической литературы - это учитель, преподаватель, воспитатель всех звеньев народного образования. Выделим здесь два направления: 1) научно-популярные и методические книги, написанные, как правило, учеными. В «Библиотеке учителя и воспитателя» в 1990 г., например, вышли книги коллектива авторов «Всегда ли прав учитель», В.А. Кан-Калика и Н. Д. Никандрова «Педагогическое творчество учителя», Т.С. Комаровой «Изобразительная деятельность в детском саду: обучение и творчество» и др.; 2) книги о передовом педагогическом опыте, авторами которых являются сами его творцы, т.е. учителя-экспериментаторы. Выпуск этой литературы имеет принципиальное значение и для практики, и для науки, да и для нас, издателей.

В последнее время нередко, говоря о прошлом, все сплошь мажут дегтем, призывая ко всеобщему покаянию. А ведь и в те годы жизнь не стояла на месте, и тогда шла борьба старого и нового. В педагогике, как и в других общественных науках, негативные тенденции возникали не сами по себе. Были люди, которые прокладывали им путь своими неправедными делами, стремясь к легким и быстрым успехам, к славословию и парадности. И обеспечивали себе карьеру, провозглашая якобы возвышающий нас обман в виде лозунга «У нас все хорошо». И нам, издателям, не грех самокритично признать: выпускали ведь книги, не имевшие права на существование – фальшивые, наукообразные, бесполезные с теоретической и с практической точек зрения.

Но тогда же творили люди, имевшие мужество выдвигать новые идеи, бороться за их осуществление. В педагогике это прежде всего учителя- экспериментаторы, которые своей практикой, своей деятельностью вскрывали застойные явления в школе,

неутомимо искали способы ее обновления. Вступив в борьбу с косностью, с догмами и авторитарно-инструктивными установками, они стали носителями перестроечных идей, вызревавших в нашем обществе. Педагоги-новаторы оказались среди тех представителей интеллигенции, рабочего класса, крестьянства, которые осознали необходимость крутого перелома в жизни страны. Путь к читателю у них был тернистым и драматичным.

Издательство «Педагогика» – и об этом не следует умалчивать – изначально определило и твердо удерживало позицию поддержки учителей- экспериментаторов. Не лишне подчеркнуть: тогда их не разрешали печатать в газетах и журналах, не приглашали на телевидение. Они разрабатывали новые идеи развития творческой личности, утверждали отношения сотрудничества между учителем и учеником. Каждый новатор был уникален и самобытен, подкреплял теоретические положения собственным опытом, предлагал оригинальные методы обучения и воспитания, которые могут быть воспроизведены в других условиях. Именно это было решающим, когда в 1977 г. мы предприняли выпуск серии книг о передовом педагогическом опыте (позже название серии стало более точным: «Педагогический поиск: опыт, проблемы, находки»). Главная цель – пробуждать творческую энергию, развивать педагогическое мышление. Тогда мы сознательно выступали против «внедрения», как принято было говорить, опыта, а за создание условий для его восприятия, «перенятая» (В.Г. Костомаров).

Первая же книга В.Ф. Шаталова «Куда и как исчезли тройки?» произвела ошеломляющее впечатление, словно бомба, разорвавшаяся в тиши ночной. Издательство «Педагогика» выпустило ее за счет своего резерва; в противном случае она была бы отвергнута с порога, не пройдя утверждения директивными органами.

Справедливости ради необходимо подчеркнуть, что педагоги-новаторы действовали не в одиночку. Эксперимент В.Ф. Шаталова, например, поддержали президент АПН СССР В.Н. Столетов, М.Н. Скаткин, В.В. Давыдов, написавший предисловие к его первой книге. Добрым словом вспомним одного из наиболее верных и деятельных сторонников движения учителей-новаторов-вице-президента АПН СССР Юрия Константиновича Бабанского, который откликнулся подробнейшей «рабочей» рецензией на рукопись книги «Куда и как исчезли тройки» и рекомендовал ее (как, впрочем, и вторую книгу В.Ф. Шаталова «Педагогическая проза») к печати. Все без исключения рукописи педагогов-новаторов были внимательно прочитаны Ю.К. Бабанским, он участвовал в их подготовке и как рецензент, и как редактор, во многом способствовавший раскрытию творческих находок талантливых авторов.

«Современность такова, что она нуждается в массовом поиске умных, конкретных решений», – такими словами закончил В. Н. Столетов свое предисловие к книге М.П. Щетинина «Объять необъятное». Отрывок из рукописи вместе с предисловием был опубликован в мартовском номере «Нового мира» (1981 г.) со ссылкой на готовящееся издание. И тут же последовали репрессии: набор книги (она была уже

подписана в печать) приказали рассыпать. А президента, занявшего принципиальную позицию по отношению к творчеству педагога-практика, вскоре «демократическим» путем сместили.

Книга М.П.Щетинина «Объять необъятное» все-таки увидела свет, но... пять лет спустя.

Вызывает чувство удовлетворения, что каждое новое произведение серии «Педагогический поиск: опыт, проблемы, находки» (с 1979 по 1990 г. издано более 50 книг общим тиражом 3 млн. экземпляров, а в 1987 г. вышла в свет своеобразная антология педагогов-новаторов под названием «Педагогический поиск», и теперь по просьбе учителей мы ежегодно переиздаем эту книгу) встречалось учительством с благодарностью.

Книги педагогов-новаторов свидетельствуют о неразрывной связи, преемственности их творчества и практической деятельности с теоретическими наработками, наследием Н.К. Крупской, А.С. Макаренко, В.А. Сухомлинского и других советских педагогов.

Идут бесконечные дискуссии о том, что, так сказать, «первее» – воспитание или обучение? Да это же схоластика! А.С. Макаренко считал, что имеет дело не с «объектами воспитания или обучения», а с «живыми жизнями», организовать которые надо педагогически целесообразно. В.А. Сухомлинский видел перед собой прежде всего человека, а потом уже школьника. Педагоги-новаторы исповедуют ту же веру.

Методика обучения детей, например по В.Ф. Шаталову, основывается на **воспитательном** подходе: судить о ребенке следует не по знаниям, а по его отношению к труду, к людям, по его нравственным качествам. Стимулом учебного труда, считает В.Ф. Шаталов, должны стать не отметка, а другие побуждающие мотивы: вкус к решению задач, интерес к делу, сознание ответственности, долга, самоуважения. На **нравственное** становление юного работника и гражданина нацелена вся шаталовская стройная, логически выверенная, **справедливая** система ежедневного учета и оценивания труда учащегося. Он стремится избавить детей от унижающего их достоинство страха перед «двойкой», вселяет в них оптимизм, уничтожает питательную почву для зазнайства, зависти, нечестности.

Индивидуальное влияние на личность ребенка через работающий, созидающий, творящий коллектив как общий воспитательный принцип ор¬ганично и для творческого поиска других учителей-новаторов. Так, учитель труда и черчения из Подмосковья И.П. Волков, опираясь на опыт «универсальной свободной мастерской» коммуны им. Ф.Э. Дзержинского, выдвинул и практически осуществил чрезвычайно важную идею раннего выявления и развития склонностей и способностей учащихся. Для этого, считает он, надо предоставить возможность всем, начиная с I класса, попробовать свои силы в различных видах деятельности. В творческую комнату И.П. Волкова приходит любой ученик (независимо от возраста, успеваемости, времени года), включается в любое дело: конструирование моделей и макетов, занятия лепкой, резьбой, инкрустацией по дереву. Здесь нет никаких ограничений инициативы школьника - ни в

выборе темы, ни в способах и сроках ее исполнения, ни в объеме оказываемой помощи со стороны взрослых. О конечном продукте – самостоятельно задуманной и сделанной работе – свидетельствует запись в творческой книжке, которая выдается ученику после окончания школы и по которой можно составить представление о его склонностях, практических умениях, уровне развития способностей[353]

Каждый из авторов серии «Педагогический поиск...» – человек интенсивной творческой мысли и жизни, – разработал свою оригинальную методику, позволяющую существенно повысить эффективность и качество учебно-воспитательного процесса.

Так, Ш.А. Амонашвили научно обосновал и проверил на практике содержание и принципы работы с шестилетними детьми, младшими школьниками, способствующие становлению социально значимых мотивов учения, гуманизации процесса обучения (см.: В школу – с шести лет. М., 1986). Московская учительница, народный учитель СССР, С.Н. Лысенкова разработала действенную систему управления учением младших школьников, дарующую каждому ребенку радость успеха в учебном труде (см.: Когда легко учиться: Из опыта работы учителя начальных классов школы № 587 Москвы. М., 1981; второе издание вышло в 1985 г.). Ленинградский словесник Е.Н. Ильин нашел путь к ускорению духовного развития учеников, сделав преподавание словесности уроками познания жизни и себя, уроками нравственного прозрения, человековедения (см.: Искусство общения: Из опыта работы учителя литературы школы № 516 Ленинграда. М., 1982).

Идут годы, выпуск серии «Педагогический поиск: опыт, проблемы, находки» продолжается. В последнее время вышли в свет книги Б.С. Чубара «Письмо в будущее» (об опыте народного учителя СССР А.А. Захаренко), С.Г. Шумана «Родительские тревоги: Из опыта работы психологической службы», И.А. Дружинина «С открытым сердцем: Из опыта работы учительницы химии школы № 344 Ленинграда Л.В. Маховой», А.А. Католикова «Моя семья» (опыт сыктывкарской школы-интерната для детей-сирот).

Серия «Педагогический поиск...» получила признание читателей сразу, с самой первой книги, с 1979 г. Позже, с началом перестройки, авторы серии были поддержаны другими средствами массовой информации, в частности телевидением, издательством «Просвещение» и др. Ряд книг переиздан на языках союзных и автономных республик, а также за рубежом – в Болгарии, Венгрии, Китае, ФРГ и др. Выпуск работ талантливых педагогов- практиков представляется одним из главных результатов деятельности учебно-педагогических издательств страны.

Требует радикальных перемен и выпуск книг для родителей. А.С. Макаренко в свое время пришел в Наркомпрос и сказал: «Я написал «Книгу для родителей». Посмотрите». А ему в ответ: «Не хотим, потому что у нас нет отдела семейного воспитания...» С той поры минуло полвека, но и сегодня в нашем обществе за воспитание родителей никто не отвечает, и, естественно, системы такого воспитания у нас не существует, как нет фактически и книгоиздания для родителей.

---

[353] См. Волков И.П. Учим творчеству. – М.: 1982; второе издание – 1988 г.

Пожалуй, первую попытку (на 67-м году Советской власти!) сдвинуть дело с мертвой точки предприняло наше издательство, предложив организовать выпуск межиздательской серии «Библиотека для родителей». Госкомиздат СССР принял соответствующее решение (1984 г.), однако с тех пор вышло в свет всего лишь 13 названий. Половину из них выпустила «Педагогика». Читатели с одобрением отнеслись к таким книгам научно-художественного и справочно-энциклопедического характера, как «Мир детства» (под редакцией академика АПН СССР А.Г. Хрипковой), «Диалоги о воспитании», «Популярная психология для родителей», «От Я до Мы: Азбука семейной жизни», «Мудрость воспитания». Другие же издательства «заморозили» подготовку книг по семейному воспитанию, поскольку участие в «Библиотеке для родителей» им было навязано административным путем, сверху, для них такая литература непрофильна, т. е. она по-прежнему «ничейная». Конечно, могло быть и по-другому, если бы Госкомиздат СССР, утверждая план «Библиотеки для родителей», выделил специально (дополнительно) бумагу для ее выпуска.

Ныне ни количество, ни качество книг, адресованных родителям, удовлетворить не может (на 1990 г., например, запланировано всего лишь 59 названий тиражом около 4 млн. экземпляров). На издания цикла «Мир детства» заказы «Союзкниги» превышают 2 млн. экземпляров (на одно название), а «Педагогика» имеет возможность выпустить лишь 300 тыс. экземпляров, т.е. 15% от потребности.

Ко всеобщему дефициту мы, к сожалению, привыкли, но сегодня вновь во весь голос надо говорить о необходимости создания широко разветвленной (по возрастным категориям, интересам и увлечениям) научно-популярной, научно-художественной и словарно-энциклопедической литературы для детей и юношества. Сейчас в стране таких книг, познавательных и одновременно воспитывающих, издается крайне мало.

Тематически содержательный и жанровый вектор такого рода педагогической литературы просматривается в издательстве «Педагогика» за последние 10 лет. Назову серию научно-художественных книг по развивающему обучению и воспитанию дошкольников: «Математическую азбуку» В.Г. Житомирского и Л.Н. Шеврина, «Физику для малышей» Л.Л. Сикорука, «Уроки сказки» Л.П. Стрелковой, «Малышам о звездах и планетах» Е.П. Левитана, «Уроки занимательного труда» Л.П. Васильевой-Гангнус, «Учусь быть здоровым, или Как стать Неболейкой» И.И. Семеновой и др. Сверхза-дача серии – развить у ребенка любознательность, жажду познания окружающего мира, а также предоставить ему и родителям совместное занятие- игру, занятие-дело. Авторы этих книг (ученые, писатели, журналисты) исповедуют известный давно принцип (его основательно разрабатывал еще И.Г. Песталоцци): цель обучения – пробуждение творчества, активной деятельности ребенка с самого раннего возраста. Книги помогают увлечь детей игрой, учением и трудом одновременно.

Популярной среди старшеклассников является серия «Ученые-школьнику». Выпускается с 1974 г. Вышло в свет уже более 60 названий. Тираж одного названия – 200 тыс. экземпляров (причем тираж фиксированный, постоянный, так как заказы «Союзкниги» составляют в среднем 300-350 тыс. экземпляров на одно название); объем - 5-6 изд. листов (один лист – иллюстрации), печать – офсетная. Авторы, как правило, академики, крупные ученые (И.В. Петрянов- Соколов, Б.Е. Патон, Н.Н. Семенов, Г.Н. Флеров, А.А. Логунов, Ю.А. Овчинников, А.А. Самарский, Н.Г. Басов, В.Л. Гинзбург, А.Б. Мигдал, В.Г. Костомаров, Ф.Г. Углов и многие другие), доверительно беседуют со школьниками, стараясь раскрыть сложные, увлекательные, а порой и драматические пути научного открытия, рассказывают о превращении гипотез и загадок в точное знание, стремясь из первых уст дать сведения о новейших достижениях науки. Книги эти развивают у читателей-старшеклассников наблюдательность, пытливость, любознательность, пробуждают интерес к науке и технике, помогают выбрать профессию. Привлекательность серии особенно важна сейчас, когда мы выпускаем такие книги, как «Демократия и власть» В. Д. Попова, «Сто страниц о бизнесе» И. В. Волкова, «Как управлять экономикой» Г.Х. Попова. Нет необходимости говорить о том, насколько сложны проблемы, перечисленные здесь. Но раскрывать их необходимо прежде всего для молодежи.

Новая серия для старшеклассников «Познай себя: Психология - школьнику» открылась книгой А.В. Петровского «Что мы знаем и чего не знаем о себе?» (1988 г.). Основная цель этой серии - помочь подросткам, юношам и девушкам понять себя, найти свое место среди людей, оценить свои возможности, способности, волю, взаимоотношения со взрослыми, сверстниками... Вышли в свет книги Е.В. Клюева «Между двух стульев», А.К. Дусавицкого «Формула интереса», А.В. Толстых «Искусство понимать искусство». Данная серия – прямой отклик издательства на востребованный обществом интерес к книге о воспитании личности социально активной, сознательной, с коллективистской направленностью.

Наши юные читатели, увы, не избалованы разнообразием справочников и энциклопедий. До недавнего времени существовала лишь «Детская энциклопедия», а за последнее десятилетие мы выпустили 15 энциклопедических словарей для юношества (юного техника, спортсмена, земледельца, художника, музыканта, астронома, химика, географа-краеведа, натуралиста, филолога, физика, математика, биолога, литературоведа, зрителя).

Словари полюбились огромной читательской аудитории школьников. Наверное, не лишним будет привести здесь и мнение Д. С. Лихачева: «Энциклопедический словарь юного филолога – исключительно важное издание: интересное, воспитывающее культуру языка, необходимую любой специальности, – издание, сделанное с любовью, выдумкой, отличающееся продуманным техническим оформлением и просто красивое... Никто, взявший в руки эту книгу, не догадается на первых порах, что перед

нами, по существу первое в мире подобное издание, – сложнейший эксперимент, не только издательский, но и научный и педагогический».[354]

То обстоятельство, что словари, энциклопедии для детей и молодежи выпускает лишь одно издательство - подтверждение и нашей бедности, и отсталости не только в полиграфии, но и в собственно издательском, творчески-созидательном процессе. Несколько лет назад Госкомиздат СССР выдвинул идею передать для тиражирования словарей «Педагогики» другим издательствам. К примеру, «Энциклопедический словарь юного музыканта» пусть выпустит издательство «Музыка». Мы воспротивились: это ведь, помимо нарушения издательского права, есть экстенсивный путь, необходимо создавать самые разные словари, справочники, энциклопедии, и не в одном, а во многих издательствах. Что же касается «Педагогики», то мы не раз вносили предложения руководству отрасли, суть которых состояла в обеспечении программы выпуска требуемыми тиражами энциклопедических изданий, рассчитанных на различные возрастные категории: «Почемучка» – первая в нашей стране энциклопедия для дошкольников; «Что такое. Кто такой» – энциклопедический трехтомник для младших школьников; энциклопедические словари для старшеклассников.

И наконец, еще одна зияющая брешь и в издательских планах, и на прилавках книжных магазинов. В прежние годы, в дни проведения Московских книжных выставок-ярмарок, директора издательств радовались, уступив права на издание за рубежом 60-70 названий книг, а приобретя – на 6-7. И считали: все нормально. А ведь сразу даже и объяснить трудно, почему 5 издательств из Токио и Киото за последние 10 лет выпустили в переводе на японский язык 25 книг нашего издательства, а мы за это же время ни одной? И только на 1991 г. запланировали первую: «Как организовать коллектив», авторы-члены Всеяпонского общества изучения проблем формирования детского коллектива в дошкольном учреждении.

Прогресс и в науке существенно затруднен, если мы оторваны от мировых достижений, в том числе и в области педагогики, психологии, физиологии, дефектологии. Пора избавиться от старых представлений, будто у нас все самое лучшее,- надо искать лучшее и в книгах, научных трудах, издаваемых другими странами. На ближайшие годы издательство наметило ряд книг для перевода: «Суд над системой образования: стратегия на будущее» (США); Ингекамп К. «Педагогическая диагностика» (ФРГ); Бютнер К. «Жить с агрессивными детьми» (ФРГ); Хепфер К. «СПИД: медико-биологические и социальные аспекты одной болезни» (ФРГ) и др.

Нет ни одной категории читателей – от дошкольника до вузовского профессора, – потребности которых в педагогической книге были бы удовлетворены. Учитель физически лишен доступа к богатствам отечественной и зарубежной педагогической мысли, к наследию классиков педагогики и психологии, к творчеству учителей-новаторов, к шедеврам культуры, литературы и искусства. Учащиеся не могут пользоваться

[354] Лихачев Д.С. Язык мой – друг мой // Известия. 1984, 18 декабря.

энциклопедическими словарями, научно-популярными и научно-художественными книгами - их выпускается крайне мало.

Первая (март 1990 г.) Всесоюзная конференция издателей педагогической литературы[355] разработала обширную программу и обратилась с призывом признать ее государственной, т. е. обеспечить ее реализацию бумагой и полиграфией. Ключевым для построения научной концепции развития отечественного книгоиздания является, на мой взгляд, понятие «читательские потребности» (именно читательские, а не покупательские). В условиях всеобщего дефицита, в том числе и бумажно-полиграфического, обществу необходимо определить приоритеты. Имеется в виду очередность и степень удовлетворения читательских потребностей массовых социально- демографических слоев населения в различных печатных изданиях: газетах, журналах, книгах. Разве оправдано, например, введение безлимитной подписки на периодику, когда заказы «Союзкниги» на детскую, педагогическую, медицинскую литературу удовлетворяются лишь на 20%?

В печати, на телевидении утверждается – и в этом направлении обрабатывается общественное мнение – нельзя возвратиться к лимитам на подписку периодических изданий. Пестрят лозунги типа: «Народ сам выбирает, что ему читать...», «Бумага – хлеб гласности...» и т. п. С этим нельзя не согласиться, если исповедовать только односторонний подход. А объективно, на мой взгляд, необходимо понять, что между фундаментальными категориями «Бумага - хлеб культуры» и «Бумага - хлеб гласности» должно существовать отношение соподчиненности. Народу надо сказать честно: стопроцентно удовлетворить спрос на журналы, газеты, книги сегодня государство не в состоянии. Нужен опрос населения, по результатам которого были бы определены приоритеты: учебник, книга для детей, энциклопедия, справочник или подписка на газету или журнал.

Есть резервы и в самой системе Госкомпечати СССР. Уже ряд лет разрабатывается концепция советского книгоиздания на период до 2005 г. Мне приходилось участвовать в ее обсуждении на многих этапах и высказывать свое убеждение в том, что учебно-педагогическая литература и книги для детей и молодежи должны занимать приоритетное положение при всех наших трудностях (давно устаревшая полиграфия, 42-е место в мире по производству бумаги на душу населения). И эта идея была заложена в концепцию. В очередном (хотелось бы, окончательном) варианте она сохраняется, хотя и в несколько усеченном виде: государственная политика книгоиздания в период перехода к рыночным отношениям в условиях ограниченности материально-технических ресурсов связана с определением системы приоритетов. Ныне это прежде всего учебная, детская (в особенности познавательная) и справочно-энциклопедическая литература. При этом следует исходить из принципа государственного протекционизма (льготы, дотации, ассигнования из компенсационных фондов, целевое финансирование государственных программ, безлимитные подписные издания и т.п.).

---

[355] Эта конференция (первая и единственная!) была проведена по инициативе издательства «Педагогика». С основным докладом выступил его директор.

Все это верно и прекрасно, но вопрос состоит в том, когда же начнется реализация данной программы. Пока со всей определенностью можно утверждать: на протяжении последних 5-6 лет Госкомиздат (Госкомпечать) принимает решения, создающие **видимость** заботы о читателях: учителях, родителях, детях. Примеров множество: это и приказ о межиздательских сериях «Библиотека учителя», «Библиотека для родителей», и так называемая программа выпуска детской литературы. Почему я это утверждаю? Да потому, что для реализации этих программ «Просвещению», «Детской литературе», «Педагогике» не было выделено ни одного грамма бумаги. Понятно, что в результате этих мер больше книг для учителей, родителей и детей не стало выходить – просто сузился ассортимент, уменьшились тиражи других, не менее нужных читателям книг.

А между тем в условиях острейшей нехватки бумаги Госкомиздат СССР создает новые издательства – издательства так называемого быстрого реагирования для выпуска модных романов огромными тиражами, что гарантирует получение сверхприбылей.

А между тем в 1990 г. по приказу Госкомпечати СССР объявлена подписка на тридцатитомную библиотеку «Советский детектив» (тираж каждого тома – полмиллиона экземпляров). Что это значит? А вот что: для одной только серии детективов выделяется в 3 раза больше бумаги, чем для годового выпуска книг издательства «Педагогика»!

И такие решения принимаются в условиях, когда спрос на детскую литературу удовлетворяется лишь на 20%, а на художественную литературу для взрослых - на 45%. Справедливо ли это? Может быть, пора сделать наоборот? Не пришло ли время покончить с фальшью, лицемерием общества, десятилетиями клявшегося в любви к детям, «самому привилегированному классу», и перейти к иной, социально справедливой и, главное, реальной, формуле: все необходимое – детям?

Именно к такому главному выводу пришли участники Всесоюзной конференции издателей педагогической литературы. Посредством государственного регулирования (налоговая политика, материально-техническое снабжение) в соответствии с научно обоснованными пропорциями между видами литературы с учетом тематики, жанров, читательского адреса Госкомпечать СССР может и должна целесообразно перераспределять материальные ресурсы. Это архиважно и в связи с коммерциализацией книжного рынка и все растущей перекачкой бумаги из государственных фондов в руки новых общественных организаций, кооперативов, отдельных лиц. Кстати, государственное регулирование такого рода осуществляется в самых различных формах во всех странах мира – независимо от общественно- политического строя.

Принята общесоюзная программа «Педагогическая литература» (1990 гг. – 1991 гг.), направленная на обеспечение перестройки народного образования и воспитания подрастающего поколения. Желательно ее опубликовать в периодической печати для широкого обсуждения. Ведь до недавних пор книги издательств «Детская литература», «Молодая гвардия», «Педагогика» и др. были «закрытой зоной» для популяризации. Наши коллеги, журналисты ТВ, отвечали просто: покажем ваши энциклопедические

словари, «Почемучку», и нас письмами завалят: где приобрести? А может, в условиях перестройки необходимы и телепередачи, и рецензии, и письма читателей, заявляющих об огромной нужде в педагогической книге? Сила, мощь средств массовой информации вправе быть использованными для объективного, адекватного отражения общественного мнения по этой жизненно важной для каждой советской семьи проблеме, для формирования его в нужном направлении.

Если общество не придет к выводу, что образование - это важнейший фактор экономического, научно-технического и политического прогресса, мы не сможем осуществить его оздоровление. Пока же общество, ставящее перед собой большие задачи, декларирующее идеи гуманного социализма, не делает достаточных инвестиций в духовное развитие молодежи. А не вкладывая средств в образование, в развитие культуры, книжного дела, мы лишаем себя будущего, обрекаем на нищету, на безуспешные попытки стать вровень с ушедшими вперед по пути прогресса странами и народами.

ЧАСТЬ IV.
ИСТОРИЯ

ПЕРВЫЙ ВЫСШИЙ ОРДЕН РОССИИ[356]

По возвращении из многомесячного заграничного путешествия – своего рода открытия Европы – в 1698 г. (по мнению некоторых историков – 30 ноября) Петр I учредил орден Святого апостола Андрея Первозванного[357]. А первое дошедшее до нас письменное свидетельство об ордене принадлежит секретарю Австрийско-Цесарского посольства в Москве Корбу. В дневнике, изданном в 1700 г. в Вене на латинском языке, он сообщает: «1699 г., марта 20, по новому стилю, а по старому же 10 марта его Царское Величество учредил Кавалерский Святаго Апостола Андрея орден..., чтобы им украшались те, которые, счастливо начальствуя над армиею, храбростью своею снискали себе славу в войне с Турками. Первым кавалером этого Ордена был пожалован боярин Головин, который в тот же день вечером показывал орден Господину Цесарскому Посланнику и рассказал ему содержание этого статуса»[358].

Награды за подвиги и верную службу в России существовали издавна, и об одном из древнейших знаков отличия упоминает летописец: князь Владимир так обрадовался успешному отражению набега половцев, что возложил на самого храброго воина гривну – золотой обруч, который носили на шее. С XV века за доблестную ратную службу стали награждать золотыми, золочеными и чеканными монетами, которые не входили в денежное обращение. Например, в «Разрядной книге времен Ивана Грозного» есть запись о том, что за победу во втором Ливонском походе (1557 г.) государь пожаловал «Богдану (Бельскому) золотой португалской (почти 40 г золота!) да цепь золоту, а Деменши Черемисову золотой угорский, а дворянам государевым по золотой наугородке, а иным по московке золотой, а иным по золоченой...». Нередки были пожалования оружием, шубами и кафтанами, драгоценными ковшами, кубками. В XVII веке на этих предметах появляются надписи о том, кто и за что их получил. Иногда награждения «золотыми» – символами будущих орденов и медалей – имели массовый характер. Например, в связи с воссоединением в 1654 г. Украины с Россией в войска Богдана Хмельницкого было послано более 70 тысяч подобных знаков отличия.

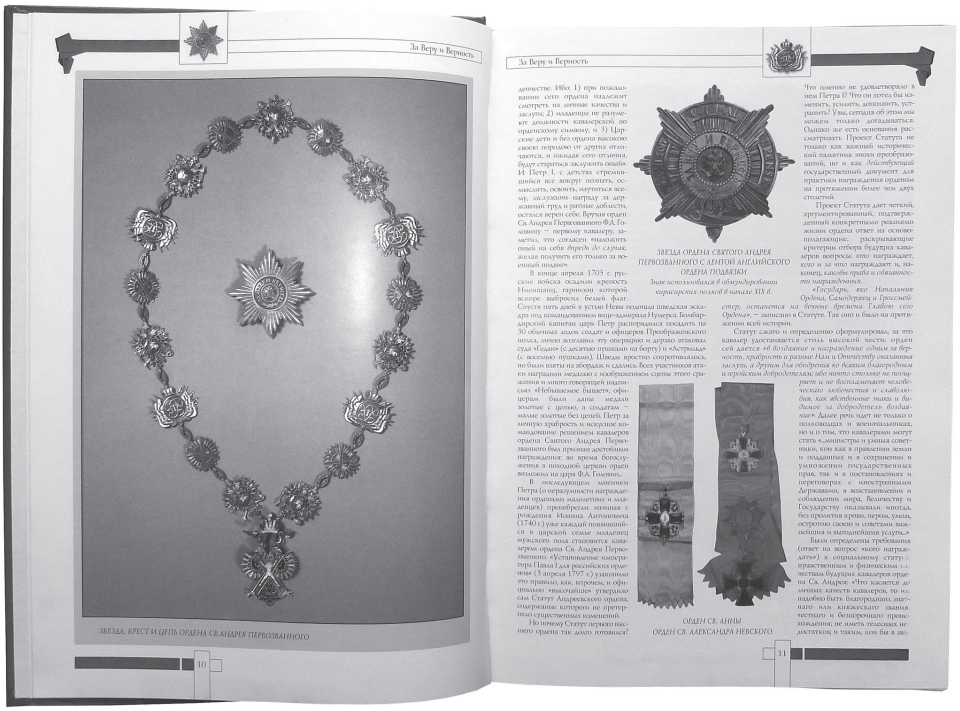
Таким образом, введение первого государственного высшего ордена опиралось не

---

[356] Статья опубликована в книге «За Веру и Верность». 300 лет ордена Святого апостола Андрея Первозванного». – М.: изд-во «Андреевский флаг». 2000. С. 9-12.

[357] Полное собрание законов, 1797 г., № 17908 (без указания месяца, числа и документов, принятых в основание для такого определения).

[358] Бантыш-Каменский Д.Н. Историческое собрание списков кавалерам четырех Российских императорских орденов. – М.: 1814. С. VIII.



Звезда, крест и цепь ордена Св. Андрея Первозванного

только на зарубежные, но и на отечественные традиции в наградном деле. Хотя главные идеи награды: девиз – «За Веру и Верность» – за веру в Бога и верность Государю, символ – Святой апостол Андрей Первозванный как покровитель России, принесший Учение Божие на наши земли, определились сразу, составление Статуса ордена Св. Андрея затянулось на многие годы. Четыре раза (1720, 1729, 1730 и 1744 гг.) подготавливался его Проект. Есть сведения о том, что в разработке первого варианта деятельное участие принимал сам Петр I, именно он указал на неразумность награждения орденом младенцев царской семьи, что нашло обоснование в Проекте: «Царевичам и принцам крови не должно давать сего ордена, пока они еще в колыбели (как то в некоторых землях делается) или во младенчестве. Ибо: 1) при пожаловании сего ордена надлежит смотреть на личные качества и заслуги; 2) младенцы не разумеют должности кавалерской по орденскому смыслу; и 3) Царские дети и без ордена высокою своею породою от других отличаются, и ожидая сего отличия, будут стараться заслужить оный». И Петр I, с детства стремившийся все вокруг познать, осмыслить, освоить, научиться всему, *заслужить* награду за державный труд и ратные доблести, остался верен себе.

Вручая орден Св. Андрея Первозванного Ф.А.Головину – Первому кавалеру, заметил, что согласен «наложить оный на себя *впредь до случая*, желая получить его только за военный подвиг».

В конце апреля 1703 г. русские войска осадили крепость Ниеншанц, гарнизон которой вскоре выбросил флаг. Спустя пять дней к устью Невы подошла шведская эскадра под командованием вице-адмирала Нумерса. Бомбардирский капитан царь Петр распорядился посадить на 30 обычных лодок солдат и офицеров Преображенского полка, лично возглавил эту операцию и дерзко атаковал суда «Гедан» (с десятью пушками на борту) и «Астрильд» (с восемью пушками). Шведы яростно сопротивлялись, но были взяты на абордаж и сдались. Всех участников атаки наградили медалью с изображением сцены этого сражения и много говорящей надписью: «Небываемое бывает», офицерам были даны медали золотые с цепью, а солдатам – малые золотые без цепей. Петр за личную храбрость и искусное командование решением кавалеров ордена Святого Андрея Первозванного был признан достойным награждения: во время богослужения в походной церкви орден возложил на царя Ф.А.Головин...

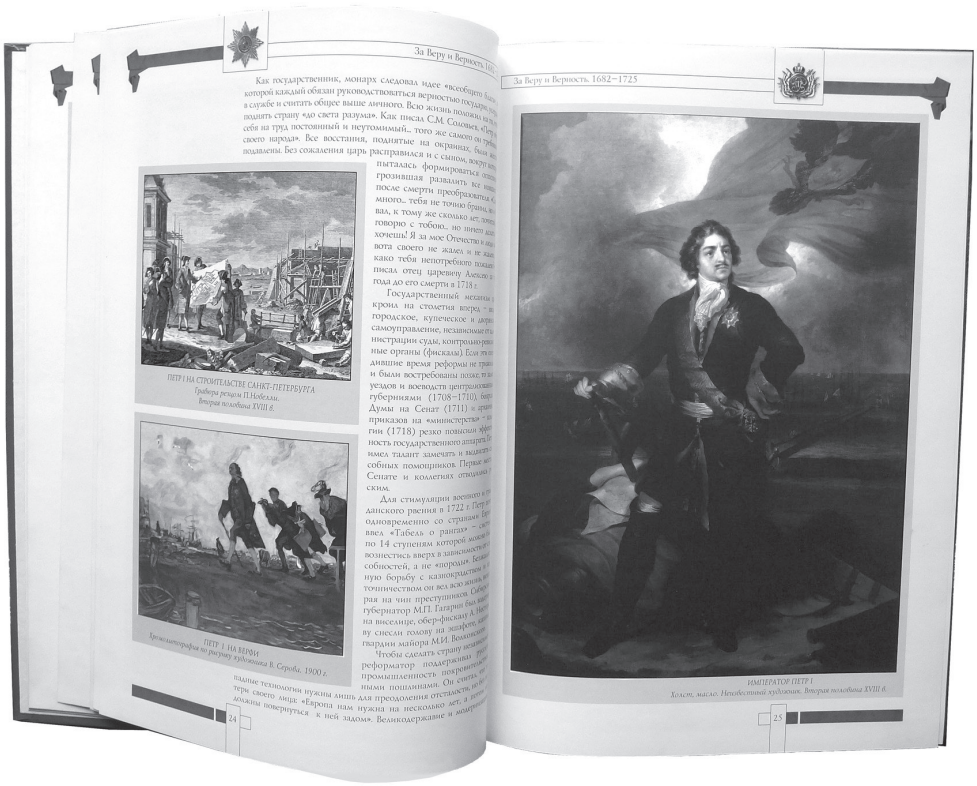
В последующем мнением Петра (о неразумности награждения орденами малолетних и младенцев) пренебрегли: начиная с рождения Иоанна Антоновича (1740 г.) уже каждый появившийся в царской семье младенец мужского пола становится кавалером ордена Св. Андрея Первозванного. «Установление императора Павла I для российских орденов» (5 апреля 1797 г.) узаконило это правило, как, впрочем, и официально «высочайше» утвердило сам Статус Андреевского ордена, содержание которого не претерпело существенных изменений.

Но почему Статус первого высшего ордена так долго готовился? Что именно не удовлетворяло в нем Петра I? Что он хотел бы изменить, усилить, дополнить, устранить? Увы, сегодня об этом мы можем только догадываться. Однако же есть основания рассматривать Проект Статуса не только как важный исторический памятник эпохи преобразований, но и как *действующий* государственный документ для практики награждения орденом на протяжении более чем двух столетий.

Проект Статуса дает четкий, аргументированный, подтвержденный впоследствии конкретными реалиями жизни ордена ответ на основополагающие, раскрывающие критерии отбора будущих кавалеров вопросы: *кто* награждает, *кого* и *за что* награждают и, наконец, *каковы права и обязанности награжденных.*

«*Государь, яко Начальник Ордена, Самодержец и Гроссмейстер, останется на вечные времена Главою сего Ордена*», – записано в Статусе. Так оно и было на протяжении всей истории.

Статус сжато и определенно сформулировал, за что кавалер удостаивается столь высокой чести: орден сей дается «*в воздаяние и награждение одним за верность, храбрость и разные Нам и Отечеству оказанныя заслуги, а другим для одобрения ко всяким благородным и геройским добродетелям, ибо ничто столько не поощряет и не воспламе-*



Альбом «За Веру и Верность». Разворот: слева вверху Петр I на строительстве Санкт-Петербурга; внизу Петр I на верфи; справа – император Петр I. Неизвестный художник. Вторая половина XVIII в.

няет человеческаго любочестия и славолюбия, как явственные знаки и видимое за добродетель воздаяние». Далее речь идет не только о полководцах и военачальниках, но и о том, что кавалерами могут стать «... министры и умныя советники, кои как в правлении земли и подданных и в сохранении и умножении государственных прав, так и в постановлениях и переговорах с иностранными Державами, в восстановлении и соблюдении мира, Величеству и Государству оказывали иногда, без пролития крови, пером, умом, остротою своею и советами важнейшия и выгоднейшия услуги...».

Были определены требования (ответ на вопрос «кого награждать») к социальному статусу, нравственным и физическим качествам будущих кавалеров ордена Св. Андрея: «Что касается до личных качеств кавалеров, то или надобно быть благороднаго, знатнаго или княжескаго звания, честнаго и безпорочнаго происхождения; не иметь теле-

сных недостатков; и таким, кои бы в звании Сенаторов, Министров, Послов и прочих высоких достоинств, или в чине Адмиралов, Генералов, в армии морской и сухопутной, или как Губернаторы в Наших государствах и странах несколько лет, а по меньшей мере десять, оказали полезныя и верныя услуги»[359]. В специальной главе подробно изложен круг государственных и нравственных обязанностей кавалеров: «способствовать к распространению Христианской Веры», «отвращая всякое зло, способствовать добру», «беспорочно, трезво и порядочно жить, увещевая и просвещая других»; «благосостоянию Отечества своего как сыны и члены онаго, что повелевает долг каждому искреннему патриоту и предписывает совесть по Божеским и естественным законам, споспешествовать по возможности»; кавалеры «должны почитать обязанностию иметь попечение о благе ближняго своего: помогать бедным, отставным, вдовам и сиротам, и прочим, невинно утесненным, защищая их всячески»; «наклонять к миру и согласию, вражду истреблять»; «бедным благотворить и делать добро; в торжественныя и кавалерския дни давать бедным, нищим и убогим достаточную милостыню, предпочитая однако тех, кои за Отечество ранены и на войне изувечены...».

Статус дает описание обрядов при избрании в кавалеры, а также орденских знаков, одеяния, печати, герба и прочих украшений и того, как их носить.

Знаки ордена Св. Андрея Первозванного состояли из золотого креста, широкой (10–12 см) голубой муаровой ленты, восьмиконечной серебряной звезды.

Лицевая сторона главного орденского знака представляет собой косой синий эмалевый *крест* с изображением распятого Святого апостола Андрея Первозванного, наложенный на двуглавого черного орла под тремя красными коронами. На концах креста золотые буквы S, A, P, R («Santus Andreas Patronus Russiae») – «Святой Андрей покровитель России»). На оборотной стороне знака, на груди орла, по белому полю нанесена черной эмалью надпись «За Веру и Верность». Крест подвешен на голубой эмалевой ленте к императорской короне.

Серебряная восьмиконечная *звезда* имеет в центре на золотом фоне двуглавого орла под тремя коронами – изображение Андреевского креста. В окружности на синем фоне дан девиз ордена, а внизу – две зеленые эмалевые лавровые веточки. Почти полтора века орденские звезды делались шитыми из металлических блестков и нитей, а с 1854 г. были установлены металлические кованые звезды.

Орденский крест носили на ленте через правое плечо, а звезду – на левой стороне груди. В особо т о р ж е с т в е н н ы х случаях крест носили на золотой *цепи*, которая состояла из чередующихся звеньев трех видов: двуглавого орла (Российского государственного герба), Андреевского креста, между концами которого помещены буквы S,

[364] «Установление Павла I...» конкретизировало эти условия: кавалеры ордена Св. Андрея Первозванного считаются в третьем классе государственных чинов (генерал-лейтенант, вице-адмирал, генерал-прокурор и соответствующие этому классу духовные, гражданские и придворные чины).

Звезда ордена Св. Андрея Первозданного

A, P, R на фоне красного круга, разделенного золотыми полосками в виде сияния, и картуша, обрамленного военной арматурой, увенчанного короной с вензелем Петра I в центре (императрица Анна Иоанновна заменила этот вензель своим, Елизавета Петровна вернула вензель отца).

Практически все знаки русских орденов делались из золота. Петр I для их изготовления установил золото 84-й пробы; после 1831 г. на них шло золото 72-й пробы. Крест и звезда могли украшаться бриллиантами, со второй половины XIX в. бриллиантовые знаки олицетворяли собой высшую степень ордена.

По указу Николая I с 1855 г. к знакам, жалуемым за военные подвиги, присоединялись два скрещенных золотых меча, помещаемых сверху креста под короной и через середину орденской звезды. С 28 марта 1861 г. мечи на вновь пожалованных бриллиантовых знаках ордена помещались не через центр звезды, а в верхней ее части, с 3 декабря 1870 г. – только на бриллиантовых знаках ордена.

Ежегодный орденский праздник был установлен Павлом I и отмечался 30 ноября в соборе Андрея Первозванного на Васильевском острове в Петербурге. Кавалеры облачались в специальные одежды.

Как отмечалось выше, «Установление императора Павла I...» подтвердило основные положения Проекта Статуса и стало единым положением об орденах. Новым было то, что «жалуемый орденом Св. Апостола Андрея Первозванного, хотя бы прежде не имел других Российских орденов, сим единым пожалованием должен быть почитаем равномерно кавалерам четырех младших Российских орденов: Св. Александра Невского, Белаго Орла, Св. Анны первой степени и Св. Станислава первой степени, кои знаки и препровождаются к нему вместе со знаками ордена Св. Апостола Андрея Первозванного».

ВЕРНОСТЬ ГОСУДАРЮ – ВЕРНОСТЬ ОТЕЧЕСТВУ

Интерес к истории России, если судить по количеству посвященных этой тематике книг, – огромен. Мы пытаемся, порой мучительно, разобраться в том, почему в восемнадцатом – двадцатом веках на протяжении многих десятилетий Россия была великой державой. Может быть, потому, что управляли ею подлинно государственные мужи, искренне преданные Отечеству, люди талантливые, отдавшие *служению* ему все свои силы, ум и энергию?

Рассказать о крупных исторических деятелях – кавалерах ордена Св. Андрея Первозванного, – внесших большой вклад в укрепление государственности, расширение границ государства, развитие экономики и культуры, что в целом и определяло могущество Империи, – именно эта идея явилась главной для авторского коллектива данной книги-альбома. И понятно почему: ведь давно доказано, в том числе и известными книжными сериями-долгожителями (например, серия «Жизнь замечательных людей»), что лучше всего история постигается через познание, осмысление жизни и деятельности конкретной личности.

Всего Андреевских кавалеров (с 1699 по 1916 г.) было свыше тысячи человек (примерно половина из них – зарубежные). Мы уже знаем, что Император, как «начальник ордена», награждал *единолично,* причем бывали случаи, когда это происходило в душевном порыве, экспромтом. Например, после обсуждения в Государственном совете результатов многолетней уникальной работы по составлению «Свода законов Российской империи» Николай I, сняв с себя Андреевскую ленту, возложил ее на М.М.Сперанского.

Внимательный читатель заметит, что отличие орденом Св. Андрея Первозванного в правление того или иного императора определялось *масштабом его личности*, его талантами и способностями, характером, темпераментом, образованием, но и степенью влияния на него ближайшего окружения и, наконец, личными дружескими и иными пристрастиями.

При этом нельзя не признать, что своего рода камертоном – высоким образцом для будущих правителей России – послужила практика награждения высшим орденом самим его учредителем. Вспомним суждения крупнейших русских историков о личности великого реформатора: «Петр был великий хозяин на троне, всего лучше понимавший экономические интересы, всего более чуткий к источникам государственного богатства» (В.О.Ключевский). Ведь и Северная война, длившаяся более двух десятилетий, во многом была предопределена потребностью преодоления экономической отсталости страны. Успешное ведение войны, выход в Европу, геополитические приобретения стимулировали проведение реформ и, в свою очередь, реформирование России – в самом широком понимании – обеспечило победу над Швецией.

«Петр обрек себя на труд постоянный и неутомимый: того же самого он требовал от

своего народа», – утверждал С.М.Соловьев. Всесторонне одаренный, наделенный безграничным трудолюбием, Петр I не только вникал во все тонкости государственной, экономической, военной, дипломатической деятельности, но и сам непосредственно участвовал в этой работе вместе со своими соратниками. Ему легко было оценить все их достоинства и заслуги – не сверху и не со стороны, а *изнутри*. Главным при этом было служение Родине: перед Полтавской битвой он призывал воинов сражаться «не за Петра, но за государство, Богом Петру врученное, за Отечество!».

Неудивительно, что за 27 лет со дня учреждения ордена Св. Андрея Первозванного Петр I жаловал им скупо: всего 38 кавалеров (13 из них – зарубежные). Имена награжденных красноречиво свидетельствуют: как бы пунктиром – на перспективу – намечены критерии высокого отличия. Здесь полководцы и военачальники – Б.П.Шереметев, М.М.Голицын, А.И.Репнин, Ф.М.Апраксин; государственные деятели – Ф.А. Головин, А.Д.Меншиков, Г.И.Головкин; дипломаты – Б.И.Куракин, П.А.Толстой. И в то же время царь был строг и справедлив. Его любимец, взятый из простонародья и ставший вторым лицом в государстве, Александр Данилович Меншиков много сделал для страны, однако щедро наделен был еще одним, увы, широко распространенным тогда в России «талантом» – склонностью к взяточничеству и казнокрадству. Почти пятнадцать лет велось следствие, и Меншиков вынужден был возвратить в казну почти половину наворованных денег (свыше 600 тысяч рублей), а Петр сказал своей супруге – покровительнице князя: «Если, Катенька, он не исправится, то быть ему без головы...»[360]

В 30-е – 50-е XVIII в. – время так называемых дворцовых переворотов – произошла в определенном смысле девальвация высшего ордена (его получили около 100 человек). Правление Анны Иоанновны было «несчастливо для России» (С.М.Соловьев), причем награжденные ею Андреевские кавалеры – почти сплошь иностранцы, только каждый пятый – русский. Самым доверенным человеком у нее был немец барон Иоганн Эрнест Бирон, фактически управлявший страною. Возвышение иностранцев оскорбляло русских. Анна Иоанновна это понимала и для восстановления падающих сил духа окунулась в то, что ей было всего милее по натуре – роскошь, празднества, балы, шуты и шутихи. А иноземцы между тем вершили свои черные дела: засилие в руководстве Россией немцев сопровождалось расхищением казны, русских земель, природных богатств. Многие русские вельможи, сподвижники Петра I, были или казнены, или сосланы, дворяне и крестьяне страдали от строгого взыскивания недоимок во время неурожая, война с Турцией взяла много народу и денег, но закончилась без

[360] Неизвестно, чем завершилась бы эта история, не будь кончины императора. В самом деле Петр I был справедлив. Когда один из первых кавалеров ордена Андрея Первозванного малороссийский гетман Иван Мазепа во время Северной войны, перешел на сторону шведов, оказался предателем, то незамедлительно был лишен всех чинов и знаков ордена. Некоторые источники утверждают, что было изготовлено чучело с табличкой «Мазепа-Иуда», которое возили по городам и весям – так тогда предавали гласности имена предателей из высших сфер власти.

Альбом «За Веру и Верность». Разворот. Слева – Эпизод Гангутского сражения. Художник К.Кругливихин. 1885 г.; справа – Бой при Гренгаме 27 июля 1720 г. Художник Ф.Перро. 1841 г.

пользы для страны. Царствование Анны Иоанновны оставило по себе печальную память – «бироновщину».

Наследница отцовских традиций, Елизавета Петровна возвращается и к его политике, внешней и внутренней. Императрица умела окружать себя способными русскими людьми: здесь были и немногие оставшиеся от петровского времени старики, хранившие предания великого императора, и новое поколение, воспитанное на этих преданиях. Вполне логично, что воспитанник и любимец царя (Петр I даже невесту для него выбрал!) генерал Александр Иванович Румянцев, отличившийся ратными подвигами и подписанием выгодного для России мира после русско-шведской войны, стал одним из первых награжденных орденом Св. Андрея при Елизавете Петровне. Умест-

но упомянуть, что тем самым было положено начало единственной непрерывной в трех поколениях династии Андреевских кавалеров: вторым был генерал-фельдмаршал Петр Александрович Румянцев-Задунайский, третьим – Николай Петрович Румянцев – дипломат, министр, основатель Публичной библиотеки, названной его именем.

Елизавета Петровна, будучи человеком осторожным, принимала решения после тщательного обдумывания мнений приближенных, полагаясь на умных и компетентных советников. Таковыми были А.П.Бестужев-Рюмин, П.И.Шувалов, И.И.Неплюев. Одна из важных государственных реформ, осуществленных в этот период конференц-министром, государственным межевщиком Петром Ивановичем Шуваловым, – отмена внутренних пошлин (при пересечении границы губернии взымалось 19 налогов), в результате чего свободно вздохнула торговля, а потери от ликвидации этих налогов с лихвой восполнены увеличением пошлин на ввозимые из-за рубежа товары. Губернатор Оренбургского края Иван Иванович Неплюев за полтора десятка лет своего управления добился многого: основаны Оренбург, десятки крепостей и слобод, расширилась добыча руд, соли, других полезных ископаемых, построено около 30 медеплавильных и железоделательных заводов. Оба они награждены орденом Св. Андрея – и это показательно! – за достижения в развитии экономики страны.

Урожденная принцесса София-Фредерика-Августа Ангальт-Цербстская по воле Всевышнего и неуемному собственному стремлению стала правительницей России, – искренне преданной ее интересам и верящей в гений, способности народа. Вот ее знаменательное признание: «Русский народ есть особенный народ в целом свете, который отличается догадкою, умом, силою». Блестящая, возвысившая Россию до уровня великих держав Европы эпоха Екатерины II отмечена и тем, что семья Андреевских кавалеров пополнилась созвездием славных имен: А.В.Суворов и Г.А.Потемкин; В.М. Долгоруков-Крымский и Н.В.Репнин, И.И.Бецкой и А.А.Безбородко.

Екатерина II подбирала себе надежных помощников, причем делала это невзирая на происхождение, а исключительно уповая на способности. Выходец из небогатой малороссийской семьи – затем светлейший князь Александр Андреевич Безбородко на протяжении почти двух десятилетий был ближайшим советником императрицы, без его участия не решался ни один важный вопрос. «О продолжении вашей болезни много сожалею, – писала ему в одной из записочек государыня. – Тысячу и одну вещь имею с тобою переговорить ежедневно». Из бедных происходил и Григорий Александрович Потемкин. С его именем связаны блистательные военные победы: возглавив армию и флот в русско-турецкой войне (1787–1791 гг.), он выказал талант крупного полководца. Во многом благодаря именно ему Россия твердо встала на берегах Черного моря, а Таврия заселена и хозяйственно освоена: основаны города (Херсон, Екатеринослав, Николаев, Севастополь), построены фабрики и заводы, проложены новые дороги. И только люди, открыто враждебно относившиеся к своей стране, могли говорить (и продолжают говорить сегодня!) о «потемкинских деревнях».

Альбом «За Веру и Верность». Разворот. Императрица Екатерина II. Художник Ф.Рокотов. 1763 г. Справа – Чтение Императрицей Екатериной II Символа Православной веры при коронации в Успенском соборе Московского Кремля. 1763 г.

В правление Екатерины II ордена Св. Андрея Первозванного впервые удостоен представитель науки и просвещения. Им стал Главный попечитель Императорского Воспитательного дома Иван Иванович Бецкой – видный педагог XVIII в. Написанные им уставы и регламенты учебных заведений пронизаны гуманными идеями: автор отдавал предпочтение общему образованию перед специальным, выше учебных задач ставил нравственное и трудовое воспитание. В течение 30 лет Бецкой был президентом Академии художеств, под его наблюдением создавался памятник Петру Великому – признанный шедевр и символ Петербурга.

Кстати, в последующем из мира науки кавалерами Андреевского ордена стали только мореплаватель и географ, президент Петербургской Академии наук Федор Петрович Литке и всемирно известный ученый Петр Петрович Семенов-Тян-Шанский.

Первая четверть XIX в. вошла в нашу историю как эпоха Отечественной войны, когда на карту было поставлено самоё существование государства. Что бросается в глаза при оценке прошлого России: стоит ей окрепнуть, достигнуть могущества – сразу же находится охотник подавить ее рост, посягнуть на ее свободу и независимость. Так было в столетии девятнадцатом, так было и есть в двадцатом[361]. Однако в видимых войнах народ наш как один вставал на защиту Родины и побеждал.

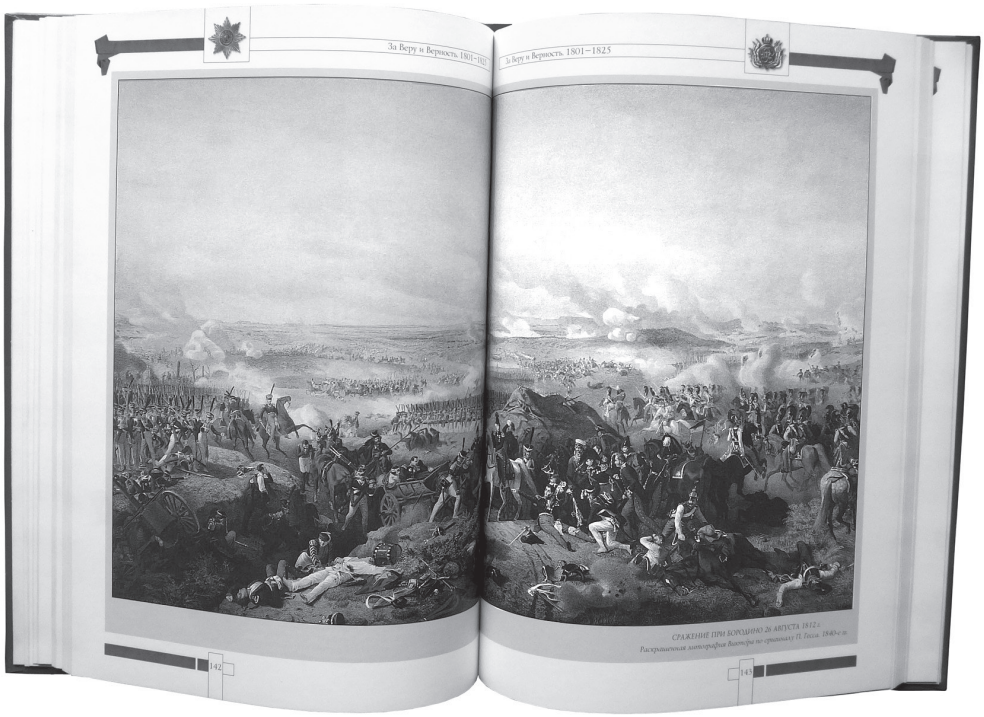
В первые дни нашествия Наполеона Александр I издал Манифест (6 июля 1812 года), в котором призывал ко всенародному сопротивлению: «Да встретит неприятель в каждом дворянине Пожарского, в каждом духовном Палицына, в каждом гражданине Минина. Соединитесь все: со крестом в сердце и с оружием в руках, и никакие силы человеческие нас не одолеют». Император проявил мудрость, решив не стеснять своим присутствием командование армией, а затем назначив 67-летнего М.И.Кутузова главнокомандующим всеми действующими войсками. В дальнейшем, несмотря на потерю Москвы, император показал твердость и решимость бороться с агрессором до победного конца.

В сражениях Отечественной войны отличились многие военачальники, ставшие Андреевскими кавалерами. Каждый внес свою доблестную лепту в сокрушение грозного врага: и мудрый М.И.Кутузов; и стратегически прозорливый М.Б.Барклай де Толли (продуманный им план кампании в конце концов и был реализован); и бесстрашный князь, любимец солдат П.И.Багратион, получивший на Бородинском поле смертельную рану; и атаман Донского казачьего войска М.И.Платов, с присущими ему удалью и хитростью всю войну терзавший французов; и мужественные генералы М.А.Милорадович, П.Г.Виттенштейн, А.П.Тормасов.

В длившееся тридцать лет правление Николая I Россия, потрясенная восстанием декабристов, охваченная предчувствием назревающих реформ, продолжала развивать экономику, укреплять свои геополитические позиции. Николай I, человек волевой, прагматически мыслящий, действовал прямо и открыто. 14 декабря 1825 г., при растерянности генералитета, сам командовал войсками. Он старался вникать в дела огромной империи, требуя подробных сведений обо всем случившемся, был необычайно работоспособен, никогда не забывал, что и когда кому приказывал. При нем принят ряд важных мер к поощрению промышленности и торговли, положено начало телеграфному сообщению и строительству железных дорог, проведена денежная реформа.

Вполне закономерно, что среди кавалеров Андреевского ордена появились министр финансов Е.Ф.Канкрин, главнокомандующий путями сообщений П.А.Клейнмихель. Сегодня для нас совсем не безразлично, к примеру, за что получил высокое отличие безупречно служивший государству на протяжении двадцати с лишним лет Егор Францевич Канкрин. Он проводил национально ориентированную таможенную политику, стимулирующую развитие производственных сил страны, установил

[361] Теперь уже и в двадцать первом веке.



Альбом «За Веру и Верность». Сражение при Бородино 26 августа 1812 г. Раскрашенная литография Виктора по оригиналу П.Гесса. 1840-е гг.

фиксированный курс ассигнаций, добился бездефицитности бюджетов, не прибегая к зарубежным займам. Последовательные финансовые меры, поддерживающие фабрично-заводское производство, позволили значительно увеличить выплавку чугуна и стали на казенных заводах, добычу золота на приисках.

Орденом Св. Андрея Первозванного был награжден боевой генерал Отечественной войны, талантливый администратор Алексей Петрович Ермолов, который сыграл важную роль в усилении России на Кавказе; присоединил Северный Дагестан, основал крепость Грозную; как главноуправляющий гражданской частью края он способствовал развитию его экономики и культуры – при нем была реконструирована Военно-Грузинская дорога, построены меднолитейный и пороховые заводы, устроены

курорты в районе Кавказских минеральных вод, открыты учебные заведения.

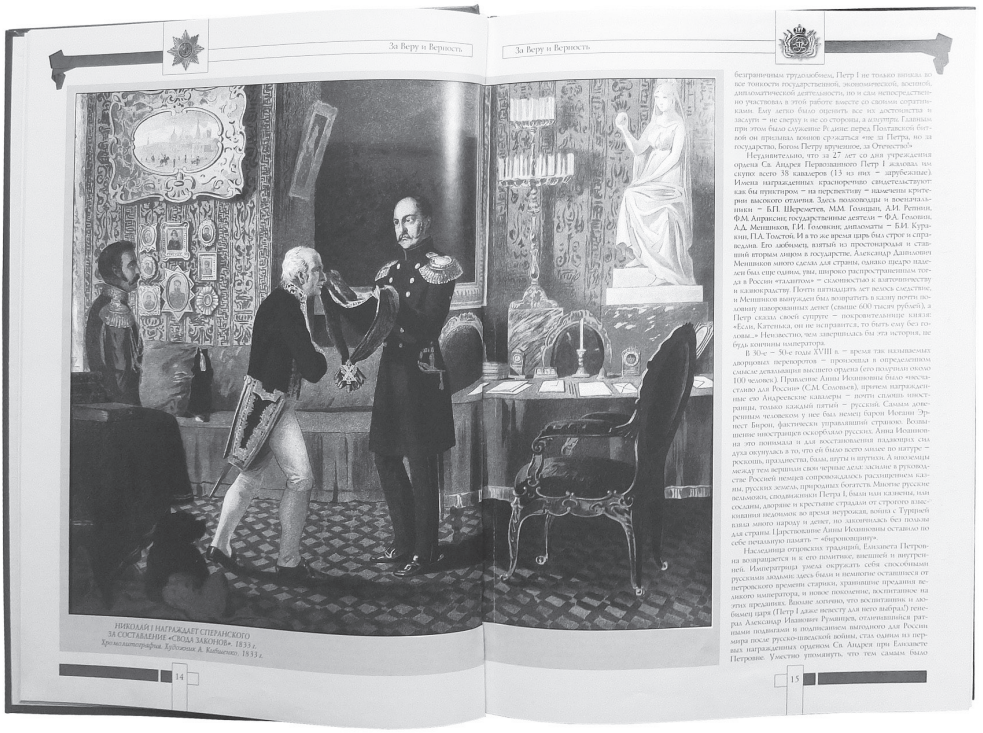
Александр II вошел в историю как правитель, отважившийся на великие реформы. Как известно, на собрании представителей московского дворянства 30 марта 1856 г. он заявил, что «что лучше отменить крепостное право сверху, чем ждать, когда оно будет отменено снизу».

Справедливости ради надо признать, что подготовка реформы велась еще при Николае I, когда было учреждено Министерство государственных имуществ во главе с Павлом Дмитриевичем Киселевым, которое своими действиями существенно улучшило положение «казенных крестьян». Накопленный опыт административного устройства в государственной деревне оказался как нельзя кстати в пятилетие всесторонней, интенсивной и тщательной проработки основных документов реформы, и 19 февраля 1861 г. Александр II подписал Манифест и «Положения», возвещавшие об отмене крепостного права. Вслед за этим последовали реформы, затронувшие почти все стороны жизни российского общества: местное самоуправление, финансы, военное дело, просвещение реформы, последствиями которых явились быстрые темпы развития промышленности, транспорта, торговли, заметные успехи в сельском хозяйстве, освоение ранее не обжитых территорий. Возникли новые отрасли промышленности – нефтедобывающая, химическая, машиностроение; протяженность железных дорог возросла с 1,5 до 22,5 тысячи верст.

Ближайшие соратники крупнейшего реформатора XIX в. стали Андреевскими кавалерами: председатель Государственного совета и управляющий Морским ведомством Великий князь Константин Николаевич (Романов); председатель Комитета министров Петр Алексеевич Валуев; военный министр, член Государственного совета Дмитрий Алексеевич Милютин.

Успешной была и внешняя политика Александра II: после длительной войны завершилось присоединение к России Северного Кавказа и Средней Азии, возвращены утраченные в конце XVIIв. Приамурье и Приморье. В результате русско-турецкой войны (1877–1878 гг.) от многовекового османского ига освобождена Болгария, получили независимость Сербия и Черногория. Герои этой войны – генерал-фельдмаршал И.В.Гурко и инженер-генерал Э.И.Тотлебен удостоены ордена Св. Андрея.

Правление Александра III началось в драматический момент нашей истории, который был окрашен кровью «царя-освободителя». В этой ситуации император остался верен консервативным взглядам, не принимая курса на европеизацию России. При Александре III решающую роль «в верхах» стали играть министр внутренних дел Д.А.Толстой и обер-прокурор Святейшего Синода К.П.Победоносцев (в свое время учитель права наследника престола), который стал духовным наставником государя, укрепляя в нем веру в незыблемость самодержавия. Ратуя за российскую самобытность, Константин Петрович яростно выступал против бездумного заимствования западного парламентаризма и западной демократии; он был также одним из идеологов развития



Альбом «За Веру и Верность». Николай I награждает М.М.Сперанского за составление «Свода законов». 1833 г. Хромо-литография. Художник А.Кившенко. 1833 г.

национальной промышленности. При Александре III значительно возросла роль государства в регулировании экономики; ужесточен контроль за биржевыми операциями и деятельностью частных банков, развернулся выкуп частных железных дорог в казну; для защиты отечественных предпринимателей от иностранной конкуренции введен протекционистский таможенный тариф. В эти годы завершилась промышленная революция в России: к концу царствования Александра III по экономическим показателям она занимала пятое место в мире – после США, Англии, Франции и Германии.

Трагический период в нашей истории выпал на долю последнего российского императора Николая II. Но и в эти годы были люди, честно, добросовестно трудившиеся во благо России и награжденные орденом Св. Андрея Первозванного.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Автор приносит сердечную благодарность
Жанне Павловне Барановой,
Сергею Бориэльевичу Головко,
Сергею Дмитриевичу Мизерову,
Константину Кирилловичу Огневу,
Александру Максимовичу Цыганенко,
Александру Викентьевичу Черняку
за помощь в подготовке к печати и выпуске данной книги.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА

I. Книги, альбомы, брошюры, календари

Бурям навстречу (на укр. языке). Сборник научно-художественных очерков (в соавторстве). – Киев, Детгиз, 1961, 3,68 л.

Щедрые душой (на укр. языке). Сборник документально-художественных очерков (в соавторстве). – Киев, изд-во «Молодь», 1961, 6,4 л.

По законам будущего (на укр. языке). Сборник документально-художественных очерков. – Киев, изд-во «Молодь», 1963, 3,6 л.

Анатоль Костенко. Леся Украинка. Перевод с украинского В.Хелемендика. – М., «Молодая гвардия», 1971, 20,6 л. Серия «ЖЗЛ».

Союз пера, микрофона и телекамеры (Опыт системного исследования). Монография. – М., «Мысль», 1977, 11,86 л.

Всеволод Вишневский. Научно-художественная биография. – М., «Молодая гвардия», 1980, 25,1 л. Серия «ЖЗЛ».

Всеволод Вишневский. Второе издание. – М., «Молодая гвардия», 1983, 25,2 л. Серия «ЖЗЛ».

Система средств массовой информации и пропаганды: координация их деятельности. Методические рекомендации. – М., Академия общественных наук, 1985, 1,5 л.

Кооперирование средств массовой информации и пропаганды. Методические рекомендации. – М., Академия общественных наук, 1985, 1,5 л.

Высоты человеческого духа. Вступительная статья. // «Вставай, страна огромная!» (Сост., автор вступ. статьи и примеч. В.С.Хелемендик). – М.: «Советская Россия», 1985. (Биб-ка рус. худож. публицистики).

Перестраивать человека. Вступительная статья. // Макаренко о воспитании. Сост., авт. вступ. статьи и примеч. В.С.Хелемендик. – М.: Политиздат. 1988, 17,5 л.

Перестраивать человека. Вступительная статья. // Макаренко о воспитании. Сост., авт. вступ. статьи и примеч. В.С.Хелемендик. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., Политиздат. 1990, 23,11 л.

За Веру и Верность. 300 лет ордена Святого апостола Андрея Первозванного. Науч-

но-художественное издание. Книга-альбом. Автор идеи, разработчик структуры альбома, научный редактор, автор вступительных статей В.С.Хелемендик. – М., изд-во «Андреевский флаг», 2000, 36,0 л.

За Веру и Верность. 300 лет ордена Андрея Первозванного. Календарь, научно-художественное издание. Автор идеи, текста, составитель, научный редактор В.С.Хелемендик. – М., «Андреевский флаг», 1998, 4,0 л.

За Веру и Верность. 300 лет ордена Андрея Первозванного. Выдающиеся кавалеры. Календарь, научно-художественное издание. Автор идеи, текста, составитель, научный редактор В.С.Хелемендик. – М., «Андреевский флаг», 1999, 4,0 л.

За Веру и Верность. 300 лет ордена Андрея Первозванного. Государственные деятели. Календарь, научно-художественное издание. Автор идеи, текста, составитель, научный редактор В.С.Хелемендик. – М., «Андреевский флаг», 1999, 4,0 л.

Б.М.Кустодиев. Серия «Национальная Слава России». Календарь. Научно-художественное издание. Автор идеи, текста, составитель, научный редактор В.С.Хелемендик. – М., «Андреевский флаг», 2001, 4,0 л.

Главные компоненты национального и социального статуса СМИ. Брошюра. Научное издание. – М.: Академия медиаиндустрии. 2013. 3,0 л.

II. Статьи в коллективных монографиях, сборниках научных трудов и периодических изданиях

На пользу революции (на укр. языке). Научная статья о творчестве публициста и поэта В.М.Блакитного (Эллана). – Киев, журнал «Витчизна», 1958, № 12, 1,2 л.

Пламенный поэт и коммунист (на укр. языке). Художественно-документальный очерк о В.М.Блакитном. – Чернигов, альманах «Десна», 1958, № 2, 0,8 л.

Червона двенадцатка (на укр. языке). Историко-художественный очерк. – Киев, журнал «Змина», 1960, № 8, 0,7 л.

Жизненный конфликт (на укр. языке). Рецензия. – Киев, журнал «Днипро», 1960, № 1, 0,5 .

Литературная Горловка (на укр. языке). Историко-критический очерк. – Киев, газета «Молодь Украины», 1960, 26 января, 0,4 л.

Редакции нашей глаза и уши. Статья. «Комсомольская правда», 1960, 17 августа.

Катя–Катюша (на болг. языке). Художественно-документальный очерк. София, газета «Народна младеж», 1961, 5 октября, 0,5 л.

«На вора, на жулика я иду открыто». Очерк. Журнал «Молодой коммунист», 1962, № 10, 0,5 л.

Магистральная тема. Статья. «Молодой коммунист», 1963, № 2, 0,7 л.

Кольцевой пресс-контроль. Статья. Журнал «Комсомольская жизнь», 1963, № 4, 0,3 л.

Земля и люди. Очерк. Донецк, газета «Комсомолец Донбасса», 1963, 26 июля.

Неподдающиеся. Очерк. Журнал «Молодой коммунист», 1963, № 8, 0,5 л.

Живи мечта! Очерк. Журнал «Сельская молодежь», 1964, № 1, 0,8 л.

Какая книга нужна селу? Научная статья. «Правда», 1967, 10 февраля, 0,4 л.

Проблемы координации и взаимодействия массовых средств пропаганды. // Вопросы теории и практики массовых средств пропаганды. – М., «Мысль», 1969, 2,0 л.

Вся правда в целом. Научная статья. Журнал «Советское радио и телевидение», 1969, № 3, 0,6 л.

По спирали. Научная статья. Журнал «Советское радио и телевидение», 1969, № 4, 0,8 л.

Союз пера, микрофона и телекамеры. Научная статья. «Правда», 1970, 31 января, 0,5 л.

Не рядом, а вместе! Научные статьи. Журнал «Телевидение. Радиовещание». 1971, №№ 2,3,6,7 (общий объем 3,0 л.).

Второе открытие. Научная статья. «Журналист», 1971, № 6, 0,5 л.

Из истории взаимодействия печати, радиовещания и телевидения в деле повышения трудовой и политической активности масс. – Киев, «Украинский исторический журнал» (на укр. языке), 1974, № 4, 1,0 л.

В центре полувекового тайфуна. Научная статья. Журнал «В мире книг», 1975, № 12, 0,9 л.

«Самое горячее, самое близкое моей душе дело...». Научная статья. Журнал «Телевидение. Радиовещание», 1975, № 12, 0,9 л.

Сердце, вместившее мир. Научная статья. Газета «Советская культура», 1975, 21 декабря, 0,4 л.

Побуждение к размышлениям. Рецензия. Журнал «Молодой коммунист», 1976, № 9, 0,4 л.

Нужен системный, комплексный подход. Научная статья. // Газета – орган партийного комитета. – М., Политиздат, 1976,1,0 л.

У истоков судьбы. Очерк. Историко-биографический альманах «Прометей». – М., «Молодая гвардия», 1977, 1,5 л.

Революцией призванный. Очерк. Журнал «Сельская молодежь», 1978, № 11, 0,4 л.

«Педагогика», год десятый. Статья. Журнал «Физическая культура в школе», 1979, № 1, 0,4 л.

Пером и винтовкой. Очерк. Журнал «Наш современник», 1980, № 4, 2,0 л.

Голоса эпохи. Журнал «Советский фильм», 1981, № 3, 0,2 л.

Некоторые вопросы координации идеологической, политико-воспитательной работы. Статья. Журнал «Вопросы истории КПСС», 1982, № 6, 1,7 л.

Условие счастья. Статья. «Советская культура», 1983, 19 мая, 0,6 л.

Важные факторы подготовки и использования учебника. // Проблемы школьного учебника, вып. 13. – М., «Просвещение», 1983, 0,8 л.

Растить гражданина, творца, созидателя. Статья. Газета «Книжное обозрение», 1984, 28 апреля, 0,3 л.

Система средств массовой информации и пропаганды в СССР. Координация деятельности СМИП, взаимодействие редакций газет, радиовещания и телевидения. // Средства массовой информации и пропаганды. Учебное пособие. – М., Политиздат, 1984, 0,8 л.

Школьная реформа и некоторые вопросы книгоиздания. // Современное советское книгоиздание: опыт и проблемы. – М., «Книга», 1985, 1,0 л.

Подлинная школа мысли. Журнал «Советская педагогика», 1986, № 6, 0,8 л.

Поиск продолжается: роль книги в реализации школьной реформы. Журнал «В мире книг», 1986, № 6, 0,9 л.

Притягательная сила книги. Журнал «Детская литература», 1986, № 9, 0,8 л.

«Педагогика» – школе. «Учительская газета», 1986, 25 сентября, 0,3 л.

Координация деятельности средств массовой информации и пропаганды. // Партийное руководство средствами массовой информации и пропаганды. – М., «Мысль», 1987, 1,2 л.

Перестраивать человека. Журнал «Воспитание школьников», 1988, № 2, 1,2 л.

О королях, Анжелике и педагогике. Еженедельник «Семья», 1988, № 7, 0,5 л.

Только каждый пятый... «Учительская газета», 1989, 18 марта, 0,25 л.

Проблемы перестройки педагогического книгоиздания. // Воспитательные функции средств массовой коммуникации: влияние на интересы детей и молодежи, 1989, 1,4 л.

Сплав традиций и новаторства. О состоянии современного педагогического книгоиздания. Журнал «Советская педагогика», 1990, № 11, 1,1 л.

Власть и СМИ (в соавторстве). // Средства массовой информации региона и властные структуры. – М., Российская Академия Управления, 1993, 1,5 л.

Не столкнуть вниз. О творческом наследии А.С.Макаренко. Беседа Г.Хиллига и В.Хелемендика. – М., газета «Педагогический вестник», 1994, № 4, 0,3 л.

Слово о Н.Н.Яковлеве. Статья. «Наш современник», 1997, № 10, 0,3 л.

Стержневая проблема духовного возрождения. Выступление. // «Круглый стол». Журнал «Наш современник», 1998, № 11-12. 0,2 л.

Святой Апостол Андрей Первозванный – покровитель России. Научная статья. // За Веру и Верность. – М.: изд-во «Андреевский флаг». 2000. 0,4 л.

Первый высший орден России. Научная статья. // За Веру и Верность. – М.: изд-во «Андреевский флаг». 2000. 0,6 л.

Верность Государю – Верность Отечеству. Научная статья. // За Веру и Верность. – М.: изд-во «Андреевский флаг». 2000. 0,9 л.

Признание. Статья. Журнал «Дитя человеческое». – М., 2001, 0,3 л.

Озаренный яснополянским светом. Вступительная статья. // Иван Наживин. Душа Толстого. – М., ИТРК, 2003, 0,6 л.

Некоторые проблемы взаимодействия СМИ (Ретроспективный взгляд). Научная статья. // Отечественное телевидение: традиции и новаторство. Часть 3. – М.: ИПК работников ТВ и РВ, 2006, 0,9 л.

Традиции и ценности Православия в региональной печати. Научная статья. Вестник электронных и печатных СМИ. № 5. Часть II. – М.: ИПК работников ТВ и РВ. 2008. 1,0 л.

К вопросу о понятиях «взаимодействие СМИ» и «конвергенция СМИ». Вестник электронных и печатных СМИ. – М.: ИПК работников ТВ и РВ. 2012. 1,2 л.

Информационный глобализм и информационная идентичность. // СМИ в эпоху глобализации (Материалы Всероссийской научно-практической конференции). Москва. 3 апреля 2012. – М.: ИПК ТВ и РВ. 2012. 2,0 л.

Конвергенция как современная форма взаимодействия СМИ. – «Журналист. Социальные коммуникации». Периодическое научно-практическое издание. – М.: 2013, № 3. 1,2 л.

Конвергенция как современная форма взаимодействия СМИ. – Проблемы современного образования. Электронное периодическое издание. – М.: Научно-информационный журнал РАО. 2013, № 3, 1,3 л.

Сплав традиций и новаторства. // Педагогические воззрения выдающихся отечественных деятелей: Антология в 4-х т. Т.4. Труды ученых и деятелей культуры, действующих членов Отделения образования и культуры РАО (сост. В.П.Демин, Т.С.Маркарова). – М.: НПБ им. К.Д.Ушинского, 2013, 1,5 л.

Публикации на иностранных языках

Erfahrungen und Probleme Gemeinschaftsarbeit. – Berlin, журнал "Neue Deutsche Presse", 1971, №1, 0,8 л.

Не редом, а заедно. – София, журнал "Български журналист", 1971. №8, 0,9 л.

Problemy wzaemnego oddzialywania masowych srodkow propagandy. В кн.: "Prasa ZSRR w swietle radzetskich prasoznawcow". – Krakow, 1973, 2,0 л.

Теоретически и практически проблеми на взаимодействито. В кн. "Журналистика. 1974" – София, "Наука и изкуство", 1975, 1,5 л.

A toll, a mikrofon e sa telekamera szovetege. – Budapest, журнал "Magvar Sauto", 1975, №2, 0,7 л.

Съюз на перото, микрофона и камерата. – София, "Български журналист", 1979, №2, 0,5 л.

Dialoge uber die Erziehung. – Frankfurt, журнал "Borseblatt", 1979, 24 august, 0,2 л.

"Педагогика" – детям. – София, газета "Учителско дело", 1986, 17 декември. 0,3 л.

Уайл ижжигалаах уягдуулан зохицуулах улаг. – Улан-Батор, журнал "Сетгуулг", 1987, №4, 0,5 л.

Makarenkovia dneska. – Bratislava, журнал "Svet sozializmu", 1989, №46, 0,5 л.

O uciteloch a ucitelstve. – Bratislava, журнал "Rodina a skola", 1989, №10, 0,4 л.

"Педагогический поиск" (на японском языке). Вступительная статья к одноименному сборнику, составление. – Токио, изд-во "Синдокусёся", 2002, 0,7 л.

Всего в 1958-2013 гг. опубликовано более 150 научных, научно-художественных, литературно-критических и публицистических работ.

Рецензии на книги

Союз пера, микрофона и телекамеры. (Опыт системного исследования). – М., «Мысль», 1977 г.

Б.Дацюк. Не рядом, а вместе... – «Журналист», 1978, № 5.

Е.Прохоров. Союз пера, микрофона и телекамеры. – «Телевидение. Радиовещание», 1978, № 6.

М.С.Черепахов. Книга о союзе «трех муз». – Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 10. Журналистика, 1979, № 5.

В.К.Скорупа, В.В.Шинкаренко. Обобщается опыт координации. – «Вопросы истории КПСС», 1979, № 7.

Н.Плахотный. В цехах журналистики. – «Коммунист», 1979, № 18.

* * *

Владимир Михайлов. Триумвиратъ пресса, радио и телевизия. – София, «Български журналист», 1978, № 11.

Marian Kowalski. Wspoldzalanie mediow w ZSRR. – Krakow, "Zeszyty prasoznawcze", 1980, №11.

Всеволод Вишневский. – М.: «Молодая гвардия», 1980 г. *Серия «ЖЗЛ».*

И.Д.Папанин. Верен эпохе. – «Правда», 1980, 14 ноября.

В.Свининников. «Сердце, вместившее мир...» – «Комсомольская правда», 1980, 8 ноября.

Г.Вятский. Рыцарь драматургии. – «Советская Россия». 1980, 16 октября.

А.Менделеев. Жизнь писателя-бойца. – «Неделя». 1980, 6-12 октября.

Анатолий Сафонов. Пером и винтовкой. – «Красная звезда». 1980, 26 декабря.

Л.Крайний. Вечный бой – оружием и словом. – «Коммунист вооруженных сил», 1980, № 22. С.88-92.

Иван Исаев. «Человек – легенда», «Огонек», 1980, № 44. С. 30.

С.Семанов. Всеволод Вишневский – писатель «напора, труда, драк, мук и побед...», «Новый мир» – 1980, № 12. С. 236-238.

Галина Кормушина. Писатель легендарной судьбы. – «Октябрь», 1980, № 11. С. 220-222.

Олег Михайлов. Неистовый новатор. – «Москва», 1981, № 5. С. 215-217.

М.Любомудров. «Главная тема – жизнь...» – «Звезда», 1981, № 12. С. 211-214.

Александр Субботин. Книга о писателе-бойце. – «Урал», 1981, № 1. С.169-171.

Александр Ольшанский. Ровесник века. – «Молодая гвардия». 1980, № 12. С. 281-285.

Б.Яковлев. «Сердце, вместившее мир». – «Литературное обозрение», 1981, № 5. С.62-64.

Николай Флеров. Новая книга о писателе–бойце. – «Морской сборник», 1980, № 12. С.81-82.

Б.Артемов. «Хочется ... написать по-новому». – «В мире книг», 1980, № 12. С. 66-67.

А.С.Макаренко. О воспитании. «Библиотека семейного чтения». – М.: Политиздат. 1988.

Л.Камалина. Страницы наследия выдающегося педагога. – Журнал «Воспитание школьников», 1988, № 5.

Научное редактирование

Детская энциклопедия. 3-е изд. Т. 9. Наша Советская Родина. – М.: «Педагогика», 1978, 71,2 л.

Энциклопедический словарь юного спортсмена. – М.: «Педагогика», 1979, 53,46 л.

Энциклопедический словарь юного филолога. – М.: «Педагогика», 1983, 45,78 л.

Энциклопедический словарь юного литературоведа. – М.: «Педагогика», 1988, 45,63 л.

Энциклопедический словарь юного зрителя. (Театр, кино, телевидение, цирк, эстрада). – М.: «Педагогика», 1989, 53,9 л.

А.Дитрих, Г.Юрмин, Р.Кошурникова. Почемучка. Научно-художественная энциклопедия для младших школьников. – М.: «Педагогика», 1987, 51,14 л.

Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства XIV-XVII вв. – М.: «Педагогика», 1985, 27,84 л.

Антология педагогической мысли России XVIII в. – М.: «Педагогика», 1985, 35,41 л.

Антология педагогической мысли России первой половины XIX в. – М.: «Педагогика», 1990, 47,05 л.

Педагогический поиск. Антология трудов педагогов-новаторов 80-х годов. – М.: «Педагогика», 1987, 32,05 л.

Влияние средств массовой коммуникации на интересы детей и молодежи. – М.: НИИ ОП АПН СССР, 1989, 5,0 л.

А.С.Макаренко сегодня: новые материалы, исследования, опыт. – Нижний Новгород, 1993, 14,5 л.

Н.Яковлев. Маршал Жуков. Научно-художественная биография. – М.: «Известия», 1995, 27,1 л.

В.Еремин. Воровской орден. Социологические очерки. – М.: «Известия», 1996, 17,19 л.

Н.Яковлев. Сталин: путь наверх (1879–1927 гг.). Научно-художественная биография. «Наш современник», 1997, №№ 10, 11, 12; 11,0 л.

Г.В.Кочегарова. Эстетические особенности экранной публицистики конца века. Монография. – М.: «Андреевский флаг», 2000, 7,0 л.

Всемирный доклад по социальным наукам (ЮНЕСКО). Редактор русской версии. – М.: ООО «Издательский дом «Магистр-пресс», 2002, 47,0 л.

М.А.Коробейников. Аграрная реформа: крестьянство и власть (Исторический опыт. Анализ. Прогноз). Монография. – М.: изд-во «Экономическая литература», 2002, 22,5 л.

Книга Доброты. Документально-художественное издание. – М.: Издательский образовательный и культурный центр «Детство. Отрочество. Юность», 2002, 78,0 л.

Евгений Рыбинский. Хроника добрых дел (К 15-летию Российского Детского фонда).

Историко-документальное издание. – М.: Издательский образовательный и культурный центр «Детство. Отрочество. Юность», 2002, 10,0 л.

Серия «История Человечества». Т. VIII. Россия. – М.: ООО «Издательский дом «Магистр–пресс», 2003, 107,0 л.

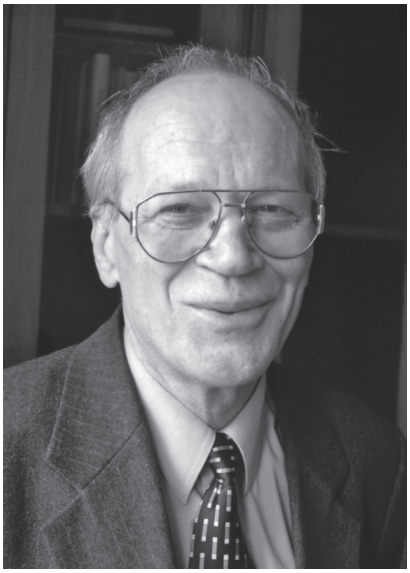
В период работы в издательстве «Педагогика» (1977–1992 гг.) входил в состав редакционных коллегий изданий:

Л.С.Выготский. Собрание сочинений (первое в мире) в 6-ти томах (1982–1984).

А.С.Макаренко. Педагогические сочинения в 8-ми томах (1983–1986).

К.Д.Ушинский. Педагогические сочинения в 6-ти томах (1988–1990).

Член редколлегий журналов «В мире книг» (1973–1991), «Советская педагогика» (1985–1991), «Педагогика» (2006 – по н/в).



Хелемендик Виктор Сергеевич

доктор исторических наук (1983), профессор (1987), член-корреспондент Российской государственной академии образования (1989), академик Российской академии естественных наук (1992), действительный член Международной академии образования им. Я.А. Коменского (2005), член Союза писателей СССР (1983).

Награды:

- медаль «За трудовую доблесть» (1962),
- премия Союза журналистов СССР за лучшую научную книгу года (1979),
- заслуженный работник культуры РСФСР (1983),
- орден Дружбы народов (1985),
- Почетная грамота Японской Ассоциации нравственного воспитания детей (2001),
- Почетная грамота Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям (2009).

В.С. ХЕЛЕМЕНДИК

ЖУРНАЛИСТИКА
ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ
ПЕДАГОГИКА
ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

Редактор - *Д. Сребницкая*
Дизайн - *С. Головко*

Отпечатано в типографии Академии медиаиндустрии. Формат - 70x90/16. Усл.печ.л. - 27,5.
Бумага офсетная. Гарнитура Ньютон. Тираж 100 экз. Заказ № 57.

Москва, ул. Октябрьская, 105, кор.2.